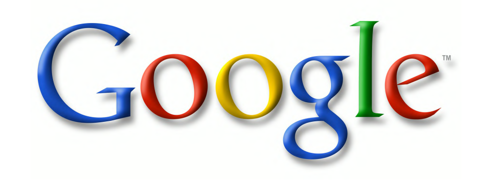
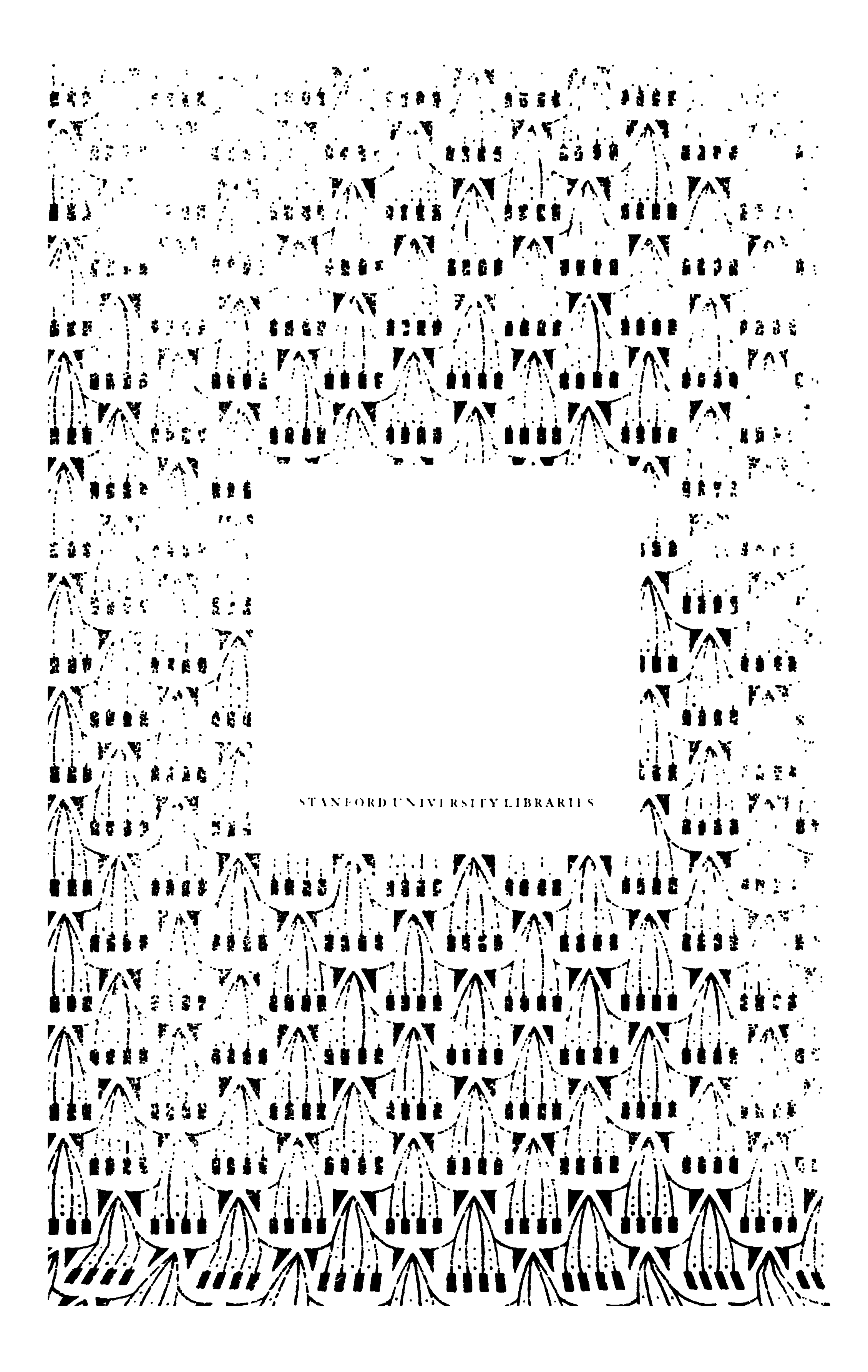

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Lemke, M. K.

3. Книгоиздательство М. В. ПИРОЖКОВА. Историческій отдѣлъ. № 3

МИХ. ЛЕМКЕ

ЭПОХА ЦЕНЗУРНЫХЪ РЕФОРМЪ 1859—1865 годовъ

Съ 4 портретами

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-литографія „Герольдъ" (Вознесенскій пр. № 3)
1904

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Страницы
	Предисловіе.	VII—VIII
	1859 годъ.	1 — 27
I.	Широкое общественное одушевленіе. Дружность и сила литературной атаки на старый порядокъ. Слабость и растерянность цензурнаго вѣдомства .	1
II.	Несостоявшееся министерство цензуры	14
	1860 годъ.	28 — 35
	Реорганизація главнаго управленія цензуры. Закрытіе „Bureau de la presse". Прежнее стѣсненіе мысли и слова. Слабые признаки приближающагося общественнаго раскола	28
	1861 годъ.	36 — 91
I.	Событія на Западѣ отражаются на настроеніи нашего общества. Мѣры противъ этого цензуры. Отставка Ковалевскаго. Назначеніе гр. Путятина. Дифференціація усиливается.	36
II.	П. А. Валуевъ	41
III.	Путятинъ проситъ поддержки Филарета. Мысль о передачѣ цензуры въ министерство внутреннихъ дѣлъ; поддержка ее Валуевымъ. Образованіе комитета для подготовительныхъ работъ въ этомъ направленіи. Созданіе „Сѣверной Почты". Отставка гр. Путятина	51
IV.	Коллективная „записка" русскихъ литераторовъ. .	59
V.	Отставка гр. Путятина. Назначеніе А. В. Головнина. Личность новаго министра просвѣщенія	83
VI.	Письмо Филарета московскому генералъ-губернатору	84

1862 годъ. 92 — 235

I. Выходъ „Сѣверной Почты“. Первый реакціонный органъ. „Отцы и дѣти“. Торжество Каткова 92
II. Призывъ цензуры къ бдительности. Результатъ работы комитета 1861 года 100
III. Отвѣты цензоровъ и литераторовъ на запросъ Головнина о желательныхъ въ будущемъ цензурныхъ реформахъ 108
IV. Дѣло тверскихъ мировыхъ посредниковъ. Высылка проф. П. В. Павлова. Докладъ Головнина въ совѣтѣ министровъ. Знаменательный указъ 10-го марта . . 124
V. Образованіе комиссіи кн. Д. А. Оболенскаго для общаго пересмотра цензурнаго законодательства . 132
VI. Распространенность герценовскихъ изданій въ Россіи. Протестъ 106 офицеровъ. Проектъ кн. Одоевскаго. Допущеніе въ Россію брошюръ Шедо-Ферроти. Катковъ впервые называетъ Герцена по имени. За нимъ стараются другіе. Головнинъ торжествуетъ. 135
VII. Окончательная дифференціація общественныхъ силъ. Громы Каткова противъ русской эммиграціи. Его извѣстная „Замѣтка“. Какъ отнеслись къ ней печать, общество и Головнинъ. Благонамѣренность московскихъ публицистовъ. 155
VIII. Обнародованіе „временныхъ правилъ“ 12 мая. Ихъ явная цѣль. Статья по этому поводу „Библіотеки для Чтенія“. Заказанный отвѣтъ ей въ „Сѣверной Почтѣ“ 166
IX. Пріостановка „Современника“ и „Русскаго Слова“. Воспрещеніе Аксакову продолжать изданіе „Дня“. Его скорая отмѣна. Письмо Ѳ. В. Чижова Головнину. Закрытіе II отдѣленія Литературнаго Фонда и Шахматнаго клуба 179
X. Расширеніе иностраннаго отдѣла, какъ компенсація за безсодержательность внутренняго. Премированные органы. Докладъ Головнина объ активномъ направительствѣ 189
XI. Что отвѣчала нереакціонная печать на обѣщанія облегчить ея положеніе 193
XII. Проектъ комиссіи кн. Оболенскаго 202
XIII. М. Е. Салтыковъ о проектѣ коммисіи кн. Оболенскаго 210
XIV. Валуевъ и „абскуранты, взявшіе ордъ“. „Современное Слово“ и вниманіе къ нему цензуры. Благонамѣренное освѣщеніе французскаго политическаго процесса. Статьи о Гарибальди. Рекрутскій наборъ и тысячелѣтіе Россіи. Обезцвѣчиваніе иностраннаго отдѣла. Надзоръ за печатью слѣдственной комиссіи кн. Голицына. Инцидентъ съ

„Кіевскимъ Телеграфомъ". Неблагонадежность „Ясной Поляны". Разлиберальничавшійся Краевскій. Головнинъ прекрасно аттестуетъ литературу . . . 219

1863 годъ. 236 — 344

Катковъ начинаетъ „Московскія Вѣдомости". Планы на нихъ Головнина. Ихъ безрезультатность. Начало „Голоса" Краевскаго. Полемика о независимости и самостоятельности субсидированной газеты. Къ исторіи „Очерковъ" 236
I. Проектъ комиссіи кн. Оболенскаго встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе. Головнинъ оффиціально отрекается отъ своей къ нему прикосновенности. Докладъ его 10-го декабря. Отвѣтъ кн. Оболенскаго . 246
III. Докладъ Головнина 10-го января 1863 года. Передача цензурнаго вѣдомства полностью въ министерство внутреннихъ дѣлъ 260
IV. Растерянность Валуева. Организація новаго управленія. Первый циркуляръ Валуева. „Благонамѣренность", „нигилизмъ" и „мальчишество" въ опредѣленіи Салтыкова 268
V. Европа и польское возстаніе. Тревожное настроеніе общества. Валуевъ дѣйствуетъ рѣшительно. Запрещеніе „Времени" и „Современнаго Слова". Погодинъ. 276
VI. Сила и вліяніе Каткова 286
VII. Ограниченія малорусской литературы 295
VIII. Распоряженія по цензурѣ. Шедо-Ферроти о Герценѣ. Аттестаціи Валуева цензурѣ и литературѣ 309
IX. Работы второй комиссіи кн. Оболенскаго 317
X. „Русское Слово" и „С.-Петербургскія Вѣдомости" о проектѣ комиссіи. Объясненіе „Современника". Отвѣтъ Головнина Валуеву 333

1864 годъ. 345 — 373

I. „Московскія Вѣдомости" и ихъ характеристика „Современникомъ". Выдающіяся распоряженія Валуева за годъ. Инцидентъ съ книгой Шедо-Ферроти. Записка Пржецлавскаго 345
II. Бар. Корфъ о проектѣ Валуева 357
III. Отвѣты гр. Панина и Замятнина. Представленіе Валуева въ государственный совѣтъ 368

1865 годъ. 374 — 426

I. Катковъ и Леонтьевъ хотятъ бросить „Московскія Вѣдомости". Ходъ дѣла въ Петербургѣ. Постановленіе московскаго дворянства. Пріостановка „Вѣсти". Рескриптъ Валуеву 374

II. *Последнія отвѣты Валуеву.* **Мнѣніе Н. И. Тургенева.** *Разсмотрѣніе проекта въ департаментѣ законовъ. Переходъ его въ общее собраніе. Обратная передача департаменту* 377
III. *Второе общее собраніе государственнаго совѣта.* **Утвержденіе его мнѣнія — законъ 6 апрѣля 1865 г. Нѣкоторыя о немъ замѣчанія. Комментаріи „Сѣверной Почты“, Салтыкова и Некрасова** 389
IV. **Защита Аракчеева. Молчаніе о земствѣ, „Народная Лѣтопись“ и ея пріостановка. „Земскія силы“ Боборыкина** 398
V. **Валуевъ усиленно подготовляетъ почву для насажденія новаго закона** 402
VI. **Какъ печать встрѣтила введеніе закона 6 апрѣля** . 417
VII. **Первыя пять предостереженій печати. Инцидентъ съ „Московскими“ и „С.-Петербургскими Вѣдомостями“** 426

Головнинъ и Валуевъ въ роли литературныхъ критиковъ и публицистовъ . 439—512

Литература и журналистика 1862 года въ оцѣнкѣ Головнина и гр. Канниста 440
Происхожденіе „Собранія матеріаловъ“. Его цѣль и основныя убѣжденія при оцѣнкѣ литературы . . 448
Аттестація чистому искусству. Группировка русскихъ поэтовъ. Первая группа — съ фетовщиной во главѣ 453
Поэты, перешедшіе отъ романтизма къ соціализму. 462
Поэты-славянофилы и Шевченко 467
„Отрицатели и обличители“. „Перелагатели пауперизма и соціализма на русскіе нравы“. „Эпиграмматисты, пасквилисты и нигилисты“ 475
„Что дѣлать?“ „Бѣдные люди“. Щедринъ. „Отцы и дѣти“. „Записки охотника“. „Семейная хроника“. „Наканунѣ“. Гончаровъ и гр. Л. Н. Толстой . . . 486
Драматическая литература. Островскій 496
Общая характеристика журналистики за 1863 и 1864 годы. Характеристика отдѣльныхъ органовъ. . 501

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ слишкомъ тысячелѣтней исторіи Россіи не было момента болѣе замѣчательнаго, чѣмъ такъ называемые «шестидесятые годы», чѣмъ десятилѣтіе 1855—1865 г.г. Переоцѣнка и перестройка всего нашего прошлаго—вотъ содержаніе этого періода государственной и еще болѣе—общественной русской жизни. Въ ряду подлежащихъ такой переоцѣнкѣ и перестройкѣ учрежденій едва-ли ни впереди многихъ другихъ, если ни всѣхъ, стояла, конечно, цензура. Сдавленное желѣзными обручами тридцатилѣтней ковки—предшествовавшую ей помнили уже плохо—русское общество *единогласно* высказывалось теперь, послѣ 18 февраля 1855 года, за необходимость немедленнаго предоставленія себѣ свободы слова. Подъ натискомъ общественнаго мышленія началась эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 годовъ. Ни одно учрежденіе не потребовало столькихъ лѣтъ, сколько было употреблено на увѣнчаніе этихъ реформаторскихъ усилій уставомъ 1865 года, и потому, несомнѣнно, эта продолжительная работа заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія общества и изученія историковъ. Уставъ 1865 года былъ, по моему мнѣнію, зеркаломъ истинной цѣнности всѣхъ реформъ... Прослѣдить же, какъ отражалось общественное настроеніе на ходѣ законодательства и вообще регулированія печатной мысли—особенно полезно и интересно, тѣмъ болѣе, что такихъ работъ,

которыя бы проливали свѣтъ на все указанное семилѣтіе именно съ этой точки зрѣнія, у насъ все еще нѣтъ. Вышедшая, съ полгода назадъ, работа К. К. Арсеньева — «Законодательство о печати», представляющая первый выпускъ серіи изданій: «Великія реформы 60-хъ г.г. въ ихъ прошломъ и настоящемъ», тоже ничего не дала по этому вопросу просто потому, что почтенный публицистъ начинаетъ тамъ, гдѣ я кончаю. Такимъ образомъ, его въ высшей степени интересная книга можетъ ознакомить только съ цензурой 1865 — 1903 г.г. и потому является прекраснымъ источникомъ для ознакомленія съ дальнѣйшимъ развитіемъ вопроса, задуманнаго, начатаго и конченнаго въ взятое мною семилѣтіе. Это, конечно, не значитъ, что я хочу вполнѣ заполнить обидный пробѣлъ; моя единственная цѣль—сдѣлать его менѣе замѣтнымъ *).

Въ заключеніе считаю долгомъ принести здѣсь свою искреннюю благодарность М. А. Антоновичу, А. И. Браудо, И. А. Бычкову, Н. М. Лисовскому, В. И. Семевскому и Вс. И. Срезневскому за то содѣйствіе, которое они оказали мнѣ при составленіи настоящаго изслѣдованія.

Мих. Лемке.

21 декабря 1903 г.
С.-Петербургъ.

*) О работѣ Н. Энгельгардта: „Цензура въ эпоху великихъ реформъ (1855—75 г.г.)“, печатавшейся въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1902 г., IX—XII), я предпочитаю нигдѣ ниже не упоминать: этотъ эртелевскій „историкъ“ во главу угла поставилъ убѣжденіе въ цѣлесообразности и необходимости цензуры вообще...

1859 годъ.

I.

Широкое общественное одушевленіе. Дружность и сила литературной атаки на старый порядокъ. Путаница въ понятіяхъ обскурантовъ-досмотрщиковъ. Слабость и растерянность цензурнаго вѣдомства.

Необыкновенно цѣнную мысль высказалъ покойный Н. В. Шелгуновъ, говоря о своемъ прошломъ: «Шестидесятые года слишкомъ серьезное явленіе въ исторической жизни Россіи, и они заключали въ себѣ такую всеобщую обновляющую силу, что о них слѣдуетъ или совсѣмъ не говорить, или говорить только съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ къ людямъ и идеямъ того времени и къ вожакамъ общественнаго сознанія, какое вызывается величіемъ самаго явленія и прогрессивнымъ мѣстомъ, которое оно занимаетъ въ ряду другихъ явленій русской исторіи. И второстепенные дѣятели, и рядовая масса, шедшая впередъ, занимаютъ такое же почетное мѣсто» [1]).

Именно благоговѣйное уваженіе и высокій почетъ должны встрѣчать люди и общество, давшіе намъ небывалый расцвѣтъ интеллектуальной и моральной общественной дѣятельности. Никто изъ нихъ не отвѣтственъ за послѣдующее, по прекрасному выраженію Н. Ѳ. Анненскаго, «мучительное скитаніе въ пустынѣ» [2]). Иначе и нельзя относиться къ людямъ, насквозь проникнутымъ идеей свободы, создавшей всѣ реформы и ставшей ключемъ къ цѣлой эпохѣ.

Точно, слѣдуя закону равенства угловъ паденія и отраженія, русское общество середины пятидесятыхъ годовъ, немедленно вслѣдъ за окончаніемъ крымской войны, дох-

---

[1]) „Воспоминанія“, Сочиненія, II, изд. 2-е, Спб. 1895 г. 657—658.

[2]) „Сорокъ лѣтъ назадъ“ сборникъ „На славномъ посту“, 1900 г., 431.

нуло такъ глубоко и мощно, что многіе цѣпи и обручи мгновенно лопнули. «Все, что было въ Россіи интеллигентнаго, съ крайнихъ верховъ и до крайнихъ низовъ, начало думать какъ оно еще никогда прежде не думало... Всѣ стали думать и думать въ одномъ направленіи, въ направленіи свободы, въ направленіи разработки лучшихъ условій жизни для всѣхъ и для каждаго» [1]. «Всѣмъ, казалось, было ясно,—говоритъ другой современникъ,—что нельзя идти далѣе тѣмъ путемъ, по которому шли до сихъ поръ. Необходимъ былъ выходъ изъ того положенія вещей, несостоятельность котораго стала очевидна. Въ поискахъ этого выхода общественная мысль сильно разбрелась. Рядомъ съ глубокими и сильными теченіями можно было видѣть мелкія и поверхностныя; рядомъ со смѣлыми и широко захватывающими планами общественнаго преобразованія,—дѣтскія измышленія, чуждыя всякой перспективы. Но всѣ эти теченія, при всемъ различіи въ ихъ силѣ, глубинѣ и значеніи шли въ *одномъ* общемъ *направленіи*. Все общественное движеніе представлялось одною широкою, поднимающеюся волною, захватывающею собою и правящія сферы, и средніе круги обывателей, не совсѣмъ чуждыхъ общественнымъ интересамъ, и передовые ряды интеллигенціи страны. Движеніе казалось, быть можетъ, болѣе широкимъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ, благодаря тому, что элементы, ему враждебные, растерявшіеся и смятые первымъ натискомъ новыхъ теченій, не могли дать имъ открытаго отпора,—а глухому и пассивному сопротивленію.—оказавшемуся впослѣдствіи такимъ губительнымъ для преобразовательной работы,—не придавали тогда того значенія, которое оно, къ несчастію, имѣло» [2].

Другой современникъ этой славной эпохи пишетъ: «Въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ въ русскомъ обществѣ царило такое громадное оживленіе, такая жажда дѣятельности, что каждый человѣкъ, дѣлавшій что-нибудь полезное и хорошее для другихъ, не останавливался на одномъ какомъ-нибудь дѣлѣ и только. Нѣтъ, и младъ, и старъ, всякій изъ дѣйствующихъ у насъ былъ наполненъ такой энергіей, что справлялъ на службѣ въ своемъ депар-

---

[1] *Н. В. Шелгуновъ*, н. с., 677.
[2] *Н. Ѳ. Анненскій*, н. с., 432.

таментѣ, въ министерствѣ. въ конторѣ, управленіи,—а женщины — у себя дома въ семействѣ, все, что только было надо, и справлялъ честно, заботливо, добросовѣстно, но тутъ же находили время и охоту дѣлать множество другого, столько же, а, можетъ, и еще болѣе важнаго, по ихъ понятію. Такъ каждому казалось,—и слава Богу, что такъ казалось. Чтó влюбленному всегда кажется? Кажется, чтó онъ ни говори своей возлюбленной, что ни дѣлай, что ни предпринимай цѣлый день, какими полубезумными глазами на нее ни гляди — все мало, все мало. Въ сто разъ надо еще больше. И оттого у него идетъ такое блаженное время, такое полное тревогъ, порывовъ, громадныхъ скачковъ, огня и счастья, что тутъ много такого произойдетъ, чего потомъ и во всю остальную жизнь никогда ужъ онъ не забудетъ. Такъ-то вотъ точь въ точь было съ русскими людьми въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ. Они были всѣ, точно, влюбленные, точно, женихи и невѣсты, у которыхъ кровь кипитъ и виски бьются, а глаза горятъ. Никому не сидѣлось на мѣстѣ. Метались, словно, въ любовномъ чаду, поднимающемъ всѣ силы и устремляющемъ на чудныя рѣчи и дѣла» [1]).

Намъ, современникамъ иной эпохи, даже какъ-то странно слышать о такомъ необыкновенномъ общественномъ подъемѣ — до того онъ кажется сказочнымъ; и въ этомъ-то и проявляется истинное величіе шестидесятыхъ годовъ, можетъ быть, лучше, чѣмъ въ чемъ-нибудь другомъ.

Но и этого «другого» въ имѣющейся литературѣ болѣе чѣмъ достаточно. Стоитъ, напримѣръ, прочесть недавно напечатанныя выдержки изъ дневника М. И. Михайлова, чтобы видѣть, какъ встрѣчало его повсемѣстно сибирское общество [2]).

Кому неизвѣстенъ обликъ николаевца-офицера, этого чужака всякому прогрессивному движенію? А между тѣмъ, блестящая эпоха русской общественности знаетъ не одинъ мундиръ, слившійся съ толпою сюртуковъ и фраковъ. «Офи-

---

[1]) *В. В. Стасовъ*, „Воспоминанія о моей сестрѣ“, „Книжки Недѣли“, 1896 г., IV, 165—166.

[2]) *Н. Бѣлозерскій*, „Отъ Петербурга до Нерчинска“, „Русская Мысль“, 1902 г., XII.

церы выходили въ отставку, чтобы открыть книжную торговлю, заняться издательствомъ или основать журналъ» [1]).

Какъ только въ Одессѣ стало извѣстно изъ иностранныхъ газетъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ людей (1857 г.), студенты Новороссійскаго университета первые привѣтствовали «зарю святого искупленія» [2]). «Образовался сильный приливъ жаждущихъ знанія слушателей всѣхъ возрастовъ, половъ и состояній въ пустыя до сихъ поръ аудиторіи. Всѣ элементы и силы общества пришли въ живое движеніе, которое не могло не сообщиться молодежи» [3]).

«Подъ вліяніемъ духа времени... въ 6-мъ и 7-мъ классахъ нашей almae matris (полтавской гимназіи) мы переживали тотъ періодъ формированія идеаловъ, характера и личности человѣка, какой переживается молодыми людьми обыкновенно въ университетѣ. Конецъ 50-хъ годовъ былъ особеннымъ временемъ, когда 15-ти, 16-тилѣтніе юноши имѣли уже, каждый, свое опредѣленное міровоззрѣніе и ясно представляли себѣ характеръ своей будущей дѣятельности. Многіе остались и понынѣ вѣрны этому характеру, при всемъ разнообразіи ихъ профессій, положенія и вообще судьбы» [4]).

Въ подтвержденіе каждаго изъ указанныхъ фактовъ можно бы было привести массу личныхъ свидѣтельствъ, но едва-ли это нужно. Сказаннаго совершенно достаточно, чтобы возобновить въ памяти читателей абрисъ эпохи, достойной почета и уваженія.

Секретъ силы такого общественнаго напряженія заключался именно въ томъ, что *всѣ* очнулись, *всѣми* овладѣло критическое отношеніе къ прошлому, *всѣмъ* хотѣлось перемѣнъ.

Литература, разумѣется, вторила общему голосу, часто шла впередъ и тогда честно вела за собой всѣ лучшіе элементы страны. Вступивъ въ новую эпоху съ напутствіемъ Чернышевскаго, полученнымъ, въ 1855 г., на публичномъ

[1]) *Н. В. Шелгуновъ*, н. с., 654.
[2]) *Н. И. Пироговъ*, „Университетскій вопросъ“, 1863 г., 76.
[3]) *В. Д. Спасовичъ*, Сочиненія, IV, 52.
[4]) *С. Н. Кулябко*, „Воспоминанія о Н. И. Пироговѣ“, „Рус. Старина“, 1892 г., IX, 729.

диспутѣ, въ скромной аудиторіи петербургскаго университета, русская литература, услышавъ въ немъ отчасти и голосъ своего уже умершаго вождя, Бѣлинскаго — твердо пошла по логически неизбѣжной дорогѣ; «фантастическіе полеты» были оставлены. «Пусть искусство довольствуется своимъ высокимъ прекраснымъ назначеніемъ: въ случаѣ отсутствія дѣйствительности быть нѣкоторою замѣною ея и быть для человѣка учебникомъ жизни... Воспроизведеніе жизни — общій характеристическій признакъ искусства, составляющій сущность его; часто произведенія искусства имѣютъ и другое значеніе — объясненія жизни; часто имѣютъ они и значеніе приговора о явленіяхъ жизни» [1]— вотъ это знаменательное напутствіе, встрѣтившее два разныхъ пріема. Публика, биткомъ набившаяся въ аудиторію, и литература привѣтствовали диссертацію, какъ напутственное благословеніе на широкую, великую, честную работу; учебное вѣдомство конфисковало ее, положивъ этимъ крестъ на офиціально-ученой карьерѣ желавшаго магистерской степени Чернышевскаго. Но не прошло пятилѣтія, какъ Николай Гавриловичъ увидѣлъ торжество своей проповѣди: вся русская литература и журналистика шла по указанному имъ пути. Мысль Чернышевскаго до того претворилась въ общемъ сознаніи, что никому не хотѣлось вѣрить ея недавней новизнѣ.

Дружно работала литература; отмѣна крѣпостного рабства и борьба за свободу личности была аннибаловой клятвой цѣлаго поколѣнія. Видя новое направленіе правительственной политики, общество громко высказывалось за дарованіе себѣ, въ числѣ другихъ примитныхъ правъ, права свободы печати. Съѣхавшіеся въ Петербургъ депутаты дворянства подаютъ государю адреса, въ которыхъ просятъ свободы печати.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и началѣ шестидесятыхъ русское общество не знало консервативной, охранительной печати; вся она несла въ себѣ идею оппозиціи старому укладу, стремленіе къ реформамъ; разница была лишь въ краскахъ и тонахъ. Дифференціація, хорошо знакомая намъ

[1]) *Н. Чернышевскій*, „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“, Спб., 1855 г., 101—103.

теперь, наступила, какъ увидимъ, позже. Грамотная Россія не могла слышать печатнаго призыва къ прошлому—послѣднее *всею* литературою предавалось проклятію.

Для иллюстраціи этого дружнаго цѣлаго, въ которомъ ассимилировались раздѣлившіяся потомъ «направленія», остановлю вниманіе читателя на очень интересныхъ документахъ изъ исторіи гоненія славянофиловъ.

Въ 1858 году московскій генералъ-губернаторъ, знаменитый графъ Закревскій представилъ шефу жандармовъ и главноуправляющему III-мъ Отдѣленіемъ, кн. В. А. Долгорукову, «Записку о разныхъ неблагонамѣренныхъ толкахъ и неблагонамѣренныхъ людяхъ» и «Списокъ подозрительныхъ лицъ въ Москвѣ».

Послѣ указанія на славянофиловъ, какъ на тайное политическое общество, гр. Закревскій рекомендовалъ въ своей «Запискѣ» обратить самое строгое вниманіе на слѣдующія московскія изданія:

«1. *Русскій Вѣстникъ*. Редакторы: Катковъ и Леонтьевъ. Цензоръ Фонъ-Краузе.

«2. *Атеней*. Редакторъ Коршъ, сотрудники: Кетчеръ и другіе. Цензоръ тотъ же.

«3. *Московскія Вѣдомости*. Редакторъ Коршъ.

«Всѣ эти изданія — писалъ онъ — расходятся въ большомъ числѣ экземпляровъ, читаются пылкою, неопытною молодежью и даютъ направленіе общему мнѣнію. Элементы, которые могутъ послужить неблагонамѣреннымъ людямъ, чтобы произвести переворотъ въ государствѣ, слѣдующіе:

«*1. Крестьянскій вопросъ*—орудіе для возбужденія крестьянъ противъ помѣщиковъ, а послѣднихъ противъ правительства.

«*2. Безсрочно-отпускные нижніе чины.*

«*3. Раскольники.* Имъ стараются внушать, что они напрасно надѣются на милосердіе царя, а должны ожидать всего отъ перемѣны образа правленія.

«*4. Фабричный народъ.* Этотъ классъ людей давно подготовляется уже къ безпорядкамъ разными иностранными механиками и мастерами на фабрикахъ.

«*5. Театральныя представленія.* Актеръ Щепкинъ, на одномъ изъ своихъ вечеровъ, подалъ мысль, чтобы авторы писали піесы, заимствуя сюжеты изъ сочиненій Герцена, и дарили эти піесы бѣднымъ артистамъ на бенефисы.

«6. *Распространеніе сочиненій Герцена.* Въ прошедшемъ году, во время ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ продолженіе зимы, одинъ изъ сыновей Щепкина уѣзжалъ нѣсколько разъ изъ Москвы и, какъ говорятъ, развозилъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ запрещенныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ. Въ настоящее время, какъ слышно, тайные агенты заняты распространеніемъ изданной Герценомъ книги — «Толкованіе Евангелія».

Такова была «Записка»... «Списокъ» еще болѣе интересенъ, потому что изъ него ясно видно, какъ формулировалась въ головѣ крѣпостника-бюрократа идейная близость лучшихъ людей Москвы.

К. С. Аксаковъ, И. С. Аксаковъ[1], А. С. Хомяковъ, А. И. Кошелевъ, А. О. Армфельдъ и С. А. Масловъ, оказывались виновными только лишь въ славянофильствѣ; Ю. Ѳ. Самаринъ характеризовался, какъ «славянофилъ и литераторъ, желающій безпорядковъ и на все готовый»; М. Н. Катковъ—«западникъ и издатель журнала «Русскій Вѣстникъ»; В. А. Кокоревъ (откупщикъ) — «западникъ, демократъ и возмутитель, желающій безпорядковъ»; И. Ѳ. Мамонтовъ (купецъ 1-й гильдіи) — «другъ Кокорева и товарищъ его во всѣхъ предпріятіяхъ»; П. Н. Степановъ (прапорщикъ) — «помощникъ Кокорева по сочиненію статей»; Н. Х. Кетчеръ[2] — «у него бываютъ сборища съ неблагонамѣренными замыслами»; Е. И. Якушкинъ—«сынъ ссыльнаго Якушкина, прикосновеннаго къ 14 декабря 1825 г.»; К. Т. Солдатенковъ (извѣстный книгоиздатель) — «раскольникъ, западникъ, пріятель Кокорева, желающій безпорядковъ и возмущеній»; М. П. Погодинъ — «корреспондентъ Герцена, литераторъ стремящійся къ возмущенію»; Н. Ѳ. фонъ-Краузе (цензоръ) — «пріятель всѣхъ западниковъ и славянофиловъ, другъ Каткова, корреспондентъ Герцена, готовый на все и желающій переворотовъ»; Н. Ф. Павловъ— «литераторъ, корреспондентъ Герцена и готовый на все»; кн. Ю. А. Оболенскій — «корреспондентъ Герцена»; кн. Н. Н. Голицынъ — «корреспондентъ Герцена»; М. С. Щепкинъ (артистъ) — «желаетъ переворотовъ и на все готовый», сынъ его Н. М.

---

[1] Въ подлинникѣ оба брата названы „Тимофѣевичами", вмѣсто „Сергѣевичи".

[2] Названъ „Яковлевичемъ" вмѣсто „Христофоровича".

Щенкинъ—«дѣйствуетъ одинаково съ отцомъ»; Геръ Осипъ (купецъ) — «агентъ Кокорева и на все готовый»; П. Я. Никулинъ—«желаетъ безпорядковъ и готовъ на все»; Козловъ (учитель русской словесности) — «изъ числа вертепниковъ»; А. Котляревскій (студентъ) — «изъ числа вертепниковъ, но принималъ въ ономъ участіе менѣе другихъ»; И. Разсадинъ (учитель географіи) — «изъ числа вертепниковъ, готовый на все»... Безъ всякой особой аттестаціи оставлены въ спискѣ подозрительныхъ лицъ: тит. сов. Г. Я. Апельротъ, кол. регистр. Н. Сатинъ, надв. сов. И. Бабстъ, кол. сов. М. Китара [1]).

Гр. Закревскій не ошибался въ одномъ, когда посылалъ въ Петербургъ этотъ списокъ 30 «демагоговъ»: всѣ они и тысячи, стоявшія за ними, желали скорѣйшей смерти того режима, который подарилъ Москву столь знаменитымъ «отцомъ-благодѣтелемъ»... И если не всѣ указанные имъ «корреспонденты Герцена» дѣйствительно несли эту обязанность, то о славянофилахъ самъ издатель «Колокола» отзывался какъ о *«противникахъ*, которые были ближе намъ многихъ *своихъ»*, какъ о благородныхъ, неутомимыхъ дѣятеляхъ, съ которыми «была *одна* любовь, но не *одинакая*» [2]). Повторяю — *всѣ* — вотъ секретъ силы и литературной атаки на руины стараго русскаго уклада.

Насколько сильна была эта дружная атака, можно судить хотя-бы по отзыву московскаго митрополита Филарета, высказанному имъ въ концѣ отчета о состояніи епархіи за 1859 г.: «Печальное зрѣлище представляетъ, и еще болѣе печальныя опасенія внушаетъ, порицательная и кощунственная литература, столько-же, если не болѣе, необузданная и распространенная, какъ въ извѣстномъ европейскомъ государствѣ прошедшаго столѣтія, гдѣ она оказалась разрушительною. Званія, должности, лица, — все подвергается жестокимъ порицаніямъ и изображается въ безобразіи до невѣроятности преувеличенномъ и исполненномъ клеветы. Не нужно указывать многихъ примѣровъ: ими исполнены повременныя изданія..... Господь да управитъ мудрость Святѣйшаго Синода и православнаго правитель-

[1]) „Русск. Арх.", 1885 г., VII.
[2]) „Колоколъ", 1861 г., № 90, 15 января.

ства къ изысканію средствъ врачебныхъ и охранительныхъ» [1]).

Къ великому негодованію московскаго архипастыря «изысканіе средствъ врачебныхъ и охранительныхъ» давалось не безъ труда. Разъ выпущенная на поиски свободы самымъ фактомъ общественнаго сознанія своей первостепенной важности, литература до тѣхъ поръ не «вошла въ оглобли», пока не перемѣнилось общественное настроеніе. Въ серединѣ 1860 года, года апогея поднимавшейся волны общественнаго настроенія эпохи — будущій впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія, Головнинъ, писалъ кн. А. И. Барятинскому: «цивилизація идетъ впередъ, необходимость въ просвѣщеніи даетъ себя чувствовать, *а извѣстныя идеи распространяются въ воздухѣ, несмотря на всѣ полиціи и всѣ цензуры*". [2]) Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Левшинъ, тоже категорически заявляетъ, что «несмотря на запрещенія, журналы постоянно наполнялись статьями по крестьянскому вопросу» [3]).

Не менѣе интересно свидѣтельство бар. М. А. Корфа, никогда не отличавшагося искреннимъ желаніемъ свободы для нашей литературы и ни одинъ разъ возстававшаго противъ нея. Между тѣмъ, когда въ 1864 году, ему пришлось отвѣчать на вопросъ, отчего вдругъ выросла свобода печати начала шестидесятыхъ годовъ, онъ не могъ отвѣтить иначе, какъ въ такихъ выраженіяхъ:

«Еще очень недавно надзоръ цензурный, со стороны его дѣйствительности, не оставлялъ ничего желать. Происшедшая съ того времени перемѣна *не была послѣдствіемъ преднамѣреннаго, заранѣе обдуманнаго плана. Въ постановленіяхъ цензурныхъ не послѣдовало въ истекшіе годы никакихъ существенныхъ измѣненій;* въ цензора назначались люди не менѣе благонадежные; напротивъ увеличенное содержаніе и другія преимущества еще облегчили выборъ вполнѣ способныхъ къ этой должности; попеченія высшаго правитель-

[1]) „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ, издаваемое подъ редакціей преосв. Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго", М. 1886 г., IV, 513—514.

[2]) *Н. Барсуковъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина", XVII, 195.

[3]) „Рус. Архивъ" 1885 г., VIII, 541.

ства о предупрежденіи заблужденій печати не прекращались и не ослабѣвали; напротивъ, никогда не было столько, сколько въ послѣднее время, заботъ и стараній о бдительнѣйшемъ надзорѣ за литературою. Были создаваемы даже особыя учрежденія собственно съ цѣлью направлять общественное мнѣніе[1]). Но всѣ усилія, въ окончательномъ результатѣ, приводили къ послѣдствіямъ, прямо противнымъ желаемому. Причину сему можно, очевидно, искать въ измѣненіи той обстановки, той атмосферы, которою прежде окружена была цензура и которая дѣлала существованіе ея естественнымъ и логическимъ. Появились новыя условія жизни, вездѣ бывшія смертнымъ приговоромъ цензуры. *Оказалось, что когда въ обществѣ возникаетъ истинная потребность свободно высказываться, правительству дѣлается невозможнымъ противодѣйствовать сему, потребность эта обращается въ неудержимую силу, отъ которой не спасется и офиціальный кругъ*, ибо и онъ дышетъ однимъ воздухомъ со всѣми. Мы безпрестанно видѣли это на событіяхъ истекшихъ годовъ. Цензоры, прежде пользовавшіеся репутаціею строгости, вдругъ стали на все смотрѣть сквозь пальцы»[2]).

Просмотръ журналистики конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ и сравненіе ея содержанія съ офиціальной литературой цензурнаго вѣдомства въ видѣ безконечныхъ циркуляровъ и предложеній — былъ бы еще болѣе убѣдителенъ, но я умышленно остановился на свидѣтельствахъ выдающихся правительственныхъ агентовъ, чтобы показать, гдѣ, въ сущности, корень той относительной свободы, которая отмѣчаетъ русскую литературу интересующей насъ эпохи. Внимательное и вдумчивое изученіе этого въ высшей степени важнаго вопроса приводитъ къ выводамъ совершенно обратнымъ тѣмъ, которые усвоены многими со словъ нѣкоторыхъ близорукихъ историковъ.

Мощное общимъ сознаніемъ необходимости свободы, русское общество делегировало свои права на нее прежде всего литературѣ и взамѣнъ получило эту свободу на кончикѣ пера каждаго публициста, романиста, поэта, сати-

[1]) Намекъ на „комитетъ по дѣламъ книгопечатанія“ 1859 г.

[2]) „Матеріалы, собранные особою комиссіею, высоч. учрежд. 2 ноября 1869 г., для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати“, Спб., 1870. I, 59. Курсивъ мой.

рика. И атака эта велась такъ дружно, такъ умѣло и тактически безупречно, что представлялось только два выхода: или лишить русское общество вообще печатнаго слова или дать ему большій сравнительно съ прежнимъ просторъ. Благоразуміе подсказало второе рѣшеніе.

Въ одномъ изъ официіальныхъ изданій, о которомъ, какъ и объ аналогичныхъ ему, будемъ говорить впослѣдствіи, находимъ очень цѣнное указаніе на справедливость именно такого взгляда на причины уклоненія литературы за указанныя ей раньше границы.

«Надобно сознаться—говоритъ этотъ документъ, —что сначала, когда литературные органы гласности, пріобрѣвъ или присвоивъ себѣ большую свободу слова, сравнительно съ прежнею, со всею пылкостію и страстностію ложно понятой свободы, устремились къ обсужденію и обработкѣ такихъ предметовъ, которые прежде лежали внѣ литературной сферы, *цензоры захвачены были такимъ порывомъ, такъ сказать врасплохъ:* переходъ отъ стараго строя словесности къ новому засталъ ихъ неприготовленными, недостаточно вразумленными. *Главное управленіе цензуры, руководящее цензоровъ, не успѣло* еще снабдить ихъ сколько-нибудь положительными наставленіями, да и *не могло предвидѣть* всѣхъ частыхъ случаевъ, всѣхъ вопросовъ и предметовъ, по которымъ цензура могла встрѣтить недоразумѣніе. Слѣдствіемъ сего были не только шаткость, но и полное разнообразіе дѣйствій. Тогда какъ одни цензоры, понимая дарованную литературѣ свободу въ слишкомъ обширномъ смыслѣ [1], *и*.

[1]) Въ виду правильной оцѣнки этого замѣчанія и вообще аналогичныхъ избитыхъ фразъ того-же характера, необходимо замѣтить, что первымъ распоряженіемъ, сколько-нибудь суживающимъ свободу молчанія николаевской эпохи, нужно считать секретное предложеніе министра народнаго просвѣщенія, сдѣланное, по высочайшему повелѣнію, 14 ноября 1857 г., т. е. почти черезъ три года со дня вступленія на престолъ императора Александра II. Оно гласило: „Съ нѣкотораго времени начали появляться въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ сужденія слишкомъ смѣлыя, касающіяся вопросовъ государственныхъ и также стремящіяся къ нововведеніямъ. Эти сужденія весьма часто несогласны съ видами правительства. Конечно, не надлежитъ смѣшивать *благородныя желанія* съ *тенденціями* къ политическимъ преобразованіямъ; но сіи послѣднія нерѣдко облекаются въ благовидныя наружныя формы, и потому г.г.

можетъ быть, сочувствуя общему движенію, дозволяли болѣе и болѣе разливаться этому потоку: другіе, неумѣвшіе постигнуть истинныхъ видовъ правительства, или считавшіе новое направленіе противнымъ своей обязанности и своимъ убѣжденіямъ, упорно сопротивлялись всякому облегченію и снисхожденію. Въ такомъ положеніи дѣла, одни цензоры были устранены начальствомъ, другіе же сами сознали свою несостоятельность и удалились добровольно. Вновь назначенные цензоры, не имѣя опытности прежнихъ, встрѣтили литературное поле уже разработаннымъ по новой системѣ, и, можетъ быть, считая ее законно-признанною, продолжали дѣлать послабленія, за которыя также подверглись взысканіямъ. Главное Управленіе Цензуры *непрерывно*, и по собственному побужденію и по настоянію другихъ вѣдомствъ, считавшихъ себя оскорбленными въ журнальныхъ статьяхъ, касавшихся предметовъ ихъ управленія, обращалось съ наставленіями, указаніями, подтвержденіями и выговорами, и даже многихъ изъ нихъ удаляло отъ должностей, увѣщевало издателей и редакторовъ журналовъ, и нѣкоторыя изъ повременныхъ изданій прекратило. *Но всѣ эти мѣры не вполнѣ достигли своей цѣли:* цензурныя упущенія продолжаются доселѣ (1862 г.—*М. Л.*); авторы и редакторы прибѣгаютъ къ разнымъ изворотамъ, чтобы провести цензора,

цензоры обязаны съ неослабною прозорливостью вникать въ духъ сочиненій, и *покровительствуя науку,* не давать хода вреднымъ умозрѣніямъ". (См. „Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ", 418). Какъ видно, инниціатива и здѣсь признается за литературой, самовольно выступившей изъ береговъ „благоразумной свободы".

Послѣ всего этого странно слышать ни на чемъ не основанное утвержденіе напримѣръ, Джаншіева, что „въ началѣ 1858 г. съ рѣшительнымъ приступомъ къ освобожденію крестьянъ, цензура была значительно смягчена", что „правительство, никогда раньше не слыхавшее свободнаго слова и такъ сильно противъ него предубѣжденное, сдѣлало первый опытъ выслушиванія независимаго общественнаго мнѣнія" и т. п. (См. „Эпоху великихъ реформъ", изд. 7-е, 363—365). Всѣ эти фразы совершенно не подтверждаются ни однимъ фактомъ, который бы далъ основаніе настраиваться на радость такого сильнаго діапазона. О распоряженіяхъ по цензурѣ 1855—59 г.г. я говорю подробно въ первой части статьи: „Русское Bureau de la presse", помѣщенной въ книгѣ „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія", Спб., 1904 г.

осаждаютъ его неотступно, заваливаютъ грудами статей, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ появиться въ свѣтъ, и напрасно отнимаютъ у цензора время [1]). Къ этой *безпрерывной борьбѣ* присоединяется часто общественное мнѣніе, направляемое литераторами противъ цензуры, а въ иныхъ случаяхъ и нѣкоторое сочувствіе самихъ цензоровъ успѣхамъ литературы и преуспѣянію тѣхъ отраслей знанія или сторонъ общественной жизни, которыхъ касаются сочиненія. Въ такомъ положеніи цензорамъ остается только дѣйствовать съ полнымъ самоотверженіемъ. Но если и самые благоразумные и преданные правительству цензора, несмотря на всѣ побужденія, взысканія и предстоящее даже удаленіе со службы, впадаютъ въ ошибки, оказывая послабленіе писателямъ и редакторамъ, то *надобно сознаться, что цензурѣ, въ настоящемъ положеніи, не достаетъ силы, необходимой для энергическаго исполненія своего долга; силы, которую она могла бы противопоставить враждебному натиску литературы»* [2]).

Эту силу, какъ и средства для излѣченія недуговъ, указанныхъ Филаретомъ, цензурное вѣдомство получило позже, немедленно вслѣдъ за реакцией въ средѣ самого общества, о чемъ, конечно, въ своемъ мѣстѣ.

- — -

II.

Несостоявшееся министерство цензуры.

При такомъ-то общественно-литературномъ подъемѣ и началась эпоха цензурныхъ реформъ, закончившихся въ 1865 году.

---

[1]) Въ другомъ официальномъ источникѣ читаемъ: „едва-ли когда статей, незаслуживающихъ одобренія, появлялось столько, какъ въ 1859—61 годахъ; это доказываютъ весьма многочисленные выговоры и иныя административныя взысканія съ цензурныхъ чиновниковъ, запрещенія журналовъ и отрѣшенія редакторовъ“. („Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, 119). Дѣйствительно, за 1855—61 г.г. прекращены: „Молва“ (1857), „Парусъ“, „Слово“ („Slowo“) и „Рус. Газета“ (1859 г.).

[2]) „Записка предсѣдателя комитета для пересмотра цензурнаго устава, д. ст. сов. Берте и члена сего комитета, ст. сов. Янкевича“, 1862 г., 14—15.

Повелѣніе императора Александра II, данное, въ 1857 г., министру просвѣщенія, Норову, о безотлагательномъ пересмотрѣ цензурныхъ постановленій съ точки зрѣнія «необходимости разумной бдительности» за литературой — не можетъ считаться началомъ этой эпохи просто потому, что оно не было выражено рядомъ съ какими-нибудь ясно поставленными требованіями; съ другой стороны—пересмотра желалъ еще и Николай I, вовсе не бывшій сторонникомъ какой бы то ни было реформы въ этой области. Повелѣніе Норову вѣрнѣе разсматривать, какъ желаніе государя привести въ порядокъ безсистемное до того цензурное законодательство, неуловимо переплетавшееся съ массою административныхъ распоряженій.

Не начало эпохи реформъ и работа преемника Норова—Ковалевскаго, неодобренная государственнымъ совѣтомъ, а потомъ, по приказанію государя, просто ему возвращенная. Ковалевскому тоже не было дано какихъ-нибудь точныхъ указаній, что, однако, составляетъ безусловно необходимый элементъ любой реформы въ ту или другую сторону.

Не реформой было и образованіе, въ 1859 г., «Комитета по дѣламъ книгопечатанія». Приставленное къ существовавшимъ и не отмѣненнымъ старымъ учрежденіямъ, русское «Bureau de la presse» ничего не измѣняло, а только прибавляло [1]).

Началомъ эпохи реформъ, по моему мнѣнію, нужно признать высочайшее повелѣніе 12 ноября 1859 г., когда послѣдовали первыя измѣненія въ строѣ цензурныхъ постановленій.

Оно гласило:

«1) Главное управленіе цензуры отдѣлить отъ министерства народнаго просвѣщенія и составить изъ онаго, подъ предсѣдательствомъ того лица, которое будетъ избрано Его Императорскимъ Величествомъ, особое официальное государственное учрежденіе, для исключительнаго и непосредственнаго завѣдыванія цензурою въ имперіи и Царствѣ Польскомъ; 2) Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія, въ нынѣшнемъ его составѣ, слить съ преобразуемымъ главнымъ

[1]) Подробности о всѣхъ трехъ мѣрахъ читатель найдетъ въ указанномъ очеркѣ другой моей книги.

управленіемъ цензуры; 3) Министру народнаго просвѣщенія взять обратно внесенный имъ въ государственный совѣтъ проектъ цензурнаго устава и передать оный тому лицу, которое будетъ назначено государемъ императоромъ для предсѣдательствованія въ главномъ управленіи цензуры, и на которое будетъ Его Величествомъ возложено *составленіе подробныхъ соображеній* объ устройствѣ главнаго управленія и о прочихъ предметахъ, до цензурнаго дѣла относящихся» [1]).

Но для того, чтобы понять эту мѣру во всей полнотѣ, необходимо вернуться къ ея происхожденію.

Въ моментъ разсмотрѣнія совѣтомъ министровъ записки «Комитета по дѣламъ книгопечатанія», признавшаго полную несостоятельность пресловутаго «Bureau de la presse», Никитенко записываетъ въ своемъ «Дневникѣ» со словъ Ковалевскаго: «Государь оказывается сильно нерасположеннымъ къ литературѣ. Всѣ благородные, разумные и справедливые доводы министра въ защиту ея, кажется, не произвели большого впечатлѣнія на умъ его, предубѣжденный ревнителями молчанія и безмыслія» [2]). Ковалевскій, хорошо помня, какую предательскую роль играла цензура въ карьерѣ его предшественниковъ—Уварова и Норова — и не желая повторить собою ихъ участь, совершенно неожиданно для всѣхъ круто измѣняетъ свой планъ о неотдѣленіи цензуры отъ министерства просвѣщенія, и въ засѣданіи 12 ноября первый высказывается за немедленное ея отдѣленіе... Этотъ шагъ былъ какъ нельзя болѣе на руку нѣкоторымъ изъ членовъ, особенно гр. В. Н. Панину, К. В. Чевкину и кн. В. А. Долгорукову. Ознакомленный съ такимъ предложеніемъ еще раньше, благодаря попечителю наслѣдника, гр. С. Г. Строганову,— государь немедленно присоединился къ проекту Ковалевскаго;—въ результатѣ тутъ

[1]) „Первоначальный проектъ устава о книгопечатаніи, составленный комиссіею, высочайше учрежденною при министерствѣ народнаго просвѣщенія“, Спб., 1862, 65—67. Курсивомъ я отмѣчаю то, что доказываетъ справедливость сказаннаго мною выше: только теперь государь хотѣлъ возложить на своего избранника составленіе подробныхъ соображеній по цензурнымъ дѣламъ, т. е. сдѣлать приступъ къ работѣ, до тѣхъ поръ никѣмъ не совершенной.

[2]) „Дневникъ“, „Рус. Старина“ 1890 г., X, 183.

же, въ совѣтѣ, составленное уже приведенное высочайшее повелѣніе.

Черезъ нѣсколько дней, лицомъ, которому предстояло принять на себя обязанности главнаго начальника русской цензуры, избранъ былъ государемъ бар. М. А. Корфъ. 21 ноября Никитенко записываетъ: «баронъ Корфъ набираетъ своихъ членовъ въ новый главный комитетъ».

И, дѣйствительно, давно добивавшійся министерскаго поста, баронъ Корфъ принялся за дѣло очень энергично, избравъ себѣ главнымъ помощникомъ чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, А. Г. Тройницкаго. Черезъ нѣсколько дней ими былъ уже составленъ проектъ указа правительствующему сенату, на который я обращаю серьезное вниманіе читателя.

«При быстромъ въ послѣднее время развитіи отечественнаго книгопечатанія, Мы признали за благодать управленію этой части устройство болѣе соотвѣтствующее настоящимъ ея потребностямъ.

«Вслѣдствіе того повелѣваемъ образовать самостоятельное государственное учрежденіе, подъ названіемъ «*Главнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія*», на слѣдующихъ основаніяхъ:

«1) Существующее нынѣ при министерствѣ народнаго просвѣщенія Главное Управленіе Цензуры упраздняется, а всѣ цензурные комитеты и отдѣльные цензора по цензурѣ какъ внутренней, такъ и иностранной, подчиняются впередъ исключительно Главному Управленію по дѣламъ книгопечатанія.

«2) Главное Управленіе по дѣламъ книгопечатанія составляется изъ главноуправляющаго, совѣта Главнаго Управленія и канцеляріи.

«3) Главноуправляющій имѣетъ по этой части тѣ же права и обязанности, какія донынѣ принадлежали министру народнаго просвѣщенія, а по предметамъ, превышающимъ его власть, входитъ съ докладами непосредственно къ Намъ.

«4) Совѣтъ Главнаго Управленія, на который переходятъ всѣ права и обязанности, принадлежавшія донынѣ Главному Управленію Цензуры, состоитъ, подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго, изъ четырехъ членовъ, директора канцеляріи Главнаго Управленія и предсѣдателей

С.-Петербургскаго цензурнаго комитета и комитета цензуры иностранной. Предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета, въ томъ же порядкѣ Нами опредѣляемый, и главные начальники пограничныхъ губерній, на которыхъ возложено завѣдываніе цензурою мѣстныхъ періодическихъ изданій, также присутствуютъ въ Совѣтѣ, когда они находятся въ Петербургѣ, съ правомъ голоса съ прочими членами.

«5) Канцелярія Главнаго Управленія, на которую переходятъ всѣ права и обязанности, лежащія нынѣ по этой части на канцеляріи и департаментѣ министра народнаго просвѣщенія, имѣетъ быть составлена по прилагаемому у сего штату, обнимающему и весь остальной составъ новаго образованія; директоръ канцеляріи управляетъ ею на одинаковомъ основаніи съ директорами министерскихъ департаментовъ.

«6) Въ цензурные комитеты, С.-Петербургскій и Московскій, опредѣляются, какъ сказано выше (ст. 4), особые предсѣдатели, а въ каждомъ изъ прочихъ комитетовъ предсѣдательствуетъ, по назначенію Главнаго Управленія, одинъ изъ цензоровъ, съ наименованіемъ *старшаго.* На этихъ предсѣдателей переходятъ права и обязанности по цензурной части попечителей учебныхъ округовъ, кромѣ только округовъ Варшавскаго и Кавказскаго, въ которыхъ цензурная часть, впредь до повелѣнія, удерживаетъ настоящее свое образованіе.

«7) Духовная цензура по вѣдомству православнаго исповѣданія остается на существующемъ теперь особомъ основаніи [1]).

«8) Разсматриваніе всякаго рода афишъ и мелкихъ объявленій тоже остается при настоящемъ порядкѣ [2]), равно какъ, впредь до дальнѣйшаго усмотрѣнія, и цензура Губернскихъ Вѣдомостей, съ подчиненіемъ лишь дѣйствій мѣстныхъ чиновниковъ учебнаго и гражданскаго вѣдомства по цензурѣ неофиціальной части сихъ Вѣдомостей завѣдыванію Главнаго Управленія по дѣламъ книгопечатанія.

---

[1]) Непоколебимость древнихъ основаній этой цензуры была однимъ изъ принциповъ всѣхъ реформъ, включительно до закона 6 апрѣля 1865 года.

[2]) Т. е. оно оставалось въ рукахъ губернской администраціи и полиціи.

(„Портретная галлерея русскихъ дѣятелей", изд. Мюнстера).

«9) Засимъ участіе всѣхъ прочихъ вѣдомствъ въ цензурѣ произведеній книгопечатанія и другихъ способовъ изданія впредь прекращается и, въ соотвѣтственность тому, отмѣняются и всѣ особые довѣренные чиновники по цензурной части, которые донынѣ состояли при разныхъ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ [1]).

«10) Всѣ сіи мѣры и штатъ новаго управленія по дѣламъ книгопечатанія привести въ дѣйствіе съ 1-го января 1860 года, предоставя дальнѣйшія переходныя мѣры къ приведенію въ исполненіе настоящей Нашей воли взаимному соглашенію главноуправляющаго съ министромъ народнаго просвѣщенія и другими подлежащими начальствами.

«Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать о семъ надлежащее распоряженіе» [2]).

Изъ штатовъ же видно, что ежегодный бюджетъ новаго министерства равнялся 200.000 руб., кромѣ жалованья самому Корфу, про которое было сказано: «по особому назначенію»...

Ясно, что создавалось именно министерство цензуры, и, по моему мнѣнію, это была едва-ли ни самая удачная мысль изъ всѣхъ другихъ, вдохновлявшихъ послѣдующихъ реформаторовъ. Мысль отдѣлить цензуру отъ всѣхъ другихъ министерствъ, всегда такъ или иначе могущихъ быть ею лично недовольными и потому способныхъ вносить въ дѣло полугласности совершенно не совмѣстимые съ нею — не говоря уже — съ полною гласностью — элементы, громко подсказывалась всѣмъ ея прошлымъ. Иное дѣло — личный составъ такого министерства: но эта случайность присуща, вѣдь, всѣмъ вѣдомствамъ. Важна была основная идея — идея независимости и свободы, какъ будто умышленно близкая къ осуществленію въ эпоху наибольшаго успѣха идеи свободы вообще въ русскомъ обществѣ. На ней-то и хотѣлъ играть новый будущій министръ. «Корфъ сдѣлалъ большую ошибку, разгласивъ между литераторами, что онъ будетъ слѣдовать либеральной системѣ... Корфъ слишкомъ поспѣ-

[1]) О томъ, что такое эти спеціальные цензора, читатель найдетъ въ третьемъ очеркѣ моей книги: „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія“.

[2]) „Рус. Архивъ“ 1896 г., VI, 300 301.

шилъ добиваться популярности, а главная ошибка, что онъ показалъ свое желаніе ея добиваться» [1]).

Корфъ, и въ самомъ дѣлѣ, спѣшилъ отгородиться не только отъ учрежденій, связавшихъ свое имя съ тѣми или другими гасительными дѣйствіями, но и отъ людей, принимавшихъ въ нихъ то или другое участіе. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ Тройницкому, чтобы тотъ, повидавшись съ директоромъ-дѣлопроизводителемъ Bureau de la presse, выяснилъ категорически: «считаютъ-ли чиновники комитета, что мы ихъ къ себѣ переведемъ? Разсчитываетъ-ли на это самъ г. Никитенко въ отношеніи къ своему лицу? Изъ послѣдняго моего съ нимъ разговора кажется, что нѣтъ, но желательно бы положительнѣе о томъ удостовѣриться» [2]).

Но параллельно съ организаціонно-административной стороной Корфъ очень усиленно занимался и стороной хозяйственной, что отчасти было уже видно изъ скромнаго умолчанія о своемъ собственномъ жалованіи... Это-то, какъ сейчасъ увидимъ, и погубило все министерство цензуры...

5 декабря Корфъ пишетъ Тройницкому: «Спѣшу увѣдомить в. п—во, что Государь Императоръ высочайше соизволилъ на покупку для нашего управленія извѣстнаго (прекраснаго) дома Шишмарева у Аничкина моста. Онъ долженъ быть сданъ намъ 15-го декабря. Тамъ будетъ очень хорошее помѣщеніе и для васъ» [3]).

Вотъ что по этому поводу разсказываетъ тогдашній редакторъ «Военнаго Сборника», П. К. Меньковъ:

«Будущій министръ и настоящій статсъ-секретарь вмѣстѣ съ статсъ-секретаршею осмотрѣли домъ, указали на необходимыя передѣлки. Осмотръ былъ 4-го числа, а 5-го декабря Шишмаревъ получаетъ отъ статсъ-секретаря письмо слѣдующаго содержанія:

«По всеподданнѣйшему моему докладу Государю Императору о вчерашнемъ нашемъ соглашеніи, Его Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ:

«1. Домъ вашъ купить въ казну съ находящеюся въ немъ движимостью за выпрошенную вами цѣну 200 тыс. рублей.

---

1) *А. Никитенко*, „Дневникъ“, „Рус. Старина“, 1890 г., X, 185.

2) „Рус. Архивъ“, 1896 г., VI, 297.

3) Ibidem, 298.

«2. Сумму эту выдать вамъ нынѣ же золотою монетою по установленному курсу [1]).

«3. Издержки по совершенію купчей принять на счетъ казны.

«4. Затѣмъ, по неотложномъ совершеніи купчей, представить мнѣ распорядиться о принятіи этого дома въ казенное вѣдомство, согласно вашему на то вызову, не позже 15 декабря.

«О таковой высочайшей волѣ, уже переданной мною къ исполненію г. министру финансовъ, имѣю честь сообщить вамъ, милостивый государь, въ полной увѣренности, что при извѣстныхъ патріотическихъ и отличающихъ васъ благородныхъ чувствахъ, вы не оставите домъ вашъ, со всѣмъ къ нему принадлежащимъ, очистить и сдать къ опредѣленному сроку, въ полной готовности и въ соотвѣтствующемъ высочайшему ожиданію видѣ».

«5-го декабря,—продолжаетъ Меньковъ—вмѣстѣ съ полученіемъ приведеннаго высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго статсъ-секретаремъ, въ домѣ Шишмарева водворились рабочіе, пошла ломка и передѣлка; хозяинъ дома вытурилъ всѣхъ своихъ жильцовъ, самъ нанялъ квартиру и перевозилъ свою худобу на дачу, въ Новую Деревню» [2]).

Резиденціей своей Корфъ, повидимому, былъ очень доволенъ. Такъ, черезъ день онъ пишетъ Тройницкому: «Не угодно-ли будетъ в. п-ву взглянуть на новое наше пріобрѣтеніе, т.-е. на домъ Шишмарева? Входъ въ квартиру, которую я считалъ-бы для васъ удобною, изъ Графскаго переулки, и здѣсь съ подъѣзда налѣво; направо я думалъ-бы помѣстить канцелярію и г. Янкевича [3]), гдѣ, если онъ холостой, для него было-бы весьма довольно мѣста. Съ противоположной стороны дома, въ нижнемъ-же этажѣ (она тамъ гораздо менѣе), можно будетъ помѣстить Центральный комитетъ и, можетъ статься, еще одного холостого чинов-

---

[1]) Замѣчательно, что Шишмаревъ, изъ разсчетовъ своихъ и общаго недовѣрія къ бумажнымъ деньгамъ, просилъ золота; статсъ-секретарь, плѣненный домомъ, высочайшее повелѣніе о золотѣ сообщилъ министру финансовъ.

П. М.

[2]) *П. Меньковъ*, „Записки“, Спб., 1898 г. II, 274—276.

[3]) Проектировавшійся помощникъ Тройницкаго, какъ директора канцеляріи управленія.

Баронъ М. Корфъ

(Середонинъ, „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, 1902 г.).

ника; но теперь эта квартира занята, вѣроятно, еще на мѣсяцъ или болѣе; а между тѣмъ Е. П. Ковалевскій позволяетъ цензурному комитету оставаться въ университетѣ. Наконецъ, есть еще на дворѣ двѣ или три маленькія квартиры для чиновниковъ: а Совѣтъ будетъ собираться въ моей залѣ».

Очевидно, себѣ Корфъ отобралъ такое помѣщеніе, послѣ отдѣленія котораго. Совѣту уже не оставалось комнаты...

Записка эта писалась утромъ 7-го декабря, въ понедѣльникъ, т.-е въ обычный день общихъ собраній государственнаго совѣта. Къ вечеру картина сильно перемѣнилась.

Еще въ субботу, 5-го, министръ финансовъ, Княжевичъ, получивъ увѣдомленіе Корфа о выдачѣ Шишмареву звонкой монеты, воспользовался своимъ докладомъ у государя и выразилъ удивленіе и благоволенію министра цензуры къ домохозяину и высокой суммѣ, слѣдуемой за министерскій домъ. Быстро облетѣлъ петербургскіе бюрократическіе верхи слухъ о торопливости Корфа, сѣсть на министерское кресло. Враговъ у него, какъ и у всякаго въ его положеніи, было, конечно не мало. Многіе прямо не сочувствовали всей затѣѣ, видя въ ней исключительно созданіе личныхъ побужденій будущаго «президента литературы».

Когда кончилось собраніе государственнаго совѣта, къ Корфу подошелъ министръ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковъ и сказалъ ему: «Vous faites à ce qu'on dit payer cherment l'interdiction de la parole, deux cent mille roubles?»... Завязался разговоръ. Подошли Ковалевскій и Княжевичъ. Первый изъявилъ удивленіе, что Корфъ не упомянулъ государю о его предложеніи помѣстить все Главное Управленіе по дѣламъ книгопечатанія въ той части университетскаго зданія, гдѣ раньше былъ педагогическій институтъ. Княжевичъ, по свойственной прямотѣ и честности, не умолчалъ и о своемъ удивленіи... Изъ совѣта Горчаковъ отправился съ очереднымъ докладомъ къ государю и при самомъ входѣ въ его кабинетъ сталъ извиняться въ невольномъ опозданіи, сказавъ, что причиною его былъ удивительный разговоръ. Государь просилъ разсказать ему, въ чемъ дѣло, и, конечно, былъ немедленно удовлетворенъ... Сейчасъ-же былъ вызванъ Корфъ и ему приказано осмотрѣть зданіе университета, отложивъ пока покупку дома Шишмарева...

Умъ и опытность подсказали Корфу необходимость самому оставить нарождавшееся министерство. Государь не сталъ его разубѣждать — 12 декабря онъ былъ освобожденъ отъ новыхъ обязанностей...

Въ этотъ-же день Тройницкому писалось: «Государю Императору благоугодно было снизойти къ всеподданнѣйшей моей просьбѣ объ увольненіи меня отъ предназначавшейся мнѣ должности и, вслѣдствіе того, все возникшее дѣло повелѣть передать министру народнаго просвѣщенія. Для исполненія сей высочайшей воли, покорнѣйше прошу ваше п-во благоволить доставить мнѣ неотложно всѣ находящіяся у васъ бумаги».

«14 же декабря. — разсказываетъ Меньковъ — проснувшійся Шишмаревъ съ изумленіемъ видитъ, что рабочіе снимаютъ подмостки и, оставивъ слѣды разлома, удаляются изъ дома. Въ тотъ-же день Шишмаревъ получаетъ отъ министра финансовъ увѣдомленіе, что покупка его дома, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, не состоится! Шишмаревъ разинулъ ротъ и растопырилъ руки и въ этомъ ошеломленномъ положеніи оставался, какъ говоритъ графъ Ф. В. Орловъ-Денисовъ, три дня!... Потомъ заговорилъ и очень громко! Ему предлагали (говорятъ) 4 тыс. руб. за изъянъ — не согласился; кричитъ, что этими деньгами не заткнуть отдушника» [1]).

Но такъ или иначе, а всякая мысль о министерствѣ цензуры была уже совершенно оставлена государемъ, отдѣленіе-же цензуры отъ министерства просвѣщенія произошло позже; пока-же дѣло оставлено было на прежнихъ основаніяхъ: оба высочайшія повелѣнія — отъ 12 ноября и 5 декабря, фактически были отмѣнены уже 11 декабря, а офиціально немного позже.

Для оцѣнки всего происшедшаго очень умѣстно привести письмо Тройницкаго, 15 декабря, къ своему брату:

«Не отвѣчалъ я тебѣ во-время на послѣднее письмо, потому что на меня взвалилось въ концѣ ноября крайне тяжелое дѣло, которое отняло все мое время. Вотъ оно въ короткихъ словахъ. Вслѣдствіе разностороннихъ цензурныхъ затрудненій при крѣпко развивающейся журнальной дѣя-

---

[1]) Стр. 276.

тельности и гласности, государю пришла мысль учредить совершенно отдѣльное цензурное министерство, или Главное Управленіе по дѣламъ книгопечатанія, въ которомъ-бы сосредоточились, независимо отъ всѣхъ министровъ, всѣ дѣла de la presse. Начальникомъ этого новаго управленія назначилъ государь статсъ-секретаря барона Модеста Корфа, который и до сихъ поръ, не знаю, по какому внушенію (онъ меня никогда не зналъ), избралъ меня главнымъ своимъ помощникомъ, предложивъ мнѣ должность директора канцеляріи съ правами члена совѣта. Не безъ труда и послѣ совѣщанія съ министромъ Ланскимъ, который взялъ съ меня слово (и слава Богу) не оставлять министерства внутреннихъ дѣлъ, принялъ я это предложеніе, которое сулило мнѣ ощутительную денежную выгоду, крѣпко мнѣ нужную, но обременяло меня и страшно тяжелою работою. Мы принялись съ бар. Корфомъ сочинять новое министерство, указы, штаты, проекты и проч. На прошедшей недѣлѣ все было готово. Но барону Корфу пришла несчастная мысль купить домъ для новаго управленія; кромѣ того, противъ него и противъ самаго начала новаго управленія возникла сильная оппозиція въ верхнихъ слояхъ, и въ послѣднюю минуту бар. Корфъ разошелся съ государемъ. Въ прошлую пятницу онъ отказался отъ возложеннаго на него порученія, и государь приказалъ передать всѣ дѣла обратно въ руки министра народнаго просвѣщенія. Такъ все это зданіе разлетѣлось въ прахъ. Что теперь изъ этого выйдетъ, не знаю, да едва-ли кто и знаетъ... Что касается до меня лично, то увѣряю тебя, что искренно порадовался неудачѣ. Зданіе строилось слишкомъ легко. Баронъ Корфъ человѣкъ замѣчательнаго ума и образованія, но слишкомъ прыткій и слишкомъ увлекающійся, такъ что едва-ли бы дѣло пошло стройно. Лучше ребенку родиться мертворожденнымъ, нежели немного пожить и умереть насильственной смертью; и я предвидѣлъ, что это случилось-бы скоро съ новымъ министерствомъ. И такъ, да будетъ легка память о немъ!» [1]).

Любопытную оцѣнку «мертворожденнаго ребенка» сдѣлалъ Добролюбовъ въ письмѣ своемъ 16 декабря: «говорили, было, о совершенномъ преобразованіи цензуры подъ управле-

---

[1]) „Рус. Архивъ", 1896 г. VI, 296—297.

ніемъ Корфа; но это лопнуло. Нѣкоторые жалѣютъ, другіе радуются, но и то и другое глупо. Корфъ-ли, Ковалевскій-ли, все единственно: стѣсненія, придирки, проволочки, малодушіе и раболѣпство на каждомъ шагу» [1]).

---

[1]) „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова", I, 544.

1860 ГОДЪ.

Реорганизація главнаго управленія цензуры. Закрытіе Bureau de la presse. Прежнее стѣсненіе мысли и слова. Слабые признаки приближающагося общественнаго раскола.

Однако, было ясно, что оставить цензуру въ настоящемъ положеніи нельзя. Правда, это «нельзя» мотивировалось обѣими сторонами различно, но обѣ онѣ приходили къ необходимости измѣненій. Одна — стремилась захватить въ свои руки вышедшую изъ-подъ нихъ литературу, предоставивъ ей, впрочемъ, немного болѣе широкіе берега «благоразумной свободы»: другая — считала себя обязанной оправдать общественныя надежды и не оставить открытымъ ни одного существеннаго вопроса времени.

Нерѣшительность первой продолжалась недолго: 24 января 1860 года «Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія», согласно его собственному желанію, былъ слитъ съ главнымъ управленіемъ цензуры, а послѣднее получило нѣсколько иное устройство.

Составленное изъ министра Ковалевскаго, товарища его Делянова, членовъ упраздненнаго Bureau de la presse— Адлерберга, Муханова, Тимашева и Никитенко, изъ т. с. Тройницкаго, д. с. с. Берте, «философа цензуры» Пржецлавскаго, бар. Медема и др. — главное управленіе было уполномочено разрѣшать окончательно всѣ вопросы и дѣла цензурнаго вѣдомства, а въ случаѣ своего разногласія съ министрами и главноуправляющими — испрашивать рѣшеніе государя. На его-же обязанности лежалъ теперь пересмотръ цензурнаго законодательства послѣ 1828 г., для чего управленіе могло входить съ представленіями, какъ объ отмѣнѣ тѣхъ изъ узаконеній, которыя были составлены для временной надобности, такъ и объ изданіи новыхъ *сепаратныхъ* узаконеній. Такимъ образомъ, общій пересмотръ всего

цензурнаго законодательства не входилъ въ компетенцію новаго учрежденія. Кромѣ того, управленію предоставлено было приглашать не только цензоровъ, но и редакторовъ и литераторовъ, для «сообщенія имъ словесно мыслей и взглядовъ, наставленій и замѣчаній». Въ видахъ же систематическаго наблюденія за печатью, три члена должны были постепенно прочитывать все издающееся въ Россіи и вовремя сообщать управленію о замѣченныхъ ими нарушеніяхъ закона и сепаратныхъ распоряженій. Въ петербургскій и московскій цензурные комитеты назначены особые предсѣдатели, замѣнившіе тамъ обремененныхъ работой попечителей учебныхъ округовъ [1]).

Пользуясь настроеніемъ правительства, а оно и въ 1860 г. было далеко не въ сторону литературы, Адлербергъ, Мухановъ, Тимашевъ, Берте, Пржецлавскій и другіе рвали и метали въ засѣданіяхъ всѣ ея скромныя, изстари еще дырявыя юридическія одежды, и каждый по своему предлагалъ «приналечь»... Ковалевскій, Деляновъ и Никитенко, рѣдко еще и Тройницкій, старались отражать по возможности нападки своихъ сочленовъ — отсюда бурныя страсти, несогласія, конфликты. Иногда имъ удавалось отклонить заключеніе какого-нибудь министра о неумѣстности той или другой статьи, но въ общемъ самостоятельность главнаго управленія была очень и очень невелика [2]).

«Въ Россіи цензура свирѣпствуетъ, вотъ все, что я знаю изъ любезнаго отечества. Остальное сплетни»—писалъ Добролюбовъ изъ Ниццы и былъ совершенно правъ [3]). Напримѣръ, когда послѣ своихъ громкихъ псковскихъ приключеній, П. И. Якушкинъ явился въ Ярославскую губернію, то тамошній губернаторъ Бутурлинъ пришелъ въ страхъ

---

[1]) Въ цитированной уже „Запискѣ“ д. с. с. Берте главное управленіе цензуры описанной организаціи считается *отдѣльнымъ* государственнымъ учрежденіемъ. Это невѣрно: съ 11 декабря 1859 года „самая мысль объ образованіи отдѣльнаго государственнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія была оставлена“. (См. „Первонач. проектъ устава о книгопечатаніи“, 1862 г., 67).

[2]) Авторъ офиціальнаго изданія „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“ оцѣниваетъ ее гораздо выше дѣйствительности (ср. стр. 113).

[3]) „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова“, 612.

и отнесся въ III отдѣленіе Соб. Е. И. В. канцеляріи съ вопросомъ, что ему дѣлать съ путешествующимъ сотрудникомъ «Русской Бесѣды», совершенно не желающимъ не только прекратить «шатаніе» по деревнямъ, но даже надѣть платье, соотвѣтствующее его дворянскому званію... Якушкина повелѣно было выслать изъ губерніи, а затѣмъ принять рѣшительныя мѣры для прекращенія на будущее время разъѣздовъ подобныхъ народныхъ возмутителей! Гр. Панинъ, 13 января, далъ сенату слѣдующее предложеніе:

«Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. ген.-ад. кн. Долгорукова о путешественникахъ, отправляемыхъ издателями журналовъ и газетъ по селамъ и деревнямъ, для собиранія свѣдѣній о бытѣ крестьянъ, высочайше повелѣть соизволилъ сообщить кому слѣдуетъ, для надлежащаго руководства и исполненія, что только ученыя общества, утвержденныя правительствомъ, могутъ посылать отъ себя лицъ для собиранія нужныхъ имъ свѣдѣній; что и ученыя общества, отправляя путешественниковъ, должны снабжать ихъ надлежащими видами и о каждомъ изъ нихъ поставлять въ извѣстность министерство внутреннихъ дѣлъ, дабы начальники губерній могли быть предварены объ упомянутыхъ собирателяхъ прежде прибытія ихъ на мѣсто, а равно и сами собиратели обязаны заявлять о себѣ мѣстной полиціи; что издатели журналовъ и газетъ отправлять подобныхъ путешественниковъ права не имѣютъ и что съ лицами, путешествующими безъ установленныхъ видовъ, слѣдуетъ поступать по законамъ» [1]).

17 марта предложено не пропускать въ печать статей, въ которыхъ говорится о дарованіи евреямъ въ Россіи гражданской равноправности [2]). 6 сентября приказано не допускать ряды точекъ, могущіе указывать на цензурныя исключенія [3]). Изъ 50 ходатайствъ объ открытіи различныхъ періодическихъ изданій въ 1860 г. разрѣшены были только 30 [4]).

---

[1]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра II“, Берлинъ, 1860, I, 205—206.

[2]) „Сборникъ постановленій etc.“ 1862 г., 454.

[3]) Ibidem, 456.

[4]) „Истор. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, 116.

Въ «Русскомъ Словѣ», въ статьѣ о Гоголѣ, было сказано:

«Онъ (Бѣлинскій) первый заявилъ, что Гоголь измѣнилъ знамени, растопталъ свою собственную славу, изъ рабской готовности подкурить черезъ край Царю небесному и земному» [1]).

Цензоръ былъ удаленъ, а издателю гр. Г. А. Кушелеву-Безбородко сдѣланъ строжайшій выговоръ. Государь сказалъ по этому поводу Ковалевскому: «Что обо мнѣ говорятъ, я на то не обращаю вниманія. Нельзя всѣмъ быть любиму — одни любятъ, другіе нѣтъ. Цари земные бываютъ съ ошибками; но о Царѣ небесномъ нельзя такъ отзываться» [2]).

Въ серединѣ года Костомаровъ пишетъ: «Цензура стала убійственно сурова; запрещаютъ вовсе писать объ исторіи царствованія особъ, вступившихъ на престолъ послѣ Петра»[3]). Замѣчаніе тѣмъ болѣе цѣнное, что при Николаѣ I предѣлы науки были дальше — до Екатерины II включительно...

Мѣра эта была принята по предложенію особаго чрезвычайнаго комитета изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія и изъ шефа жандармовъ, которому было поручено представить свои соображенія о способахъ къ развитію законовъ, ограждающихъ честь частныхъ и должностныхъ лицъ противъ оскорбленій въ печати. Комитетъ находилъ необходимыми мѣры административныя и судебныя. Первыя заключались въ подтвержденіи о неразрѣшеніи сочиненій и каррикатуръ, возбуждающихъ непріязнь и ненависть сословій, оскорбительныя насмѣшки надъ сословіями и должностными лицами, надъ военнымъ мундиромъ и занятіями по фронтовой части въ мирное время и т. п. «А какъ въ цензурномъ уставѣ нѣтъ особенной статьи, которая бы положительно воспрещала распространеніе извѣстій неосновательныхъ и по существу своему неприличныхъ къ разглашенію о жизни и правительственныхъ

[1]) „Русское Слово“ 1860 г., IX, отдѣлъ II, замѣтка *Р. Р.* о седьмомъ томѣ сочиненій Бѣлинскаго, стр. 30.

[2]) *А. В. Никитенко*, „Дневникъ“, „Рус. Старина“ 1890 г., XII, 351, 354.

[3]) *Д. Л. Мордовцевъ*, „Историч. поминки по Н. И. Костомаровѣ“, „Рус. Старина“ 1885, VI, 624.

дѣйствіяхъ Августѣйшихъ особъ царствующаго дома, уже скончавшихся и принадлежащихъ исторіи. то. съ одной стороны, чтобы подобныя извѣстія не могли приносить вреда, а съ другой —дабы не стѣснить отечественную исторію въ ея развитіи,—періодомъ, до котораго не должны доходить подобныя извѣстія, принять конецъ царствованія Петра Великаго. Послѣ сего времени воспрещать оглашеніе свѣдѣній, могущихъ быть поводомъ къ распространенію неблагопріятныхъ мнѣній о скончавшихся Августѣйшихъ лицахъ царствующаго дома какъ въ журнальныхъ статьяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ мемуарахъ и книгахъ». Судебныя мѣры состояли въ начатіи дѣлъ объ оскорбленіяхъ въ печати въ судебныхъ мѣстахъ 2-й инстанціи и веденіи ихъ сокращеннымъ порядкомъ судопроизводства;—возложеніе на губернскихъ прокуроровъ обязанности предъявлять отъ своего лица иски въ случаяхъ нарушенія должнаго къ Августѣйшимъ особамъ и правительству уваженія и права начатія такихъ исковъ по требованію лицъ. занимающихъ высшія должности въ государствѣ.

Всѣ административныя мѣры были одобрены государемъ и немедленно приняты, судебныя же —переданы на заключеніе главноуправляющаго II отдѣленіемъ Соб. Е. И. В. канцеляріи и впослѣдствіи первая изъ нихъ принята и обнародована въ сенатскомъ указѣ 23 января 1861 года [1]).

Пржецлавскій повторялъ въ засѣданіяхъ главнаго управленія: «да уймите же, наконецъ, это своеволіе!!»... Глухой, но не менѣе злостный бар. Медемъ вносилъ проекты одинъ другого нелѣпѣе. Ковалевскій жаловался Никитенку, что просто не знаетъ, что дѣлать съ этими господами, всецѣло поддерживаемыми гр. А. В. Адлербергомъ, обнаруживавшимъ ежедневно «невообразимое незнаніе и непониманіе самыхъ простыхъ вещей въ умственной и государственной жизни». Напримѣръ, по его неоднократнымъ заявленіямъ—«не должно было ничего дозволять писать о предметахъ финансовыхъ, политико-экономическихъ, судебныхъ, административныхъ, потому что все

---

[1]) „Записка о цензурѣ кол. асс. Фукса", 1862 г., 34—36 и „Сборникъ постановленій etc.", 452—453. Замѣчаніе автора „Истор. свѣдѣній" о безрезультатности второй части предложенія комитета изъ четырехъ министровъ, такимъ образомъ, невѣрно. (ср. стр. 116).

это означаетъ посягательство на право самодержавія и тогда даже, когда въ сочиненіяхъ этого рода вопросы разсматриваются съ общей точки зрѣнія и притомъ не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на желательность какихъ-бы то ни было измѣненій». «Если же у кого зародится мысль объ улучшеніяхъ по разнымъ общественнымъ и государственнымъ предметамъ,—говорилъ Адлербергъ—тотъ можетъ отъ себя писать въ то вѣдомство, котораго касаются эти улучшенія» [1]).

Тимашеву то и дѣло говорили: «не думайте дѣйствовать терроромъ: ни правительственный, ни другой какой терроръ никогда не приводилъ къ добру», — на него это, впрочемъ, не дѣйствовало [2])...

Но діапазонъ общественнаго настроенія мало понижался такими распоряженіями; литература честно шла впереди массы и рядомъ съ лучшей интеллигенціей страны, чѣмъ немало не только удивляла, но и выводила изъ себя людей «благоразумной середины».

Такъ, напримѣръ, только неслыханнымъ ни раньше ни позже успѣхомъ своей работы она вызывала у нихъ негодованія въ родѣ нижеслѣдующаго:

«У нашихъ писателей, при началѣ нынѣшняго царствованія, не достало такта, чтобы воспользоваться дарованною печати бо́льшею долею свободы. Они много могли-бы сдѣлать для упроченія нѣкоторыхъ началъ въ обществѣ и для склоненія правительства къ разнымъ либеральнымъ мѣрамъ. Но они ударились въ крайности и испортили дѣло. Возгордившись первыми успѣхами, они потеряли мѣру, сдѣлались черезчуръ требовательными, забывъ, что, годъ или два тому назадъ, имъ едва позволили-бы держать перо въ рукахъ. Имъ захотѣлось вдругъ всего—и они начали сплошь на все нападать, какъ люди рьяные, но неспособные руководить общественнымъ мнѣніемъ. Они употребили во зло печатное слово, вмѣсто того, чтобы воспользоваться имъ. Тщетно старался я стать примирительнымъ лицомъ между литературой и правительствомъ: первая такъ далеко занеслась, что вдругъ

[1]) *А. Никитенко.* „Дневникъ", „Рус. Старина", 1890 г., XII, 611—612.

[2]) Ibidem, X., 391—392.

встала въ открытую и жестокую оппозицію съ послѣднимъ, послѣднее встрепенулось и стало усердно подтягивать вожжи. Такіе господа, какъ Чернышевскій, Бовъ (Добролюбовъ) и прочіе, вообразили себѣ, что они могутъ взять силой право, на которое они еще не пріобрѣли права. Они взяли на себя задачу несвоевременную и непосильную и вмѣсто того, чтобы двигать дѣло впередъ, только тормозятъ его» [1]).

Къ тому-же 1860 году, къ моменту яркаго расцвѣта литературы, относятся и слова вдругъ шарахнувшагося въ прежнюю сторону мракобѣсія увлеченнаго, было, общимъ движеніемъ стараго московскаго профессора, «самобытнаго мыслителя—Баяна, неуравновѣшеннаго фантазера и ловкаго ученаго публициста «себѣ на умѣ», претендовавшаго одновременно на амплуа Ростопчина, юродиваго Ивана Корейши и славянскаго Гарибальди»—Погодина. «Надо возвысить голосъ нашему поколѣнію—пишетъ онъ кн. Вяземскому—и возстановить связь, прерванную сорванцами забіяками и всякою сволочью,—съ чистой струей русской словесности, порѣшить съ анархіей» [2]).

А сей «просвѣщенный» князь отвѣчаетъ: «Меня въ наше время не столько бѣситъ печатная литература, сколько честная, которая труситъ предъ первою и оставляетъ себѣ всегда лазейку, изъ которой перемигивается съ нею. Это вѣрнѣйшій признакъ нравственнаго упадка литературы и близорукости тѣхъ, которые этимъ промышляютъ. Они думаютъ. что тѣмъ задобрятъ противниковъ своихъ, но ошибаются. Они неаполитанскіе, заискивающіе милости, послы въ Туринѣ, но Чернышевскіе и Кавуры неуступчивы, и ихъ не проведешь. Tout ou rien. вотъ ихъ лозунгъ... Мнѣ жаль, что вы поставили Кавура наряду съ Чернышевскимъ. Кавуръ возстановитель Сардиніи, а Чернышевскій великій магистръ ордена Свистопляски, господствующей теперь въ нашей литературѣ» [3]).

И это были взгляды и убѣжденія не только Погодиныхъ, Вяземскихъ и Шевыревыхъ; за ними къ концу 1860 года уже стояли, правда, рѣдкіе ряды людей, лишь на короткое

[1]) Ibidem, XII, 609—610.
[2]) *Н. Барсуковъ*, н. с., XVII, 327.
[3]) Ibidem, 424—425.

время невольно подавшихся общему настроенію. Происходила первая дифференціація, первое отслоеніе общественно-литературной среды, не грозившія, конечно, ни русскому обществу, ни русской литературѣ: «въ нѣтяхъ» прогресса обрѣтались, хорошо извѣстные всѣмъ вчерашніе мракобѣсы. Ихъ минутный союзъ съ обществомъ тѣмъ-то и былъ дорогъ, что помогалъ еще ярче и рѣзче иллюстрировать общее недовольство.

Дифференціація болѣе серьезная, многочисленная и роковая для послѣдующей жизни была еще впереди...

1861 годъ.

I.

Событія на Западѣ отражаются на настроеніи нашего общества. Мѣры противъ этого цензуры. Отставка Ковалевскаго. Назначеніе гр. Путятина. Дифференціація усиливается.

При такой обстановкѣ наступилъ памятный во многихъ отношеніяхъ годъ раскрѣпощенія бѣлыхъ рабовъ, годъ серьезныхъ общественно-политическихъ осложненій.

Бодрость духа уже въ значительной степени поддерживалась въ это время ходомъ европейскихъ событій, на которыхъ нельзя не остановиться, если хочется отчетливо уяснить послѣдующее въ нашей собственной жизни.

Когда Наполеонъ III возбудилъ противъ себя католическую оппозицію, помогая образованію итальянскаго королевства и отнятію папскихъ владѣній, онъ рѣшилъ сдѣлать извѣстное change, и вдругъ пошелъ на сближеніе съ либералами, своими вчерашними врагами. Въ 1859 г. эмигрировавшіе республиканцы и ихъ сосланные товарищи получили право вернуться во Францію. Надо-ли говорить, что они смѣло вступили въ открытую оппозицію. Наполеонъ, желая ее смягчить, вдругъ ослабилъ свои императорскія вожжи, давъ, между прочимъ, и бо́льшую свободу печати. Словомъ, французскія событія отвѣчали настроенію приготовившагося къ новой жизни русскаго общества...

Въ Пруссіи образовалась новая германская прогрессивная партія, вступившая на путь легальной парламентской борьбы съ правительствомъ Вильгельма I. Ежедневно приходили извѣстія о требованіяхъ новой партіи то въ области осуществленія истинно правового порядка, то въ области всенароднаго представительства...

Въ Австро-Венгріи назрѣвало революціонное движеніе...

Прибавивъ ко всему этому громкую славу «народнаго освободителя» Гарибальди, пользовавшагося громадной популярностью въ Россіи, можно сказать утвердительно, что все это дѣйствовало на наше общество очень возбуждающе.

Всѣми силами стремящійся къ честной службѣ обществу «Современникъ» въ мартѣ получаетъ предостереженіе, что если не перемѣнитъ направленія, то будетъ запрещенъ.

За мѣсяцъ до этого, 15 февраля въ Варшавѣ происходятъ первыя демонстраціи, а салоны Каткова открыты для поляковъ по пятницамъ, Леонтьевъ — alter ego редактора-издателя «Русскаго Вѣстника» — говоритъ о нихъ восторженно: въ сугубо прежде благонамѣренномъ обществѣ любителей россійской словесности читаются переводы изъ Мицкевича [1])...

Въ Финляндіи не все спокойно — въ концѣ апрѣля созывается «выборная комиссія», предтеча сейму, не собиравшемуся съ 1809 года и открытому 3 сентября 1863 года.

Литературѣ указываются, конечно, нѣкоторыя руководящія по данному моменту начала. Такъ, предложеніе 21 апрѣля гласило: «при настоящемъ взволнованномъ положеніи умовъ въ европейскихъ государствахъ, нельзя не признать вреднымъ распространеніе сочиненій, въ которыхъ выставляются яркія описанія революцій, необходимыхъ будто-бы, для оживленія организма государства. Неопытный читатель легко можетъ примѣнять къ положенію своей страны тѣ дѣйствительные или мнимые недостатки управленія, которые вызвали въ другихъ странахъ событія, описанныя съ желаніемъ сдѣлать изъ нихъ фактъ всеобщаго значенія. Вслѣдствіе сего Главное Управленіе Цензуры нужнымъ считаетъ предложить цензурнымъ комитетамъ допускать къ печати съ особою осмотрительностью вышеозначеннаго рода сочиненія и т. д.» [2]). Въ концѣ апрѣля секретно сообщено о высочайшемъ повелѣніи не допускать статей, имѣющихъ цѣлью возстановленіе независимости Польши, «даже и въ томъ случаѣ, если эти статьи относятся исключительно до Галиціи или великаго княжества Познан-

[1]) „Посмертныя записки Н. В. Берга", „Рус. Старина" 1891 г., III, 588—589.

[2]) „Сборникъ постановленій etc.", 459.

скаго» [1]). А черезъ мѣсяцъ (31 мая) предписано разсматривать съ особою осмотрительностью сочиненія на польскомъ языкѣ для народа и буквари [2]).

Тогда же посылается въ Варшаву особый корреспондентъ для составленія статей, въ русскія и иностранныя газеты, относящихся до Польши, по свѣдѣніямъ, которыя онъ соберетъ на мѣстѣ и получитъ лично отъ намѣстника... Эта роль выпала на небезызвѣстнаго И. А. Арсеньева, ставшаго вскорѣ агентомъ III отдѣленія. «Русскія корреспонденціи мои, по предварительному соглашенію моему съ А. А. Краевскимъ—пишетъ этотъ «литераторъ» —я долженъ былъ посылать въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», которыя въ то время издавалъ онъ съ Очкинымъ. Въ первой корреспонденціи я сообщалъ то, что было изложено мною въ письмѣ къ гр. Ламберту. Не взирая на то, что корреспонденція была предварительно просмотрѣна исправляющимъ должность намѣстника и имъ одобрена къ печати, въ Петербургѣ ее не дозволили печатать. Та-же судьба постигла и послѣдующія письма мои въ редакцію, что заставило меня прекратить сообщенія въ русскія газеты о томъ, что творится въ Польшѣ. Пришлось довольствоваться посылкою корреспонденцій въ «Indépendance Belge» (газету, получавшую отъ насъ субсидію) и въ «Nord» (основанную, какъ извѣстно, на русскія деньги)» [3]).

Къ чести русской литературы нужно сказать, что «корреспондентъ» сильно... ошибается: не цензура помѣшала печатать его творенія, а ни одинъ изъ органовъ, тогда еще не дифференцировавшихся, не хотѣлъ давать имъ мѣсто. Краевскій, можетъ быть, раньше и согласился на предложеніе Арсеньева, но потомъ, очевидно, раздумалъ...

Въ апрѣлѣ, «великій инструкмейстеръ» бар. Медемъ вноситъ въ главное управленіе особую инструкцію цензорамъ при объяснительной запискѣ о невозможной распущенности литературы. Рекомендуя, напримѣръ, разрѣшать печа-

[1]) Ibidem, 461.

[2]) Ibidem.

[3]) *И. А. Арсеньевъ*, „Варшава въ 1861 г.“, „Истор. Вѣстникъ“ 1886 г., XII, 518. Подробнѣе объ Арсеньевѣ я говорю въ работѣ: „Эпоха обличительнаго жара“, см. „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія“, Спб., 1904 г.

таніе парламентскихъ рѣчей, онъ доказывалъ, что ихъ нельзя помѣщать безъ возраженій другихъ членовъ палаты, опровергающихъ въ духѣ нашего правительства сказанное демагогами. Записка была дана на заключеніе Пржецлавскаго и, не поддержанная имъ, провалилась не безъ помощи Никитенка. Любопытно, что самъ Пржецлавскій рекомендовалъ передавать содержаніе «возмутительныхъ» рѣчей вкратцѣ, но зато помѣщать вполнѣ дѣльныя возраженія редакціоннаго сочиненія... «Я, по крайней мѣрѣ, — писалъ онъ, — въ изданіи здѣсь, въ Петербургѣ, польской политической газеты («Tygodnick») постоянно слѣдовалъ этому издавна»... [1]).

Зима 1860—61 г.г. была отмѣчена студенческими безпорядками, если и не выходившими изъ стѣнъ университетовъ, то все-же волновавшими общество...

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ и многихъ другихъ, внутреннихъ событій, изъ которыхъ на первомъ планѣ стояло недовольство части дворянства актомъ 19 февраля, экономическія неурядицы и пр.—русское общество начинаетъ раскалываться. Одна его часть остается при твердомъ убѣжденіи, что всѣ неурядицы коренятся въ недостаточно сильномъ пульсѣ реформъ и неувѣренности движенія впередъ. Другая начинаетъ думать, что пульсъ этотъ слишкомъ лихорадоченъ, движеніе ненормально быстро. Прежняя дружность падаетъ, обѣ стороны раздѣляются, правительство все больше и больше примыкаетъ ко второй...

Въ началѣ апрѣля государь призываетъ Ковалевскаго и объявляетъ ему, что университетскіе безпорядки не могутъ быть болѣе терпимы, что онъ намѣренъ закрыть нѣкоторые университеты. Въ ближайшемъ засѣданіи совѣта министровъ на Ковалевскаго уже сыплются упреки въ бездѣйствіи, а проектъ его о мѣрахъ борьбы съ этимъ явленіемъ переданъ государемъ комитету изъ гр. С. Г. Строганова, Панина и кн. Долгорукова (шефа жандармовъ). 23 апрѣля Ковалевскій подаетъ въ отставку, но, по просьбѣ Александра II, остается до прісканія преемника [2]). Въ этотъ же день про-

[1]) „Историч. свѣдѣнія etc.“, 120—122; *А. В. Никитенко*, „Дневникъ“, „Рус. Старина“ 1891 г., I.

[2]) Авторъ статьи о Ковалевскомъ въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ“, „Кнаппе-Кюхельбекеръ“, 1903 г., изд. подъ наблюденіемъ предсѣд. Император. Рус. Истор. общества, А. А. Половцова,

исходятъ перемѣщенія и награды, немало удивившія общество На мѣсто Ланского министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ Валуевъ; Чевкину и Панину пожалованы Андреевскія ленты.

Съ нетерпѣніемъ ждетъ литературная среда и все общество новаго министра просвѣщенія. 28 іюня это мѣсто занимаетъ для всѣхъ неожиданно адмиралъ, гр. Ефимъ Васильевичъ Путятинъ — хорошій морякъ, но совершенно не подходящій на такой постъ человѣкъ.

Воспитанный въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Путятинъ не оставлялъ флота даже и во время исполненія дипломатическихъ порученій въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, касавшихся всегда нашихъ восточныхъ границъ. Между прочимъ, въ 1853 г., онъ отправился на фрегатѣ «Паллада» въ Китай и Японію; часть этого путешествія описана Гончаровымъ, встрѣтившимся съ Путятинымъ вторично въ цензурномъ вѣдомствѣ. За успѣшное заключеніе торговаго договора съ Японіей, адмиралъ-дипломатъ, 6 декабря 1855 г., былъ возведенъ въ потомственное графское достоинство и назначенъ начальникомъ штаба кронштадтскаго военнаго генералъ-губернатора. Съ ноября 1858 года Путятинъ состоялъ агентомъ по морской части во Франціи и Англіи; въ 1860 году имъ были помѣщены въ «Морскомъ Сборникѣ» двѣ статьи о преобразованіяхъ въ военно-морскомъ воспитаніи и обученіи.

Нѣсколько дней общество въ недоумѣніи, которое вскорѣ разсѣивается: министръ хочетъ подчинить школу духовенству, тѣснить университеты... На вопросъ: «за что Путятинъ?» Герценъ отвѣчалъ: «Онъ *противъ*: воскресныхъ школъ, открытыхъ заведеній, женскаго образованія, свѣтской науки» [1]...

между прочимъ, говоритъ: „и печать и студенчество злоупотребили тою *свободой*, которую *хотѣлъ* обезпечить за ними Ковалевскій, и сами дали противникамъ реформъ сильное орудіе противъ либеральнаго направленія новаго министра“ (стр. 24). Дальше: „Ковалевскій подалъ въ отставку послѣ того, какъ представленный имъ проектъ новаго цензурнаго устава былъ отвергнутъ“ (ibidem). Все это не такъ. Обычныя ламентаціи по адресу злоупотребленій печати выдерживаютъ такую же критику, какъ и указаніе на поводъ отставки: цензурный уставъ былъ возвращенъ въ концѣ 1859 года, а ушелъ Ковалевскій въ серединѣ 1861-го...

[1]) „Колоколъ“, 1861 г., № 109, 15 октября.

Какъ разъ въ это время появляются первыя прокламаціи Михайлова и Обручева. Вспоминаютъ о «Колоколѣ» и другихъ уже распространенныхъ нелегальныхъ изданіяхъ...

Расколъ усиливается... Появляются открытые голоса: «назадъ!», «мы еще не созрѣли!», «довольно!» Пробывшій немного болѣе года за границей и вернувшійся въ Петербургъ въ самомъ началѣ августа, Добролюбовъ съ ужасомъ замѣчаетъ страшную, изумительную перемѣну. Съ осени она дѣлается еще разительнѣе, благодаря серьезнымъ безпорядкамъ во всѣхъ университетахъ, особенно въ петербургскомъ... Страсти у обѣихъ сторонъ разгораются, но прежнее единодушіе потеряно безвозвратно, и литературѣ, ослабленной отсутствіемъ прежде сильной поддержки, предстоитъ допѣвать лебединую пѣснь...

17 ноября умираетъ Добролюбовъ: однимъ знаменщикомъ меньше...

II.

П. А. Валуевъ.

Такъ какъ въ дальнѣйшихъ реформахъ законодательства о печати Валуеву принадлежитъ очень существенное участіе, то необходимо всесторонне ознакомить читателя съ этой любопытною личностью.

Петръ Александровичъ Валуевъ—едва-ли ни самый типичный представитель той группы бюрократовъ, которые, выросши духовно въ атмосферѣ желѣзнаго тридцатилѣтія 1825 — 55 г.г. (онъ родился въ 1814 г.), при дуновеніи новаго вѣтра старались перейти, по возможности, въ новую вѣру. Либеральныя слова безъ соотвѣтствующихъ поступковъ — вотъ отличительная черта этихъ людей, понимавшихъ, что со старымъ коробомъ по лѣстницѣ чиновъ и орденовъ теперь, пожалуй, ужъ далеко не доползешь.

Правда, и въ прошломъ у Валуева были свѣтлые дни, но онъ пережилъ ихъ двадцатипятилѣтнимъ юнымъ чиновникомъ, когда вопросъ о карьерѣ не стоялъ такъ близко и не манилъ къ себѣ молодое, пылкое сердце. Валуевъ при-

надлежалъ къ тому малоизвѣстному у насъ въ литературѣ «кружку шестнадцати», въ который входили Лермонтовъ, А. А. Столыпинъ («Монго»), А. Долгорукій, кн. П. С. Гагаринъ, К. Браницкій, Жерве, Фридериксъ, Сергѣй Долгорукій и Андрей Шуваловъ. Пріятельскій кружокъ составился частью изъ университетской молодежи, частью изъ гвардейскихъ офицеровъ. «Каждую ночь, возвращаясь изъ театра или бала, они собирались то у одного, то у другого. Тамъ, послѣ скромнаго ужина, куря свои сигары, они разсказывали другъ другу о событіяхъ дня, болтали обо всемъ и все обсуждали съ полнѣйшей непринужденностью и свободой, какъ будто-бы III-го отдѣленія Соб. Е. И. В. канцеляріи вовсе и не существовало: до того они были увѣрены въ скромности всѣхъ членовъ общества»[1]. Политическіе интересы не были, разумѣется, чужды «кружку шестнадцати» и потому приходится, кстати, сожалѣть, что до сихъ поръ не изслѣдовано его вліяніе, напримѣръ, на Лермонтова. Собиралась все такая молодежь (старшему не было 30 лѣтъ), что оживленная бесѣда не могла не царить въ кружкѣ... Но продержавшись 1838-й годъ, кружокъ распался. Лермонтовъ былъ висланъ на Кавказъ, А. Долгорукій былъ убитъ на дуэли. Жерве и Фридериксъ — убиты въ сраженіи. — словомъ, атмосфера, спасавшая отъ вліянія заѣдавшаго чиновничества, была разсѣяна.

Валуеву пришлось окунуться въ другую... Скоро все было забыто, мелкій чиновникъ II отдѣленія Соб. Е. И. В. канцеляріи шелъ въ гору... Въ 1853 году онъ былъ уже курляндскимъ губернаторомъ. Чѣмъ бы завѣнчалась его карьера — неизвѣстно. Все рѣшила смерть императора Николая. Едва завечерѣло 18-го февраля 1855 г. — Валуевъ вдругъ снова дѣлается либераломъ, снова склоненъ забыть о томъ домѣ, которому Алексѣемъ Толстымъ посвящены весьма остроумныя строки:

«На видъ весьма красивый домъ,
Своимъ извѣстный праведнымъ судомъ...»

---

[1]) К. Браницкій — „Les nationalités slaves (Lettres au révérand P. Gagarin)“ — цитирую по замѣткѣ Н. Викторова — „Кружокъ шестнадцати“, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ „Истор. Вѣстника“ за 1895 г. (стр. 176).

(„Галлерея портретовъ русскихъ дѣятелей“, изд. Мюнстера).

Въ августѣ появляется въ массѣ списковъ «Дума русскаго», которая и даетъ Валуеву свободный входъ въ салоны великаго князя Константина Николаевича и великой княгини Елены Павловны... Валуевъ на пути къ большому посту [1]... Въ 1858 г. онъ уже директоръ департамента министерства государственныхъ имуществъ, а вскорѣ — не въ примѣръ другимъ—статсъ-секретарь Его Величества. Этого было довольно, чтобы перестать разыгрывать изъ себя либерала. По порученію своего министра, извѣстнаго потомъ М. Н. Муравьева, Валуевъ составляетъ записку о проектѣ редакціонныхъ комиссій, въ которой выступаетъ противникомъ широкой постановки крестьянскаго вопроса и сторонникомъ удаленнаго отъ реформы дворянства... 7-го января 1861 года онъ уже управляющій дѣлами Комитета Министровъ, а 23-го апрѣля — управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, тогда, въ виду уже упомянутыхъ вкратцѣ событій, пріобрѣтавшимъ особенно серьезное значеніе.

Правъ безусловно г. Татищевъ, говоря: «замѣна Ланского Валуевымъ получила опредѣленное политическое значеніе, какъ указаніе на желаніе государя, въ дальнѣйшемъ направленіи крестьянскаго дѣла, принять въ соображеніе законные интересы дворянъ, а также изгладить то раздражающее впечатлѣніе, что произвело на большинство землевладѣльцевъ недовѣрчивое и даже отчасти пренебрежительное отношеніе къ помѣстному дворянству органовъ администраціи» [2]. Я не вхожу въ оцѣнку, насколько законны были эти интересы, но самый фактъ отмѣченъ совершенно вѣрно. Назначеніе Валуева опредѣляло дальнѣйшую программу и при томъ не одной крестьянской реформы. Не забудемъ, что Н. А. Милютинъ почти одновременно былъ удаленъ съ поста товарища министра внутреннихъ дѣлъ съ производствомъ въ сенаторы и съ увольненіемъ въ продолжительный заграничный отпускъ...

Недурно образованный, хорошо усвоившій внѣшній лоскъ, очень разговорчивый, остроумный, и гдѣ и съ кѣмъ

---

[1]) Интересующихся „Думой русскаго“ отсылаю къ майской книжкѣ „Рус. Старины“ 1891 года.

[2]) *С. С. Татищевъ*, „Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе“. СПб., 1903 г., I, 392.

нужно изысканно почтительный — Валуевъ, дѣйствительно былъ замѣтенъ въ окружающей его средѣ[1]). Общее мнѣніе о немъ было гораздо выше его дѣйствительной стоимости. Потомъ только всѣ поняли, что это талантливый говорунъ, тщеславный бюрократъ, безхарактерный администраторъ, охранитель законности на словахъ, великій мастеръ на разные палліативные кунстюшки, ярый противникъ рѣшительныхъ раціональныхъ реформъ. Изъ всѣхъ характеристикъ хорошо знавшихъ его людей наиболѣе цѣнна, данная извѣстнымъ А. Д. Шумахеромъ, не одинъ годъ прослужившимъ съ Валуевымъ.

«Что касается внутреннихъ качествъ Валуева — говоритъ Шумахеръ, — то, по образованію и уму, а также по знанію дѣла, пріобрѣтенному предшествующей службою, въ должности губернатора, директора департамента министерства государственныхъ имуществъ и управляющаго дѣлами комитета министровъ онъ, безспорно, стоялъ на высотѣ своего положенія. Но, къ сожалѣнію, ему присущи были такіе важные недостатки, при которыхъ онъ, несмотря на указанныя хорошія качества, оказался ниже другихъ министровъ, уступавшихъ ему въ образованіи. Прежде всего, у него не было никакой устойчивости въ его рѣшеніяхъ, отъ которыхъ онъ отступалъ нерѣдко не потому, что дѣйствительно перемѣнилъ свой взглядъ, а единственно вслѣдствіе того, что въ противномъ смыслѣ высказались въ петербургскихъ салонахъ люди болѣе или менѣе вліятельные. Затѣмъ онъ былъ преисполненъ чаянія угодить всѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ и не только членамъ императорской фамиліи, но и статсъ-дамамъ и фрейлинамъ[2]), разсчитывая на то, что эти лица женскаго пола будутъ всюду трубить о его внимательности и любезности. Нерѣдко, выслушавъ докладъ дѣла и согласившись съ проектированнымъ рѣшеніемъ его, онъ вспоминалъ, что у него должна быть памятная записка по дѣлу, и, отыскавъ ее (въ особой

---

[1]) Будучи отличнымъ танцоромъ, вполнѣ cavalier galant, онъ еще Николаемъ I былъ прозванъ „jeune homme modèle", а вскорѣ и удостоенъ камеръ-юнкерства (см. записки М. А. Милютиной — „Рус. Старина" 1899 г., I, 60).

[2]) Бывали записки и отъ гофъ-фурьера и камердинера государя. *А. Ш.*

папкѣ, спеціально назначенной для храненія подобныхъ записокъ), въ которой его просили о рѣшеніи дѣла въ обратномъ смыслѣ, тотчасъ же отказывался отъ только что одобреннаго проекта... Двуличность, происходившая частью отъ нерѣшительности характера, частью отъ чаянія не разойтись окончательно ни съ тою, ни съ другою партіею, была присуща всѣмъ почти дѣйствіямъ Валуева въ самыхъ крупныхъ дѣлахъ, такъ что наиболѣе подобающимъ девизомъ его герба были бы слова: «и нашимъ, и вашимъ». Будучи по природѣ человѣкомъ гуманнымъ и по воззрѣніямъ «западникомъ», онъ не могъ не сочувствовать либеральнымъ начинаніямъ второй половины 50-хъ годовъ, и, повидимому, вначалѣ, дѣйствительно сочувствовалъ имъ; но ставъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, никогда не рѣшался провести задуманную реформу въ необходимой для успѣха ея законченности и останавливался на полумѣрахъ»[1]).

Въ «Московскомъ Сборникѣ» анонимнаго автора помѣщенъ очеркъ «Характеры». Одинъ изъ нихъ, рисующій невѣдомаго «Пикандра», такъ подходитъ къ Валуеву, что для завершенія его портрета лучшихъ штриховъ подобрать невозможно.

«Бумаги эти (служебныя, писанныя Никандромъ — *М. Л.*) производили на меня то-же впечатлѣніе, какъ и отвѣты его на экзаменахъ, — впечатлѣніе прекрасно сервированнаго завтрака, на которомъ ѣсть нечего. Меня томилъ голодъ, а другіе оказывались сытыми и довольными. Въ бумагахъ Никандра, въ запискахъ и докладахъ его выказывалось для меня ясно только умѣнье его, дѣйствительно мастерское, притупить и обольстить вкусъ, поглотить сущее зерно вопроса, опутать его пеленами закругленной фразы до того, что читатель, упуская изъ виду сущность и корень дѣла, сосредоточивалъ интересъ свой на оболочкѣ, на побочныхъ и формальныхъ его принадлежностяхъ, на тѣхъ путяхъ, по которымъ дѣло слѣдуетъ отъ истока своего до впаденія... Всѣ инстинкты Никандра направлены къ изглаженію всякой неровности въ характерахъ, въ ощущеніяхъ,

[1]) *А. Д. Шумахеръ*, „Позднія воспоминанія", „Вѣстн. Европы" 1899 г., IV, 712—714.

въ мнѣніяхъ, къ погашенію всякаго пререканія, къ водворенію согласія и спокойствія повсюду. Онъ уже тревожится, когда разсужденіе начинаетъ проникать въ глубь предмета, когда онъ пытается свести отдѣльные вопросы къ общему началу, добраться до основной идеи; зная по опыту, что разногласіе въ основной идеѣ — всего упорнѣе и раздражительнѣе—онъ пускаетъ въ ходъ всю свою тактику, чтобы погасить его. Надобно дивиться, съ какою ловкостью старается онъ тогда свести противниковъ съ опаснаго поля и перевести ихъ на другое, ровное и гладкое поле бирюлекъ, мелочей, подробностей и частностей дѣла. На этомъ гладкомъ полѣ онъ господинъ: тутъ небольшого уже труда стоитъ ему увѣрить спорщиковъ, что они въ сущности согласны между собою, что не стоитъ имъ возбуждать вопросы, не имѣющіе существеннаго значенія. На этомъ полѣ я не видалъ мастера, подобнаго Никандру, и подвиги его поразительны! Онъ умѣетъ поставить передъ собою противниковъ, которыхъ раздѣляетъ, повидимому, непроходимая бездна коренного противорѣчія въ основныхъ мнѣніяхъ о предметѣ: борьба происходитъ, повидимому, между элементами, и кажется непримиримою. И что-же, глядишь, въ какія-нибудь десять минутъ Никандръ успѣлъ наполнить эту бездну легкимъ пухомъ, прикрыть ее тонкимъ хворостомъ,—и противники уже переходятъ по ней, подавая другъ другу руку! Никандръ не любитъ основныхъ идей; но не даромъ онъ опытенъ. Онъ знаетъ, что основныя идеи лежатъ большею частью въ умахъ не глубоко, и почти всегда есть возможность отвести отъ глубины неувѣренную мысль или смутное ощущеніе, стремящіяся въ глубину. Для этого есть у него пріемъ, который рѣдко измѣняетъ ему: противъ основныхъ идей онъ умѣетъ въ крайнемъ случаѣ выставить такъ называемые принципы, общія положенія, рѣшительные приговоры, на которые рѣдко кто посмѣетъ возразить. Есть волшебныя слова, которыми очаровывается у него всякое совѣщаніе — и Никандръ умѣетъ произносить ихъ въ нужную минуту. Такое словечко, въ родѣ классическаго Qous ego — мигомъ успокаиваетъ у насъ поднявшіяся волны. «Всѣми признано уже нынѣ», «новѣйшая цивилизація дошла до такого-то вывода», «статистическія цифры доказываютъ», «во Франціи, въ Пруссіи и т. п. давно уже введено

такое-то правило», «такой-то европейскій ученый, на такой-то страницѣ, сказалъ то-то», «никто уже нынѣ не споритъ, напр., что цѣна опредѣляется пропорціей между спросомъ и предложеніемъ», и множество тому подобныхъ изреченій — вотъ волшебныя орудія, творящія чудеса въ нашихъ разсужденіяхъ. Но самое волшебное изъ волшебныхъ словъ это: «*на а* говоритъ, въ *наукѣ* признано». Никандръ давно уже понялъ, что этого слова — наука — мы боимся какъ чорта, и не смѣемъ обыкновенно возражать на него. Мы чувствуемъ, что эта палка о двухъ концахъ, и потому инстинктивно боимся взяться за нее, когда намъ ее предлагаютъ» [1]).

Повторяю, здѣсь Валуевъ, какъ ораторъ, діалектикъ и человѣкъ, убѣждавшій другихъ въ томъ, что нужно было ему — нарисованъ прекрасно. Всякій, кто имѣлъ возможность познакомиться съ его ролью, особенно въ земской реформѣ, долженъ признать эти краски безусловно вѣрными.

Вѣдь, ораторскія способности Валуева отмѣтилъ еще гораздо раньше гр. Алексѣй Толстой въ строфахъ, ставшихъ одно время положительно ходячими и почти всѣми заученными наизусть:

„— Всѣхъ, господа, всѣхъ васъ благодарю!
Прошу и впредь служить такъ аккуратно
Отечеству, престолу, алтарю!
Вѣдь, мысль моя, надѣюсь, вамъ понятна?
Я въ переносномъ смыслѣ говорю:
Мой идеалъ полнѣйшая свобода —
Мнѣ цѣль народъ — и я слуга народа!

„Прошло у насъ то время, господа, —
Могу сказать: печальное то время —
Когда наградой пота и труда
Былъ произволъ. Его мы свергли бремя.
Народъ воскресъ, но не вполнѣ — да, да!
Ему вступить должны помочь мы въ стремя,
Въ извѣстномъ смыслѣ сгладить всѣ слѣды
И, такъ сказать, вручить ему бразды.

„Искать себѣ не будемъ идеала,
Ни основныхъ общественныхъ началъ
Въ Америкѣ. Америка отстала:
Въ ней собственность царитъ и капиталъ.

---

[1]) „Московскій Сборникъ". М. 1896 г., 227—230.

Британія строй жизни запятнала
Законностью. А я ужъ доказалъ,
Законность есть народное стѣсненье,
Гнуснѣйшее межъ всѣми преступленіе!

„Нѣтъ, господа! Россіи предстоитъ,
Соединивъ прошедшее съ грядущимъ,
Создать, коль смѣю выразиться, видъ,
Который называется присущимъ
Всѣмъ временамъ; и, ставъ на свой гранитъ,
Имущимъ, такъ сказать, и неимущимъ
Открыть родникъ взаимнаго труда.
Надѣюсь, вамъ понятно, господа“? [1]).

По тому-же поводу очень интересенъ разсказъ г. Стремоухова, тогда нижегородскаго губернскаго предводителя дворянства. Валуевъ пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ государемъ и принялъ въ одинъ изъ вечеровъ нижегородское дворянство, явившееся съ жалобою на губернатора. «Во главѣ представлявшихся былъ баронъ А. Н. Дельвигъ (впослѣдствіи управляющій министерствомъ путей сообщенія). Выслушавъ барона Дельвига, Валуевъ отвѣчалъ длинною и красивою рѣчью. всѣхъ очаровавшею и успокоившею. Мы откланялись и затѣмъ поѣхали въ дворянское собраніе побесѣдовать объ общихъ дѣлахъ и поужинать. За ужиномъ было много разговоровъ, не обошлось безъ шампанскаго, пили и за здоровье Валуева. Вдругъ кто-то задалъ вопросъ: «однако, господа, что-же въ сущности, сказалъ намъ Валуевъ?» Всѣ переглянулись; «да ничего!» отрѣзалъ баронъ Дельвигъ; мы разсмѣялись. Въ красивой рѣчи Валуева, дѣйствительно, опредѣленнаго ничего не было» [2]).

И это далеко не единичный случай, а лишь иллюстрація одной изъ выдающихся чертъ сложной, какъ многимъ казалось, личности министра.

Тотъ-же авторъ передаетъ мѣткую характеристику Валуева, какъ политической одиночки, слышанную имъ отъ гр. Д. Н. Толстого, хорошо знакомаго съ нимъ по службѣ и личнымъ отношеніямъ:

---

[1]) „Сонъ статскаго совѣтника Попова“. „Рус. Старина“ 1882 г., XII, 704—705.

[2]) *Н. Стремоуховъ*, „Изъ воспоминаній о гр. П. А. Валуевѣ“, „Рус. Старина“ 1903 г., XI, 275.

«При всемъ своемъ умѣ и при всѣхъ выдающихся своихъ талантахъ, Валуевъ не сумѣлъ сгруппировать вокругъ себя силы, необходимыя для успѣшнаго выполненія какой бы то ни было своей политической задачи и борьбы съ враждебными ему теченіями; взявъ на себя колоссальную массу труда, онъ стоялъ одиноко, и въ этой его изолированности—одна изъ причинъ неустойчиваго его положенія и всякихъ его колебаній... Припоминаю впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ кружка дѣятелей 1858 -1860 годовъ, собравшихся въ день 19-го февраля для чествованія годовщины освобожденія крестьянъ. Я былъ пораженъ единодушіемъ, царившимъ въ этой группѣ людей, какъ-бы сплоченныхъ около одного знамени; это была организованная партія, со своимъ штабомъ и своими кадрами, способная и готовая твердо, послѣдовательно и энергично провести свою политическую программу, какъ только она могла-бы стать у власти! Ничего подобнаго не было и нѣтъ около Валуева» [1]).

Да иначе и не могло быть: около людей, въ самихъ себѣ не носящихъ никакихъ стройныхъ убѣжденій, никогда не организуется какая-бы то ни была партія. Валуева окружали лишь люди «двадцатаго числа», арендъ, наградъ и подачекъ, которые никогда никакой духовной силы не представляютъ. И очень ошибается тотъ анонимный «знатокъ новѣйшей нашей исторіи», который недавно, въ личной бесѣдѣ съ г. Стремоуховымъ, сказалъ, что «по уровню идей, по широтѣ взглядовъ и образа мыслей, по своему политическому воспитанію, Валуевъ стоялъ особнякомъ въ ряду дѣятелей царствованія Александра II», что онъ «опередилъ свое время» и что, наконецъ, -«ему слѣдовало-бы появиться на политической сценѣ значительно и значительно позже»... Нѣчто подобное пришлось слышать недавно и мнѣ, повидимому, отъ того-же лица, дѣйствительно, знающаго нашу исторію послѣднихъ двухъ столѣтій, но я совершенно не вижу въ такомъ мнѣніи никакого фактическаго обоснованія.

Въ заключеніе нельзя не согласиться, что политика Валуева ни въ комъ не нашла прочнаго сочувствія. «Кон-

---

[1]) Ibidem, 292.

серваторы его считали англоманствующимъ парламентаристомъ, либералы — человѣкомъ внѣшняго свободолюбія и внутренняго стремленія сдѣлать изъ свободы только красивую декорацію, друзья народа—остзейскимъ феодаломъ, славянофилы—не знающимъ народа и Россіи космополитомъ, а всѣ вмѣстѣ—типичнымъ петербургскимъ бюрократомъ, дѣлающимъ прежде всего карьеру» [1]).

III.

Путятинъ проситъ поддержки Филарета. Мысль о передачѣ цензуры въ министерство внутреннихъ дѣлъ; поддержка ее Валуевымъ. Образованіе комитета для подготовительныхъ работъ въ этомъ направленіи. Созданіе „Сѣверной Почты". Отставка гр. Путятина.

Возвращаюсь къ нити прерваннаго изложенія.

Смутные внутренніе симптомы, видимо, сильно безпокоили гр. Путятина, вдругъ призваннаго на отвѣтственный постъ. Твердо вѣря въ необходимость крутыхъ мѣръ правительственнаго воздѣйствія, онъ 12 сентября обращается къ московскому митрополиту Филарету съ просьбой «выразить какимъ онъ признаетъ лучшимъ способомъ сообщить Его Величеству, что настоящее положеніе дѣлъ крайне опасно для государства и императорской власти и убѣдить его, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нужна большая твердость и сильныя мѣры». При этомъ «весьма секретномъ» письмѣ приложены были и нѣкоторыя прокламаціи, разбросанныя по городу.

Филаретъ отвѣчалъ очень интереснымъ отказомъ:

«Господь да благословитъ вашу ревность о благѣ царя и отечества.

«Господь да наставляетъ и укрѣпляетъ васъ на поприщѣ, исполненномъ трудностей, которыя приготовлены прежде васъ, но противъ которыхъ вамъ суждено выдерживать борьбу. Ихъ можно было предусматривать и оказалось возможнымъ устранить или не допустить, чтобы онѣ открылись такъ сильно.

[1]) *С. Венгеровъ*, „Критико-біографическій словарь etc.", IV, отд. II, 54.

«Вы желаете возбудить мою ревность. Можетъ быть, я имѣю въ семъ нужду. Но для моей ревности есть кругъ, очерченный моимъ призваніемъ. Сей кругъ есть церковь, или, если судить строже—епархія. Если дѣйствованіе мое въ цѣляхъ моихъ обязанностей окажется неудовлетворительнымъ, могу облегчить мою скорбь много тѣмъ, что дѣйствовалъ по необходимому долгу, при посильномъ разумѣніи. Но если произвольно выступлю за предѣлы моихъ обязанностей и послѣдствія окажутся нежелаемыя, я буду имѣть въ совѣсти сугубый упрекъ, что дѣйствовалъ не къ пользѣ, и что своею произвольною виною открылъ себѣ путь къ неполезному.

«Не мало думалъ я надъ тѣмъ, что мнѣ сообщено: и много скорбѣлъ, и много недоумѣвалъ.

«Что теперь требуется? Возбудить вниманіе къ опасности? Возбудить вниманіе къ потребности благоразумныхъ и твердыхъ мѣръ?

«Но въ читанныхъ мною печатныхъ и письменныхъ воззваніяхъ, опасность такъ ярко видна, что болятъ глаза; она говоритъ сама о себѣ такимъ громкимъ и угрожающимъ голосомъ, что нельзя представить себѣ, чтобы это не возбуждало вниманія.

«Рука не поднимается, чтобы переписать многое изъ того, что я прочиталъ. Укажу для примѣра на одно.

«*Великорусcъ*[1]) хочетъ отдѣлить отъ Россіи не только Польшу, но и Южную Русь, а, по теоріи, на которой сіе основано, конечно, и многое другое. Можно-ли не видѣть, что хотятъ разрушить Россію?

«Вспомните при семъ, что въ отчетѣ слѣдственной комиссіи по происшествію 14 декабря, упомянуто было, что тогда хотѣли раздѣлить Россію на семь республикъ. Сіе ведетъ къ заключенію, что *Великорусcъ* высказалъ не мимолетную мечту одной или немногихъ головъ; но что прилежная подземная работа выходитъ наружу.

«Посему нельзя думать, чтобы не было возбуждено вниманія и къ потребности благоразумныхъ и твердыхъ мѣръ.

[1]) Эта, по счету вторая, прокламація была выпущена поручикомъ Владиміромъ Обручевымъ.

Разсуждать-же о сихъ мѣрахъ я не имѣю не только призванія, но и возможности. Сіе не требуетъ доказательства.

«Примѣчаю и долгъ имѣю поставлять во вниманіе себѣ и кому могу, что мы много согрѣшили передъ Богомъ охлажденіемъ къ православному благочестію, въ чемъ особенно вредные примѣры подаются изъ высшихъ и образованныхъ сословій, ослабленіемъ нравственныхъ началъ въ жизни частной и общественной, въ начальствованіи, въ строѣ, въ области наукъ и словесности, роскоши и даже въ скудости,—пристрастіемъ къ чувственнымъ удовольствіямъ, разслабляющимъ духовныя силы, подражаніемъ иноземному, большею частью суетному и несродному, чѣмъ повреждается характеръ народа и единства народнаго духа,- преслѣдованіемъ частной и личной пользы преимущественно передъ общею. Умножившіеся грѣхи привлекаютъ наказаніе, по реченному: *накажетъ тя отступленіе твое* (Іер. II, 19). Средства противъ сего: дѣятельное покаяніе, молитвы и исправленіе. Недостатки охранителей обращаются въ оружіе разрушителей.

«Добродѣтели охранителей вырываютъ изъ рукъ оружіе у и отрицателей и возмутителей. Не время недѣятельности, да возбудится ревность: да умолкнутъ раздѣленіе и частные виды; да станутъ всѣ вѣрные и благонамѣренные, въ силѣ единства, въ крѣпкій подвигъ подъ общимъ знаменемъ: вѣра, царь и Россія.

«Вотъ что долженъ я говорить и говорю, поколику могу, имѣющимъ уши слышати» [1]).

Очевидно, Путятину предстояло выступить безъ сильной поддержки временно рѣшившаго замолчать Филарета...

Въ началѣ ноября министръ настаивалъ на запрещеніи «Русскаго Слова», гдѣ, точно, на смѣну умиравшаго одного изъ знаменщиковъ «Современника», уже гремѣлъ Писаревъ. Дѣло ограничилось, однако, сверхъ ожиданій предостереженіемъ.

Въ то же время, во всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ 9 ноября, Путятинъ яркими красками изобразилъ безпрерыв-

[1]) „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета etc.“, V, ч. 1-я, 137—139.

ныя уклоненія литературы отъ цензурныхъ правилъ («журналисты - писалъ министръ - находятъ, къ сожалѣнію, сочувствіе къ себѣ большинства и тѣмъ настойчивѣе и дружнѣе между собою дѣйствуютъ, чѣмъ болѣе на нихъ сторонѣ общественное мнѣніе»), безсиліе цензуры бороться съ ними и неудобство вызвать употребленіе крайнихъ мѣръ, а потому ходатайствовалъ объ установленіи залоговъ для періодическихъ изданій и въ заключеніе прибавилъ: «но при этихъ условіяхъ, дающихъ цензурѣ характеръ *какъ-бы* [1]) карательный, она не можетъ оставаться при министерствѣ народнаго просвѣщенія, а по естественному порядку должна перейти въ министерство внутреннихъ дѣлъ» [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что предварительно адмиралъ-министръ переговорилъ съ Валуевымъ и заручился его полнымъ согласіемъ на такую еще небывалую мѣру, а, можетъ быть, она и подсказана-то была послѣднимъ. Валуеву улыбалась заманчивая перспектива власти и вліянія. Въ своемъ офиціальномъ отвѣтѣ Путятину онъ, между прочимъ, писалъ: «При самомъ даже поверхностномъ взглядѣ на современное направленіе общества нельзя не замѣтить, что главный характеръ эпохи заключается въ стремленіи къ уничтоженію всякаго авторитета. Все, что доселѣ составляло предметъ уваженія націи: вѣра, власть, заслуга, отличіе, возрастъ, преимущества,—все попирается: на все указывается, какъ на предметы, отжившіе свое время» [3]).

Очень важное свидѣтельство для оцѣнки побужденій Валуева, стремившагося захватить въ свои руки цензуру, находимъ въ словахъ И. С. Аксакова.

„Мнѣ разсказывали вѣрные люди - пишетъ И. С.,—что Громека, служащій теперь въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, просилъ позволенія издавать газету, но министръ не позволилъ, объявивъ ему, что у насъ и безъ того слишкомъ много газетъ и журналовъ; что литература наша поетъ минорнымъ тономъ, но что онъ, министръ, хочетъ заставить ее пѣть мажорнымъ тономъ, т. е. правительственнымъ. Я думаю, министръ думаетъ: да чѣмъ-же я хуже Persigny?

[1]) Обращаю вниманіе читателя на этотъ мой курсивъ.

[2]) „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи", 122, 123, 125.

[3]) Ibidem, 125.

Persigny, совсѣмъ Persigny! [1]).—При такомъ взглядѣ на литературу, понятно мнѣ теперь стремленіе министерства внутреннихъ дѣлъ перевести цензуру въ вѣдѣніе департамента полиціи. Не дай Богъ, чтобъ это случилось» [2]).

Какъ увидимъ дальше, Аксаковъ оказался прорицателемъ будущаго—Валуеву не давали покоя лавры Персиньи.

Собственно говоря, за Валуевымъ было и формальное право на доказательства подчиненія себѣ цензуры. Въ 1811 г., министерству полиціи, а затѣмъ, послѣ упраздненія послѣдняго, министерству внутреннихъ дѣлъ присвоено было общее наблюденіе за исполненіемъ постановленій по дѣламъ книгопечатанія. На него былъ возложенъ надзоръ за книжною торговлею и за типографіями, а также наблюденіе за необращеніемъ запрещенныхъ цензурою сочиненій. Кромѣ того, подъ главнымъ надзоромъ министерства внутреннихъ дѣлъ производилось разсмотрѣніе полиціей всякаго рода афишъ и мелкихъ объявленій. Наконецъ, если-бы министръ усмотрѣлъ, что въ книгахъ и сочиненіяхъ, хотя-бы и дозволенныхъ цензурою, «допущены были мѣста и выраженія, подающія поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ, то онъ обязанъ былъ таковые немедленно съ замѣчаніемъ своимъ вносить на высочайшее усмотрѣніе и ожидать повелѣнія» [3]). Фактически, однако, предшественники Валуева не пользовались вполнѣ этими правами, потому что они, въ силу традиціи, принадлежали, опять-таки только фактически, главнымъ начальникамъ III Отдѣленія. Въ 1856 г. шефомъ жандармовъ сталъ кн. В. А. Долгоруковъ, почти совершенно не входившій въ цензурно-литературную сторону административной и общественной жизни и съ удовольствіемъ уступившій Валуеву его право, такъ и не отмѣненное закономъ.

Въ моментъ представленія гр. Путятинымъ своего знаменательнаго доклада, «правительство не уяснило себѣ своихъ видовъ» [4]), колебалось и въ области литературной поли-

[1]) Персиньи—французскій министръ внутреннихъ дѣлъ, другъ Наполеона III, изобрѣтатель пресловутаго „bureau de la presse“ и поклонникъ системы инспирированія литературы.

[2]) „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, IV, ч. II, 1896 г., 187—188.

[3]) Св. зак. изд. 1857 г., т. I, ст. 1336.

[4]) Слова, сказанныя Валуевымъ Никитенку („Рус. Старина“ 1891 г. I. 90).

цін. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что проектъ передачи цензуры въ министерство внутреннихъ дѣлъ былъ принципіально принятъ и переданъ на разсмотрѣніе особаго комитета изъ четырехъ чиновниковъ, по два со стороны каждаго изъ двухъ заинтересованныхъ министерствъ. Тогда же было рѣшено образовать въ недалекомъ будущемъ высшій комитетъ для пересмотра всего существующаго цензурнаго законодательства. Характерно, особенно въ виду общепринятыхъ толковъ о желаніи въ шестидесятыхъ годахъ, дать бóльшую свободу печати, что *единственнымъ* поводомъ и побужденіемъ къ преобразованію цензуры, комитету 1861 года было объявлено недовольство правительства увлеченіями и необузданностью нашей литературы [1]). Ближайшая цѣль комитета — подготовка работы для проектированнаго, но еще не созданнаго высшаго комитета. Со стороны министерства просвѣщенія въ него вошли д. ст. с. Берте и ст. с. Янкевичъ, со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ — кол. ас. Фуксъ и четвертый—мнѣ неизвѣстный. Все это были чистые канцеляристы, покорно исполнявшіе волю начальства, независимо отъ своихъ собственныхъ убѣжденій. Впрочемъ, объ этомъ поговоримъ въ своемъ мѣстѣ, когда дойдемъ до результатовъ работъ комитета 1861 года.

---

[1]) „Записка председателя комитета д. ст. с. Берте", 3. Не могу здѣсь не остановиться на очень серьезной ошибкѣ г. Скабичевскаго, вообще не потрудившагося хорошенько разобраться въ сложномъ ходѣ реформъ 1859—1862 г.г., сведенныхъ у него къ ряду плохо связанныхъ перепечатокъ неудовлетворительной работы Н. Усова. Тѣ шаги Валуева и Путятина, о которыхъ мы только что сказали, онъ объясняетъ такъ: „...оставалось одно: оставить *всякую* мысль о *какой бы то ни было опекѣ* надъ литературою и *руководствѣ* ею, *начать* смотрѣть на нее, какъ на одну изъ функцій общественной самодѣятельности и какъ *таковую* подвергнуть вѣдомству полицейской власти" (см. „Очерки исторіи русской цензуры", изд. 1892 г., стр. 463—464). Эта громадная ошибка во всей перспективѣ реформеннаго періода и явилась результатомъ того освѣщенія, которое дано ему вообще г. Скабичевскимъ. Я умышленно не дѣлаю ему здѣсь возраженій, кромѣ только что сказаннаго выше, потому что все послѣдующее мое изложеніе будетъ лучшимъ опроверженіемъ „нежеланія", „наконецъ", опекать и руководить литературу и „желанія" смотрѣть на нее, какъ на продуктъ общественной самодѣятельности... Кромѣ того, примите во вниманіе сказанное Путятинымъ „какъ-бы"—оно хорошо гармонируетъ со всѣмъ послѣдующимъ.

По словамъ г. Скабичевскаго, открытіе этого комитета «произвело сильное возбужденіе какъ въ обществѣ, такъ въ особенности въ литературныхъ сферахъ. Комиссія была осаждена различными проектами и мнѣніями частныхъ лицъ» [1]). И это не вѣрно. Комитету придавалось значеніе гораздо меньше и никакой осады проектами не было. Ему пришлось лишь разсмотрѣть одну «записку», да и та поступила къ нему черезъ Валуева.

Въ началѣ года между редакторами нѣкоторыхъ изданій и литераторами различныхъ оттѣнковъ все еще болѣе или менѣе однообразной прессы возникъ вопросъ о томъ, какими средствами можно было бы улучшить положеніе печати. Съ этою цѣлью петербургская группа журналистовъ составила проектъ и передала его для обсужденія въ Москву. Въ основахъ разногласія не произошло. Мнѣнія раздѣлись лишь въ практической части. Пріѣхавшіе изъ Петербурга Чернышевскій и Елисеевъ заявили, что они уполномочены своими товарищами на дальнѣйшее веденіе этого дѣла, и потому тутъ-же Каткову было поручено составить подробную записку на единогласно принятыхъ основаніяхъ. «Записка эта была составлена и одобрена; оставался еще не рѣшенный вопросъ о томъ, какимъ способомъ дать ходъ этому дѣлу». За это время состоялось назначеніе гр. Путятина. «Въ сентябрѣ, въ Москвѣ было еще разъ собраніе литераторовъ по случаю новаго предложенія, пришедшаго изъ Петербурга. Предложеніе это относилось не къ сущности того вопроса, который былъ разсмотрѣнъ и рѣшенъ въ прежнихъ совѣщаніяхъ: оно касалось нѣкоторыхъ тогдашнихъ обстоятельствъ и имѣло цѣлью обозначить поводъ и форму ходатайства объ улучшеніи положенія нашей печати. Этотъ поводъ и эта форма найдены были не совсѣмъ удобными; но вопросъ о цензурѣ былъ снова поднятъ нѣкоторыми изъ лицъ, присутствовавшихъ на прежнихъ совѣщаніяхъ, и тогда-же было рѣшено между ними, чтобы издатель «Русскаго Вѣстника» поспѣшилъ дать ходъ составленной имъ запискѣ, что онъ вскорѣ и сдѣлалъ», представивъ ее, послѣ образованія комитета 1861 года, самому Валуеву [2]).

---

[1]) Его „Очерки исторіи русской цензуры“, 1892 г., 471—472.

[2]) „Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника“ 1862 г., № 14, стр. 17; „Незагадочный писатель“, „Вѣстникъ Европы“ 1871 г., VIII.

Послѣдній не обратилъ на нее серьезнаго вниманія и, дѣйствуя въ строго чиновничьемъ порядкѣ, передалъ записку комитету Берте. Комитетъ тоже оставилъ, повидимому, ее безъ вниманія. А между тѣмъ, это *первое* коллективное заявленіе русскихъ писателей стоило иного къ себѣ отношенія. Никогда еще цензурное вѣдомство не слышало такого обстоятельнаго массоваго голоса объ условіяхъ, въ которыхъ находилась русская печать, и о тѣхъ скромныхъ, но безусловно необходимыхъ мѣрахъ, съ помощью которыхъ можно бы было немного урегулировать ея взаимоотношенія съ администраціей. Все это, въ связи съ незнакомствомъ еще и до сихъ поръ съ первымъ протестомъ литературы, побуждаетъ меня привести записку полностью.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны имена подписавшихся подъ нею, но изъ многихъ данныхъ ихъ можно возстановить предположительно, не рискуя большой ошибкой. Кромѣ «Современника» и «Русскаго Вѣстника», почти несомнѣнно были подписи: Г. Е. Благосвѣтлова («Русское Слово»), А. А. Краевскаго («Отечественныя Записки»), В. Ѳ. Корша («Московскія Вѣдомости»), В. М. Бѣлозерскаго («Основа»), М. М. Достоевскаго («Время»), Н. Г. Писаревскаго («Русскій Инвалидъ»), Н. Ф. Павлова («Наше Время»), В. А. Кремпина («Разсвѣтъ»), Г. З. Елисеева («Вѣкъ») и И. С. Аксакова («День»). Союзъ «Современника» съ Катковымъ, повторяю, совершенно въ данномъ случаѣ понятенъ: дѣло шло объ одинаково дорогой всѣмъ названнымъ органамъ свободѣ печати; если-же принять въ соображеніе то важное обстоятельство, что въ 1861 году Катковъ стоялъ еще на почвѣ англійскаго парламентаризма, — удивленіе не можетъ появиться у прочитавшаго предположительный списокъ авторовъ коллективной записки.

IV.

Коллективная „записка“ русскихъ литераторовъ.

«Литература, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ самымъ существеннымъ потребностямъ образованнаго общества, и оно не можетъ оставаться равнодушнымъ къ вопросу о положеніи печати — съ каждымъ годомъ растетъ у насъ потребность чтенія, распространяется кругъ читателей, умножается число журналовъ, книгъ и типографій. Печать, какъ и все въ обществѣ, нуждается въ обезпеченіяхъ для своего существованія, въ правильныхъ и твердыхъ условіяхъ для своего развитія. Чѣмъ болѣе растетъ она въ своихъ размѣрахъ и въ своемъ значеніи, тѣмъ нужнѣе ей пріобрѣсти правильное положеніе, *и въ настоящее время для русской печати наступила пора подумать объ этомъ.*

«Мы видимъ, что само правительство сильно озабочено положеніемъ нашей печати, и потому мы считаемъ своимъ долгомъ, какъ лица, по преимуществу заинтересованныя, высказать откровенно наше мнѣніе о мѣрахъ, необходимыхъ для того, чтобы дать литературѣ возможность правильнаго и удовлетворительнаго развитія.

«*Если есть страна, гдѣ свобода печати можетъ быть допущена съ полною безопасностію, то страна эта есть по преимуществу наше отечество.* Нѣтъ сомнѣнія, что правительство наше вполнѣ понимаетъ всѣ выгоды литературы свободной, т. е. огражденной яснымъ и твердымъ закономъ и за свои злоупотребленія подлежащей не административной расправѣ, а разбирательству правильно устроеннаго суда. Видя, какъ неуклонно идетъ оно путемъ благотворныхъ преобразованій, мы убѣждены, что и для этого великаго общественнаго интереса наступитъ своя очередь. *Не считая, однако-же, себя въ правѣ предлагать какія-либо органическія измѣненія,* мы осмѣливаемся заявить возможность улучшить временнымъ образомъ положеніе печати при существующемъ порядкѣ административной расправы. Весь вопросъ состоитъ въ отвѣтственности. Теперь отвѣтственность раздѣляется между цензоромъ и издателемъ или авторомъ. При существующемъ порядкѣ, правительство, можетъ быть, затруднится сосредоточеніемъ всей отвѣтствен-

ности на авторѣ или издателѣ книги; но нѣтъ ни малѣйшаго препятствія, а напротивъ, есть всѣ выгоды возложить полную отвѣтственность на редакторовъ журналовъ, давъ имъ право печатать, по ихъ усмотрѣнію, или съ разрѣшенія цензуры, или подъ собственною отвѣтственностью. Правительство можетъ затрудняться отысканіемъ автора вышедшей книги, дабы подвергнуть его взысканію за нарушеніе закона, и потому предписываетъ типографіямъ не иначе приступать къ печатанію книги и выпускать ее въ свѣтъ, какъ съ разрѣшенія цензора. Но редакторъ газеты или журнала, равно какъ и самое изданіе, находятся постоянно подъ рукою правительства, такъ что отвѣтственность цензора является здѣсь дѣломъ совершенно излишнимъ, въ высшей степени обременительнымъ для журнала, вреднымъ для успѣховъ литературы, вреднымъ для видовъ самого правительства и совершенно безполезнымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

«*Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что въ настоящее время нигдѣ съ такими трудностями не сопряжено дѣло журналиста, какъ въ Россіи.* Вездѣ редакторъ журнала можетъ посвящать своему дѣлу все свое время и всѣ свои силы, заботясь о внутреннемъ его достоинствѣ; у насъ, напротивъ, половина его силъ и времени употребляется на самый неблагодарный и самый непроизводительный трудъ, на сношенія съ цензурой. До сихъ поръ, по непреложному правилу, каждая статья, какого-бы то ни было содержанія и объема, должна идти на предварительный просмотръ къ цензору. Бываютъ статьи, — и такихъ большая часть, которыя по своему содержанію не представляютъ никакихъ затрудненій со стороны цензурныхъ правилъ; но тѣмъ не менѣе, хотя-бы въ статьѣ рѣчь шла о грамматическихъ падежахъ или о первыхъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ, хотя-бы то былъ даже официальный документъ или статья, напечатанная въ другомъ изданіи, съ разрѣшенія цензуры, она должна, въ видахъ общественной безопасности, совершить узаконенный цензурный оборотъ. Изъ типографіи статья отправляется къ цензору, у него остается она болѣе или менѣе продолжительное время; отъ него статья идетъ въ редакцію, изъ редакціи снова отправляется въ типографію; всѣ эти пересылки и задержки чистая трата времени. А если

редакторъ, вполнѣ увѣренный, что статья не представляетъ никакихъ сомнѣній со стороны цензуры, распорядится, во избѣжаніе проволочки, ея версткою или опущеніемъ въ скоропечатный станокъ, то можетъ случиться (и случается слишкомъ часто), что цензору не понравится какое-нибудь слово, какой-нибудь оборотъ, и онъ выключитъ ихъ безъ всякаго раціональнаго основанія, по недоразумѣнію, по незнанію или неопытности, очень понятной, при частой смѣнѣ цензоровъ. Тогда для редактора начинается рядъ мучительныхъ хлопотъ. Работа въ типографіи останавливается, начинаются объясненія съ цензоромъ, переписка, личныя свиданія, апелляціи въ цензурный комитетъ: сколько потеряннаго времени, убытковъ и волненій, сколько силъ, отнятыхъ у производительнаго труда, часто изъ совершенныхъ бездѣлокъ! Каждый редакторъ можетъ набрать изъ цензорскихъ корректуръ десятки, сотни примѣровъ, которые поразили-бы всѣхъ, даже самыхъ придирчивыхъ и строгихъ судей, своею необъяснимою странностью, о которыхъ со смѣхомъ впослѣдствіи станетъ вспоминать историкъ нашей литературы, но которыя тѣмъ не менѣе тяжело и горько обходятся нынѣшнему редактору журнала въ Россіи.

«Не всегда затрудненія со стороны цензора имѣютъ своимъ основаніемъ какое-нибудь, хотя-бы и невѣрное, толкованіе цензурныхъ правилъ; весьма нерѣдко они проистекаютъ лишь изъ особыхъ свойствъ лица, облеченнаго полномочіемъ цензора, условливаются степенью его образованія, особенностями взгляда его на вещи и разными случайными обстоятельствами, неимѣющими никакого отношенія ни къ общимъ цензурнымъ правиламъ, ни къ какимъ-либо видамъ правительства. А потому издатель постоянно долженъ имѣть въ виду не столько сущность дѣла, законъ или волю правительства, сколько ту особую организацію, которая поставлена надъ нимъ въ качествѣ цензора: онъ долженъ изучать ея особенности; прилаживаться къ нимъ, упуская изъ виду существенное, тратить свое время на мелкія, ничтожныя и вовсе ненужныя для правительства компромиссы, оставляя на благоусмотрѣніе цензора все то, что имѣетъ дѣйствительную важность для правительства. Вся горечь, которая такимъ образомъ необходимо разви-

вается изъ отношеній издателя къ цензору, естественно переносится на самое правительство, а иногда и на самые тѣ предметы, которые поставлены подъ охрану закона. *Вотъ источникъ того прискорбнаго антагонизма, который развивается у насъ между правительствомъ и мыслящею частью общества.*

«Совсѣмъ иной видъ могла-бы въ скоромъ времени принять наша литература, если-бы правительство благоразсудило возложить на самихъ редакторовъ полную и серьезную отвѣтственность за собственное дѣло. Нѣтъ ничего и справедливѣе и естественнѣе, какъ отвѣчать за себя и за свое дѣло, и нѣтъ ничего затруднительнѣе, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ отвѣтственность за чужое дѣло. Это такъ естественно, что и въ настоящее время, при существованіи предупредительной цензуры, правительство подвергаетъ отвѣтственности не однихъ цензоровъ, какъ-бы слѣдовало по строгой справедливости, но также и издателей журналовъ. Цензоръ получаетъ выговоръ, редактору грозятъ запрещеніемъ журнала, цензора смѣняютъ, редактора лишаютъ права изданія, ссылаютъ, заключаютъ въ крѣпость. При существующемъ порядкѣ, справедливость требовала-бы освободить редактора отъ всякой отвѣтственности за появленіе какой-бы то ни было статьи, если только она прошла установленное испытаніе и разрѣшена къ напечатанію цензоромъ. Правительство находитъ себя, однако, вынужденнымъ нарушать эту справедливость и, помимо цензора, подвергать взысканію и редактора; оно, слѣдовательно, само признаетъ за редакторомъ отвѣтственность. Остается только поставить эту отвѣтственность правиломъ и сообщить ей характеръ законности и справедливости. Этого-то именно и можетъ достигнуть правительство сосредоточеніемъ всей отвѣтственности на редакторѣ и устраненіемъ цензурной опеки. Раздѣленная отвѣтственность никогда не можетъ быть дѣломъ серьезнымъ или справедливымъ. Такъ какъ редакторъ есть лицо, столько-же извѣстное правительству, какъ и цензоръ; такъ какъ онъ въ неменьшей степени находится подъ его рукою; такъ какъ отъ воли правительства зависитъ самое продолженіе изданія, съ которымъ для редактора соединяются его нравственные и матеріальные интересы; такъ какъ редакція журнала есть сама какъ-бы опредѣленное общественное учрежденіе, подлежащее закону и

открытое для правительства, то нѣтъ ни малѣйшей надобности возлагать отвѣтственность за направленіе журнала и за печатаемыя въ немъ статьи, не на одного издателя, а еще на какое-нибудь постороннее лицо, которое своимъ вмѣшательствомъ можетъ только препятствовать правильному веденію дѣла и развитію чувства справедливой и дѣйствительной отвѣтственности. Хотя правительство, въ крайнихъ случаяхъ, находится вынужденнымъ, вопреки справедливости, не ограничиваться взысканіемъ съ цензора, а подвергать отвѣтственности и издателя, однако, за исключеніемъ такихъ особенныхъ случаевъ, безъ сомнѣнія весьма тягостныхъ для самого правительства, редакторъ не чувствуетъ и не можетъ чувствовать на себѣ серьезной отвѣтственности. Занятый своею игрой съ цензурой, онъ не имѣетъ ни времени, ни свободы, ни побужденія самъ вникать въ требованія закона, въ практическія условія времени, въ виды правительственной власти, совпадающіе съ существенными интересами народа и общества. Поладивъ въ извѣстныхъ пунктахъ съ цензоромъ, пригладивъ наружность статьи согласно его вкусу, редакторъ не чувствуетъ за тѣмъ побужденія практически соображать свою дѣятельность, и стѣсненъ или парализированъ въ своихъ заботахъ о ея внутреннемъ направленіи. Трудно рѣшить, кто болѣе отъ этого теряетъ. Напротивъ, принявъ на себя полную и серьезную отвѣтственность, редакторъ журнала будетъ имѣть и возможность и побужденіе соображать требованія закона и вести свое дѣло согласно съ ними. Законъ и практическія обстоятельства не будутъ заслонены отъ него лицомъ цензора; онъ самъ долженъ будетъ отдавать себѣ точный и ясный отчетъ въ каждой печатаемой имъ статьѣ. Съ другой стороны, правительство, устранивъ этотъ ненужный предварительный контроль цензора, можетъ всегда ясно видѣть, въ какой мѣрѣ направленіе журнала соотвѣтствуетъ его видамъ и соображать, согласно съ тѣмъ, свои дѣйствія.

«Нѣтъ сомнѣнія, что само правительство видитъ неудовлетворительность теперешняго положенія печати, чему доказательствомъ служатъ частыя измѣненія въ регламентахъ и личномъ составѣ цензурнаго управленія. Вопросъ состоитъ не въ томъ, нужно-ли удерживать этотъ порядокъ и это положеніе, а въ томъ, какъ выйти изъ него болѣе

легкимъ и надежнымъ способомъ. Свобода печати предполагаетъ такъ много существенныхъ преобразованій въ административной и судебной системахъ, что литература, по необходимости, должна-бы была переносить весь вредъ своего теперешняго положенія, безъ надежды на какое-либо улучшеніе въ настоящемъ. Но есть возможность значительно улучшить это положеніе, не посредствомъ разрушенія существующаго порядка, а посредствомъ его улучшенія. Не упраздняя ни одного изъ существующихъ теперь цензурныхъ учрежденій, неизмѣняя ихъ состава, правительство можетъ одною весьма легкою реформою сообщить имъ болѣе нормальное значеніе и, прекративъ тѣ обоюдно-обременительныя отношенія, въ которыхъ они находятся теперь въ литературѣ, дать имъ съ тѣмъ вмѣстѣ возможность дѣйствовать полезнѣе и соотвѣтственнѣе съ видами правительства. Не требуя отмѣны ни Главнаго Управленія Цензуры, ни цензурныхъ комитетовъ, каждый редакторъ, въ случаѣ сомнѣнія, будетъ самъ обращаться въ цензурный комитетъ, слагая съ себя отвѣтственность въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ или воля правительства несовсѣмъ ему ясны. Члены цензурныхъ комитетовъ, нынѣшніе цензоры, могли-бы по-прежнему быть органами центральнаго управленія по отношенію къ мѣстной литературѣ. Главное Управленіе Цензуры по прежнему оставалось бы тѣмъ правительственнымъ учрежденіемъ, чрезъ которое Верховная Власть дѣйствуетъ законодательно и распорядительно по дѣламъ печати.

«Предоставивъ редакціямъ журналовъ право печатать подъ своею отвѣтственностью, правительство найдетъ себя въ обладаніи цѣлой системы взысканій. Какъ и теперь, оно можетъ, въ крайнихъ случаяхъ, принимать рѣшительныя мѣры, и противъ журнала, и противъ личности его издателя. Но крайніе случаи рѣдки, и дай Богъ, чтобъ ихъ никогда не было. Безъ всякаго сомнѣнія, правительство неохотно прибѣгаетъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Извѣстное правило: гдѣ нѣтъ въ распоряженіи постепенныхъ, болѣе или менѣе ощутительныхъ взысканій, гдѣ въ распоряженіи есть лишь тяжкое наказаніе, тамъ отвѣтственность мало чувствуется. Виновные большею частію ускользаютъ отъ всякаго взысканія, именно потому, что, кромѣ одного рѣшительнаго и тяжкаго наказанія, нѣтъ въ рукахъ у закона

болѣе легкихъ и болѣе практическихъ способовъ давать чувствовать лицамъ лежащую на нихъ отвѣтственность. Вслѣдствіе предполагаемой перемѣны, кромѣ крайнихъ мѣръ наказанія, остающихся въ запасѣ, будетъ въ рукахъ правительства возможность давать редакціямъ, въ различныхъ степеняхъ, чувствовать ихъ отвѣтственность. Предоставляя имъ самимъ отвѣчать за свое дѣло, правительство можетъ, въ случаѣ уклоненія ихъ отъ закона, угрожать имъ возвращеніемъ подъ опеку цензуры. Одна эта угроза будетъ средствомъ, весьма достаточнымъ для предупрежденія замѣченныхъ уклоненій и проступковъ. Средство это такъ дѣйствительно, что само правительство будетъ прибѣгать къ нему только въ серьезныхъ случаяхъ, и уже одного перваго предостереженія, сопровождаемаго угрозой отдать подъ цензуру, будетъ достаточно, чтобы пресѣчь всякое излишество. Притомъ самое исполненіе этой угрозы можетъ и должно имѣть разныя степени. Въ случаѣ нарушенія устава, правительство, послѣ извѣстнаго числа предостереженій, будетъ лишать журналы льготы именно по отношенію къ тѣмъ предметамъ, по которымъ замѣчено и упорно продолжается это нарушеніе. Такъ, напримѣръ, въ случаѣ нарушенія постановленій, по отношенію къ предметамъ политическимъ, редакціи можетъ быть воспрещено на свой страхъ печатать подобнаго рода статьи, но еще нѣтъ надобности отнимать у ней это право по отношенію къ статьямъ другого рода, напримѣръ, беллетристики и т. п.

«Пребываніе журнала подъ цензурой можетъ быть болѣе или менѣе продолжительно, и отъ правительства всегда будетъ зависѣть сокращеніе срока и возвращеніе свободы журналу.

«Нѣтъ сомнѣнія, что правительство, имѣя въ рукахъ своихъ этого рода наказаніе, не будетъ въ необходимости прибѣгать къ какимъ-либо крайнимъ мѣрамъ, болѣе или менѣе тягостнымъ для него самого.

«Противъ этого плана можетъ быть сдѣлано одно, на первый взглядъ, весьма сильное возраженіе. Пользуясь льготою печатать безъ цензуры, редакція журнала можетъ выпустить такую статью, въ которой самымъ дерзкимъ образомъ будутъ нарушены основные законы о печати. Вникнемъ въ это предположеніе, которое съ перваго взгляда

кажется достаточнымъ основаніемъ для продленія предупредительной цензуры, несмотря на всѣ ея неудобства.

«На свѣтѣ совершаются всякаго рода злодѣянія; въ предупрежденіе ихъ правительства усиливаютъ свою бдительность, общество принимаетъ мѣры къ устраненію тѣхъ условій, которыя болѣе или менѣе предрасполагаютъ его членовъ къ преступнымъ дѣйствіямъ: но ни правительство, ни общество не могутъ простирать свои предупредительныя мѣры до того, чтобы лишать людей матеріальной возможности совершить преступленіе. Нельзя поручиться, что кто-нибудь, выйдя на улицу, не бросится съ ножемъ на проходящихъ: но для предупрежденія такого ужаснаго и очень возможнаго случая, нигдѣ не запрещаютъ появляться людямъ на улицѣ, безъ особыхъ свидѣтельствъ въ ихъ благонамѣренности и здравомысліи. Люди вездѣ безпрепятственно выходятъ, свободно двигаются и встрѣчаются другъ съ другомъ, не тревожась мыслію объ опасности, ежеминутно угрожающей всѣмъ и каждому. Да и могли-ли бы послужить къ чему-нибудь матеріальныя предупредительныя мѣры? Не имѣли-ли бы онѣ своимъ послѣдствіемъ прекращеніе всякаго общежитія? Напротивъ, всякая попытка ограничить и стѣснить обращеніе людей всего скорѣе могла бы развить въ нихъ противообщественные инстинкты и способствовать именно тому самому, что имѣлось въ виду. Этотъ всеобщій ежедневный, всѣмъ очевидный фактъ общежитія можетъ служить самою лучшею повѣркой нашихъ соображеній касательно печати. Печать есть одинъ изъ видовъ общежитія и къ ней въ полной мѣрѣ прилагается то, что имѣетъ силу относительно цѣлаго. Слѣдуетъ-ли, изъ опасенія какого-нибудь преступнаго дѣйствія, подвергать стѣсненію всѣхъ и каждаго? Должно-ли, въ виду воображаемой опасности, парализировать цѣлую дѣятельность, которая, при нормальномъ развитіи, могла бы въ самой себѣ найти достаточную силу отпора, противодѣйствія и предотвращенія? И напротивъ, всякія матеріально-предупредительныя средства не способствуютъ-ли, по закону человѣческой природы, усиленію такого склада въ умахъ, который именно предрасполагаетъ ихъ къ направленіямъ, болѣе или менѣе противнымъ закону?

«Если, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, система матеріальныхъ предупрежденій не увѣнчивается надлежащимъ успѣ-

хомъ и въ тѣхъ сферахъ общественной жизни, гдѣ все подлежитъ простой матеріальной оцѣнкѣ, обыкновеннымъ вѣсамъ и мѣрамъ,—то можно-ли ожидать успѣха въ сферѣ умственныхъ и нравственныхъ явленій, какъ литература? Если дать волю предположеніямъ, то можно изыскать сотни способовъ обмануть бдительность самаго строгаго и придирчиваго цензора для того, чтобы провести преступную мысль. Наконецъ, если бы кто-нибудь дѣйствительно возымѣлъ желаніе совершить въ печати нарушеніе самыхъ основныхъ положеній закона, то ничто не помѣшаетъ такому избрать всякаго рода незаконные пути и при существованіи предварительной цензуры. Фабрикуются же фальшивыя ассигнаціи: могутъ фабриковаться и зажигательныя прокламаціи и возмутительные памфлеты. Содержатели типографій обязаны закономъ не выпускать ничего въ свѣтъ безъ цензурнаго билета; но входы и выходы типографій не стерегутся правительственными агентами: надъ типографскими станками не стоятъ уполномоченные чиновники, обязанные наблюдать за каждымъ поступающимъ въ печать листкомъ. Правительство, постановивъ законъ, воспрещающій содержателямъ типографій выпускать что-либо безъ разрѣшенія цензурнаго комитета, останавливается на этомъ и не принимаетъ никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ для предупрежденія возможныхъ злоупотребленій, оставаясь въ спокойной увѣренности, что содержатели типографій не дозволятъ себѣ злоупотребленій, строго караемыхъ закономъ. Почему же не можетъ правительство простирать ту же увѣренность и на издателей журналовъ? Почему издатель журнала не можетъ заслуживать по крайней мѣрѣ такого довѣрія, какъ содержатель типографіи, и почему, если нѣтъ надобности ставить особую стражу у дверей типографіи, необходимо ставить ее надъ редакціей журнала? Сравнивая еще ближе типографію и журналъ по отношенію къ правительству, мы убѣдимся, что редакція журнала въ гораздо меньшей степени можетъ возбуждать подозрѣнія и опасенія. Возможныя злоупотребленія типографіи, по самому свойству своему, не скоро и не всегда могутъ быть обнаружены. Они требуютъ дознанія, слѣдствія, розыска. Злоупотребленія же издателя книги или журнала очевидны и влекутъ за собою непосредственно кару закона. Какъ отыскать незаконно выпущенный изъ типографіи

листокъ? Какъ дознать и доказать, изъ какой типографіи онъ выпущенъ? Но статья, напечатанная въ журналѣ, сама собою указываетъ на виновника и не требуетъ никакихъ предварительныхъ дознаній для того, чтобы подвергнуть его заслуженной карѣ. Наконецъ, редакторъ журнала есть лицо, по крайней мѣрѣ, столько же дорожащее своимъ положеніемъ, какъ и цензоръ, получающій жалованье отъ правительства. Право издавать журналъ дается у насъ правительствомъ. Если правительство оказываетъ довѣріе цензорамъ и не опасается, что кто-нибудь изъ нихъ, пользуясь своею властію, разрѣшитъ къ печати что-либо предосудительное, то нѣтъ разумнаго основанія опасаться чего-нибудь подобнаго со стороны редакторовъ. Кто приметъ твердое рѣшеніе возмутить страну какимъ-нибудь преступнымъ писаніемъ, тотъ не затруднится въ выборѣ средствъ для осуществленія своей мысли. Скажутъ, всѣ другія средства возбранены закономъ: но посмотритъ-ли на эти возбраненія тотъ, кто рѣшится на нарушеніе основныхъ законовъ?

«Итакъ, всевозможныя предположенія нисколько не даютъ основанія стѣснять предупредительными мѣрами открытую литературу, всегда находящуюся подъ контролемъ правительства, точно такъ же, какъ возможныя злоупотребленія, при встрѣчѣ людей между собой, не даютъ основанія затруднять общежитіе. Напротивъ, въ открытой и честной литературѣ правительство можетъ всегда съ полною увѣренностью находить себѣ опору противъ предполагаемыхъ возмутительныхъ дѣйствій, изъ опасенія которыхъ подвергаютъ ее стѣсненіямъ, и которыя вовсе къ ней не относятся и относиться не могутъ. Чѣмъ болѣе будетъ дано простора открытой и, слѣдовательно, честной литературѣ, тѣмъ болѣе будутъ пресѣкаться пути для тайныхъ и ускользающихъ отъ всякаго контроля дѣйствій. Безпрепятственное развитіе открытой печати есть единственный способъ предупреждать возможность того, что составляетъ главныя основанія всѣхъ опасеній.

«Неправильность системы, принятой у насъ, относительно печати, обозначается весьма характеристически тѣмъ, что правительство какъ бы само не довѣряетъ дѣйствительности цензуры и ставитъ цензуру надъ цензурой, контроль надъ контролемъ. Мы имѣемъ цензурный уставъ: мы имѣемъ

особыя правительственныя учрежденія по дѣламъ печати. Главное Управленіе Цензуры непрерывно сообщаетъ свои указанія цензурнымъ комитетомъ; предсѣдатели цензурныхъ комитетовъ суть члены Главнаго Управленія Цензуры; цензоры разсматриваютъ все, предназначаемое къ печати, и порознь и въ комитетѣ. Казалось бы, этого слишкомъ достаточно для достиженія той цѣли, чтобы въ печати не появлялось ничего, противнаго постановленнымъ отъ правительства условіямъ. И однако, оказывается нужнымъ подвергать многія статьи еще особымъ цензурамъ различныхъ правительственныхъ вѣдомствъ: военнаго, внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, Кавказскаго и Сибирскаго комитетовъ и т. д. Люди, сколько-нибудь мыслящіе не могутъ не задавать себѣ вопроса: зачѣмъ это дѣлается, когда уже есть строгая и бдительная цензура, снабженная всѣми нужными инструкціями и вооруженная всѣми средствами предупрежденія? Нужно-ли еще для спокойствія государства и для огражденія добрыхъ нравовъ посылать книгу или статью военному цензору, въ министерство иностранныхъ дѣлъ, или въ министерство государственныхъ имуществъ? Что еще должно быть предупреждаемо въ литературѣ этими и другими вѣдомствами? Правительство, контролируя печать, не имѣетъ въ виду брать на себя отвѣтственность за справедливость или неосновательность мнѣній, высказываемыхъ авторомъ. «Цензура, сказано въ ст. 15 цен. уст., не имѣетъ права входить въ разборъ или несправедливости или неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только оныя не противны общимъ правиламъ цензуры». При такомъ, совершенно вѣрномъ взглядѣ правительства на отношенія его къ печати, спеціальныя цензуры различныхъ вѣдомствъ являются чѣмъ-то совершенно непонятнымъ. Что за дѣло, если авторъ несправедливо судитъ о какихъ-либо военныхъ предметахъ, или о предметахъ европейской политики, или о путяхъ сообщенія, или о дворянскихъ выборахъ, лишь бы только сужденія его были не противны цензурному уставу и оставались въ предѣлахъ, обозначенныхъ самимъ правительствомъ. Если высказываемыя мнѣнія односторонни и ложны, они должны подвергнуться критикѣ, а не цензурному запрещенію. Правительство, контролируя литературу, безъ сомнѣнія,

должно руководствоваться при этомъ ничѣмъ инымъ, какъ видами Верховной Власти, пользами государства, интересами цѣлой страны; но во всѣхъ этихъ отношеніяхъ нисколько не требуется подвергать частныя мнѣнія или сужденія специальной цензурѣ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, напротивъ, весьма желательно, чтобы по разнымъ предметамъ высказывалось сколь можно болѣе сужденій и сколь можно болѣе разнообразныхъ мнѣній. Печать не есть принадлежность какого-либо класса людей, какой-нибудь клики; въ печати могутъ высказываться и высказываются мнѣнія лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ общественнымъ средамъ, къ различнымъ мѣстностямъ; въ печати могутъ высказываться и государственный человѣкъ, и ученый, и помѣщикъ, и торговецъ, и чиновникъ, и военный человѣкъ, всѣ специальности, всѣ занятія, всѣ роды жизни и дѣятельности. Въ интересѣ Верховной Власти, въ интересѣ страны, слѣдуетъ не стѣснять печати въ этомъ отношеніи, а, напротивъ давать ей всевозможныя льготы, пока она остается въ предѣлахъ, обозначенныхъ самимъ правительствомъ, т. е. пока она не обращается въ зловредный памфлетъ. Какая польза отъ того, что сочиненіе подвергается предварительному просмотру того или другаго специальнаго вѣдомства? Пользы никакой, а вреда много и много злоупотребленій. Министерство, одобряя къ печатанію разсмотрѣнное имъ сочиненіе, совершенно напраснымъ образомъ принимаетъ на себя отвѣтственность за частныя сужденія и мнѣнія. Недопуская къ печати то или другое мнѣніе, министерство беретъ на себя еще болѣе тяжкую отвѣтственность: оно обнаруживаетъ свою нетерпимость, оно нарушаетъ мудрое правило, постановленное нашимъ законодателемъ, не входить въ разборъ несправедливости или неосновательности сужденій, и навлекаетъ на себя со стороны общества подозрѣніе въ недобросовѣстности. Частный человѣкъ, высказывая свое мнѣніе въ журналѣ или книгѣ, не имѣетъ притязанія быть органомъ правительства, а потому и не роняетъ его несправедливостью или неосновательностью своихъ сужденій. Къ тому же, сочиненія, поступающія на специальную цензуру, не могутъ разсматриваться не только самимъ министромъ, но и ближайшими его помощниками, которыхъ дѣятельность нужна для занятій, прямо относящихся до ихъ вѣдомства. Представляе-

мыя сочиненія поступаютъ на разсмотрѣніе кого-нибудь изъ второстепенныхъ чиновниковъ, который не представляетъ ручательствъ, что при оцѣнкѣ сочиненія онъ будетъ вникать въ него и не увлечется никакими посторонними для дѣла видами. Въ сочиненіи могутъ высказываться сужденія, не совсѣмъ согласныя съ тѣми понятіями, которыя чиновникъ составилъ себѣ объ образѣ мыслей своего начальника: онъ будетъ руководствоваться и своимъ вкусомъ, и интересами своихъ сослуживцевъ, и еще болѣе смутнымъ понятіемъ о томъ, что угодно вліятельнымъ лицамъ, отъ которыхъ онъ зависитъ по службѣ. Пользуясь случаемъ, онъ можетъ подвергнуть запрещенію многое такое, что вовсе не относится къ его вѣдомству. Жалобы и апелляціи затруднительны, берутъ слишкомъ много времени, дѣло страдаетъ совершенно понапрасну и вредъ не искупается никакою пользою. Весьма недавно былъ подобный случай.—Изъ редакціи одного изъ московскихъ журналовъ («Русскаго Вѣстника») отправлена была въ министерство государственныхъ имуществъ обширная экономическая статья, писанная въ опроверженіе критики, появившейся въ другомъ журналѣ на статью автора о продажѣ государственныхъ имуществъ. Чиновникъ, просматривавшій статью, не могъ найти въ ней ничего, подлежащаго запрещенію, съ точки зрѣнія его вѣдомства, за то онъ счелъ нужнымъ вычеркивать цѣлыя мѣста, которыя показались ему слишкомъ сильными въ полемическомъ отношеніи. Противникъ автора служитъ самъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и, вѣроятно, находится въ добрыхъ отношеніяхъ къ чиновнику-цензору, и потому этотъ послѣдній счелъ своею обязанностью ослабить доводы и выраженія автора: онъ не только исчеркалъ статью красными чернилами, но и, въ противность цензурнымъ правиламъ, вмѣсто исключенныхъ словъ вписалъ свои.

«Неудобство и вредъ спеціальной цензуры особенно ощутительно оказываются по министерству иностранныхъ дѣлъ. Благодаря вмѣшательству этого министерства въ дѣла печати, русскій человѣкъ становится въ какое-то подчиненное и, можно сказать, рабское положеніе относительно другихъ націй. Ни одно правительство въ Европѣ не отвѣчаетъ предъ нашимъ за частныя сужденія, высказываемыя въ журналахъ о нашемъ отечествѣ, между тѣмъ, какъ наше

правительство должно отвѣчать за каждое слово объ иностранныхъ державахъ, сказанное въ русскихъ журналахъ. Французъ, англичанинъ, нѣмецъ могутъ свободно говорить о насъ, а мы, бѣдные русскіе люди, должны молчать передъ ними, какъ передъ своими властителями или говорить только то, что̀ можетъ быть имъ пріятно; мы должны подлаживаться подъ ихъ интересы и мнѣнія, быть ихъ льстецами и раболѣпными угодниками. Безъ сомнѣнія, правительства, находясь между собою въ извѣстныхъ отношеніяхъ, взаимно обязаны соблюдать извѣстный тонъ въ своихъ дипломатическихъ перепискахъ и въ своихъ офиціальныхъ органахъ, но частныя лица, въ обозначенныхъ закономъ предѣлахъ, ничѣмъ не стѣсняются въ своихъ мнѣніяхъ и тонѣ своихъ отзывовъ. Такъ, наше правительство находится, по политическимъ соображеніямъ, въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ французскому; но это нисколько не препятствуетъ французскимъ журналамъ отзываться о насъ не такъ, какъ бы мы хотѣли, а такъ, какъ они хотятъ сами. Мы же, напротивъ, обязаны настраивать нашъ тонъ на чужой ладъ, потому что наше министерство иностранныхъ дѣлъ, благодаря существованію цензуры, становится какъ-бы органомъ чужихъ правительствъ, принимая на себя отвѣтственность за мнѣнія, высказываемыя частными лицами. Часто это приводитъ къ явленіямъ очень страннымъ и глубоко оскорбительнымъ для національнаго чувства. Недавно цензура запретила журналамъ перепечатывать извѣстное письмо герцога Омальскаго объ исторіи Франціи. Письмо это не памфлетъ русскаго публициста, а дѣйствительно писано герцогомъ Омальскимъ; оно появилось въ самомъ Парижѣ; оно стало извѣстно цѣлой Франціи; вся Европа знаетъ его; оно переведено на всѣ языки и перепечатано во всѣхъ европейскихъ газетахъ; оно было даже перепечатано въ газетѣ «Le Nord», которая, какъ извѣстно, находится въ офиціозныхъ отношеніяхъ къ французскому правительству. Только для русской публики письму этому суждено было остаться тайной. Почему для русской? Почему цензура нашла опаснымъ для русской публики династическій споръ, который касается только Франціи? Неужели престолъ императора Наполеона III основанъ на мнѣніяхъ или преданности русской публики, и неужели для его спокойствія нужно было скрывать отъ

ней письмо принца Орлеанской династіи, извѣстное Франціи и всей остальной Европѣ? Что должна подумать русская публика о такомъ тщательномъ укрытіи отъ нея всѣмъ извѣстнаго документа, и зачѣмъ издѣваются надъ ней журналы, печатая въ своихъ столбцахъ опроверженіе документа, который отъ ней скрытъ, и отчеты о судебномъ процессѣ, происходившемъ по его поводу въ Парижѣ? Какъ должно отозваться это грустное явленіе въ образованной части русскаго общества,—явленіе, въ которомъ оно поневолѣ должно видѣть необъяснимое и оскорбительное для русской чести раболѣпство! Гдѣ же значеніе Россіи, какъ великой державы, когда ея правительство, въ своихъ внутреннихъ распоряженіяхъ должно сообразоваться съ волею другихъ правительствъ, предупреждать ихъ желаніе, простирать свою заботливость о нихъ дальше, можетъ быть, чѣмъ сами они заботятся о себѣ, лишь только изъ того, чтобы заявить передъ ними свое усердіе? И какъ бы для того, чтобъ эта грустная несообразность представилась еще рѣзче, въ то самое время, когда русская цензура, plus Napoléonienne que Napoléon lui même, запрещаетъ въ русскихъ журналахъ письмо Герцога Омальскаго,—въ парижскихъ журналахъ, не только такихъ какъ «Siécle», «Débats» и др., ненаходящихся въ прямыхъ отношеніяхъ къ правительству, но и въ такихъ, какъ «Pays», «Patrie», которые завѣдомо служатъ ему офиціозными органами, появляются, по поводу варшавскихъ событій, статьи совершенно не въ видахъ нашего правительства, такъ что оно должно опровергать ихъ въ своемъ органѣ, изобличая эти газеты во лжи, недобросовѣстности, клеветѣ. Отчего наше правительство не требуетъ у французскаго отчета за появленіе этихъ ложныхъ показаній во французскихъ газетахъ? Наше правительство не можетъ этого сдѣлать, а если бы и сдѣлало, то получило бы въ отвѣтъ, что французскіе журналы не находятся подъ цензурой и что французское правительство не вмѣшивается въ частныя мнѣнія и сужденія.

«Національное чувство надобно поддерживать и возвышать, а не подвергать его уничиженію, особенно когда нѣтъ ни малѣйшей въ томъ надобности. Нельзя не сознаться, что виною этихъ грустныхъ явленій, которыя не могутъ остаться безъ самыхъ вредныхъ послѣдствій для бу-

дущаго Россіи, если они продлятся, служитъ неправильное положеніе нашей печати, неправильное отношеніе къ ней нашего правительства и безъ всякой нужды тяготѣющая надъ нею предупредительная цензура. Правительство наше само сознаетъ это. Доказательствомъ тому можетъ служить официальная статья, напечатанная отъ имени министерства иностранныхъ дѣлъ, въ его органѣ: «Journal de St. Pétersbourg», въ 1859 году. Въ статьѣ этой сказано:

„Съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи дано больше простора выраженію мысли, русская печать заняла мѣсто въ Европѣ, какъ новый элементъ общей гласности. Русскіе журналы читаются за границею, на нихъ ссылаются, они служатъ предметомъ истолкованій, въ нихъ ищутъ выраженія общественнаго мнѣнія, которое до сихъ поръ имѣло мало случаевъ высказаться. Но въ органахъ иностранной печати все еще замѣтно нѣкоторое колебаніе относительно дѣйствительнаго значенія этого голоса, для нихъ непривычнаго; до сихъ поръ не даютъ себѣ яснаго отчета о его значеніи и о томъ характерѣ, который слѣдуетъ приписывать ему. Такъ, одинъ журналъ, издающійся въ Брюсселѣ, считается постоянно органомъ русскаго правительства, потому только, что онъ основанъ на капиталъ частныхъ лицъ, живущихъ въ Россіи [1]). Точно также, весьма часто думаютъ, будто императорское правительство, прямо или косвенно, даетъ направленіе ежедневнымъ газетамъ и періодическимъ изданіямъ, выходящимъ въ самой Россіи, и при этомъ основываются только на томъ, что онѣ подчинены предварительной цензурѣ. Такое истолкованіе невѣрно и несправедливо. Мы считаемъ своею обязанностью разъ навсегда опровергнуть его.

„Очевидно, что открывая болѣе широкій путь для русской печати, правительство имѣло въ виду снять съ себя отвѣтственность во всемъ, кромѣ тѣхъ обязательствъ, которыя вытекаютъ изъ общественныхъ и международныхъ началъ, уважаемыхъ всѣми образованными государствами. Предварительная цензура, которой подчинены журналы, не имѣетъ другой цѣли. Цензоры поставлены для наблюденія за тѣмъ, чтобы въ мнѣніяхъ, высказываемыхъ гласно, не

[1]) Рѣчь идетъ о газетѣ „Le Nord", въ дѣйствительности, бывшей нашимъ офиціозомъ въ Брюсселѣ.

было ничего противнаго религіи, нравственности, общественному порядку и уваженію, подобающему государямъ и правительствамъ. Во всемъ остальномъ всякое частное мнѣніе можетъ быть высказано въ Россіи, и русская печать, получивши право обсуждать, въ надлежащихъ границахъ, внутренніе вопросы, пользуется тѣмъ же правомъ и въ отношеніи къ вопросамъ иностранной политики.

„Поэтому мы считаемъ долгомъ, формально опровергнуть всякое толкованіе, извращающее отношеніе печати къ правительству. Мы уполномочены объявить самымъ категорическимъ образомъ, что журналы русскіе или считающіеся таковыми, издающіеся въ Россіи или въ другихъ странахъ, представляютъ не болѣе, какъ свои собственныя мнѣнія, что правительство не беретъ на себя ни одобрять эти мнѣнія, ни порицать ихъ, и что еще менѣе можетъ оно принять на себя отвѣтственность за нихъ, на какомъ бы то ни было основаніи".

«Къ сожалѣнію, эти прекрасныя мысли остались на словахъ и не могли перейти въ дѣло. Иностранная публика не повѣрила имъ; ими русское правительство не успѣло пріобрѣсти себѣ желанной независимости отъ правительствъ иностранныхъ, *ибо существованіе предупредительной цензуры препятствуетъ вѣрить, чтобы правительство воздерживалось отъ вмѣшательства въ частныя сужденія и мнѣнія.* Что-же касается до русской публики, то что должна думать она въ виду вышеупомянутой статьи, которою министерство иностранныхъ дѣлъ отрекается отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла печати, и зная въ то же время, что оно безпрестанно въ нихъ вмѣшивается.

Вслѣдствіе неправильнаго положенія печати, становятся возможны всякаго рода произвольныя распоряженія, иногда противорѣчащія ясно выраженной высочайшей волѣ и колеблющія въ публикѣ уваженіе къ правительству. Не такъ давно почтовое вѣдомство приглашало всѣхъ и каждаго свободно высказывать замѣчанія о разныхъ предметахъ почтоваго управленія. Это приглашеніе не могло не произвести самаго благопріятнаго впечатлѣнія на публику, которая видѣла въ немъ живую и благородную заботливость правительственныхъ лицъ о ввѣренной имъ части. Верховная власть одобрила такой открытый образъ дѣйствій своихъ

исполнителей. И дѣйствительно, та часть управленія должна быть одушевлена самымъ искреннимъ желаніемъ добра, которая не только не избѣгаетъ публичной оцѣнки и замѣчаній, но сама усердно вызываетъ ихъ. Что же, однако, вышло? По приглашенію въ журналахъ появилось нѣсколько статей, гдѣ добросовѣстно указывалось на нѣкоторые очевидные неудобства, недостатки и злоупотребленія. Почтовое вѣдомство, показавъ себя въ столь благопріятномъ свѣтѣ, какъ передъ верховною властью, такъ и передъ цѣлымъ обществомъ, обратилось, но уже не открытымъ, а канцелярскимъ или конфиденціальнымъ путемъ къ министру народнаго просвѣщенія, прося его сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ статьи, касающіяся почтоваго вѣдомства, представлялись въ это вѣдомство на предварительное разсмотрѣніе. Министръ конфиденціально сообщилъ объ этомъ предсѣдателямъ цензурнаго комитета, и отнынѣ ни одна строка о предметахъ почтоваго вѣдомства не печатается безъ его предварительнаго разрѣшенія, чего и прежде никогда не бывало. Въ противность цензурному уставу, по которому почтовое вѣдомство не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ дано право спеціальной цензуры, оно теперь-то именно, послѣ своего либеральнаго вызова, и получило это право, не по высочайшей волѣ, безъ которой спеціальная цензура не можетъ быть законно учреждена, а благодаря той системѣ конфиденціальныхъ сообщеній, которая принята у насъ относительно дѣлъ печати. Какъ же пользуется почтовое вѣдомство этимъ, самовольно захваченнымъ правомъ? Изъ доставленныхъ ему отъ московскаго цензурнаго комитета статей, ни одна не была одобрена имъ къ печати, и оно возвратило ихъ при бумагѣ слѣдующаго содержанія:

„Опубликованіе ихъ (статей) не поведетъ ни къ какимъ полезнымъ результатамъ и совершенно противорѣчитъ цѣли сдѣланнаго въ недавнемъ времени вызова, со стороны почтоваго вѣдомства, приглашавшаго именно сообщить ему прямо, безъ всякой формальности, о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, допускаемыхъ почтовыми чиновниками, для своевременнаго принятія необходимыхъ мѣръ къ устраненію этихъ злоупотребленій. Жалобы же, сообщаемыя въ редакціи для печати, какъ разбросанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, легко могутъ совершенно ускользнуть отъ

вниманія почтоваго департамента, которому нѣтъ никакой возможности слѣдить за всѣми журналами и газетами, издающимися у насъ въ настоящее время, и такимъ образомъ не будетъ достигнута правительственная цѣль, заключающаяся въ возможномъ усовершенствованіи почтовой части, и не удовлетворятся справедливыя желанія частныхъ лицъ, требующія иногда неотложныхъ распоряженій со стороны почтоваго управленія.

„Принимая въ соображеніе это обстоятельство, департаментъ покорнѣйше проситъ московскій цензурный комитетъ, въ случаѣ полученія имъ на будущее время статей, подобныхъ замѣткѣ г. Кониськаго и замѣткѣ купца Гротова, благоволить объяснять г.г. сочинителямъ чрезъ редакторовъ, чтобы они передавали свои замѣчанія непосредственно почтовому департаменту".

«Редакціи журналовъ, безъ всякаго сомнѣнія, весьма охотно доставляли бы въ почтовое вѣдомство особые оттиски статей, которыми оно интересуется, такъ что оно было бы избавлено отъ необходимости слѣдить за журналами. Что же касается до жалобъ и разнаго рода замѣчаній, то для представленія ихъ по начальству не требовалось ни особаго разрѣшенія, ни вызововъ; путь этотъ всегда былъ открытъ, но онъ не приводитъ къ желательнымъ результатамъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ не объ однихъ какихъ-либо личныхъ жалобахъ и неудовольствіяхъ, а о самой организаціи дѣла. Кому неизвѣстна судьба всякаго рода проектовъ, представляемыхъ по начальству? Какой министръ, при всей даровитости, при всемъ усердіи, при самой неутомимой дѣятельности былъ бы въ состояніи читать съ полнымъ вниманіемъ всякаго рода проекты, представляемые ему съ разныхъ сторонъ отъ неизвѣстныхъ лицъ? Очень естественно, что всѣ эти сообщенія подвергались бы участи канцелярской процедуры и слагались бы въ архивъ безъ всякихъ послѣдствій. Совсѣмъ иное бываетъ съ мнѣніями, которыя высказываются печатно. Всякое мнѣніе, для того, чтобы появиться въ печати, должно пройти повѣрку редакціи, которая, естественно, должна заботиться о томъ, чтобы не компрометировать свое изданіе ни предъ закономъ, ни предъ

публикою. Печатно высказанное мнѣніе становится общимъ достояніемъ: оно будетъ повторено, дополнено, развито, очищено: оно получаетъ, нѣкоторымъ образомъ, значеніе факта, оно вступаетъ въ жизнь, и совершенно не принять его къ свѣдѣнію было бы невозможно.

«Если въ немъ есть что-нибудь дѣльное, то рано или поздно оно окажетъ свое дѣйствіе. Оно высказывается не для одной публики, какъ для чего-то отдѣльнаго отъ правительства и ему противоположнаго: оно есть также и достояніе правительства. Министръ услышитъ его отъ своихъ товарищей, оно можетъ стать извѣстнымъ и самой верховной власти — великое побужденіе для министра обратить на него вниманіе и отдать себѣ въ немъ положительный отчетъ. Высказанное мнѣніе можетъ быть не совсѣмъ согласно со взглядами министра и съ принятою имъ системою, но оно для него нисколько не обязательно, и онъ тѣмъ съ большею энергіею и рѣшимостію можетъ идти противоположнымъ путемъ, если при внимательномъ испытаніи высказаннаго мнѣнія еще болѣе убѣдится въ вѣрности своихъ началъ. Но можетъ быть также и то, что высказанное мнѣніе поведетъ министра къ какимъ-нибудь плодотворнымъ соображеніямъ, укажетъ на недостатки принятой системы, побудитъ его, можетъ быть, отказаться отъ нѣкоторыхъ предубѣжденій, весьма естественныхъ во всякомъ человѣкѣ, какъ бы онъ ни былъ даровитъ и добросовѣстенъ. Люди совершенствуются и образуются лишь благодаря взаимодѣйствію. Печатно высказанное мнѣніе можетъ принадлежать человѣку, спеціально призванному, въ высшей степени свѣдущему и опытному, можетъ быть, человѣку геніальному. Въ канцеляріяхъ оно бы заглохло, а явившись въ печати, становясь общимъ достояніемъ, оно можетъ жить, развиваться и дѣйствовать. Великій Наполеонъ не вѣрилъ въ возможность пароходства и, безъ всякаго сомнѣнія, проекты многихъ великихъ изобрѣтеній никогда не могли осуществиться, если бы не было другихъ путей, кромѣ канцелярскихъ. За устраненіемъ всего оскорбительнаго, личнаго, недостойнаго, всякое сужденіе и мнѣніе, хотя бы оно было несогласно со взглядами министровъ, могутъ безъ всякаго ущерба появиться въ печати въ изложеніи серьезномъ и согласномъ съ предписаніями закона.

«Въ какомъ печальномъ и болѣзненномъ состояніи находится наша печать, объ этомъ можетъ еще свидѣтельствовать случай, происшедшій недавно въ Москвѣ. Одна изъ московскихъ газетъ была задержана цензурой и не могла появиться въ срокъ, потому что редакція сочла интереснымъ для своихъ читателей сообщить нѣсколько свѣдѣній изъ напечатаннаго въ Кіевѣ описанія обѣда, даннаго тамошнимъ округомъ бывшему попечителю Н. И. Пирогову. Цензурный комитетъ нашелъ затруднительнымъ и опаснымъ допустить перепечатаніе въ московской газетѣ того, что было напечатано въ Кіевѣ. Ему показалось опаснымъ сообщать московской публикѣ то, что происходило среди бѣлаго дня, открыто, съ вѣдома властей, при участіи почтенныхъ и заслуженныхъ лицъ. Газета не могла выйти, потому что не могла въ скоромъ времени замѣнить статью, подвергшуюся запрещенію. Ей не было дозволено заявить, что она не можетъ выйти, въ полномъ своемъ составѣ, по обстоятельствамъ, отъ нея независящимъ. Но цензурный комитетъ, въ успокоеніе редакціи, сообщилъ ей, что онъ отправилъ телеграфическую депешу къ министру народнаго просвѣщенія спросить его мнѣнія. Прямо было сказано, что такъ какъ попечитель Пироговъ находился, будто бы, не совсѣмъ въ хорошихъ отношеніяхъ къ министру народнаго просвѣщенія, то будто бы ему могутъ быть не совсѣмъ пріятны тѣ похвалы и тѣ изъявленія сочувствія, которыми провожали г. Пирогова его прежніе подчиненные. Министръ, конечно, не могъ бы возложить отвѣтственность на московскій цензурный комитетъ за сочувствіе, изъявленное г. Пирогову въ Кіевѣ; но цензурному комитету представлялся удобный случай изъявить свое усердіе и для этого онъ отправилъ въ С.-Петербургъ телеграфическую депешу справиться о томъ, о чемъ спрашивать вовсе не слѣдуетъ, и задержалъ газету.

«Въ подобныхъ случаяхъ нельзя винить и осуждать лица. Всѣ эти неправильности зависятъ не только отъ свойства лицъ, сколько отъ неправильнаго положенія дѣла. Нельзя съ точностью рѣшить, что̀ наиболѣе отъ этого страдаетъ, литература-ли, общество-ли, или то высокое значеніе справедливости, безпристрастія и законности, которыя должны соединяться съ понятіемъ о правительствѣ. Многіе думаютъ,

что если безчисленное множество злоупотребленій и неправильныхъ дѣйствій ускользаютъ отъ печатной гласности, то они остаются погребенными во мракѣ неизвѣстности и не производятъ послѣдствій. Къ сожалѣнію, все это извѣстно, все это циркулируетъ въ обществѣ съ неизбѣжными преувеличеніями, все это дискредитируетъ лица, призванныя служить исполнителями правительственныхъ цѣлей, все это, къ сожалѣнію, пріучаетъ общество смотрѣть легкомысленно на самое правительство, и все это, конечно, не можетъ оставаться безъ послѣдствій, гораздо болѣе вредныхъ, чѣмъ самыя заносчивыя журнальныя статьи.

«Если наша печать должна еще оставаться подъ административною расправою, то было бы, по крайней мѣрѣ, желательно, чтобъ Главное Управленіе Цензуры приняло въ нѣкоторой степени характеръ судебный. Существенная особенность суда состоитъ въ томъ, чтобы не объявлять обвиняемаго виновнымъ, не выслушавъ его, не давъ ему возможности защищать и оправдать себя. Безпристрастіе, терпимость, спокойствіе, характеризующія законъ и истинную силу, не могутъ повредить никакому дѣлу, а, напротивъ, могутъ только возвысить значеніе всякаго дѣла. Какъ бы ни былъ очевиденъ проступокъ, можетъ быть, спокойное изслѣдованіе его и объясненіе со стороны подсудимаго значительно измѣнять составившееся мнѣніе. Лучше нѣсколько лишнихъ дней помедлить карою, нежели совершить несправедливую и несоразмѣрную кару. Главное Управленіе всегда имѣетъ возможность, прямо или чрезъ посредство цензурнаго комитета, спросить редактора, на какомъ основаніи напечаталъ онъ статью, обратившую на себя вниманіе правительства. Весьма нерѣдко, какое-либо сочиненіе навлекаетъ на себя неудовольствіе правительственныхъ лицъ за нѣсколько мѣстъ, вырванныхъ изъ связи и представленныхъ на видъ какими-нибудь недоброжелательственными оцѣнщиками. Приведенныя въ свою естественную связь, эти мѣста могутъ получить совсѣмъ другое значеніе, и дѣло можетъ представиться совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, при спокойномъ разсмотрѣніи, безпристрастно выслушивающимъ не только доводы противъ, но и доводы въ пользу обвиняемаго. Вообще литература приняла бы съ величайшей благодарностью такое распоряженіе, которое дозволило бы

присутствовать въ Главномъ Управленіи Цензуры, при обсужденіи дѣлъ печати, особымъ ходатаямъ за литературу, въ числѣ двухъ или трехъ выбранныхъ отъ всѣхъ періодическихъ изданій, которые имѣли-бы только совѣщательный, а не рѣшающій голосъ. Отъ нихъ Главное Управленіе печати узнавало-бы объ ея нуждахъ и жалобахъ, и они-же, въ случаѣ надобности, могли-бы служить адвокатами обвиняемыхъ. Это значительно обезпечило-бы положеніе печати и, нисколько не стѣсняя правительства, давало-бы ему только возможность знакомиться прямѣе и ближе съ интересами и нуждами печати, судить безпристрастно и карать справедливо могущіе встрѣчаться въ ней проступки.

«Наконецъ, въ третьихъ, для правильнаго положенія печати необходимо, чтобы правительство относилось къ ней такъ, какъ оно относится къ другимъ сферамъ общественной жизни. Подчиняясь постановленіямъ верховной власти, мы съ тѣмъ вмѣстѣ позволимъ себѣ желать, чтобы относящіяся до печати высочайшія повелѣнія и статьи свода законовъ не были отмѣняемы на практикѣ распоряженіями административныхъ лицъ, и не подвергались никакимъ произвольнымъ толкованіямъ, лишающимъ насъ возможности сообразоваться съ ихъ смысломъ, безпрестанно измѣняющимся, смотря по характеру толкователя. Отъ литературы требуется чувство законности, она, въ свою очередь, имѣетъ право желать, чтобы и въ отношеніи къ ней была соблюдаема законность. Мы думаемъ, что по отношенію къ печати нѣтъ никакой надобности оставлять тотъ прямой путь, какому слѣдуетъ правительство по другимъ частямъ. *Принимая какую-либо мѣру относительно печати, правительство не имѣетъ надобности дѣлать это потаенньмъ образомъ, какъ-бы замаскировываться и скрываться.* До сихъ поръ воля правительства по дѣламъ печати сообщается большею частью въ конфиденціальныхъ циркулярахъ цензурнымъ комитетамъ или даже въ частныхъ письмахъ къ предсѣдателямъ. Что правительство считаетъ полезнымъ и необходимымъ, оно можетъ то дѣлать открыто, и каждое распоряженіе его, получивъ санкцію высочайшей воли, само собою становится закономъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія. Мы не видимъ необходимости прибѣгать, относительно печати, къ тайнымъ путямъ; мы не понимаемъ, зачѣмъ ставятъ ее

въ какой-то неестественный антагонизмъ относительно правительства. Окружая тайною правительственныя распоряженія, не поселяютъ-ли этимъ въ обществѣ невольнаго недовѣрія къ искренности правительства и сомнѣнія въ его видахъ? Такой образъ дѣйствій правительства, по отношенію къ печати, несуществующій даже въ тѣхъ странахъ Европы, гдѣ онъ, можетъ быть, и имѣлъ бы какія-нибудь основанія, не имѣетъ никакого у насъ, и причиняетъ, совершенно напраснымъ образомъ, вредъ какъ правительству, такъ и литературѣ. Какъ требовать отъ пишущихъ чистосердечія и законности, когда они не видятъ ихъ со стороны представителей власти, и когда само правительство дѣйствуетъ противъ литературы, какъ противъ враждебнаго лагеря! Цензура есть у насъ всѣмъ извѣстное учрежденіе, и на каждой книгѣ выставляется имя цензора, разрѣшившаго ея печатаніе; но тѣмъ не менѣе принимаются всѣ мѣры скрыть существованіе цензуры и запрещается всякій намекъ на ея присутствіе въ дѣлѣ печати. Нельзя сказать, что статья не напечатана, потому что не одобрена цензурой; воспрещается даже многоточіе, потому только, что оно можетъ быть принято за признакъ цензуры. Мы не можемъ понять этихъ усилій скрывать то, что всѣмъ извѣстно. Всякій поневолѣ приходитъ къ заключенію, что правительство какъ бы стыдится собственныхъ своихъ распоряженій, само не довѣряетъ своему праву и даже своей силѣ и прибѣгаетъ къ хитрости, ничѣмъ необъяснимой и совершенно напрасной. Итакъ, необходимы открытыя, ясныя отношенія между правительствомъ и литературой. Всякое распоряженіе правительства будетъ закономъ только тогда, когда оно явится съ истиннымъ характеромъ закона, т. е. какъ высочайшая воля, обнародованная правильнымъ путемъ» [1]).

Повторяю, «записка» эта не имѣла никакихъ практическихъ послѣдствій. Она была подшита къ дѣлу, что особенно рельефно видно изъ занимаемаго ею мѣста въ «запискѣ» Фукса...

---

[1]) „Записка о цензурѣ кол. асс. Фукса", 1862 г., приложеніе Д. Куреивъ мой.

V.

Отставка гр. Путятина. Назначеніе А. В. Головнина. Личность новаго министра просвѣщенія.

Между тѣмъ гр. Путятинъ положительно не пользовался популярностью ни въ одной части общества, потому что одну изъ нихъ прямо возстановилъ противъ себя крутыми, но плохо продуманными мѣрами для борьбы съ эпохой; другую не умѣлъ убѣдить въ раціональности своихъ проектовъ, частично совпадавшихъ съ ея чаяніями. Правительство, между тѣмъ, склонялось, кажется, къ перемѣнѣ политики, думая остановиться въ области просвѣщенія на весьма умѣренномъ либерализмѣ. Такой курсъ былъ поддержанъ Валуевымъ и отчасти кн. А. М. Горчаковымъ. Моментъ нерѣшительности былъ недлиненъ: 25 декабря 1861 года, на мѣсто гр. Путятина назначенъ А. В. Головнинъ. Умѣренный либерализмъ получалъ еще одного союзника.

Окончивъ александровскій лицей въ 1839 г., девятнадцатилѣтній Александръ Васильевичъ Головнинъ поступилъ въ Соб. Ея И. В. канцелярію, по управленію учебными и благотворительными заведеніями; въ 1843 г. сталъ уже секретаремъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, Перовскаго, гдѣ, кстати сказать, былъ сослуживцемъ И. С. Тургенева, а въ 1848 г. поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій къ начальнику главнаго морского штаба, кн. А. С. Меншикову, выдвинувшему Головнина командировкой, въ 1850 г., къ молодому генералъ-адмиралу, великому князю Константину Николаевичу, для ближайшаго ознакомленія его, по волѣ государя, съ французскимъ морскимъ уставомъ. Вступленіе на престолъ императора Александра II открыло генералъ-адмиралу широкое поприще дѣятельности, а морское, дотолѣ скромное министерство, поставило на видное мѣсто въ преобразовательной эпохѣ. При руководствѣ Головнина преображается «Морской Сборникъ»; Головнинъ-же былъ въ качествѣ постояннаго посредника между множествомъ лицъ, осаждавшихъ генералъ-адмирала своими проектами и записками по крестьянскому дѣлу; онъ сблизился на этой почвѣ съ Н. А. Милютинымъ, А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, В. А. Арцимовичемъ, Ю. Ѳ. Самаринымъ, К. Д. Кавелинымъ, А. Д. Шумахеромъ и другими соз-

(„Русская Старина" 1887 г. № 3).

дателями зари и солнца освобожденія. Въ 1859 г. Головнинъ назначенъ статсъ-секретаремъ и опредѣленъ членомъ главнаго правленія училищъ, а осенью 1861 г. великій князь уже хлопочетъ о смѣнѣ Путятина...

Когда Головнинъ вступалъ на свой новый постъ, онъ былъ, дѣйствительно, тѣмъ, кѣмъ и принято представлять его: человѣкомъ снаружи расположеннымъ къ просвѣщенію и свободѣ печати и, казалось, неспособнымъ ни на компромиссы, ни на карьеризмъ. Но не проходитъ года, какъ становится ясно, что твердость не его качество, компромиссъ— способъ его дѣйствій. Съ Валуевымъ у него была общая черта: много говорить, часто либеральничать, но дѣлать слишкомъ мало. Сколько разъ пришлось ему поступаться собственными убѣжденіями, въ видахъ дальнѣйшей прочности на министерскомъ посту... И напрасно думаютъ, что политика компромиссовъ была результатомъ искренняго желанія сдѣлать, благодаря ей, хоть что-нибудь. Даже такая никуда негодная постепеновщина не входила въ намѣренія Головнина [1]).

Общество и литература встрѣтили новое назначеніе довольно сочувственно, ожидая отъ Головнина, какъ протеже, несомнѣнно, сочувствовавшаго прогрессу Константина Николаевича, много новаго и ужъ во всякомъ случаѣ возможнаго исправленія сдѣланныхъ за послѣднее время ошибокъ. Но... новый министръ получилъ такое напутствіе, которое заставило задуматься оптимистически настроенное общество...

VI.

Письмо Филарета московскому генералъ-губернатору.

Дѣло въ томъ, что еще 14 декабря, Валуевъ писалъ московскому генералъ-губернатору Тучкову: «Здѣсь говорятъ, что будто-бы въ церквахъ Москвы, во время богослуженія, читается недавно составленная особая молитва объ

---

[1]) Не могу здѣсь не замѣтить, что много похвалъ раздается Головнину, именно какъ президенту цензуры, между прочимъ и такимъ историкомъ, какъ Джаншіевъ. Послѣдующее изложеніе покажетъ, насколько справедливо приписывать ему тѣ или другія облегченія литературѣ (ср. „Эпоха великихъ реформъ", изд. 7-е, стр. 367—368).

избавленіи Россіи отъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ она будто-бы находится въ настоящее время. Имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство почтить меня увѣдомленіемъ, насколько справедливъ этотъ слухъ, и если, дѣйствительно, читается какая-либо молитва, которая могла подать поводъ къ подобнымъ толкамъ, доставить мнѣ копію съ оной».

Дымъ былъ не безъ огня. Сначала въ домовой церкви самого Филарета, а потомъ и въ другихъ читалась слѣдующая молитва: «Еще молимся, о еже милостиву и благоувѣтливу быти благому и человѣколюбивому Богу нашему, отвратити всякій гнѣвъ на ны движимый, и избавити насъ отъ належащаго и праведнаго Своего прещенія, и простити намъ всякое согрѣшеніе вольное и невольное, и помиловати насъ недостойныхъ рабовъ Своихъ, въ сердцѣ сокрушенномъ рцемъ вси: молимся, услыши и помилуй». При этомъ митрополитъ прибавлялъ для свѣдѣнія священнослужителей: «Понеже *умножились* грѣхи наши, и *наипаче* требуется покаянная и умиленная молитва: сего ради на вечерни, утрени и литургіи, при окончаніи сугубыя ектиніи, глаголи и сіе:»— дальше шла самая молитва.

Очевидно, Филаретъ отвѣчалъ этимъ на смутное состояніе своей паствы, что, какъ мы видѣли, и было посильнымъ содѣйствіемъ на просьбу гр. Путятина...

Когда Тучковъ запросилъ митрополита по предмету министерскаго предписанія, Филаретъ отнесся къ нему съ очень пространнымъ письмомъ, быстро какъ-то разошедшимся по рукамъ, а затѣмъ вскорѣ и напечатаннымъ въ «Душеполезномъ Чтеніи»[1]).

«Ваше высокопревосходительство, милостивый государь.

«Г. Министръ внутреннихъ дѣлъ требуетъ свѣдѣнія, справедливъ-ли слухъ, что въ церквахъ Москвы, во время богослуженія, читается недавно составленная особая молитва объ избавленіи Россіи отъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ она, будто-бы, находится въ настоящее время, и доставленія копіи съ оной молитвы.

[1]) 1862 г., № I. Тамъ оно въ сокращеніи и безъ объясненія мотивовъ. Многіе невѣрно приписываютъ это письмо адресованнымъ императору Александру II.

«О семъ на конфиденціальное отношеніе вашего высокопревосходительства, отъ 16 дня сего декабря (№ 666), отвѣтствую.

«Не составлено, и въ церквахъ Москвы не читается особой молитвы о избавленіи Россіи отъ затруднительнаго положенія, въ какомъ она будто-бы находится въ настоящее время.

«Во время общественныхъ бѣдствій, какъ напримѣръ, во время войны, на литургіи колѣно-преклонно произносится священникомъ особая молитва, примѣненная къ обстоятельствамъ времени. Ничего такого нѣтъ въ настоящее время въ московскихъ церквахъ.

«Вѣроятно, слухъ, дошедшій до г. министра, произошелъ отъ перетолкованія дѣйствія, просто церковнаго, не соединеннаго ни съ какимъ указаніемъ на политическія обстоятельства Россіи.

«На всякой вечернѣ, воскресной и праздничной, на литіи (если сія не опускается для сокращенія богослуженія), между прочимъ, читается слѣдующее молитвенное прошеніе:

„Еще молимся о еже милостиву быти благому и человѣколюбивому Богу нашему, отвратити всякій гнѣвъ на ны движимый, и избавити насъ отъ належащаго и праведнаго Своего прещенія и помиловати насъ". Сіе прошеніе, съ присоединеніемъ немногихъ выраженій, не заключающихъ въ себѣ особаго прошенія, а только возбуждающихъ къ сердечной молитвѣ, съ нѣкотораго времени, въ моей домовой церкви, произносится діакономъ, между прочими прошеніями, такъ называемой сугубой ектиніи, на вечернѣ, утрени и литургіи...

«Всѣ, обыкшіе слышать вышеозначенное прошеніе на вечернѣ воскресной и праздничной, знаютъ, что оно составлено въ древности въ Греціи, и слѣдовательно не указываетъ ни на какія необыкновенныя обстоятельства Россіи, и, будучи произносимо въ радостной праздничной службѣ, не есть выраженіе какихъ-либо затруднительныхъ или скорбныхъ обстоятельствъ, а есть просто смиренное и покаянное молитвенное прошеніе.

«Только люди, которые не ходятъ къ праздничной вечернѣ, и мало знакомые съ церковною службою, могли принять оное за новость и дать оному произвольное догадочное толкованіе.

«Записка, заключающая вышеозначенное прошеніе, была также передана мною въ каѳедральный монастырь и въ каѳедральный соборъ, съ разрѣшеніемъ, что оное могутъ употреблять священнослужители, поколику сознаютъ нужду особенно возбуждать себя и другихъ къ смиренной и покаянной молитвѣ.

«Записка сія отдана мною въ томъ самомъ видѣ, какъ при семъ прилагается [1]), и безъ моей подписи, дабы ее не принимали за предписаніе, а могли употреблять только желающіе.

«Побужденіе, которое руководило мною и которому, конечно, послѣдовало большее или меньше число священнослужителей, есть религіозное и нравственное. Оно выражено въ началѣ вышеупомянутой записки въ слѣдующихъ словахъ: „Понеже умножились грѣхи наши, и наипаче требуется покаянная и умиленная молитва“.

«Если-бы, на сіе потребовалось объясненіе, справедливость требуетъ сказать, что съ нѣкотораго времени мысли и ученія противухристіанскія, противунравственныя и противуправительственныя особенно сильно распространяются въ литературѣ, цензурной и безцензурной, въ молодомъ поколѣніи и проникаютъ до низшихъ слоевъ общества. За умноженіемъ грѣховъ мысленныхъ слѣдуетъ умноженіе и грѣховъ дѣятельныхъ, частію незастѣнчиво обнаруживающее себя въ прискорбныхъ зрѣлищахъ предъ глазами общества, частію примѣчаемое въ признакахъ скрытой заразы.

«Не думаю, чтобы это нужно было доказывать. Сдѣлаю, однако, немногія указанія на то, что близко вижу, или легко могу вспомнить.

«I. Въ «Современникѣ» была напечатана статья, въ которой излагался и доказывался матеріализмъ—ученіе, конечно, не дружное съ религіею и нравственностью. Баккалавръ кіевской академіи написалъ на сію статью опроверженіе, которому отдали справедливость основательные ученые. Проповѣдникъ матеріализма не умѣлъ защищаться; но не уступилъ, а отвѣчалъ насмѣшками и оскорбленіями. Матеріалистъ одинокій не былъ-бы такъ смѣлъ. Такъ поступить

---

[1]) Я уже привелъ ее выше. *М. Л.*

могъ только надѣющійся встрѣтить многихъ сочувствующихъ и во многихъ произвести сочувствіе вновь [1]).

«II. Студенты московскаго университета (и, говорятъ, не одного московскаго), долго скрытно отъ цензуры, литографировали и распространяли переводы иностранныхъ противухристіанскихъ сочиненій, и противуправительственныя статьи русской заграничной литературы (не знаю, удержаны-ли отъ сего нынѣ); а потомъ плоды сихъ грѣховъ мысленныхъ показали въ дѣйствіяхъ, которыя сами, только поздно, признали погрѣшительными.

«III. Въ «Свѣточѣ» (1861, кн. IX), въ статьѣ подъ заглавіемъ «Петръ Великій, какъ юмористъ», говорится о «всепьянственнѣйшемъ соборѣ», о «сумазброднѣйшемъ соборѣ», Бутурлинъ является «петербургскимъ Владыкою», а Петръ Великій—«протодіакономъ». Описывается избраніе и постановленіе князя папы, и кощунственно предаются осмѣянію и поруганію не только избраніе и посвященіе папы, но также и православныя церковныя дѣйствія, и избраніе и посвященіе православныхъ архіереевъ, какъ-то:

„Въ процессіи идутъ діаконы, попы, монахи, архимандриты, Бахусъ, несомый монахами великой обители, ковшъ, несомый отъ плѣшивыхъ".

„Что убо брате пришелъ еси, и чесого просиши отъ нашея немѣрности?"

„Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою".

„Како содержиши законъ Бахусовъ?"

„Бахусовымъ (питіемъ) чрево свое, яко бочку наполняю. И тако всегда творю. И учити врученныхъ мнѣ обѣщаюсь. Инако же мудрствующіе отвергаю".

„Налагаютъ руки архижрецы".

„Рукополагаю азъ пьяный сего нетрезваго".

„Налагаютъ шапку съ возгласомъ: вѣнецъ иглы Бахусовой налагаю на главу твою".

„Послѣ сего поетъ: аксіосъ".

---

[1]) Рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, о статьяхъ М. А. Антоновича въ февральской и августовской книжкахъ за 1861 годъ о гегелевой философіи. Ему отвѣчалъ проф. кіевской духовной академіи П. Юркевичъ, въ статьѣ „Старые и новые боги" („Рус. Вѣстникъ" 1861 г., т. XXXI), аргументація которой удивительно похожа на аргументацію Филарета.

«Во всемъ этомъ явно пародируется чинъ православной архіерейской присяги и посвященія: и выраженія изъ него взяты и изуродованы.

«Такъ. литература вдругъ оскорбляетъ и религію, и нравственность, и царскій родъ.

«То, что сіе основано на современныхъ письменныхъ документахъ, не служитъ къ оправданію. Нечистоты существуютъ: но ихъ выносить на улицу и показывать народу можетъ рѣшиться только лишенный здраваго разсудка или потерявшій всякое чувство приличія [1]).

«IV. Въ «Сѣверной Пчелѣ» (1861 г., № 256), по случаю критики на одну хрестоматію выписаны слова Христа Спасителя: «вы соль земли» и проч. (Мат. V. 13. 14), и послѣ критическихъ замѣчаній на нѣкоторыя слова текста, прибавлено: „мы можемъ только сказать, что это издается для народа, которому, по мнѣнію г. Невскаго, логичность въ мысли совершенно излишня". То есть, критикъ полагаетъ, что въ точныхъ словахъ Христа Спасителя совершенно нѣтъ логичности мысли.

„Такъ судящій Христа. видно, не имѣетъ притязанія быть и почитаться вѣрующимъ во Христа. А между тѣмъ, судя Христа и провозглашая это въ народѣ, онъ, видно, надѣется заслужить рукоплесканія за свое свободное сужденіе, и желаетъ распространить свой образъ мыслей.

«Между тѣмъ, какъ государственная мудрость изыскиваетъ средства законами и правительственными мѣрами преградить разрушительное вліяніе противурелигіозныхъ и противунравственныхъ мудрованій и направленій,—и охранить духъ религіозный и нравственный. который есть истинная душа и сила жизни общественной; не есть-ли долгъ церкви и ея служителей, при видѣ ослабленія сего духа, не тревожнымъ, но тихимъ дѣйствованіемъ возбуждать въ народѣ сознаніе своей грѣховности и расположеніе къ смиренной покаянной молитвѣ, для избѣжанія гнѣва и прощенія Божія, и для привлеченія внѣшней помощи дѣлу самоисправленія и общественнаго исправленія? Не благо-ли было бы, если-бы такими

---

[1]) Инкриминируемая статья принадлежитъ перу М. И. Семевскаго и помѣщена имъ вторично въ № 6 „Русской Старины" за 1872 годъ.

чувствованіями дѣйствительно одушевились чада московской церкви, — и не одной московской» [1]).

Надо вспомнить положеніе Филарета и въ массѣ и при дворѣ, чтобы оцѣнить это напутствіе Головнину и реформамъ цензуры... Всѣмъ стало ясно, что принесетъ наступавшій годъ.

---

[1]) „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета etc.“, V, ч. 1-я 182—186.

1862 годъ.

I.

Выходъ „Сѣверной Почты“. Первый реакціонный органъ. „Отцы и дѣти“. Торжество Каткова.

1 января 1862 года — выдающійся день. Прежде всего, въ этотъ рубежъ двухъ тяжелыхъ для русскаго общества годинъ вышелъ первый номеръ «Сѣверной Почты», газеты политико-педагогическихъ замысловъ.

Имѣть органъ, который бы давалъ возможность вести общество по пути, указываемому правительствомъ, воспитывать его въ духѣ правительственной программы и потому поучать надлежащему ея пониманію — объ этомъ думали сразу нѣсколько человѣкъ. Кн. Горчаковъ считалъ такое изданіе полезнымъ для своихъ цѣлей; Никитенко думалъ имъ ослабить вліяніе крайнихъ взглядовъ; Валуевъ надѣялся бороться этимъ способомъ съ протестовавшей журналистикой. Но всѣ они сходились въ одномъ — органъ безусловно необходимъ. Кто читалъ мой очеркъ о «Bureau de la presse» [1], тотъ знаетъ объ этомъ и нѣкоторыя подробности.

Я не нахожу возможнымъ сколько-нибудь останавливаться на исторіи «Сѣверной Почты» — тема эта слишкомъ велика, чтобы развивать ее здѣсь — и потому скажу лишь, что Валуевъ пригласилъ Никитенко редакторомъ своего органа, какъ-бы отблагодаривъ его за содѣйствіе.

Но ни «Сѣверной Почты» первый номеръ привлекъ особенное вниманіе общества. Въ тотъ же день вышелъ первый номеръ первой реакціонной газеты съ совершенно опредѣленной физіономіей.

---

[1] См. книгу: „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія“.

Съ 1860 г., бывшій когда-то прикосновеннымъ къ лучшимъ людямъ сороковыхъ годовъ, а тогда уже порядочно нравственно опустившійся, Н. Ф. Павловъ, началъ изданіе еженедѣльной газеты «Наше Время». И еженедѣльный выходъ, и отсутствіе, по программѣ, политическаго отдѣла, дѣлали газету очень безцвѣтной, хотя причислить ее къ органамъ охранительнымъ не было никакихъ основаній: таковыхъ, повторяю, тогда еще не существовало. Но вотъ въ концѣ 1861 года Павловъ втирается въ милость къ Валуеву и, по его ходайтайству, получаетъ право на выпускъ своей газеты, съ 1862 г., ежедневно и уже съ полной программой. Есть достаточныя основанія утверждать, что Валуевъ создавалъ себѣ въ «Нашемъ Времени» неофиціальнаго союзника «Сѣверной Почты». Кромѣ указанія на это вскользъ въ «Дневникѣ» Никитенка [1]), въ перепискѣ Валуева съ Тройницкимъ встрѣчаемъ такую фразу: «насчетъ передачи телеграммъ въ Москву, въ редакцію «Нашего Времени», тотчасъ, черезъ мой телеграфъ, прошу васъ сдѣлать конфиденціальное распоряженіе, приказавъ всѣ депеши, получаемыя для «Сѣв. Почты», тотчасъ пересылать въ копіи въ мою особенную канцелярію. Gardez moi le secret ladessus» [2]). Тройницкій былъ вѣренъ служебной тайнѣ: многіе могли только подозрѣвать близость «Нашего Времени» къ Валуеву — не больше.

Въ первой книжкѣ «Современника» Панаевъ («Новый поэтъ») писалъ: «Слухи носятся, что Н. Ф. Павловъ, издатель-редакторъ «Нашего Времени», сумѣлъ въ этомъ году обезпечить ея существованіе въ новомъ видѣ, независимо отъ подписки, и какъ истинный джентельмэнъ удовлетворить прошлогоднихъ своихъ подписчиковъ за недоданные имъ номера. Это чрезвычайно благородно». Павловъ отвѣчалъ на этотъ явный намекъ статьей «Изъявленіе благодарности «Современнику» [3]), въ которой обѣщалъ освѣдомить читателей съ домашними и личными дѣлами Панаева и Некрасова... Валуевъ, очевидно, былъ противъ такого шага, а смерть Панаева (19 февраля) помогла Павлову разы-

---

1) „Рус. Старина“ 1891 г., I, 90.
2) „Рус. Старина“ 1899 г., VII, 227.
3) „Наше Время“ 1862 г., № 32, 10 февраля.

грать изъ себя рыцаря чести. Онъ заявилъ: «Доведенные обязательнымъ обращеніемъ съ нами «Современника» до необходимости выразить ему публично нашу благодарность, мы упомянули кстати объ одномъ процессѣ, который и обѣщали передать читателямъ, но обнародованіе его могло-бы показаться теперь продолженіемъ бесѣды съ человѣкомъ, который говорить уже не можетъ, а потому мы въ настоящую минуту должны остановиться отъ исполненія нашего обѣщанія» [1]).

Въ первомъ номерѣ газеты Павлова всѣ обратили вниманіе на статью «Мѣра и границы» Б. Н. Чичерина, и теперь еще здравствующаго публициста. «Свобода одного лица — читаемъ тамъ, между прочимъ, ограничивается свободою другихъ; свобода всѣхъ ограничивается дѣятельностью власти. Безъ этихъ ограниченій общежитіе невозможно. Въ какой мѣрѣ они устанавляются, —это зависитъ отъ мѣстныхъ и временныхъ условій, но во всякомъ случаѣ понятіе о свободѣ въ общественной жизни немыслимо иначе, какъ въ предѣлахъ, постановленныхъ закономъ или обычаемъ. Между тѣмъ русскому человѣку и это понятіе представляется безграничнымъ. Русскій либералъ теоретически не признаетъ никакой власти. Онъ хочетъ повиноваться только закону, который ему нравиться. Самая необходимая дѣятельность государства кажется ему притѣсненіемъ» etc. etc... «Чувство мѣры и границъ — вотъ что потребно образованному обществу».

Послѣднее поняло этотъ выходъ, какъ гласное, небывалое еще до сихъ поръ, одергиваніе назадъ, какъ призракъ реакціи. Самое слово это еще не было произнесено, но оно носилось въ воздухѣ. Немного спустя появляется статья: «Что такое охранительныя начала?» [2]) — Страшное слово уже произнесено: публика поучалась консерватизму... Врядъ-ли современный читатель, хорошо знакомый съ потусторонней публицистикой и достаточно съ нею свыкшійся, не могущій даже представить себѣ прессу безъ добровольцевъ Страстного бульвара—можетъ понять во всемъ значеніи эти шаги «Нашего Времени». Лучшіе элементы 60-хъ годовъ

[1]) Ibidem, № 43, 27 февраля.
[2]) Ibidem, №№ 39, 40, 42, 45.

прямо содрогнулись въ ужасѣ за свою будущею Сизифову работу! А г. Чичеринъ не останавливался... Еще черезъ двѣ недѣли гремятъ перуны въ «Различныхъ видахъ либерализма» [2]), гдѣ авторъ стремится доказать, что «охранительный либерализмъ» достоинъ уваженія не меньше того презрѣнія и отвращенія, которыхъ заслуживалъ наконецъ, «уличный либерализмъ»... Словомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ лучше... A propos. Я не имѣю намѣренія указывать на неискренность г. Чичерина и еще болѣе—на освѣдомленность съ его стороны объ истинной роли его тогдашней каѳедры павловскаго издѣлія. Вся долголѣтняя дѣятельность Б. Н.— тому опроверженіе, особенно въ періодѣ съ 90-хъ годовъ и до нашихъ дней. Онъ, конечно, и не подозрѣвалъ интриги ловкаго Павлова и тѣмъ менѣе, разумѣется, зналъ о небывалой, даже въ николаевскія времена, привилегіи своему перу, заявленной Павловымъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ... По просьбѣ Валуева, «поборникъ гласности и свѣта» Головнинъ, 1 января, т. е. въ самый день выхода перваго номера преобразовавшагося «Нашего Времени», предписалъ петербургскому цензурному комитету «весьма секретно» слѣдующее: «при разсмотрѣніи статей, заключающихъ въ себѣ возраженія противъ мнѣній профессора Чичерина, руководствоваться общими цензурными постановленіями, не дозволяя въ этихъ статьяхъ ничего оскорбительнаго для личности г. Чичерина, на общемъ основаніи» [2])!...

Далѣе. Въ февральской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» появляются «Отцы и дѣти» Тургенева, еще въ 1860 г. разошедшагося съ «Современникомъ»; тѣ «Отцы и дѣти», послѣ которыхъ Тургеневъ всегда документально доказывалъ свою «умѣренность»; тѣ «Отцы и дѣти», которые надолго внесли въ русскую жизнь стремленіе наклеивать ярлыкъ нигилизма на все, что не согласовалось съ существовавшимъ укладомъ вещей.

---

[1]) Ibidem. № 62.

[2]) Непростительный пропускъ имени Б. Н. Чичерина, какъ главнаго сотрудника „Нашего Времени", сдѣланъ въ словарѣ Брокгауза и Ефрона: тамъ „Наше Время" вообще не получило настоящей оцѣнки, какъ, впрочемъ, и очень многіе органы 1840—70-хъ годовъ. Прошлое журналистики — одно изъ слабыхъ мѣстъ словаря. Чичеринъ, какъ журналистъ, забытъ также и въ статьѣ, спеціально ему посвященной.

Катковъ въ этотъ моментъ окончательно примыкаетъ къ реакціонной партіи, недовѣріемъ которой онъ пользовался съ конца 1861 года, потому что тогда уже умѣлъ мирить свой прежде искренній англійскій констуціонализмъ (съ непремѣнной основой — аристократіей) съ надеждами и чаяніями Павлова и компаніи. Примыкаетъ, но не сливается. Онъ вѣчно былъ самостоятеленъ. Такъ, въ той-же февральской книжкѣ, въ статьѣ: «Къ какой мы принадлежимъ партіи?», очень хорошо подчеркивавшей и самое помѣщеніе тургеневскаго романа, — Катковъ говоритъ, между прочимъ: «У насъ есть философы всѣхъ разрядовъ: и матеріалисты, и идеалисты, и всевозможные исты, хотя философіи у насъ еще не бывало. У насъ есть политическія партіи всѣхъ оттѣнковъ: консерваторы, умѣренные либералы, прогрессисты, конституціоналисты (даже не выговорить этого ужаснаго термина!), и демократы, и демагоги, и соціалисты, и коммунисты; но у насъ нѣтъ ничего похожаго на политическую жизнь... Не только къ этимъ шутовскимъ партіямъ, но и къ партіямъ серьезнымъ, еслибъ онѣ когда-нибудь образовались у насъ, мы не могли-бы примкнуть. Мы понимаемъ всю важность политическихъ партій тамъ, гдѣ онѣ являются дѣломъ серьезнымъ; мы готовы отдать должную честь органамъ политическихъ партій тамъ, гдѣ онѣ существуютъ, и, однако, сами не согласились-бы принять на себя обязанность служить орaганомъ какой-бы то ни было партіи».

И тѣ, кто, кромѣ «Отцовъ и дѣтей», прочли и эту статью, безошибочно понимали истинную цѣль помѣщенія романа, несмотря на разнорѣчивую его оцѣнку «Современникомъ» (М. А. Антоновичъ) и «Русскимъ Словомъ» (Д. И. Писаревъ). Понимали, не зная еще того, что потомъ сообщилъ самъ Тургеневъ: «Катковъ находилъ, что я въ немъ (Базаровѣ) представилъ апоѳеозу «*Современника*»[1]).

Въ всегда бѣдномъ русскомъ лексиконѣ словъ для опредѣленія градаціи политическихъ убѣжденій, появляется слово «нигилизмъ», подхваченное Тургеневымъ или у Надеждина, впервые употребившаго его въ русской литературѣ, или у казанскаго профессора Берви, осмѣяннаго въ 1858 г. Добролюбовымъ. Не привившееся тогда, это слово стано-

[1]) „Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева“. Спб., 1885 г., 104.

вится теперь ходячимъ, никто не вдумывается въ анализъ его и въ сопоставленіе съ настроеніемъ прогрессивной части русскаго общества. Правъ былъ, конечно, Салтыковъ, говоря: «слово „нигилизмъ“, слово, неимѣющее смысла и всего менѣе характеризующее стремленія молодого поколѣнія, въ которыхъ можно, пожалуй, различать врякаго рода „измы“, но отнюдь не нигилизмъ. Между тѣмъ, слово пошло въ ходъ и получило право гражданственности и совсѣмъ не потому, что его пустилъ въ ходъ г. Тургеневъ (это-бы еще небольшая бѣда), а именно благодаря тѣмъ вислоухимъ, которые ухватились за него, словно утопающіе за соломенку, стали драпироваться въ него, какъ въ нѣкую златотканую мантію, и изъ безсмыслицы сдѣлали себѣ знамя»[1]).

Слово «вислоухіе», несомнѣнно, было гораздо болѣе удачно для опредѣленія противниковъ нигилизма... Но вислоухіе, и въ ихъ числѣ Лѣсковы, Клюшниковы et tutti quanti, не вдумывались въ анализъ понятій, а старались говорить съ сѣрой массой ея собственнымъ языкомъ, пользовались ея средствами, чтобы очернить людей, которымъ недостойны были растегнуть сапога.

Катковъ ходилъ съ гордо поднятой головой, какъ антрепренеръ, добившійся выхода у себя въ труппѣ царицы сопрано... Правъ былъ Бѣлинскій, назвавъ его «знатнымъ субъектомъ для психологическихъ наблюденій», «Хлестаковымъ въ нѣмецкомъ вкусѣ»...

Флагъ былъ поднятъ — это всѣ видѣли, ярмарка была открыта — это всѣ ощущали... За Катковымъ была уже шеренга журнальныхъ прихлебателей...

Впрочемъ, не будемъ забѣгать впередъ...

Одновременно съ открытіемъ «Сѣверной Почты» Валуевъ подалъ очень интересную всеподданнѣйшую записку, бывшую логическимъ продолженіемъ убѣжденій, создавшихъ и самый офиціозъ.

«Въ наше время — писалъ онъ, — о всякомъ сколько-нибудь замѣчательномъ фактѣ, въ какой бы отдаленной странѣ онъ ни совершился, тотчасъ являются въ европейскихъ газетахъ телеграфическія извѣстія, даже съ объясненіемъ значенія факта: эти свѣдѣнія журналисты полу-

[1]) **„Наша общественная жизнь“**, „Современникъ“ 1864 г., III, 58.

чаютъ чрезъ своихъ корреспондентовъ, которыхъ они имѣютъ въ разныхъ странахъ и которые, въ свою очередь, пріобрѣтаютъ извѣстія нерѣдко отъ самихъ правительствъ. Для этой цѣли въ Лондонѣ образовалось даже особое телеграфическое агентство Рейтера. Депеши этого агентства помѣщаются въ извѣстной англійской газетѣ «Times» и одновременно въ лучшихъ газетахъ: Брюсселя, Парижа, Кельна, Гамбурга, Берлина и Вѣны. Такія депеши, преимущественно правительственныя, отличаясь правдивостью содержанія, пользуются большимъ вѣсомъ въ печати и довѣріемъ въ общественномъ мнѣніи и предупреждаютъ собою появленіе искаженныхъ извѣстій и статей о тѣхъ-же самыхъ фактахъ, а въ то-же время служатъ исходною точкою для оцѣнки статей, получаемыхъ другими путями.

«Одна Россія составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. По условіямъ нашего государственнаго устройства, иностранные журналы и газеты не могутъ имѣть у насъ своихъ корреспондентовъ ex-officio. Поэтому относительно, самыхъ знаменательныхъ фактовъ они вынуждены довольствоваться источниками скудными, а чаще невѣрными. Обыкновенно они почерпаютъ свои свѣдѣнія или изъ частной корреспонденціи, всегда осторожной и нерѣдко двусмысленной, вызывающей догадки, или изъ разсказовъ путешественниковъ, или, наконецъ, изъ газетъ: польскихъ, бреславльскихъ и силезскихъ, въ статьяхъ которыхъ всегда проглядываетъ непріязнь къ Россіи и умышленное искаженіе событій. Неизбѣжное послѣдствіе такого исключительнаго положенія Россіи уже обнаружилось: почти ежедневно въ иностранныхъ газетахъ появляются статьи, наполненныя не только ложными извѣстіями о небывалыхъ событіяхъ, но и самыми превратными сужденіями о томъ, что у насъ происходитъ, — и всегда въ духѣ враждебномъ нашему правительству. Къ сожалѣнію, подобныя статьи рѣдко встрѣчаютъ отпоръ въ нашихъ газетахъ и журналахъ, такъ какъ и симъ послѣднимъ не всегда доступны необходимыя для того данныя и самый процессъ напечатанія возраженій затруднителенъ для журналистовъ, которые должны имѣть въ этомъ случаѣ особое разрѣшеніе, часто несвоевременно получаемое, отчего и самыя статьи теряютъ свой интересъ.

«Въ такихъ обстоятельствахъ необходимо было-бы: 1) предупреждать появленіе въ иностранныхъ изданіяхъ искаженныхъ и враждебныхъ русскому правительству статей; 2) опровергать такія статьи въ лучшихъ заграничныхъ изданіяхъ. На первый разъ довольно было бы ограничиться приведеніемъ въ исполненіе перваго предложенія. Наилучшимъ къ сему средствомъ была бы передача по телеграфу въ агентство Рейтера всякаго рода свѣдѣній, самыхъ достовѣрныхъ и категорически объясненныхъ, о всѣхъ важныхъ явленіяхъ нашей жизни государственной и общественной, равно и о тѣхъ, которыя при нынѣшнемъ порядкѣ вещей интересуютъ общественное мнѣніе, хотя бы это касалось отдѣльныхъ личностей. Рейтеръ охотно будетъ принимать подобныя извѣстія безплатно, такъ какъ вознагражденіе въ этихъ случаяхъ онъ получаетъ отъ издателей газетъ. Два или три мѣсяца опыта покажутъ, какую вѣру будутъ давать подобнымъ извѣстіямъ и безошибочно можно сказать, что съ появленіемъ этихъ телеграммъ въ лучшихъ газетахъ, редакторы прочихъ изданій будутъ съ большею осмотрительностью принимать другимъ путемъ доходящія до нихъ извѣстія и помѣщать ихъ у себя не иначе, какъ соображаясь съ самими телеграммами.

«Нѣтъ сомнѣнія, что подобная мѣра отзовется и на тѣхъ русскихъ изданіяхъ, выходящихъ заграницею, въ которыхъ помѣщаются статьи о современныхъ фактахъ въ русской жизни: статьи эти, послѣ появленія телеграфическихъ депешъ, потеряютъ свой соблазнительный интересъ.

«За симъ представляется вопросъ: какимъ образомъ и гдѣ формулировать упомянутыя телеграммы? По разнообразію явленій жизни государственной и общественной, свѣдѣнія о нихъ, конечно, должны быть заимствуемы въ большей или меньшей степени изъ всѣхъ управленій и вѣдомствъ; но выборъ предметовъ и самую обработку телеграммъ ближе всего было бы возложить на министерство иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ въ обязанность его несомнѣнно входитъ сообщеніе своимъ дипломатическимъ агентамъ данныхъ о томъ, что у насъ дѣйствительно происходитъ или произошло. Само собою разумѣется, что телеграммы, такимъ образомъ составляемыя, и самое соглашеніе о напечатаніи ихъ въ иностранныхъ газетахъ не должны

имѣть никакого офиціальнаго характера, а необходимо устройство этого дѣла поручить частному лицу» [1]).

Къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ, которыя-бы указывали, кому было поручено это интересное дѣло. «записка» же была принята очень благосклонно [2]).

II.

Призывъ цензуры къ бдительности. Результатъ работы комитета 1861 года.

Въ серединѣ января Головнинъ получилъ приказаніе усилить цензурную бдительность и строгость противъ періодической печати—несомнѣнное отраженіе и письма Филарета и работы Валуева съ Павловымъ.

Въ этомъ причина циркуляра отъ 12 января:

«Замѣчая въ послѣднее время въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ явныя упущенія со стороны гг. цензоровъ, которые весьма слабо исполняютъ обязанности, возложенныя на нихъ цензурнымъ уставомъ, и приписывая это обстоятельство ожиданію скорой перемѣны дѣйствующихъ въ отношеніи къ цензурѣ правилъ, я прошу немедленно объявить гг. цензорамъ, что предполагаемыя измѣненія въ цензурномъ уставѣ, какъ и всякая ожидаемая перемѣна закона, не слагаетъ обязанности исполнять законъ существующій. Посему предлагаю строжайше предписать гг. цензорамъ исполнять нынѣшнія цензурныя правила безъ малѣйшаго послабленія, подъ личною ихъ отвѣтственностью».

Въ это-же время Головнинъ приглашаетъ къ себѣ на домъ редакторовъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ для совѣщанія о необходимыхъ преобразованіяхъ въ области цензуры и вообще старается снискать себѣ популярность среди

[1]) „Колоколъ". 1862 г., № 130.

[2]) Кстати, читаталямъ можетъ быть интересно знать, что первая политическая телеграмма изъ Европы была напечатана въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" и „Journal de St.-Pétersbourg" 1856 г., 20 ноября. Съ января 1857 г. телеграммы стали уже обязательной частью въ этихъ двухъ газетахъ и въ „Сѣверной Пчелѣ" и „Русскомъ Инвалидѣ". Первая коммерческая телеграмма появилась въ № 85 за 1857 г. (10 октября) „Посредника".

людей, уже заранѣе обреченныхъ на разочарованіе. При «Литературныхъ воспоминаніяхъ» Панаева приложены письма къ нему Головнина, изъ которыхъ напрасно стараются почерпнуть расположеніе министра къ «Современнику». Панаевъ былъ лично съ нимъ давно знакомъ—вотъ объясненіе интимности ихъ слога; подслужиться «Современнику» на словахъ, значило подслужиться большей части литературы — вотъ объясненіе содержанія этихъ немногочисленныхъ записочекъ. Неправы были и тѣ, которые обвиняли Панаева въ лакействѣ передъ Головнинымъ. Онъ не виноватъ и въ томъ, что его знакомый, ставъ министромъ, забылъ правила элементарной вѣжливости и, желая познакомиться съ Чернышевскимъ, просилъ Панаева зайти къ себѣ съ Н. Г. въ опредѣленный часъ заранѣе назначеннаго дня... [1]). Надо-ли говорить, что знакомство не состоялось...

Въ февралѣ, комитетъ 1861 года представилъ свои труды министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ. Для характеристики твердости взглядовъ его половины, принадлежащей первому министерству, служитъ быстрая перемена фронта какъ по вопросу о передачѣ цензуры Валуеву, такъ и карательной репрессивной системѣ ея. При гр. Путятинѣ предсѣдатель комитета Берте и членъ Янкевичъ были сторонниками и передачи и репрессіи; при Головнинѣ, только потомъ перешедшемъ на сторону своего предшественника, они высказались противъ нея...

Ознакомимся вкратцѣ съ результатами комитетскихъ работъ. Для этого нужно разсмотрѣть соединенную записку Берте и Янкевича — представителей Головнина и записку Фукса—приближеннаго Валуева.

«Публицисты уже не боятся явно выражать свое сочувствіе либеральнымъ правительственнымъ реформамъ и даже насильственнымъ переворотамъ, въ ущербъ монархическимъ правленіямъ» — начинаетъ свою отповѣдь литературѣ первая изъ нихъ. «Передовые дѣятели революцій превозносятся, падшія правительства предаются поруганію; начала представительнаго правленія восхваляются, и гдѣ они не получили еще полнаго конституціоннаго развитія, обвиня-

---

[1]) *А. Я. Головачева-Панаева*, „Русскіе писатели и артисты“, **Спб., 1890** г., 307.

ются въ томъ правительства, часто въ выраженіяхъ, не сдерживаемыхъ ни приличіемъ, ни уваженіемъ. Словомъ, большая часть нашихъ политическихъ изданій, отрѣшившись отъ почвы, на которой они основаны, отъ понятій и убѣжденій, присущихъ русскимъ подданнымъ, отъ политическаго такта и уваженія къ международнымъ правамъ, дѣлаются неограниченными судьями политическаго міра, обсуждаютъ и рѣшаютъ политическія событія и вопросы независимо и даже иногда въ противность явнымъ видамъ нашего правительства».

«Замѣчательно еще, что у насъ собственно изящная литература, или беллетристика, если не считать нѣсколькихъ стихотвореній, сборниковъ и переводовъ иностранныхъ писателей, почти исчезла и уступила свое мѣсто, или свою форму, произведеніямъ, имѣющимъ лишь реальное значеніе. Идеализмъ и эстетика какъ-бы вытѣсняются матеріализмомъ изъ области литературы. Духъ вѣка, по преимуществу реальный и матеріальный, отражается въ ней, какой бы стороны жизни она ни коснулась въ своихъ произведеніяхъ. Нѣкоторые журналы наполняются исключительно такими статьями, въ которыхъ, подъ разнообразными внѣшними формами произведенія, разбираются вопросы изъ жизни современнаго общества, во всѣхъ возможныхъ сферахъ и положеніяхъ, и притомъ разбираются съ одной реальной стороны. Все идеальное, эстетическое, возвышенное, въ обыкновенномъ и общепринятомъ значеніи слова, отвергается въ нихъ, какъ устарѣлое преданіе, какъ безжизненное и безплодное пустословіе, какъ мертвящая буква и гнетъ свободной мысли... Даже авторитетъ вѣры и церкви иногда унижается и отрицается, какъ учрежденіе устарѣвшее, несоотвѣтствующее понятіямъ нашего вѣка. Поборники и служители ихъ предаются посмѣянію».

«Наша литература, обнявъ въ послѣднее время всѣ области умственной, гражданской и общественной жизни народа, часто увлекалась и впадала въ крайности, нетерпимыя ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ. Журналистика взялась за роль верховнаго судьи, произносила диктаторскимъ тономъ приговоры по такимъ предметамъ и надъ такими лицами, которыя нисколько не подлежали литературной критикѣ; прикасалась дерзкою рукою къ авто-

ритетамъ религіи, Церкви, Верховной власти, правительства, судебныхъ учрежденій и другихъ властей, колебля подобающее имъ уваженіе; пыталась подкопать неизмѣнныя основанія нравственности и опоры семейной жизни; оскорбляла лица, пользующіяся заслуженнымъ уваженіемъ, и вредила ложными извѣстіями интересамъ частныхъ людей» [1]).

Эти немногія выдержки любопытны, помимо своего прямого значенія и смысла, еще и тѣмъ, что, помѣщенныя въ секретномъ документѣ, онѣ показываютъ, что говорилъ и думалъ о литературѣ Головнинъ въ тиши служебныхъ отношеній, а не въ шумныхъ гостиныхъ и литературныхъ собраніяхъ: Берте и Янкевичъ, безспорно, были точнымъ эхомъ министра. Если бы Головнинъ, дѣйствительно, хотѣлъ защищать литературу (въ письмѣ къ Панаеву отъ 1 января 1862 г. читаемъ: «на дняхъ я буду защищать наши журналы»...), онъ никогда не позволилъ бы писать такіе аттестаты въ изданіяхъ, шедшихъ къ государю отъ собственнаго имени. Солидарность съ Валуевымъ, какъ видимъ, была на этомъ основномъ пунктѣ полная.

Правда, послѣ такой характеристики сказано, что, несмотря на все это, литература, всетаки, содѣйствуетъ предпринятымъ преобразованіямъ и улучшеніямъ въ государственномъ и общественномъ устройствѣ, но что могло значить это «съ другой стороны нельзя не сознаться», когда «съ одной стороны» оплевывались всѣ лучшіе завѣты литературы...

Высказавшись за практиковавшуюся систему предупредительной цензуры, позволяющей остановить любое сочиненіе еще въ рукописи или типографскомъ наборѣ, не давая ему никакой возможности попасть въ руки кого бы то ни было, члены со стороны министерства просвѣщенія, въ числѣ мотивовъ своего взгляда, привели одно любопытное указаніе: «наша система представляетъ еще ту выгоду, и для правительства и для издателя, что сочиненіе благонамѣренное и полезное въ общемъ составѣ и направленіи, но заключающее въ себѣ нѣсколько неодобрительныхъ мѣстъ или выраженій, по исправленіи его согласно съ указаніемъ цен-

---

[1]) „Записка председателя комитета для пересмотра цензурн. устава, д. ст. с. Берте, и члена сего комитета, ст. с. Янкевича". 1862 г., 5, 6—7, 11.

зора, можетъ быть издано безъ всякаго ущерба для сочинителя или издателя, тогда какъ въ другихъ государствахъ подобное сочиненіе погибло бы и съ убыткомъ для его собственника. При существованіи въ полной мѣрѣ карательной системы, исполнители ея имѣютъ въ виду одну законность; польза литературы и науки не можетъ входить въ ихъ соображенія»... Повидимому, просвѣщающее министерство забыло одну мелочь — польза науки и литературы всецѣло принадлежитъ компетенціи ихъ самихъ.

Впрочемъ, ниже авторы записки оговариваются: они вполнѣ за принципъ законности, на которомъ «основана система карательная въ противоположность системѣ предупредительной, имѣющей характеръ административный, допускающій болѣе или менѣе произвольное дѣйствіе», но находятъ, что наша литература еще не доросла до примѣненія къ ней только одной законности; «она требуетъ непрерывнаго вниманія, направленія, предостереженія и обузданія со стороны правительства, которое поэтому вынуждено дѣйствовать непрерывно и быстро, сообразно съ обстоятельствами». Да и притомъ, что такое произволъ «въ государствѣ, гдѣ вся власть законодательная, судебная и исполнительная заключается въ одномъ лицѣ монарха, каждое административное распоряженіе, исходящее отъ верховной власти, имѣетъ обязательную силу закона, и каждое распоряженіе поставленныхъ ею органовъ управленія, если оно сообразно съ закономъ и съ высочайшею волею, также обязательно въ кругѣ дѣятельности каждаго изъ нихъ. Называть такія распоряженія произволомъ, или самоуправствомъ, какъ то иногда дѣлаютъ наши литераторы, значитъ не понимать свойства нашего правительственнаго организма. Общественный порядокъ и благоустройство поддерживаются не одними законами, но и администраціею. Вездѣ она должна проявлять свое дѣйствіе и вліяніе. Литература наша, не менѣе другихъ отраслей общественной жизни и дѣятельности, подлежитъ надзору и управленію администраціи. Нигдѣ свобода печатнаго слова, особенно при настоящихъ обстоятельствахъ, не можетъ сдѣлаться болѣе опасною, чѣмъ въ Россіи». Поэтому, «если журналисты видятъ стѣсненіе въ томъ, что цензура, руководствуясь предписаніями начальства, основанными на законѣ и высочайшей волѣ, не дозволяетъ имъ

выходить изъ опредѣленныхъ предѣловъ, то ихъ жалобы болѣе, нежели неосновательны, онѣ предосудительны».

Жалобы литературы на притѣсненія авторы записки прямо-таки не понимаютъ.

«Никогда литераторы не пользовались въ Россіи большею свободою, какъ нынѣ, и при всемъ томъ никогда они не изъявляли большаго неудовольствія на цензуру и не простирали такъ далеко своихъ требованій, какъ въ настоящее время. Очевидно, что они домогаются неограниченной свободы печати, не стѣсняемой никакими правилами цензуры». Это, повидимому, былъ отвѣтъ на переданную въ комитетъ коллективную записку редакторовъ...

Въ виду всѣхъ этихъ и другихъ соображеній, члены отъ министерства просвѣщенія «не могли не прійти къ тому глубокому убѣжденію, что карательная система цензуры, въ полномъ ея значеніи, не можетъ быть введена у насъ въ настоящее время, когда сильное броженіе умовъ, разгаръ страстей отдѣльныхъ партій и политическое движеніе между европейскими народами, указываютъ на необходимость предупреждать сильными мѣрами вредное на массу публики вліяніе неблагонамѣренныхъ публицистовъ», а потому «нужна цензура бдительная, благоразумная, предупредительная, очищенная отъ излишнихъ формальностей, но сближенная съ системою карательною, чрезъ введеніе въ нее, *въ извѣстной мѣрѣ*, элемента законности» [1]).

Къ совершенно почти аналогичному заключенію приходятъ члены и отъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

«Организація нашего предупредительнаго принципа не выдерживаетъ критики по сложности своего механизма» — говорятъ они въ самомъ началѣ своей записки. «Несмотря на всю свою многосложную организацію и огражденіе закона самыми широкими административными орудіями, предупредительная система не въ силахъ остановить самыхъ вопіющихъ уклоненій печати; свободное обращеніе заграничныхъ запрещенныхъ изданій и распространеніе летучихъ листковъ возмутительнаго содержанія, даже вопреки всѣмъ мѣрамъ политики III отдѣленія Соб. Е. И. В. канцеляріи, служатъ сему рѣшительнымъ доказательствомъ, не говоря уже о

---

[1]) Ibidem., 16—27.

томъ, что все, запрещаемое цензурою, свободно переходитъ изъ рукъ въ руки путемъ рукописей, и что всѣ распоряженія, даже самыя конфиденціальныя, цензурнаго вѣдомства почти повсемѣстно и безпрепятственно оглашаются». «Предупредительный принципъ цензуры, затрудняющій на каждомъ шагу, по своей многочисленности, движеніе литературы, и безсильный для удержанія ея отъ вредныхъ уклоненій, въ окончательномъ выводѣ своемъ носитъ въ себѣ всѣ тѣ неизлѣчимые недостатки, которые характеризуютъ совмѣщеніе въ однихъ и тѣхъ же лицахъ и учрежденіяхъ два совершенно противоположные элемента: администрацію и судъ».

Замѣчу кстати, что вдохновившій своихъ чиновниковъ къ сознанію законности, Валуевъ на практикѣ, впослѣдствіи, не только совмѣщалъ эти «два противоположные элемента», но иногда прибавлялъ къ нимъ и третій—законодательный...

Выяснивъ затѣмъ всѣ преимущества карательной системы, члены со стороны Валуева находили, что переходъ къ ней «является единственнымъ средствомъ для преобразованія дѣйствующаго у насъ по сей части законодательства? Но такъ какъ ни наше тогдашнее общее законодательство, ни полиція и судъ не были подготовлены къ полной перемѣнѣ одной системы на другую, а «общество, издавна привыкшее къ цензорскимъ сдержкамъ, не можетъ разомъ переродиться и внезапно возмужать до самостоятельнаго разбора того, что подлежитъ и не подлежитъ предавать дѣйствію печатнаго станка»—то такой переходъ надлежало совершить «въ органической постепенности». А это значило, что главные дѣятели предупредительной системы, цензора, не должны быть тотчасъ отмѣнены, «но сфера ихъ дѣятельности должна быть ограничена, и вообще все цензурное управленіе очищено отъ неправильнаго смѣшенія въ ономъ административной и судебной властей, по мѣрѣ введенія карательнаго элемента» [1]).

Итакъ, Головнинъ считалъ необходимымъ ввести въ предупредительную систему нѣкоторые элементы карательной, а Валуевъ—наоборотъ, но оба полагали необходимымъ ихъ смѣшеніе помощью измѣненій, дополненій и поясненій существовавшаго цензурнаго устава, обѣими сторонами при-

[1]) „Записка о цензурѣ кол. сов. Фукса“, 1862 г., 39—47.

знаннаго не подлежащимъ какому-бы то ни было серьезному преобразованію. Единогласно же былъ признанъ вредъ возвращенія къ режиму, при которомъ литературѣ предоставлялась ужъ слишкомъ широкая свобода молчанія. Рѣшено было оставить кругъ обсуждаемыхъ ею вопросовъ въ 1862 г. неизмѣннымъ, но твердо помнить, что «вся задача цензуры теперь состоитъ въ томъ, чтобы охранять эти предѣлы, не дозволять литературѣ принимать направленіе вредное или итти далѣе той черты, которая указана правительствомъ». Впрочемъ, такое сочувствіе подцензурной печати было основано отнюдь не на пониманіи государственныхъ интересовъ, а исключительно потому, что стѣсненіе «могло-бы казаться насиліемъ и имѣть дурныя послѣдствія»... Однимъ изъ нихъ было-бы «размноженіе тайныхъ, еще болѣе вредныхъ изданій, печатныхъ и рукописныхъ, на которыя цензура не имѣла бы уже никакого вліянія и которыя, по самому характеру таинственности, были бы крайне приманчивы для людей, неудовлетворяющихся дозволенными изданіями» [1].

Какія-же частичныя перемѣны въ уставѣ рекомендовались комитетомъ 1861 года?

Со стороны Берте и Янкевича предлагалось: освобожденіе нѣкоторыхъ изданій отъ предварительной цензуры: ограниченіе права и обязанности стороннихъ цензурѣ вѣдомствъ принимать участіе въ дѣлахъ ея; назначеніе предѣломъ изысканій по русской исторіи дня восшествія на престолъ Екатерины II, а для мемуаровъ иностранцевъ и русскихъ о Россіи — до Петра I; строгая разборчивость при утвержденіи редакторовъ періодическихъ изданій; установленіе штрафовъ и внесеніе для этого залоговъ; судебное разбирательство нѣкоторыхъ преступленій редакторовъ, издателей и авторовъ, при чемъ рекомендовалось установить такія категоріи виновности, при которыхъ каждый изъ названныхъ непремѣнно являлся-бы или въ роли главнаго виновнаго, или въ роли соучастника, или наконецъ — пособника.

Фуксъ, исходя изъ соображенія, что вся сущность защищаемой имъ карательной системы состоитъ въ административномъ надзорѣ за органами распространенія произве-

---

[1]) Записка Берте, 31.

деній печати и судебномъ преслѣдованіи виновныхъ въ нарушеніи законовъ, полагалъ возложить первый всецѣло на министра внутреннихъ дѣлъ, второе—на него же и судъ, а министру просвѣщенія оставить лишь вѣдомство самой цензуры, сводя обязанности послѣдней «преимущественно къ характеру консультаціи». Онъ находилъ, что при такомъ порядкѣ «цензоръ становится, вмѣсто прежнихъ враждебныхъ, въ дружескія отношенія съ пишущимъ сословіемъ, дѣлается истиннымъ пособникомъ для правильнаго развитія литературной дѣятельности. Онъ дѣлается какъ бы офиціальнымъ экспертомъ по дѣламъ литературы: къ нему обращаются за содѣйствіемъ, какъ бы къ технику по этой части»... Нарисовавъ такую идиллію, не мало стоившую фантазіи и логикѣ своего повелителя-министра и очень понравившуюся Головнину, Фуксъ предлагалъ упразднить Главное Управленіе Цензуры, а затѣмъ поддерживалъ и почти всѣ тѣ мѣры, которыя считались необходимыми его противниками по комитету—Берте и Янкевичемъ [1]).

III.

Отвѣты цензоровъ и литераторовъ на запросъ Головнина о желательныхъ въ будущемъ цензурныхъ реформахъ.

Вотъ при какихъ убѣжденіяхъ и чаяніяхъ Головнинъ, въ январѣ 1862 г., обращается къ редакціямъ газетъ и журналовъ съ предложеніемъ высказаться, путемъ представленія ему особыхъ письменныхъ мнѣній, о необходимыхъ, по ихъ взглядамъ, преобразованіяхъ въ цензурѣ.

Надо-ли говорить, что еще вѣрившая ему журналистика поспѣшила исполнить просьбу, съ которою къ ней не обращались ни разу со дня введенія цензуры въ Россіи.

Первое собраніе петербургскихъ литераторовъ происходило въ Шахматномъ клубѣ, второе—у гр. Кушелева-Безбородка, третье—у Краевскаго. Ниже мы ознакомимся съ результатами этихъ совѣщаній. Москвичи же не отозвались на приглашеніе, съ одной стороны, потому, что считали себя высказавшимися уже въ первой запискѣ, поданной въ 1861 г.

[1]) Записка Фукса, 47—58.

Валуеву, съ другой—потому что не особенно довѣряли Головнину. Такъ, напримѣръ, И. С. Аксаковъ, доведенный до сильнаго раздраженія цензурой Головнина, пишетъ 14 января гр. Блудовой: «Онъ самъ просилъ меня прислать ему записку о томъ-то и томъ-то... Не будетъ ему никакого содѣйствія, потому что нѣтъ въ него вѣры и нѣтъ ему сочувствія»[1].

Въ февралѣ министерствомъ была уже секретно издана довольно объемистая книжка, содержащая всѣ полученныя мнѣнія и потому названная: «Мнѣнія разныхъ лицъ о преобразованіи цензуры». Это настолько любопытный документъ, что съ нимъ необходимо ознакомиться какъ можно обстоятельнѣе.

Ровно половина книжки занята мнѣніями цензоровъ, другая—литераторовъ.

Первые уже не высказываются противъ карательной системы сколько-нибудь категорически, что знаменуетъ перемѣну убѣжденій Головнина въ теченіе двухъ недѣль... Всѣ цензора, такъ или иначе, за предлагаемую замѣну системъ; кромѣ того, они рекомендуютъ упраздненіе спеціальныхъ цензуръ, т. е цензуры заинтересованнаго въ данной статьѣ вѣдомства; установленіе отвѣтственности редакторовъ за напечатанное безъ цензора; свободу перепечатки уже разрѣшеннаго; опубликованіе всѣхъ распоряженій по цензурѣ, и установленіе усиленной цензуры надъ произведеніями для чтенія народной массы. Мнѣнія всѣхъ семи цензоровъ настолько однообразны, что, съ одной стороны, нельзя не предполагать, что они не были предварительно ознакомлены съ взглядами и намѣреніями своего министра; съ другой нѣтъ надобности приводить ихъ въ сколько-нибудь полномъ видѣ. Къ тому, что говорило и писало цензурное вѣдомство и что уже знакомо нашимъ читателямъ, остается прибавить лишь нѣсколько отдѣльныхъ мыслей, разбросанныхъ по однообразному фону 50 страницъ первой половины брошюры, вовсе, впрочемъ, не думая дѣлать изъ нихъ тѣхъ выводовъ, которыхъ не сдѣлали сами авторы. Эти отрывки характерны лишь съ одной точки зрѣнія, а именно: насколько туго застегнутый на всѣ пуговицы форменный сюртукъ служилъ иногда плохой броней отъ вѣяній времени, названнаго «шестидесятыми годами».

[1]) „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ", ч. II, т. IV, Спб., 1896 г., 226.

«Наша читающая публика—пишетъ цензоръ Веселаго—довольно опредѣлительно можетъ быть раздѣлена на три главныя группы. Первую составляютъ люди современно, серьезно образованные, по развитію своему стоящіе въ уровень съ общимъ европейскимъ развитіемъ и владѣющіе знаніемъ иностранныхъ языковъ. Во второй находятся люди, имѣющіе вообще нѣкоторыя, болѣе или менѣе, совершенныя научныя свѣдѣнія, но о многихъ современныхъ идеяхъ разсуждающіе со словъ другихъ и по отрывочному собственному чтенію. Третья группа требуетъ отъ чтенія одного пріятнаго и полезнаго препровожденія времени; сюда относится менѣе развитый слой такъ называемыхъ благородныхъ классовъ, съ малыми изъятіями купечество и все грамотное простонародье. Для первой группы цензура безсильна; для послѣдней, при удачно избранномъ направленіи (о которомъ мы здѣсь не распространяемся) можетъ принести существенную пользу. Вторая группа, по многимъ отношеніямъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія цензуры и для нея-то чрезвычайно важно опредѣлить необходимую степень строгости цензурныхъ требованій. Въ настоящее время, при цензурѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма строгой, большинство читателей (мы будемъ подъ ними разумѣть исключительно лицъ, принадлежащихъ ко второй группѣ) едва-ли горячо сочувствуютъ видамъ правительства, и рѣшаюсь думать, что одна изъ послѣднихъ причинъ этого явленія есть строгость цензуры» [1]).

Цензоръ Оберть прямо говоритъ, что «безъ гласнаго суда едва-ли возможенъ другой родъ цензуры, кромѣ предупредительной» [2]).

Очень интересны мысли, высказанныя цензоромъ Волковымъ, остановившимся преимущественно на текущей цензурной практикѣ:

«Въ публикѣ, и въ особенности въ литературномъ мірѣ, постоянно слышатся жалобы на цензуру; но, говоря откровенно, едва-ли кто лучше самихъ цензоровъ сознаетъ всю справедливость этихъ жалобъ. Предупредительная цензура, неопредѣленная уже сама по себѣ, впослѣдствіи времени,

[1]) „Мнѣнія разныхъ лицъ о преобразованіи цензуры“, 1862 г., 21.
[2]) Ibidem, 34.

отъ безчисленнаго множества разныхъ распоряженій, сдѣланныхъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ и времени, приняла характеръ рѣшительной неопредѣленности, такъ что одну и ту же статью одинъ цензоръ можетъ запретить, другой дозволить». Для доказательства онъ останавливается на ст. 3 устава, и теперь сохраненной въ силѣ,—единственной, въ сущности, основной запретительной статьѣ въ уставѣ 1828 г. Ст. 3-ю запрещаются только сочиненія противъ религіи, прерогативъ верховной самодержавной власти, нравственности и личностей.

„Придерживаясь этихъ правилъ, легко можно допускать въ печать всякую статью, точно также, какъ легко и запрещать каждую статью. Въ доказательство этого приведемъ слѣдующее.

«1. *Противъ религіи.* Матеріализмъ, какъ извѣстно, идетъ въ разрѣзъ съ религіей. Матеріализмъ основывается въ своихъ выводахъ на наукѣ, религія исключительно на вѣрѣ. Спрашивается, можно-ли допускать къ печати трактаты о матеріализмѣ? Придерживаясь буквы закона—нельзя, потому что матеріализмъ можетъ поколебать вѣру; слѣдовательно, всѣ трактаты, основанные на опытѣ и наблюденіяхъ, должны быть запрещены. А между тѣмъ, если цензоръ, по своему крайнему разумѣнію, само собой ни на чемъ неоснованному, запретитъ подобную статью, онъ подвергается, за свою неумѣренную строгость, нареканіямъ и нападкамъ со стороны литературы и общества, и наоборотъ, пропусти онъ такую статью, по его мнѣнію невинную, и какое-нибудь духовное лицо можетъ возбудить бурю, доказывая, что эта статья атеистическая, подрывающая авторитетъ церкви и религіи»[1]).

«2. *Противъ прерогативъ императорской власти...* Этому пункту цензурнаго устава придано впослѣдствіи, неизвѣстно кѣмъ и какъ, такое произвольное и широкое толкованіе, что появись въ печати статья, направленная противъ дѣйствій не только, напримѣръ, губернатора, но противъ какогонибудь полиціймейстера,—и цензоръ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ дорого поплатиться за пропускъ подобной статьи. Былъ случай, и не такъ давно, что въ одной газетѣ помѣщенъ былъ разсказъ о бывшихъ нѣкогда подвигахъ

---

[1]) Намекъ на митрополита Филарета.

какого-то камердинера какого-то важнаго, но уже сошед шаго со сцены административнаго лица; это лицо (граф Закревскій), оскорбившись помянутымъ разсказомъ, при несло жалобу, вслѣдствіе которой цензоръ, пропустившій статью въ печать, получилъ выговоръ" [1]).

Пропуская мнѣніе «Неизвѣстнаго» и по его безцвѣт ности, и по его анонимности, перейдемъ ко второй половинѣ брошюры, заключающей мнѣнія литераторовъ и редакцій Такъ какъ ихъ удобнѣе разсмотрѣть въ группировкѣ по со держанію высказаннаго, то сначала познакомлю читател съ авторами «записокъ».

Одна изъ нихъ принадлежитъ редакціямъ довольно-таки разнообразнымъ по оттѣнкамъ, но въ общемъ не имѣвшим еще въ февралѣ 1862 г. запаха «охранительныхъ» началъ если не считать «Сѣверной Пчелы», всегда и до конца сво ихъ дней такъ или иначе вертѣвшей хвостомъ, пока онъ не завязъ въ проруби «Нашего Времени». Здѣсь мы видим «Отечественныя Записки» (А. А. Краевскій и С. С. Дудыш кинъ), «Русское Слово» (Г. Е. Благосвѣтловъ), «Время (братья Достоевскіе), «Русскій Инвалидъ» (П. Г. Писарев скій), «Экономистъ» (И. В. Вернадскій), «Разсвѣтъ» (В. Крем нинъ), «Иллюстрированный Листокъ» (В. Р. Зотовъ), «Энци клопедическій Словарь» (П. Л. Лавровъ-Миртовъ) и «Сѣвер ную Пчелу» (П. С. Усовъ). По объему эта «Записка» наибо лѣе полная, по содержанію и проектируемымъ мѣрамъ — наиболѣе ясная.

Вторая представлена за подписью шестнадцати лите раторовъ, именъ которыхъ, къ сожалѣнію, не только нѣтъ, н и нельзя возстановить подобно предыдущей, потому что ни какими органами они не были делегированы. Такъ какъ пят изъ подписавшихся не совсѣмъ были согласны со всѣми мѣрами, предлагаемыми остальными одиннадцатью, то от нихъ поступило еще и «особое мнѣніе», подъ которымъ под писались, кромѣ нихъ, и еще какихъ-то пять литераторовъ

Затѣмъ идетъ довольно безцвѣтная «записка» гр. Ку шелева-Безбородка, издателя «Русскаго Слова», и, нако нецъ, — «записка» «Современника», сотрудниками котораго тогда были, помимо редакторовъ-издателей Некрасова и

[1]) Ibidem, 35—37.

Панаева [1]), Чернышевскій, Елисеевъ, Н. А. Серно-Соловьевичъ и др. Очень жаль, что нельзя по имѣющейся литературѣ, сказать точно, кому принадлежитъ «Записка» «Современника». Это не удалось мнѣ сдѣлать и послѣ бесѣды съ М. А. Антоновичемъ и А. Н. Пыпинымъ. А, между тѣмъ, выяснить такой вопросъ было-бы очень важно и интересно, потому что почти вся записка, и ужъ точнѣе—большая ея часть, посвящена не темѣ, а доказательству того, что «редакція этого журнала всегда желала располагать общественное мнѣніе въ пользу реформъ, совершаемыхъ правительствомъ», и что «Современникъ» постоянно проводилъ въ разныхъ статьяхъ мысль о правительственной иниціативѣ въ дѣлахъ общественнаго прогресса» [2]). Представленная отъ имени *всего* «Современника», она принимаетъ видъ, врядъ-ли дѣйствительно ей принадлежащій...

Мотивируется представленіе «записокъ» Головнину, между прочимъ, такъ: «литераторы русскіе надѣются, что этотъ разъ правительство дѣйствительно желаетъ полезнаго совѣта и приступитъ къ измѣненіямъ стараго, съ намѣреніемъ твердо держаться избраннаго пути» [3]). Иначе думали авторы коллективной записки литераторовъ. Они «твердо увѣрены, что существенныя преобразованія не входятъ въ настоящее время въ виды и намѣренія правительства, что оно будетъ пытаться содѣйствовать успѣхамъ отечественной литературы, только частными палліативными средствами» [4]). Время показало, что даже и это послѣднее предположеніе не осуществилось. Во всякомъ случаѣ, такая мотировка указываетъ, что уже на второмъ мѣсяцѣ министерства Головнинъ былъ понятъ нѣкоторыми литераторами правильно.

Теперь, прежде всего, развернемъ полотно, на которомъ обрисовано общее тогдашнее положеніе литературы.

«Какъ ни громки всеобщія жалобы на стѣсненія нашей литературы, какъ ни очевидны несообразности нашихъ цензурныхъ установленій, но едва-ли кто-либо изъ правитель-

[1]) Умеръ 19 февраля 1862 года, т. е. послѣ подачи „мнѣнія“ журналомъ.

[2]) „Мнѣніе etc.“, 94—95.

[3]) Ibidem (Коллективная записка редакцій), 73.

[4]) Ibidem, 76.

ственныхъ лицъ имѣетъ приблизительное понятіе хоть о сотой долѣ этихъ несообразностей»—читаемъ въ коллективной запискѣ редакцій. «Произволъ и противорѣчія встрѣчаются на каждомъ шагу въ этомъ рядѣ цензурныхъ уставовъ, циркуляровъ и повелѣній, ежедневно нарушаемыхъ самимъ правительствомъ и невозможныхъ для исполненія на дѣлѣ. Еслибъ кто сталъ держаться буквально этихъ постановленій, то рѣшительно ни одна строчка не могла-бы пройти въ печати, или если бы цензоръ, махнувъ рукой на эти тысячи предписаній, подтвержденій, объясненій и замѣчаній, сталъ дѣйствовать по личному усмотрѣнію, тогда его произволу не было-бы никакихъ границъ». «Никто не исполняетъ закона, предписанія накопляются со всѣми ихъ внутренними противорѣчіями, и правительственныя лица болѣе всѣхъ стараются обойти законъ. Цензурныя предписанія имѣютъ цѣлью угадать заранѣе опасность еще невысказанной мысли, но, въ сущности, являются заставами, поставленными на пути всякаго самостоятельнаго развитія. Правительственные комитеты сознавались не разъ, что паспорты и заставы никуда негодны въ другихъ сферахъ жизни, и при всемъ томъ эти заставы удерживаются въ сферѣ мысли, гдѣ они болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь смѣшны и вредны. А между тѣмъ, существованіе этихъ заставъ служитъ главнѣйшею причиною того раздраженія, которое существуетъ въ литературѣ и которое такъ озабочиваетъ правительство. Вмѣсто того, чтобы умѣрить это раздраженіе, каждое новое предписаніе вызываетъ еще большее раздраженіе своимъ противорѣчіемъ съ прежними, своею неисполнительностію и общимъ убѣжденіемъ, что оно завтра же исполняться не будетъ.

«Безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что исторія человѣческой мысли нигдѣ и никогда не представляла такого жалкаго примѣра цензурныхъ учрежденій, какъ въ настоящее время у насъ, и нигдѣ подъ внѣшней формой закона не скрывалось столько самоуправства, какъ въ нашемъ цензурномъ уставѣ».

«Нѣтъ сомнѣнія, что все это падаетъ всѣмъ грузомъ своего вреднаго вліянія на людей, болѣе честныхъ по убѣжденіямъ и болѣе сильныхъ талантомъ. Для нихъ литературный трудъ, съ небольшимъ различіемъ, дѣлается каторжной

работой: создавая произведеніе искусства или науки, они прежде всего должны думать о томъ, чтобъ примѣниться къ условіямъ цензурныхъ требованій, унизить себя до лицемѣрія передъ самими собой, передъ публикой и даже передъ цензоромъ: предпринимая долговременный трудъ, они рискуютъ напрасно потерять, можетъ быть, лучшіе годы жизни, потому что сочиненіе ихъ будетъ или запрещено или обезображено; наконецъ, творческая мысль ихъ, подъ вліяніемъ сомнѣній и боязни, не можетъ ни на одну минуту работать спокойно и самоувѣренно. У насъ обыкновенно жалуются на отсутствіе хорошихъ отдѣльныхъ сочиненій, но спрашивается, когда же при цензурѣ предупредительной умъ человѣческій отличался производительностію и кто же пожелаетъ отдать десять или двѣнадцать лѣтъ жизни труду, который легко можетъ погибнуть подъ карандашемъ цензора, не вознаградивъ ни усилій, ни пожертвованій автора. Само собою разумѣется, что то же вредное вліяніе отражается отъ писателя на весь составъ нашей литературы. Она становится ниже общества, ниже обыденныхъ понятій». «Пропасть, раздѣляющая общество отъ правительства, все болѣе расширяется, и будущее становится все страшнѣе» [1]).

«Неточность нынѣшнихъ постановленій, крайняя сложность всѣхъ формъ, вездѣ вліяніе личнаго произвола многообразныхъ цензоровъ, какъ генеральныхъ отъ вѣдомства цензуры, такъ и специальныхъ, принадлежащихъ многоразличнымъ вѣдомствамъ управленія,—все это въ сложности привело насъ, наконецъ, къ полной анархіи» [2]).

«Должность цензора есть едва-ли не единственная во всей русской имперіи, въ которой усердный и добросовѣстный чиновникъ безпрестанно получаетъ замѣчанія и выговоры. Она почти неудобоисполнима».

«Главныхъ источниковъ цензурнаго скандала, по нашимъ наблюденіямъ — говоритъ редакція «Современника» — было до сихъ поръ два: безпримѣрное отсутствіе независимости въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и составъ канцеляріи Главнаго Управленія цензуры.

---

[1]) Ibidem (Записка редакціи), 58, 61—63, 64.

[2]) Ibidem (Записка гр. Кушелева-Безбородка), 80.

«О составѣ канцеляріи Главнаго Управленія цензуры надобно только спросить цензоровъ, чтобы убѣдиться въ справедливости слѣдующихъ словъ: канцелярія эта наполнена чиновниками невѣжественными, непонимающими того, о чемъ представляютъ отчеты и доклады, поставляющими за удовольствіе себѣ сдѣлать непріятности цензорамъ, содержанію которыхъ многіе изъ нихъ завидуютъ. Каждый докладъ, влекущій за собою выговоръ цензору, представляетъ образецъ тупости и недобросовестности».

«Дѣйствія ихъ (министровъ народнаго просвѣщенія— *М. Л.*) не отличались ни самостоятельностью ни независимостью. Извѣстно, что стоило какому-нибудь другому министру или другому болѣе или менѣе важному офиціальному лицу прислать къ министру народнаго просвѣщенія бумагу съ претензіею на извѣстную статью, или хотя на словахъ выразить ему свое недовольство ею, министръ народнаго просвѣщенія, безъ всякаго разбора, удовлетворялъ претензію выговорами, угрозами обвиняемому автору, цензору или даже иногда удаленіемъ послѣдняго отъ должности. Отъ такой угодливости министра народнаго просвѣщенія развивалась, вѣроятно, въ другихъ сановникахъ привычка и охота дѣлать непріятности ему за литературу по всякимъ пустякамъ» [1]).

На толки бюрократовъ о вредномъ вліяніи литературы на общество, при малѣйшей для нея свободѣ, «записки» отвѣчали очень рѣшительно.

«Мы не думаемъ- писали напримѣръ редакціи, чтобъ правительство желало оттолкнуть отъ себя благотворное содѣйствіе литературы или могло *снизойти* до опасеній ея нравственнаго вліянія. Въ первомъ случаѣ оно постоянно, въ послѣднія восемь лѣтъ, убѣждалось, что, призывая на помощь къ себѣ литературное мнѣніе, правительство встрѣчало въ немъ полное сочувствіе своимъ добрымъ цѣлямъ, легко и скоро разъясняло такія задачи, какъ крѣпостное право, и находило опору въ общественномъ мнѣніи: безъ литературной гласности оно не могло бы ни ослабить злоупотребленія прежней эпохи, ни обсудить и совершить тѣ реформы, которыя такъ спокойно совершились. Всякій разъ,

[1]) Ibidem 89—91.

когда оно допускало болѣе независимое выраженіе мнѣнія, это мнѣніе, проводимое у насъ исключительно въ литературѣ, облегчало его труды, примиряло враждебныя стороны и путемъ сознанія вело къ тѣмъ благимъ результатамъ, которые оказались рѣшительно невозможными для чисто административныхъ соображеній. Съ другой стороны, всякій разъ, когда правительство стѣсняло литературное мнѣніе, въ обществѣ рождались сомнѣнія, неудовольствіе, и едва закрытыя язвы снова открывались. Слѣдовательно, не отказываясь отъ своего прогрессивнаго движенія, правительство въ то же время не можетъ отказаться отъ успѣховъ литературы и отъ ея свободы, сообразной времени и обстоятельствамъ.

«Что же касается до опасеній, возбуждаемыхъ будто бы слишкомъ свободнымъ развитіемъ нашей литературы, то можно быть увѣреннымъ, что облегченіе цензурныхъ стѣсненій вызоветъ непремѣнно въ рядахъ литературы защитниковъ правительственныхъ мѣръ, тогда какъ теперь, подъ цензурнымъ игомъ, никакой порядочный литераторъ не считаетъ себя нравственно въ правѣ возражать даже сочиненіямъ, написаннымъ съ самымъ крайнимъ увлеченіемъ противъ существующаго порядка вещей» [1]).

«Мы убѣждены, что не призракъ свободной мысли долженъ пугать наше правительство, а дѣйствительное отсутствіе знаній и гласности на такомъ огромномъ пространствѣ земли, какъ Россія; не литература опасна, а невѣжество и соединенная съ нимъ глухая оппозиція еще болѣе глухому угнетенію. Мы не знаемъ въ исторіи человѣчества ни одной революціи, которая была-бы вызвана свободой печати, но знаемъ много такихъ революцій, наканунѣ которыхъ стѣсненіе прессы возбуждало всеобщія жалобы.

«Но если бы правительство, стѣсняя литературу, и находило въ томъ удовлетвореніе нѣкоторымъ изъ своихъ

---

[1]) Любопытно, что подписавшая эту записку „Сѣверная Пчела“ и имѣвшая, въ числѣ неразрѣшенныхъ цензурою статей, такую, въ которой она сѣтовала на невозможность распространять печатно и даже словесно монархическія идеи, „чтобъ не попасть, во мнѣніи многихъ лицъ, въ число шпіоновъ и имъ подобныхъ людей“ (см. „Сборникъ статей, недозволенныхъ цензурою въ 1862 г.“, I, 127)—уже въ маѣ того же года пошла въ походъ противъ Герцена... Такъ быстро мѣнялись нравственныя убѣжденія въ эпоху перелома общественнаго настроенія.

временныхъ соображеній, то какія-же послѣдствія ожидаютъ его въ будущемъ? Оно страшно вредитъ самому себѣ: заграждая естественные исходы умственной дѣятельности, стремясь стѣснить самостоятельное развитіе мысли, оно на самомъ дѣлѣ не въ силахъ остановить это развитіе, но заставитъ общественную мысль искать тайнаго распространенія; сдавленная внутри, она перейдетъ въ заграничную пропаганду и въ подземную рукописную литературу» [1]).

Редакція «Современника» подходитъ къ тому-же вопросу съ другой стороны.

«Нѣкоторыя лица, незнакомыя съ тѣми кругами нашего общества, которые называются либеральными, демократическими или даже еще болѣе рѣзкими именами, предполагаютъ въ нихъ существованіе систематической оппозиціи правительству. Но такой взглядъ смѣшонъ каждому, кто хорошо и близко знаетъ эти круги, столь сильно подозрѣваемые. Въ людяхъ, выставляемыхъ за демагоговъ, анархистовъ, проникнутыхъ непримиримою враждою къ существующему порядку, наблюдатель проницательный вблизи увидитъ качества, совершенно противоположныя тѣмъ, какія приписываютъ имъ цѣнители незнающіе, робкіе или неблагонамѣренные. Большинство подозрѣваемыхъ составляютъ люди, неимѣющіе никакого опредѣленнаго направленія, чуждые не только революціонныхъ, но вообще какихъ-бы то ни было политическихъ мыслей, — люди, неотличающіеся отъ безвредныхъ свѣтскихъ болтуновъ ровно ничѣмъ, кромѣ необходимости, по недостаточности средствъ, изливать свою болтовню не въ однихъ разговорахъ, а также и на бумагѣ.

«Конечно, тонъ даютъ литературѣ не тѣ писатели, о которыхъ мы упомянули здѣсь вскользь. Есть писатели, дѣйствительно имѣющіе твердый образъ мыслей, обдуманныя убѣжденія и глубоко занятые общественными вопросами. До какой степени слѣдуетъ считать опасными этихъ руководителей литературы?

«Мы не будемъ излагать ихъ образа мыслей, потому что въ теоретическихъ убѣжденіяхъ они раздѣляются на много группъ: мы говоримъ не по предположенію, а утвер-

[1]) Ibidem (записка редакціи), 64—65, 66.

ждаемъ по близкому личному знанію дѣла, что нельзя найти четырехъ, даже трехъ замѣчательныхъ въ литературѣ людей, которые сходились бы между собою въ теоретическомъ взглядѣ,—если наберется въ руской литературѣ полсотни серьезныхъ писателей, то они распадаются, по крайней мѣрѣ, на тридцать отдѣловъ по образу мысли. Между московскими писателями предполагается больше единодушія, нежели между петербургскими, разрозненность которыхъ простирается до того, что они даже избѣгаютъ знакомствъ другъ съ другомъ, что извѣстно даже и людямъ, далекимъ отъ литературнаго міра.

«Кто захочетъ сообразить эти указанныя нами обстоятельства: малочисленность людей съ серьезными убѣжденіями въ литературномъ мірѣ и чрезвычайную разрозненность ихъ по различію убѣжденій, тотъ разсудитъ, могутъ-ли они имѣть въ дѣйствительности замыслы противъ правительства, каковы бы то ни были ихъ теоретическія мнѣнія. Какъ люди умные, они почли бы дѣломъ несоотвѣтствующимъ ихъ уму и достоинству задумывать политическія интриги, которыя не могли бы кончиться ничѣмъ, кромѣ смѣшной и жалкой неудачи. Скажемъ болѣе: близкое и вѣрное знакомство съ настоящимъ состояніемъ нашего общества приводитъ серьезныхъ писателей къ полному убѣжденію, что *только*[1]) правительство въ силахъ дѣлать что-нибудь важное, и потому всѣ они имѣютъ очень сильную наклонность быть приверженцами правительства, *дѣйствующаго въ прогрессивномъ духѣ*. Эта наклонность горячо обнаруживается при всякомъ случаѣ, когда правительство совершаетъ какую-нибудь *полезную* и необходимую реформу[2]).

Послѣ сдѣланныхъ, такимъ образомъ, вступленій, авторы мнѣній указываютъ на тѣ мѣры, которыя они считали бы необходимыми какъ для всей послѣдующей своей дѣятельности, такъ и на время, впредь до осуществленія всѣхъ задуманныхъ реформъ.

«Справедливость требуетъ — читаемъ въ коллективной запискѣ редакцій: — 1) чтобы какъ всякое преступленіе, такъ и наказаніе за него было ясно опредѣлено. 2) чтобы

[1]) Курсивъ подлинника.
[2]) Ibidem, 87—88.

никто не былъ осужденъ безъ правильнаго суда, и чтобы обвинитель не былъ въ то-же время судью по дѣлу, въ которомъ обвиняетъ, 3) чтобы судъ, признающій *степень* [1]) виновности и примѣнимости къ ней того или друго закона, начиналъ свое дѣйствіе лишь тогда, когда предварительное и безпристрастное слѣдствіе признало, что виновный *подлежитъ* суду, 4) наконецъ, чтобы въ самомъ судѣ обвиняемый имѣлъ гарантію, необходимую для справедливаго осужденія или оправданія его.

«Недостатокъ какого-либо изъ этихъ условій поведетъ неизбѣжно ко всѣмъ прежнимъ неудобствамъ, ко всему хаосу существующаго положенія дѣлъ и даже, можетъ быть, вызоветъ новыя худшія послѣдствія, чѣмъ современная цензура.

«Первое требованіе заключаетъ въ себѣ необходимость постановленія съ большею опредѣлительностью тѣхъ пунктовъ, по которымъ можетъ возникнуть обвиненіе. Четыре пункта, заключающіеся въ § 3 цензурнаго устава, такъ неопредѣленны, что подъ нихъ можно подвести все, что угодно, и эта неопредѣленность вызвала тѣ, другъ другу противорѣчащія, постановленія, которыя привели цензуру къ ея современному положенію. Желательно, чтобы правительство ограничило литературное обвиненіе болѣе тѣсными и ясными для всѣхъ предѣлами». При этомъ оптимистически настроенные авторы записки прибавляютъ, что «многія дѣйствія правительства внушаютъ литераторамъ увѣренность, что пересмотръ пунктовъ, по которымъ можетъ начинаться обвиненіе по литературному дѣлу, будетъ произведенъ не иначе, какъ при содѣйствіи лицъ изъ ихъ среды».

Дальше выясняется, что исполненіе второго пункта немыслимо безъ уничтоженія предварительной цензуры, ставящей цензора одновременно въ положеніе и обвинителя и исполнителя приговора. «Поэтому самая сущность справедливости требуетъ (для выполненія остальныхъ трехъ пунктовъ): 1) замѣны предупредительной цензуры карательною, 2) учрежденія особыхъ обвинителей, неимѣющихъ права суда, 3) учрежденіе суда по литературнымъ проступкамъ и преступленіямъ на раціональныхъ началахъ». Считая не-

---

[1]) Курсивъ здѣсь и дальше подлинника.

обходимымъ при разборѣ литературныхъ процессовъ, до общаго измѣненія судоустройства и судопроизводства, немедленное введеніе судоговоренія, защиты и т. п., «записка» настаиваетъ на учрежденіи особаго посредника между обвинителемъ и судомъ, который-бы разбиралъ *всѣ* жалобы на литературу быстро, давалъ ходъ заслуживающимъ уваженія обвиненіямъ и т. п. Таковымъ она считаетъ цензурно-слѣдственный комитетъ, состоящій на половину изъ членовъ отъ правительства, на половину избранныхъ самою литературою. Рѣшенія комитета безапелляціонны. Но при этомъ подчеркивается безусловное уваженіе рѣшеній комитета правительствомъ; «если обвинители найдутъ другіе пути для своихъ доносовъ, если авторы будутъ подвергаться преслѣдованію, несмотря на оправданіе комитетомъ, и если самые члены его не будутъ свободны въ своихъ приговорахъ», тогда онъ сдѣлается «самымъ вреднымъ учрежденіемъ» [1]).

Эту же мысль всецѣло поддерживалъ и гр. Кушелевъ-Безбородко, но прибавилъ пожеланіе, чтобы всѣ засѣданія цензурно-слѣдственнаго комитета были вполнѣ публичны. Записка редакцій стояла лишь за оглашеніе въ печати постановленій комитета.

«Записка» отдѣльныхъ литераторовъ рекомендовала уничтожить цензурные комитеты и главное управленіе цензуры, замѣнивъ ихъ «однимъ постояннымъ комитетомъ съ равнымъ числомъ голосовъ отъ правительства и выборныхъ изъ среды литераторовъ. Въ комитетѣ этомъ и должны рѣшаться, по большинству голосовъ, всѣ споры, возникающіе между литераторами и цензорами» [2]). Что-же касается болѣе существенныхъ измѣненій, то, какъ я уже говорилъ, авторы этой записки не надѣются на него. Единственно, что они еще предлагаютъ, въ качествѣ второго, послѣ приведеннаго уже перваго, палліатива — это пересмотръ и болѣе опредѣленное развитіе цензурнаго устава.

Но прежде, чѣмъ итти на предложеніе какихъ бы то ни было полумѣръ, авторы этой наиболѣе опредѣленной записки, явившейся, очевидно, результатомъ раскола съ

[1]) Ibidem, 67—73.
[2]) Ibidem, 78.

редакціями на почвѣ недовѣрія къ либеральнымъ словамъ Головнина—дѣлаютъ такое вступленіе:

«Есть предметы, о которыхъ всякое разсужденіе является чѣмъ-то страннымъ, почти невозможнымъ. Къ такимъ предметамъ принадлежитъ вопросъ о *формѣ* цензуры. Теорія и практика, наука и жизнь доказывали и доказываютъ, что всякое запрещеніе извѣстныхъ мнѣній не только безполезно, но положительно вредно. Вредно потому, что задерживаетъ развитіе просвѣщенія; безполезно потому, что не искореняетъ, все-таки, тѣхъ мнѣній, на которыя падаетъ. Изъ простыхъ сторонниковъ извѣстнаго образа мыслей, готовыхъ выслушивать всякое свободно высказанное возраженіе, оно образуетъ фанатиковъ, идущихъ на плаху. Теоретическія доказательства извѣстны всѣмъ и каждому, а практическія встрѣчаются гдѣ угодно: въ расколѣ, въ потаенной литературѣ, напримѣръ, которыя появлялись и всегда будутъ появляться вездѣ, гдѣ слово и мысль несвободны. Но многія правительства смотрятъ иначе, и невольно рождается вопросъ: въ какой формѣ полезнѣе само по себѣ вредное учрежденіе? .... «*Основательное и справедливое измѣненіе въ положеніи литературы невозможно безъ измѣненія всего характера нашего законодательства и нашихъ учрежденій.* Результатъ этотъ очень неутѣшителенъ, но мы считаемъ себя обязанными прямо и безъ самообольщенія заявить о немъ»[1].

Послѣдняя, высказанная отдѣльными литераторами мысль, была совершенно нова для Головнина и Валуева: палліативы — вотъ единственныя лѣкарства, которыми предполагалось вылѣчить литературу, и при томъ вылѣчить съ двумя цѣлями: лишить ее зловредности и дать болѣе закономѣрное существованіе...

Что касается второй полумѣры, предложенной «пессимистами», какъ тогда называли авторовъ коллективной записки — то они считали, что «дополненіе и разсмотрѣніе устава должно происходить не иначе, какъ въ спеціальной комиссіи, составленной изъ равнаго числа членовъ отъ правительства и представителей отъ литературы, выбранныхъ непремѣнно самими литераторами». Заключеніе-же комиссіи

[1]) Ibidem, 74 - 76.

«должно быть, въ видѣ проекта устава, подвергнуто ничѣмъ не стѣсненному обсужденію посредствомъ печати». Тутъ же любопытное добавленіе: «но если, послѣ утвержденія новаго устава, различныя дополнительныя и пояснительныя предписанія будутъ по-прежнему получать силу помимо комиссіи, то лучше и не приниматься за трудное и хлопотливое дѣло пересмотра устава» [1]).

Пять человѣкъ въ особомъ мнѣніи пояснили, что они «совершенно расходятся съ практической стороной» этой записки, «считая предлагаемыя въ ней измѣненія предохранительной цензуры недостаточнымъ облегченіемъ для литературы». По ихъ убѣжденію, министерство просвѣщенія не должно было ограничиться запросомъ *письменныхъ* мнѣній *нѣкоторыхъ* редакцій и литераторовъ; тутъ нужно другое: «дозволеніе на опредѣленное время гласнаго печатнаго обсужденія этого вопроса, съ тѣмъ, чтобы статьи о немъ не подвергались предварительному цензурному пересмотру» [2]).

Итакъ, вотъ тѣ мнѣнія, которыми литература отозвалась на запросъ министра просвѣщенія... Головнинъ былъ ими не мало озадаченъ. Открыто, въ глаза выражено было недовѣріе къ его рѣчамъ; обращеніе къ келейному разговору признано неумѣстнымъ, палліативы заранѣе оцѣнены по достоинству.

---

[1]) Ibidem, 77—78.
[2]) Ibidem, 79.

IV.

Дѣло тверскихъ мировыхъ посредниковъ. Высылка проф. П. В. Павлова. Докладъ Головнина въ совѣтѣ министровъ. Знаменательный указъ 10-го марта.

А общественная атмосфера все сгущалась.

Въ февралѣ тринадцать тверскихъ дворянъ [1]) письменно заявили губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію о томъ, что они впредь намѣрены руководствоваться воззрѣніями и убѣжденіями, несогласными съ положеніями 19 февраля, такъ какъ всякій другой образъ дѣйствій считаютъ враждебнымъ обществу [2]). Вскорѣ они были отданы суду сената и заключены въ Петропавловскую крѣпость.

Черезъ нѣсколько дней, разразился памятный еще и теперь инцидентъ съ профессоромъ П. В. Павловымъ, однимъ изъ любимыхъ тогда обществомъ дѣятелей, однимъ изъ энергичныхъ и беззавѣтно отдавшихся дѣлу основателей русской воскресной школы.

2 марта, въ залѣ Руадзе (нынѣ Кононова) былъ назначенъ литературный вечеръ.

«Распорядитель вечера — разсказываетъ Л. Ѳ. Пантелѣевъ — былъ Н. Л. Тибленъ, въ числѣ чтецовъ — Чернышевскій, Павловъ, В. Курочкинъ. Теперь не можетъ быть спора, что чтеніе Чернышевскаго, воспоминаніе о Добролюбовѣ, было неудачно. Это былъ его первый, да и единственный выходъ передъ публикой; онъ былъ, видимо, ажитированъ, хотя и старался показать противное. Экспромптомъ говорить онъ, видно, былъ не мастеръ, а между тѣмъ, къ чтенію не подготовился.

«Дошла очередь до Павлова... Онъ, повидимому, замѣтилъ, что въ заднихъ рядахъ плохо слышали лекторовъ, а голосъ у него былъ слабый; онъ взялъ нѣсколькими нотами выше обыкновеннаго; отсюда все чтеніе получило замѣтно выкрикивающій характеръ и въ то же время сильно под-

---

1) Членъ губернскаго присутствія Бакунинъ, предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ, уѣздные предводители дворянства: Бакунинъ и Балкашинъ, мировые посредники: Кудрявцевъ, Полторацкій, Глазенапъ, Харламовъ, Лазаревъ, Кислинскій, Невѣдомскій и Лихачевъ, и кандидаты мировыхъ посредниковъ: Широбоковъ и Демьяновъ.

2) „Сѣверная Почта“, 1862 г., № 39.

черкивались слова, сами по себѣ не заключавшія ничего страшнаго. Читалъ онъ по поводу тысячелѣтія Россіи [1]); основная мысль чтенія была такая: какъ въ древней, такъ и въ новой Россіи были извѣстныя общественныя группы, пользовавшіяся тѣми или другими правами, только масса населенія всегда стояла внѣ правового порядка, и положеніе ея постепенно настолько ухудшилось, что можно было ожидать страшнаго народнаго взрыва. Къ счастью, правительство это поняло, и приступило къ реформѣ. До публики, извѣстнымъ образомъ настроенной, часто слова лектора доходили совсѣмъ въ переиначенномъ видѣ; напр., Павловъ сказалъ: «Ко времени вступленія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго государя (передъ тѣмъ говорилъ о Крымской войнѣ) чаша народныхъ страданій преисполнилась»; а многимъ послышалось *во время* и т. д... Вотъ онъ кончилъ; начались вызовы. Павловъ долго не выходилъ, наконецъ, показался и далъ знакъ, что хочетъ говорить; мгновенно воцарилась тишина. Что было у него на умѣ, трудно сказать; только онъ произнесъ: «Имѣющій уши слышать, да слышитъ». Послѣ этихъ словъ въ залѣ произошло нѣчто трудно описуемое; вѣроятно, потомъ оказалось немало поломанныхъ стульевъ. Многіе тутъ-же громко говорили, что Павлову не сдобровать.

«На этомъ-же вечерѣ В. Курочкинъ читалъ „Господинъ Искаріотовъ, патріотъ изъ патріотовъ"; казалось, что потолокъ обрушится отъ рукоплесканій и криковъ, всякій разъ сопровождавшихъ слово: „Тише, тише, господа: господинъ Искаріотовъ, патріотъ изъ патріотовъ, приближается сюда".

«Вечеръ закончился исполненіемъ въ 16 разъ Марсельезы; она, конечно, совсѣмъ не значилась на программѣ,—тогда публичное исполненіе Марсельезы ни подъ какимъ видомъ не дозволялось.

«Вечеръ былъ въ четвергъ; въ воскресенье я и Н. Утинъ въ качествѣ представителей студенческаго комитета сочли нужнымъ навѣстить Павлова. Застали его въ самомъ спокойномъ настроеніи; онъ прямо сказалъ, что не можетъ себѣ представить, чтобы ему могли угрожать какія-нибудь непріятности, такъ какъ въ его чтеніи рѣшительно ничего не

[1]) Пріуроченнаго къ 8 сентября 1862 г.

было противоправительственнаго. Уйдя отъ Павлова, я цѣлый день не былъ дома и вернулся къ себѣ уже къ самой ночи. Каково же было мое удивленіе, когда нашелъ у себя на столѣ записку Н. Утина: „Павловъ арестованъ и высылается въ Ветлугу, завтра назначено засѣданіе комитета (студенческаго), приходи непремѣнно".

«Тѣ, кто ближе зналъ Павлова, и тогда считали его не совсѣмъ нормальнымъ человѣкомъ. Тяжелыя-ли горячки (послѣдняя осенью 1861 г.), которыя онъ перенесъ не разъ, или трудное положеніе профессора въ кіевскомъ университетѣ не только за время Бибикова [1]), но и позднѣе, сдѣлали изъ него человѣка крайне подозрительнаго; онъ, напримѣръ, пресерьезно увѣрялъ, что за нимъ вездѣ слѣдятъ іезуиты. Общественное credo его было: la revolution par l'école (это выраженіе онъ любилъ повторять), но не въ томъ смыслѣ, что школа приведетъ къ внѣшней революціи, а что распространеніе знанія неминуемо трансформируетъ наше полуазіатское общество.

«Когда Павлова выслали въ Ветлугу, студентами была собрана въ его пользу небольшая сумма, около 300 руб.; узнавъ объ этомъ, онъ написалъ, что проситъ эти деньги переслать „извѣстному страдальцу Б.". Мы поняли, что деньги надо отправить Бакунину, незадолго передъ тѣмъ бѣжавшему изъ Сибири; но хорошо, что не успѣли этого сдѣлать. Когда до Павлова дошло, кого мы поняли подъ Б., онъ крайне взволновался, такъ какъ имѣлъ въ виду бывшаго своего ученика и любимца, студента кіевскаго университета, Я. Ник. Бекмана, высланнаго въ Вологду, которому деньги и были мною переданы» [2]).

[1]) „Какъ-то Павловъ разсказывалъ намъ: разъ Бибиковъ собираетъ насъ, профессоровъ, и студентовъ (Б. былъ генералъ-губернаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ попечителемъ округа) въ университетскую залу и держитъ такую рѣчь: вы, профессора, можете собираться другъ у друга, но только для картъ; а вы, студенты, запомните—я буду снисходительно смотрѣть на ваши кутежи и т. п., но солдатская фуражка грозитъ каждому, кто будетъ замѣченъ въ вольнодумствѣ".

Л. П.

[2]) *Л. Ѳ. Пантелѣевъ.* „Изъ воспоминаній студенческаго времени", „Рус. Вѣдомости" 1903 г., № 226. Интересующихся нѣкоторыми эпизодами 60-хъ годовъ отсылаю вообще къ этимъ воспоминаніямъ

7-го марта публика уже читала въ «Русскомъ Инвалидѣ»: «На литературномъ вечерѣ, бывшемъ 2-го числа сего мѣсяца въ пользу Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, оставшійся за штатомъ профессоръ с.-петербургскаго университета статскій совѣтникъ Павловъ, читалъ статью «О тысячелѣтіи Россіи». При чтеніи этой статьи г. Павловъ дозволилъ себѣ выраженія и возгласы, ненаходившіеся въ статьѣ, пропущенной цензурою и клонящіеся къ возбужденію неудовольствія противъ правительства. Вслѣдствіе сего, статскому совѣтнику Платону Павлову запрещено чтеніе публичныхъ лекцій и сдѣлано распоряженіе о высылкѣ его на жительство, подъ надзоръ полиціи, въ отдаленный уѣздный городъ» [1]).

Подъ вліяніемъ многихъ подобныхъ шаговъ общественнаго мнѣнія—съ одной стороны, и уже серьезныхъ осложненій въ Царствѣ Польскомъ—съ другой, Головнинъ, побуждаемый, кромѣ того, и Валуевымъ, страстно ждавшимъ полученія въ свои руки «литературной команды», вноситъ, въ самомъ началѣ марта, громадный докладъ въ совѣтъ министровъ, который теперь, послѣ ознакомленія съ мнѣніями цензоровъ и литераторовъ и со взглядами, высказанными Головнинымъ въ бесѣдахъ съ послѣдними, пріобрѣтаетъ особенный интересъ.

Указавъ на безсиліе прежнихъ мѣръ строгости и террора, породившихъ лишь эзоповщину и междустрочное чтеніе, озлобленность и недовѣріе къ правительству, министръ констатировалъ, однако, что, если въ послѣднее время взысканія почти прекратились, а чувство озлобленія уменьшилось, то зато «явилась полная безнаказанность, дѣйствующая на самыя основы общества». Между тѣмъ, «нельзя оставлять безнаказаннымъ то, что вредитъ христіанской религіи, народной нравственности и основнымъ началамъ нашего государственнаго устройства», т. е. самодержавія, православія и народности. Въ результатѣ предлагалось: сдѣ-

г. Пантелѣева: тамъ они найдутъ очень много интереснаго, какъ и въ его статьѣ „Изъ воспоминаній о 60-хъ годахъ“, въ сборникѣ „На славномъ посту“. Правда, въ первыхъ есть кое-какія ошибки, большею частью чисто хронологическаго характера, но онѣ всегда не особенно значительны.

[1]) Рус. Инвалидъ“, 1862 г., № 51.

лать немедленно нѣсколько новыхъ распоряженій и пересмотрѣть законъ о печати.

Главнѣйшія распоряженія сводились къ слѣдующему: «1) подтвердить цензорамъ чтобы они внимательнѣе относились къ своимъ обязанностямъ; 2) управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія находиться въ личныхъ сношеніяхъ съ редакторами изданій и цензорами; 3) управляющему министерствомъ сообщать совѣту министровъ о тѣхъ направленіяхъ, которыя *онъ намѣревается дать* сужденіямъ литературы по разнымъ государственнымъ вопросамъ; 4) *ему-же поручить доставлять полезныя занятія даровитымъ писателямъ*, которые иногда живутъ въ бѣдности и, не имѣя возможности жить своимъ трудомъ, обращаются въ лицъ, враждебныхъ правительству; 5) освободить отъ цензуры всѣ офиціальныя изданія; 6) нынѣшнихъ членовъ главнаго управленія по дѣламъ печати перечислить въ министерство внутреннихъ дѣлъ, возложивъ пока обязанности главнаго управленія на него, Головнина; 7) установленныхъ положеніемъ 1858 г. чиновниковъ (спеціальныхъ цензоровъ—*М. Л.*) упразднить; 8) поручить всѣмъ вѣдомствамъ совершенствовать свои изданія, чтобы общество могло *оттуда* получать свѣдѣнія; 9) редакціямъ офиціальныхъ изданій предоставить право печатать казенныя и частныя объявленія, и 10) составить предположенія о цензурѣ политическихъ статей въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ» [1]).

Вникнувъ въ смыслъ этихъ распоряженій, особенно же въ п.п. 2, 3 и 4, можно только поражаться той беззастѣнчивости, съ которою Головнинъ вступалъ на путь цензурныхъ реформъ... Открыто, для общества и литературы, онъ говорилъ, что «едва-ли чему иному, какъ не желанію регламентировать прессу, подчинять себѣ и направлять ее, постоянно обнаруживавшемуся со стороны цензурныхъ управленій, должно приписывать ту преувеличенную недовѣрчивость и то систематическое отвращеніе ко всякому сближенію съ правительствомъ, которыя до послѣдняго времени обнаруживались со стороны прессы; ту осторожность и сдержанность, съ которою она одобряла даже тѣ правительственныя

[1]) *С. М. Середонинъ.* „Историч. обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, 1902 г., III, ч. 2, 199—201.

мѣры, которыя, очевидно, не могли не вызвать съ ея стороны полнѣйшихъ симпатій» [1]); что онъ высоко цѣнитъ трудъ русской журналистики и понимаетъ тяжесть ея незаслуженныхъ и вредныхъ для будущаго страданій, etc., etc., etc... Въ засѣданіи совѣта министровъ, какъ извѣстно, совершенно непубликующаго своихъ журналовъ, Головнинъ выступалъ въ роли не только новаго притѣснителя, но и, что еще хуже — обнаружилъ оскорбительное отношеніе къ русской литературѣ, заподозрѣвъ ея честность....

Необходимыми основаніями при пересмотрѣ цензурнаго устава, министръ считалъ:

«1) положительными и ясными правилами охранять: истины вѣры, основные государственные законы, неприкосновенность верховной власти и особъ императорской фамиліи, нравственность вообще и честь каждаго;

«2) наказаніями за нарушеніе правилъ, изложенныхъ въ § 1, назначать аресты и денежные штрафы, разсматривая случаи нарушенія этихъ правилъ служебнымъ порядкомъ;

«3) предварительная цензура сохраняется для изданій, не освобожденныхъ отъ нея;

«4) освобождаются отъ предварительной цензуры изданія: официіальныя, ученыя и признанныя благонадежными, но за этими изданіями сохраняется право (!?) быть представляемыми въ цензуру;

«5) періодическія изданія вносятъ залоги;

«6) редакторы ихъ подвергаются отвѣтственности, независимо отъ цензоровъ;

«7) министерство внутреннихъ дѣлъ наблюдаетъ за исполненіемъ статей закона, а министерство просвѣщенія — за направленіемъ литературы» [2]).

И въ этомъ цѣлая система противорѣчій, совершенно ясно обнаруживающаяся при сравненіи только что сдѣланныхъ предложеній съ либеральными разговорами министра. Въ заказанной имъ работѣ — «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи», напечатанной въ сравнительно большомъ

[1]) „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи", 126.

[2]) *С. М. Середонинъ*, н. с., 201—202.

количествѣ экземпляровъ и пущенной главнымъ образомъ въ публику и литературу, находимъ совершенно другое. Тамъ услуги, оказанныя правительству предупредительной цензурой, названы прямо «печальными», сказано, что «она накопила много горечи и раздраженія противъ правительства», неоднократно указывается на ея полную непригодность и на необходимость (а не на желательность только) немедленной замѣны ея цензурою карательною [1]). А въ разговорахъ было обѣщано прямо три короба облегченій...

Совѣтъ министровъ отнесся къ докладу Головнина вполнѣ сочувственно, а Валуевъ радовался приближенію дня, когда цензура перейдетъ въ его руки [2]). Въ результатѣ 10 марта послѣдовалъ указъ сенату, въ которомъ, «признавая необходимымъ, для болѣе успѣшнаго исполненія постановленій цензурнаго устава, преобразовать цензурное управленіе», повелѣвалось:

«1. Главное управленіе цензуры упразднить [3]).

«2. Наблюденіе, чтобъ въ книгахъ, брошюрахъ, періодическихъ изданіяхъ, гравюрахъ, эстампахъ и вообще произведеніяхъ печати, не являлось ничего противнаго цензурнымъ правиламъ, возложить на министерство внутреннихъ дѣлъ съ тѣмъ, чтобы о случаяхъ замѣченныхъ упущеній, министерство сіе сообщало для зависящаго распоряженія: а) относительно всякаго рода изданій, изъятыхъ отъ общей цензуры — тѣмъ управленіямъ и вѣдомствамъ, въ вѣдѣніи коихъ оныя состоятъ; б) относительно изданій, подлежащихъ общей цензурѣ—министерству народнаго просвѣщенія, и в) относительно изданій, подлежащихъ духовной цензурѣ— оберъ-прокурору святѣйшаго синода.

«3. Прочія за тѣмъ обязанности главнаго управленія цензуры возложить на министра народнаго просвѣщенія, предоставивъ ему права сего учрежденія и подчинивъ ему непосредственно цензурные комитеты и отдѣльныхъ цензоровъ вѣдомства народнаго просвѣщенія.

[1]) Стр. 124—131.

[2]) *А. В. Никитенко*, „Дневникъ“. „Рус. Старина“, 1891 г., II, 339.

[3]) Головнинъ, по свидѣтельству его подчиненныхъ, очень не любилъ возраженій и собственныхъ разсужденій, потому, конечно, его совершенно не удовлетворяло прежнее коллегіальное главное управленіе цензуры.

«4. Не подвергать вовсе разсмотрѣнію общей цензуры всѣ изданія правительственныхъ учрежденій и губернскія вѣдомости, предоставивъ начальствамъ сихъ учрежденій и губернаторамъ поручать цензурованіе оныхъ лицамъ по своему выбору съ тѣмъ, чтобы въ сомнительныхъ только случаяхъ лица сіи обращались къ цензорамъ министерства народнаго просвѣщенія, а гдѣ оныхъ не полагается, къ директорамъ училищъ.

«5. Сохраняя въ полной своей силѣ постановленіе, чтобъ встрѣчающіяся какъ въ книгахъ, такъ и въ періодическихъ изданіяхъ, мѣста и статьи духовнаго содержанія, сообщались духовной цензурѣ, а касающіяся Насъ и Особъ Императорской Нашей Фамиліи препровождались на разсмотрѣніе министра двора Нашего, по всѣмъ прочимъ предметамъ — министерству народнаго просвѣщенія, только въ сомнительныхъ случаяхъ обращаться къ другимъ вѣдомствамъ.

«6. Вслѣдствіе сего, отмѣнить назначенныхъ отъ разныхъ вѣдомствъ довѣренныхъ чиновниковъ для просмотра статей, касающихся этихъ вѣдомствъ [1]).

«7. Разсмотрѣніе и пропускъ къ печати статей и извѣстій политическаго содержанія оставить на прямой обязанности общей цензуры во всѣхъ изданіяхъ, подлежащихъ разсмотрѣнію оной, безъ всякаго участія и отвѣтственности въ нихъ министерства иностранныхъ дѣлъ» [2]).

Итакъ, первый шагъ къ совершонному впослѣдствіи полному переходу цензуры въ министерство внутреннихъ дѣлъ былъ сдѣланъ. Валуевъ получилъ «литературную команду» въ свои руки, Головнинъ оставался въ роли направляющаго, совѣтующаго, а вообще—разговаривающаго, но почти безсильнаго наставника [3]).

---

[1]) Ближайшая практика показала, что, все-таки, министерство иностранное и двора и св. синодъ по-прежнему пользовались уже отмѣненнымъ своимъ правомъ вплоть до закона 6 апрѣля 1865 года.

[2]) „Сборникъ постановленій etc.“, 466—468.

[3]) Здѣсь нельзя не обратить вниманіе на непониманіе современниками настоящаго положенія вещей. Такъ, напримѣръ, самъ прикосновенный къ цензурѣ Никитенко записываетъ: „Вотъ Валуевъ какъ попался съ своими проектами преобразованія цензуры! Онъ хотѣлъ установить карательную цензуру, взялся за это, не сумѣлъ сдѣлать и проволочилъ дѣло до появленія на сцену Головнина: этотъ

Надзоръ за печатью въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ ввѣренъ сейчасъ же пяти членамъ совѣта министра и шести чиновникамъ особыхъ порученій по дѣламъ книгопечатанія, а, въ виду недостаточности числа «наблюдателей», постоянное наблюденіе было установлено только за періодическими изданіями, которыхъ въ 1862 г. числилось 162, считая тутъ губернскія вѣдомости и другія правительственныя, спеціальныя и духовныя изданія. Все остальное разсматривалось лишь тогда, когда до министерства доходили свѣдѣнія о предосудительности содержанія того или другого сочиненія, гравюры и т. п.[1]). Завѣдованіе же исполнительною частью по дѣламъ цензуры было сосредоточено въ... департаментѣ исполнительной полиціи, «такъ какъ канцелярія бывшаго главнаго управленія цензуры, преобразованная въ особенную канцелярію министра народнаго просвѣщенія, не была передана въ министерство внутреннихъ дѣлъ».

V.

Образованіе комиссіи кн. А. Д. Оболенскаго для общаго пересмотра цензурнаго законодательства.

Одновременно Головнинъ занялся осуществленіемъ второй части своего доклада въ совѣтѣ министровъ, т. е. пересмотромъ цензурнаго устава. И здѣсь, какъ и во всемъ, происходила та же игра въ либерализмъ.

его теперь и обошелъ. Сущность цензуры Головнинъ забралъ себѣ, а ея темную, невыгодную сторону оставилъ Валуеву. Вышла совершенно басня: „Ворона и лисица“ („Рус. Старина.“, 1891 г., II, 345—346). Сильно ошибся Никитенко, думая, что Валуевъ не сумѣлъ и т. д. Будущее показало, что онъ сумѣлъ все то, что хотѣлъ; что Головнинъ остался совершенно безличнымъ и безсильнымъ; что введеніе карательной системы и не ожидалось такъ скоро, безъ пересмотра всего устава. Другой-же современникъ, выступившій въ несвойственной ему роли историка, Усовъ, рѣшается утверждать, что „главною цѣлью указа 12 (а не 10?) марта было итти къ большему простору печатнаго слова“ и т. п... (см. статью его въ „Вѣстн. Европы“ 1882 г., V, 155—156).

[1]) „Сѣверная Почта“, 1865 г., №№ 262, 263.

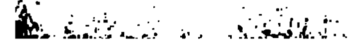
Еще въ февралѣ онъ пригласилъ къ себѣ непремѣннаго секретаря академіи наукъ, К. С. Веселовскаго, которому, наговоривъ съ три короба о желаніи совершенно измѣнить основы цензурнаго устава, предложилъ председательство въ задуманной для такой работы комиссіи, которая-де, должна быть не обыкновенной, чиновничьей, а настоящей ученой [1]). Но очень скоро «ученость» была признана не совсѣмъ подходящей и 8 марта высочайше одобренъ составъ комиссіи для пересмотра, измѣненія и дополненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія иной: предсѣдатель — статсъ-секретарь кн. Д. А. Оболенскій, члены: предсѣдатель петербургскаго цензурнаго комитета В. А. Цеэ, цензоръ генер.-маіоръ Штюрмеръ, академикъ Веселовскій, членъ главнаго правленія училищъ Вороновъ и профессоръ полицейскаго права петербургскаго университета Андреевскій; правителемъ дѣлъ назначенъ ст. с. Галанинъ. Составъ ровно ничего не обѣщавшій, потому что доминировали въ немъ люди, совершенно незнакомые съ потребностями современной литературы и съ основными началами свободы печати.

Въ особой инструкціи Головнинъ опредѣлилъ кругъ работъ комиссіи. Прежде всего, она должна была заняться пересмотромъ не только закона 1828 г., но и всѣхъ послѣдующихъ какъ общихъ, такъ и сепаратныхъ распоряженій по цензурѣ. Во-вторыхъ, обсудить вопросы: а) какія книги и періодическія изданія можно вовсе освободить отъ предварительной цензуры, б) возможно-ли сдѣлать это въ отношеніи всѣхъ вообще періодическихъ изданій съ тѣмъ, чтобы редакторъ могъ выбирать: печатаясь подъ цензурою, ни за что не отвѣтствовать, или отвѣчать за все, но печататься безъ всякой цензуры, в) какъ обусловить внесеніе залоговъ. Затѣмъ составить правила какъ «для полицейскаго предваренія періодическихъ изданій въ случаѣ замѣчаемаго общаго вреднаго направленія оныхъ», такъ и для надзора за типографіями. Наконецъ, составить предположеніе объ учрежденіи особыхъ судовъ по дѣламъ книгопечатанія.

Вся эта работа должна была базироваться на нѣкоторыхъ обязательныхъ основаніяхъ. Первое: — «необходимость

---

[1]) *К. С. Веселовскій* „Воспоминанія“, „Рус. Старина“ 1901 г. XII, 516—517.

охраненія вѣры, православной церкви, уваженія ко всѣмъ вообще церквамъ, охраненія основныхъ государственныхъ законовъ, неприкосновенности верховной власти, особъ императорской фамиліи, охраненія нравственности вообще, чести и домашней жизни каждаго и въ то же время необходимость допускать сужденія о несовершенствѣ прочихъ законовъ, о несовершенствѣ и злоупотребленіяхъ администраціи, о мѣстныхъ нуждахъ, о недостаткахъ, порокахъ и слабостяхъ людскихъ вообще». Второе: — «различать статьи и разсужденія чисто ученыя, которыя помѣщаются въ книгахъ и ученыхъ журналахъ, отъ статей, помѣщаемыхъ въ періодическихъ литературныхъ изданіяхъ, газетахъ, и особенно тѣхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ, которыя читаются народомъ, привыкшимъ у насъ вѣрить безусловно всему печатному». Предсѣдателю комиссіи давалось право приглашать въ нее литераторовъ и редакторовъ, а въ случаѣ желанія его подвергнуть нѣкоторые вопросы обсужденію въ печати обращаться для этого сначала къ министру просвѣщенія [1]).

Государь, повидимому, интересовался работами комиссіи, потому что Головнинъ просилъ кн. Оболенскаго пред-

---

[1]) При этой инструкціи Оболенскій получилъ цѣлый рядъ изданій, только что отпечатанныхъ, по приказанію Головнина. Въ числѣ ихъ были: „Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 г.“, „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“ (первое изданіе, напечатанное въ типографіи морского министерства, было уничтожено и замѣнено болѣе краткимъ, напечатаннымъ въ типографіи Ф. Персона). „Мнѣнія разныхъ лицъ о преобразованіи цензуры“, „Записки“ Берте, Янкевича, Фукса и др. Позже были еще доставлены: „Сборникъ статей, недозволенныхъ цензурою въ 1862 году“ въ двухъ томахъ и „Краткое обозрѣніе направленія періодическихъ изданій и газетъ и отзывовъ ихъ по важнѣйшимъ правительственнымъ и другимъ вопросамъ за 1862 годъ“. Всѣ эти изданія, кромѣ „Историческихъ свѣдѣній“, пущенныхъ Головнинымъ умышленно въ 300 экземплярахъ въ общество, были, совершенно недоступны по своей секретности и потому говорить, что „Сборникъ постановленій“ (названный Джаншіевымъ „Сводомъ постановленій“) изданъ съ цѣлью устраненія произвола цензоровъ и жалобъ на нихъ журналистики, и ставить это въ особую заслугу Головнину совершенно не приходится (ср. *Джаншіевъ*. „Эпоха великихъ реформъ“, изд. 7-е, 367).

ставлять себѣ ежемѣсячно краткія записки о ходѣ занятій [1]).

Занятія комиссіи кн. Оболенскаго офиціально были закончены въ 1863 г., а потому сейчасъ говорить о ней не будемъ.

VI.

Распространенность герценовскихъ изданій въ Россіи. Протестъ 106 офицеровъ. Проектъ кн. Одоевскаго. Допущеніе въ Россію брошюръ Шедо-Ферроти. Катковъ впервые называетъ Герцена по имени. За нимъ стараются другіе. Головнинъ торжествуетъ.

Съ самаго начала изданія «Полярной Звѣзды» и «Колокола», у насъ начали уже задумываться надъ вѣрнѣйшими средствами борьбы съ нелегальною русскою печатью вообще [2]). Это же частично обусловливало невольное предоставленіе немного большей свободы легальной отечественной литературѣ. Авторы «мнѣній о преобразованіи цензуры» прямо указывали на заграничную русскую печать, какъ на результатъ стѣсненія ея дома; Головнинъ, съ цѣлью ослабить Герцена и другихъ, рекомендовалъ предоставить печати кое-какія льготы. Съ другой стороны, графъ Путятинъ и Валуевъ, въ своемъ стремленіи къ усиленію надзора за печатью, прямо указывали на необходимость бороться съ «распространеніемъ произведеній тайной прессы» [3]). На вопросъ, есть-ли основаніе желать продолженія существованія предварительной цензуры, Головнинъ отвѣчалъ: «ея существованіе представляетъ положительную опасность въ настоящее время, когда литература получаетъ все болѣе силы и значенія и когда не въ далекомъ, можетъ быть, будущемъ она сдѣлается, какъ сдѣлалась въ другихъ странахъ, органомъ не литературныхъ только, но общественныхъ, политическихъ мнѣній и партій. Если мнѣнія, высказывающіяся иногда, напримѣръ, въ дворянскихъ собраніяхъ, овладѣютъ какимъ-либо изъ нашихъ періодическихъ изданій; если

[1]) „Матеріалы, собранные особою коммиссіею, высоч. учрежд. 2 ноября 1869 г. для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати“, 1870 г. ч. I, 38—39.

[2]) См. статью „Русское Bureau de la presse“ въ моей книгѣ „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія“.

[3]) „Сѣв. Почта“, 1865 г., № 262.

стремленія, еще смутно мелькающія въ различныхъ сословіяхъ, классахъ и состояніяхъ, окрѣпнувъ и опредѣлившись, поставитъ прессу на почву болѣе дѣйствительную, нежели та, на которой она до сихъ поръ находилась, — какой отпоръ дастъ предварительная цензура,—эта цензура, которая оказалась вполнѣ несостоятельною противъ отвлеченныхъ теорій и неосязаемыхъ положеній науки?» [1]). Очевидно, «крѣпость» и «опредѣленіе» ставились въ зависимость отъ распространенія многое опредѣлявшей заграничной печати...

Насколько послѣдняя широко захватила читающую массу, можно судить по нѣсколькимъ фактамъ. Такъ, человѣкъ далеко не склонный преувеличивать успѣхъ «революціонныхъ дѣлъ мастеровъ» прямо говоритъ: «изданія Герцена распространялись тогда у насъ въ тысячахъ экземпляровъ, а въ Петербургѣ ходили даже по рукамъ гимназистовъ и кадетъ» [2]). Другой современникъ утверждаетъ, что «Колоколъ» можно было встрѣтить въ самыхъ захолустныхъ мѣстностяхъ [3]). Какъ извѣстно, «Колоколъ» доставлялся изъ III Отдѣленія въ редакціонныя коммиссіи [4]); сенаторъ А. М. Княжевичъ, потомъ министръ финансовъ, читалъ его самъ и подъ видомъ плановъ посылалъ номера брату, съ просьбой ихъ распространять [5]); государь разрѣшилъ получать «Колоколъ», между прочимъ, московскому генералъ-губернатору П. А. Тучкову [6]). Подобныхъ фактовъ при желаніи можно набрать очень много, но и приведеннаго достаточно, чтобы знать, какъ таяли тѣ 2,500 экз., въ которыхъ печатался «Колоколъ» [7]). Относительно способовъ доставки «Колокола» и другихъ изданій очень интересенъ разсказъ кн. Юсупова, записанный съ его словъ Никитенкомъ:

---

[1]) Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи", 130.

[2]) *Ѳ. Еленевъ.* „Два документа изъ бумагъ ген.-ад. I. И. Ростовчева", „Рус. Архивъ", 1873 г., I, 452.

[3]) *Л. Ѳ. Пантелѣевъ*, н. с. въ сборникѣ „На славномъ посту", 315.

[4]) *Н. П. Семеновъ*, „Освобожденіе крестьянъ въ Россіи", I, 114.

[5]) *В. Т. Судейкинъ* „А. М. Княжевичъ", „Рус. Старина" 1892 г., XI, 417.

[6]) *Н. А. Тучкова-Огарева*, „Воспоминанія" „Рус. Старина" 1894 г., IX, 93.

[7]) *Н. В. Шелгуновъ*, Собраніе сочиненій, I, изд. 2-е, „Воспоминанія", 651.

«Въ Берлинѣ покупалъ я въ книжномъ магазинѣ кое-какія нѣмецкія книги. А не хотите-ли вы русскихъ?—спросилъ у меня услужливый книгопродавецъ.—Какихъ же?—Да, вотъ, напримѣръ, герценовскихъ; у меня есть всевозможныя его сочиненія: и прежнія и самыя новыя.—Нѣтъ, отвѣчалъ я,—у насъ нынѣ очень строго преслѣдуются эти вещи, и я боюсь, что не довезу ихъ до Петербурга: у меня отберутъ на границѣ.—Вотъ пустяки! я вамъ доставлю въ Петербургъ, сколько угодно, прямо въ вашъ домъ, въ вашъ кабинетъ.—Это удивительно! Но, если я вздумаю задержать того, кто мнѣ ихъ принесетъ?—Не безпокойтесь! вы не въ состояніи будете этого сдѣлать: вы и не увидите того, кто вамъ принесетъ ихъ» [1]).

Очень цѣнно и свидѣтельство бар. Корфа именно объ этомъ времени. «Всякому извѣстно—писалъ онъ въ офиціальномъ отзывѣ Валуеву,—что при постоянномъ у насъ существованіи иностранной цензуры, нѣтъ, и не было запрещенной книги, которой бы нельзя было достать; что именно, въ то время, когда правительство всего строже преслѣдовало извѣстныя лондонскія изданія, они расходились по Россіи въ тысячахъ экземпляровъ, и ихъ можно было найти едва ни въ каждомъ домѣ, чтобы ни сказать, въ каждомъ карманѣ; что когда мы всего болѣе озабочиваемся огражденіемъ нашей молодежи отъ доктринъ матеріализма и соціализма, трудно указать студента или даже ученика старшихъ классовъ гимназій, который бы не прочелъ какого-нибудь сочиненія, гдѣ извращаются всѣ здравыя понятія объ обществѣ или разрушаются основанія всякой нравственности и религіи. Подобные факты неисключительное явленіе нашей жизни: они представлялись вездѣ, гдѣ существовала иностранная цензура. Они и дали поводъ къ извѣстному нелишенному мѣткости сравненію, что стремиться оградить общество отъ проникновенія извнѣ вредныхъ идей, посредствомъ цензуры, все равно, что думать, защитить свой садъ отъ птицъ, заперевъ ворота» [2]).

---

[1]) „Дневникъ", „Рус. Старина", 1891 г., II, 366.

[2]) „Матеріалы, собранные особою комиссіею, высоч. учрежд. 2 ноября 1869 г. для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати", 1870 г., I, 99—100.

Не менѣе, разумѣется, цѣнно, замѣчаніе департамента законовъ государственнаго совѣта: «извѣстно, что нѣтъ ни одного запрещеннаго заграничнаго изданія, которое нельзя было бы купить или получить для прочтенія въ предѣлахъ Россіи» [1]).

Когда, подъ вліяніемъ начавшейся дифференціаціи общества, Герценъ сталъ рѣзче, а успѣхъ его сдѣлался еще замѣтнѣе, приходилось подумать снова о борьбѣ съ «бѣглымъ апостоломъ революціи», какъ тогда звала его «правая».

Есть возможность предполагать, что въ связь съ «Колоколомъ» былъ поставленъ, между прочимъ, и шумный инцидентъ въ военной сферѣ. Состоялъ онъ въ томъ, что въ «Сѣверной Пчелѣ» публика вдругъ читала:

«Господину редактору „Военнаго Сборника" отъ ста шести офицеровъ разнаго рода оружія».

(Къ издателю „Сѣверной Пчелы").

«М. Г.! Во 2-мъ нумерѣ редактируемаго вами журнала, напечатана статья «Кавалерійскіе очерки», соч. флигель-адъютанта, князя Эмилія Витгенштейна. Между прочими странными взглядами его сіятельства мы встрѣчаемъ также и защиту тѣлесныхъ наказаній, которыя, по словамъ князя, „по своей непродолжительности и удобству исполненія, представляютъ неисчислимыя выгоды"; „ихъ, — говоритъ его сіятельство—можно назначать и на бивуакахъ, при кратковременной остановкѣ, и подъ самымъ непріятельскимъ огнемъ, избѣгая слишкомъ медленной процедуры и проволочекъ".

«Князь Эмилій Витгенштейнъ обдумывалъ, написалъ и напечаталъ свои взгляды по-нѣмецки. До него, слѣдовательно, намъ дѣла нѣтъ; но намъ непріятно видѣть, что дикія сужденія иностранцевъ, о томъ, что нужно, и чего ненужно русскому офицеру и солдату, переводятся и находятъ мѣсто въ журналѣ, котораго редакція ввѣрена вамъ, милостивый государь, конечно, не для того, чтобы распространять въ нашемъ военномъ сословіи невѣжество, и про-

[1]) Ibidem, 405.

водить взгляды, доказывающіе возмутительное непониманіе духа русскаго солдата и потребностей общества.

Подписано 106-ю офицерами *).

*) Подлинникъ съ подписями всѣхъ офицеровъ находится въ редакціи „Сѣв. Пчелы". *Ред.*» [1]).

Надо вспомнить офицерскую массу сорокъ лѣтъ тому назадъ, чтобы понять, насколько серьезенъ былъ такой открытый протестъ офицеровъ разнаго рода оружія, не могшихъ, значитъ, сговориться безъ достаточно серьезнаго повода. Передовое общество съ необыкновеннымъ оживленіемъ встрѣтило этотъ почти героическій шагъ людей, незабывавшихъ за мундиромъ и саблей интересовъ общественныхъ, чувствъ общечеловѣческихъ. Всѣмъ было ясно, какая сила стояла за этимъ корректнымъ протестомъ души, наболѣвшей отъ свиста палокъ и шпицрутеновъ...

Въ тотъ же день, когда въ «Сѣверной Пчелѣ» появился этотъ документъ къ исторіи русской общественности 1862 г., 30 марта, по цензурному вѣдомству состоялось распоряженіе: «не допускать къ печати протеста 106-ти офицеровъ» [2]). А

[1]) „Сѣв. Пчела" 1862 г., № 85. „Военный Сборникъ" подъ редакціей П. К. Менькова быстро сталъ терять свое значеніе; пришлось монополизировать обязательныхъ подписчиковъ. Наканунѣ появленія протеста Головнинъ запрашивалъ Цеэ: „Государю Императору угодно знать, который князь Витгенштейнъ, авторъ статьи о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ войскахъ, помѣщенный въ „Военномъ Сборникѣ". По справкамъ оказалось, что это свѣтлѣйшій князь Эмилій Зайнъ—Витгенштейнъ—Берлебургъ, флигель-адъютантъ, полковникъ нижегородскаго драгунскаго полка (*Усовъ*, „Изъ моихъ воспоминаній", „Истор. Вѣстн.", 1883 г., IV, 62).

[2]) „Искра" поспѣшила отозваться на это явленіе, но написанная ею „Пѣснь о шпицрутенѣ" появилась позже лишь въ... „Сборникѣ статей недозволенныхъ цензурою въ 1862 г." Привожу ее, чтобы показать, какъ исполнялось приказаніе Головнина:

Пѣснь о шпицрутенѣ.

(Изъ флигель-прусскаго поэта).

„Страшный вблизи и вдали,
Всѣмъ, кто по службѣ безпутенъ,—
Чадо германской земли—
Гибкій и свѣжій шпицрутенъ.

на другой день, редакторъ «Пчелы» получилъ письмо Головнина: «По волѣ государя императора, прошу прислать мнѣ неотлагательно письмо 106-ти офицеровъ». Черезъ пять дней военный министръ, Д. А. Милютинъ, писалъ Головнину, что одновременно, съ появленіемъ въ «Пчелѣ» протеста, въ № 69 «Петербургскихъ Вѣдомостей» напечатана корреспонденція изъ Варшавы, — «въ которой нѣкто, Алексѣй Телятниковъ, отъ имени всего общества офицеровъ западнаго инженернаго корпуса, проситъ редакторовъ газеты стать посредниками между ними и студентами и увѣдомить: къ кому могутъ быть высланы деньги, собранныя офицерами по подпискѣ для вспомоществованія бѣднымъ студентамъ». «Такъ какъ протестъ 106-ти офицеровъ—писалъ Милютинъ— не согласенъ съ порядкомъ службы и требованіями дисциплины и закона, воспрещающаго всякое дѣйствіе скопомъ или заговоромъ, а г. Телятниковъ, въ служебномъ порядкѣ, не можетъ представлять собою общества офицеровъ западнаго инженернаго округа и отъ имени всѣхъ офицеровъ просить редактора газеты о посредничествѣ между ними и студентами, ибо собранныя деньги могли быть отправлены по назначенію или черезъ начальство, или прямо въ редакцію, то я имѣю честь покорнѣйше просить в. п-во, не изволите-ли признать возможнымъ, чтобы редакторы газетъ и журналовъ не помѣщали въ нихъ протестовъ и писемъ, присылаемыхъ обществами офицеровъ или отъ имени всего общества» [1]).

Смѣло его воспою —
Вторитъ мнѣ „Сборникъ Военный“.
На бивуакахъ, въ бою —
Нуженъ шпицрутенъ почтенный.

Въ полночь, чуть свѣтъ на зарѣ,
Въ самой отчаянной схваткѣ,
Даже на смертномъ одрѣ
Въ бѣдной походной палаткѣ.

Пусть же его воспоютъ
Родины нашей поэты,
Какъ вдохновительный кнутъ,
Вяземскимъ княземъ воспѣтый“

(т. II, стр. 187).

[1]) *И. Усовъ* „Изъ моихъ воспоминаній“, „Истор. Вѣстникъ“ 1883 г., IV, 62—63.

Мигомъ офицеры были окрещены нигилистами, ну, а весь нигилизмъ шелъ изъ-за границы... Отсюда — проектъ немедленной и самой спѣшной борьбы съ тамошней пропагандой.

Въ этомъ смыслѣ очень интересенъ проектъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, хотя и не законченный, но все-же, повидимому, получившій распространеніе въ административныхъ кругахъ: онъ частично былъ осуществленъ. По мнѣнію «Дѣдушки «Иринея», слѣдовало прежде всего «противъ враждебныхъ русскихъ изданій употребить точно такія-же и столь-же разнообразныя изданія. Напримѣръ, можно бы начать съ біографій Герцена, Огарева, Петра Долгорукова, Гагарина, Юрія Голицына и проч. Такія біографіи о людяхъ, имѣющихъ извѣстность, но, все-таки, загадочную для иностранцевъ, съ радостію бы издали тѣ же самые лондонскіе, парижскіе и нѣмецкіе спекуляторы: ибо сіи біографіи имѣли-бы большой расходъ. Оцѣнка сихъ господъ, написанная ловко, забавно и безъ всякихъ личностей, уничтожила бы на половину дѣйствіе ихъ изданій на публику»... «Но для того, чтобы нашлись люди въ Россіи, способные и талантливые, для борьбы съ людьми такими же талантливыми и ловкими, какъ, напримѣръ, Гагаринъ и Герценъ, (ибо по заказу талантъ не сотворится), необходимо дать нашимъ ратникамъ доступъ къ оружію, другими словами, снять съ враждебныхъ намъ книгъ безусловное запрещеніе и позволить писать противъ нихъ». Впрочемъ, кн. Одоевскій полагалъ ограничиться предоставленіемъ такого права высшимъ чиновникамъ, академикамъ, профессорамъ, членамъ ученыхъ обществъ и благонамѣреннымъ писателямъ. «Должно имѣть въ виду—продолжаетъ авторъ проекта—и то, что въ иныхъ случаяхъ для людей, рѣшившихся на такую борьбу, нужно будетъ иногда и денежное пособіе» [1]).

Надъ этимъ-то вопросомъ и задумался Головнинъ. Онъ непосредственно, вѣдь, входилъ въ оставленную ему область «направительства»...

Неизвѣстно, къ какому-бы рѣшенію министръ пришелъ самостоятельнымъ путемъ, но вотъ что разсказываетъ о

[1]) „Изъ бумагъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго“. „Рус. Архивъ“. 1874 г., II, 30—39.

дальнѣйшемъ тогдашній предсѣдатель петербургскаго цензурнаго комитета, Цеэ.

«При первомъ моемъ докладѣ [1]) Головнинъ объявилъ мнѣ, что онъ конфиденціально сносился съ шефомъ жандармовъ и съ министромъ финансовъ, чтобы узнать отъ нихъ, какія мѣры они сочтутъ необходимыми принять для предупрежденія громаднаго ввоза «Колокола» въ Россію, и оба отвѣтили ему, что всѣ возможныя мѣры для достиженія этой цѣли приняты и что за симъ они не признаютъ возможнымъ придумать что-нибудь другое. При этомъ Головнинъ спросилъ мое мнѣніе, какъ поступить въ этомъ случаѣ? Я ему отвѣчалъ, что, по моему искреннему убѣжденію, съ силою не физическою, а нравственною можно бороться только такою же силою, а потому я полагалъ бы весьма полезнымъ разрѣшить нашей печати возражать на статьи «Колокола» и при этомъ выразилъ надежду, что наша печать сумѣетъ разоблачить тѣ крайнія увлеченія, которыми, несмотря на замѣчательный умъ и способности Герцена, изобиловала его газета, имѣвшая за собою преимущество запрещеннаго плода. Выслушавъ меня, Головнинъ отвѣтилъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе [2]).

Сказано —сдѣлано...

Черезъ мѣсяцъ Россія уже читала пропущенныя изъ-за границы двѣ брошюры Шедо-Ферроти, направленныя по адресу Герцена, и теперь красовавшіяся въ витринахъ всѣхъ книжныхъ магазиновъ.

Сначала о самомъ ихъ авторѣ. Мало кому было тогда достовѣрно извѣстно, что псевдонимомъ D. K. Schedo-Ferroti прикрылся баронъ Ѳедоръ Ивановичъ Фирксъ, еще раньше своего распространенія въ Россіи издавшій шесть этюдовъ о ея будущности [3]). Какъ бельгійскій агентъ нашего министерства

[1]) Въ серединѣ марта 1862 г.—*М. Л.*

[2]) *В. Цеэ.* „А. В. Головнинъ и его отношенія къ А. И. Герцену“ „Рус. Старина“, 1897, XI, 274.

[3]) „Etudes sur l'avenir de la Russie“: 1) „La libération des paysans“ 1857 г., 2) Les principes du gouvernement et leurs conséquences“, 1857 г. 3) „Malversations et remèdes“, 1858 г., 4) „La noblesse“, 1859 г., 5) „Le militaire, 1860 г., 6) „Les serfs non encore libérés“, 1861 г. Кромѣ того: „Lettres sur les chemins de fer en Russie“ 1858 г., „Die Eisenbahnen in Russland“ 1858 г. Всѣ изданы въ Берлинѣ, многіе по нѣсколько разъ.

финансовъ, Фирксъ былъ, конечно, освѣдомленъ о русскихъ дѣлахъ и проводилъ въ этихъ своихъ работахъ идею несомнѣнной важности и необходимости сохраненія во всей силѣ самодержавнаго начала. Противъ реформъ въ другихъ областяхъ онъ ровно ничего не имѣлъ. Имя его всегда ставилось за одну скобку съ Головнинымъ и его кружкомъ, но данныхъ утверждать это, насколько мнѣ кажется, пока нѣтъ; если же смотрѣть, наконецъ, на Головнина не черезъ розовую призму его апологетовъ, то нельзя не признать, что взгляды Фиркса были гораздо шире.

Въ августѣ 1861 г. Шедо-Ферроти выпускаетъ «Lettre à monsieur Herzen».

Въ немъ онъ говоритъ о Герценѣ вообще, безотносительно къ какому-либо его отдѣльному шагу, дѣлаетъ его общую характеристику и—что особенно важно—оцѣниваетъ его громадный талантъ, который съ удовольствіемъ бы видѣлъ приложеннымъ къ черновой русской работѣ. Знающіе Герцена и его сочиненія, конечно, не подпишутся подъ письмомъ Шедо-Ферроти, но оно и не важно со стороны критики его работы. Важно, что Герцену предлагалось помочь правительству. Съ этой стороны, допущеніе письма въ Россію — фактъ очень интересный. Правда, его французскій текстъ гарантировалъ не особенно-то широкое распространеніе брошюры, но все же фактъ остается фактомъ.

Остановлюсь на ней подробнѣе.

Прежде всего, Шедо-Ферроти касается не содержанія, а только формы, въ которую облекаетъ Герценъ свои мысли,— такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ самъ. Авторъ надѣется, что слова его будутъ приняты безъ предубѣжденія, и, можетъ быть, эта строгая критика заставитъ Герцена задуматься и даже умѣрить рѣзкій тонъ своихъ статей. Вѣдь, публицистъ долженъ иногда жертвовать своимъ самолюбіемъ, если того требуютъ принципы, которымъ онъ служитъ.

Шедо-Ферроти съ благодарностью вспоминаетъ строгихъ критиковъ, которые посовѣтовали ему самому умѣрить рѣзкость въ выраженіяхъ; онъ никогда не раскаявался въ этомъ, такъ какъ умѣренный тонъ даетъ ему возможность говорить о такихъ вопросахъ, какъ, напр., о военной службѣ (этюдъ V). И эту статью не только читали высшіе военные чины, но, быть можетъ, они даже проводили въ жизнь нѣ-

которыя высказанныя въ ней мысли. Для Герцена же, его необыкновеннымъ краснорѣчіемъ и талантомъ, та вліяніе будетъ обезпечено. Получая цѣнныя свѣдѣнія провинціи, имѣя цѣнныхъ сотрудниковъ, — сколько мо было бы сказать о причинахъ неурядицъ въ Россіи—но с зать серьезно и безъ озлобленія—и тогда, конечно, всѣ п слушивались бы къ этому *авторитетному* голосу. «И могли бы быть увѣрены, что васъ выслушаютъ и оцѣня ваши идеи, разъ эти идеи удовлетворяли бы двумъ ус віямъ: 1) они должны быть примѣнимы при существующе положеніи вещей, и 2) должны быть изложены въ выра ніяхъ, не задѣвающихъ за живое никого изъ тѣхъ, кто жетъ провести въ жизнь ваши идеи» (стр. 6).

Рѣзкость же тона Герцена и его личныя нападки шаютъ такому благопріятному ходу вещей. Нападать на на учрежденія, а не на личности.

Въ Россіи надо измѣнить всѣ законы, оставивъ неп косновеннымъ лишь монархическій принципъ,—админист тивныя формы не соотвѣтствуютъ болѣе нуждамъ страны а для этой цѣли далеко недостаточно перемѣнить тол людей. Пусть друзья Герцена говорятъ, что его произве нія будутъ по достоинству оцѣнены только послѣдующи поколѣніями. Если ихъ послушать, можно повторить оши средневѣковыхъ монаховъ, которые учили народъ не сѣя не работать, въ виду близкой кончины міра. Герценъ, вѣ тоже предсказываетъ конецъ нынѣшняго соціальнаго ст и наступленіе новой эры. Неужели же на основаніи эт предсказанія надо всѣмъ бросить исполненіе своихъ обяз [illegible]тей, не указывая притомъ точно наступленія эпохи т [illegible]ства новыхъ началъ?

Шедо-Ферроти приводитъ примѣръ прежнихъ циви [illegible]. Весь соціальный строй нѣкогда могущественн [illegible]ствъ—Ниневіи, Египта и т. п. основывался на тѣхъ [illegible] принципахъ, которые положены въ основаніе и те [illegible] обществъ — частной собственности и семейн [illegible]. Прошли вѣка. Ниневія и Вавилонъ погибли и за [illegible]мъ, а эти два принципа все такъ же силь [illegible]я рѣшить, какія соціальныя отношенія соз [illegible]мя, когда на мѣстѣ Лондона и Парижа [illegible] стада овецъ. Вѣдь, не могли же люди врем

Сезостриса предвидѣть тѣхъ формъ, въ какія вылились общественныя отношенія въ наше время. Шедо-Ферроти утверждаетъ, что Герценъ счастливѣе его: «Если вы не опредѣляете точно формъ, то во всякомъ случаѣ вы провозглашаете основной принципъ будущаго—соціализмъ». Авторъ не смѣетъ спорить съ Герценомъ — пусть соціализмъ восторжествуетъ въ концѣ-концовъ — хоть и трудно сказать, будетъ-ли это благомъ для человѣчества... Возвращаясь къ предыдущему, онъ говоритъ такъ: если прошло столько вѣковъ и два принципа—собственности и семейнаго начала—все такъ же, какъ и раньше, служатъ основой государственнаго строя во всѣхъ странахъ, то трудно предположить, чтобъ они сразу были отброшены. 50 вѣковъ для этого было мало! А вѣдь пока человѣчество не освободилось изъ-подъ власти этихъ двухъ идей, трудно говорить о проведеніи въ жизнь соціализма.

Конечно, легче поручать воспитаніе дѣтей обществу, спокойнѣе не чувствовать, что надо работать для блага дѣтей, заманчиво думать неимущимъ, что собственность будетъ распредѣлена между всѣми трудящимися. Но скоро-ли это будетъ? Шедо-Ферроти сомнѣвается.

Пусть до водворенія соціалистическаго строя пройдетъ еще 5000 лѣтъ, онъ считаетъ, что это очень скромная цифра, вѣдь, прогрессъ движется весьма медленными шагами. Допустимъ даже, что теперь развитіе общества пойдетъ усиленнымъ темпомъ, пусть торжество соціализма наступитъ черезъ 1000 лѣтъ... Но, вѣдь, до тѣхъ поръ будутъ существовать правительства, болѣе или менѣе сходныя съ нынѣшними. Автору кажется, что именно необходимо убѣдить правительство въ преимуществѣ новыхъ идей, и для этого нужно, чтобъ идеи эти были примѣнимы къ жизни и осуществимы въ данное время и въ данной странѣ.

Вѣдь, и для народа мало привлекательны, хотя-бы и блестящія перспективы, которыя могутъ осуществиться лишь черезъ 1000 лѣтъ.

Въ виду этого, неужели же не заслуживаютъ вниманія тѣ поколѣнія, которыя будутъ жить до введенія новаго строя? Неужели больше стоитъ трудиться для 2861 г., чѣмъ для людей 1861 г.? Честь и слава человѣку, который поднялся высоко надъ дѣйствительностью и заглянулъ въ будущее.

Но зачѣмъ же такъ неумѣренно строго относиться къ настоящему и такъ рѣзко о немъ отзываться.

Массы не поймутъ его. По мнѣнію автора, трудъ Герцена будетъ гораздо продуктивнѣе, если онъ обратится *къ людямъ просвѣщеннымъ и, наконецъ, къ правительству*, вѣдь нельзя отрицать, что въ настоящее время оно преисполненно благихъ намѣреній. Шедо Ферроти увѣренъ, что Герценъ могъ бы быть очень полезенъ Россіи, — надо только оставить рѣзкій тонъ, иногда доходящій даже почти до бранныхъ выраженій, и говорить о недостаткахъ существующаго строя серьезно, пользуясь всѣмъ своимъ обширнымъ матеріаломъ. Неужели это былъ бы безполезный трудъ? Вѣдь, правительство въ Россіи теперь не то, что было во времена молодости Герцена; нужно только, конечно, помнить, что дѣло идетъ объ обыкновенныхъ людяхъ, а не о гигантахъ, которыхъ Герценъ рисуетъ въ будущемъ.

Но, могутъ сказать, разъ Герценъ соціалистъ-республиканецъ, то будетъ измѣной убѣжденіямъ, если онъ вступитъ въ какія бы то ни было отношенія съ монархическимъ правительствомъ. Авторъ старается стать на точку зрѣнія Герцена и разсуждаетъ такъ: пока не существуетъ въ Россіи соціалистическаго строя, желательно, вѣдь, чтобъ законы и порядки были возможно лучшіе. Не полезнѣе-ли было бы для русскихъ, еслибъ Герценъ, вмѣсто разработки кодексовъ будущаго государства, занялся изслѣдованіемъ и обработкой законовъ для нынѣшняго правительства, существованіе котораго, вѣдь, все-таки, нельзя отрицать? Предположимъ даже, что всѣ его идеи окажутся въ данное время слишкомъ передовыми, что ихъ сейчасъ не примутъ во вниманіе, но, вѣдь, онѣ укажутъ будущимъ изслѣдователямъ путь, по которому нужно идти. А теперь, вѣдь, никто въ Россіи не смотритъ на «Колоколъ» и на отдѣльныя статьи Герцена, какъ на серьезныя сочиненія.

Серьезные ученые и люди, интересующіеся благомъ родины, ихъ болѣе не читаютъ. Учащаяся молодежь читала «Колоколъ», пока это было запрещенной вещью. Теперь, когда въ Россіи вообще стало свободнѣе жить, сочиненія Герцена потеряли прелесть тайны, и ихъ стали читать не такъ охотно. Остаются еще читатели—чиновники. Они съ большимъ интересомъ ищутъ сообщенія о какомъ-либо скандалѣ въ

чиновничьей сферѣ. Никто не интересуется больше взглядами Герцена на общество и политическій строй. «Васъ больше не читаютъ», говоритъ Шедо-Ферроти. Ищутъ остраго словечка, восхищаются смѣлостью человѣка, бранящаго тѣхъ, передъ кѣмъ всѣ пресмыкаются. Но, вѣдь, такіе читатели не посмѣютъ провести въ жизнь ни одной изъ идей Герцена. «Одни признаютъ эти идеи безплодными; другіе отстраняются отъ нихъ, вслѣдствіе грубой формы, въ которой онѣ выражены; третьи считаютъ ихъ неосуществимыми мечтаньями; на остальныхъ читателей вы не можете расчитывать, какъ на борцовъ». А между тѣмъ, какъ цѣнны были бы статьи Герцена, еслибъ онъ захотѣлъ примѣнить свои силы къ выясненію дѣйствительныхъ нуждъ родины!

Подписывается авторъ псевдонимомъ и объясняетъ, что онъ выставляетъ его на всѣхъ своихъ брошюрахъ, что позволяетъ ему свободно говорить многое, не стѣсняясь родственными и другими связами и знакомствами.

Такова въ краткихъ чертахъ первая брошюра...

Скоро, въ декабрѣ того-же 1861 года, появилась и вторая — «Lettre de m-r Herzen à l'ambassadeur de Russie à Londres avec une réplique et quelques observations de D. K. Schédo-Ferroti», («Письмо А. И. Герцена къ русскому послу въ Лондонѣ съ отвѣтомъ и нѣкоторыми примѣчаніями»), напечатанная по поводу извѣстнаго письма Герцена къ русскому посланнику въ Лондонѣ, бар. Брунову— «Бруты и Кассіи III Отдѣленія», помѣщеннаго въ «Колоколѣ» [1], и, кромѣ того, разосланнаго на французскомъ языкѣ въ массѣ экземпляровъ.

Сначала Шедо-Ферроти написалъ небольшое письмо, полное «обличеній» Герцена въ хвастовствѣ и нескромности, и послалъ его въ «Колоколъ». Искандеръ отвѣчалъ тамъ, что не имѣетъ никакого желанія печатать присланное, и тутъ же подсказалъ, что письмо лучше выпустить отдѣльно. Тогда Шедо-Ферроти, присоединивъ къ первоначальному тексту очень длинное возраженіе на отказъ Герцена и письмо послѣдняго Брунову, издалъ все это брошюрой одновременно на двухъ языкахъ (французскомъ и русскомъ), что, несомнѣнно, дѣлало ее болѣе распространенной.

---

[1] 1861, № 109, 15 октября.

Я не могу познакомить читателей со всей брошюрой, а потому отмѣчу лишь, что среди массы неблагопріятныхъ отзывовъ и заключеній о себѣ и «Колоколѣ», Герценъ встрѣтилъ тамъ вещи, не позволяющія ставить Шедо-Ферроти за одну скобку съ Катковымъ, о которомъ поговоримъ дальше.

Въ ней нѣтъ уже прежняго сплошного признанія важности и талантливости Герцена, зато есть много полемическихъ красотъ и отзвуковъ личной обиды.

И, все-таки, снова указывалось на умъ Герцена, на его важное значеніе, на его глубокія убѣжденія, искренность и безстрашіе, которыхъ нельзя не уважать, на его прекрасныя прирожденныя качества, на его большой талантъ; говорилось, что «Колоколъ» — «журналъ не маловажный», что ревностнѣйшіе его читатели «чиновники наши» и т. п. Конечно, все это тонуло въ общей массѣ брошюры, но во всякомъ случаѣ, было напечатано чернымъ по бѣлому, также, какъ и самое письмо Герцена бар. Брунову, какъ и возраженія Шедо-Ферроти на обвиненіе его Герценомъ въ преднамѣренной защитѣ правительства и въ консерватизмѣ. «По естественной склонности, намъ — писалъ авторъ брошюры — пріятнѣе хвалить ближняго, нежели бранить его, а потому мы бы чрезвычайно рады были, если бы всегда могли дѣлаться защитникомъ правительства, но, къ сожалѣнію, это не всегда возможно. Когда мы видимъ, что правила, которыми руководствуется правительство, дѣлаются причиною развращенія служащаго класса; что непомѣрная централизація останавливаетъ ходъ администраціи и парализируетъ дѣйствіе правосудія — тогда мы не только не защищаемъ правительство, но сами становимся въ ряды обвинителей, стараясь обратить вниманіе публики какъ на самыя ошибки, такъ и на средства къ исправленію. Когда общественное мнѣніе возстаетъ противъ господствующаго еще у насъ предразсудка, что генеральскіе или адмиральскіе эполеты — вѣрнѣйшій признакъ административныхъ способностей; — противъ отсутствія общей системы въ образѣ управленія, противъ самоволія цензуры, противъ гоненія раскольниковъ и т. п. — тогда

мы также не можемъ явиться заступниками правительства» [1]).

Казалось-бы все это не могло расположить Головнина и Валуева къ пропуску брошюръ Шедо-Ферроти въ Россію для свободной у насъ продажи. Но они, конечно, понимали, что тамъ были вещи и совсѣмъ другого порядка...

Въ теченіе 1862 г. вторая брошюра была издана въ четырехъ изданіяхъ. Очевидно, этимъ самымъ изъ «письма» какъ-бы вычеркивалась слѣдующая фраза Шедо-Ферроти: «Одно упоминаніе фамиліи «Герценъ» достаточно для того, чтобы цензура вычеркнула цѣлую статью, даже написанную не въ тонѣ и не въ духѣ г-на Герцена». И, дѣйствительно, лишь только брошюры перешли русскую границу — а это было, кажется, въ мартѣ 1862 г.—какъ тяготѣвшее четырнадцать лѣтъ молчаніе надъ именемъ Искандера-Герцена было прервано...

18-мъ апрѣля помѣченъ тотъ номеръ «Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника», гдѣ постоянный ея сотрудникъ Пановскій, въ статьѣ «Что дѣлается въ Москвѣ», между прочимъ, писалъ:

«Что же такое читаетъ теперь Москва? Еще не такъ давно, я отвѣчалъ бы: Не спрашивайте такъ громко... Москва читаетъ теперь то, чтò читаютъ украдкой,--это не для всѣхъ... Но это недавнее время прошло, и теперь я отвѣчу во всеуслышаніе: Москва читаетъ письмо г. Герцена, извѣстнаго русскаго «réfugié», къ русскому посланнику въ Лондонѣ и комментаріи на это письмо г. Шедо-Ферроти. Эта книжонка раскупается въ Москвѣ тысячами экземпляровъ въ недѣлю.

«Брошюрка „Ферроти", какъ ее называютъ въ Москвѣ, представляетъ литературную расправу по личному вопросу, который не могъ бы возбудить такого всеобщаго любопытства, даже въ нашей публикѣ. такъ падкой до всякихъ скандаловъ, если бы не особенныя обстоятельства. Но независимо отъ своего содержанія, книжка эта имѣетъ большой современный интересъ: она служитъ свидѣтельствомъ, что наше правительство убѣждается въ пользѣ широкой гласности, и общество видитъ въ этомъ явленіи задатокъ такъ жадно ожидаемой свободы печатнаго слова.

---

[1]) Стр 30—31.

«Какъ не порадоваться такому утѣшительному явленію, какъ не прочесть эту книжку!.. Мы такъ усердно заботимся о правахъ литературной собственности, а сказать правду, правду всѣмъ извѣстную, у насъ въ литературѣ нѣтъ еще *собственности мысли*. Книга или статья, подписанная тѣмъ или другимъ именемъ, можетъ-ли у насъ быть признана вѣрнымъ представителемъ убѣжденій автора, его мнѣній, его искреннихъ вѣрованій? Стоитъ-ли у насъ страховать закономъ право литературной собственности? Стоитъ-ли передавать потомству мысли сочинителя, когда въ этомъ трудѣ онъ, какъ новый Гамлетъ, говоритъ загадками, намеками и когда безпрестанныя недомолвки затемняютъ и часто даже искажаютъ настоящій смыслъ его рѣчи. Прежде чѣмъ хлопотать о томъ, что станется съ нашею воплощенною мыслью послѣ нашей кончины, не лучше-ли позаботиться, пока мы живы, о свободѣ этой мысли въ печатномъ словѣ, о томъ, чтобы различныя убѣжденія могли войти въ состязаніе и чтобы въ этомъ конкурсѣ правда могла быть увѣнчана на судѣ общественнаго мнѣнія.

«Брошюра Ферроти у насъ небывалое явленіе; мы не видимъ у ней, на оборотѣ первой странички (не даромъ называемой въ типографскомъ argot: Schmuz-Titel), обычной надписи, встрѣчаемой во всѣхъ читаемыхъ нами русскихъ книгахъ; не обозначено даже, сколько экземпляровъ этого сочиненія слѣдуетъ доставить въ публичную библіотеку... Все это для насъ новость, а Москва до новостей охотница. Вотъ почему она такъ раскупаетъ, читаетъ брошюру г. Скедо-Ферроти, толкуетъ о ней и споритъ»[1]).

Итакъ, Каткову принадлежитъ пальма первенства въ привѣтствовавшейся Головнинымъ «полемикѣ»...

21-го апрѣля въ «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» была помѣщена «Рѣчь, сказанная при открытіи Вятской публичной библіотеки А. Герценомъ 6-го декабря 1837 года». Никакихъ комментаріевъ къ мыслямъ и словамъ Герцена нѣтъ, въ выноскѣ-же отъ редактора сказано:

«Въ 1 № прибавленій къ «Губ. Вѣд.» 1838 г. обѣщано было передать читателямъ подробности о торжественномъ открытіи Вятской публичной библіотеки, происходившемъ

---

1) № 16. Курсивъ подлинника.

6-го декабря 1837 г., а также сообщить рѣчь, произнесенную при этомъ торжествѣ А. Герценомъ. Но обѣщаніе это почему-то осталось почти неисполненнымъ: въ 3-мъ № тѣхъ же прибавленій помѣщенъ только списокъ лицъ, содѣйствовавшихъ устройству библіотеки, съ показаніемъ сдѣланныхъ каждымъ изъ нихъ въ пользу ея пожертвованій, а рѣчь г. Герцена напечатана отдѣльною брошюрой, которая составляетъ теперь библіографическую рѣдкость, такъ что одинъ экземпляръ ея, недавно отысканный въ Вяткѣ и доставленный въ редакцію библіотекою А. А. Красовскаго, едва-ли не есть единственно пощаженный временемъ. Въ настоящее время, когда дѣло обновленія Вятской публичной библіотеки встрѣтило въ здѣшнемъ обществѣ полное сочувствіе, когда каждое событіе изъ прошедшей и настоящей жизни этого учрежденія интересуетъ публику, мѣстная газета считаетъ обязанностью перепечатать рѣчь г. Герцена какъ для ознакомленія общества со взглядомъ человѣка, принимавшаго въ свое время участіе въ устройствѣ библіотеки, на назначеніе «этого храма мысли», такъ и для сохраненія на своихъ страницахъ матеріала для исторіи библіотеки» [1]).

Читателю ясна та плохо замаскированная мысль, которая втайнѣ руководила и рекакторомъ «Вѣдомостей» Н. Золотницкимъ, и вице-губернаторомъ Батуринымъ, и, можетъ быть, губернаторомъ М. К. Клингенбергомъ и неизвѣстнымъ училищнымъ чиновникомъ, цензировавшимъ неофиціальный отдѣлъ «Вѣдомостей», на основаніи дѣйствовавшаго тогда цензурнаго устава. Расчетъ былъ, разумѣется на тотъ эфектъ, который въ неинтеллигентной массѣ, должно было вызвать сопоставленіе «Колокола» съ выраженнымъ въ рѣчи убѣжденіемъ, что весь русскій прогрессъ есть дѣло рукъ правительства. Читателю, конечно, не сообщалось, въ какомъ возрастѣ Герценъ говорилъ эту рѣчь (ему было тогда 25 лѣтъ) и какой послѣдовательности подвергалось его измѣнившееся міросозерцаніе [2])...

---

[1]) „Вятскія Губ. Вѣдомости", часть неофиціальная, отдѣлъ II, № 16, стр. 119—120.

[2]) Не приводя этой длинной рѣчи, напомню лишь, что въ своихъ „Отдѣльныхъ замѣчаніяхъ о русскомъ законодательствѣ" (1836 г., Вятка) Герценъ пишетъ: „Въ гражданскомъ обществѣ прогрессивное начало есть правительство, а не народъ. Правительство есть фор-

Какъ только въ Петербургѣ былъ полученъ этотъ номеръ, редакторъ «Сѣверной Пчелы», Усовъ, бѣжитъ къ предсѣдателю цензурнаго комитета, Цеэ, съ жалобой на цензора, который, случайно не зная распоряженія Головнина не разрѣшилъ перепечатку рѣчи Герцена. Жалоба, конечно уважена, и 9-го мая въ «Сѣверной Пчелѣ» рѣчь появляется дословно, конечно, безъ примѣчанія вятскаго редактора[1]. Никакихъ комментаріевъ пока также не было. Только позже, 30-го мая, въ передовицѣ объ извѣстной статьѣ Чернышевскаго—«Научились-ли?», очень нетонко поставивъ Н. Г. за одну скобку съ вышедшей тогда прокламаціей «Молодая Россія», въ которой указывалось на отсталость Герцена — «Сѣверная Пчела» пояснила и свою цѣль отношеніе передового общества къ гнусной выходкѣ.

«Это намъ не прошло даромъ—писала она. Изъ того лагеря, въ которомъ «отсталость» его признается все болѣе и болѣе несомнѣнно, мы услыхали (непечатные конечно) упреки за помѣщеніе этой рѣчи. Спрашиваемъ всѣхъ благомыслящихъ людей: чѣмъ компрометированъ Герценъ оглашеніемъ рѣчи, которую онъ произносилъ, будучи чиновникомъ вятскаго губернатора? Ни одной мысли нечистой, ни одного выраженія неоправдываемаго обстоятельствами, при которыхъ была произнесена рѣчь; тонъ благородный и честный, слово сильное и убѣдительное. Эту рѣчь мы перепечатали изъ «Вятскихъ Губ. Вѣдомостей», какъ документъ, и придаемъ этой рѣчи два важныя, по современнымъ обстоятельствамъ, значенія: 1) призваніе людей къ почтенію, которое человѣкъ обязанъ оказывать наукѣ, и 2) указаніе, какъ Герценъ держалъ себя тогда въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя онъ былъ поставленъ и въ нихъ умѣлъ служить частному дѣлу, не драпируясь ни въ какія

мула движенія, выраженіе идеи общества, форма его историческая, фактъ непреложный. Нигдѣ правительство не становится настолько передъ народомъ, какъ въ Россіи: можетъ, отъ этого оно не всегда было исторически справедливо, не всегда послѣдовательно". „Въ законахъ императора Николая виденъ характеръ положительности, котораго не доставало прежде, характеръ внутренней силы государства, чувствующаго всю мощность свою" („Рус. Старина", 1889 г. I, 177—180).

[1]) № 124.

багряныя тоги и никого не увлекая къ опаснымъ занятіямъ, въ извѣстныхъ условіяхъ положительно вреднымъ»[1]).

Точка надъ «і» была поставлена...

Интересенъ разсказъ предсѣдателя петербургскаго цензурнаго комитета, Цеэ, о дальнѣйшихъ перепетіяхъ послѣ перепечатки «Пчелой» рѣчи Герцена.

«Въ самый день появленія этой статьи въ «Сѣверной Пчелѣ» получилъ я записку отъ шефа жандармовъ, кн. В. А. Долгорукова, въ которой онъ меня убѣдительно просилъ заѣхать къ нему въ тотъ же день, что я и исполнилъ. Князь встрѣтилъ меня крайне встревоженный, съ вопросомъ, кто тотъ злополучный цензоръ, который разрѣшилъ перепечатать въ «Сѣверной Пчелѣ» статью изъ «Вятскихъ Вѣдомостей», повторяя нѣсколько разъ, что нельзя допускать, чтобы имя государственнаго преступника упоминалось въ печати. Я ему отвѣчалъ, что здѣсь дѣло идетъ не о государственномъ преступникѣ, а о журналистѣ, котораго имя упоминается ежедневно въ обществѣ и котораго статьи читаются нарасхватъ, хотя и тайно: что статья пропущена не цензоромъ, а мною, подъ личною моею отвѣтственностью, и что я его убѣдительно прошу, повременить своимъ сужденіемъ объ этой статьѣ не болѣе одной недѣли, т. е. до полученія слѣдующаго нумера «Колокола» изъ Лондона. Князь В. А. Долгоруковъ былъ человѣкъ въ высшей степени благородный и согласился на мое предложеніе и, прочитавъ въ слѣдующемъ номерѣ «Колокола» желчные нападки Герцена на «Сѣверную Пчелу» за напечатаніе таринной статьи, столь нелестной для его самолюбія и идущей въ разрѣзъ съ его нападками на наше высшее правительство — при свиданіи сказалъ мнѣ: «извиняюсь передъ вами, вы были правы, вамъ и книги въ руки»[2]).

[1]) „Сѣверная Пчела“ 1862 г., № 143. Номеръ вообще замѣчательный: въ немъ-же передовая Лѣскова, о которой немного ниже.

[2]) *В. Цеэ*, „А. В. Головнинъ и его отношенія къ А. И. Герцену“, „Рус. Старина“, 1897 г., XI, 275—277. Не могу не поправить увлекшагося фантазіей г. Цеэ. Номеръ (135-й) „Колокола“, въ которомъ Герценъ помѣстилъ свое „Личное объясненіе“ по поводу перепечатки „Пчелой“ его рѣчи, вышелъ 1-го іюня, слѣдовательно, въ Петербургѣ былъ не ранѣе 5—6-го, т. е. черезъ *мѣсяцъ*, а не черезъ *недѣлю* со дня перепечатки. Во-вторыхъ,—это уже гораздо существеннѣе—„Личное объясненіе“ было необыкновенно корректно и сдержанно. Вотъ все мѣсто

Ясно, что Головнинъ готовилъ всѣмъ сюрпризъ и к [illegible] Долгоруковъ не былъ освѣдомленъ имъ своевременно о пр[illegible]нятомъ рѣшеніи начать «обличенія» «генерала отъ рево[illegible]ціи», какъ потомъ тилуловалъ Герцена Катковъ.

Лавры побившаго рекордъ Усова не давали уже пок[illegible] редактору «Русскаго Вѣстника»; ему хотѣлось и отплати[illegible] за двѣ статьи «Колокола», изъ которыхъ въ одной бы[illegible] обрисовано поведеніе руководителей «Русскаго Вѣстника» [illegible] московской студенческой исторіи («Колоколъ» №№ 127 [illegible] 128 отъ 1 и 8 апрѣля), въ другой—дана отповѣдь за стать[illegible] «Къ какой мы принадлежимъ партіи» («Колоколъ» № 1[illegible] отъ 22 апрѣля). И вотъ въ статьѣ, посвященной массово[illegible] демонстративному выходу въ отставку мировыхъ посре[illegible]никовъ, солидарныхъ съ своими тверскими коллегам[illegible] Катковъ преподноситъ слѣдующій конецъ:

«Неужели суждено еще продлиться этому анархич[illegible]скому состоянію общественнаго мнѣнія, этому положен[illegible] вещей, въ которомъ раздраженныя и разлаженныя обще[illegible]венныя силы сталкиваются между собою, парализируя [illegible]взаимно и предоставляя агитировать кому вздумается [illegible] кому-нибудь свободному артисту, который уже [illegible] воображаетъ себя представителемъ русскаго народа, [illegible]телемъ его судебъ, распорядителемъ его владѣній и [illegible]ствительно вербуетъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ угла[illegible] русскаго царства, и самъ сидя въ безопасности [illegible] [illegible] для своего развлеченія [illegible] ихъ [illegible] которые кончаются казематами [illegible] [illegible] толку [illegible] [illegible] Кто этому [illegible] [illegible] кто да[illegible] [illegible]

[illegible]

жаетъ онъ себя Цезаремъ, презрительно ожидающимъ своихъ Брутовъ и Кассіевъ, и наконецъ «мессіей въ ясляхъ». Легко смѣяться надъ безобразіемъ и безуміемъ; но явленіе, котораго мы коснулись, не смѣшно, а прискорбно. Въ этомъ Цезарѣ и въ этомъ мессіи читаемъ мы ясно свое собственное безобразіе. Можетъ быть, намъ удастся поговорить нѣсколько подробнѣе объ этомъ; но мы не можемъ не замѣтить, что должно же быть въ настоящемъ порядкѣ вещей что-нибудь радикально неправильное, если оно дѣлаетъ возможными подобныя явленія»... [1]).

Надо-ли говорить, что съ 18 апрѣля у Каткова были подголоски не только въ «Сѣверной Пчелѣ»? «Наше Время», «Сынъ Отечества», «Домашняя Бесѣда» — всѣ стали «стараться»...

—

VII.

Окончательная дифференціація общественныхъ силъ. Громы Каткова противъ русской эмиграціи. Его извѣстная „Замѣтка". Какъ отнеслись къ ней печать, общество и Головнинъ. Благонамѣренность московскихъ публицистовъ удостовѣряется офиціально.

Зарево громадныхъ пожаровъ, озарившее Петербургъ какъ разъ въ тотъ день, когда Катковъ обрѣлъ новаго Цезаря — 16 мая, положило на время печать молчанія по адресу Герцена на взволновавшуюся вмѣстѣ съ обществомъ журналистику.

Еще и до 1862 года горѣла деревянная и соломенная Россія, горѣлъ и Петербургъ (напримѣръ, въ 1860 г.), но тогда не было того страшно напряженнаго состоянія общественной атмосферы... 16 мая начались пожары въ Петербургѣ и продолжались почти три недѣли. Здѣсь не мѣсто описывать ихъ; скажу только, что, по словамъ современниковъ, впечатлѣніе, производимое этимъ страшнымъ

[1]) „Современная Лѣтопись Рус. Вѣстника", 1862 г., № 20, 16 мая.

опустошеніемъ, и паника были поразительны. За нѣсколько дней до этого въ обѣихъ столицахъ появилась прокламація якобы Центральнаго Революціоннаго Комитета, называвшаяся «Молодая Россія». Она «объявляла кровавую войну не только существующему строю, но и всѣмъ его основамъ: отъ современнаго общества не должно было остаться камня на камнѣ. Понятно, что не только разрѣшались, но прямо рекомендовались всѣ средства и въ числѣ ихъ убійства, грабежи, пожары и т. п. Помнится, приблизительно 300,000 жизней предлагалось принести въ видѣ жертвы, чтобы расчистить поле для закладки новаго общества» [1]. Нѣтъ нужды, что въ дѣйствительности никакого такого революціоннаго комитета не было, что Герценъ, Чернышевскій и вообще передовое общество отнеслись къ «Молодой Россіи» холодно и несочувственно. «Она вышла наканунѣ пожаровъ — «лѣвая» интеллигенціи виновата въ нихъ, студенты — вотъ поджигатели!!..» кричала масса, а за нею и часть печати [2]. Даже Кавелинъ, въ своемъ довольно извѣстномъ письмѣ къ Герцену, не былъ чуждъ этого страшнаго заблужденія.

19 мая Головнинъ писалъ петербургскому цензурному комитету: «обративъ вниманіе мое на появившіяся въ послѣднее время въ періодическихъ изданіяхъ статьи, изъ коихъ въ нѣкоторыхъ обвиняются, а въ другихъ оправдываются студенты С.-Петербургскаго университета въ бывшихъ въ Петербургѣ безпорядкахъ, я имѣю честь покорнѣйше просить, в. п., предложить петербургскому цензурному комитету, чтобы такія обвиненія и оправданія допускались впредь къ печати только въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ»!..

[1] *Л. Пантелѣевъ*, н. с., 319.

[2] „Сѣверная Пчела“, „Наше Время“, „Домашняя Бесѣда“, „Современная Лѣтопись“ и tutti quanti. Замѣчу, кстати, что въ первой изъ названныхъ газетъ особенно пламенно выступилъ Н. С. Лѣсковъ (№ 143), призывавшій полицію образумить молодежь. Какъ только узнали, что авторъ неподписанной передовой статьи—онъ, такъ вся передовая часть литературы отвернулась отъ господина полицеймейстера (такія способности въ себѣ признавалъ самъ Лѣсковъ — см. „Поминку“ по немъ Фаресова въ „Книжкахъ Недѣли“ 1896 г., III), и съ этого момента имя Лѣскова-Стебницкаго уже чуждо прогрессивной литературѣ.

А 28 мая по цензурному вѣдомству было объявлено: «Государь Императоръ, имѣя въ виду, что появляющіяся въ послѣднее время въ періодическихъ изданіяхъ въ большомъ числѣ статьи, въ которыхъ авторы обвиняютъ или оправдываютъ студентовъ по поводу безпорядковъ, бывшихъ въ С.-Петербургѣ и въ другихъ университетскихъ городахъ, и что эти статьи возбуждаютъ только раздраженіе и не содѣйствуютъ къ водворенію порядка, высочайше повелѣть соизволилъ: прекратить печатаніе подобныхъ статей» [1]).

Вѣроятно, формально пользуясь этимъ повелѣніемъ, Валуевъ и отвѣчалъ отказомъ Головнину, вдругъ схватившемуся за сдѣланную оплошность. Понимая, что невыгодно настаивать на обвиненіи студентовъ (Головнинъ тогда еще не былъ утвержденъ въ должности министра), онъ просилъ Валуева, чтобы тотъ сдѣлалъ объявленіе въ «Сѣверной Почтѣ» о ни на чемъ неоснованныхъ ихъ обвиненіяхъ [2]).

Прибавьте ко всему этому напряженное состояніе въ Царствѣ Польскомъ,— и вы поймете, что за моментъ переживало русское общество [3]).

Сокрушительная сила молніи и урагана была колоссальна... Впервые съ 1855 года неистовые крики: «назадъ!», «довольно!!», «да куда-же мы идемъ!?» — приняли широкую волну... «Въ обществѣ сказался поворотъ къ реакціи; половина людей, еще вчера либеральныхъ, сегодня стала крайними реакціонерами, каждый удивлялся, почему не запрещаютъ того или другого»... [4]) — вотъ вкратцѣ результатъ общественнаго настроенія.

---

[1]) *П. Усовъ*, „Мои воспоминанія“, „Истор. Вѣстникъ“ 1883 г. IV, 79—80.

[2]) *А. Никитенко*, „Дневникъ“, „Рус. Старина“, 1891 г., II, 355.

[3]) 22 мая (№ 107), „Наше Время“, разбирая статью Чернышевскаго въ „Современникѣ“—„Научились-ли?“, писало, между прочимъ: „Наконецъ онъ (Чернышевскій) становится успокоителемъ и обѣщаетъ, что насколько дѣланіе или недѣланіе демонстрацій зависитъ отъ воли студентовъ, демонстрацій не будетъ. Мы вполнѣ полагаемся на его слова. Кому, какъ ни камергеру, знать, что дѣлается при дворѣ!“... 7 іюля Чернышевскій былъ арестованъ.

[4]) *Л. Ѳ. Пантелѣевъ*, н. с., 320.

А 6-го іюня, повторивъ нелѣпость объ организаціи поджоговъ политической партіей, Катковъ пишетъ:

«Наши заграничные réfugiés (мы хорошо знаемъ, что это за люди) находятъ, что Европа отжила свое время, что революціи не удаются въ ней, что въ ней есть много всякаго хлама, препятствующаго прогрессу, какъ, напримѣръ: наука, цивилизація, свобода, права собственности и личности, —и вотъ они возымѣли благую мысль избрать театромъ для своихъ экспериментовъ Россію, гдѣ, по ихъ мнѣнію, этихъ препятствій нѣтъ или гдѣ они недостаточно сильны, чтобы оказать успѣшный отпоръ. Они пишутъ и доказываютъ, что Россія есть обѣтованная страна коммунизма, что она позволяетъ дѣлать съ собою, что угодно, что она стерпитъ все, что оказалось нестерпимымъ для всѣхъ человѣческихъ цивилизацій. Они увѣрены, что на нее можно излить полный фіалъ всѣхъ безумствъ и всѣхъ глупостей, всей мертвечины и всѣхъ отсѣдовъ, которыя скоплялись въ разныхъ мѣстахъ и отовсюду выброшены, что для такой операціи время теперь благопріятно и что ненадобно только затрудняться въ выборѣ средствъ. Всѣ эти прелести съ разными гримасами появлялись въ русскихъ заграничныхъ листкахъ,—всѣ онѣ воспроизводятся и развиваются въ подметныхъ прокламаціяхъ, которыя появляются въ самой Россіи и которыя были бы невозможны нигдѣ, кромѣ Россіи. Да, рабскіе инстинкты, нравственное несовершеннолѣтіе творятъ чудеса; они дѣлаютъ возможнымъ, что было бы невозможно нигдѣ. Благодаря имъ, даже скорбный поэтъ Огаревъ попалъ въ пророки. *Еда и Саулъ во пророцѣхъ?*

«Малолѣтство ума, не привыкшаго дѣйствовать, причиною того, что самыя чудовищныя и самыя безсмысленныя вещи выслушиваются и принимаются, какъ нѣчто серіозное; въ пассивныхъ умахъ ничто, ни дурное, ни хорошее, ни смыслъ, ни безсмыслица, не возбуждаютъ никакой дѣятельности, разбирающей, оцѣнивающей, усвояющей, отвергающей; все сваливается въ одну глупую груду, а инстинкты рабства готовы покорствовать всякому возбужденію, всякому велѣнію.

«Но отъ слова до дѣла еще огромный шагъ, и мы все еще не хотимъ вѣрить, чтобъ этотъ шагъ былъ совершонъ.

Во всякомъ случаѣ мы не можемъ не замѣтить утѣшительныхъ признаковъ, которые обнаруживаются съ одной стороны въ спокойствіи и твердости правительства, съ другой— въ энергической нравственной реакціи, которую, наконецъ, обнаруживаетъ общество противъ всѣхъ тѣхъ пряностей, которыми потчевали его, разсчитывая на его неразборчивость и паралитическое состояніе. Всего опаснѣе были бы такія мѣры, которыя клонились бы къ стѣсненію этой возбудившейся въ обществѣ жизни и которыя, имѣя въ виду подавить зло, стали бы поддерживать и усиливать условія, благопріятствующія злу. Что производитъ зло, наука-ли, энергія-ли общественнаго мнѣнія, свобода-ли? Наука-ли можетъ быть виною того возмутительнаго невѣжества, того искаженія смысла, той одичалости, которыя высказываются въ издѣліяхъ тайныхъ типографій? Живое-ли развитіе общественныхъ интересовъ виною той безхарактерности, съ которою все у насъ выслушивалось безъ малѣйшаго отпора, а еще съ благодушнымъ умиленіемъ? Свобода-ли была виною этихъ рабскихъ инстинктовъ, которые проглядываютъ въ складѣ мыслей у нашихъ умниковъ? Честная-ли печать овладѣваетъ во мракѣ невинною молодежью, растлѣвая ее во всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ основахъ, обманывая и обольщая ее и трактуя ее, какъ chair à canon, какъ матеріалъ для своихъ экспериментовъ и орудіе для своихъ замысловъ? Когда наука получитъ у насъ все должное ей уваженіе и силу, когда она дастъ новую лучшую жизнь нашимъ гимназіямъ и университетамъ, тогда станетъ невозможнымъ это недостойное положеніе, въ которомъ находится наше юношество, тогда оно не дастся въ руки всякому интригану и плуту; когда у насъ будетъ самоотвѣтственная печать, тогда потеряютъ значеніе заграничныя типографіи; когда у насъ будетъ вполнѣ правильный судъ съ присяжными и со всѣми гарантіями, тогда исчезнутъ такъ называемыя жертвы, хотя кары будутъ рѣшительны и грозны; когда общественнымъ интересамъ будетъ дана надлежащая сила и значеніе, когда праву собственности, незыблемому и безспорному въ своихъ основаніяхъ, будетъ дано все принадлежащее ему вліяніе, — тогда прекратится безхарактерность мнѣній и безучастіе къ общественному дѣлу. Тогда только превратится въ смѣшное воспоминаніе

тотъ чудовищный, поразительный фактъ, оскорбляющій т
перь до послѣдней глубины наше народное чувство,—тот
фактъ, что нѣсколько господъ, которымъ нечего дѣлат
нѣсколько человѣкъ неспособныхъ контролировать сво
собственныя мысли, считаютъ себя въ правѣ распоряжаться
судьбами народа съ тысячелѣтнею исторіей (бѣдный тысяч
лѣтній народъ, за что суждено тебѣ такое униженіе?), пре
писывая законы его не учащейся молодежи и его недоуч
нымъ передовымъ людямъ. Въ далекой перспективѣ восп
минанія станетъ также смѣшонъ, а не отвратителенъ этот
осторожный и благоговѣйный тонъ, съ которымъ говорят
у насъ о вышеупомянутыхъ законодателяхъ даже тѣ из
нашей пишущей братіи, которые въ душѣ или изподтишк
осмѣливаются роптать и негодовать на нихъ.

«Кстати припоминается намъ теперь слово, сказанно
когда-то нынѣшнимъ императоромъ французовъ, когда он
еще былъ президентомъ республики,—слово, которое имѣло б
еще большее значеніе, еслибъ оно болѣе оправдывалос
дѣломъ тамъ, гдѣ было сказано: Le meilleur moyen de réduir
à l'impuissance ce qui est dangereux et faux, c'est d'accepte
ce qui est vraiment bon et utile... Hâtons nous: le temps press
que le marche des mauvaises passions ne dévance pas la nôtre» [1]

Черезъ недѣлю, 13 іюня, цензурные комитеты полу
чили отъ Головнина извѣщеніе: «Государь Императоръ, обра
тивъ вниманіе на статью, помѣщенную въ послѣднемъ номер
„Соврем. Лѣтописи Рус. Вѣстника" и начинающуюся сло
вами: „Наши заграничные refugiés", изволилъ, между про
чимъ, отмѣтить: „Весьма хорошая статья" [2]).

22-го іюня Герценъ отвѣчаетъ въ своемъ «Колоколѣ
на выходку Каткова въ статьѣ о мировыхъ посредникахъ [3]

[1]) „Чтобы лишить силъ то, что ложно и опасно, лучшее сред
ство принять то, что дѣйствительно хорошо и полезно... Поспѣшим
время не ждетъ: не допустимъ, чтобы вредныя страсти опередил
насъ". „Соврем. Лѣтопись Рус. Вѣстника", 1862 г., № 23, 6 іюня.

[2]) *П. Усовъ*, н. с. „Историч. Вѣстникъ", 1883 г., IV, 66. Резолюці
собственно, тутъ не вся; дальше еще слѣдовалъ вопросъ: „Кѣмъ он
написана?", на который московскій цензурный комитетъ отвѣтил
указаніемъ на Каткова. 21-го іюня объ этомъ было доложено госу
дарю (*К. Цвѣтковъ*, „Добровольный отвѣтъ на „вынужденное объяс
неніе" Н. М. Павлова". „Рус. Обозрѣніе". 1895 г., X).

[3]) № 137.

30-го іюня послѣдовало распоряженіе: «не пропускать ни одной статьи противъ замѣтки Каткова на Герцена, не показавъ предварительно предсѣдателю комитета» [1]), а 10-го іюля Герценъ посылаетъ близнецамъ «Русскаго Вѣстника» письмо съ вызовомъ выступить публично для объясненія словъ: «мы хорошо знаемъ, чтó это за люди», сказанныхъ въ статьѣ «Наши заграничные réfugiés». Въ номерѣ «Колокола» отъ 15-го іюля оно напечатано in exstenso [2]).

Все это вмѣстѣ рѣшаетъ дѣло: готовая къ выпуску іюньская книжка задерживается; типографія ждетъ громовъ изъ кабинета своего хозяина... 18-го іюля книжка появляется съ приснопамятной въ концѣ «Замѣткой для издателя «Колокола»». Въ теченіе нѣсколькихъ дней «Замѣтка» была написана, переслана нерѣшавшейся московской цензурой министру и, наконецъ, напечатана...

Я не буду останавливаться на ней, потому что читатель, знакомый уже съ выстрѣлами Каткова, самъ можетъ представить себѣ ея содержаніе. Скажу только, что ругательства въ родѣ: «недоносокъ на всѣхъ поприщахъ», «бойкій острякъ и кривляка», «жалкій ломака», «юла», «генералъ отъ революціи», «старая блудница», «бездушный фразеръ» etc. etc., — сыпались на голову Герцена съ каждой строчки. На вопросъ: «какіе-же мы люди?» было, разумѣется, отвѣчено: «да не совсѣмъ вы люди честные!»... Позже, когда даже «Сѣверная Пчела» упрекнула Каткова въ излишне откровенномъ тонѣ, онъ писалъ: «мы находимъ, что принятый нами тонъ былъ умѣстенъ и что, по нѣкоторымъ причинамъ, писать инымъ тономъ было бы даже нечестно» [3]).

Общество отнеслось къ этой выходкѣ, конечно, различно. Одни были вполнѣ солидарны съ рѣшительнымъ комендантомъ страстнобульварской крѣпости, другіе находили лишь нежелательной рѣзкость; третьи, наконецъ, окончательно порвали съ нимъ всякія еще кое-у-кого оставашіяся прошлыя связи и имя Каткова обратили въ своемъ кругу въ ругательное слово, не болѣе лестное, чѣмъ имя

[1]) *П. Усовъ*, н. с., 66.

[2]) № 139. Катковъ отнесъ это письмо къ 10 іюня, но здѣсь явная ошибка: статья его о „réfugiés“ напечатана только 6 іюня.

[3]) „Соврем. Лѣтопись Рус. Вѣстника“ 1862 г., № 33.

Ѳаддея Булгарина [1]... Всегда жившая съ девизомъ: «и нашимъ и вашимъ», «Сѣверная Пчела» помѣстила даже письмо къ издателю, озаглавленное: «Grattez (l'anglomane) russe et vous trouverez le tartare» и подписанное иниціалами *А. Б.* Въ этомъ единственномъ сколько-нибудь сильномъ протестѣ, и то противъ *тона* «Замѣтки», пропущенномъ цензурую, заслуживаютъ вниманія начало и конецъ.

«Я только что получилъ послѣднюю (іюньскую) книжку «Русскаго Вѣстника» и съ негодованіемъ, хотя и безъ удивленія, прочелъ въ ней замѣтку, для надлежащаго опредѣленія которой я бы долженъ обладать площаднымъ краснорѣчіемъ ея автора...... Неужели вы, милостивый государь, или любой другой органъ вашей журналистики не вступится за оскорбленное приличіе, за оскорбленную честь русской литературы, и не лишитъ писавшаго эти жалкія строки того уваженія въ глазахъ публики, которое онъ окончательно потерялъ тономъ своей послѣдней замѣтки у всѣхъ его иностранныхъ читателей» [2].

---

[1]) *Н. М. Павловъ*, „Полемика Каткова съ Герценомъ", „Руское Обозрѣніе", 1895 г., V, 308.

[2]) „Сѣв. Пчела", 1862 г., № 203, 29 іюля. Письмо это, по всей вѣроятности, принадлежало Артуру Бенни, уже не первый разъ подписывавшемуся иниціалами *А. Б.* Такъ, напримѣръ, имъ была подписана статья, призывавшая молодое общество къ организаціи волонтеровъ-пожарныхъ, своевременно вышученная „Гудкомъ". Не останавливаясь на личности этого нисколько не „загадочнаго человѣка", — какъ назвалъ его Лѣсковъ, избравшій несчастнаго юношу мишенью для своихъ выстрѣловъ по „нигилистамъ", отъ общенія съ которыми когда-то ему нужно было, въ 1871 году, всячески отгородится, — скажу только, что онъ вовсе не былъ „*другомъ*" Герцена, какъ говоритъ авторъ замѣтки „Сѣверная Пчела" въ словарѣ Брокгауза и Ефрона. Это ни на чемъ неоснованное заблужденіе (Бенни былъ лишь *знакомъ* съ А. И.) заставило анонимнаго автора сдѣлать другую уже существенную ошибку. Онъ говоритъ: „Съ уходомъ Булгарина, характеръ газеты *совершенно* измѣнился; въ 1861—62 гг. она была органомъ друга Герцена, Артура Бенни, но успѣха, все-таки, не имѣла и должна была прекратиться по недостатку подписчиковъ". Если бы анонимный авторъ былъ знакомъ хоть съ тѣмъ, что мною сказано о „Сѣверной Пчелѣ" выше — а это далеко не все, что слѣдовало бы сказать — то онъ, конечно, зналъ бы, что „Сѣв. Пчела" Усова, въ сущности, чище булгаринской не была, а ужъ своимъ органомъ Герценъ ее, конечно, не считалъ ни одного дня.

Но та же «Сѣверная Пчела» очень скоро перепечатала всю «Замѣтку» цѣликомъ, а на слѣдующій день, порицая Каткова лишь за тонъ, сказала даже, что еслибы страстно-бульварскому коменданту удалось занять постъ министра, то отъ этого никому бы худо не было [1]... Такимъ образомъ дружба была возстановлена...

Конечно, Павловы и компанія взапуски принялись теперь «обличать» Герцена, и столбцы «Нашего Времени», «Сына Отечества», «Домашней Бесѣды» и tutti quanti пестрѣли его именемъ [2].

Сказать хоть что-нибудь, стоющее вниманія, противъ этой клики не удалось — всѣ подобныя статьи были воспрещены цензурой, по распоряженію Головнина отъ 30 іюня. Въ «Сборникѣ статей, недозволенныхъ цензурою въ 1862 г.», встрѣчаемъ шесть такихъ статей, изъ которыхъ двѣ принадлежатъ журналамъ (одна несомнѣнно «Свѣточу») [3]. Ни «Современникъ», ни «Русское Слово», ни «День», пріостановленные къ этому времени, даже и въ цензуру ничего не представили. Вотъ почему авторъ уже цитированнаго нами «Краткаго обозрѣнія направленія періодическихъ изданій и газетъ» можетъ говорить о единомысліи русской печати въ открытіи «ничтожества» «гг. Герценовъ и К°»... Едино-

---

[1] №№ 212 и 213. Считая теперь вопросъ о началѣ и возникновеніи „полемики" противъ Герцена достаточно выясненнымъ, не могу не сказать, что это стоило весьма продолжительнаго времени и большой работы. Вопросу этому въ литературѣ, вообще, удѣлено не особенно много вниманія, но зато *всѣ* источники грѣшатъ то въ одномъ, то въ другомъ, излагая послѣдовательность и существо фактовъ. И г. Цеэ, и г. Невѣденскій, и г. Павловъ, и г. Цвѣтковъ, и „Краткое обозрѣніе направленія періодическихъ изданій и газетъ и отзывовъ ихъ по важнѣйшимъ правительственнымъ и другимъ вопросамъ за 1862 годъ" (Спб., 1862), и нѣкоторые другіе непремѣнно въ чемъ-нибудь да ошибаются. Произошло это просто потому, что не было обращено преимущественнаго вниманія на первоисточники и на очень важную въ этомъ вопросѣ хронологическую послѣдовательность событій.

[2] Интересующихся отсылаю къ №№ 113, 135, 136, 166, 169, 188 189, 248 „Нашего Времени", №№ 151, 156, 157, 168, 197, 212 „Сѣв. Пчелы", № 197 „Сына Отечества".

[3] Очень жаль, что издавая этотъ цѣнный „Сборникъ", министерство просвѣщенія уничтожило какъ подписи авторовъ, такъ и названія редакцій, представившихъ въ цензуру эти статьи.

ысліе это было результатомъ совсѣмъ другой причины... Если-бы Головнинъ пожелалъ, онъ бы печатно услышалъ мнѣніе честной журналистики, которая всѣ свои непропущенныя статьи начинала почти такими словами: «Ни одинъ литераторъ, если онъ хоть сколько-нибудь уважаетъ себя, не выскажетъ ни одного слова осужденія противъ убѣжденій такихъ людей (какъ Герценъ и всѣ вообще эмигранты — *М. Л.*), если онъ не будетъ имѣть права въ то же самое время высказать свое сочувствіе другимъ убѣжденіямъ этихъ же самыхъ людей... О г. Герценѣ нужно или ничего не говорить, или говорить все — и pro и contra» [1]).

А то, что, все-таки, было напечатано, едва-ли ни больше всего должно было скандализировать Головнина въ общественномъ мнѣніи. «Библіотека для Чтенія» сохранила лишь какую-то страничку никому непонятныхъ недомолвокъ [2]), а «Отечественныя Записки» попали прямо въ цѣль: «Хотѣлось-бы намъ сказать кое-что по этому случаю г. Герцену, но удерживаемся только потому, что не хотимъ воспользоваться одностороннимъ правомъ открыто нападать на тѣ мнѣнія, которыя нельзя защищать такъ же открыто» [3]). Въ устахъ далеко нелиберальнаго журнала это было очень многозначительно и вѣско... Но... у Краевскаго всегда что-нибудь да не чисто. Оказывается, вслѣдъ за появленіемъ «Замѣтки», онъ обратился къ Каткову съ просьбой ее перепечатать... Катковъ отказалъ, потому что «это могло быть отнесено къ правительственному внушенію», и протестовалъ «всей силой своихъ авторскихъ правъ»... Ловкій Андрей Александровичъ не задумался и написалъ уже знакомое намъ [4])...

---

1) „Сборникъ статей, недозвол. цензурою въ 1862 г.", II, 284, 285.

2) 1862 г., августъ, „внутреннее обозрѣніе".

3) 1862 г. XLIII, „Современная хроника Россіи", 48.

4) О письмѣ Краевскаго и отвѣтѣ Каткова говоритъ г. Невѣдѣнскій, получившій послѣдній въ подлинникѣ, но, указывая на „Замѣтку", говоритъ, что ему неизвѣстно „о какой замѣткѣ идетъ рѣчь, а у самаго Краевскаго обстоятельство это уже изгладилось изъ памяти" (стр. 99—100). Охотно вѣрю и невѣдѣнію г. Невѣдѣнскаго и плохой памяти Краевскаго и потому ставлю здѣсь точку надъ „i". Фактъ весьма характерный...

А Катковъ, разумѣется, продолжалъ... Въ сентябрской книжкѣ какой-то *Д. П.* напечаталъ статью «Новые подвиги нашихъ лондонскихъ агитаторовъ» по адресу Кельсіева и начатаго съ іюля новаго прибавленія къ «Колоколу» — «Общее Вѣче». Впослѣдствіи, уже въ арендованныхъ съ января 1863 года «Московскихъ Вѣдомостяхъ» всесильный ихъ вдохновитель такъ отвѣчалъ на посылаемые ему время отъ времени упреки въ пристрастіи къ доносительству: «Послѣ горькихъ опытовъ, которымъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ подверглось наше общество, мы съ большею чѣмъ когда-нибудь силою чувствуемъ свою обязанность дѣйствовать на своемъ поприщѣ съ полною рѣшимостью и открс венностью. Мы должны разъ навсегда освободиться отъ ре бяческой мысли, будто бы какія-нибудь соображенія должнı удерживать насъ отъ исполненія нашихъ обязанностей пе редъ обществомъ, будто бы мы должны скрывать наши су жденія о вредныхъ дѣйствіяхъ изъ опасенія какъ-нибуді повредить этимъ вреднымъ дѣйствіямъ или стѣснить ихъ виновниковъ» [1]).

Не могу также не отмѣтить, что въ концѣ 1862 г. вышла въ свѣтъ книга Б. Н. Чичерина: «Нѣсколько современныхъ вопросовъ», гдѣ въ числѣ одиннадцати статей, напечатанныхъ имъ за послѣдніе два года въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Нашемъ Времени», было и довольно рѣзкое «Письмо къ издателю Колокола», напечатанное въ ноябрѣ 1858 г. въ самомъ «Колоколѣ», конечно, не подъ фамиліей автора.

Чтобы закончить съ отличавшимися уже во-всю московскими публицистами, приведу характеристику ихъ, данную вернувшимся изъ Москвы Цеэ, куда онъ, въ октябрѣ 1862 г., ѣздилъ по порученію Головнина: «при ближайшемъ знакомствѣ моемъ съ московскими литераторами, я вполнѣ убѣдился въ томъ, что въ большинствѣ ихъ преобладаетъ направленіе консервативно-либеральное (!), и что они искренно сочувствуютъ реформамъ нашего правительства. Въ особенности же, при знакомствѣ съ М. Н. Катковымъ, могъ я вполнѣ оцѣнить этого достойнаго дѣятеля въ области русской журналистики» [2])...

---

[1]) „Москов. Вѣдомости“. 1863 г. № 191.

[2]) *П. Усовъ*, „Цензурная реформа въ 1862 г.“, „Вѣстникъ Европы“ 1882 г., VI, 593.

Но и ими были недовольны нѣкоторые сугубо благонамѣренные элементы административныхъ круговъ. Такъ, Берте, въ своей «запискѣ» прямо обвиняетъ Каткова и Павлова въ робости: «хотя въ послѣднее время нѣкоторые благонамѣренные журналисты рѣшились возвысить голосъ противъ крайнихъ увлеченій и разоблачать ложь и шарлатанство своихъ собратій, но и въ этихъ попыткахъ замѣтна нѣкоторая робость, уклончивость, недосказанность, тогда какъ съ другой стороны употребляются въ дѣло всѣ средства, вся рѣшимость, вся сила діалектики, чтобы поддержать и провести въ массу публики свой ложный взглядъ, свои вредныя теоріи, подъ видомъ наибольшаго развитія знаній, полнѣйшаго пониманія обсуждаемаго предмета, совершеннѣйшаго гуманизма и отреченія отъ началъ, устарѣвшихъ и потому будто бы несостоятельныхъ, отъ авторитетовъ, утратившихъ будто бы свое лишь временное значеніе» [1]).

VIII.

Обнародованіе „временныхъ правилъ“ 12 мая. Ихъ явная цѣль. Статья по этому поводу „Библіотеки для Чтенія“. Заказанный отвѣтъ ей въ „Сѣверной Почтѣ“.

Теперь Валуевъ и Головнинъ пошли бодрѣе по прежнему пути, не путаясь уже въ такихъ тонкихъ сѣтяхъ компромисса, какія создавали раньше, при наличности общественнаго единодушія.

При учрежденіи комиссіи кн. Оболенскаго государь выразилъ желаніе, чтобы до введенія новыхъ законовъ о печати исполнялись въ точности существующіе, въ которыхъ министру просвѣщенія разрѣшалось нѣкоторыя устарѣвшія распоряженія замѣнить временными правилами. Головнинъ понялъ это, какъ мѣру возможнаго новаго стѣсненія, и поручилъ комиссіи заняться прежде всего пере-

---

[1]) „Записка предсѣдателя комитета для пересмотра цензурнаго устава, д. ст. с. Берте etc.“, 11—12.

смотромъ всѣхъ распоряженій послѣ 1828 г., что она и исполнила въ теченіе апрѣля. Въ какомъ видѣ комиссія представила Головнину свою работу—неизвѣстно, но 14 іюня были обнародованы «временныя правила по цензурѣ», хотя и утвержденныя еще 12 мая, но, по выясненнымъ далѣе причинамъ, не вышедшія до времени изъ тиши канцелярій и редакцій періодическихъ изданій. Странная черта въ проведеніи этого новаго закона: въ маѣ онъ былъ сообщенъ редакціямъ и цензурному вѣдомству, но конфиденціально, а, лишь послѣ майскихъ событій, какъ бы въ успокоеніе взволнованнаго общества, получилъ опубликованіе; черезъ сенатъ же онъ обнародованъ еще позднѣе — въ іюлѣ... Мотивировка введенія «правилъ» была двойственна: офиціально, въ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, «Сѣверной Почтѣ», она отсутствовала въ сколько-нибудь ясной формѣ, если не считать словъ: «впредь до пересмотра всѣхъ постановленій по дѣламъ книгопечатанія»... Въ циркулярѣ же Головнина по цензурному вѣдомству читаемъ: «государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему въ совѣтѣ министровъ о замѣчаемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ упущеніяхъ цензоровъ, одобривъ предположенныя мною мѣры, высочайше повелѣть соизволилъ: не ожидая окончанія работъ комиссіи по дѣламъ книгопечатанія, предписать на время до приведенія къ окончанію трудовъ комиссіи» и т. д. [1]).

[1]) *И. Усовъ*, н. с., V, 156. Въ одномъ изъ документовъ Головнинъ вдругъ заявилъ, и кому-же?—Валуеву, что „потому явилась необходимость въ изданіи временныхъ правилъ, что судебная реформа не могла вскорѣ осуществиться и что самый трудъ комиссіи о книгопечатаніи не можетъ быть оконченъ къ тому сроку, какъ сначала предполагалось"... Къ чему это увѣреніе? Головнинъ лучше другихъ зналъ, что комиссія, основанная 8 марта, проработаетъ до конца года, а не до начала мая и что реформа судовъ послѣдуетъ очень нескоро... Впрочемъ, тому же Валуеву онъ писалъ: „я исходатайствовалъ... разрѣшеніе *весьма многимъ* газетамъ и журналамъ получать изъ-за границы книги и періодическія изданія безъ цензуры"... Ниже читатель увидитъ, что весьма многіе—это всего *семь*. А писалось все это потому, что это отношеніе поступало въ государственный совѣтъ, передъ которымъ Головнинъ все еще старался выказать свое сочувствіе печати (см. „Разная переписка по министерству народн. просвѣщенія въ 1862, 1863 и 1864 г.", 62—71).

Такимъ образомъ, цѣль правилъ ясна.

Вотъ они полностью:

«I. Во всѣхъ вообще произведеніяхъ печати не допускать нарушенія должнаго уваженія къ ученію и обрядамъ христіанскихъ исповѣданій, охранять неприкосновенность верховной власти и ея атрибутовъ, уваженіе къ особамъ царствующаго дома, непоколебимость основныхъ законовъ, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждаго [1]).

«II. Не допускать къ печати сочиненій и статей, излагающихъ вредныя ученія соціализма и коммунизма, клонящіяся къ потрясенію или ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи [2]).

«III. При разсмотрѣніи сочиненій и статей о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій, дозволять къ печати только спеціальныя ученыя разсужденія, написанныя тономъ приличнымъ предмету и притомъ касающіяся такихъ постановленій, недостатки которыхъ обнаружились уже на опытѣ [3]).

«IV. Въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи не допускать печатанія именъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учрежденій [4]).

«V. Разсужденія, указанныя въ предыдущихъ двухъ пунктахъ, дозволять только въ книгахъ, заключающихъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ [5]) и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, на которыя подписная цѣна съ пересылкою не менѣе семи рублей въ годъ [6]).

«VI. Министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія предоставляется, по взаимному ихъ соглашенію, въ случаѣ вреднаго направленія какого-либо періодическаго изданія, причислять оное къ разряду тѣхъ, коимъ не дозволяется печатать разсужденія, показанныя въ пунктахъ III и

---

[1]) Ст. 93-я дѣйствующаго теперь устава о цензурѣ.
[2]) Ст. 95.
[3]) Ст. 97.
[4]) Ст. 98.
[5]) Въ печатномъ листѣ 16 печатныхъ страницъ.
[6]) Ст. 99.

IV, и прекращать каждое періодическое изданіе, на срокъ не болѣе восьми мѣсяцевъ [1]).

«VII. Не допускать къ печати статьи: а) въ которыхъ возбуждается непріязнь и ненависть одного сословія къ другому и б) въ которыхъ заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями или должностями государственной и общественной службы [2]).

«VIII. Не дозволять распубликованія по однимъ слухамъ предполагаемыхъ будто бы правительствомъ мѣръ, пока онѣ не объявлены законнымъ образомъ [3]).

«IX. Статьи за подписью правительственныхъ лицъ дозволять къ печатанію не иначе, какъ по положительномъ удостовѣреніи въ дѣйствительной присылкѣ ихъ отъ этихъ лицъ [4]).

«X. Въ отношеніи къ статьямъ и извѣстіямъ политическимъ, наблюдать общее правило объ охраненіи чести и домашней жизни царствующихъ иностранныхъ государей и членовъ ихъ семействъ отъ оскорбленія печатнымъ словомъ, и о соблюденіи приличія при изложеніи дѣйствій иностранныхъ правительствъ [5]).

«XI. Редакція каждаго періодическаго изданія, представившая въ цензуру какую-либо статью, обязана знать, кто именно авторъ оной, для сообщенія по востребованію судебныхъ мѣстъ и министерствъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія [6]).

«XII. Независимо изложенныхъ здѣсь правилъ, цензоры обязаны руководствоваться нижеслѣдующими особыми наставленіями при цензированіи статей, касающихся военной части, судебной, финансовой и предметовъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ.

---

[1]) Ст. 154 съ тою разницею, что права эти предоставлены только одному министру внутреннихъ дѣлъ. Знаменательно, что это первый актъ, въ который введено понятіе „вредное направленіе“, потомъ уже ставшее совершенно ходячимъ, хотя и не болѣе опредѣленнымъ.

[2]) Ст. 96.

[3]) Ст. 100.

[4]) Ст. 101.

[5]) Ст. 104.

[6]) Ст. 135.

«XIII. За симъ считать отмѣненными, состоявшіяся съ 1828 года по 1-е января 1862 года постановленія и распоряженія по цензурѣ, исключая поименованныхъ въ прилагаемомъ при семъ спискѣ» [1]).

Правила эти уже сами по себѣ не должны бы были оставить мѣсто для сколько-нибудь оптимистическихъ выводовъ. Но они не кончались на XIII пунктѣ. Неопубликованныя два «приложенія» къ нимъ были, въ сущности, ужъ совершенно ясными опредѣлителями цѣнности новаго узаконенія. Не остановиться на нихъ значитъ вообще промолчать о «временныхъ» правилахъ.

Первымъ приложеніемъ было «Особое наставленіе», касающееся цензированія статей по частямъ: военно-сухопутной, судебной, финансовой и министерства внутреннихъ дѣлъ, — т. е. почти всей русской жизни... Полная неудовлетворительность регламентаціи, и особенно кодификаціи, этого приложенія, конечно, настораживала вниманіе цензоровъ, не увѣренныхъ въ предѣлахъ допустимаго. Напримѣръ, по военно-сухопутной части запрещались: «1) статьи оскорбительныя для чести русскаго войска, 2) статьи, могущія поколебать понятіе о дисциплинѣ и уваженіе о ней; мнѣнія, подрывающія уваженіе подчиненныхъ къ лицамъ начальствующимъ и ослабляющія довѣріе къ правительству». «Въ статьяхъ, относящихся до арміи и военной администраціи, вообще не допускать ничего противнаго тому значенію, которое наша армія имѣетъ по законамъ въ государствѣ; ничего могущаго ослабить уваженіе публики къ нашему военному сословію, и никакихъ предосудительныхъ сравненій съ иностранными порядками, несогласными съ установленною формою нашего правленія». Спрашивается, что-же допускалось? И, что очень любопытно, — въ то-же время

---

[1]) В. Бинштокъ, напечатавшій въ III — V книжкахъ „Русской Старины“ за 1897 г. „Матеріалы по исторіи русской цензуры“, извлеченные имъ изъ архива II отдѣленія Соб. Е. И. В. канцеляріи, но съ бóльшимъ удобствомъ и безъ потери времени могущіе быть на двѣ трети извлеченными изъ напечатанныхъ уже давно и мною неоднократно цитированныхъ „Матеріаловъ“, — не знаетъ о существованіи „временныхъ“ правилъ, что ясно видно изъ стр. 341 — 342 въ V книжкѣ.

военно-морское вѣдомство не было взято подъ особую опеку, конечно, благодаря великому князю Константину Николаевичу, совершенно не раздѣлявшему молчанія, нравившагося военному министру, Д. А. Милютину.

Валуевъ оградилъ себя еще болѣе заботливо. Во-первыхъ, было запрещено печатаніе частныхъ корреспонденцій о дворянскихъ и городскихъ собраніяхъ безъ разрѣшенія: въ Петербургѣ — самого министра, повсюду—губернаторовъ. Во-вторыхъ, не допускались вовсе статьи, — «касающіяся будто бы правъ дворянства на обсужденіе въ дворянскихъ собраніяхъ общихъ государственныхъ дѣлъ и вопросовъ». Съ другой стороны, предписывалось не разрѣшать статей «оскорбительныхъ для дворянскаго сословія или высказывающихъ положительныя мнѣнія о необходимости уничтоженія дворянства, какъ государственнаго учрежденія».

По крестьянскому дѣлу «особое наставленіе» было не менѣе предупредительно: «Не допускать никакого порицанія въ общемъ видѣ, высочайше утвержденныхъ положеній 19-го февраля 1861 года и вообще ничего противнаго основнымъ началамъ этихъ положеній. Не дозволять къ печатанію статей, которыхъ содержаніе, перенося разрѣшеніе крестьянскаго вопроса съ сельско-хозяйственной на политическую арену, могло бы возбуждать неосновательныя и неумѣстныя толкованія по этому вопросу. Въ періодическихъ изданіяхъ, а равно въ отдѣльныхъ книжкахъ, брошюрахъ, предназначенныхъ для народнаго чтенія, не допускать ни подъ какимъ видомъ статей, въ которыхъ излагаются мнѣнія о принадлежащемъ будто бы крестьянамъ правѣ собственности на землю, предоставленную имъ только въ пользованіе, на установленныхъ въ законѣ условіяхъ. При сообщеніи въ газетахъ постановленій мѣстныхъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, не дозволять осужденія этихъ постановленій или доказательства несправедливости или непримѣнимости ихъ на дѣлѣ, такъ какъ эти постановленія, со времени утвержденія ихъ въ законномъ порядкѣ, имѣютъ законную обязательную силу для той мѣстности, до которой они относятся. Не допускать никакихъ рѣзкихъ и язвительныхъ отзывовъ о настоящихъ отношеніяхъ между помѣщиками и ихъ служителями или бывшими крестьянами и

вообще не разрѣшать къ печати никакихъ статей и разсужденій, которыя могли бы возбуждать *неудовольствіе* и *раздраженіе* одного сословія противъ другого».

Читателю ясно все въ этихъ негласныхъ ограниченіяхъ по крестьянскому вопросу. Я только позволю себѣ отмѣтить одну очень характерную для Валуева подробность. Выше, въ п. VII самихъ правилъ говорилось о *непріязни* и *ненависти* сословій, а въ «особомъ наставленіи» эти понятія очень опредѣленно и ясно замѣнены другими: *неудовольствіемъ* и *раздраженіемъ*...

Изъ ограниченій сепаратнаго характера отмѣчу, прежде всего, представленіе на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ «статей, въ которыхъ непочтительно высказываются требованія о расширеніи гражданскихъ правъ живущихъ въ Россіи евреевъ».

Не менѣе интересно и распоряженіе относительно статей и сочиненій о западныхъ губерніяхъ:

«Въ виду нынѣшнихъ усилій польской пропаганды къ распространенію польско-національнаго вліянія на менѣе образованные классы населенія западнаго края Имперіи и къ возбужденію въ нихъ вражды противъ правительства, цензура должна съ особеннымъ вниманіемъ разсматривать сочиненія и статьи, въ которыхъ развиваютъ такое вліяніе, и вникать какъ въ сущность ихъ, такъ и въ наружную форму. Вслѣдствіе того, она обязывается: не дозволять къ печатанію статей, въ которыхъ доказывается необходимость возстановленія независимости и самобытности Польши, хотя бы эти статьи относились не непосредственно къ Царству Польскому или бывшей Литвѣ и областямъ, временно бывшимъ подъ польскимъ владычествомъ въ предѣлахъ Имперіи, но и къ Галиціи и великому княжеству Познанскому, и не дозволять примѣненія польскаго алфавита къ русскому языку или печатать русскія или малороссійскія статьи и сочиненія латинско-польскими буквами, тѣмъ болѣе, что и ввозъ изъ-за границы сочиненій на малороссійскомъ нарѣчіи, напечатанныхъ польскими буквами, положительно запрещенъ».

Наконецъ, въ пунктѣ о «нѣкоторыхъ особыхъ предметахъ» по министерству Валуева предписывалось:

«Наблюдать за тѣмъ, чтобы во всѣхъ статьяхъ по предметамъ земскихъ повинностей, особенно съ точки зрѣнія сословной, арестантскихъ дѣлъ, тюремъ, полиціи, не была постоянно проводима мысль объ охужденіи и ниспроверженіи всего, что нынѣ по этимъ частямъ существуетъ. Указаніе недостатковъ, конечно, полезно; въ подкрѣпленіе указаній могутъ быть приводимы примѣры; но въ самой формѣ изложенія этихъ указаній и ссылокъ на примѣры не должно быть терпимо нынѣшняго односторонняго и постояннаго стремленія изыскивать только все дурное, на немъ останавливаться и умалчивать о всемъ улучшающемся и о всемъ хорошемъ»...

Второе приложеніе къ «временнымъ правиламъ» закрѣпляло силу двадцати двухъ постановленій и распоряженій съ 1828 года; изъ нихъ половина была издана въ царствованіе Николая I. Здѣсь было все то, что такъ или иначе гармонировало со всѣмъ изложеннымъ выше [1])...

Посылая «временныя правила» въ цензурные комитеты, Головнинъ, 17-го мая, предлагалъ немедленно созвать чрезвычайныя собранія комитетовъ и объявить цензорамъ: «1) что отнынѣ должно прекратиться то *слабое* цензированіе, которое имѣло слѣдствіемъ, что наши періодическія изданія

---

[1]) Надо быть большимъ оптимистомъ, чтобы, поддавшись впечатлѣнію, производимому п. XIII, говорить, что „временныя правила“, „хотя и съ оговорами и съ разными условіями, облегчали въ извѣстной степени большую свободу печати“; надо совершенно не знать закона 1828 г. и всѣхъ послѣдующихъ къ нему дополненій и измѣненій, чтобы не замѣтить, какую новую струю вносили *новые* п.п. II—X, совершенно противорѣчащіе хотя бы высоч. повелѣнію 3 апрѣля 1859 г., просто, по неопытности Валуева и Головнина въ сложномъ дѣлѣ кодификаціи, внесенному въ тѣ распоряженія, которыя не отмѣнялись „временными правилами“. Да названные пункты прямо противорѣчили этому повелѣнію. Всѣ эти ошибки сдѣлалъ Усовъ въ своей статьѣ „Цензурная реформа въ 1862 г.“ („Вѣстн. Европы“ 1882 г., V и VI). Онъ положительно не понялъ того крутого поворота, который начался именно съ момента опубликованія этихъ „временныхъ правилъ“, что, по моему, произошло, благодаря его желанію выставить Головнина, какъ защитника и заступника за печать—оно красной нитью проходитъ черезъ всю статью и потому представляетъ всю реформу (да и развѣ она была одна въ 1862 г.?) шиворотъ на выворотъ. Въ ту же ошибку впалъ и Джаншіевъ (ср. „Эпоха великихъ реформъ“, изд. 7-е, 368).

наполнялись статьями, въ которыхъ систематически, постоянно охуждалось все, что дѣлаетъ правительство, и которыя имѣли явною цѣлью возбужденіе въ обществѣ неудовольствія противъ правительства, и 2) что за симъ цензоръ, который будетъ нѣсколько разъ замѣченъ въ упущеніяхъ, будетъ уволенъ отъ службы» [1]). Головнинъ хорошо зналъ, правду-ли онъ говорилъ о литературѣ, всегда поддерживавшей дѣйствительно прогрессивныя распоряженія правительства, но писалъ объ этомъ, конечно, для большей силы своего циркуляра, предназначеннаго быть въ pendant къ самимъ «временнымъ» правиламъ. Временными они не были: наружно ихъ замѣнилъ уставъ 1865 г., но мы уже знаемъ, что онъ принялъ ихъ въ себя полностью. Любопытно, что Валуевъ считалъ ихъ все еще недостаточными; онъ полагалъ, что они «съ трудомъ могутъ, по неопредѣленности своей, долго сохранять нормальныя отношенія между правительствомъ и прессою» [2])...

Иначе оцѣнивала новое распоряженіе печать. Приведу лишь для примѣра одинъ отзывъ, интересный по вызваннымъ имъ послѣдствіямъ.

Въ очень мало либеральной «Библіотекѣ для Чтенія», то и дѣло подававшей руку московскимъ «благонамѣреннымъ» журналистамъ, небезызвѣстный Д. Щегловъ отнесся къ «временнымъ» правиламъ весьма критически, находя, что они блещутъ отсутствіемъ ясности и опредѣленности.

Онъ указалъ довольно ядовито прежде всего на тотъ очень благопріятный для литературы оборотъ дѣла, который можетъ, де, послѣдовать согласно п. III правилъ, потому что «продолжительность опыта тамъ не опредѣляется, такъ что если кто-нибудь въ самое короткое время успѣлъ убѣдиться въ недостаткѣ тѣхъ или другихъ правилъ, онъ уже имѣетъ право высказать о нихъ свое мнѣніе». Исходя изъ этого, Щегловъ находилъ, что и самъ остается въ рамкахъ закона, обсуждая «временныя правила», недостатки которыхъ обнаружились уже на мѣсячномъ опытѣ...

А въ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ п. III. Что такое «спеціальныя ученыя разсужденія»? Какъ пони-

[1]) *И. Усовъ*, н. с., 156.
[2]) „Сѣверная Почта" 1865 г., № 263.

мать эти въ высшей степени неудовлетворительныя опредѣленія какой бы то ни было критики? Очевидно, предоставленъ слишкомъ большой просторъ усмотрѣнію цензора. Далѣе. Цензора уже предъявляютъ требованіе, чтобы подъ опытомъ понималось общее убѣжденіе въ неудовлетворительности того или иного закона. Но «если литература будетъ осуждена на критику постановленій, недостатки которыхъ понятны всѣми безъ исключенія, роль ея будетъ слишкомъ жалка, и никакой благомыслящій человѣкъ не будетъ въ состояніи путемъ печати предупредить зло, проистекающее отъ несовершенства нашихъ постановленій».

Пунктъ IV, по мнѣнію Щеглова, былъ просто какимъ-то недоразумѣніемъ и «долженъ быть понимаемъ какимъ-нибудь особеннымъ образомъ, т. е. нуждается въ объясненіи». Термины «соціализмъ» и «коммунизмъ» въ п. II тоже нуждались бы въ объясненіяхъ. «Соціалистическими стремленіями одни называютъ такія стремленія, которыя, кромѣ абсурдовъ, ничего не содержатъ. Но есть и такіе соціалисты, которые за свои сочиненія избраны членами французскаго института въ академію наукъ нравственныхъ и политическихъ»... Относительно п. VI Щегловъ находилъ, что карать изданіе за уже напечатанное съ разрѣшенія цензуры значитъ привлекать къ нему особенное вниманіе. «Когда «Парусъ» былъ запрещенъ, то номера его, которые уже успѣли проникнуть въ публику, продавались по неслыханнымъ цѣнамъ». Карать же за представляемое лишь въ цензуру значитъ не понимать назначенія самаго ея существованія. «Если бы цензурное управленіе было увѣрено, что всѣ статьи, представляемыя въ цензуру, не имѣютъ ничего противнаго ея условіямъ, то цензорамъ нечего было бы и читать ихъ; цензура существуетъ только для статей, противныхъ правиламъ о дѣлахъ книгопечатанія»... Словомъ, сторонникъ «береговъ благоразумной свободы», Щегловъ не оставилъ безъ критики не одинъ пунктъ [1]).

Теперь предоставимъ слово обоимъ министрамъ.

«Въ іюльской [2]) книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» — писалъ Валуевъ Головнину — обращаетъ на себя вниманіе

[1]) „Библіотека для Чтенія", 1862 г., VI, „Временныя правила по дѣламъ книгопечатанія".

[2]) Ошибка — въ іюньской.

статья Д. Щеглова: «Временныя правила по дѣламъ книгопечатанія». Авторъ подвергаетъ своей критикѣ эти, недавно высочайше утвержденныя правила, доказывая, что они или недовольно опредѣлительны, или ложны, или стѣснительны, или, наконецъ, приведутъ къ результатамъ, совершенно противоположнымъ ихъ цѣли, и будутъ имѣть вредныя послѣдствія. Онъ полагаетъ, между прочимъ, что всякій человѣкъ, убѣдившись на опытѣ въ недостаткахъ какого-нибудь постановленія, имѣетъ право печатно критиковать это постановленіе, будь онъ ученый или неученый, и какъ бы ни былъ коротокъ его опытъ (стр. 218). Исказивъ, такимъ образомъ, смыслъ III пункта правилъ, авторъ пользуется извращеннымъ имъ рѣшеніемъ для выраженія своего мнѣнія о новомъ постановленіи. Мнѣніе это сводится къ тому, что, приведенныя имъ статьи правилъ должны быть отмѣнены; что должна быть допущена «полная свобода въ обсужденіи всякихъ вопросовъ», «возможность какъ излагать, такъ и опровергать во всей полнотѣ» (стр. 225) какія-бы то ни было вредныя ученія; что періодическія изданія не должны быть запрещаемы, и что замѣна предупредительной системы цензуры карательною послужитъ вѣрнѣйшимъ средствомъ къ достиженію желаннаго правительствомъ результата въ дѣлахъ книгопечатанія (стр. 226—228).

«Соображаясь съ буквальнымъ смысломъ пункта III временныхъ цензурныхъ правилъ, я нахожу, что статья Щеглова не принадлежитъ къ числу спеціальныхъ, ученыхъ разсужденій, и, касаясь вновь изданнаго закона, недостатковъ котораго опытъ не могъ еще выказать, неправильно допущена къ напечатанію, и что дѣйствіе цензоровъ, пропустившихъ эту статью, противно какъ приведенному III пункту, такъ и пункту I правилъ, предписывающему охранять атрибуты верховной власти, въ числѣ которыхъ одинъ изъ важнѣйшихъ есть изданіе законовъ, безусловно обязательныхъ и не подлежащихъ никакому противорѣчію или осужденію. Вина цензоровъ въ этомъ случаѣ усугубляется тѣмъ, что они дозволили публичное осужденіе въ частномъ изданіи постановленія, только что даннаго имъ самимъ въ руководство отъ высшаго правительства.

«Имѣю честь сообщить о семъ вашему превосходительству на благоусмотрѣніе».

Очень любопытенъ отвѣтъ Головнина, рисующій его съ точки зрѣнія инспирированія.

«Вслѣдствіе отношенія вашего превосходительства отъ 24 іюля, № 389, считаю нужнымъ увѣдомить, что статья г. Щеглова, «О временныхъ правилахъ по дѣламъ книгопечатанія», разрѣшена къ печатанію не кѣмъ-либо изъ цензоровъ, а собственно *мною*, по слѣдующимъ соображеніямъ:

«1) Въ этой статьѣ, тономъ весьма приличнымъ, разбираются временныя правила, вслѣдствіе того, что въ самыхъ этитъ правилахъ дозволены подобныя разсужденія, хотя, впрочемъ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора о недостаткахъ этихъ правилъ.

«2) Дабы выставить ошибочность его взгляда по сему предмету, г. цензоръ Постниковъ, *по распоряженію моему*, написалъ прекрасную статью въ возраженіе г. Щеглову, и возраженіе сіе было немедленно напечатано въ періодическихъ изданіяхъ, болѣе распространенныхъ, чѣмъ тотъ журналъ, въ которомъ напечатана статья г. Щеглова.

«3) Запрещеніе статьи сего послѣдняго произвело бы болѣе вреда, чѣмъ напечатаніе оной, сопровождаемое опроверженіемъ; ибо статья г. Щеглова разошлась бы въ видѣ рукописи, съ ложною мыслью, что такъ какъ невозможно доказать достоинства временныхъ правилъ, то составители ихъ запрещаютъ критику оныхъ.

«4) Статья г. Щеглова, вызвавшая опроверженіе г. Постникова, послужила приличнымъ поводомъ къ разъясненію настоящаго смысла временныхъ правилъ, которыя составляютъ важный шагъ къ большему простору печатнаго слова (!?); ибо этими правилами разрѣшается печатать разсужденія, которыя положительно воспрещались уставомъ 1828 года [1]).

«Въ заключеніе, я долженъ сказать, что статья г. Щеглова никакъ не противна пункту І-му временныхъ правилъ,

[1]) Не этимъ-ли словамъ повѣрилъ Усовъ, дѣлая оцѣнку „временныхъ" правилъ!? Кстати, эти два документа заимствованы имъ изъ нижеуказаннаго мною источника въ свои „*Мои* (?) воспоминанія" полныя до верху перепечатками безъ всякаго указанія на неофиціальные и потому публикѣ мало извѣстные источники. (См. „Историч. Вѣстникъ", 1883 г., III, 526—528).

охраняющему атрибуты верховной власти, въ числѣ которыхъ одинъ изъ важнѣйшихъ есть изданіе законовъ. Въ этой статьѣ вовсе не отрицается подобное право; но вслѣдствіе дозволенія, тою же верховною властью даннаго, разбирается законъ, который, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ имѣть свои недостатки. Все, что можно сказать въ настоящемъ случаѣ, есть только то, что авторъ ошибается въ указаніи недостатковъ, и эта ошибка была востановлена въ благонамѣренной (!) статьѣ г. Постникова. Подобныя благонамѣренныя опроверженія я съ своей стороны признаю въ нѣкоторыхъ случаяхъ полезнѣе простого запрещенія»[1].

«Прекрасная», «благонамѣренная» статья, написанная по приказанію Головнина, удивила всѣхъ своею безсодержательностью и беззастѣнчивостью, а напечатана была въ органѣ Валуева—«Сѣверной Почтѣ». Вотъ ея конецъ, въ которомъ есть хоть какой-нибудь смыслъ:

«Правительству необходимо знать всѣхъ, являющихся въ печати на судъ общественнаго мнѣнія для того, чтобы имѣть въ виду какъ тѣхъ лицъ, которыя отличаются сужденіями основательными, благонамѣренными и глубокими познаніями въ той отрасли наукъ, которой они себя посвятили, такъ и тѣхъ писателей, которые заявили вредное для общества направленіе своей дѣятельности, дабы предохранить общество отъ сихъ послѣднихъ было бы непростительнымъ упущеніемъ со стороны правительства, еслибъ оно не старалось узнать лицъ, владѣющихъ перомъ, орудіемъ, которое въ настоящее время пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе силы и значенія и, къ несчастію, легко можетъ быть направляемо ко вреду всѣхъ и каждаго.

«Что же касается до послѣдняго замѣчанія автора (Щеглова — *М. Л.*), относительно предоставленія министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ права, по взаимному ихъ соглашенію, останавливать изданіе журналовъ съ вреднымъ направленіемъ, то правительству по поводу сихъ журналовъ предстояла слѣдующая дилемма: или усилить строгость цензурныхъ правилъ до такой степени, чтобъ цензура была въ состояніи перемѣнить цѣлое направленіе жур-

[1] „Разная переписка по министерству народ. просвѣщенія въ 1862, 1863 и 1864 гг.“. Спб., 1864 г., 10—12. Курсивъ подлинника.

наловъ, а не довольствовалась только исключеніемъ нѣкоторыхъ рѣзкостей и крайностей, или же ограничиться воспрещеніемъ на нѣкоторое время одного или двухъ журналовъ, признаваемыхъ въ данную минуту вредными, и, не усиливая строгости вообще и не распространяя ея на всѣ прочія изданія, предоставить этимъ изданіямъ слѣдовать прежнимъ ихъ самостоятельнымъ убѣжденіямъ и принципамъ. Правительство предпочло остановиться на второй части диллемы, и каждый согласится, что избранный имъ путь гораздо выгоднѣе для литературы» [1]).

Могъ-ли Валуевъ не остаться доволенъ такимъ отвѣтомъ? Очевидно, весь инцидентъ на этомъ и кончился, если не считать полную невозможность для журналистики обсуждать «временныя» правила...

IX.

Пріостановка „Современника" и „Русскаго Слова". Воспрещеніе Аксакову продолжать изданіе „Дня". Его скорая отмѣна. Письмо Ѳ. В. Чижова Головнину. Закрытіе II отдѣленія Литературнаго Фонда и Шахматнаго клуба.

Теперь мы возвратимся немного назадъ.

Упоминаемые Постниковымъ «одинъ или два журнала», дѣйствительно, были на время запрещены. Такими козлами отпущенія литературныхъ прегрѣшеній оказались, разумѣется, «Современникъ» и «Русское Слово», 19-го іюня пріостановленные на 8 мѣсяцевъ.

По этому поводу находимъ не лишенныя интереса строки въ трудѣ г. Татищева: «Высочайше утвержденной слѣдственной комиссіи не удалось открыть поджигателей, непосредственныхъ виновниковъ пожаровъ, но дознаніемъ обнаружено вредное направленіе ученія, прямо даваемаго литераторами и студентами мастеровымъ и фабричнымъ въ воскресныхъ школахъ, въ большомъ числѣ открытыхъ за послѣдніе два года въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ

[1]) „Сѣв. Почта", 1862 г., № 150.

имперіи, по частному почину, безъ всякаго за ними правительственнаго надзора; выяснены также сношенія съ лондонскими эмигрантами многихъ сотрудниковъ нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ журналовъ, а потому высочайше повелѣно: всѣ воскресныя школы закрыть впредь до пересмотра положенія о нихъ, а изданіе журналовъ «Современникъ» и «Русское Слово» пріостановить на 8 мѣсяцевъ. Тогда же учреждена при III отдѣленіи Соб. Е. И. В. канцеляріи особая коммиссія для розысканія виновныхъ въ составленіи подметныхъ листовъ и другихъ революціонныхъ изданій. По распоряженію ея, арестовано нѣсколько лицъ, въ числѣ ихъ и вліятельнѣйшій изъ писателей такъ называемаго передового направленія, Чернышевскій,—которые и преданы суду правительствующаго сената» [1]).

Не надо распространяться о томъ впечатлѣніи, которое произвела эта мѣра на лучшую часть общества. «Современникъ» и «Русское Слово» были единственными тогда вполнѣ передовыми журналами, вѣрными своей нелегкой обязанности... Даже офиціальный источникъ, вовсе не расположенный придавать имъ серьезное значеніе, говоритъ: обнаружилось «нѣкоторое раздраженіе и безпокойство въ прессѣ вслѣдствіе пріостановленія двухъ изданій («Современникъ» и «Рус. Слово»), такъ, что и самая цензура не всегда имѣла возможность отклонить все, что писалось объ этомъ предметѣ для всѣхъ столь извѣстномъ» [2]).

Но 19-е іюня принесло и еще одну серьезную кару:

«Вслѣдствіе донесеній московскаго цензурнаго комитета о неисполненіи редакторомъ газеты «День», отставнымъ надворнымъ совѣтникомъ Аксаковымъ, цензурныхъ правилъ состоялось, по докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, высочайшее Государя Императора повелѣніе о лишеніи г. Аксакова права на изданіе газеты. Во исполненіе сей высочайшей воли, г. московскій военный

---

[1]) „Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе“, I, 400. Кромѣ нѣсколькихъ строкъ, г. Татищевъ вообще ничего не далъ объ эпохѣ цензурныхъ реформъ, что составляетъ, несомнѣнно, серьезный пробѣлъ въ его трудѣ.

[2]) „Краткій обзоръ etc“, 9. Ниже мы познакомимся съ статьей объ этомъ „Отечественныхъ Записокъ“.

генералъ-губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе о воспрещеніи г. Аксакову продолжать помянутое изданіе» [1]).

Просматривая письма И. С. за 1862 годъ, ясно видно, въ какіе тиски поставилъ его Головнинъ, очень часто недовольный статьями «Дня», особенно о свободѣ печати— о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Аксаковъ поминутно тревожилъ министерство: то вдругъ возьметъ да и поставитъ въ черной рамкѣ сообщеніе о томъ, что передовая статья не можетъ быть напечатана «по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ»[2]), то добьется разрѣшенія рѣзкой статьи черезъ графиню А. Д. Блудову, то еще что-нибудь... Головнинъ же то и дѣло предписывалъ московской цензурѣ: «черкайте и марайте безъ зазрѣнія: непріятности могутъ быть только за то, что пропущено, и никогда за то, что не пропущено» [3]). Въ концѣ концовъ Головнинъ сталъ представлять государю нѣкоторыя статьи «Дня», непропущенныя въ Москвѣ и присланныя ему оттуда, по настоянію Аксакова. «Петербургскій Цензоръ», какъ называлъ государя Аксаковъ, оказался гораздо либеральнѣе московскихъ цензоровъ и министра, чѣмъ повергалъ Головнина въ немалое огорченіе [4]). Но, всетаки, послѣднему удалось достичь своего.

Вотъ докладъ Головнина государю 3 іюня:

«Вашему Императорскому Величеству благоугодно было на одномъ извлеченіи изъ газетъ, противъ статьи о духовенствѣ въ западныхъ губерніяхъ, напечатанной въ журналѣ «День», отмѣтить: «кто написалъ?» Вопросъ сей былъ переданъ мною предсѣдателю московскаго цензурнаго комитета, который отвѣчалъ, что редакторъ журнала, Аксаковъ отказывается объявить имя автора. Тогда я вторично предписалъ т. с. Щербинину объяснить Аксакову, что, на основаніи ст. 61 уст. ценз.. онъ обязанъ исполнить помянутое требованіе.

«Получивъ нынѣ объясненіе, поданное по сему предмету Аксаковымъ въ комитетъ, считаю долгомъ всеподданнѣйше

---

[1]) „Сѣв. Почта“ 1862 г., № 132.

[2]) № 17 и другіе.

[3]) „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, Спб., 1896 г., ч. II, т. IV, 239.

[4]) Ibidem 243, 251, 252, 253.

представить оное В. И. В., испрашивая повелѣніе: 1) объявить Аксакову, въ присутствіи московскаго цензурнаго комитета, чрезъ предсѣдателя, строгій выговоръ за неисполненіе цензурныхъ правилъ и 2) обязать его подпиской представлять впредь статьи въ цензуру не иначе, какъ сообщая одновременно имя автора, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, лишиться права на изданіе журнала».

4 іюня государь положилъ резолюцію: «Этого недостаточно. Объявить ему, что онъ долженъ немедленно исполнить мою волю, на законѣ основанную и для всѣхъ редакторовъ равно обязательномъ, въ противномъ же случаѣ лишить его права на изданіе журнала. Сообщить ему мою замѣтку о понятіи его о чести».

15 іюня Головнинъ уже увѣдомлялъ Валуева и кн. Долгорукова о лишеніи Аксакова права издавать «День» [1]...

Въ августѣ уже Головнинъ, очевидно, по приказанію государя, писалъ предсѣдателю московскаго цензурнаго комитета: «Въ отвѣтъ на представленіе в. пр-ва за № 305, имѣю честь увѣдомить, что, получивъ лично отъ г. Самарина удостовѣреніе въ томъ, что онъ по временамъ будетъ пріѣзжать въ Москву для руководства изданія газеты «День», я не встрѣчаю никакого препятствія къ передачѣ ему нынѣ же редакціи этой газеты и возобновленія выхода оной въ свѣтъ съ тѣмъ, чтобы, въ случаяхъ отсутствія г. Самарина изъ Москвы, для необходимыхъ объясненій съ цензурнымъ комитетомъ приглашались главные сотрудники редакціи, не исключая г. Аксакова» [2].

1 сентября «День» возобновился, но уже безъ подписи И. С. (да и безъ всякой другой), въ качествѣ редактора-издателя, а съ новаго года все пошло и совсѣмъ по прежнему. Головнинъ только послалъ для спеціальной цензуры «Дня» «такого гуся, назначеніе котораго почти равносильно запрещенію» [3].

Не могу не познакомить читателей съ прекраснымъ письмомъ Ѳ. В. Чижова Головнину, неутвердившему его редакторомъ «Дня», послѣ запрещенія послѣдняго. Умный

---

[1]) „Цензурныя дѣла, etc.“, № 2, л.л. 149—151.
[2]) Ibidem, № 17.
[3]) „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, ч. II, т. IV, 75.

Чижовъ зналъ, какъ отвѣтить «тонко воспитанному» министру:

«Вашему превосходительству угодно было не признать возможнымъ утвердить меня редакторомъ газеты «День», безъ указанія повода такой невозможности.

«Какъ редакторъ журнала и газеты не заподозрѣнныхъ ни однимъ изъ вашихъ предшественниковъ въ неблагонамѣренности [1]; какъ писатель, которому правительство предлагало изданіе газеты, долженствовавшей замѣнить запрещенную тогда газету «Парусъ» [2], я имѣлъ право надѣяться, что мнѣ не можетъ быть препятствій сдѣлаться редакторомъ «Дня».

«Но привыкши уважать законность во всѣхъ ея явленіяхъ, даже и въ тѣхъ, гдѣ она ограничивается одною юридическою внѣшностью правды, я безропотно снесъ бы неуваженіе ваше къ правамъ редактора и писателя, еслибъ при настоящихъ обстоятельствахъ, весьма грустныхъ для всякаго русскаго, молчаніе мое не могло быть объяснено опасеніемъ съ моей стороны, что я дѣйствительно навлекъ на себя подозрѣніе правительства въ неблагонамѣренности. Не скрою отъ вашего высокопревосходительства, что я ни на минуту не могъ унизить себя такимъ опасеніемъ и потому собственно съ покорностью принялъ лаконизмъ вашего непризнанія возможности утвердить меня редакторомъ «Дня».

---

[1]) „Вѣстникъ Промышленности“ и „Акціонеръ“.

[2]) Извѣстно, что кн. А. М. Горчаковъ нашелъ запрещеніе „Паруса“ несвоевременнымъ, когда ввозъ его воспретили въ Австріи и когда наша политика диктовала дорожить сочувствіемъ славянъ. По приказанію государя, Ковалевскій сейчасъ же обратился къ Кошелеву, а затѣмъ, за отказомъ его, къ Чижову, съ предложеніемъ продолжать изданіе центральнаго органа славянской мысли, но подъ другимъ названіемъ, хотя на счетъ Аксакова, на его трудъ и неофиціальную редакцію. Чижова просили только дать имя на газету. Потомъ, благодаря вмѣшательству въ это, было, уже сладившееся дѣло, намѣстника царства Польскаго, другого кн. Горчакова, все разстроилось („И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, ч. II, т. IV, 19—20). Объ исторіи „Паруса“ и „Парохода“ обыкновенно говорятъ со словъ самого Аксакова или г. Барсукова, приведшаго по этому поводу много интересныхъ данныхъ; но не слѣдуетъ забывать и то знаменательное письмо, которое Чижовъ получилъ отъ Ковалевскаго (см. „Колоколъ“ 1859 г., № 45, 15 іюля): оно очень важно.

«Въ былыя довольно жесткія времена, высокая образованность министра народнаго просвѣщенія графа Уварова [1]) умѣла смягчить всякую рѣзкость времени и избаловала насъ, писателей той поры, учтивостью тона, самому произволу дававшаго видъ законной причины. Образованные люди не могли не исполнять требованій чуть-чуть не азбуки образованности. Даже и не въ такихъ сношеніяхъ, наши съ вами отцы и дѣды, взросшіе на всей безцеремонности крѣпостного права, не позволяли себѣ отказывать въ просьбѣ своему старостѣ, не показывая причины. Даже, еще ступенью ниже, уголовному преступнику не иначе отказывалось въ просьбѣ, какъ съ указаніемъ причины отказа. Вашему высокопревосходительству не угодно почтить писателя, необъявленнаго преступникомъ, указаніемъ того, почему онъ лишается права быть дѣятелемъ на томъ или другомъ поприщѣ. Вашему высокопревосходительству угодно показать скорость и необдуманность общей нашей радости о томъ, что будто бы съ уничтоженіемъ юридическаго существованія крѣпостныхъ отношеній они уничтожились въ понятіяхъ и дѣйствіяхъ нашего такъ называемаго передового общества.

«Глубоко чтя законность, покоряюсь такому, непривычному даже и для насъ, ея проявленію, которое дошло до такой степени простоты, что цензурный комитетъ до сихъ поръ не удостоилъ меня, одного изъ просителей, даже объявленія объ отказѣ на мою просьбу. Я узналъ объ немъ недавно, и то уже только отъ Аксакова.

«Съ чувствомъ должнаго уваженія честь имѣю быть вашего высокопревосходительства покорный слуга

Ѳедоръ Чижовъ» [2]).

Но карой трехъ изданій репрессіи на литературную среду не ограничились. Литература понесла пораженія даже въ томъ арріергардѣ своихъ силъ, который широкой публикѣ не былъ хорошо извѣстенъ: 14-го іюня высочайшимъ повелѣніемъ закрыто было только что основанное при «Литератур-

---

[1]) Сравненія съ Уваровымъ Головнинъ всегда очень боялся.

[2]) „Рус. Архивъ“, 1883 г., III. Редакція напечатала это письмо, при жизни Головнина, какъ „письмо къ одному изъ сановниковъ“, но самое содержаніе письма ясно говоритъ, что оно послано именно Головнину.

номъ Фондѣ» отдѣленіе для учащейся молодежи: состоящее подъ предсѣдательствомъ сенатора Ег. П. Ковалевскаго, оно сочтено было за тайное общество. Такая-же участь постигла «Шахматный клубъ»—единственное мѣсто, гдѣ офиціально собирались писатели прогрессивнаго направленія.

Объ этихъ двухъ событіяхъ разсказываетъ кое-что интересное, между прочимъ, Л. Ѳ. Пантелѣевъ.

«Одновременно съ устройствомъ публичныхъ лекцій въ студенческомъ комитетѣ явилась мысль о какой-нибудь организаціи, которая, съ одной стороны, при закрытіи университета поддержала бы расплывавшееся студенчество, а съ другой—придала бы благотворительной дѣятельности болѣе широкій и гласный характеръ. Остановились на соображеніи устроить Общество вспоможенія учащейся молодежи. Такъ какъ тогда нельзя было и думать, что разрѣшатъ независимое общество, то кому-то пришло на умъ попытаться провести его подъ флагомъ Литературнаго Фонда. Позондировали почву; предсѣдатель комитета Фонда, кн. Щербатовъ, отнесся весьма сочувственно, также и другіе члены, напримѣръ, Кавелинъ. Составили проектъ: по нему связь съ Фондомъ была чисто титулярной; отдѣленіе должно было имѣть особыхъ членовъ (5 р. взносъ), свой комитетъ и свое бюро. Головнинъ сначала отнесся сочувственно, но потомъ сталъ предъявлять требованіе нѣкоторыхъ существенныхъ измѣненій,—такъ онъ былъ противъ отдѣльнаго бюро.—«Да зачѣмъ вамъ нуженъ особый предсѣдатель»?—«Мы хотимъ имѣть предсѣдателемъ Егора Петровича Ковалевскаго, а онъ въ этомъ году не состоитъ членомъ комитета Фонда».—Дѣло, видимо, затормозилось, и казалось, что ничего не выйдетъ. Но вотъ послѣ 18-го марта оставался на рукахъ адресъ къ министру народнаго просвѣщенія. Разъ собрались, чтобы рѣшить, двигать-ли его (т. е. подать министру), или оставить, такъ какъ подписей не набралось и тысячи, а горячее время уже прошло. Споримъ; вдругъ входитъ Чернышевскій, который никогда не бывалъ на нашихъ собраніяхъ, и никто изъ насъ, кромѣ Утина, лично его не зналъ. Дѣло происходило на квартирѣ Утина.

«—А я къ вамъ на минутку, Ник. Исаковичъ; извините господа, вы, кажется, заняты и я, можетъ-быть, помѣ-

шалъ вамъ». Однако присѣлъ и умѣло освѣдомился о причинѣ нашего собранія. «Вы, господа,—революціонеры, прямо скажу, ужасные вы революціонеры. А знаете-ли Сергѣй Ивановичъ,—неожиданно обратившись къ студенту Ламанскому,—продолжалъ Чернышевскій,—кто первый революціонеръ въ Россіи? Да, вѣдь, это—вашъ братецъ Евгеній Ивановичъ: посмотрите, каждый день печатаетъ какую-нибудь прокламацію, то 4% непрерывно—доходные, то 5% банковые билеты, то металлики». А затѣмъ Чернышевскій сталъ насъ отговаривать отъ подачи адреса,—его даже не приметъ министръ. Если вы откажетесь отъ адреса, то могу вамъ навѣрное сказать, что будетъ разрѣшено II-е отдѣленіе. Передъ авторитетомъ Чернышевскаго скоро умолкли даже самые горячіе протестанты. И, дѣйствительно, черезъ короткое время отдѣленіе было разрѣшено. Кругъ дѣятельности его, по уставу, распространялся на всю Россію и на всякаго рода учащуюся молодежь, причемъ она сама могла входить въ качествѣ членовъ въ составъ общества. Изъ членовъ комитета помню: предсѣдатель—Е. П. Ковалевскій [1]), члены: Н. А. Серно-Соловьевичъ, М. С. Гулевичъ, И. Утинъ, Е. П. Печаткинъ, Н. Г. Корсини, М. А. Богданова; тоже и я былъ членомъ комитета. Отдѣленіе просуществовало очень недолго; оно было закрыто послѣ майскихъ пожаровъ. Когда Е. П. Ковалевскій получилъ бумагу о закрытіи отдѣленія, онъ собралъ комитетъ и держалъ такую рѣчь: «Не думалъ я, господа, что на старости лѣтъ окажусь во главѣ тайнаго общества». «Что вы, что вы, Егоръ Петровичъ, да развѣ тайное общество устроилось бы съ гласнымъ комитетомъ и такимъ же спискомъ членовъ. — это только пустой предлогъ». —«И я тоже думаю»,—добродушно отвѣчалъ Егоръ Петровичъ. Расходясь, комитетъ, по предложенію Серно-Соловьевича, сдѣлалъ постановленіе о выраженіи Е. П. глубочайшей признательности за его всегда отзывчивое и сердечное отношеніе къ нуждамъ учащейся молодежи» [2]).

А вотъ что тамъ же находимъ о Шахматномъ клубѣ:

---

[1]) Братъ бывшаго министра просвѣщенія, одно время директоръ департамента азіатскихъ дѣлъ при Горчаковѣ, въ то время сенаторъ.

[2]) „Изъ воспоминаній студенческаго времени". „Рус. Вѣдомости", 1903 г., № 244.

«Зимой 1862 г. открылся въ Петербургѣ шахматный клубъ, и весной я часто въ немъ бывалъ, хотя и не состоялъ членомъ, но это было удобное мѣсто для нѣкоторыхъ свиданій. Кто былъ его офиціальнымъ инціаторомъ, не знаю, но несомнѣнно, что подъ флагомъ шахматъ была сдѣлана попытка устроить литературный клубъ [1]). Онъ имѣлъ очень хорошее помѣщеніе, помнится, въ домѣ Руадзе. Чтобы поддержать новое дѣтище, Чернышевскій, въ извѣстные дни, весьма усердно посѣщалъ его и всегда имѣлъ передъ собой столикъ съ шахматами; къ нему подсаживались два-три человѣка, и обыкновенно Чернышевскій разсказывалъ какіе-нибудь невинные анекдоты. Но вотъ приходитъ Н. А. Серно-Соловьевичъ, только что передъ тѣмъ открывшій книжный магазинъ и начавшій издательство. Въ то же время онъ со всею страстью отдался «Землѣ и Волѣ», однимъ изъ основателей которой и былъ. С.-Соловьевичъ за столикъ не усаживался, а, обойдя всѣ комнаты, находилъ нужное лицо и погружался съ нимъ въ уединенный разговоръ. Литературный міръ тогда былъ невеликъ, къ тому же распадался на обособленные кружки, мало сходившіеся, потому въ шахматномъ клубѣ вѣчно царила пустота; только въ буфетѣ иногда раздавались возбужденные голоса В. Курочкина, Кроля, Помяловскаго, Воронова и тому подобной братіи. Клубъ былъ на волосокъ отъ естественной смерти, какъ вдругъ послѣ пожаровъ удостоился чести быть закрытымъ. Закрытіе его было мотивировано такъ: «въ немъ происходили и изъ него исходили *неосновательныя* сужденія» [2]).

Мнѣ кажется, что почтенный авторъ здѣсь немного заблуждается. По словамъ другихъ современниковъ, клубъ вовсе не дышалъ на ладонъ, и, если посѣщаемость его съ

---

[1]) Тутъ кое-что требуетъ измѣненій, кое-что дополненій. Шахматный клубъ существовалъ еще раньше, затѣмъ закрылся, а въ 1861 году былъ открытъ вновь, благодаря гр. Г. А. Кушелеву-Безбородко. Туда входили люди очень разнообразныхъ тоновъ, но одного и того-же цвѣта. Исключенія были очень немногочисленны. При клубѣ существовали библіотека, читальня, столовая и пр. По четвергамъ тамъ происходили очень оживленныя собранія, на которыя являлись и тѣ люди изъ общества и бюрократіи, которые искренно сочувствовали вѣяніямъ новаго времени. Карточная игра почти не существовала; шахматы были въ ходу.

[2]) Ibidem.

весны нѣсколько ослабѣла, то это произошло просто потому, что литераторы хотѣли оставить его въ сторонѣ отъ многаго, происходившаго въ апрѣлѣ и маѣ въ общественной жизни, дорожа возможностью хоть гдѣ-нибудь собираться для взаимнаго общенія. Когда, послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ за общими обѣдами, петербургскій корреспондентъ «Нашего Времени» обратилъ вниманіе администраціи на шахматный клубъ,—такое рѣшеніе пріобрѣло довольно много сторонниковъ. Къ этому-то періоду и относятся слова г. Пантелѣева о пустотѣ и т. д. [1]).

8-го іюня было объявлено, что «петербургскій военный генералъ-губернаторъ, считая въ настоящее время своею обязанностью принимать всѣ мѣры къ прекращенію встревоженнаго состоянія умовъ и къ предупрежденію между населеніемъ столицы неимѣющихъ никакого основанія толковъ о современныхъ событіяхъ, призналъ необходимымъ закрыть, впредь до усмотрѣнія, шахматный клубъ, въ которомъ происходятъ и изъ него распространяются тѣ неосновательныя сужденія» [2]).

3-го іюля арестованъ Писаревъ за нелегальный отвѣтъ на вторую брошюру Шедо-Ферроти по адресу Герцена...

Все это, въ связи съ явнымъ господствомъ реакціи и въ другихъ сферахъ общественной жизни, внушало страхъ даже такимъ чужакамъ «шестидесятыхъ годовъ», какимъ былъ Никитенко. «Мысли грозитъ опять застой и угнетеніе—записываетъ онъ, а мыслящимъ людямъ, писателямъ, ученымъ—непріязненныя нападки невѣждъ и ретроградовъ... Въ массѣ надолго подорвано уваженіе къ именамъ ученаго, литератора, студента» [3]).

---

[1]) Нѣкоторыя данныя я беру изъ статьи о закрытіи Шахматнаго клуба, помѣщенной во II томѣ „Сборника статей, недозволенныхъ цензурою въ 1862 г.“, 511—515.

[2]) „Рус. Инвалидъ“ 1862 г., № 126. Въ тотъ-же день, въ „Сѣверной Почтѣ“ былъ опубликованъ приказъ объ увольненіи со службы флигель-адъютантовъ Е. И. В., полковниковъ, братьевъ графовъ Ростовцевыхъ 1-го и 2-го (№ 123). Уволенные, будучи въ Лондонѣ, посѣтили Герцена.

[3]) „Дневникъ“, „Рус. Старина“, 1891 г., II. 357.

X.

Расширеніе иностраннаго отдѣловъ, какъ компенсація за безсодержательность внутренняго. Премированные органы. Докладъ Головиина объ активномъ направительствѣ.

Между тѣмъ, работавшая по обнаруженію причинъ петербургскихъ пожаровъ слѣдственная комиссія должна была чистосердечно сознаться въ полной невозможности винить въ нихъ какую бы то ни было политическую организацію. Когда это стало извѣстно, — «въ значительной части общества сказалась реакція въ противоположномъ направленіи, - точно, стало стыдно за позорное обвиненіе, взведенное на молодежь; всѣ стали открещиваться, произошло нѣчто въ родѣ извѣстной сцены изъ Ревизора» [1]). Сконфуженная часть общества спѣшила выразить свое раскаяніе... Но было поздно... Скоро она снова перебѣжала на другую сторону.

Валуевъ и Головнинъ. не поняли сути этихъ колебаній Видя возрожденіе общества и снова поднявшійся интересъ къ журналистикѣ, они рѣшились на видимое снаружи расширеніе ея правъ и, какъ оказалось, получили еще за это благодарность журналистики...

Состояло оно въ томъ. что газетамъ позволено было расширить отдѣлъ внѣшней политики, чтобы такимъ образомъ лучше замаскировать пустоту внутреннихъ отдѣловъ [2]). На этотъ счетъ очень откровененъ авторъ «Краткаго обозрѣнія». Онъ прямо говоритъ: «Взамѣнъ *ограниченій*, которымъ должна была подчиниться наша литература въ 1862 году [3]), *нельзя было* не предоставить ей большаго простора

---

[1]) *Л. Пантелѣевъ*, н. с. въ сборникѣ „На славномъ посту“, 326.

[2]) Собственно, начало передовыхъ статей по внѣшней политикѣ относится къ январю 1857 г., когда „Сѣв. Пчела“ Булгарина и Греча рискнула пойти на это нововведеніе. За нею послѣдовали другіе органы. Самое-же содержаніе этихъ статей и вообще отдѣловъ, было до курьезности бѣдно и блѣдно. Въ 1858 г. комитетъ министровъ разрѣшилъ ввести такіе отдѣлы „Русскому Міру“, „Русской Газетѣ“, „Остзейскому Вѣстнику“, „Экономическому Указателю“, и „Общезанимательному Вѣстнику“, неимѣвшимъ ихъ въ своей программѣ (См. „Историч. обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, г. III, ч. II, 205).

[3]) Благодаря „временнымъ“ правиламъ, которыя Головнинъ, какъ мы видѣли, публично вовсе не считалъ ограниченіемъ литературы.

въ ея разсужденіяхъ по другимъ предметамъ, такъ какъ наша публика, умственная дѣятельность которой была возбуждена либеральными распоряженіями самого правительства, уже нынѣ не довольствуется чтеніемъ пустыхъ по содержанію статей и ничтожныхъ извѣстій. Во вниманіе къ симъ обстоятельствамъ, политическому заграничному отдѣлу былъ данъ значительный просторъ» [1]).

Но было, оказывается, еще и другое, уже побочное соображеніе при дарованіи такой «льготы». О немъ говоритъ г. Цеэ, хорошо освѣдомленный съ видами Головнина. «При сообщеніи и обсужденіи многихъ фактовъ изъ заграничной жизни, наши русскіе читатели могутъ вполнѣ убѣдиться, что даже за границею, при несравненно высшемъ уровнѣ народнаго образованія, нѣкоторыя правительства по разнымъ вопросамъ внутренней политики дѣйствуютъ менѣе либерально, чѣмъ это дѣлается у насъ, и что реформы идутъ тамъ медленно и постепенно, а въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ, напримѣръ, въ Австріи, Италіи и Турціи, внутренніе раздоры и волненія, продолжающіеся нѣсколько лѣтъ, не даютъ возможности итти тѣмъ прогрессивнымъ путемъ, которымъ въ послѣднее время шло наше отечество» [2]).

Конечно, вводя «свободу» въ новый отдѣлъ, Головнинъ не преминулъ освѣдомить редакціи, чтобы онѣ «при описаніи государственныхъ переворотовъ, сколько возможно ограничивались одними фактами, безъ изъявленія особеннаго сочувствія стремленіямъ и успѣхамъ партій или лицъ, возстающихъ противъ законныхъ правительствъ, безъ осужденія сихъ послѣднихъ и изъявленія удовольствія въ виду ихъ паденія». «Не слѣдуетъ также допускать такихъ разсужденій о политическихъ формахъ правленія, которыми прямо или косвенно доказывается преимущество конституціонныхъ или ограниченныхъ правленій предъ монархическимъ самодержавнымъ; толковъ народныхъ о сословныхъ правахъ, сближеніе которыхъ съ существующими въ Россіи могло бы повести къ неблагопріятнымъ для нашей страны заключеніямъ, ученій и теорій о правахъ каждой національности

[1]) „Краткое обозрѣніе направленія періодическихъ изданій и газетъ и отзывовъ ихъ по важнѣйшимъ правительственнымъ и другимъ вопросамъ за 1862 г.“, Спб., 1862 г., 9—10.

[2]) *П. Усовъ*, н. с. „Вѣстникъ Европы“, VI, 593.

на самобытное гражданское существованіе, о равенствѣ правъ всѣхъ сословій въ государствѣ, о правѣ рабочихъ классовъ на равное съ фабрикантами и капиталистами участіе въ заработкахъ и т. п. соціальныхъ предметахъ, несообразныхъ съ нашимъ государственнымъ и общественнымъ устройствомъ; разборовъ существующихъ международныхъ договоровъ и трактатовъ, признанныхъ нашимъ правительствомъ и еще неподвергавшихся пересмотру, сужденій, порицающихъ исторически и законно установившіяся права разныхъ правительствъ и международныя отношенія» [1]).

Но составленіе «болѣе широкихъ» иностранныхъ отдѣловъ было немыслимо безъ иностранныхъ газетъ, не побывавшихъ въ рукахъ почтовой цензуры, почти сплошь ихъ чернившей, а потому 13 августа Головнинъ писалъ въ почтовый департаментъ: «Государь императоръ, по всепод. докладу моему о просвѣщенномъ направленіи нѣкоторыхъ нашихъ періодическихъ изданій и неоспоримомъ талантѣ редакторовъ ихъ, высочайше соизволилъ разрѣшить въ Москвѣ: редактору журнала «Русскій Вѣстникъ» и современной при немъ лѣтописи, М. Каткову, участнику въ этомъ изданіи П. Леонтьеву, и редактору газеты «Наше Время», Н. Павлову, а въ С.-Петербургѣ редакторамъ; «Отечественныхъ Записокъ» А. Краевскому, «Сѣверной Пчелы» П. Усову и «Сына Отечества» А. Старчевскому, — получать безъ цензуры выходящія за границею на русскомъ и иностранныхъ языкахъ всякія книги, брошюры и періодическія изданія, въ увѣренности, что означенные редакторы воспользуются этимъ дозволеніемъ, чтобы, согласно ихъ убѣжденіямъ, опровергать тѣ ученія, которыя они признаютъ ложными, и которыя, проникая тайными путями въ Россію и оставаясь безъ возраженій, имѣютъ вредное вліяніе на людей молодыхъ и недоучившихся» [2]). Заарендовавшій съ 1 января

---

[1]) Циркуляръ этотъ являлся буквальной копіей съ мнѣнія комитета 1861 года (см. „Записку Берте“, 37.).

[2]) „Цензурныя дѣла etc.“, № 2, л. 160. До 13 августа не только книгъ и брошюръ, а тѣмъ болѣе еще и на русскомъ языкѣ, но даже и иностранныхъ газетъ, никто, кромѣ „Journal de St. Pétersbourg“, получать не могъ, если не считать особаго исключенія, сдѣланнаго въ свое время Гречу, какъ издателю всегда „благонамѣренной“

1863 года «С.-Петербургскія Вѣдомости». В. Ѳ. Коршъ былъ присоединенъ къ этой шестеркѣ. Такимъ образомъ, дѣйствительно, гарантировалось точное исполненіе головнинскаго циркуляра [1])...

Читая предыдущее отношеніе къ почтъ-директору, видимъ еще новая нотка, которая, пожалуй, не совсѣмъ ясна для читателей. Дѣло въ томъ, что, слѣдуя всегдашней своей системѣ, Валуевъ и Головнинъ, каждую льготу печати сопровождали комментаріями, публикѣ уже неизвѣстными. Такъ было и въ данномъ случѣ. 15 іюля Валуевъ читалъ въ совѣтѣ министровъ свою записку «о неблагонамѣренномъ направленіи значительнѣйшей части нашей литературы и неосновательности сужденій, произносимыхъ въ публикѣ на счетъ дѣйствій и распоряженій правительства».

Очевидно, рѣчь шла о «распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ» самаго послѣдняго времени. Результатомъ совѣщанія было предписаніе по цензурному вѣдомству 31 іюля о томъ, что «для устраненія, по мѣрѣ возможности, проистекающихъ отъ того и другого (направленій литературы и неосновательности сужденій въ публикѣ) неблагопріятныхъ послѣдствій, надлежало бы распространять въ печати точныя свѣдѣнія о принятыхъ по разнымъ вѣдомствамъ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, общеполезныхъ законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ и противодѣйствовать печатными статьями, написанными въ благонамѣренномъ духѣ, вліянію статей, болѣе или менѣе явно направленныхъ противъ правительства». «Въ отношеніи къ способамъ практическаго примѣненія къ дѣлу вышеозначенной общей мысли, прини-

---

„Сѣв. Пчелы". Любопытно, что Головнинъ, доводя до свѣдѣнія привилегированныхъ лицъ о новомъ распоряженіи, прибавлялъ просьбу, „чтобы сочиненія, которыя они будутъ получать и которыя не дозволены для публики, не ходили изъ ихъ дома по городу".

[1]) Думаю, что читателю станутъ болѣе ясны нѣкоторые выводы, мною только намѣчаемые, если привести справку о тиражѣ главнѣйшихъ изданій за 1862 годъ, составленную по почтовымъ вѣдомостямъ списковъ *подписчиковъ:* Современникъ — 7000 экз., Русское Слово — 4,000, Отечеств. Записки — 4,000, Время — 4,000, Русскій Вѣстникъ — 5,700, Москов. Вѣдомости — 7,750, С.-Петерб. Вѣд. —8,000, Сынъ Отечества — 20,000, Сѣв. Пчела — 5,000, День — 7,750, Искра — 7,000 („Журналы высоч. учрежд. коммисіи для разсмотрѣнія проекта устава о книгопечатаніи", 1863 г., журналъ №№ 4—5, стр. 11).

мая во вниманіе необходимость предупредительнаго содѣйствія со стороны цензуры и неудобство явной полемики между официальными журналами правительства и частными изданіями, высочайше повелѣно было: 1) подтверждать къ исполненію, со стороны цензуры, какъ общей, такъ и духовной, и всѣхъ вообще вѣдомствъ, цензурныя правила о недопущеніи къ печати статей, явно вредныхъ по своему направленію или по неприличію изложенія; 2) поставить въ обязанность всѣмъ вѣдомствамъ и управленіямъ, имѣющимъ свои журналы, болѣе часто указывать, какъ въ этихъ изданіяхъ въ статьяхъ офиціальныхъ, такъ и въ полуофиціальныхъ статьяхъ, печатаемыхъ въ частныхъ журналахъ и газетахъ, на принятыя по разнымъ отраслямъ администраціи законодательныя и административныя мѣры, направляемыя къ улучшенію этихъ отраслей государственнаго управленія; и 3) возбуждать частныя повременныя изданія къ болѣе справедливому и благонамѣренному направленію въ отношеніи къ религіи, нравственности и дѣйствіямъ правительства, съ цѣлью водворенія въ читающей публикѣ болѣе правильныхъ понятій о дѣйствіяхъ правительства и о нашихъ современныхъ потребностяхъ».

Вотъ, слѣдовательно, почему на ряду съ иностранными газетами, необходимыми редакціямъ для расширенія политическаго отдѣла, было разрѣшено полученіе книгъ и брошюръ даже и на русскомъ языкѣ...

Немедленно вслѣдъ за такими распоряженіями начался длинный рядъ соотвѣтствующихъ статей въ «Сѣверной Почтѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Инвалидѣ» и семи премированныхъ органахъ, но я не буду останавливаться на нихъ.

XI.

Что отвѣчала нереакціонная печать на обѣщанія облегчить ея положенія.

Въ этой главѣ я представлю читателю, какъ печать 1862 г. смотрѣла на обѣщанія урегулировать, наконецъ, ея положеніе, на созданіе комиссіи кн. Оболенскаго и вообще на свою собственную свободу въ будущемъ.

Головнинъ не только не далъ безусловной свободы статьямъ о цензурѣ, о чемъ, какъ мы знаемъ, его просили десять литераторовъ, и чего, конечно, отъ него и ждать было нельзя, но онъ сумѣлъ сдѣлать фикціей даже опубликованное призваніе журналистики высказаться по этому важнѣйшему для нея вопросу [1]). Объ этомъ можно судить какъ по словамъ одной газеты, дважды недопущенной къ обсужденію вопроса: «особая статья о цензурѣ, изготовленная въ нашей редакціи, вскорѣ послѣ предоставленія намъ права выразить свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, несмотря на это право, не могла явиться въ печати» [2]), — такъ, и потому, что непропущенныхъ по этому поводу статей въ одномъ 1862 году — пять. Слѣдовательно, въ голосѣ разрѣшенныхъ статей нельзя видѣть полностью пожеланія русской журналистики.

На первомъ мѣстѣ среди нихъ, несомнѣнно, нужно поставить блестящую статью «Дня», написанную самимъ И. С. Аксаковымъ, даже вѣрнѣе — статьи.

Полнѣе всего основная мысль этого поборника безусловной свободы слова выражена въ словахъ: «Прежде всего необходимымъ кажется намъ постановить твердое правило, которое и внести въ I томъ Св. Зак., разд. I, главу 1, — слѣдующаго содержанія:

[1]) Печатая въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ“ (№ 64) отчетъ о первомъ засѣданіи комиссіи, кн. Оболенскій прибавилъ тамъ: „весьма бы желательно, чтобы гг. литераторы наши и редакторы періодическихъ изданій потрудились сообщать комиссіи свои мысли и соображенія по вышеозначеннымъ предметамъ. Желательно бы также, чтобы литература наша нѣсколько ближе ознакомила публику съ вопросами, до законодательства о печати относящимися. Сравнительное изложеніе законодательствъ другихъ образованныхъ государствъ и теоретическая оцѣнка ихъ могла бы приготовить общественное мнѣніе къ правильному развитію силы и значенія новой системы законодательства о книгопечатаніи“.

[2]) „Сборникъ статей, недозволенныхъ цензурой etc.“, I, 156.

„Свобода печатнаго слова есть неотъемлемое право каждаго подданнаго Россійской Имперіи, безъ различія званія и состоянія“ [1]).

Что же касается главныхъ основаній, которыми руководствовался Аксаковъ, предлагая краткій проектъ постановленій о печати, то они заключались въ слѣдующемъ:

«Во 1-хъ, признавая за каждымъ безусловное право на свободу рѣчи изустной и печатной, мы полагаемъ необходимымъ, чтобы каждый несъ и отвѣтственность за свое слово, также какъ онъ несетъ отвѣтственность и за всякое общественное дѣйствіе.

«...Во 2-хъ, мы думаемъ, что преступныя дѣйствія въ области публичнаго слова должны подлежать *единственно* вѣдѣнію (юрисдикціи) тѣхъ же судебныхъ учрежденій, которымъ подлежатъ и всякія другія преступныя дѣйствія.

«Въ 3-хъ... по самому свойству этихъ преступленій, принадлежащихъ преимущественно къ сферѣ нравственной и духовной, по невозможности съ точностью опредѣлить положительными законами все разнообразіе неправды и вреда, допускаемое дѣятельностью слова,—судъ надъ преступными дѣяніями въ предѣлахъ свободы слова немыслимъ безъ суда присяжныхъ. Такого учрежденія у насъ вовсе не существуетъ и потому приходится его *создать вновь*, довольствуясь по необходимости тѣмъ готовымъ матеріаломъ, который представляетъ современная дѣйствительность.

«...Въ 4-хъ.... въ отношеніи къ преступленіямъ въ области слова обвиненіе должно принадлежать полиціи или министру внутреннихъ дѣлъ, какъ министру полиціи: полиція, обязанная предупреждать и преслѣдовать преступленія,—являясь предъ судомъ въ качествѣ обвинителя, является въ такомъ случаѣ истцомъ въ собственномъ дѣлѣ, адвокатомъ собственныхъ дѣйствій и интересовъ» [1]).

Затѣмъ шло изложеніе самыхъ постановленій, для насъ уже не представляющихъ теперь существеннаго интереса. Въ заключеніе Аксаковъ просилъ печать заняться критикой его проекта. Въ предыдущей же передовой И. С. писалъ, между прочимъ:

---

[1]) „День“ 1862 г., № 32. Курсивъ подлинника.

«Распространяться о пользѣ свободы слова и о вредѣ цензуры мы считаемъ излишнимъ. Благодареніе Богу,—наше общество убѣждать въ этомъ нечего! Нѣтъ ни одного *разумнаго* человѣка изъ публики не правительственной, изъ міра не оффиціальнаго, который бы заявилъ себя врагомъ этой свободы и защитникомъ цензуры... Стѣсненіе печати *гибельно для самого государства* и государство, въ видахъ собственнаго сохраненія, должно предоставить полнѣйшую свободу дѣятельности общественнаго сознанія, выражающейся преимущественно въ литературѣ. Однимъ словомъ, если государство желаетъ *жить*, то должно соблюдать непремѣнныя *условія жизни*, внѣ которыхъ *смерть* и *разрушеніе*; условіе жизни государства есть жизнь общества; *условіе жизни* общества — *есть свобода слова*, какъ орудія общественнаго сознанія. Поэтому цензура, какъ орудіе стѣсненія слова, есть *опасное* для государства учрежденіе, ибо, не будучи въ силахъ остановить дѣятельность мысли, сообщаетъ ея развитію характеръ раздраженнаго противодѣйствія и вноситъ въ область печатнаго слова начало лжи и лицемѣрія. Мы хотимъ думать, что эти очевидныя истины признаются и официальнымъ міромъ» [1]).

Официальный міръ призналъ необходимымъ выразить свое неудовольствіе неумѣстной смѣлости «Дня». Валуевъ, не желая муссировать значеніе этой непріятной ему газеты возраженіемъ ей въ «Сѣверной Почтѣ», такъ какъ недавно еще послѣдняя уже занималась отвѣтами Аксакову, о чемъ ниже,—приказалъ своему вѣрному Фуксу отправить опроверженіе въ «Наше Время». Павловъ неукоснительно подчинился своему «благодѣтелю», и «Наше Время» выступило, такимъ образомъ, съ длиннымъ опроверженіемъ основнаго принципа Аксакова [2]). И. С. уничтожилъ буквально всю эту заказную борьбу. Вотъ вторая половина его краткаго на нее отвѣта:

«Мы, конечно, не предполагали, да и не въ правѣ были предположить, чтобы среди самой литературы, въ литературномъ органѣ раздался голосъ, отвергающій тотъ коренной принципъ, который мы считали признаннымъ всею ли-

[1]) „День“ 1862 г., № 31.
[2]) 1862 г., № 112.

тературою, который есть условіе sine qua non ея жизни и развитія. Такое посягательство на собственную свободу, такая смиренная готовность къ самоотверженію—составляетъ рѣзкій диссонансъ въ литературѣ, какъ что-то ей несвойственное, чуждое, извнѣ, изъ нелитературной сферы навѣянное, — и такой-то диссонансъ представляетъ намъ замѣтка г. Виктора Фукса, помѣщенная въ газетѣ «Наше Время».

«Эта аномалія была бы слишкомъ печальнымъ явленіемъ, еслибъ, къ счастію, мы не натолкнулись на объясненіе, при которомъ замѣтка г. Фукса перестаетъ быть аномаліей, а получитъ свой вполнѣ понятный, естественный смыслъ. Дѣло въ томъ, что г. Фуксъ изъ Петербурга—сотрудникъ «Сѣверной Почты» [1]).

Органъ же Валуева возражалъ Аксакову по поводу отзыва послѣдняго объ указѣ 12 марта. «День» назвалъ его «узаконеніемъ объ усиленіи цензуры» [2]), «Сѣверная Почта» отозвалась, конечно, иначе [3]).

Совершенно то же самое, что и «День», рекомендовалъ органъ братьевъ Достоевскихъ—«Время».

«Общество—писалъ этотъ журналъ—не чувствуетъ никакой потребности ни въ какихъ законахъ о печати, кромѣ развѣ одного, именно о свободѣ печати: всякій можетъ писать, печатать и издавать свободно все, что хочетъ, такъ какъ правительство, опирающееся на любовь народа и на общественное мнѣніе, имѣетъ основаніе разсчитывать въ то же время на здравый смыслъ подданныхъ, а потому не имѣетъ повода опасаться ни за себя, ни за гражданъ, и сверхъ того, имѣетъ нужду въ свободномъ проявленіи общественнаго мнѣнія для соображенія мѣръ, постановленій и законовъ, необходимыхъ для блага общаго». Но соображенія, подсказывавшія такой выводъ, у «Времени» иныя, чѣмъ у «Дня». Исходная точка зрѣнія перваго совершенно непріемлема вторымъ. «Печать не руководитъ общественнымъ мнѣніемъ—говоритъ «Время»:—она во всемъ своемъ итогѣ и при непремѣнномъ условіи полнѣйшей свободы, есть только про-

---

1) „День“ 1862 г., № 34.
2) „День“ 1862 г., № 24.
3) „Сѣв. Почта“ 1862 г., № 69.

дуктъ общественнаго мнѣнія. Правительство есть представитель общественнаго мнѣнія, и стало быть въ продуктѣ его, въ печати, можетъ почерпать полезныя для великаго своего дѣла указанія» [1]).

Книжкой раньше «Время» обсуждало тотъ же вопросъ на почвѣ болѣе практической — на почвѣ критики французскихъ законовъ о печати. «Можетъ возникнуть предположеніе, что общественное мнѣніе можетъ быть истреблено, подавлено дѣятельными запретительными мѣрами, если это будетъ признано удобнымъ въ административномъ отношеніи. Но въ нашемъ вѣкѣ даже на минуту подумать это — неблагопристойно, непотребно и если Луи-Наполеонъ это дѣлаетъ, то всякій сколько-нибудь опытный машинистъ скажетъ, что это неблагоразумно. Стѣнки всякаго парового котла устроены такъ, что могутъ выдержать большое давленіе запертаго внутри пара; но всему есть мѣра, и если плотно запирать всѣ предохранительные клапаны, то котелъ нѣсколько времени продержится, а потомъ, неизвѣстно въ какую именно минуту, неожиданно лопается и откидываетъ трупъ неопытнаго машиниста на груду труповъ всѣхъ его друзей и попутчиковъ». Наполеоновскую карательную цензуру «Время» назвало веревкою удавленника, распущенною ровно настолько, чтобы паціентъ задохнулся не сейчасъ же [2])...

Большой поклонникъ Луи-Наполеона и полный сторонникъ его системы законодательства о печати, Валуевъ былъ очень недоволенъ «Временемъ», о чемъ и сообщилъ Головнину. Жалоба его весьма характерна и интересна: «столь рѣзкія сравненія и сужденія имѣютъ цѣлью вооружить читающую публику противъ существующаго и у насъ порядка цензуры, а также заранѣе поселить въ обществѣ предубѣжденіе противъ тѣхъ мѣръ, какія будутъ приняты правительствомъ въ предполагаемомъ къ изданію новомъ цензурномъ уставѣ» [3])...

---

[1]) „Время“ 1862 г., VI, „Законы о печати“, 297—298. Кстати приведу слова Ѳ. М. Достоевскаго о свободѣ печати, сказанныя имъ за нѣсколько дней до смерти. По его мнѣнію, „не понимая необходимости безграничной свободы печати, ничего понять нельзя“ („Историч. Вѣстн.“ 1881 г., III, 427).

[2]) 1862 г., V, 175—179.

[3]) *П. Усовъ*, н. с., „Вѣстникъ Европы“, V, 169.

Пріостановленные «Современникъ» и «Русское Слово» не успѣли, да, повидимому, и не особенно хотѣли высказываться по вопросу о будущей реформѣ — она для нихъ была ясна, какъ день: Валуевъ и Головнинъ уже въ мартѣ стали величинами вполнѣ извѣстными. Въ «письмѣ въ редакцію» нѣкоего Н—ена «Современникъ» такъ отвѣчаетъ на приглашеніе кн. Оболенскаго:

«По разнымъ причинамъ надо сомнѣваться въ возможности полезнаго участія литературы въ этомъ дѣлѣ. Прежде всего можетъ встрѣтиться разногласіе во взглядѣ на цензуру вообще, т. е. въ самой основѣ вопроса, и тогда всякое разсужденіе дѣлается невозможнымъ. Затѣмъ, только по напечатаніи проекта рѣшенія того или другого изъ пунктовъ, сдѣлалась бы возможна критическая его оцѣнка. Наконецъ, неизвѣстно еще, до какой степени свободенъ будетъ доступъ литературѣ въ эту область. Можетъ быть, комиссіи угодно будетъ ознакомиться только съ мнѣніями извѣстнаго направленія; въ такомъ случаѣ другимъ мнѣніямъ нѣтъ надобности и заявлять о себѣ» [1]).

«Русское Слово» было не менѣе пессемистично: «Человѣческая мысль не зависитъ въ своемъ развитіи и даже выраженіи отъ нашихъ личныхъ капризовъ или внушеній, а зарождается и формируется подъ вліяніемъ самой жизни. Жизнь создаетъ и образуетъ хорошаго писателя, вызываетъ тѣ или другія направленія, возбуждаетъ вопросы и требуетъ разрѣшенія ихъ; не во власти честнаго литератора думать по заказу и восторгаться тѣмъ, что противно его нравственному чувству; не во власти самостоятельнаго ума примѣняться къ требованіямъ какой бы то ни было внѣшней силы. Если дѣйствительныя и глубокія убѣжденія человѣка вытекаютъ изъ всей жизни его, то онъ не можетъ отказаться отъ нихъ, при всемъ его желаніи. Поэтому предупредительные законы едва ли могутъ измѣнить общее теченіе идей и сообщить имъ то или другое произвольное направленіе. Мы убѣждены, что и послѣ изданія цензурнаго устава, какъ бы онъ обширенъ ни былъ, останется много простора личному усмотрѣнію цензора и его собственнымъ толкованіямъ. Кромѣ того, мы увѣрены и въ томъ, что частныя

[1]) „Современникъ“ 1862 г. III, 59.

предписанія правительства, издаваемыя вслѣдствіе того или другого текущаго обстоятельства, будутъ продолжаться по-прежнему. Такова неизбѣжная участь всевозможныхъ цензуръ»[1]).

Эти два столпа русской журналистики «шестидесятыхъ годовъ» сочли болѣе необходимымъ остановиться на французскомъ законодательствѣ о печати, гдѣ дали хорошую отповѣдь и Луи-Наполеону, и Персиньи, и другимъ «друзьямъ свободы слова». Да этимъ путемъ шли и прочіе журналы, очевидно, часто благодаря невозможности говорить прямо о собственныхъ дѣлахъ[2]). Въ «Отечественныхъ Запискахъ» была еще статья В. Скарятина объ устройствѣ особаго суда присяжныхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, спеціально для преступленій печати[3]), но я не буду на ней останавливаться. Опускаю и замѣтку А. Рыжова о цензурѣ иностранныхъ изданій[4]).

Не новую, но хорошо выраженную мысль находимъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» редакціи М. Щепкина:

«Попробуйте продержать человѣка до зрѣлыхъ лѣтъ подъ самымъ добросовѣстнымъ надзоромъ, не дозволяя ему ни шага безъ предварительнаго разрѣшенія, — вы можете быть увѣрены, что онъ останется недорослемъ на всю жизнь и при первомъ удобномъ случаѣ воспользуется, пожалуй, урывкомъ свободы для какой-нибудь несообразности. Не станемъ говорить о томъ, что цензура, какъ постоянный законъ, какъ вѣчный блюститель общественной мысли, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики: стоитъ лишь сообразить, что священнѣйшія для европейскаго человѣка истины не могутъ сдѣлаться общимъ достояніемъ, еслибъ цензурныя преграды случайно опередили ихъ появленіе въ исторіи. Что сталось бы съ системою Коперника, еслибъ она вездѣ встрѣтила оберегателей духовной чистоты, способныхъ до-

[1]) „Русское Слово“ 1862 г., V, „Современная лѣтопись“, 18—19.

[2]) „Французскіе законы по дѣламъ книгопечатанія“ („Соврем.“ 1862 г., III), Писаревъ — „Изъ исторіи печати во Франціи“ (Рус. Слово“ 1862 г., III — V). В. Скарятинъ — „Замѣтки о судѣ надъ печатью въ Тосканѣ“ („Отеч. Зап.“ 1862 г., VI); Де-Роберти — „Англійская журналистика“ („Рус. Вѣстникъ“ 1862 г., III, V)—и др.

[3]) 1862 г., IV.

[4]) „Отеч. Зап.“ 1862 г., VII.

вести до отступничества самого Галилея?» «Поставить умственную дѣятельность цѣлаго общества въ зависимость отъ предварительнаго просмотра нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ—мысль, если хотите, очень нехитрая, можно сказать, патріархальная; но при внимательномъ разсмотрѣніи и провѣркѣ ея на опытѣ, она поражаетъ несоотвѣтствіемъ средствъ съ предпоставленною цѣлью. Легко-ли, въ самомъ дѣлѣ, отыскать людей, въ уровень съ возлагаемою на нихъ обязанностью соединяющихъ глубокое, обширнѣйшее знаніе съ охотою къ своему скучному дѣлу и съ такимъ чудеснымъ безпристрастіемъ, которое умудряло бы ихъ творить неумѣстный судъ между живыми потребностями преуспѣвающаго просвѣщенія и условіями совсѣмъ иного характера, вплоть до притязаній чисто-полицейскаго благоустройства»? [1]).

Наконецъ, очень оригинально краткое, но выразительное мнѣніе сатирическаго журнала «Гудокъ»:

«Предупредительная цензура—это намордникъ, сквозь который можно лаять, нюхать, лизать, но укусить — никакимъ образомъ; развѣ только можно настращать; подобіе же карательной цензуры всякій русскій человѣкъ можетъ видѣть на медвѣдяхъ, которыхъ водятъ ярославскіе мужики для увеселенія публики. Кольцо, продѣтое въ ноздрю, и подпиленные зубы — вотъ эмблемы каранія. Физически можно укусить хоть и подпиленными зубами, но, какъ медвѣдь по опыту знаетъ, что за всякую дерзость бываетъ очень больно его ноздрѣ, то всякая попытка и ограничивается лишь желаніемъ. Которая цензура лучше, предоставляемъ дѣлать выводъ самому читателю, что же до насъ, то, по нашему мнѣнію—*обѣ лучше*» [2]).

Другой сатирическій журналъ — «Искра» далъ этому вопросу, какъ и всегда, очень оригинальную оцѣнку въ непропущенномъ цензурою стихотвореніи П. В. Шумахера — «Кто она?»

---

[1]) 1862 г., № 90.
[2]) 1862 г., № 16.

XII.

Проектъ комиссіи кн. Оболенскаго.

Теперь обратимся къ комиссіи кн. Оболенскаго.

Въ октябрѣ ея занятія были закончены, и мы просмотримъ вкратцѣ ходъ ея работъ.

«Засѣданія комиссіи, — разсказываетъ К. С. Веселовскій, — начались тотчасъ по ея учрежденіи и происходили въ квартирѣ Оболенскаго. Въ первыхъ засѣданіяхъ предстоявшая работа была раздѣлена между членами: на меня было возложено приготовить главу о періодическихъ изданіяхъ; Вороновъ взялъ на себя главу о порядкѣ надзора за типографіями, литографіями и другими заведеніями, связанными съ печатнымъ дѣломъ; Андреевскій долженъ былъ проектировать статьи о карательныхъ мѣрахъ за проступки и преступленія, совершонныя посредствомъ печатнаго слова а кн. Оболенскій оставилъ за собою проектированіе общихъ постановленій. По распредѣленіи такимъ образомъ работы, мы разстались до осени, обязавшись изготовить къ тому времени каждымъ принятую имъ на себя часть общаго труда» [1]).

Государь выразилъ Оболенскому желаніе, «чтобы реформа цензурной части послѣдовала *безотлагательно*, такъ какъ потребность ея съ каждымъ днемъ становится ощутительнѣе» [2]).

Надо отдать справедливость, комиссія занялась порученнымъ ей дѣломъ внимательно. Достаточно взглянуть на компактный томъ ея «первоначальнаго проекта», чтобы замѣтить, что къ вопросу хотѣли приступить, основательно подготовясь. Не комиссія виновата въ той массѣ ошибокъ, которыя она сдѣлала, — ей не предоставлено было полной

[1]) *К. С. Веселовскій*, „Воспоминанія“, „Рус. Старина“ 1901 г., XII, 517.
[2]) „Первонач. проектъ устава о книгопечатаніи“ 1862 г., 340.

свободы, Головнинъ руководилъ ея работами, направляя ихъ все время въ сторону опредѣленныхъ тенденцій; комиссія должна была слѣдовать часто по путямъ весьма шаткимъ и сбивчивымъ, но, повторяю, вина въ этомъ не ея.

Очевидно, съ голоса своего вдохновителя она, напримѣръ, поставила во главу угла убѣжденіе, «что въ настоящее время общій характеръ цензуры не чрезмѣрно стѣснителенъ для литературы» [1],—убѣжденіе, главнымъ образомъ, и обусловившее проектируемыя мѣры...

Гдѣ можно было, она обнаруживала вдумчивость, но... все это разбивалось о непрестанныя «записочки» Головнина о возможномъ урегулированіи... свободы печати. Какъ на примѣръ этой вдумчивости, укажу хотя бы на слѣдующее разсужденіе:

«До сихъ поръ весьма немногія изъ правительственныхъ лицъ слѣдили пристально за развитіемъ нашей отечественной литературы. Вниманіемъ въ высшихъ сферахъ нашего общества пользовалась почти исключительно литература иностранная, и въ то время, когда журналистика наша, быстро развиваясь, вырабатывала свои воззрѣнія, послужившія основаніемъ разнымъ литературнымъ мнѣніямъ, высшая сфера нашего образованнаго общества совершенно безучастно относилась къ этому начинающемуся пробужденію мысли и ея проявленію. Только въ рѣдкихъ случаяхъ общее вниманіе поражалось явленіемъ какой-нибудь слишкомъ смѣлой статьи. Тогда внезапно разражалось надъ частнымъ фактомъ строгое взысканіе, иногда по поводу его предписывалась общая мѣра, но почти всегда она являлась столь же несправедливою, какъ и мало дѣйствительною, потому что не основывалась на точномъ пониманіи существующихъ отношеній частнаго случая къ общему направленію различныхъ литературныхъ партій. Почти произвольно окрещивались эти партіи въ иностранныя наименованія; правительство относилось къ нимъ ко всѣмъ почти одинаково подозрительно, *какъ бы считая недостойнымъ входить въ подробный разборъ ихъ относительной пользы и вреда.* Немногочисленная сначала, но съ каждымъ годомъ увеличивающаяся читающая публика усиливала своимъ сочувствіемъ

[1]) Ibidem, 23.

ту или другую партію, и вотъ *почти незамѣтно* образо лась новая сила, развитіе которой до сихъ поръ правите ство *тщетно* думало удержать строгими предупредите ными мѣрами.

«Многіе полагаютъ, что послабленіе цензуры и снис дительность въ мѣрахъ взысканія дали, въ послѣднее вре особенную силу нашей прессѣ; но это не совсѣмъ справ ливо: ея значеніе развивалось постепенно, *несмотря на иск ственныя преграды*. Дѣло въ томъ, что правительство какъ не замѣчало стройнаго хода этого развитія и не при мало въ немъ никакого участія: вотъ почему поразив его явленіе кажется внезапнымъ и ничѣмъ не пригот леннымъ.

«Безпристрастіе есть, конечно, весьма похвальное чество, и оно въ особенности должно отличать всѣ мѣ правительственныя, но этого качества не должно смѣшив съ неблагоразумнымъ стремленіемъ безъ разбора стѣсня всякое проявленіе мысли, даже полезное самому правительст А между тѣмъ, исторія церзуры въ Россіи показываетъ, ч правительство нерѣдко, совершенно по незнанію, принима мѣры, которыя положительно вредили успѣху полезны ученій, пытавшихся разоблачить неправду мнѣній прот ныхъ. Только этимъ можно объяснить тотъ печальн фактъ, что правительство наше, при всемъ сочувствіи, тораго оно не могло не возбудить къ себѣ въ отдѣльны литературныхъ дѣятеляхъ, *не можетъ еще ослабить си того недовѣрія, съ какимъ привыкла относиться къ нему да и умѣренная часть прессы*» [1]).

Головнину и Валуеву слѣдовало бы перечитать это н сколько разъ...

На вопросъ, какія причины вызываютъ потребно цензурной реформы, комиссія отвѣчала, между прочи что первая изъ нихъ — безсиліе цензурныхъ установлен «Животворная дѣятельность всякаго учрежденія необходи условливается средой, его окружающей; *неизбѣжное* свойство цензурныхъ установленій есть *произволъ* и *наси* Установленія сіи сдѣлались *безсильными* и представили

[1]) Ibidem, 83—85. Курсивъ мой.

анахронизмомъ съ той поры, какъ измѣнилась окружавшая ихъ среда» [1]).

Но... независимо отъ всего этого —«правительство, приступая къ реформѣ законодательства о книгопечатаніи, имѣетъ цѣлью: во-первыхъ, *удерживать* литературу мѣрами дѣйствительными, практически исполнимыми въ предѣлахъ, необходимыхъ для спокойствія государства и частныхъ лицъ; во-вторыхъ, силою закона и законнымъ порядкомъ *карать* виновныхъ въ нарушеніи установленныхъ правилъ, и, въ-третьихъ, образовать учрежденія, которыя вѣдали бы дѣла по вопросамъ о книгопечатаніи собственною властію, независимо отъ случайнаго вмѣшательства высшихъ государственныхъ установленій» [2]).

Комиссія, подчиняясь Головнинскимъ тенденціямъ, пришла и не только къ этимъ заключеніямъ. Она находила невозможнымъ «внезапный и безусловный переходъ отъ дѣйствующей нынѣ предупредительной системы къ преслѣдовательной» какъ въ виду неподготовленности для этого старыхъ судовъ, такъ и потому что:

«Опасеніе преслѣдованія и наказанія за нарушеніе законовъ о печати едва-ли, при современномъ настроеніи нашего общества, будетъ достаточно ограждать отъ удалыхъ порывовъ писателей, которые въ общественномъ сочувствіи будутъ искать вознагражденія за временныя лишенія, опредѣленныя законами, въ видѣ наказанія. Роль мучениковъ и страдальцевъ за истину имѣетъ слишкомъ много привлекательныхъ сторонъ для восторженныхъ умовъ, *и хотя не долго, но въ первое время* часто будутъ являться добровольные мученики за свободное слово. Съ другой стороны, чуткое ухо большинства нашего общества едва-ли готово будетъ спокойно вытерпѣть первый диссонансъ рѣчи, хотя и не оставшейся безъ должнаго взысканія» [3]).

Надо-ли говорить, насколько искусственны эти два препятствія къ введенію исключительно судебно-карательной системы? Министерству были указаны въ свое время средства, какъ обойти еще не преобразованный судъ; что же касается

---

1) Ibidem IV. Курсивъ подлинника.
2) Ibidem.
3) Ibidem, VII. Курсивъ мой.

боязни вспышекъ восторженныхъ умовъ, то объ этомъ едва-ли представлялось говорить серьезно.

Но такъ или иначе, а во главу проекта легло смѣшеніе двухъ системъ, и этимъ онъ уже былъ похороненъ въ глазахъ всего общества. Послѣднее понимало, что при искреннемъ желаніи установить исключительно начало законности, никакимъ смѣшеніямъ суда и административнаго произвола, въ какой бы пропорціи они ни рекомендовались, не должно быть мѣста. Или нужно было откровенно создать полную невозможность мыслить, или дать мысли ту свободу, безъ которой она всегда будетъ уродлива и безобразна. Всѣ другія рѣшенія напоминали того плантатора, который, сжалясь надъ плачущими неграми, замѣнилъ сковывавшія ихъ цѣпи толстыми веревками...

И «середина» эта проходитъ красной нитью черезъ весь проектъ, при постоянномъ тяготѣніи къ административному воздѣйствію. Впрочемъ, я не буду подробно приводить всѣ нововведенія проекта, скажу лишь о наиболѣе важныхъ.

Предварительная цензура отмѣнялась: для книгъ не менѣе 20 печатныхъ листовъ, изданныхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, и для тѣхъ повременныхъ изданій, издатели которыхъ получать на это, по своей просьбѣ, разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ и согласятся, кромѣ отвѣтственности по суду, нести еще и административныя взысканія. Авторы, издатели и редакторы не подвергались уже карамъ за разрѣшенное цензурою, но не освобождались отъ отвѣтственности по суду за опозореніе и поруганіе. Хотя правительство въ правѣ запретить сочиненіе, разрѣшенное цензурой. Высшій надзоръ и общее завѣдываніе дѣлами печати и цензуры сосредоточивался исключительно въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ, по мнѣнію комиссіи, сдѣланная въ послѣднее время «попытка раздѣлить цензуру на предупредительную и карательную, оставивъ первую въ вѣдомствѣ министерства просвѣщенія и подчинивъ вторую министерству внутреннихъ дѣлъ, оказалась *совершенно несостоятельною*». Главное управленіе по дѣламъ книгопечатанія — первый органъ послѣ министра. Тамъ проведено коллегіальное начало въ видѣ совѣта, обязаннаго обнаруживать всѣ нарушенія правилъ и законовъ и предавать виновныхъ су-

дебному преслѣдованію. Предполагалось, что, благодаря коллегіальности, «всякій новый министръ внутреннихъ дѣлъ будетъ находить въ совѣтѣ живое преданіе и богатый запасъ разнородныхъ свѣдѣній о видоизмѣненіяхъ партій и направленій нашей литературы и въ особенности журналистики»... На всякую передачу повременнаго изданія другому издателю испрашивалось разрѣшеніе министра. Такимъ образомъ вводился концессіонный порядокъ, столь вредный для дѣла. Изданія, заключавшія въ своей программѣ внутреннюю или внѣшнюю политику, общественныя дѣла и политическія науки, должны было внести въ главное управленіе залогъ: для газеты — 5,000 руб., еженедѣльника — 3,000 р., ежемѣсячника—2,000 р. Залогъ отвѣтствовалъ за всѣ денежные штрафы по суду съ издателя и редактора. Административныя взысканія налагались на безцензурныя изданія въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ «вреднаго направленія». При этомъ комиссія объясняла:

«Многіе случаи злоупотребленій ускользаютъ отъ всякаго прямого и положительнаго обвиненія, а между тѣмъ, дѣйствуя непрерывно, послѣдовательно и систематически, они образуютъ цѣлое *направленіе*, которое невозможно преслѣдовать, пока вредное ученіе достаточно не опредѣлится и не выразится въ формѣ положительнаго преступленія, оставляющаго иногда неизгладимые слѣды во вредъ всему обществу. Къ тому же частыя и безпрерывныя судебныя преслѣдованія практически невозможны. Опасеніе неудачи или скандала нерѣдко останавливаютъ преслѣдованіе, которое отъ слишкомъ частаго повторенія утрачиваетъ свое значеніе; напротивъ того, эти неудобства составляютъ силу періодической прессы: чѣмъ чаще газеты или журналы выходятъ изъ предѣловъ дозволеннаго, не нарушая явно важнѣйшихъ предписаній закона, тѣмъ безнаказаннѣе надѣются они укрыться отъ всякаго преслѣдованія, утомляя, такъ сказать, силы преслѣдующей власти» [1]. «При невозможности начертать какія-либо правила по сему предмету, комиссія признала болѣе приличнымъ вовсе не указывать въ законѣ, за что именно и въ какихъ случаяхъ повременныя изданія могутъ подлежать административному взысканію.

---

[1]) Ibidem, 19—21. Курсивъ подлинника.

Словами *вредное направленіе* выражается мысль общая, не ограничивающая, конечно, полнаго произвола при толкованіи относительнаго понятія *вреда*: но такъ какъ нѣтъ никакой возможности, даже приблизительно, опредѣлить безспорные признаки вреднаго направленія, то приличнѣе, откровеннѣе и достойнѣе не прикрывать законъ наружною формою опредѣлительности, когда внутреннее содержаніе его не подходитъ ни подъ какое положительное опредѣленіе» [1].

Это, дѣйствительно, откровенная откровенность...

Административныхъ взысканій рекомендовалось три: а) двукратное публичное предвареніе отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ съ объясненіемъ причинъ взысканія; б) подчиненіе изданія предварительной цензурѣ и в) совершенное запрещеніе изданія по высочайшему повелѣнію, тоже съ объясненіемъ причинъ. Примѣнимость взысканій въ каждомъ случаѣ обсуждается главнымъ управленіемъ. Дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, точно въ проектѣ опредѣленныхъ, подлежатъ суду уголовной палаты и сената. Эта часть проекта примѣнялась къ суду дореформенному, чтобы такимъ образомъ быстро осуществить реформу, слѣдуя волѣ государя, выраженной, какъ уже сказано, кн. Оболенскому.

Такъ какъ отсутствіе гласнаго и присяжнаго суда ставилось однимъ изъ препятствій введенію полной карательной по суду системы цензуры, а созданіе особаго для печати суда было отвергнуто, то интересно выслушать по этому поводу комиссію.

«Многіе думаютъ, что устройство *спеціальнаго суда* для вѣданія дѣлъ по преступленіямъ печати было бы необходимо. Не полагаясь на независимость и образованность нашихъ судей, защитники спеціальныхъ судовъ предлагаютъ болѣе или менѣе удачныя комбинаціи для состава сихъ судовъ изъ лицъ по выборамъ сословій или по назначенію отъ правительства, но взятыхъ изъ среды литераторовъ и ученыхъ или вообще образованныхъ сословій. Всѣ сіи комбинаціи, отличающіяся необыкновенною искусственностью, не удовлетворяютъ ни одному требованію хорошо устроеннаго суда. Самая мысль учрежденія спеціальнаго суда для дѣлъ печати не можетъ быть одобрена. Кромѣ недостатковъ, свой-

[1] Ibidem, 335 — 337. Курсивъ подлинника.

ственныхъ вообще всѣмъ судамъ спеціальнымъ, — спеціальный судъ по дѣламъ печати всегда будетъ имѣть особыя, свойственныя ему, неудобства. Внося политическій элементъ въ дѣло суда, онъ искусственнымъ составомъ своимъ поставляется въ слишкомъ зависимое положеніе отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, одинаково вредныхъ, съ какой бы стороны они ни исходили; участіе въ такомъ судѣ присяжныхъ еще болѣе увеличиваетъ затрудненіе. Тамъ, гдѣ существуетъ уже судъ присяжныхъ, можетъ быть споръ о томъ, слѣдуетъ-ли исключать изъ вѣдѣнія сего суда дѣла по преступленіямъ печати; но въ государствѣ, гдѣ судъ присяжныхъ не существуетъ или пока онъ не существуетъ, не можетъ быть, по мнѣнію комиссіи, рѣчи объ образованіи его для исключительнаго вѣданія дѣлъ по преступленіямъ печати» [1]).

Все это, конечно, очень и очень неубѣдительно, расплывчато; такъ и отдаетъ канцелярской замашкой «отписаться»...

Послѣдній, шестой, раздѣлъ проекта посвященъ былъ «положеніямъ о предварительной цензурѣ». Отбросивъ очень неопредѣленный § 3, какъ мы уже видѣли, поражавшій всегда своей растяжимостью, комиссія была вполнѣ послѣдовательна: она ввела гораздо болѣе произвольный отдѣлъ— административныя взысканія, съ избыткомъ замѣнявшій эту потерю одного параграфа... Любопытно также, что комиссія была убѣждена въ крайней произвольности рекомендуемой ею «смѣси».

«Безспорно—говорила она—что въ практикѣ и на дѣлѣ столь обязательная для цензоровъ сила инструкцій можетъ нерѣдко быть употреблена во зло и ослабить значеніе самаго закона. Но отъ подобнаго зла не можетъ быть другого огражденія, кромѣ вѣры въ прозорливое благоразуміе самого правительства. Напрасно было бы мечтать о возможности оградить цензуру отъ произвола, т. е. лишить ее того характера произвола, который составляетъ всю ея сущность и безъ которой цензура перестала бы быть цензурой. Можно спорить о томъ, нужна-ли, полезна-ли, удобна-ли она въ извѣстное время; но пытаться поставить сущность ея въ какіе-либо ярко очерченные предѣлы нѣтъ никакой возможности».

---

[1]) Ibidem. 342.

Салтыкову, хотя и не прислали «проекта», — не прислали его и закрытому «Современнику»,—но онъ, конечно былъ съ нимъ знакомъ. Михаилъ Евграфовичъ былъ слишкомъ литераторъ, чтобы хоть какъ-нибудь не отозваться на грозящую бѣду. Поэтому онъ сейчасъ же пишетъ «Замѣчанія на проектъ устава о книгопечатаніи» и, по всей вѣроятности, вручаетъ ихъ кому слѣдуетъ. Когда же, въ февралѣ 1863 года, вышла соединенная, двойная книжка кончившаго свою кару «Современника», то тамъ эти «Замѣчанія» въ исправленномъ видѣ предстали передъ взорами читателей въ видѣ статьи: «Нѣсколько словъ по поводу „Замѣтки", помѣщенной въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" за 1862 годъ»[1]. Сдѣлано это было съ двумя цѣлями: во-первыхъ, чтобы, возобновляя журналъ, не преминуть поговорить по столь существенному вопросу съ «нимъ, съ его сіятельствомъ, самимъ», Михаиломъ Никифоровичемъ, съ другой чтобы подчеркнуть его премированное положеніе, доставившее ему экземпляръ «проекта»...

Останавливаясь прежде всего на передачѣ цензуры министерству внутреннихъ дѣлъ, Салтыковъ говоритъ:

«Не надо забывать, что литература есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ рычаговъ народнаго просвѣщенія, и что, напротивъ того, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ томъ составѣ, въ какомъ существуетъ это учрежденіе въ Россіи, сосредоточивается высшая полицейская власть. Какое отношеніе можетъ существовать между литературой, какъ органомъ просвѣщенія, и полиціей, какъ органомъ охраненія государственной безопасности, угадать хотя и не трудно, но не трудно именно вслѣдствіе той перепутанности понятій и опредѣленій, которая въ послѣднее время, вслѣдствіе разныхъ случайныхъ причинъ, такъ сильно господствуетъ въ обществѣ нашемъ. Сфера дѣйствій полиціи сама по себѣ очень почтенная и заслуживающая полнаго сочувствія людей благомыслящихъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ сфера совершенно особая и при томъ строго ограниченная: она сообщаетъ всей ея дѣятельности особенный характеръ и даже особенныя привычки. Постоянно имѣя дѣло съ противообщественными попыт-

[1] Она подписана: „*Т — нъ*", но, по словамъ А. Н. Пыпина, принадлежитъ безусловно Салтыкову („Вѣстникъ Европы" 1880 г., X).

ками и наклонностями самаго грубаго, несложнаго и незамысловатаго свойства, полиція и въ дѣйствіяхъ своихъ противъ нихъ обнаруживаетъ нѣкоторую грубость, несложность и незамысловатость. Теперь же она будетъ поставлена лицомъ къ лицу съ преступленіями мысли, преступленіями свойства деликатнаго и почти неуловимаго, преступленіями уже по тому одному относящимися къ особому разряду, что при обсужденіи ихъ невозможно не принять высшій противъ обыкновеннаго умственный уровень совершившихъ ихъ лицъ. Полиція, очевидно, затруднится. Привыкнувъ имѣть дѣло съ врагами общества, она, неслышно для самой себя, и на литературу перенесетъ это воззрѣніе. Обращаясь съ фактами грубыми, конкретными, не имѣя надобности прибѣгать ни къ анализу побужденій, ни къ болѣе или менѣе тонкимъ толкованіямъ содержанія этихъ фактовъ, она тотчасъ же почувствуетъ свою несостоятельность въ отношеніи преступленій слова и постарается замѣнить ее чѣмъ-нибудь. Что, если она, по свойственной человѣку слабости, не захочетъ сознаться въ этой несостоятельности и замѣнитъ ее подозрительностью и придирчивостью? Конечно, это только предположеніе, но всякій сознается, что въ немъ ничего нѣтъ неправдоподобнаго. Конечно также, что и во Франціи дѣлами книгопечатанія завѣдуетъ министерство внутреннихъ дѣлъ, да вѣдь какое же намъ дѣло до Франціи? Поэтому мы думаемъ, что, съ раціональной точки зрѣнія, было бы удобнѣе, чтобы дѣлами книгопечатанія завѣдывало, по-прежнему, министерство народнаго просвѣщенія, хотя, съ точки зрѣнія практической, не имѣемъ причинъ соболѣзновать и о томъ, что завѣдованіе это переходитъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ» [1]).

Въ послѣднихъ словахъ, несомнѣнно, очень горькая для Головнина и его апологетовъ-обѣлителей истина: по совмѣстной службѣ Салтыковъ особенно хорошо зналъ Валуева и вдругъ онъ-то находилъ, что что́ Головнинъ, что́ Валуевъ—разницы нѣтъ...

Относительно постепенности перехода отъ одной системы--предупредительной, къ другой—карательной, Михаилъ Евграфовичъ замѣчалъ:

---

[1]) „Современникъ" 1863 г., I—II, „Современное обозрѣніе", 4—5.

Салтыкову, хотя и не прислали «проекта», — не прислали его и закрытому «Современнику»,—но онъ, конечно, былъ съ нимъ знакомъ. Михаилъ Евграфовичъ былъ слишкомъ литераторъ, чтобы хоть какъ-нибудь не отозваться на грозящую бѣду. Поэтому онъ сейчасъ же пишетъ «Замѣчанія на проектъ устава о книгопечатаніи» и, по всей вѣроятности, вручаетъ ихъ кому слѣдуетъ. Когда же, въ февралѣ 1863 года, вышла соединенная, двойная книжка кончившаго свою кару «Современника», то тамъ эти «Замѣчанія» въ исправленномъ видѣ предстали передъ взорами читателей въ видѣ статьи: «Нѣсколько словъ по поводу „Замѣтки", помѣщенной въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" за 1862 годъ»[1]). Сдѣлано это было съ двумя цѣлями: во-первыхъ, чтобы, возобновляя журналъ, не преминуть поговорить по столь существенному вопросу съ «нимъ, съ его сіятельствомъ, самимъ», Михаиломъ Никифоровичемъ, съ другой чтобы подчеркнуть его премированное положеніе, доставившее ему экземпляръ «проекта»...

Останавливаясь прежде всего на передачѣ цензуры министерству внутреннихъ дѣлъ, Салтыковъ говоритъ:

«Не надо забывать, что литература есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ рычаговъ народнаго просвѣщенія, и что, напротивъ того, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ томъ составѣ, въ какомъ существуетъ это учрежденіе въ Россіи, сосредоточивается высшая полицейская власть. Какое отношеніе можетъ существовать между литературой, какъ органомъ просвѣщенія, и полиціей, какъ органомъ охраненія государственной безопасности, угадать хотя и не трудно, но не трудно именно вслѣдствіе той перепутанности понятій и опредѣленій, которая въ послѣднее время, вслѣдствіе разныхъ случайныхъ причинъ, такъ сильно господствуетъ въ обществѣ нашемъ. Сфера дѣйствій полиціи сама по себѣ очень почтенная и заслуживающая полнаго сочувствія людей благомыслящихъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ сфера совершенно особая и притомъ строго ограниченная: она сообщаетъ всей ея дѣятельности особенный характеръ и даже особенныя привычки. Постоянно имѣя дѣло съ противообщественными попыт-

[1]) Она подписана: „*Т — въ*", но, по словамъ А. Н. Пыпина, принадлежитъ безусловно Салтыкову („Вѣстникъ Европы" 1889 г., XI.

ками и наклонностями самаго грубаго, несложнаго и незамысловатаго свойства, полиція и въ дѣйствіяхъ своихъ противъ нихъ обнаруживаетъ нѣкоторую грубость, несложность и незамысловатость. Теперь же она будетъ поставлена лицомъ къ лицу съ преступленіями мысли, преступленіями свойства деликатнаго и почти неуловимаго, преступленіями уже по тому одному относящимися къ особому разряду, что при обсужденіи ихъ невозможно не принять высшій противъ обыкновеннаго умственный уровень совершившихъ ихъ лицъ. Полиція, очевидно, затруднится. Привыкнувъ имѣть дѣло съ врагами общества, она, неслышно для самой себя, и на литературу перенесетъ это воззрѣніе. Обращаясь съ фактами грубыми, конкретными, не имѣя надобности прибѣгать ни къ анализу побужденій, ни къ болѣе или менѣе тонкимъ толкованіямъ содержанія этихъ фактовъ, она тотчасъ же почувствуетъ свою несостоятельность въ отношеніи преступленій слова и постарается замѣнить ее чѣмъ-нибудь. Что, если она, по свойственной человѣку слабости, не захочетъ сознаться въ этой несостоятельности и замѣнитъ ее подозрительностью и придирчивостью? Конечно, это только предположеніе, но всякій сознается, что въ немъ ничего нѣтъ неправдоподобнаго. Конечно также, что и во Франціи дѣлами книгопечатанія завѣдуетъ министерство внутреннихъ дѣлъ, да вѣдь какое же намъ дѣло до Франціи? Поэтому мы думаемъ, что, съ раціональной точки зрѣнія, было бы удобнѣе, чтобы дѣлами книгопечатанія завѣдывало, по-прежнему, министерство народнаго просвѣщенія, хотя, съ точки зрѣнія практической, не имѣемъ причинъ соболѣзновать и о томъ, что завѣдованіе это переходитъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ» [1]).

Въ послѣднихъ словахъ, несомнѣнно, очень горькая для Головнина и его апологетовъ-обѣлителей истина: по совмѣстной службѣ Салтыковъ особенно хорошо зналъ Валуева и вдругъ онъ-то находилъ, что что́ Головнинъ, что́ Валуевъ—разницы нѣтъ...

Относительно постепенности перехода отъ одной системы—предупредительной, къ другой—карательной, Михаилъ Евграфовичъ замѣчалъ:

[1]) „Современникъ“ 1863 г., I—II, „Современное обозрѣніе“, 4—5.

«Въ этомъ отношеніи мы желаемъ только одного: пускай эта постепенность прилагается ко всѣмъ равно, пускай не будетъ того, напримѣръ, что одинъ журналъ обязывается пройти сквозь всѣ фазисы, всѣ колебанія строгой школы постепенности, а другой журналъ, при самомъ своемъ рожденіи, уже предполагается прошедшимъ сквозь постепенность. Здѣсь равенства требуетъ простое приличіе, и мы увѣрены, что ничего подобнаго такой вопіющей несправедливости и не будетъ. Иначе мы придемъ къ вопросу о единоторжіи мысли... Мы даже очень жалѣемъ, что «Русскій Вѣстникъ» пропустилъ этотъ важный вопросъ безъ вниманія; мы тѣмъ болѣе жалѣемъ объ этомъ, что въ послѣднее время «Современная Лѣтопись» начала что-то заговариваться о редакторахъ, заслуживающихъ довѣрія, и редакторахъ, довѣрія не заслуживающихъ... Мы желали бы также, чтобы принципъ постепенности не былъ слишкомъ преувеличенъ... Не надо, забывать, что литература русская относится къ русскому правительству точно также, какъ Гулливеръ къ тому великану, который гдѣ-то нашелъ его въ травѣ. „Онъ схватилъ меня", разсказываетъ Гулливеръ, „поперекъ тѣла большимъ и указательнымъ пальцами и поднесъ къ глазамъ, чтобы ближе разсмотрѣть. Я не противился: я позволилъ себѣ только поднимать къ небу глаза и складывать руки умоляющимъ образомъ, ибо я опасался, чтобъ онъ нечаянно не раздавилъ меня". Сравненіе нелестное, но правдивое и притомъ способное успокоить самую раздражительную подозрительность»[1]).

Какъ я уже говорилъ, оставленіе въ силѣ предварительной цензуры мотивировалось и комиссіей кн. Оболенскаго, и Головнинымъ и, конечно, Валуевымъ, тремя соображеніями: во-первыхъ, примѣромъ западныхъ государствъ, во-вторыхъ—неизбѣжнымъ «вреднымъ направленіемъ» періодическихъ органовъ, которое, однако, въ силу неуловимости, трудно формально преслѣдовать, и въ третьихъ—способностью повременныхъ изданій стоять на границѣ дозволеннаго и недозволеннаго и постоянно утомлять преслѣдующую власть.

По мнѣнію Салтыкова,—«правительство крѣпкое, прочно установившееся, не можетъ имѣть подобныхъ соображеній.

[1]) Ibidem, 6.

дѣйствія, въ основаніи которыхъ лежитъ такого рода праздное умозвитіе, могутъ приличествовать развѣ какимъ-либо темнымъ корпораціямъ, пролагающимъ себѣ пути подземною работою. Правительство сильное, опирающееся на сочувствіе народа, не имѣетъ надобности руководиться іезуитизмомъ: оно дѣйствуетъ открыто, то-есть открыто дозволяетъ и открыто же что-либо запрещаетъ».

Затѣмъ онъ переходитъ къ возраженіямъ на самые доводы.

«Зачѣмъ эти вѣчныя ссылки на Францію? Зачѣмъ этотъ вѣчный кошмаръ? Во Франціи такой порядокъ могъ установиться вслѣдствіе особыхъ, ей одной свойственныхъ причинъ; во Франціи, сверхъ того, порядокъ, сегодня установленный, можетъ быть завтра развѣянъ по вѣтру: чтó для насъ Франція? что мы для нея? Но вѣдь и тамъ, все-таки, предупредительной цензуры нѣтъ, и тамъ, все-таки, оставлена писателямъ хотя незавидная свобода, но, все-таки, свобода: свобода грѣшить и подвергаться за грѣхи наказаніямъ. Отчего же не предоставить и русскимъ писателямъ этой свободы? Вѣдь русская литература, все-таки, не больше, какъ Гулливеръ: пускай же и наслаждалась бы свободою находиться между большимъ и указательнымъ перстами великана!» [1]).

«Второй аргументъ, можетъ быть и очень замысловатъ, но производитъ впечатлѣніе тяжелое. Что такое это *направленіе*, которое ни въ чемъ, въ частности, *не выражается* но которое всѣ *чувствуютъ*, которое нельзя *формулировать* но которое предстоитъ необходимость *преслѣдовать?* Воля ваша, а

„Это темно, непонятно.
Очень что-то мудрено!“.

«И особенно мудрено, когда рѣчь идетъ о журналахъ и газетахъ, имѣющихъ дѣло съ фактами положительными съ подробностями общественной жизни. Связанные этимъ они должны, волею или неволею, высказываться вполнѣ опредѣлительно, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, потеряютъ всякое значеніе для публики. Нѣтъ слова, что при настоящемъ положеніи русской литературы, со всѣхъ сто-

---

[1]) Ibidem, 7—8.

ронъ стѣсненной и цензурными и внѣцензурными условіями, встрѣчается возможность чего-то похожаго на дѣйствованіе посредствомъ такъ называемаго *направленія*, которое всецѣло заключается въ употребленіи фигуры умолчанія, въ чтеніи за строками, въ неясныхъ началахъ и проч. Но, если представить себѣ русское слово освобожденнымъ отъ предварительныхъ истязаній, то всякая мысль о *направленіи*, понимаемомъ въ указанномъ выше смыслѣ, падаетъ сама собою, ибо кто же изъ читателей будетъ столь невиненъ, чтобы подписываться на журналъ, который потчуетъ его однимъ *направленіемъ*, тогда какъ рядомъ съ нимъ стоитъ другой журналъ, разсказывающій жизненный фактъ ясно и безбоязненно? Положительно можно сказать, что *направленіе* есть плодъ предупредительной цензуры, что обаятельная сила его будетъ существовать дотолѣ, покуда будетъ существовать предупредительная цензура. Мало того: сила эта будетъ существовать и въ такомъ случаѣ, если изъятіе отъ предупредительной цензуры будетъ допущено только для *извѣстныхъ* журналовъ, а другіе останутся подъ его вліяніемъ...

«Что касается до третьяго аргумента, то онъ положительно не требуетъ серьезнаго опроверженія. Въ самомъ дѣлѣ, неужели наша литература имѣетъ такое громадное развитіе, что можетъ даже утомить силы преслѣдующей власти? И что, наконецъ, можно подумать объ этой преслѣдующей власти, которая такъ скоро утомляется? Вѣдь нельзя же такъ жить, чтобъ все доставалось даромъ: желаете *преслѣдовать*,—ну, и потрудитесь» [1]).

Проницательный взоръ Салтыкова угадывалъ, что могло произойти отъ раздѣленія изданій на двѣ неравноправныя группы. Формулированы такія предчувствія очень хорошо:

«Предоставленіе писателямъ *добровольно* подчинять себя опекѣ предварительной цензуры кажется намъ излишнею роскошью. Во-первыхъ, не представляется надобности предлагать опеку для всѣхъ нищихъ духомъ, точно также, какъ не представляется надобности въ учрежденіи какой-либо особой палаты для управленія тѣми имѣніями, которыхъ владѣльцы не умѣютъ извлечь изъ нихъ всѣхъ выгодъ. Во-вторыхъ,

---

[1]) Ibidem, 8—9. Курсивъ подлинника.

если издатели сочиненій этого разряда встрѣчаютъ сомнѣніе въ своей благонамѣренности, то могутъ посовѣтоваться съ своими пріятелями, не затрудняя правительства. Въ-третьихъ, наконецъ, подобный легкій способъ избавляться отъ отвѣтственности можетъ породить въ литературной и издательской дѣятельности дурныя привычки. Можетъ въ литературномъ лагерѣ произойти междоусобіе, угодничество и фискальство, ибо всегда найдутся люди, охочіе заявлять о своемъ смиренствѣ, даже когда заявленія эти и ненадобны никому. Все это можетъ ввести въ заблужденіе и само правительство на счетъ характера подобныхъ заявленій» [1]).

Что касается административныхъ взысканій, то Салтыкову казалось, что устроить правильную ихъ систему не только трудно, но даже совершенно невозможно.

«Трудно, очень трудно отбиться отъ поползновенія къ произволу, особливо, когда самъ законъ подаетъ къ тому легкій поводъ, особливо, когда лицо, которому предоставляется карательная власть, дѣйствуетъ единолично, особливо, когда оно, какъ выражается «Русскій Вѣстникъ», можетъ быть въ этомъ дѣлѣ и партіей и судьей.

«...Достигнуть этого и избѣжать ни въ какомъ случаѣ незаслуженнаго нашимъ правительствомъ упрека въ желаніи замѣнить произволъ безпорядочный произволомъ, такъ сказать, узаконеннымъ — можно очень легко, и именно: отказавшись отъ системы административныхъ взысканій и оставивъ одинъ путь преслѣдованія вредныхъ сочиненій—путь судебный».

Но путь этотъ многіе находили не совсѣмъ удобнымъ по многимъ соображеніямъ, особенно же потому, что онъ-де можетъ иногда компроментировать администрацію. На это Салтыковъ отвѣчаетъ:

«Очевидно, что тутъ дѣло идетъ о какой-то осторожности, но не о той осторожности, которая ограждаетъ обвиняемаго отъ тревогъ, сопряженныхъ съ отвѣтственностью передъ судомъ, но о той, которая ограждаетъ саму преслѣдующая власть отъ возможности неудачи. Но если преслѣдующая власть, обсудивъ извѣстное дѣйствіе, найдетъ въ немъ признаки преступленія и если она при этомъ уважаетъ

---

[1]) Ibidem, 10. Курсивъ подлинника.

себя, то зачѣмъ тревожить себя мыслями о воображаемыхъ неудачахъ? Она отдаетъ обвиняемаго суду, она дѣлаетъ свое дѣло—и больше ничего. Вѣдь, этакъ можно до такой степени растревожить себя, что, наконецъ, принять за постоянное правило дѣйствовать однимъ административнымъ путемъ: судъ-то, молъ, еще Богъ вѣсть, что скажетъ! Если же преслѣдующая власть, обсудивъ дѣйствіе, усумнится въ преступности его и, вслѣдствіе этого, предпочтетъ оставить дѣло подъ спудомъ, то подобная осторожность не только не можетъ представлять вредныхъ послѣдствій и кого-либо компрометировать, но даже заключаетъ въ себѣ замѣчательную и отнюдь не лишнюю для литературы гарантію» [1]).

Въ совѣтѣ министра по дѣламъ книгопечатанія Салтыковъ хотѣлъ бы видѣть не «просто добрыхъ чиновниковъ, занимающихъ пенсіонныя мѣста» или же,—«вышлифованныхъ удальцовъ, которые налету будутъ ловить полуслова, полунамеки и созидать изъ нихъ цѣлыя системы, цѣлыя направленія», а людей способныхъ смѣть свое сужденіе имѣть. Самый совѣтъ долженъ быть рѣшающей, а не совѣщательной инстанціей,—«по той простой причинѣ, что какъ-то спокойнѣе живется, когда дѣло на міру дѣлается. Если одинъ и скажетъ что-нибудь неподобное, ну, Богъ дастъ, другой поправитъ, третій, быть можетъ, покраснѣетъ, а четвертый и совсѣмъ застыдится. Иногда изъ этого выходитъ и путное нѣчто».

Лучшей оцѣнки проекта, повторяю, въ журналистикѣ того времени не появилось.

---

[1]) Ibidem, 13.

XIV.

Валуевъ и „абскуранты, взявшіе одръ“. „Современное Слово“ и вниманіе къ нему цензуры. Заказъ благонамѣреннаго освѣщенія французскаго политическаго процесса. Статьи о Гарибальди. Рекрутскій наборъ и тысячелѣтіе Россіи. Обезцвѣчиваніе иностранныхъ отдѣловъ. Надзоръ за печатью слѣдственной комиссіи кн. Голицына. Инцидентъ съ „Кіевскимъ Телеграфомъ“. Неблагонадежность „Ясной Поляны“. Разлиберальничавшійся Краевскій. Головнинъ прекрасно аттестуетъ литературу.

Въ заключеніе я остановлюсь на нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаяхъ изъ цензурной практики 1862 г., подавшихъ кстати, поводъ нѣкоторымъ утверждать объ антагонизмѣ, существующемъ будто бы между Головнинымъ и Валуевымъ... Выше мы достаточно ознакомились съ ихъ даже трогательнымъ единодушіемъ и одномысліемъ и потому врядъ-ли есть основаніе говорить о какомъ бы то ни было принципіальномъ антагонизмѣ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Усовъ въ цитированной уже неоднократно статьѣ. Если и бывали между ними несогласія, то, во-первыхъ, извѣстно что даже и Аѳанасій Ивановичъ съ Пульхеріей Ивановной «ссорились» частенько, а во-вторыхъ, Головнинъ не переносилъ иногда «отношеній» Валуева, частенько смахивающихъ на «предписанія» и «выговоры». Послѣднее происходило просто въ виду ненормальной двойственности, введенной, какъ новый принципъ, въ цензурное дѣло. Если литературѣ нелегко было сидѣть постоянно между двумя стульями, то не легче иногда было и ея «попечительному» президенту. Вотъ съ какой точки зрѣнія только и можно говорить объ антагонизмѣ. Но я не его буду имѣть въ виду при разсказѣ объ интересныхъ случаяхъ.

Въ той же книжкѣ «Библіотеки для Чтенія», гдѣ была напечатана статья Щеглова, обратило на себя вниманіе Валуева «внутреннее обозрѣніе», однимъ изъ подзаголовковъ котораго было, между прочимъ, и такое: «Обскуранты взяли одръ свой и двинулись». Содержаніе статьи сводилось къ мысли о томъ, что крайностями одного направленія всегда пользуется другое; въ примѣръ приводились съ одной стороны «Молодая Россія» и пожары, съ другой — закрытіе читаленъ, воскресныхъ школъ, Шахматнаго клуба и пр. Валуеву все это очень не понравилось.

«Сопоставляя заглавіе означенной статьи и главную мысль, высказанную въ началѣ оной съ подробностями содержанія статьи, — писалъ онъ Головнину, — нельзя не видѣть, кого именно авторъ разумѣетъ подъ людьми двухъ крайнихъ направленій. Отсюда ясно, что такъ называемые передовые люди сдѣлали, по мнѣнію автора, крайнюю ошибку своими неумѣстными заявленіями, и тѣмъ способствовали появленію ребяческаго задора и злодѣйской шалости въ прокламаціи «Молодая Россія», а обскуранты (правительственныя лица), пользуясь этою ошибкою, впали будто бы въ противоположную крайность принятіемъ вышеуказанныхъ мѣръ. Все это дѣлается совершенно яснымъ изъ суммарія разсматриваемой статьи, который составленъ съ очевидною цѣлію придать ей тотъ смыслъ, котораго желалъ авторъ. Суммарій этотъ заключается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „обскуранты взяли одръ свой и двинулись». Это главная мысль; все послѣдующее логически относится къ этому движенію абскурантовъ».

Головнинъ, защищая по необходимости предсѣдателя цензурнаго комитета Цэ, лично пропустившаго эту статью, всячески успокаивалъ Валуева [1])...

Очень интересна переписка министровъ по поводу газеты «Современное Слово», но прежде я считаю нелишнимъ познакомить читателя съ этимъ изданіемъ, какъ съ одной изъ лучшихъ иллюстрацій перерождающей силы «шестидесятыхъ годовъ».

При «Русскомъ Инвалидѣ» очень часто издавались приложенія, изъ которыхъ наибольшей извѣстностью пользовались когда-то «Литературныя Прибавленія» [2]). Въ серединѣ 1861 года «Инвалидъ» сданъ былъ въ аренду полковнику Н. Г. Писаревскому, человѣку вполнѣ поддавшемуся славному времени и потому внесшему въ офиціальный органъ свѣжую, раньше несвойственную ему струю. Ниже, изъ документа, мы увидимъ, какъ произошло (1 іюня 1862 г.), выдѣленіе всей неофиціальной части въ особый органъ «Современное Слово», сначала бывшій приложеніемъ къ «Инва-

---

[1]) „Разная переписка по министерству народ. просвѣщенія etc.“, 12—16.

[2]) Еще „Новости Литературы“ и „Литературная Газета“.

лиду», а съ 1 января 1863 года окончательно отъ него отдѣлившійся. И при филіаціи къ «Инвалиду», и ужъ, конечно, позже (очень недолго, до окончательнаго запрещенія) «Современное Слово» ни мало не стѣснялось близостью къ офиціозу и откровенно высказало свое profession de foi. Оно формулировалось «полнымъ свободнымъ развитіемъ личности до предѣловъ разумнаго проявленія ея», «свободной ассоціаціей труда и имуществъ», «расширеніемъ правъ женщины», «свободой народнаго образованія», «равенствомъ передъ закономъ», «развитіемъ выборнаго начала, но безъ поголовной подачи голосовъ, въ самомъ широкомъ его примѣненіи», «возможно широкимъ примѣненіемъ началъ самоуправленія для городовъ и сельскихъ общинъ», «справедливыми просвѣщенными законами для прессы» и «какъ вѣнецъ и укрѣпленіе всего предыдущаго,—гарантіей личности и собственности отъ административнаго произвола, при посредствѣ суда независимаго, просвѣщеннаго». «Не къ переворотамъ, не къ революціоннымъ порывамъ стремимся мы,—заявляла редакція,—но мы не вѣримъ, чтобы послѣ продолжительнаго застоя въ нашемъ обществѣ, могли совершаться реформы безъ неизбѣжныхъ сотрясеній той или другой общественной среды. Мы не убаюкиваемъ себя сладкими грезами. Мы не боимся толчковъ, мы знаемъ, что они неизбѣжны при коренныхъ преобразованіяхъ» [1]).

Короче говоря, подъ ферулой военнаго министерства гр. Д. А. Милютина и подъ редакціей полковника, создался, благодаря силѣ общественнаго движенія, вполнѣ либеральный органъ... Надо-ли говорить, какъ онъ волновалъ Валуева, всегда избѣгавшаго столкновеній съ людьми сильными, какъ сердила его устойчивость «Современнаго Слова», до конца дней своихъ не подавшаго руки Катковымъ, Павловымъ и tutti quanti.

Уже на второмъ мѣсяцѣ работы этого скромнаго бойца новыхъ началъ, Валуевъ пишетъ Головнину (2 іюня):

«Если журналы «Современникъ» и «Русское Слово» подверглись временному запрещенію, вслѣдствіе замѣченнаго въ нихъ систематически-вреднаго направленія и постоян-

---

[1]) „Сѣв. Пчела" 1862 г., № 284, объявленіе о подпискѣ на „Современное Слово".

ныхъ усилій къ распространенію вредныхъ, противурелигіозныхъ и противуправительственныхъ теорій, то въ настоящее время кажется, что ту же самую мѣру надлежало бы принять въ отношеніи къ газетѣ «Современное Слово». Поводомъ къ самому возникновенію ея было неблагонамѣренное направленіе, данное ея издателемъ офиціальной военной газетѣ «Русскій Инвалидъ». Изданіе «Современнаго Слова» разрѣшенно съ тѣмъ, чтобы, не нарушая заключеннаго на счетъ изданія «Русскаго Инвалида» контракта, отдѣлить, по крайней мѣрѣ, вредныя литературныя писанія отъ неофиціальной части газеты. Съ тѣхъ поръ [1]) направленіе этихъ писаній не только не измѣнилось, но обнаруживаетъ еще болѣе систематическое стараніе противодѣйствовать видамъ правительства и возбуждать умы противъ настоящаго общественнаго порядка. Достаточно указать на статью по вопросу о поджогахъ, на статью въ № 22 о духѣ прусской конституціи, и на другую статью, гдѣ говорится, подъ предлогомъ сравненія Америки съ Франціею, о томъ, что политическіе преступники не должны подлежать казни, потому что въ ихъ преступленіяхъ всегда есть доля самоотверженія. Цѣль подобныхъ заявленій, послѣ покушенія на жизнь великаго князя намѣстника [2]), и въ виду высочайшаго повелѣнія судить военнымъ судомъ подстрекателей къ безпорядкамъ, слишкомъ очевидна, чтобы оставаться незамѣченною. То же самое относится и къ статьѣ о прусской конституціи, и, если цензоръ можетъ не замѣчать попытокъ оправдывать разнаго рода злодѣйства или прикрывать наименованіемъ какого-нибудь иностраннаго государства то, что не могло бы быть выражено на счетъ Россіи, то подобныя попытки не должны ускользнуть отъ вниманія министерствъ, наблюдающихъ за дѣйствіями прессы. Нельзя также не принять въ соображеніе, что ежедневная газета должна подлежать еще болѣе строгому наблюденію, чѣмъ ежемѣсячный журналъ».

Въ заключеніе предлагалось прекратить изданіе «Современное Слово» на пять-шесть мѣсяцевъ. Черезъ день Головнинъ

[1]) Т. е. съ 1 іюня.

[2]) 21 іюня было покушеніе на жизнь великаго князя Константина Николаевича.

отвѣчалъ: «Въ отвѣтъ на сообщеніе отъ 2 іюля и вслѣдствіе личнаго объясненія, имѣю честь увѣдомить, что я объявилъ редактору «Совр. Слова», что газета эта подвергнется неминуемо временному прекращенію, въ случаѣ продолженія нынѣшняго направленія помѣщаемыхъ въ ней статей, и предписалъ цензирующему оную цензору усилить внимательность свою и строгость при просмотрѣ статей» [1]).

Когда, въ ноябрѣ, въ нѣкоторыхъ газетахъ и журналахъ появилось объявленіе объ изданіи «Совр. Слова» въ 1863 г., Валуевъ писалъ Головнину: «Издатель развиваетъ свои тенденціи и принципы довольно положительно и обѣщаетъ выяснить ихъ съ еще большей опредѣлительностью при ожидаемой имъ большей свободѣ прессы. Направленіе этой газеты, судя по принципамъ, которыми издатель намѣренъ руководствоваться, едва-ли будетъ такимъ, какое можетъ быть допущено въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ какъ подъ цензурою, такъ и безъ цензуры. Издатель, очевидно, стремится къ тому порядку вещей, который возможенъ вполнѣ только въ странахъ, имѣющихъ представительный образъ правленія, и для достиженія этой цѣли не боится ни сотрясеній, ни толчковъ, ни скачковъ, а болѣе опасается мирнаго и нечувствительнаго хода реформъ» [2]).

Какая-то газета подвергла серьезной оцѣнкѣ статью «Сѣверной Почты» объ исходѣ дѣла 50 лицъ, обвинявшихся въ составленіи тайнаго общества съ цѣлью низвергнуть существовавшее правительство Франціи и учредить на его развалинахъ республику. Органъ Валуева прежде всего обратилъ всѣхъ обвиняемыхъ въ пьяныхъ воровъ и, ставъ на эту точку зрѣнія, обливалъ ихъ всякой грязью. Невѣдомая для насъ сейчасъ газета горячо возражала противъ примитивности такихъ пріемовъ въ анализѣ политическихъ явленій Запада и уподобила «Сѣверную Почту» булгаринской «Сѣверной Пчелѣ», во времена оны назвавшей Луи-Блана, Ледрю-Роллена и другихъ «виртуозами по части таскаиія бумажниковъ изъ кармановъ». Статья эта напечатана въ..

---

[1]) *И. Усовъ*, н. с. V, 167—168.

[2]) Останавливаюсь на „Современномъ Словѣ" еще и потому, что эта газета, сильная въ свое время, теперь какъ-то совершенно забыта: настолько, что въ словарѣ Брокгауза и Ефрона ей, какъ самостоятельному органу, не отведено ни одной строки.

«Сборникѣ статей недозволенныхъ цензурою въ 1862 году» [1]... 7 августа Головнинъ писалъ по этому поводу министру юстиціи гр. Панину: «Государь Императоръ, обративъ вниманіе на статью «Судъ надъ членами тайнаго общества въ Парижѣ» [2]) которая не допущена цензурою къ печати, и признавая такое запрещеніе правильнымъ, высочайше повелѣть соизволилъ сообщить вашему сіятельству, что Его Императорское Величество, въ виду производящагося нынѣ слѣдствія въ С.-Петербургѣ, признавалъ бы полезнымъ напечатаніе благонамѣренной статьи, составленной опытными юристами, о судѣ произведенномъ въ Парижѣ. Въ исполненіе сей высочайшей воли, имѣю честь доставить при семъ вашему сіятельству помянутую статью» [3]).

Благонамѣренная статья, проредактированная гр. Панинымъ, появилась.

7 сентября Головнинъ объявилъ по цензурному вѣдомству, что, такъ какъ въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ появляются неумѣстныя похвалы дѣйствіямъ Гарибальди, а между дѣйствіями италіанскихъ агитаторовъ и злоумышленными попытками въ Россіи и въ Польшѣ сказывается явная связь, то онъ считаетъ нужнымъ сообщить объ этомъ для надлежащаго руководства.

До чего вообще доходилъ страхъ возможности путемъ печати породить какое бы то ни было недовольство, можетъ показать также такой случай. Съ момента прекращенія Восточной войны, въ теченіе семи лѣтъ населеніе не знало рекрутскихъ наборовъ. Въ 1862 г. военный министръ нашелъ необходимымъ ихъ возобновить, чтобы укомплектовать полностью резервы арміи. Манифестъ объ этомъ появился въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» 7 сентября и на слѣдующій день былъ уже перепечатанъ «С.-Петербургскими Вѣдомостями» и «Сѣверной Пчелой». Валуевъ нашелъ это неумѣстнымъ: 8 сентября—праздникъ тысячелѣтія Россіи, который не слѣдовало нарушать актомъ о всегда непріятной населенію рекрутской повинности... Предсѣдатель петербургскаго цензурнаго

[1]) Стр. 339—342 т. II.

[2]) Заглавіе не точное: „Судъ надъ составителями тайнаго общества и корреспонденція *Сѣверной Почты*".

[3]) *П. Усовъ*, н. с. V, 173.

комитета, Цэ, писалъ по этому поводу Головнину: «Находя весьма безтактнымъ напечатаніе сего манифеста въ день тысячелѣтія Россіи, я замѣтилъ объ этомъ редакторамъ сихъ газетъ, которые отозвались, что они не полагали предосудительнымъ перепечатывать въ своихъ газетахъ офиціальный актъ? [1]).

Вскорѣ, когда ясно стало уже и Валуеву съ Головнинымъ минутное раскаяніе части общества, очень быстро примкнувшей къ катковщинѣ павловскаго толка, иностранный отдѣлъ русскихъ газетъ, расширенный, было, какъ компенсація за безсодержательность внутренняго—начинаетъ подвергаться участи послѣдняго. 21-го сентября Головнинъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе по цензурному вѣдомству:

«Г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ мнѣ, что, при внимательномъ наблюденіи за періодическими изданіями нашими, оказывается, что встрѣчающіяся въ нихъ иногда неблагонамѣренныя статьи не всегда заключаютъ въ себѣ открыто вредныя идеи; напротивъ, онѣ приводятся не въ буквальномъ смыслѣ. Писатели съ вреднымъ направленіемъ прикрываютъ свое ученіе обыкновенно или столь прозрачными покровами, сквозь которые не трудно понять ихъ стремленіе, или обращаются къ аналогическому и, такъ сказать, параллельному изложенію. Такимъ образомъ, въ настоящее время почти во всѣхъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ обращаетъ на себя вниманіе отдѣлъ иностранныхъ извѣстій. Подъ этою рубрикою систематически проводятся такія стремленія и идеи, которыя бы, при самой снисходительной цензурѣ, не могли быть пропущены въ другихъ отдѣлахъ газетъ и журналовъ. Самыя революціонныя теоріи народностей и какое бы то ни было движеніе противъ всѣхъ возможныхъ правительствъ находятъ тамъ не только сочувствіе, но и одобреніе. Статсъ-секретарь Валуевъ, находя такое положеніе слишкомъ анормальнымъ, слишкомъ разительнымъ, чтобы оно могло быть терпимо, и, полагая, что при существующей у насъ силѣ печатнаго слова и при томъ уровнѣ цивилизаціи, на которомъ стоитъ большинство нашихъ читателей, тѣ ложныя понятія и злонамѣренныя заблу-

---

[1]) *П. Усовъ.* „Изъ моихъ воспоминаній“, „Истор. Вѣстникъ“ 1883 г. IV, 59.

:кденія, въ какія вводится такими статьями масса читаюп публики, очень вредны, считаетъ нужнымъ, чтобы цензо обращали вниманіе на всѣ вышеизложенныя обстоятельс и не иначе пропускали подобныя статьи, какъ по зрѣло убѣжденіи, что мысли и разсужденія, въ нихъ выраженн не противорѣчатъ кореннымъ основаніямъ нашего госуд ственнаго устройства» [1]).

Предписаніе весьма знаменательное... На почвѣ пос дующаго преслѣдованія иностранныхъ отдѣловъ, проис дили, конечно, часто курьезы въ родѣ такого напримѣ Въ «Сѣверной Пчелѣ», уже достаточно зарекомендовави себя всяческою благонамѣренностью, была помѣщена не довая статья по поводу напечатанной въ томъ же номе берлинской корреспонденціи. Въ ней, между прочимъ, го рилось: «Права, пріобрѣтенныя собственною настойчивості а въ случаѣ надобности и силою, имѣютъ, кромѣ больш ихъ ширины, еще и то преимущество, что, выражая соб не случайное только стеченіе обстоятельствъ, а истини потребности народа и его твердую волю удовлетворить эти потребностямъ, онѣ тѣмъ самымъ сдѣлались необходимы естественными и, слѣдовательно, прочными. Итакъ, пру скому народу остается только пожелать настойчивости выдержки на своемъ нынѣшнемъ пути: страдательное соп тивленіе бываетъ иногда болѣе успѣшнымъ орудіемъ, чѣ необдуманная и неловко выполненная попытка болѣе пр мого дѣйствія» [2])...

Это показалось достаточнымъ, чтобы уволить со служ цензора [3]).

Отчасти такая осторожность объясняется еще и тѣм что въ 1862 г. за литературой наблюдала наводившая стра слѣдственная комиссія кн. А. Ѳ. Голицына. Приходило гарантировать себя отъ ея указаній. Ихъ, впрочемъ, во таки, не удавалось избѣгнуть. Мы уже знаемъ прикоснове ность этой комиссіи къ пріостановкѣ «Современника»

1) Ibidem, 77—78.
2) 1862 г., № 336.
3) „Цензурныя дѣла etc.", № 17, записка Головнина отъ 20 декабря 1862 г.

усскаго Слова». А вотъ и еще фактъ. 10-го октября Го-цынъ обратился къ Головнину съ такимъ отношеніемъ:

«Высочайше утвержденная въ С.-Петербургѣ, подъ імъ предсѣдательствомъ, слѣдственная комиссія, въ испол-ііе даннаго ей высочайшаго повелѣнія принимать самыя югія и рѣшительныя мѣры для предупрежденія и пресѣ-ція вредныхъ и опасныхъ намѣреній и дѣйствій злоумы-сенниковъ, почла своимъ долгомъ неослабно слѣдить за ями обстоятельствами, которыя могутъ возбудить такую ітельность. Въ этомъ отношеніи комиссія обратила вни-іе на періодическія изданія и убѣдилась, что помѣщае-я въ нѣкоторыхъ изъ нихъ статьи много способствуютъ волненію умовъ, а неумѣстными выраженіями, вселяя цовѣріе къ правительству, ослабляютъ и чувство того ітительнаго благоговѣнія, какое русскіе искони привыкли ѣть къ своему государю и его фамиліи. Такъ, напримѣръ, № 73 газеты «Кіевскій Телеграфъ», 23 сентября 1862 года, іечатана статья, въ которой авторъ разсказываетъ о рас-эстраненныхъ, будто бы, въ Россіи, въ Волынской губер-і, четырехъ возмутительныхъ запискахъ, и, подъ предло-гъ порицанія ихъ, объясняя содержаніе сихъ записокъ съ яою цѣлью сдѣлать ихъ болѣе извѣстными»... и т. д.[1]).

Вмѣсто того, чтобы приводить выдержки изъ «Кіев-іго Телеграфа», якобы подтверждающія преступные за-сли газеты, я приведу лишь начало инкриминируемой эедовицы, совершенно игнорируемое кн. Голицынымъ:

«Когда въ Варшавѣ (какъ видно изъ разныхъ офи-льныхъ и неофиціальныхъ извѣстій) притихли всѣ без-эядочныя выходки подстрекателей, враговъ общаго спо-йствія, и самая траурманія, скорбная вывѣска соболѣз-ющихъ сердецъ, начала утрачивать свою привилегію на іулярность, или, лучше сказать, на моду,—вдругъ являются іасъ въ Ровно (Волынской губ.) горячія головы, стремя-ися возмутить довѣрчивыхъ жителей, чтобы подвинуть ь къ безпорядкамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, внушить имъ недобро-лательство къ русскому правительству»[2]).

---

[1]) *П. Усовъ*, н. с., „Истор. Вѣстникъ" 1883 г., IV, 73–74.
[2]) „Кіевскій Телеграфъ" 1862 г., № 73.

Кажется, уже этихъ словъ достаточно, чтобы видѣ во всей статьѣ безусловную несолидарность редакціи авторами прокламацій.

Съ октября 1861 г. гр. Л. Н. Толстой предприня въ Москвѣ ежемѣсячное изданіе «Ясной Поляны», сос влявшейся изъ двухъ отдѣльныхъ выпусковъ: «Шко Ясной Поляны» и «Книжки Ясной Поляны».

3 октября 1862 г. Валуевъ пишетъ Головнину:

«Наблюдательное чтеніе педагогическаго журна «Ясная Поляна», издаваемаго гр. Толстымъ, приводитъ убѣжденію, что журналъ этотъ, проповѣдующій совершен новые пріемы преподаванія и основныя начала народны школъ, нерѣдко распространяетъ такія идеи, которыя, зависимо отъ ихъ неправильности, по самому направлен своему, оказываются вредными. Не входя въ подробні разборъ доктрины этого журнала и не указывая на отдѣ ныя статьи и выраженія, что, впрочемъ, не представляло затрудненій,—я считаю нужнымъ обратить вниманіе ваше превосходительства на общее направленіе и духъ этого жу нала, нерѣдко низвергающіе самыя основныя прави религіи и нравственности. Продолженіе этого журнала томъ же духѣ, по моему мнѣнію, должно быть призна тѣмъ болѣе вреднымъ, что издатель, обладая замѣчате нымъ и, можно сказать, увлекательнымъ литературны дарованіемъ, не можетъ быть заподозрѣнъ ни въ злоумы ленности, ни въ недобросовѣстности своихъ убѣжденій. З заключается именно въ ложности и, такъ сказать, въ эксце тричности этихъ убѣжденій, которыя, будучи изложены особеннымъ краснорѣчіемъ, могутъ увлечь на этотъ пу неопытныхъ педагоговъ и сообщить неправильное напр вленіе дѣлу народнаго образованія. Имѣю честь сообщи о семъ вамъ, милостивый государь, въ томъ предположен что не изволите-ли вы признать полезнымъ обратить ос бенное вниманіе цензора на это изданіе».

Къ сожалѣнію, неизвѣстенъ точный, подробный с вѣтъ Головнина на этотъ интересный документъ. Офиціа ный источникъ, изъ котораго я заимствую настоящу переписку, очень глухо говоритъ, что, получивъ такое с ношеніе, Головнинъ поручилъ кому-то разсмотрѣніе вс вышедшей «Ясной Поляны», а, когда ему былъ предс

вленъ о ней очень подробный отчетъ, отвѣчалъ, что «въ направленіи ея нѣтъ ничего вреднаго и противнаго религіи, но встрѣчаются крайности педагогическихъ воззрѣній, которыя подлежатъ критикѣ въ ученыхъ педагогическихъ журналахъ, а никакъ не запрещенію со стороны цензуры». «Вообще—писалъ Головнинъ—я долженъ сказать, что дѣятельность гр. Толстого по педагогической части заслуживаетъ полнаго уваженія, и министерство народнаго просвѣщенія обязано помогать ему и оказывать сочувствіе, хотя и не можетъ раздѣлять всѣхъ его мыслей, отъ которыхъ, послѣ многосторонняго обсужденія, онъ и самъ, вѣроятно, откажется» [1]). Предсказаніе Головнина не сбылось, «Ясная Поляна» въ 1863 г. уже не выходила.

Въ ноябрѣ Валуева серьезно разогорчилъ благонамѣренный Краевскій. Какъ извѣстно, въ бойкое предподписочное время ловкій «ветеранъ русской журналистики» всегда старался быть либеральнымъ, съ лихвою выкупая потомъ эти прегрѣшенія. Такъ и тутъ. «Отечественныя Записки» въ одной статьѣ Громеки наговорили столько, что Валуевъ только руками разводилъ... Отвѣчая, напримѣръ, Каткову и Чичерину на ихъ опасенія объ излишней широтѣ правъ, предоставляемыхъ, по проекту, земству, онѣ прямо пишутъ: «Проектъ земскихъ преобразованій составленъ, какъ извѣстно, не частными лицами, не самимъ земствомъ, а министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Одно уже это обстоятельство должно было успокоить нашихъ консерваторовъ... [2]). На какомъ основаніи они заподозрили въ излишнемъ либерализмѣ правительство».

Немного ниже Громека заявляетъ, что журналъ рѣшается обратиться къ цензурѣ съ убѣдительнѣйшею просьбою выслушать его.

«На душѣ у насъ давно лежитъ нѣсколько словъ, которыя выслушать ей будетъ небезполезно, такъ какъ дѣло касается лично ея достоинства, а также достоинства литературы и выгодъ правительства. Вотъ уже около полугода, какъ мы замѣчаемъ, что литературное направленіе, извѣстное въ послѣднее время подъ общимъ названіемъ *нигилизма*, устра-

[1]) „Разная переписка по мин. нар. просвѣщенія etc., 16—17.

[2]) Извѣстна роль Валуева въ земской реформѣ.

нено вовсе изъ печати, и, если вѣрить слухамъ, подвергается систематическому и безусловному преслѣдованію... Надѣемся, что цензура повѣритъ намъ на этотъ разъ, такъ какъ ей хорошо извѣстно, что мы лично нисколько не заинтересованы въ успѣхахъ нигилизма. Но мы глубоко убѣждены, что преслѣдованіе его въ высшей степени вредно, какъ для литературы и успѣховъ истины, такъ и для цѣлей правительства».

Сказавъ дальше, что нигилизмъ самъ бы собой исчезъ изъ области общественныхъ убѣжденій, «Отечеств. Записки» продолжаютъ:

«Но не такія послѣдствія будутъ, если сказанное направленіе подвергнется систематическому гоненію. Во-первыхъ, самое направленіе, исчезнувъ изъ печати, не исчезнетъ въ дѣйствительности: оно останется въ сердцѣ и головѣ каждаго поклонника и, подавляемое извнѣ, тѣмъ сильнѣе укоренится въ его душѣ. Если правительство будетъ имѣть удовольствіе не встрѣчать его въ печати, то оно, раньше или позже, встрѣтится съ нимъ въ другой формѣ... Самое скромное убѣжденіе въ состояніи перейти въ злобу и ненависть, если ему систематически будутъ зажимать ротъ, и самое невинное увлеченіе легко разрастается до фанатизма, если будетъ подавлено не разумомъ, а насиліемъ. Опытъ недавно доказалъ это самымъ очевиднымъ образомъ. Спрашивается: произошло-ли бы все то, что у насъ недавно произошло, еслибъ правительство выказало бы побольше довѣрія къ здравому смыслу общества?.. Увлекающіеся скорѣе подчинялись бы безпристрастному и ничѣмъ непобѣдимому голосу общественнаго мнѣнія и не посмѣли бы итти наперекоръ его требованіямъ. Но голосъ этотъ былъ подавленъ и никто не могъ знать настоящаго общественнаго мнѣнія. Потому-то именно нѣкоторые отдѣльные кружки понадѣялись уже слишкомъ на общество. Они ошиблись горько. Тутъ же, по несчастью, случились пожары. Произошла реакція въ обществѣ. Правительство приняло это, кажется, за побѣду и отнеслось къ самому общественному мнѣнію сурово. Это, по нашему мнѣнію, большая ошибка, и если намъ дозволено будетъ высказать здѣсь всю правду, мы ее выскажемъ... Честная и сколько-нибудь уважающая себя литература не можетъ сражаться съ мнѣніями, кото-

рыя подвергаются преслѣдованіямъ и запрещаются цензурою; разумъ не можетъ подавать руки насилію [1]). Къ тому же на Руси изстари ведется добрый обычай, по которому лежачаго не бьютъ... Для нынѣшняго правительства, разумѣется, пріятно устранить на время то, что ему кажется особенно непріятнымъ, но при этомъ не слѣдовало бы забывать, какая жатва приготовляется для его преемниковъ. Да и самый фактъ устраненія, какъ мы уже говорили выше, составляетъ чистую иллюзію. Въ сущности, ничто не устранено, а только удалено отъ правительства. Если правительство не будетъ встрѣчать непріятныхъ мнѣній въ печати и слышать о нихъ въ кругу своихъ приближенныхъ, то это еще не значитъ, чтобъ самыя мнѣнія исчезли съ лица земли и не были бы слышимы другими. Еслибъ правительство рѣшилось преслѣдовать эти мнѣнія въ частныхъ разговорахъ, они найдутъ себѣ иныя выраженія: улыбка, взглядъ, пожатіе руки—все это служитъ человѣку для передачи чувствъ и мыслей, и въ извѣстныхъ случаяхъ передаетъ ихъ въ совершенствѣ. Но, разумѣется, въ нынѣшнемъ вѣкѣ правительство не можетъ дойти до такихъ бироновскихъ предѣловъ преслѣдованія, и мы только упомянули о нихъ для того, чтобъ нагляднѣе доказать физическую невозможность преслѣдовать то, что само по себѣ безплотно и неуловимо. Такимъ образомъ, сама собою представляется слѣдующая дилемма: преслѣдовать мысль до корня, до ея окончательнаго уничтоженія невозможно; преслѣдовать ее понемножку безполезно и даже вредно. Это повело бы только къ ея раздраженію, къ прогрессивному увеличенію недовольныхъ, не принося никакой существенной пользы правительству... Опираться на одну необразованную массу никакое образованное правительство не можетъ; безъ сочувствія просвѣщенныхъ людей обойтись ему никакъ нельзя. А полагаться на сочувствіе, выражаемое одними присяжными его поставщиками, полагаться на офиціальные восторги и скоропроходящіе взрывы народнаго увлеченія — значило бы умышленно обольщать себя призраками и отказываться отъ трезваго и прямого смотрѣнія въ глаза исторической истинѣ».

---

[1]) Если бы Краевскій думалъ такъ, то не выпрашивалъ бы у Каткова права перепечатать его „Замѣтку“ о Герценѣ...

Въ заключеніе Громека говорилъ:

«Мы не можемъ вѣрить, чтобъ правительство рѣшилось продлить то положеніе вещей, при которомъ въ одно и то же время заботятся объ улучшеніи крестьянскаго быта и запрещаютъ частнымъ людямъ защищать крестьянъ, — даруютъ народу правильный судъ и защиту отъ административнаго произвола и преслѣдуютъ административнымъ порядкомъ лицъ, почему-либо неправящихся начальству, — хлопочутъ объ уничтоженіи произвольной цензуры и насильно выкидываютъ изъ литературы цѣлое направленіе. Что бы ни говорили ходячіе слухи, мы не хотимъ вѣрить, чтобъ правительство умышленно уничтожало одной рукой примѣненіе на дѣлѣ всѣхъ тѣхъ благъ, которыя другою рукою такъ щедро раздаетъ на бумагѣ. Тутъ, вѣроятно, всему причиною старые предразсудки, рутина, недовѣріе къ общественнымъ силамъ или просто излишнее усердіе отдѣльныхъ агентовъ преслѣдовательной власти. Какъ бы то ни было, но мы надѣемся, что цензура не воспрепятствуетъ этимъ откровеннымъ и доброжелательнымъ строкамъ нашимъ дойти по назначенію. Она пойметъ, вѣроятно, что скрывать отъ правительства опасенія, *раздѣляемыя большинствомъ общества*, было бы самою плохою услугою съ ея стороны. *Лучше же ей имѣть теперь дѣло съ нашими скромно выраженными мыслями, чѣмъ остаться потомъ вовсе безъ дѣла, когда русская литература переселится за предѣлы Европейской и Азіатской Россіи»* [1]).

Потомъ «Современникъ» просилъ Громеку вспомнить басню объ услужливомъ медвѣдѣ и понять всю... «нетактичность» постановки знака равенства между нимъ и тогдашнимъ жупеломъ — нигилизмомъ; но это было потомъ, въ 1863 году. Теперь же, Валуевъ, неожидавшій услышать столько, все-таки, правды отъ Краевскаго, просилъ Головнина озаботиться заказомъ соотвѣтствующаго неофиціальнаго опроверженія [2])...

---

[1]) „Отеч. Записки" 1862 г., XI, „Современная хроника Россіи", 28—34. Курсивъ мой.

[2]) *П. Усовъ*, н. с., VI, 607. Странно слышать когда „Отечественныя Записки" ставятъ за одну скобку съ „Современникомъ" и „Русскимъ Словомъ". А это сдѣлалъ и г. Татищевъ. Въ своемъ послѣднемъ трудѣ онъ присоединяетъ органъ Краевскаго къ этимъ

Опуская мытарства романа Гюго «Les misérables», последніе тома котораго, по словамъ Валуева, — «имѣютъ самое вредное направленіе»; защиту имъ же Аракчеева, «дѣятельность коего по устройству военныхъ поселеній одобрялась въ два прошедшія царствованія»; изгнаніе имени Радищева, уже въ 1858 г. неопальнаго [1]); остракизмъ Рылѣева и А. Бестужева [2]) и очень многое другое,—скажу, что независимо отъ такого строгаго курса, министерство внутреннихъ дѣлъ обратило вниманіе Головнина на 67 упущеній свѣтской цензуры за годъ [3]) и вообще не было довольно ни цензурой, ни тѣмъ болѣе литературой, несмотря на то, что принимались всякія мѣры для уменьшенія числа органовъ. Пользуясь основаніемъ комиссіи кн. Оболенскаго, «наблюдатели» за печатью совсѣмъ сначала не разрѣшали изданіе новыхъ газетъ и журналовъ, а въ іюнѣ базировались на высочайшемъ повелѣніи разрѣшать ихъ не иначе, какъ по взаимному согласію своему съ шефомъ жандармовъ [4]).

Зато доволенъ былъ литературою Головнинъ... конечно, только офиціально, когда поневолѣ нужно было признать цѣлесообразность своего собственнаго «попеченія» и «направительства». Вотъ почему нельзя придавать сколько-нибудь серьезнаго значенія похваламъ литературѣ въ общемъ, которыми начиналось и заканчивалось изданное министерствомъ народнаго просвѣщенія «Краткое обозрѣніе направленія періодическихъ изданій и газетъ» за 1862 годъ.

двумъ органамъ, называя всѣ ихъ „провозвѣстниками политическихъ и соціальныхъ ученій самаго разрушительнаго свойства" („Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе", I, 388).

[1]) См. стр. 236—239 „Сборника статей недозвол. цензурою etc.", II.

[2]) Статья „Альманахъ „Звѣздочка" 1826 г." М. И. Семевскаго, напечатанная въ № 4 „Рус. Архива" за 1869 г., была не пропущена въ 1862 г. — см. стр. 221—228 того же „Сборника", II.

[3]) „Сѣв. Почта" 1865 г., № 263.

[4]) „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи", 133. Тутъ кстати замѣчу, что было отказано въ просьбѣ М. Е. Салтыкова, единственный разъ вздумавшаго основать собственный двухнедѣльный журналъ да еще въ Москвѣ. Ему было сообщено о принятомъ порядкѣ неразрѣшенія впредь до пересмотра законовъ о печати, а затѣмъ это рѣшеніе Головнинъ, конечно, уже не измѣнилъ. „Что значитъ этотъ фактъ? спрашиваетъ Салтыковъ. Не то-ли, что просто-на-просто хотѣли отказать въ изданіи журнала именно Салтыкову"... (См. „Полное собраніе его сочиненій", 1900 г., I, 97).

Говоря, что въ этомъ году «въ журналахъ совершенно і кратились: 1) статьи, проповѣдующія матеріализмъ, (вѣріе и вообще всякія нападки на православіе и христі скую вѣру; 2) статьи, въ которыхъ колебалось бы мон хическое начало и самодержавіе; въ 3-хъ, раздражитель полемика по крестьянскому вопросу, оскорбительная , помѣщиковъ и безполезная для крестьянъ; въ 4-хъ стат проповѣдующія коммунизмъ, и въ особенности тѣ, въ кс рыхъ доказывалось право собственности крестьянъ помѣщичьи земли, и въ-5-хъ всѣ тѣ статьи, въ которы безъ всякой пользы для дѣла и вопреки видамъ пра тельства, разсуждалось объ утратившемся значеніи двор ства и объ уничтоженіи сего сословія»[1] Головнинъ (бенно старался выставить заслуги своей цензуры, подар шей Россіи не только малосодержательную печать, но і что еще важнѣе — два компактныхъ тома неразрѣшенны статей. Всѣ похвалы литературѣ въ «благопріятности ; правительства направленія» ея, въ «сочувствіи къ важн шимъ правительственнымъ мѣрамъ и сознаніи о посту тельномъ движеніи впередъ нашего общества къ ука: ваемымъ ему правительствомъ цѣлямъ»[2] не могутъ бі признаны чистосердечными: доказательствомъ противн служатъ опять-таки эти два тома «Сборника»[3]). Яв

[1]) „Краткое обозрѣніе etc.“, 9.

[2]) Ibidem, 81, 82, 83.

[3]) Въ первомъ томѣ (оба они по 30 печатныхъ листовъ) 44 ста по политикѣ, администраціи, суду, финансамъ, цензурѣ, об ственнымъ вопросамъ и пр. На первомъ мѣстѣ стоитъ статья Щап „Областныя земскія собранія и совѣты“; затѣмъ отмѣчу стат неизвѣстно кому принадлежащую, „О представительномъ правлен составленную по Д. С. Миллю, „Воззваніе Мадзини къ итальянцаı „Оппозиція во Франціи“, „О бюджетѣ“, „О воспитаніи духовенст и т. д. Во второй томъ вошли: 18 разсказовъ, очерковъ и сце 32 стихотворенія; 11 библіографическихъ замѣтокъ; изъ нихъ наз нѣкоторыя: „Кремуцій Кордъ“ Костомарова, „Ученые труды наш академиковъ по естественнымъ наукамъ“, „О росписи государсті ныхъ расходовъ и доходовъ“ Н. Г. Чернышевскаго („Современни 1862 г., II); 7 статей, посвященныхъ полемикѣ съ Катковымъ за „Замѣтку для издателя „Колокола“, 1 статья по адресу „Сѣвер Почты“ за извращеніе явленій западной жизни, и 49 замѣтокъ всякія злобы дня, на „Сѣв. Почту“, Аксоченскаго, Каткова, Павл и пр. и пр. Я имѣлъ терпѣніе прочесть весь „Сборникъ“, отъ до

противорѣчіе министра въ этихъ оцѣнкахъ журналистики, всегда бывшей отраженіемъ общественнаго настроенія, ни въ чемъ не выразилось такъ ясно, какъ въ одной фразѣ, незамѣченной имъ самимъ и потому пропущенной въ содержаніи офиціальнаго документа, служившаго ему оправданіемъ. Она очень невелика, но весьма многозначительна: «если убѣжденіе въ томъ, что масса произведеній здравой и полезной литературной дѣятельности въ 1862 году весьма значительно преобладаетъ надъ количествомъ предосудительныхъ литературныхъ явленій, не всѣми еще раздѣляется, то это почти исключительно происходитъ отъ того, что, къ сожалѣнію, даже самая образованная часть нашей публики гораздо болѣе обращаетъ вниманіе на статьи предосудительныя, тогда какъ статьи серьезныя, благонамѣренныя и консервативныя остаются незамѣченными; первыя немедленно замѣчаются, о нихъ говорятъ, передаютъ другъ другу, какъ бы ни были незначительны, а на статьи весьма благонадежныя, дѣльныя, составленіе коихъ требовало и учености, и большого труда, не обращается вниманія» [1].

Поэтому-то, вѣроятно, составитель «Обозрѣнія» цитировалъ и ссылался преимущественно на «Сѣверную Почту», «Сѣверную Пчелу», «Современную Лѣтопись», «Русскій Вѣстникъ», «Сынъ Отечества» и «Наше Время»...

Итакъ, къ чему же свелась дружная работа двухъ блюстителей надъ литературой?!...

до доски, и долженъ сказать, что на *точномъ* основаніи дѣйствующихъ въ 1862 г., *законодательныхъ* распоряженій, ни одна изъ статей не подлежала бы запрещенію. Товарищъ же министра народнаго просвѣщенія бар. А. П. Николаи находилъ, что ни одна изъ нихъ „не содержитъ ничего, подлежащаго судебному преслѣдованію“. Тамъ же, кстати, помѣщена довольно извѣстная въ свое время „Сказка о Митяяхъ“, напечатанная въ недавно вышедшихъ „Встрѣчахъ и воспоминаніяхъ“ И. Н. Захарьина (Якунина). Жаль только, что авторъ не знаетъ о „Сборникѣ“ и потому не могъ взять ее съ вѣрнаго списка.

[1]) Ibidem, 10—11 Г. Скабичевскій и Усовъ приняли похвалы Головнина за вполнѣ чистую монету и сдѣлали даже изъ нихъ еще лишній поводъ, чтобы похвалить самого министра.(Ср. „Очерки исторіи русской цензуры“, 491—493, и. с. Усова, „В. Е.“ VI, 613—616.

1863 годъ.

I.

Катковъ начинаетъ „Московскія Вѣдомости“. Планы на нихъ Головнина. Ихъ безрезультатность. Начало „Голоса“ Краевскаго. Полемика о независимости и самостоятельности субсидированной газеты. Къ исторіи „Очерковъ“.

1-ое января 1863 года ознаменовалось выпускомъ въ свѣтъ катковскихъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Голоса» Краевскаго.

Еще 30-го ноября, на балу, въ большомъ кремлевскомъ дворцѣ, Катковъ и Леонтьевъ, приглашенные туда, вмѣстѣ съ профессорами университета, были представлены государю и государынѣ, по случаю утвержденія арендиаго договора на пользованіе «Московскими Вѣдомостями». Императоръ и императрица пожелали имъ успѣха и сказали, что съ удовольствіемъ читали «Русскій Вѣстникъ» [1]).

Этого было, конечно, достаточно, чтобы считать себя застрахованными отъ слишкомъ большого вниманія цензуры.

Въ объявленіи о подпискѣ на 1863 годъ новые арендаторы писали: «Образъ мыслей и дѣятельность редакціи «Русскаго Вѣстника» достаточны знакомы публикѣ и публика сама можетъ судить, въ какой мѣрѣ новая редація «Московскихъ Вѣдомостей» будетъ удовлетворять ея потребностямъ. Нижеподписавшіеся не хотятъ возбуждать преувеличенныхъ ожиданій; они довольствуются предъявленіемъ тѣхъ залоговъ, которые заключаются въ ихъ прежней общественной жизни» [2]). Вотъ и все, касающееся литературной стороны дѣла. Дальше шли очень пространныя рѣчи о телеграммахъ, срокахъ выхода, цѣнѣ и пр.

---

[1]) *С. Невѣдѣнскій* „Катковъ и его время“, Спб., 1888, 160 — 161.
[2]) 1862 г., № 284, 30 декабря.

Не надо долго доказывать, что «нижеподписавшіеся» прекрасно знали, какую роль имъ предстоитъ сыграть, какую популярность пріобрѣсти. Польскія дѣла — они дали имя Каткову — не обѣщали ничего хорошаго. Каждый день настраивалъ тревожнѣе, пока къ 10 января положеніе не опредѣлилось совершенно, возстаніе не приняло настоящей своей формы. Съ этого дня Страстной бульваръ вооружается крѣпостными орудіями, разставляется стража добровольцевъ, всякій проходящій опрашивается, упорныхъ препровождаютъ къ коменданту...

Дальше мы будемъ имѣть случай не одинъ разъ разсмотрѣть эти пушки и добровольцевъ, разслышать пароль и пропускъ Леона-Катковскаго, прочесть донесенія коменданта, — теперь же нѣсколько словъ о домогательствахъ Головнина заключить союзъ съ надвигавшейся силой.

Сначала онъ, повидимому, мечталъ воспользоваться прекраснымъ примѣромъ Валуева и имѣть два собственные органа: одинъ въ Москвѣ, другой въ Петербургѣ,—что соотвѣтствовало бы «Нашему Времени» и «Сѣверной Почтѣ». Съ этою цѣлью въ торгахъ на сдачу въ аренду «Московскихъ Вѣдомостей»—«участвовало одно лицо, пріѣзжавшее изъ Петербурга и бывшее агентомъ какихъ-то лицъ, желавшихъ остаться въ неизвѣстности. Имя этого конкуррента на торгахъ не встрѣчалось ни прежде, ни послѣ, ни въ какомъ журнальномъ предпріятіи и совершенно неизвѣстно литературѣ. Говорили, что онъ торговался отъ лица откупщиковъ, желавшихъ имѣть свой органъ; другіе утверждали, что онъ былъ высланъ изъ Петербурга на торги нѣкоторыми сильными лицами, желавшими имѣть подручный органъ, но такъ, чтобъ это оставалось неизвѣстнымъ для публики. Условія, предложенныя съ этой стороны, оказались менѣе удовлетворительныя, чѣмъ другія. Послѣ, когда дѣло было окончено и торги состоялись, намъ—разсказываетъ Катковъ—писалъ г. министръ народнаго просвѣщенія о томъ, что кто-то являлся въ министерство и предлагалъ надбавку сверхъ нашихъ условій, но въ какой мѣрѣ это предложеніе было серьезно, этого мы не знаемъ, и изъ письма не видно» [1]).

---

[1]) „Москов. Вѣдомости“, 1865 г., № 210.

Разсказъ очень, правда, глухой, но послѣдующее по моему, совершенно ясно указываетъ на скрывавшагося конкуррента Каткова и Леонтьева.

Послѣ совершенія торговъ, пріѣхавшій для ихъ утвержденія товарищъ министра просвѣщенія, бар. Николаи, а также пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ Головнина, предсѣдатель петербургскаго цензурнаго комитета, Цеэ, выразили Каткову, отъ лица министра, сожалѣніе, что принятыя имъ условія слишкомъ тяжелы и обременительны для изданія (нужно было ежегодно уплачивать 74,000 руб., т. е. вдвое больше прежняго), и желаніе сдѣлать для новыхъ издателей что-нибудь существенно полезное. Въ виду этого, Головнинъ предлагалъ посодѣйствовать удешевленію почтовой пересылки газеты на двѣ трети, что при 5,000 экземпляровъ составляло 10,000 руб. Катковъ и Леонтьевъ были слишкомъ умны, чтобы пойти на такую замаскированную субсидію.

Тогда Головнинъ просилъ ихъ указать, что можно сдѣлать для газеты въ смыслѣ устраненія неудобствъ, встрѣчаемыхъ ею отъ административныхъ вѣдомствъ. Катковъ указалъ на неудобство задѣлки постъ-пакетовъ въ экспедиціи почтамта и просилъ о предоставленіи ея непосредственно самой редакціонной конторѣ съ разрѣшеніемъ отправлять пакеты непосредственно на станціи желѣзныхъ дорогъ. Министръ вошелъ по этому поводу въ переписку съ директоромъ почтоваго департамента, но послѣдній, видя въ этомъ уменьшеніе средствъ газетной экспедиціи, хотя и согласился на предлагаемую мѣру, но на вычетъ изъ платы не пошелъ. И, что оригинально: изъ сообщенія департамента издатели узнали, что ходатайство о такой льготѣ было возбуждено ими самими... Очевидно, Головнинъ, по опыту съ «Голосомъ» (о чемъ ниже) зналъ, какъ необходима въ этихъ вопросахъ строгая конспирація. Бумага директора департамента любопытна и въ другомъ отношеніи. Увѣдомляя Каткова о предоставленіи ему права задѣлывать пакеты и посылать ихъ куда нужно, онъ указалъ, что вычетъ этотъ не можетъ быть сдѣланъ, какъ удовлетвореніе законной претензіи, а развѣ только въ смыслѣ льготы, какая дѣлается со стороны правительства нѣкоторымъ изданіямъ въ уваженіе ихъ благонамѣреннаго направленія и какой, по мнѣ-

нію почтоваго департамента, Катковъ, дорожа своею независимостью, не могъ бы принять.

Немедленно директоръ департамента былъ освѣдомленъ о томъ, какъ возникло все это дѣло [1])...

Съ «Голосомъ» дѣло устроилось и гораздо проще и гораздо прочнѣе. Чтобы не возвращаться впослѣдствіи къ этому очень интересному вопросу, я думаю здѣсь же познакомить читателя съ кое-какими данными, позволяющими утверждать, что «Голосъ», дѣйствительно, получалъ субсидію изъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ этомъ отношеніи очень любопытна полемика Краевскаго съ Катковымъ, веденная во второй половинѣ 1865 года и законченная ими на страницахъ своихъ уже безцензурныхъ изданій.

Почти съ самаго начала «Голосъ» очень часто не иначе назывался «Московскими Вѣдомостями», какъ «офиціозною газетою». Краевскій благоразумно молчалъ, если не считать короткаго, запрятаннаго на четвертую страницу отвѣта своему саратовскому корреспонденту, сообщившему редакціи, что на счетъ ея самостоятельности и независимости ходятъ, съ самаго начала изданія, очень нелестные слухи: «Объявляемъ во всеуслышаніе тѣхъ, которые такъ о насъ заботятся, что газета «Голосъ» *никогда не имѣла, не имѣетъ и не можетъ имѣть* ни офиціальнаго, ни полуофиціальнаго, ни офиціознаго и никакого другого въ этомъ родѣ характера; что она вполнѣ, во всѣхъ отношеніяхъ—газета *независимая;* что высказываемыя ею убѣжденія принадлежатъ только ей самой и не подчиняются ни офиціальнымъ, ни офиціознымъ и никакимъ-либо другимъ постороннимъ вліяніямъ» [2]).

Въ августѣ 1865 года снова выплываетъ наружу этотъ щекотливый вопросъ, благодаря передовицѣ «Московскихъ Вѣдомостей», называвшей «Голосъ» «офиціозомъ петербургскихъ педагоговъ», «получающей субсидію газетой» [3]).

Краевскій, конечно, пишетъ, что, къ сожалѣнію, сплетня, сложенная при рожденіи его органа, еще и до сихъ поръ

---

[1]) „Моск. Вѣдомости" 1865 г., № 195; *С. Невѣдѣнскій* „Катковъ и его время", 224—225.

[2]) „Голосъ" 1863 г., № 26.

[3]) 1865 г., № 176, 13 августа.

не умерла, что и «Современникъ», и «С.-Петербургскія Вѣдомости», и «Библіотека для Чтенія», и «Эпоха», и «Вѣсть» и «Народная Лѣтопись» вотъ уже третій годъ болѣе или менѣе прозрачно намекаютъ на то, что «Голосъ»—газета кѣмъ-то подкупленная. Но на все это не стоило-де, отвѣчать. Теперь же, когда «Московскія Вѣдомости» ставятъ вопросъ совершенно ясно и опредѣленно—молчать нельзя. И прежде всего надо благодарить ихъ за представившуюся возможность реабилитировать себя. «Отъ кого же, отъ какихъ именно педагоговъ „Голосъ" получаетъ субсидію? Отвѣчайте г.г. Катковъ и Леонтьевъ, а иначе, всѣ честные люди назовутъ васъ еще разъ лжецами!» «Мы прямо и положительно заявляемъ, что газета „Голосъ" *не служитъ и не служила офиціознымъ органомъ ни петербургскимъ педагогамъ и никому другому, и ни отъ какихъ учрежденій никакихъ субсидій, для проведенія какихъ-либо идей, не получала и не получаетъ»*.

Затѣмъ, послѣ длиннаго, но довольно темнаго объясненія, что такое субсидированный органъ вообще, Каткову и Леонтьеву ставились слѣдующіе вопросы:

«1) Къ которой изъ этихъ категорій вы причисляете газету «Голосъ»?

«2) Кто такіе эти петербургскіе педагоги, отъ которыхъ «Голосъ» получаетъ субсидію и которымъ онъ служитъ офиціознымъ органомъ?

«3) Имѣете-ли вы доказательства для уличенія «Голоса» въ полученіи имъ отъ кого бы то ни было и когда бы то ни было *денегъ?*

«4) Если не имѣете никакихъ доказательствъ, то на чемъ вы основывались, печатая сплетни противъ «Голоса»? Если на слухахъ, то отъ кого къ вамъ дошли эти слухи?»

Въ заключеніе слѣдовало патетическое заявленіе: «Если же вы не дадите категорическихъ отвѣтовъ на каждый изъ нашихъ вопросовъ, то мы заставимъ васъ въ вашей же газетѣ, напечатать заявленіе, что вы оболгали газету «Голосъ», и вы напечатаете—это вѣрно» [1])...

«Московскія Вѣдомости», принявъ посланную имъ благодарность, выразили, однако, недоумѣніе, почему «Голосъ»

[1]) „Голосъ" 1865 г., № 233, 24 августа. Курсивъ мой.

раньше не отблагодарилъ ихъ и не выступилъ съ самозащитой... «Что газета «Голосъ», подобно нѣкоторымъ другимъ изданіямъ, получаетъ или получала пособія, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и фактъ этотъ не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ». На вопросъ, почему же это несомнѣнно, Катковъ отвѣчалъ: «Еслибъ это было извѣстіе ложное, то правительство не могло бы оставить его безъ опроверженія, потому что оно касается правительства. Зная объ этомъ изъ источниковъ вполнѣ достовѣрныхъ, мы постоянно называли «Голосъ» газетою офиціозною или полуофиціальною. Еслибъ это показаніе было невѣрно или неточно, то оно не могло бы остаться безъ опроверженія -- не говоримъ, со стороны «Голоса», потому что его опроверженія въ этомъ случаѣ не имѣютъ силы, — но со стороны правительства, которое не можетъ и не имѣетъ надобности отрицать существующій фактъ, точно также, какъ не могло бы оставить въ силѣ какое-либо невѣрное, касающееся его самого извѣстіе». «Московскія Вѣдомости» утверждали, что несубсидируемость «Голоса» можетъ быть доказана «только офиціальнымъ заявленіемъ правительства, что издатель «Голоса» *ни подъ какой формой* не получалъ казенныхъ пособій; тогда только можемъ мы объявить, изъ какихъ достовѣрныхъ источниковъ, при какихъ обстоятельствахъ и съ какими подробностями получили мы наше свѣдѣніе» [1]).

Какъ видимъ, Катковъ умышленно *«деньги»* (выраженіе Краевскаго) замѣнилъ пособіемъ *«въ какой бы то ни было формѣ»*, зная, что всегда недостаточное министерство народнаго просвѣщенія и не могло выдать «Голосу» просто-на-просто чистую сумму, а гарантировало ему извѣстное число подписчиковъ изъ среды своихъ учрежденій...

«Голосъ» отвѣчалъ очень оригинально для человѣка, сознающаго свою правоту. Прежде всего онъ старался доказать, что офиціозность — это ничего; нехороша лишь — «полуофиціальность», въ которой онъ никогда не стоялъ. А затѣмъ указывалъ на явное неудобство для правительства выступать съ какимъ-нибудь по этому поводу опроверженіемъ — «это, де, ниже его достоинства» [2]).

---

[1]) „Москов. Вѣдомости“ 1865 г. № 187, 26 августа. Курсивъ мой.
[2]) „Голосъ“ 1865 г., № 240, 30 августа.

Получивъ право выходить безъ предварительной це
зуры, «Московскія Вѣдомости» назвали даже предѣлъ пол
чаемой «Голосомъ» субсидіи:—«она столь значительна, ч
получаемыхъ денегъ достало бы на преобразованіе гимназ
цѣлаго учебнаго округа» [1]).

Что оставалось бѣдному Краевскому?.. Его выручи
московскій корресподентъ, написавшій, между прочимъ н
Каткова и Леонтьева: «Они знаютъ очень хорошо, что
Россіи министръ, призванный къ своей должности высоча
шимъ довѣріемъ, не можетъ давать отчета въ своихъ пр
вительственныхъ дѣйствіяхъ частной газетѣ, по приглашен
ея редакторовъ. На немъ лежитъ иная отвѣтственность
болѣе тяжелыя заботы, нежели полемика съ издателями т
или другой газеты, которая какъ бы ни была распростр
нена въ публикѣ, не можетъ считать себя представительн
цею общественнаго мнѣнія страны» [2]).

Эта схоластика погубила Краевскаго: всѣмъ стало яс
что каковы ни на есть «Московскія Вѣдомости», но
данномъ вопросѣ правда на ихъ сторонѣ. Ждали лишь,
появиться-ли чего-нибудь опредѣленнаго въ «Сѣверн
Почтѣ». Наконецъ появилось слѣдующее офиціальное з
явленіе:

«Газеты „Московскія Вѣдомости" и „Голосъ", продо
жая возникшую между нимъ особаго свойства полемику
ссылаются въ ней на правительство, разсуждаютъ о дѣ
ствіяхъ и достоинствѣ правительства и очевидно, стараютс
вызвать, въ отношеніи къ предмету полемики, какой-ли
отзывъ правительственной власти. Та и другая газета уп
скаютъ изъ виду, что правительство ими не можетъ бы
вовлечено въ кругъ ихъ пререканій. Продолженіе этихъ пр
реканій безполезно, потому что правительство имъ остает
чуждымъ, и неудобно, потому что имъ трудно удержать
въ предѣлахъ, въ которыхъ они могутъ быть терпимы»

[1]) „Москов. Вѣдомости" 1865 г., № 195, 7 сентября.

[2]) „Голосъ" № 254, 14 сентября.

[3]) Не останавливаюсь на № 204 (19 сентября) „Москов. Вѣ
мостей" и № 262 (22 сентября) „Голоса", такъ какъ чего-нибудь
ваго или поясняющаго старое тамъ нѣтъ.

[4]) „Сѣв. Почта" 1865 г., № 205.

Катковъ, однако, и послѣ этого, ничего не объяснившаго сообщенія, подтвердилъ все раньше сказанное, добавивъ, что «Голосъ» субсидируется «административнымъ лицомъ министерства народнаго просвѣщенія» 12,000 руб. въ годъ [1]).

Это все—одна сторона дѣла.

А вотъ и другая, врядъ-ли не менѣе убѣдительная.

Въ октябрьской книжкѣ «Современника» анонимный авторъ внутренняго обозрѣнія—Г. З. Елисеевъ -зло посмѣялся надъ послѣдними трудами академіи наукъ, главнымъ образомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, особенно же надъ Я. К. Гротомъ и изданными имъ сочиненіями Державина. Головнину вдругъ вздумалось просить непремѣннаго секретаря академіи, Веселовскаго, выступить съ опроверженіемъ: такой пріемъ онъ практиковалъ очень часто, опровергая, напримѣръ, въ «Сѣверной Почтѣ», «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Сынѣ Отечества» и «Голосѣ» статьи остальной печати объ университетскомъ уставѣ 1863 года. Веселовскій наотрѣзъ отказался отъ предложенія, но не преминулъ случаемъ указать Головнину на его двуличность въ отношеніи къ академіи. Вотъ это очень цѣнное мѣсто:

«...„Голосъ“, съ самаго своего основанія, началъ швырять грязью въ академію, и если уже рѣчь зашла объ этомъ предметѣ, не могу скрыть отъ васъ, что такое направленіе „Голоса“ возбуждаетъ странное чувство въ академіи, ибо извѣстно, что эта газета находится въ особыхъ отношеніяхъ къ министерству народнаго просвѣщенія, получаетъ отъ него пособіе и служитъ ему офиціознымъ органомъ, въ которомъ помѣщаются изъ перваго источника разные communiqués министерства. Позвольте мнѣ быть откровеннымъ и спросить, что можетъ думать академія, встрѣчая подобныя на нее нападки въ газетѣ, которая, повидимому, должна была бы, въ своихъ сужденіяхъ объ одномъ изъ главныхъ учрежденій вѣдомства министерства, сообразоваться съ видами и желаніями сего министерства».

Головнинъ «совершенно частнымъ образомъ» отвѣчалъ немедленно: «...Вы говорите, что направленіе газеты «Голосъ» возбуждаетъ странное чувство въ академіи, ибо извѣстно, что эта газета находится въ особыхъ отношеніяхъ къ мини-

1) „Москов. Вѣдомости“ 1865 г., № 210, 26 сентября.

министерства народнаго просвѣщенія, получая отъ него пособіе, и служитъ ему офиціознымъ органомъ, въ которомъ помѣщаются изъ перваго источника разные «communiqués» министерства. Мнѣ, милостивый государь, извѣстно, что газета «Голосъ» никакого пособія отъ министерства просвѣщенія не получаетъ и офиціознымъ органомъ ему не служитъ, а получаетъ разныя свѣдѣнія или «communiqués», какъ вы называете, наравнѣ съ другими газетами, которыя желаютъ этими свѣдѣніями пользоваться; особыя отношенія этой газеты къ министерству заключаются въ томъ, что по предложенію министерства просвѣщенія г. Краевскому разрѣшено было издавать газету «Голосъ»[1]) вслѣдствіе того, что «С.-Петерб. Вѣдомости» переданы были г. Коршу безъ соблюденія тѣхъ обыкновенныхъ условій приличія, на которыя имѣлъ полное право прежній редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»[2]). Вы спрашиваете, что можетъ думать академія, встрѣчая нападки въ газетѣ, которая должна была бы въ своихъ сужденіяхъ объ одномъ изъ главныхъ учрежденіи вѣдомства министерства просвѣщенія сообразоваться съ видами и желаніями сего министерства. Отвѣтъ на это весьма простъ: министерство просвѣщенія не стѣсняетъ свободы ни одной газеты и ни отъ одной не требуетъ, чтобы она сообразовалась съ видами и желаніями сего министерства, полагая, что полная независимость печатныхъ органовъ всего полезнѣе для успѣховъ просвѣщенія»[3]).

Справедливость требуетъ замѣтить, что въ данномъ вопросѣ правда на сторонѣ Веселовскаго. Послѣдній, самъ по себѣ человѣкъ достаточно осторожный, чтобы рѣшиться говорить съ вѣтру, занималъ настолько значительное положеніе, что и такъ, стороною, могъ знать о субсидіи «Голосу»; а если ко всему этому прибавить, что онъ былъ членомъ комиссіи кн. Оболенскаго 1862 г., которая, конечно, имѣла достаточно богатыя свѣдѣнія о журналистикѣ, то слова его только и можно принимать въ ихъ настоящемъ значеніи. Тѣмъ болѣе, развѣ Головнинъ когда-нибудь со-

[1]) Она началась съ 1-го января 1863 года.

[2]) Краевскій никогда не могъ простить академіи наукъ отнятіе у него (собственно, у А. Очкина) „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

[3]) „Разная переписка etc.“, 53 - 57; *П. К. Веселовскій*, „Воспоминанія“. „Рус. Старина“ 1901 г., XII.

знался бы въ субсидированіи органа, очень ему нужнаго по многимъ соображеніямъ, отчасти и для отраженія нападокъ Каткова...

Таковы были двѣ газеты, ознаменовавшія начало 1863 года.

Довольно любопытный инцидентъ произошелъ по поводу выхода газеты «Очерки», издававшейся А. Очкинымъ подъ фактической редакціей Г. З. Елисеева. Слѣдственная комиссія кн. Голицына обратилась, по высочайшему повелѣнію, къ Головнину съ запросомъ, почему объявленіе о подпискѣ на «Очерки» не соотвѣтствуетъ утвержденной для нея программѣ. Головнинъ затребовалъ объясненіе у петербургскаго цензурнаго комитета. Оно было, разумѣется, немедленно представлено и препровождено Голицыну. Особенно интересны два пункта объясненій. «...Во-вторыхъ — находимъ тамъ — цензурный комитетъ съ особеннымъ довѣріемъ встрѣтилъ появленіе газеты подъ редакціей статскаго совѣтника Очкина, который, будучи редакторомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» въ теченіе 30 лѣтъ, извѣстенъ по своей добросовѣстности и консервативному направленію. Въ-третьихъ, цензурный комитетъ счелъ возможнымъ дозволить нѣкоторыя поясненія и истолкованія программы для того, чтобы газета, издаваемая лицомъ, бывшимъ долго редакторомъ въ то время, когда литература наша пользовалась меньшею свободою, чѣмъ нынѣ, *не слишкомъ много при подпискѣ теряла* въ глазахъ публики въ сравненіи съ программами прочихъ изданій, за которыми уже существуетъ авторитетъ либеральнаго направленія» [1]).

Итакъ, цензурный комитетъ, а за нимъ и министръ просвѣщенія, хорошо понимали, что при настроеніи общества, даже еще въ концѣ 1862 года, либеральное направленіе было, все-таки, серьезнымъ конкурентомъ направленію мракобѣсническому, и потому, желая успѣха «Очеркамъ» (участіе Елисеева, конечно, не подозрѣвалось), предоставили имъ возможность отрѣшиться отъ офиціальной программы... Вскорѣ, однако, дѣло было понято иначе... Елисеевъ принялъ намѣренія Очкина за чистую монету, привлекъ къ

---

[1]) „Цензурныя дѣла etc.“, № 2, л. 156.

газетѣ талантливыхъ сотрудниковъ (М. А. Антоновича и А. П. Щапова), но потомъ оказалось, что благонамѣренный издатель поспѣшилъ раздѣлаться съ неожиданнымъ своимъ дѣтищемъ и самъ прекратилъ его существованіе, передавъ подписчиковъ «Современному Слову».

II.

Проектъ комиссіи кн. Оболенскаго встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе. Головнинъ офиціально отрекается отъ своей къ нему прикосновенности. Докладъ его 10-го декабря. Отвѣтъ кн. Оболенскаго.

6-го января кн. Оболенскій, представилъ Головнину окончательную редакцію проекта устава о книгопечатаніи, выработаннаго комиссіей 1862 года. Какъ мы уже видѣли, проектъ вполнѣ гармонировалъ съ желаніями Головнина, съ его отношеніями къ литературѣ. Объ этомъ есть и документальное указаніе въ самомъ «представленіи» кн. Оболенскаго, который писалъ:

«Всякій законъ о прессѣ есть законъ политическій, а потому необходимость и значеніе той или другой системы этихъ законовъ вполнѣ подчиняются обстоятельствамъ времени. Вашему высокопревосходительству принадлежало право оцѣнки этихъ обстоятельствъ и избраніе, согласно съ тѣмъ— той или другой системы законовъ о печати: комиссія же старалась только, въ приготовленномъ ею проектѣ, дать надлежащее развитіе тѣмъ началамъ, которыя указаны вами, въ данной ей инструкціи. Поэтому комиссія смѣетъ надѣяться, что представляемый при семъ проектъ устава о книгопечатаніи въ главныхъ основаніяхъ своихъ и въ общемъ направленіи вполнѣ соотвѣтствуетъ предначертаніямъ и ожиданіямъ вашего в—ва» [1]).

[1]) „Матеріалы, собранные особою комиссіею, высочайше учрежденною 2-го ноября 1869 года, для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати", 1870 г., ч. I, 41. Съ этого же представленія кн. Оболенскаго начинаются „Матеріалы по исторіи русской цензуры" въ „Рус. Старинѣ" 1897 г., III—V, доставленные г. Бинштокомъ въ видѣ „извлеченій изъ архива бывшаго II отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи". Очевидно, составитель не зналъ,

Итакъ, комиссія точно слѣдовала указаніямъ министра и, казалось, должна была удовлетворить его ожиданіямъ. Но на то Головнинъ и былъ мастеромъ на всякіе кунстштюки, чтобы это «казалось» не существовало.

Сложное дѣло, въ которомъ, къ сожалѣнію, апологеты Головнина не разобрались, заключается въ дѣйствительности въ слѣдующемъ.

Кн. Оболенскій, еще въ концѣ ноября 1862 года, сообщилъ Головнину окончательную редакцію проекта комиссіи. Послѣдній вызвалъ сильную критику бар. А. П. Николаи, хотя и бывшаго товарищемъ министра просвѣщенія, но державшаго себя всегда достаточно независимо.

Прежде всего онъ указалъ на ту логическую несообразность, которая легла въ основу работы комиссіи.

«Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ тѣ неудобства безсилія и произвола, которыя убѣждаютъ въ несоотвѣтственности предупредительной цензуры, почерпнуты изъ жизни той части литературы, которая называется повременною, или, иначе, журналистика. Она, одна вызвала заботы и неудовольствія правительства стремленіемъ къ распространенію ложныхъ ученій, она преимущественно тяготилась произволомъ цензуры, она одна жаловалась и всячески старалась окольными путями провести свои мысли и прикрывать таинственностью и полунамеками ложь, которую цензура, ограждая ее отъ преслѣдованія, не въ силахъ обличить. Она, слѣдовательно, высказала несостоятельность предупредительной цензуры и необходимость новаго порядка. Между тѣмъ, по силѣ проекта новаго устава, она одна остается подчиненною предварительной цензурѣ. Причиною къ этому выставляется необходимость, въ настоящее переходное состояніе и при неутвердившихся еще новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, сохранить надъ періодическою литературою надзоръ болѣе строгій и дѣйствіе болѣе сильное.

что болѣе двухъ третей сообщеннаго имъ можно найти уже въ напечатанныхъ въ типографіи того же II отдѣленія цитируемыхъ мною „Матеріалахъ“, гдѣ многое, сокращенное г. Бинштокомъ, помѣщено in extenso. Не говорю уже о невообразимой хронологической путаницѣ, въ которой приведенные г. Бинштокомъ документы дѣлаются иногда совершенно непонятными. Не результатъ-ли это безтолковаго канцелярскаго, сшиванія дѣлъ?

«Если необходимость измѣненія цензуры предупредительной вызывается ея безсиліемъ, то непонятно, какимъ образомъ это безсильное средство употребляется для тѣхъ изданій, для которыхъ правительству нужна бóльшая сила. Если же причина временнаго безсилія карательныхъ органовъ истекаетъ изъ того только, что карательныя орудія еще не созданы, то это неудобство одинаково выкажется въ преслѣдованіи тѣхъ изданій, которыя освобождаются отъ цензуры и, спрашивается: количество и составъ этихъ изданій требуютъ-ли такого поспѣшнаго созданія новаго законодательства, долженствующаго ожидать своихъ исполнителей въ неопредѣленной будущности?

«Что же касается произвола и придирчивости, которые замѣчаются въ учрежденіи предварительной цензуры и устраненіе коихъ требовало безотлагательныхъ мѣръ, то и тутъ предлагаемыя мѣры едва-ли достигнутъ цѣли.

«Не оспаривая, что всякая предварительная цензура не можетъ отстранить отъ себя извѣстной доли произвола, нельзя не замѣтить, что всякая административная и полицейская власть, по самому существу своему, не можетъ освободиться отъ произвола лица, и что произволъ этотъ является повсюду въ несравненно бóльшихъ размѣрахъ, когда онъ выражается вліяніемъ на дѣла государственныя, на службу и карьеру лицъ, нежели когда онъ ограничивается запрещеніемъ или пересозданіемъ журнальной статьи. Отъ перваго - могутъ пострадать интересы общественные, участь и доброе имя лица или семейства, отъ второго — только авторское самолюбіе. Между тѣмъ, нигдѣ и ни въ какой странѣ міра, какъ бы просвѣщенна она ни была, не придумано еще средства, дабы уничтожить произволъ лица. Но произволъ тогда только переносится, когда онъ составляетъ общее для всѣхъ зло; онъ гораздо чувствительнѣе и больнѣе тогда, когда онъ проявляется какъ исключеніе для нѣкоторыхъ членовъ одного и того же общественнаго кружка. До настоящаго времени отъ произвола предупредительной цензуры страдали одинаково всѣ подвизающіеся, какъ частные люди, на литературномъ поприщѣ; неудобство было общее: нынѣ же предполагается этому произволу подчинить часть литературы, а другую часть освободить отъ него и подчинить ему именно ту часть, которая болѣе отъ него

страдала, болѣе на него жаловалась и яснѣе убѣдила въ несоотвѣтственности этого произвола съ настоящимъ состояніемъ общества. Но не этимъ ограничивается исключительный произволъ, которому подчиняется повременная литература; для нея создается еще особый видъ произвола въ той сферѣ, которая выставляется, какъ обѣтованная страна законности, т. е. въ карательной цензурѣ, а именно — создается административное караніе: иными словами, если повременная литература захочетъ освободиться отъ произвола цензуры предупредительной, придирчивой, но, по крайней мѣрѣ, освобождающей отъ отвѣтственности, — то она обязана подпасть подъ административное караніе, гдѣ произволъ соединенъ съ отвѣтственностью.

«Изъ этого нельзя не вывести слѣдующаго заключенія: 1) если предупредительная цензура не современна, потому что она безсильна, и если это безсиліе ея особенно проявляется въ журналистикѣ, — то нельзя сохранить ее только для этой журналистики, въ борьбѣ съ которой это безсиліе вреднѣе; 2) если предупредительная цензура не современна, потому что она по необходимости основана на произволѣ и придирчивости, и если этотъ произволъ и эта придирчивость въ особенности чувствительны для журналистики, — то нельзя усугубить эти недостатки исключительно для этой части литературы» [1]).

Оставляя въ сторонѣ самую точку зрѣнія на литературу и нѣкоторыя о ней заключенія и мнѣнія, нельзя, однако, отказать бар. Николаи въ отвѣтѣ на вопросъ: укладывались-ли мечты притѣснителей литературы въ рамки элементарной логики? Отвѣтъ данъ очень ясный и вполнѣ опредѣленный: нѣтъ. Вотъ почему эта часть записки барона была особенно непріятна Головнину.

Прослѣдимъ за нею дальше.

Сказавъ, что литература наша, призванная къ гласному обсужденію намѣчаемыхъ правительствомъ реформъ, — «не всегда пользовалась даннымъ (?) ей просторомъ (?) съ должною мѣрою и воздержанностью», — бар. Николаи говоритъ:

---

[1]) *В. Бинштокъ*, „Матеріалы по исторіи русской цензуры", „Рус. Старина" 1897 г., III, 588—590. Все процитированное г. Бинштокъ почему-то приписалъ Головнину...

«Переходя за предѣлы спокойнаго обсужденія, она нерѣдко увлекалась къ обсужденію вопросовъ несогласныхъ съ существующимъ порядкомъ, и личныя страсти отдѣльныхъ литераторовъ не разъ занимали мѣсто хладнокровнаго суда общественнаго мнѣнія. Нельзя удивляться, что правительство сочло нужнымъ прибѣгать къ мѣрамъ строгости и останавливать порывы, вредные для постепеннаго развитія его намѣреній. Отсюда явилось нѣчто въ родѣ борьбы между журналистикою и органами правительства, которые не всѣ одинаково привыкли къ выслушиванію иногда рѣзкихъ и дотолѣ небывалыхъ рѣчей. Невозможно предположить, чтобы такой моментъ былъ удобенъ для установленія вполнѣ правильныхъ и исключительно на буквѣ закона основанныхъ постановленій для печати; надобно, напротивъ, предполагать, что не привыкшая къ пользованію свободою часть журналистики увлечется за предѣлы благоразумія, и что правительство сочтетъ нужнымъ возстановить тѣ преграды, снятіе коихъ въ другое время было бы не что иное, какъ естественное послѣдствіе ихъ безполезности. Однимъ словомъ, правительство можетъ подвергнуться опасности искуственно создать тѣ колебанія, которыя въ другихъ странахъ были послѣдствіемъ политическихъ бурь, создать дѣйствительную борьбу вмѣсто кажущейся и при этомъ выказать въ своихъ дѣйствіяхъ непослѣдовательность, гораздо болѣе вредную для его авторитета, нежели тотъ произволъ цензуры, который нынѣ вызываетъ неудовольствіе незначительнаго числа журналистовъ» [1]).

Отнесшись затѣмъ очень критически къ примѣненію карательной цензуры только къ изданіямъ свыше 20 листовъ, бар. Николаи такъ отзывался объ административныхъ взысканіяхъ:

«Административно-карательная цензура есть, безъ сомнѣнія, орудіе весьма сильное, но оно было создано только тамъ, гдѣ правительство, уже лишенное предупредительной цензуры, не могло, при всей своей силѣ, возвратиться къ ней. Оно несравненно болѣе заражено произволомъ, нежели предупредительная цензура, ибо наказываетъ за вину, непредвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ. Если

[1]) Ibidem, 590—591.

гдѣ-либо необходимо самое точное опредѣленіе дозволеннаго и недозволеннаго, то это, безъ сомнѣнія, при созданіи административнаго каранія, иначе оно дѣлается ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ политическимъ въ рукахъ власти подавляющей, но не руководящей»[1]).

Въ заключеніе товарищъ министра просвѣщенія пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: во-первыхъ, необходимо оставить предупредительную систему, потому что «сохраненіе на время учрежденія несовершеннаго менѣе опасно, нежели возстановленіе его послѣ неудачнаго опыта его упраздненія»; во-вторыхъ, не должно быть двойственности системъ; въ-третьихъ, — «правительству, свободно дающему, по праву и на дѣлѣ не стѣсненному въ своихъ мѣропріятіяхъ, исполненному искренняго желанія добра и пользы, необходимо сохранить во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ положительность, твердость и откровенность»; въ-четвертыхъ, — необходимость предупреждать гласность многихъ произведеній, хотя и не безнравственныхъ и не прямо преступныхъ, и сохранить еще на время право опредѣлять удобность распространенія въ публикѣ извѣстныхъ мыслей и понятій — истекаетъ для правительства изъ переходнаго состоянія, въ которомъ находятся многія коренныя общественныя учрежденія и само общество; необходимость эта будетъ постоянно уменьшаться, по мѣрѣ того, какъ страсти, возбужденныя внезапнымъ переходомъ, успокоятся, и въ данный моментъ можно будетъ перейти открыто и безъ оговорокъ отъ одной системы къ другой»; въ-пятыхъ, созданіе временнаго особаго судопроизводства для немногихъ дѣлъ не вызывается настоятельною необходимостью и, наконецъ, въ-шестыхъ, издавать законодательство, которое на время не вступаетъ въ полную силу, неблагоразумно[2]).

Если бы все это писалъ человѣкъ съ иной аргументаціей, съ доводами положительно выраженными въ пользу литературы, то такой противникъ не былъ бы страшенъ для Головнина: его бы никто не слушалъ. Но мнѣніе бар. Николаи должно было встрѣтить поддержку среди членовъ государственнаго совѣта, и потому участь проекта,

---

[1]) Ibidem, 592.

[2]) Ibidem, 593.

такъ раскритикованнаго, очень начинала озабочивать министра. Вѣдь, это былъ его собственный взглядъ на вещи... Не долго думая, Головнинъ рѣшилъ разрубить Гордіевъ узелъ. Съ одной стороны, онъ предоставилъ защиту проекта кн. Оболенскому, не подозрѣвавшему въ этомъ хитрости, съ другой — поспѣшилъ отказаться отъ своей съ нимъ солидарности...

То и другое, разумѣется, и очень характерно, и очень любопытно.

«Прежде всего я замѣчу — писалъ Оболенскій, — что комиссія не ожидала, чтобы весьма мало развитая аргументація ея о недостаткахъ цензуры предварительной, помѣщенная во введеніи *и основанная на доводахъ и соображеніяхъ министра народнаго просвѣщенія*, могла послужить единственной исходной точкой для воззрѣнія на проектъ, который совокупностью мѣръ, имъ предложенныхъ, достаточно ясно указываетъ на общую мысль, положенную въ основаніе всего проекта. Эта мысль заключается въ убѣжденіи, что преслѣдовательная цензура съ большею силою можетъ ограждать и предупреждать общество отъ злоупотребленій печати, но при необходимомъ условіи правильно и хорошо устроеннаго суда, а пока сего условія нѣтъ, то преслѣдовательная цензура можетъ быть полезна и дѣйствительна только для той части литературы, которая по свойству своему и сама по себѣ представляетъ менѣе опасности для общества.

«Самая мысль о подчиненіи различнымъ правиламъ изданій обыкновенныхъ и повременныхъ подвергается барономъ Николаи сильной критикѣ. Онъ видитъ тутъ вредную въ законодательствѣ двойственность и полагаетъ, что несправедливо оставлять цензуру для однихъ періодическихъ изданій и освобождать отъ нея другія произведенія, объемомъ болѣе 20-ти листовъ, ибо, въ такомъ случаѣ для первыхъ произволъ будетъ чувствительнѣе и непріятнѣе. По мнѣнію барона Николаи, въ законодательной мѣрѣ не должно допускать исключенія и, ежели зло признано необходимымъ, то оно должно распространяться на всѣхъ въ равной степени.

«Подобныя понятія о равенствѣ, даже въ мірѣ вещественномъ и для предметовъ однородныхъ, я допустить не могу, а тѣмъ болѣе странно желаніе сохранить безусловно равное для всѣхъ зло въ мірѣ нравственномъ и притомъ

для совершенно разнородныхъ предметовъ. Повременная литература такъ рѣзко, такъ явственно отличается и по свойству, и по важности, и по значенію отъ обыкновенныхъ книгъ, что нигдѣ, никогда и ни при какихъ условіяхъ правила для нихъ не могутъ быть одинаковы. Вездѣ, гдѣ существуетъ полная свобода печати, повременныя изданія подлежатъ особымъ правиламъ, которыя не обязательны для другихъ изданій» [1]).

Затѣмъ слѣдовали почти голыя несогласія съ барономъ Николаи, въ которыхъ повторялось, въ сущности, слово въ слово сказанное своевременно комиссіей. Интересно лишь брошенное вскользь замѣчаніе, что комиссія вела свою работу, «пренебрегая всякими упреками въ излишествѣ мѣръ осторожности, не довѣряя измѣнчивымъ рукоплесканіямъ и либеральнымъ возгласамъ тревожнаго общества»...

Въ заключеніе, предугадывая, что «многіе, увлеченные прекраснымъ изложеніемъ и логическою послѣдовательностью выводовъ бар. Николаи, безусловно согласятся съ окончательнымъ его заключеніемъ» — Оболенскій беретъ на себя смѣлость выразить свое искреннее убѣжденіе, что было бы крайне неосторожно, отвергнувъ проектъ безъ разсмотрѣнія его въ существѣ, не постановить вмѣстѣ съ тѣмъ никакихъ иныхъ началъ для начертанія новаго проекта закона!» [2]).

Все это, включая сюда даже необычный въ такихъ бумагахъ восклицательный знакъ, было, конечно, мало убѣдительно. Головнинъ видѣлъ, что надо дѣйствовать другимъ путемъ, тѣмъ болѣе, что Оболенскій, указавъ на него, какъ на вдохновителя комиссіи, въ сущности, оказалъ ему медвѣжью услугу...

И вотъ совершается фактъ, особенно хорошо оттѣняющій, кѣмъ былъ «ратоборецъ литературы».

10-го декабря (1862 г.) Головнинъ входитъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, мотивируя его желаніемъ указать предварительно на важнѣйшія причины, вызвавшія пересмотръ закона о печати, и на самую цѣль, которой желательно бы достигнуть изданіемъ новаго законоположенія.

---

[1]) Ibidem, 594—595.
[2]) Ibidem, 596—597.

А нужно это было ему потому, что, согласно волѣ государя, главныя начала проекта комиссіи подлежали обсужденію совѣта министровъ.

Начинается докладъ съ параграфа, озаглавленнаго очень шумно: «всеобщее неудовольствіе на цензуру».

«Съ самаго учрежденія у насъ цензуры, ввѣренной министерству народнаго просвѣщенія, не прекращались жалобы со стороны литературы на крайнюю стѣснительность цензурныхъ правилъ и на излишнюю строгость и произволъ въ цензурной практикѣ, и въ то же время не прекращались требованія высшихъ полицейскихъ властей о введеніи большей и большей строгости, съ указаніемъ на упущенія цензоровъ. Въ послѣдніе годы общее направленіе правительственнаго образа дѣйствій и рядъ мѣръ, имъ предпринятыхъ, при предоставленіи общественному мнѣнію большаго участія въ обсужденіи этихъ мѣръ, должны были по необходимости вызвать, съ одной стороны, большія жалобы на строгость и произволъ цензуры, съ другой—болѣе разнообразныя требованія надзора за печатными произведеніями со стороны высшихъ полицейскихъ властей. Мѣнялись высшіе и низшіе исполнители цензурныхъ законовъ, издавались различныя правила, повторялись безпрерывно строгія подтвержденія, но цѣль не достигалась, и всѣ были недовольны, не исключая и самихъ цензоровъ, которые, выражая полную готовность исполнять намѣренія правительства, жаловались на крайнюю неопредѣленность цензурныхъ правилъ.

«Причина вышепоказаннаго явленія, которое продолжается уже много лѣтъ, заключается въ самомъ свойствѣ системы предварительной цензуры. Литература наша уже достаточно развилась, чтобъ ежедневное дѣйствіе цензурнаго произвола сдѣлалась для нея крайне тягостнымъ, и оттого происходятъ безпрестанныя жалобы на цензоровъ. Цензура по самому свойству предмета, подлежащаго ея дѣйствію, т. е. разнообразнѣйшему проявленію человѣческой мысли, не можетъ найти въ законѣ опредѣленной, точной границы между тѣмъ, что можетъ быть дозволено, и тѣмъ, что должно быть запрещено, и потому руководствуется большимъ или меньшимъ тактомъ каждаго цензора. Дѣятельность, основанная не на точномъ и ясномъ указаніи закона, никого не можетъ удовлетворить, и оттого ни при одномъ

министрѣ народнаго просвѣщенія не прекращалось общее неудовольствіе администраціи, общества и литературы на дѣйствія цензуры, а цензоровъ —на требованія отъ нихъ тѣхъ и другихъ. Очевидно, что необходимо стараться выйти изъ этого положенія, и перейти къ порядку болѣе удовлетворительному. Таковымъ представляется въ литературѣ установленіе цензуры *обратной*, при которой свободное печатное слово подвергается взысканію по суду за каждый случай злоупотребленія свободой. Но такой порядокъ у насъ еще невозможенъ, по неимѣнію судовъ, которые пользовались бы въ достаточной степени довѣріемъ и общества и правительства. Сверхъ того, онъ невозможенъ еще и потому, что въ настоящее время господствуетъ въ обществѣ какая-то болѣзненная чувствительность ко всему печатному, которая не могла бы вынести свободнаго голоса печатнаго слова во многихъ случаяхъ, когда судебныя мѣста оставляли бы оное безъ взысканія. Посему введеніе нынѣ же свободы печатнаго слова съ условіемъ наказаній по суду, повело бы въ скоромъ времени къ возстановленію предварительной цензуры. Тѣмъ не менѣе, помянутый правильный, естественный порядокъ, долженъ быть цѣлью, къ которой намъ слѣдуетъ стремиться, приближаясь къ ней посредствомъ *переходныхъ мѣръ* отъ нынѣшняго, крайне неудовлетворительнаго состоянія законовъ о книгопечатаніи» [1]).

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего высказаннаго Головнинымъ впервые- всѣ эти рѣчи, значеніе которыхъ было и очень темно и очень двусмысленно, произносились имъ не одинъ разъ. Но и центръ тяжести, доклада, собственно, не въ этой части. Для гармоничной уравновѣшенности онъ былъ спрятанъ въ середину. Подступомъ къ сути дѣла была общая характеристика работы комиссіи кн. Оболенскаго. Сказавъ, что трудъ ея «во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ полнаго уваженія, хотя нѣкоторыя части онаго требуютъ измѣненій и дополненій», Головнинъ вдругъ заявляетъ: «комиссія работала совершенно самостоятельно и получила отъ министерства народнаго просвѣщенія только указанія нѣкоторыхъ предметовъ, на которые ей слѣдовало обратить вни-

---

[1]) „Всепод. докладъ министра народнаго просвѣщенія 10-го декабря 1862 года“, Спб., 1862 г., 2—4. Курсивъ подлинника.

маніе. Посему я считаю себя вполнѣ въ правѣ и обязаннымъ выразить мнѣніе мое о трудѣ ея» [1]).

Самая оцѣнка проекта начинается очень благожелательно.

«Прежде всего слѣдуетъ отдать справедливость многосторонности онаго. Не довольствуясь подробнымъ изученіемъ нашего законодательства, комиссія обратилась къ законодательствамъ иностраннымъ и по каждому предмету сравнивала и оцѣнивала постановленія другихъ странъ. Вообще должно сказать, что трудъ комиссіи и собранныя въ то же время въ министерствѣ народнаго просвѣщенія свѣдѣнія имѣютъ то главное достоинство, что они совершенно разъясняютъ вопросъ о цензурѣ, и тѣмъ самымъ доставляютъ средства къ правильному разрѣшенію онаго. Сверхъ того, составленныя комиссіею постановленія о типографіяхъ, литографіяхъ и книжной торговлѣ, дѣйствительно, весьма удовлетворительны и по пересмотрѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и II отдѣленіи Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи могли бы быть прямо внесены въ государственный совѣтъ, съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями. Комиссія пополнила весьма важный пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ, составивъ постановленія объ оскорбленіи частныхъ лицъ печатнымъ словомъ, и эти постановленія, по своей основательности, обдуманности и благонамѣренности, составляютъ едва-ли ни лучшую часть труда ея. Далѣе будетъ сказано и о нѣкоторыхъ недостаткахъ онаго» [2]).

Изложивъ затѣмъ главныя начала труда комиссіи, уже достаточно знакомыя читателю, Головнинъ вдругъ, для всѣхъ совершенно неожиданно продолжалъ:

«Такимъ образомъ комиссія изыскала цѣлую систему весьма строгихъ мѣръ для обузданія литературы отъ могущихъ быть уклоненій и должно сознаться, что мѣры эти, если будутъ введены, окажутся весьма дѣйствительными, собственно, для стѣсненія литературы и чтобъ поставить оную въ полную зависимость отъ предлагаемаго управленія дѣлами книгопечатанія.

[1]) Ibidem, 4.

[2]) Ibidem, 4—5.

«Не входя здѣсь въ подробное разсмотрѣніе правилъ, составленныхъ комиссіею, и ограничиваясь сужденіемъ только общихъ основаній, только главныхъ мыслей проекта, съ точки зрѣнія министерства народнаго просвѣщенія, я нахожу, что представленный комиссіею проектъ *проникнутъ какимъ-то враждебнымъ литературѣ направленіемъ, состоя только изъ мѣръ преслѣдовательныхъ, карательныхъ, и вовсе не представляетъ мѣръ, которыя имѣли бы цѣлью развитіе литературы, поощреніе, содѣйствіе оной.* Проектъ сей составленъ, очевидно, подъ вліяніемъ событій послѣдняго времени и потому безъ надлежащаго хладнокровія и безпристрастія. Министерство народнаго просвѣщенія, видя въ литературѣ вообще, и въ журналистикѣ въ особенности, сильное средство для просвѣщенія народнаго, не можетъ, составляя уставъ о книгопечатаніи, смотрѣть на литературу только со стороны вреда, который приносятъ иногда случаи злоупотребленія печатнаго слова.

«Посему министерство народнаго просвѣщенія обязано пріискивать способы, которые могли бы послужить въ пользу литературѣ, могли бы развить, усилить и облегчить ея полезную дѣятельность. Сверхъ сего, необходимо имѣть въ виду, что законодательство, основанное только на строгости, порождаетъ только враговъ правительству и тѣмъ самымъ оказываетъ ему самую дурную услугу, и что въ настоящее время наша цензурная практика достигала крайняго предѣла строгости и еще большее усиліе оной было бы вредно для отечественнаго просвѣщенія. Комиссія, дѣйствуя подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы находились въ 1862 году, предложила цѣлый рядъ административныхъ взысканій. Эта система можетъ въ эпоху спокойную создать несоразмѣрность между наказаніемъ и проступкомъ и тѣмъ самымъ, вмѣсто одного огражденія противъ злоупотребленія слова, имѣть послѣдствіемъ подавленіе самой литературы и препятствованіе ея правильному развитію въ свѣтлыхъ и полезныхъ ея проявленіяхъ. Нельзя терять изъ виду, что литература есть результатъ и мѣрило просвѣщенія страны, что она должна пользоваться покровительствомъ и поощреніемъ и что мѣры взысканія противъ отдѣльныхъ проступковъ никогда не должны препятствовать высокой, благороднѣй-

шей задачѣ правительства — быть покровителемъ науки и искусства» [1]).

Вотъ какъ открещивался Головнинъ отъ всего, что раньше такъ цѣнилъ въ проектѣ, вдохновителемъ котораго и былъ вплоть до 10 декабря 1862 года...

Заканчивая докладъ предложеніемъ, во-первыхъ, представить государю проектъ введенія другой системы цензуры въ то время, когда уже совершится преобразованіе судебной части; во-вторыхъ, «воспользоваться нынѣшнимъ пересмотромъ всѣхъ вообще постановленій по дѣламъ книгопечатанія, чтобъ оказать пользу литературѣ изысканіемъ мѣръ, которыя могутъ содѣйствовать ея процвѣтанію, не ограничиваясь только строгими карательными мѣрами; такъ, напримѣръ, разъяснить правила о литературной и особенно о журнальной собственности, и составить по сему предмету узаконенія, сколь возможно болѣе благопріятныя для собственниковъ, какъ, напримѣръ, о правѣ наслѣдства періодическихъ изданій, продажѣ ихъ и проч. Я признаю это необходимымъ тѣмъ болѣе, что въ наше время журналъ или газета, получившіе большую извѣстность, вслѣдствіе трудовъ, ума и способностей издателя, представляютъ большой капиталъ, который по цѣнности можно сравнить только съ капиталами, находящимися въ домахъ или земляхъ». Въ-третьихъ, предлагалось передать министру внутреннихъ дѣлъ правила о типографіяхъ и книжной торговлѣ, а II-му отдѣленію Соб. Е. И. В. канцеляріи—правила объ оскорбленіи частныхъ лицъ печатнымъ словомъ—для дальнѣйшей разработки. И, наконецъ, въ четвертыхъ: «нынѣ же разрѣшить вопросъ, какому министерству слѣдуетъ завѣдовать всѣми дѣлами книгопечатанія» [2]).

Государь приказалъ доложить обо всемъ этомъ въ совѣтѣ министровъ.

Послѣ всего сказаннаго, становятся уже вполнѣ ясны слова Никитенка: «Комиссія, учрежденная Головнинымъ, подъ предсѣдательствомъ кн. Оболенскаго, для устройства цензуры и цензурнаго устава, кончила свои работы и представила министру свой проектъ. Баронъ Николаи раскри-

---

[1]) Ibidem, 7—8. Курсивъ мой.
[2]) Ibidem, 8—9.

тиковалъ его въ пухъ. Увидя изъ этого, что проектъ не пройдетъ въ государственномъ совѣтѣ, Головнинъ опрокинулся на него самъ и нашелъ его невозможнымъ по *чрезмѣрной строгости.* Между тѣмъ, кн. Оболенскій имѣетъ у себя кучу записокъ отъ него, въ которыхъ онъ одобряетъ идеи комиссіи, такъ что очевидно, что проектъ весь развивался подъ его руководствомъ и вліяніемъ. Что-жъ это значитъ? То, что въ случаѣ утвержденія проекта, Головнинъ передъ ультра-либералами умываетъ руки: вотъ, дескать, несмотря на мое противодѣйствіе, ретроградный законъ постановленъ; въ случаѣ же неутвержденія, онъ припишетъ себѣ заслугу, что успѣлъ остановить такое зловредное дѣло. Вотъ въ такихъ-то эволюціяхъ, въ этой гимнастикѣ интригъ Головнинъ проводитъ свое время. Бѣдная Россія! Оболенскій, бывшій другомъ Головнина и отчасти его твореніе, теперь бранитъ его вездѣ наповалъ» [1]). А въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Князь разсказывалъ мнѣ всю процедуру дѣла цензурнаго законодательства, какъ оно было подведено Головнинымъ, и показалъ мнѣ всю переписку его съ нимъ. Оказывается, неслыханная неспособность этого господина гораздо въ высшей степени, чѣмъ думаютъ въ публикѣ. Всему этому трудно было бы повѣрить безъ свидѣтельства собственныхъ его писемъ» [2]).

Трудно было бы всему этому повѣрить, если бы придавать серьезное значеніе похваламъ Головнину, которыми погрѣшили многіе [3]).

Когда кн. Оболенскій узналъ о такой выходкѣ Головнина, онъ рѣшилъ, очевидно, хоть какъ-нибудь реабилитировать себя и комиссію и съ этою цѣлью написалъ второе представленіе, приведенное мною вначалѣ, гдѣ умышленно

---

[1]) „Рус. Старина“ 1891 г., II, 386. Курсивъ подлинника.

[2]) Ibidem, III, 711.

[3]) Въ числѣ ихъ назову уважаемаго Джаншіева, составившаго главу „Цензурная реформа“ (см. книгу его „Эпоха великихъ реформъ“) безъ широкаго и обстоятельнаго ознакомленія съ цѣнными офиціальными источниками и потому невольно впавшаго въ общій тонъ похвалъ Головнину, какъ ратоборцу за право литературы; г. Скабичевскаго, сдѣлавшаго тоже самое bona fide (см. „Очерки исторіи русской цензуры“), и Усова („Цензурная реформа въ 1862 году“ въ „Вѣстн. Европы“ 1882 г. V и VI), благодарнаго Головнину за многое сдѣланное ему, какъ редактору „Сѣверной Пчелы“.

подчеркнулъ полную зависимость ея отъ инструкцій министра. Въ сущности, при этой бумагѣ не представлялось ничего новаго; поводомъ для вторичнаго увѣдомленія объ окончаніи работъ послужилъ спеціально для даннаго случая изданный краткій «Проектъ устава о книгопечатаніи», уже не заключавшій въ себѣ, подобно «Первоначальному проекту», массы комментарій и поясненій, на основаніи которыхъ былъ принятъ тотъ или другой параграфъ[1]). Но, конечно, это была реабилитація чисто канцелярскаго свойства, потому что представленіе Оболенскаго не получило огласки.

III.

Докладъ Головнина 10-го января 1863 года. Передача цензурнаго вѣдомства полностью въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Ровно черезъ мѣсяцъ со дня всеподданнѣйшаго доклада, 10-го января 1863 года, Головнинъ вошелъ съ докладомъ уже въ совѣтъ министровъ. Здѣсь онъ обратилъ особенное вниманіе на главную мысль комиссіи кн. Оболенскаго, состоящую въ необходимости сосредоточить въ одномъ вѣдомствѣ все управленіе дѣлами книгопечатанія, а именно въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Хотѣлось ему такой реформы просто изъ желанія не повторить участи своихъ предшественниковъ, ни при одномъ изъ которыхъ «не прекращалось общее неудовольствіе администраціи, общества и литературы на дѣйствія цензуры», и ни одинъ изъ коихъ не избѣгъ поэтому очень серьезныхъ непріятностей, для нѣкоторыхъ окончившихся оставленіемъ министерскаго поста (Ливенъ, Уваровъ, Норовъ, Путятинъ). Снаружи же все это прикрывалось красивыми фразами о противорѣчіи самихъ принциповъ, неизбѣжно сталкивавшихся до того времени въ министерствѣ народнаго просвѣщенія: съ одной стороны— «покровительствовать литературѣ, заботиться о ея развитіи», съ другой — тѣснить «свободу анализа» идей...

[1]) На этомъ проектѣ даже есть помѣта: „6 января 1863 года“, т. е. тоже, что и на представленіи Оболенскаго. Оба названныя изданія очень цѣнны, въ виду почти полнаго отсутствія въ продажѣ у лучшихъ букинистовъ. Втораго изданія нѣтъ нигдѣ, а „*Первоначальный* проектъ“ попадается въ другомъ видѣ, въ видѣ „Проекта etc.“.

Тотъ самый Головнинъ, который еще вчера стѣснялъ печать, поощряемый къ этому Валуевымъ, видѣвшимъ въ ней корень всѣхъ золъ и несчастій, теперь рѣшился вдругъ сказать:

«Министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ обязанностью покровительствовать литературѣ, заботиться о ея развитіи, о преуспѣяніи оной. Посему оно находится къ литературѣ въ отношеніяхъ болѣе близкихъ, чѣмъ всякое другое вѣдомство, и весьма естественно, что вслѣдствіе обязанности покровительствовать литературѣ, не можетъ быть ея строгимъ судьей. Такъ было при всѣхъ министрахъ народнаго просвѣщенія. Слѣдя за всѣми сторонами литературной дѣятельности, министерство просвѣщенія видитъ не одни уклоненія и ошибки, но и заслуги, оказываемыя литературою просвѣщенію, а это обстоятельство еще болѣе побуждаетъ къ снисходительности при отправленіи цензорскихъ обязанностей.

«Сверхъ того министерство народнаго просвѣщенія обязано содѣйствовать движенію впередъ науки по всѣмъ отраслямъ оной, а для того *необходима свобода анализа*.

«Только вслѣдствіе *свободнаго* диспута, изъ столкновенія разнообразнѣйшихъ мнѣній выходитъ съ торжествомъ истина. Цензура, какъ бы не довѣряя тому, что истина восторжествуетъ, оберегаетъ то, что въ данный моментъ считаетъ за истину, и ставитъ границы свободѣ разсужденій. Министерство народнаго просвѣщенія, завѣдывая цензурой, *старается* [1]) медленно, осторожно отодвигать эти границы и доставлять литературѣ болѣе и болѣе простора, сдерживая и запрещая крайности. При оцѣнкѣ крайностей дѣйствуетъ, конечно, болѣе или менѣе произволъ каждаго отдѣльнаго цензора; но каждый цензоръ, находясь въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, непремѣнно подчиняется общему направленію, *а это общее направленіе есть направленіе болѣе снисходительное, которое стремится къ тому, чтобы дать болѣе простора печатному слову*» [2]).

---

[1]) Здѣсь курсивъ мой.

[2]) „Всеподданнѣйшій докладъ министра народнаго просвѣщенія по проекту устава о книгопечатаніи, читанный въ совѣтѣ министровъ 10 января 1863 г.", Спб., 1863 г., 4—5.

Оригинально, что въ первомъ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, тотъ же Головнинъ, когда ему нужно было подчеркнуть недостатки проекта комиссіи, стремящейся къ «излишней суровости», находилъ, что «въ настоящее время наша (т. е. его самого—*М. Л.*) цензурная практика достигла *крайняго* предѣла строгости»...

Любопытно также, что, для убѣжденія въ своемъ безсиліи, Головнинъ говорилъ, между прочимъ: «Въ виду стройнаго пересозданія всего государства, не оставалась въ бездѣйствіи заграничная революціонная партія. Она старалась воспользоваться обстоятельствами, чтобы нарушить стройный ходъ спокойно приводимыхъ въ дѣйствіе реформъ, и старались найти въ Россіи единомышленниковъ, чтобы своротить Россію съ пути мирныхъ улучшеній и ввести къ намъ всѣ элементы переворотовъ и насильственныхъ перемѣнъ въ общественномъ и правительственномъ строѣ. Литература была цѣлью усилій этой партіи и въ литературѣ она искала себѣ органовъ и союзниковъ».

Такъ понималъ Герцена человѣкъ, стоявшій во главѣ русскаго просвѣщенія! Немудрено, что его страшила «свобода анализа», къ которой стремилась русская литература, а во главѣ ея—«Современникъ» и «Русское Слово»...

Далѣе. Что можетъ значить фраза: «въ нынѣшнемъ (1862 — *М. Л.*) году содѣйствіе министерства внутреннихъ дѣлъ и участіе его въ дѣлѣ цензуры принесло, очевидную, пользу для введенія благоразумной строгости въ цензированіи»? Не безсиліе-ли министерства просвѣщенія въ стремленіи къ благоразумію?!

«Вообще — заканчивалъ Головнинъ — положеніе министерства внутреннихъ дѣлъ въ отношеніи къ цензурѣ совсѣмъ другое. На него не возложена обязанность покровительствовать литературѣ, помогать ей, изыскивать средства къ ея развитію. Оно обязано только наблюдать за ненарушеніемъ закона и способнѣе министерства просвѣщенія оцѣнивать важность нарушенія, ибо имѣетъ свѣдѣнія чрезъ высшую полицію о разныхъ неблагонамѣренныхъ стрем-

леніяхъ, которыя проявляются въ государствѣ другимъ путемъ, и потому въ состояніи судить о томъ — есть-ли связь между ними. Роль министерства внутреннихъ дѣлъ въ цензурѣ яснѣе, опредѣлительнѣе и проще, а потому и самая цѣль достижимѣе».

Въ концѣ концовъ предложенія Головнина сводились къ: 1) передачѣ проекта комиссіи кн. Оболенскаго министру внутреннихъ дѣлъ; 2) предоставленію министру просвѣщенія теперь же передать въ министерство внутреннихъ дѣлъ всѣ цензурныя учрежденія и 3) предоставленію министру внутреннихъ дѣлъ составить по его усмотрѣнію проектъ окончательнаго устройства цензурной части въ ввѣренномъ ему управленіи.

Тогда же, 10 января 1863 года, состоялось высочайшее повелѣніе: «исполнить согласно заключенію министра народнаго просвѣщенія». 14 января былъ данъ о томъ же именной указъ и, по докладу Валуева, повелѣно составить новую комиссію для разсмотрѣнія проекта устава о книгопечатаніи подъ предсѣдательствомъ кн. Оболенскаго (получившаго благодарность за труды первой) изъ представителей министерства внутреннихъ дѣлъ — д. с. с. Никитенко и Ржевскаго, кол. асс. Фукса, министерства просвѣщенія— кол. сов. Гилярова-Платонова, проф. Андреевскаго и кол. асс. Ѳеоктистова, министерства юстиціи — кол. сов. Погорѣльскаго, II отдѣленія Соб. Е. И. В. канцеляріи — д. с. с. Бычкова [1]).

Такъ легко и скоро произошла реформа, знаменательная для послѣдующей жизни русской литературы, реформа, завершившая въ сущности, отношеніе правительства къ печатному слову, реформа врядъ-ли болѣе цѣлесообразно устроившая сложное дѣло. Во главѣ цензуры поставлено было министерство, обнимающее всю жизнь общества, и потому уже гарантированное отъ возможности услышать полную правду въ печати...

Тѣмъ болѣе поэтому интересно напутствіе новой комиссіи кн. Оболенскаго, данное такимъ благонамѣреннымъ журналомъ, какимъ была «Библіотека для Чтенія» при Писемскомъ.

---

[1]) Никитенко называетъ еще Тютчева („Рус. Старина" 1891 г., III, 709), но это, очевидная ошибка—Ѳ. И. въ комиссіи не состоялъ.

Авторъ его, Е. Ѳ. Заринъ. прежде всего замѣтилъ, что «господину министру внутреннихъ дѣлъ предстоитъ задача совершенно неразрѣшимая. Цензура можетъ или быть, или не быть, она можетъ или господствовать надъ литературою, или не существовать вовсе. Но существовать *немножко* она не можетъ. Коль скоро есть цензура, такъ цензора непремѣнно пользуются неограниченной властью. Коль скоро эта власть ограничена какой-нибудь легальной, дѣйствительной гарантіей въ пользу писателя, цензуры больше нѣтъ; по крайней мѣрѣ, она становится одною стѣснительною формальностью, безъ всякой внутренней силы, пятымъ колесомъ въ каретѣ. Уменьшеніе цензорскаго и вообще цензурнаго произвола невозможно; онъ можетъ быть — или полнымъ, или сполна уничтоженнымъ. Поэтому мы въ самомъ началѣ объявляемъ выводъ, къ которому должны будемъ прійти въ концѣ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: *стараніе объ устройствѣ переходной ступени отъ неограниченной цензурной власти къ законной свободѣ печати есть гигантскій трудъ надъ невозможнымъ дѣломъ.* Литературѣ можетъ быть дано увольненіе отъ цензуры или сейчасъ, или она можетъ быть оставлена въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ находится теперь, вплоть до осуществленія общей судебной реформы.

«Трудъ комиссіи приводитъ насъ прямо къ этой дилеммѣ. Комиссія не нашла искомой середины. Она имѣла всю добрую волю доставить литературѣ нѣкоторыя льготы, не освобождая ее вполнѣ отъ предварительной цензуры. Но такъ какъ при цензурѣ невозможны совершенно никакія льготы, то литература, въ случаѣ утвержденія проекта, не только оставалась бы безъ всякихъ льготъ, но и очутилась бы въ болѣе неблагопріятномъ положеніи, чѣмъ есть».

Сдѣлавъ дальше историческій обзоръ русскаго законодательства о печати, всегда неблагопріятнаго для послѣдней, Заринъ находилъ, что и планъ первой комиссіи кн. Оболенскаго «составленъ въ духѣ нерасположенія къ литературѣ». «Мы не думаемъ, чтобы комиссія пожелала оставаться солидарной такому взгляду на литературу. Но она не могла не придти къ этому взгляду, какъ скоро захотѣла сохранить свою вѣрность исторіи, опровергающей самое себя». «Какія льготы были бы даны литературѣ, еслибы предположенія комиссіи сдѣлались законоположеніями? Отвѣ-

томъ на это служатъ проектированныя комиссіей правила. Комиссія предполагала: „Всѣ изданія, относящіяся къ области наукъ, словесности и искусствъ и объемомъ въ двадцать и болѣе печатныхъ листовъ, могутъ печататься и выходить въ свѣтъ безъ предварительной цензуры“. Точно-ли *могутъ?* Въ такомъ случаѣ, это была бы льгота. И, однако, это не льгота. Это *могутъ* значитъ *не* могутъ. Мы должны и хотимъ сохранить высокое уваженіе къ комиссіи; но мы думаемъ, что не выйдемъ изъ предѣловъ этого уваженія, если скажемъ, что запретительная частица *не*, стоящая въ дѣйствующемъ цензурномъ уставѣ со всею откровенностью власти и силы, для насъ безконечно предпочтительнѣе этого *могутъ*, исключающаго всякую возможность. Комиссія — по ея собственному объясненію въ примѣчаніи къ этому параграфу, — допустила это обольстительное разрѣшеніе въ томъ предположеніи, что „книги объемомъ болѣе 20 листовъ далеко не представляютъ такихъ опасностей, которыя бы невозможно было и во-время остановить и своевременно предотвратить. При тщательномъ надзорѣ, — говоритъ она, — за типографіями, правительство уже во время печатанія книги можетъ быть своевременно предувѣдомлено и вслѣдствіе того приготовить, такъ сказать, всѣ законныя средства, чтобы остановить въ самомъ началѣ развитіе предлагаемаго зла отъ вреднаго произведенія и предать суду виновнаго въ нарушеніи законовъ о печати“.

Замѣчаніе, надо сознаться, не лишенное яду и остроты...

Возражая комиссіи, аргументировавшей свою постеновщину опасностью, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, политическихъ колебаній, Заринъ писалъ:

«Легкость, съ которой мы достигли выхода изъ крѣпостного права, до того удивительна, что вызываетъ даже невыгодныя замѣчанія о русскомъ характерѣ. Говорятъ, что такъ легко разстаться съ тѣмъ, что считалось такъ дорогимъ и такъ долго, — значитъ глубоко страдать пороками воли. Можетъ быть, въ психологическомъ отношеніи это замѣчаніе отчасти и вѣрно, но въ правительственномъ отношеніи такая покорность такимъ большимъ нововеденіямъ лишаетъ правителей всякаго основанія ссылаться, для своихъ цѣлей, на нынѣшнія обстоятельства, какъ на что-то угрожающее. Наконецъ, въ составленіи понятія о «нынѣшнихъ обстоятель-

ствахъ» нужно руководствоваться не одними только правительственными соображеніями, а обращать вниманіе и на то, что думаютъ о «нынѣшнихъ обстоятельствахъ» въ обществѣ. Но лучшая часть общества, составляющая соль земли, полагаетъ, что «нынѣшнія обстоятельства» Россіи ни болѣе, ни менѣе, какъ время, переживаемое заднимъ числомъ, — не время возбужденности и колебанія основныхъ понятій, а скорѣе время удовлетворенія основнымъ понятіямъ, время запоздалыхъ и накопившихся улучшеній, которыя исполняются не столько въ угодность новой богинѣ, сколько для умилостивленія Немезиды стараго времени. Такъ что невыгодное замѣчаніе о русскомъ характерѣ можетъ быть несправедливо даже и въ психологическомъ отношеніи; можетъ быть, люди болѣе или менѣе потерявшіе отъ крестьянскаго дѣла, не проявили своего эгоизма только потому, что имъ показалось несправедливымъ возставать противъ мѣры, которая послѣдовала только за истощеніемъ всякаго долготерпѣнія. Но мы стараемся объяснить вещь, которую могутъ только затемнить даже самыя ясныя соображенія. Намъ слѣдовало бы привести только слѣдующее сужденіе. Комиссія возражаетъ противъ освобожденія печати колебаніемъ у насъ самыхъ основныхъ понятій и учрежденій. Крѣпостное право было однимъ изъ самыхъ основныхъ понятій и учрежденій въ Россіи; во всемъ строѣ нашей государственной жизни нельзя было найти учрежденія, которое бы могло назваться основнымъ въ такой степени. Это учрежденіе рушилось. Для чего же комиссія говоритъ объ опасностяхъ «колебанія», когда Россія такъ мирно пережила такое радикальное «разрушеніе»?

«... Болѣе строгое вниманіе къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ Россіи могло бы навести комиссію только на мысль, что такому большому государству, какъ Россія, безъ разговора, къ какому способна только освобожденная печать, жить невозможно».

Первая комиссія кн. Оболенскаго очень гордилась всестороннимъ изученіемъ западноевропейскаго законодательства о печати, особенно французскаго, съ котораго и была скопирована ея работа. На это Заринъ замѣчалъ:

«Надъ проектомъ комиссіи уже трудится новая комиссія. Вѣроятно, новая комиссія съ того именно и начнетъ, что

припишетъ всѣ неудачи старой именно ея слишкомъ глубокому знакомству съ чужестранными законодательствами о печати. Но если она и сама обладаетъ этой эрудиціей въ такой же степени, то есть еще надежда, что она пойметъ и по достоинству оцѣнитъ величайшій недостатокъ всѣхъ этихъ законодательствъ, дѣлающій ихъ недостойными никакого вниманія. Они всѣ выводятся изъ понятія о печати, какъ о силѣ зловредной, по самой своей сущности; всѣ законодатели по этой части, стараясь, конечно, защитить общество отъ злоупотребленій печати. еще болѣе того старались сдѣлать беззащитной самую печать. Тутъ, очевидно, есть недоумѣніе. Если такой взглядъ перенести, напримѣръ, на злоупотребленіе ножей и ружей, то законъ долженъ былъ бы подчинить ножовыя и ружейныя производства, а также и торговлю ножами и ружьями шнуровымъ книгамъ, инспекторскимъ надзорамъ, административнымъ взысканіямъ, запрещеніямъ и уголовнымъ преслѣдованіямъ — всему, чему только проектъ старой комиссіи подчиняетъ печать на основаніи различныхъ иностранныхъ законодательствъ. Такой взглядъ на печать принадлежитъ самымъ первымъ временамъ исторіи печати. Поэтому для законодателя по дѣламъ печати ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ неспособность отрѣшиться отъ этого историческаго взгляда, нисколько несвойственнаго нашему времени. До такой степени несвойственнаго, что, напримѣръ, въ Англіи законы о печати построены на этомъ самомъ взглядѣ, и наша комиссія очень часто ссылается на нихъ, но они уже около ста семидесяти лѣтъ не соблюдаются, и англичане, хорошо знакомые съ духомъ своей страны, полагаютъ, что никакой политическій кризисъ неспособенъ возстановить дѣйствіе этихъ пренебреженныхъ законовъ — даже время»[1]).

Какъ увидимъ дальше, комиссія не вняла этому скромному голосу...

---

[1]) *Заринъ*, „Печатныя льготы по проекту устава о книгопечатаніи“, „Библіотека для Чтенія“ 1863 г., II. 70—71, 75—76, 87—88, 91—92.

IV.

Растерянность побѣдившаго Валуева. Организація новаго управленія. Первый циркуляръ Валуева. „Благонамѣренность“, „ингилизмъ“ и „мальчишество“ въ опредѣленіи Салтыкова.

Какъ же встрѣтилъ теперь Валуевъ осуществленіе уже болѣе года улыбавшейся ему реформы? Оказывается, событія 1862 года и общая тревога въ виду польскаго возстанія повергли его въ немалую темь. Онъ понималъ, что быть отвѣтственнымъ за каждое слово именно теперь вовсе не сладко, хотя ни на минуту не допускалъ мысли о поблажкахъ литературѣ: вокругъ него все требовало иного отношенія... Очень интересно по этому поводу письмо А. Г. Тройницкаго, бывшаго тогда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, къ своему брату: «Весьма трудно опредѣлить, какъ будетъ устроена цензура въ Россіи. Она передана въ наше министерство, но мы не дали еще себѣ отчета, что мы съ нею сдѣлаемъ. Мы -- говорю неправильно, потому что я до послѣдняго дня вооружался противъ самаго принципа передачи цензуры изъ мин. нар. просв. въ мин. вн. дѣлъ. Мое мнѣніе не прошло, потому что Валуевъ думаетъ иначе. Нынѣ это совершившійся фактъ, но, по соглашенію съ министромъ, все направленіе этого дѣла онъ предоставляетъ себѣ лично, пока изучитъ и разъяснитъ его; мнѣ онъ взамѣнъ передалъ часть другихъ дѣлъ» [1]).

Принимая въ соображеніе отношенія Валуева къ Тройницкому, этому свидѣтельству необходимо придать очень большой вѣсъ. Валуевъ, дѣйствительно, совершенно не былъ знакомъ съ дѣломъ цензуры настолько, чтобы отдать себѣ строгій отчетъ въ томъ пути, по которому ее слѣдовало направить съ его же точки зрѣнія. Очевидно, поэтому новая комиссія и не начала сразу своихъ занятій. Впрочемъ, о нихъ ниже.

Завѣдованіе исполнительною частью центральнаго управленія цензурою возложено было на предсѣдателя петербургскаго цензурнаго комитета, получавшаго, такимъ образомъ, очень большое значеніе, а высшій надзоръ за дѣйствіями цензуры предоставленъ новому совѣщательному присутствію

---

[1]) „П. А. Валуевъ и А. Г. Тройницкій“, „Рус. Старина“ 1899 г., X. 234.

членовъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія, подъ предсѣдательствомъ товарища министра, А. Г. Тройницкаго, съ участіемъ предсѣдателей двухъ столичныхъ цензурныхъ комитетовъ и директора департамента исполнительной полиціи, раньше никогда не принимавшаго участія въ дѣлахъ цензуры, а съ 10 марта 1862 г. ставшаго во главѣ завѣдованія исполнительною частью по нимъ...

Обязанности совѣта состояли въ слѣдующемъ:

«1) разрѣшеніе сомнѣній, встрѣчаемыхъ цензурными комитетами или отдѣльными цензорами какъ по статьямъ, предназначеннымъ къ помѣщенію въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и по книгамъ, брошюрамъ и всякаго рода произведеніемъ печати, подлежащимъ разсмотрѣнію цензуры;

«2) обсужденіе замѣчаній, вносимыхъ отдѣльными членами совѣта о неправильномъ пропускѣ, по ихъ мнѣнію, въ печать статей и сочиненій или переводовъ и вообще о направленіи повременныхъ изданій;

«3) представленіе на усмотрѣніе г. министра заключеній о мѣрахъ взысканій, коимъ надлежитъ подвергнуть повременное изданіе за обнаруженную неблагонадежность его направленія и за нарушеніе постановленій о цензурѣ;

«4) представленіе заключеній, по предписаніямъ г. министра, о мѣрѣ отвѣтственности и видахъ взысканій, коимъ подлежатъ цензоры за неисполненіе обязанностей, и

«5) разсмотрѣніе общихъ вопросовъ, относящихся до постановленій о печати и книжной торговли, и представленіе г. министру заключеній по дѣламъ о нарушеніи этихъ постановленій» [1]).

Что же касается постояннаго наблюденія за дѣйствіями цензуры, то оно, какъ и послѣ 10 марта 1862 г., было возложено на обязанность 5 членовъ совѣта министра и 6 чиновниковъ особыхъ порученій по дѣламъ книгопечатанія, а такъ какъ этихъ 11 наблюдателей признано было недостаточно, то зоркое наблюденіе было организовано лишь за періодическими изданіями, которыхъ въ 1863 г. числилось 195, считая въ томъ числѣ губернскія вѣдомости и прочія правительственныя, спеціальныя и духовныя изданія. Все же остальное разсматривалось лишь въ томъ случаѣ, если до

---

[1]) „Собраніе матеріаловъ о направленіи etc.“, 199—200.

министерства доходили слухи о предосудительности его содержанія [1]).

Неясность дѣла для Валуева, впрочемъ, не создавала какихъ бы то ни было облегченій для литературы, какъ я уже говорилъ. Вотъ что пишетъ по этому поводу страстотерпецъ цензуры всѣхъ эпохъ и направленій—И. С. Аксаковъ:

«Энергія моя слабѣетъ, руки опускаются, и, кажется бѣжалъ бы вонъ изъ Россіи, этой неизлѣчимо-больной. Что бы вы тамъ ни говорили, а свобода слова если и не есть панацея отъ болѣзней, то. по крайней мѣрѣ, есть воздухъ, которымъ дышешь. Стѣсненіе слова есть лишеніе легкихъ воздуха. Нельзя ни подвигаться, ни дѣйствовать, ни мыслить, если вы чувствуете стѣсненіе въ груди, а это именно ощущеніе душитъ и давитъ современнаго образованнаго человѣка въ Россіи. Дайте мнѣ сначала почувствовать себя свободнымъ, а тамъ ужъ я подумаю и придумаю, какъ избавиться отъ прочихъ золъ.

«Никогда цензура не доходила до такого безумія, какъ теперь, при Валуевѣ. Она получила характеръ чисто инквизиціонный. Онъ прислалъ, между прочимъ, въ цензурный комитетъ двѣ бумаги: одну о томъ, что при цензированіи статей слѣдуетъ обращать вниманіе не только на статью, но и на направленіе журнала или газеты, гдѣ предполагается ее помѣстить, — такъ что иному редактору можно отказать въ помѣщеніи статьи, дозволяемой другому редактору. Другую же бумагу о томъ, чтобы «День» [2]) цензуровать какъ можно строже, потому что редакторъ, очевидно, руководствуется воззрѣніями, противными всѣмъ цензурнымъ постановленіямъ.

«Не знаете-ли вы какого-нибудь фортеля укротить это неистовство цензуры» — спрашиваетъ въ заключеніе И. С. гр. Блудова [3]).

Письмо датировано 27 февраля. Валуевъ вступилъ въ должность 14 января, а черезъ двѣ недѣли, дѣйствительно, было издано циркулярное распоряженіе, которымъ цензурѣ поручалось:

[1]) „Сѣв. Почта“ 1865 г., №№ 262, 263.

[2]) 1 сентября 1862 г. „День“ снова былъ разрѣшенъ, а съ 1 января 1863 г. появилась и подпись редактора—Аксакова.

[3]) „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, ч. II. т. IV, 1896 г., 270.

«3) ...обращать вниманіе не только на отдѣльныя мысли, мнѣнія и факты, излагаемые въ цензируемыхъ статьяхъ, и на форму ихъ изложенія, но и на общее направленіе какъ каждой отдѣльной статьи, такъ и того изданія, для котораго она предназначается.

«4) При личныхъ сношеніяхъ и объясненіяхъ цензоровъ съ редакторами и авторами обращать ихъ вниманіе на то, что впредь до изданія новыхъ законоположеній по дѣлямъ печати, вся отвѣтственность лежитъ исключительно на цензорахъ; что въ настоящее время, въ виду совершающихся или предпринятыхъ преобразованій по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, а равно и въ виду безпорядковъ на западной границѣ имперіи, цензура обязана соблюдать особую осторожность; что охотно допуская обмѣнъ различныхъ мнѣній по вопросамъ, нынѣ подлежащимъ общественному обсужденію, изложеніе мыслей, относящихся до разныхъ сторонъ нашего общественнаго быта, и указанія на факты, коихъ оглашеніе можетъ принести какую-либо пользу,—цензура обязана не допускать появленія въ печати того, что противорѣчитъ основнымъ началамъ нашего государственнаго устройства и кореннымъ условіямъ общественнаго порядка; что самое учрежденіе цензуры не имѣло бы практическаго значенія, если бы она не оберегала этихъ государственныхъ и общественныхъ интересовъ; что для дѣйствительнаго сохраненія ихъ, она обязана слѣдить, въ виду особаго значенія періодической литературы, не только за отдѣльными статьями, но и за общимъ направленіемъ тѣхъ повременныхъ изданій, въ которыхъ онѣ помѣщаются; что не подлежитъ сомнѣнію стремленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ систематическому осужденію правительственныхъ распоряженій, къ оглашенію по преимуществу тѣхъ фактовъ, которые могутъ возбуждать или поддерживать раздраженіе умовъ въ разныхъ слояхъ населенія и къ распространенію, подъ болѣе или менѣе осторожными формами, такихъ понятій, которыя противны вышеупомянутымъ государственнымъ и общественнымъ интересамъ; что цензура обязана въ отношеніи къ подобнымъ изданіямъ подвергать представляемыя ей статьи особо стогой оцѣнкѣ и, наконецъ, что эта обязанность тѣмъ для нея настоятельнѣе, что, въ случаѣ несоблюденія оной, министръ

внутреннихъ дѣлъ былъ бы вынужденъ пользоваться предоставленнымъ ему правомъ временнаго прекращенія изданій, чего желательно по мѣрѣ крайней возможности избѣгать» [1]).

Этотъ знаменательный циркуляръ получаетъ свое настоящее значеніе, если знать о необыкновенной страсти Валуева ко всякимъ бесѣдамъ, разговорамъ и внушеніямъ, избавляющимъ его, какъ онъ всегда думалъ, отъ наложенія слишкомъ частыхъ репрессивныхъ мѣръ; а послѣднихъ онъ иногда избѣгалъ только ради желанія показать, что не преслѣдуетъ печать, что она сама вынуждаетъ его къ крутымъ карамъ; словомъ, что при одномъ имени его все обстоитъ болѣе или менѣе благополучно. Объ «увѣщаніяхъ» всегда говорилось вездѣ очень много, и потому нѣкоторые, дѣйствительно, думали, что Валуевъ съ болью въ сердцѣ прекращаетъ изданія, что онъ является только поборникомъ «здоровой благонамѣренности»...

А «благонамѣренность» эта такъ начинала проникать во всѣ фибры общества, что Салтыковъ не выдержалъ и, открывая въ только что вышедшей 19-го февраля, послѣ восьмимѣсячной молчанки, соединенной (январь-февраль) книжкѣ «Современника» новый свой, анонимный, отдѣлъ—«Наша общественная жизнь», рѣшилъ взять эту благонамѣренность «за жабры» и выволочить ее на свѣтъ божій...

Сначала, впрочемъ, небольшое отступленіе по адресу Валуева. Вотъ чѣмъ началъ Салтыковъ послѣ коротенькаго введенія:

«По всей вѣроятности, читатель, который возьметъ въ руки эту первую книжку возобновленнаго «Современника», прежде всего спроситъ себя: очистились-ли мы постомъ и покаяніемъ?

«Что постъ былъ—это достовѣрно, въ этомъ въ особенности убѣдилась сама редакція «Современника». Не то, чтобы идея поста была совершенно противна «Современнику», но, конечно, было бы желательно, чтобы сроки воздержанія были назначаемы нѣсколько менѣе щедрою рукой. Это тѣмъ болѣе желательно, что было бы вполнѣ согласно съ подлежащими постановленіями, которыя нигдѣ не заповѣдали,

[1]) „Сборникъ распоряженій по дѣламъ печати съ 1863 г. по 1 сентября 1865 г.“, Спб., 1865 г., 3—5.

чтобы постъ продолжался восемь мѣсяцевъ. Будемъ надѣяться, что это случилось нечаянно и что, съ обнародованіемъ новыхъ законовъ о книгопечатаніи, будутъ изысканы иныя, болѣе пріятныя и не менѣе полезныя мѣропріятія...

«Что же касается до вопроса о покаяніи, то на него мы постараемся отвѣтить въ продолженіе послѣдующихъ десяти мѣсяцевъ настоящаго года. Но во всякомъ случаѣ, мы обѣщаемся быть благонамѣренными, потому что все насъ къ тому призываетъ: и желаніе бесѣдовать съ читателями именно двѣнадцать, а не пять разъ въ году, и современное настроеніе россійскаго общества и, наконецъ, разныя другія обстоятельства»...

Черезъ два мѣсяца «Современникъ» прямо заявилъ о томъ, что онъ и не могъ измѣниться. Сдѣлалъ это В. Буренинъ («Владиміръ Монументовъ») въ только что возобновленномъ «Свисткѣ», написавъ двѣ «Драматическія сцены по поводу выхода „Современника“.

Вотъ одна изъ нихъ:

Въ Москвѣ.

(Магазинъ Базунова. Два „благонамѣренныхъ“).

1-й благонамѣренный.

Кто сей толстый, Базунова
Запрудившій магазинъ?

2-й благонамѣренный.

Это *онъ* явился снова,
Нигилизма ярый сынъ!

1-й благонамѣренный.

Что-жъ, воздержанный начальствомъ,
Сталъ-ли нынче онъ смирнѣй?

2-й благонамѣренный.

Нѣтъ, увы, съ былымъ нахальствомъ
Все шипитъ, шипитъ какъ змѣй!

1-й благонамѣренный.

Что-жъ, великаго Каткова,
Заслужившаго хвалу
Онъ...

2-й благонамѣренный.

Отдѣлываетъ снова,
Изрыгнувъ Москвѣ хулу!

1-й благонамѣренный.

Чтожъ-жъ, исполненъ прежней блажи,
Отвергаетъ дерзко онъ
Даже?..

2-й благонамѣренный.

Ну ему все „даже“
Бредъ, сумбуръ, мечтанья, сонъ!

1-й благонамѣренный.

Что-жъ, ужель опять скандалы
Онъ пускаетъ, какъ пускалъ?

2-й благонамѣренный (махнувъ рукой).

Что тутъ! все какъ есть журналы
Поголовно обругалъ!

1-й благонамѣренный.

Что-жъ, ужель опять „мальчишки“
Въ немъ найдутъ себѣ притонъ?

2-й благонамѣренный.

Да ужъ въ этой первой книжкѣ
Имъ хвалы слагаетъ онъ!

1-й благонамѣренный.

Что-жъ, ужель раздастся снова
Возмутительный „Свистокъ“?

2-й благонамѣренный.

Да, сей бичъ всего святого
Въ надлежащій выйдетъ срокъ!

Оба вмѣстѣ (съ ужасомъ).

О! бѣжимъ отъ Базунова:
Насъ враждебный гонитъ рокъ! [1]).

Затѣмъ Салтыковъ приступаетъ къ анализу понятія благонамѣренность. Первымъ ея элементомъ, по его мнѣнію, должно быть «хорошее поведеніе», состоящее въ томъ, что «утромъ благонамѣренный человѣкъ встаетъ и читаетъ „Сѣверную Почту“; фельетонистъ Заочный сорветъ съ его устъ улыбку, Илья Арсеньевъ, заставитъ вздохнуть о черногорцахъ, И. А. Гончаровъ (редакторъ «Почты» —*М. Л.*) вырветъ изъ груди стонъ, а секретарь редакціи Лебедкинъ найдетъ его равнодушнымъ». Затѣмъ, почитавъ «Сынъ Отечества», благонамѣренный человѣкъ отправляется въ ресторанъ Доминика, «гдѣ съѣдаетъ три пирожка, а буфетчику сказы-

[1]) „Современникъ“ 1863 г., IV, „Свистокъ“, № 9, 82—83.

ваетъ, что съѣлъ одинъ»; потомъ гуляетъ и т. д. Второй элементъ—«хорошій образъ мыслей», отличительный признакъ котораго есть «невинность». Надо, значитъ, «любить отечество и читать романы Поль-де-Кока». Третій элементъ—«остервѣненіе», т. е. «ненависть къ мальчишкамъ и нигилистамъ». «Нигилистъ, не обозначая, собственно, ничего, прикрываетъ собой всякую обвинительную чепуху, какая взбредетъ въ голову благонамѣренному». «Нигилистъ есть человѣкъ, безпрерывно испускающій изъ себя какой-то тонкій ядъ, отъ котораго мгновенно дурѣютъ слабыя головы мальчишекъ».

«Нигилисты обязаны выносить на себѣ всѣ грѣхи міра сего. Тявкнетъ-ли на улицѣ шавка — благонамѣренные кричатъ: это нигилисты подучили ее! пойдетъ-ли безъ времени дождь, благонамѣренные кричатъ: это нигилисты заговариваютъ стихіи! Этого мало: лѣтомъ 1862 года, по случаю частыхъ пожаровъ въ Петербургѣ, ходили слухи о поджогахъ — благонамѣренные воспользовались этимъ, чтобъ обвинить нигилистовъ; образовалась какая-то неслыханная потаенная литература, благонамѣренные возопили: это они! это нигилисты!» Словомъ, заключаетъ Салтыковъ: «вотъ какую страшную услугу оказалъ г. Тургеневъ».

Что же такое «мальчишки»? «Слово „мальчишки" имѣетъ смыслъ нарочито презрительный. Оно пущено въ ходъ московскими публицистами, которые въ этомъ случаѣ оказали благонамѣреннымъ услугу столь же незабвенную, какъ и И. С. Тургеневъ»...

Но Михаилъ Евграфовичъ понималъ, что въ тѣ времена нельзя было ограничиваться одной ироніей, особенно «Современнику»; надо было и прямо высказаться по текущему общественному настроенію, высказаться постольку, поскольку это представлялось возможнымъ. И потому, послѣ цѣлаго ряда «фигуръ» и «уподобленій», онъ прямо заявляетъ съ силою накипѣвшаго нутра: «Я нахожу, что мальчишество — сила, а сословіе мальчишекъ—очень почтенное сословіе. Самая остервенѣлость вражды противъ нихъ свидѣтельствуетъ, что къ мальчишкамъ слѣдуетъ относиться серьезно и что слова: „мальчишки!", „нигилисты!", которыми благонамѣренные люди вѣнчаютъ всѣ свои диспуты, по поводу почтительно дѣлаемыхъ мальчишками представленій и домога-

тельствъ, въ сущности, изображаютъ не что иное, какъ худо-скрытую досаду, нѣчто въ родѣ плача Адама объ утраченномъ раѣ... Я могъ бы привести тысячи примѣровъ изъ практики въ доказательство справедливости моего положенія, и если не дѣлаю этого, то единственно изъ опасенія, чтобы изъ того не вышло какой-нибудь нелитературной полемики. Дозволяю себѣ одинъ казенный вопросъ: давно-ли называлось мальчишествомъ, карбонарствомъ, вольтерьянствомъ все то добро, которое нынѣ воочію совершается? И нельзя-ли отсюда придти къ заключенію, что и то, что нынѣ называется мальчишествомъ, нигилизмомъ и другими, болѣе или менѣе поносительными именами, будетъ *когда-нибудь* называтся добромъ?» [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, Салтыковъ попадалъ въ цѣль—съ одной стороны, и выражалъ коллективную мысль передового общества—съ другой. Вотъ почему хроника его имѣла тогда а кое громадное число читателей.

V.

Европа и польское возстаніе. Тревожное настроеніе общества. Валуевъ дѣйствуетъ рѣшительно. Запрещеніе „Времени“ и „Современнаго Слова“. Погодинъ.

Въ февралѣ Бисмаркъ, вопреки общественному мнѣнію всей Германіи, заключаетъ съ Россіей конвенцію о совмѣстныхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, которымъ открыто объявляетъ о своемъ враждебномъ къ нимъ отношеніи. Русское общество дѣлитъ свои симпатіи: часть сочувствуетъ «желѣзному канцлеру», часть, правда меньшая, апплодируетъ Англіи, Франціи и Австріи, принявшимъ сторону поляковъ. Луи-Наполеонъ обращается къ Александру II съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ убѣждаетъ его возстановить польское королевство. Получивъ отказъ, онъ предлагаетъ начать общую войну про-

[1]) „Современникъ“ 1863 г., т. XCIV, 357—376. Курсивъ мой. Въ собраніе сочиненій Салтыкова „Наша общественная жизнь“, къ сожалѣнію, по волѣ автора, не должна входить. А между тѣмъ, при умѣлой комментировкѣ сколько бы въ ней читатель нашелъ драгоцѣннаго матеріала для изученія эпохи 60-хъ годовъ.

тивъ Россіи. Англія съ этимъ не соглашается. Тогда три названныя державы предлагаютъ русскому императору введеніе реформъ въ Польшѣ и съ этой цѣлью подготовляютъ соотвѣтствующее дипломатическое давленіе. Одновременно, въ мартѣ, становится извѣстнымъ «открытое письмо» Лассаля, написанное имъ въ отвѣтъ на обращеніе лейпцигскаго комитета для устройства съѣзда рабочихъ, съ цѣлью обсужденія нуждъ рабочаго класса. Всеобщее избирательное право — вотъ къ чему сводилась ихъ программа необходимыхъ дѣйствій. Зарождалась рабочая соціалъ-демократическая партія...

Все это не могло не отражаться на нашемъ общественномъ настроеніи. Большая часть отвѣчала особеннымъ напряженіемъ патріотическихъ чувствъ. Петербургское дворянство первое, въ адресѣ 26-го марта, энергически высказалось за сохраненіе цѣлости государста; въ апрѣлѣ получается уже масса подобныхъ адресовъ... Москва служитъ свой грандіозный молебенъ противъ комнатъ дворца, гдѣ родился государь. Самарское дворянство постановляетъ вызвать изъ-за границы, и, главнымъ образомъ, изъ Франціи, своихъ дворянъ. Генералъ-губернаторомъ сѣверо-западнаго края назначаютъ Муравьева-Карскаго. Прокламаціи распространяются въ небывалыхъ размѣрахъ. Крестьяне производятъ безпорядки. Катковъ ратуетъ за образованіе ополченій для охраны безопасности въ городахъ и всѣ неустройства русской жизни аргументируетъ нигилизмомъ и соціализмомъ, источникъ которыхъ усматриваетъ въ польской интригѣ. Все это покрывается тревогой за грозящую войну.

Въ мартѣ Салтыковъ резюмируетъ настроеніе подавленной части общества необыкновенно мѣтко: «Часто приходитъ мнѣ на мысль, что всѣ мы, сколько насъ ни есть, живемъ и дѣйствуемъ на какихъ-то безконечно-обширныхъ театральныхъ подмосткахъ, которые почему-то называемъ ареною жизни; что надъ нами стелется холстинное небо, освѣщаемое промасленнымъ бумажнымъ кругомъ, сквозь который тускло свѣтится мерцаніе стеариноваго огарка; что вокругъ насъ простираются холстинные лѣса, разстилаются холстинные луга, ходуномъ ходятъ холстинныя волны; что хотя на насъ падаетъ снѣгъ и дождь, но снѣгъ

этотъ бумажный, дождь шнурковый; что мы питаемся картонными кушаньями, пьемъ примѣрное вино, воюемъ картонными копьями и произносимъ картонныя рѣчи... Всѣ мы сидимъ между двухъ стульевъ и то и дѣло шлепаемся на полъ. Всѣ мы раздражаемся только физически, радуемся и негодуемъ только оконечностями языка, всѣ ежемгновенно преобразуемъ любовь пьянаго человѣка, который и любитъ-то словно не за себя, а за кого-то посторонняго»... [1]).

Въ это же время журналистика опредѣленнаго оттѣнка, что ни день, то преподноситъ рецептъ для уврачеванія «польскаго вопроса». Начатый извѣстной фразой: «La légalite nous tue» «Journal'a de St.-Pétersbourg» [2]), подхваченный «Петербурскими Вѣдомостями» [3]) и затѣмъ взятый почти въ вѣчное и потомственное владѣніе—«Московскими» [4]) «вопросъ» этотъ сначала обсуждался не такъ яро, пока, благодаря почти одновременнымъ сѣтованіямъ Каткова, «Голоса», «Нашего Времени», «Отечественныхъ Записокъ» и проч., совпавшимъ съ рѣчью Наполеона 18 марта, этого рода органамъ разрѣшено было высказаться по нему болѣе рѣшительно и откровенно...

Въ мартовской книжкѣ «Современника» появляется «Что дѣлать?» и, конечно, не успокаиваетъ тревожнаго общества [5])...

---

[1]) „Современникъ" 1863 г., III, „Наша общественная жизнь", 177.

[2]) 1863 г., № 16.

[3]) 1863 г., №№ 23, 26.

[4]) 1863 г., №№ 23, 24, 32, 35, 45, 46, etc., etc.

[5]) Извѣстно, что романъ свой Чернышевскій писалъ въ крѣпости, поэтому небезынтересны, конечно, кое-какія воспоминанія о „Что дѣлать?", о самомъ Н. Г. и его товарищахъ по заключенію, принадлежащія помощнику смотрителя „Алексѣевскаго равелина" г. Борисова.

„Изъ стѣнъ этого равелина — разсказываетъ онъ — вышелъ въ свѣтъ романъ Чернышевскаго „Что дѣлать?" Я читалъ его въ рукописи и могу удостовѣрить, что цензура III Отдѣленія въ очень немногомъ исправила его. Точно также читалъ я въ рукописи и всѣ критическія статьи Писарева, проходившія черезъ канцелярію крѣпостного коменданта". (Поправлю автора: „Что дѣлать?" цензировалось не III Отдѣленіемъ, а предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи, кн. Голицынымъ. Подробнѣе объ этомъ ниже—*М. Л.*).

„Кстати о почеркѣ руки Чернышевскаго и Писарева — продолжаетъ авторъ воспоминаній: — у перваго онъ былъ чрезвычайно

Въ такомъ настроеніи прожито было почти три мѣсяца.

Атмосфера надъ печатью другого оттѣнка, естественно, все больше сгущалась.

Въ апрѣльской книжкѣ «Современника», въ только что возобновленномъ «Свисткѣ», Салтыковъ («Михаилъ Зміевъ-Младенцевъ») отмѣчаетъ настроеніе этой атмосферы въ области печатнаго слова своей извѣстной тогда замѣткой: «Цензоръ въ попыхахъ (лесть въ видѣ грубости)». Я не буду приводить ее полностью, а ограничусь лишь весьма многозначительнымъ предисловіемъ:

«Я давно уже помышляю, любезный читатель, о возможности предъявить публикѣ такое произведеніе человѣческаго слова, въ которомъ грубость (грубіянство, обличеніе) являлось бы въ пріятномъ сочетаніи съ лестью, и которое, въ одно и то же время удовлетворяло бы требованіямъ современности и не противорѣчило намѣреніямъ начальства. Если существуютъ на свѣтѣ прогрессивные ретрограды и ретроградные прогрессисты, то почему же не существовать лести въ видѣ грубости и грубости въ видѣ лести! — думалъ я, и думалъ, надѣюсь, правильно. Нѣтъ сомнѣнія, что грубость въ дикомъ состояніи, грубость абсолютная, въ государствѣ, пользующемся покровительствомъ законовъ, невозможна; но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію и то, что

сжатъ и въ то же время крупенъ, а у второго мелокъ, четокъ и красивъ. Въ рукописяхъ того и другого почти не было помарокъ и онѣ писались сразу, безъ передѣлки, какъ видно, подъ сильнымъ вліяніемъ горячей мысли и высокаго вдохновенія.

„Скажу мимоходомъ, статьи Писарева на меня, юнаго тогда, страшно повліяли въ томъ отношеніи, что я сжегъ все, чему я прежде поклонялся.

„На службѣ въ равелинѣ, мнѣ нерѣдко приходилось встрѣчаться съ заключенными. Въ особенности я хорошо помню Чернышевскаго, Шелгунова и Писарева и еще одного арестанта подъ № 17... Послѣдній — высокій, красивый мужчина лѣтъ подъ 30, съ огромною темною бородою, такъ и остался загадкой какъ для меня, такъ и для самого смотрителя равелина: въ спискахъ онъ значился просто подъ № 17 и только. Его не водили и къ допросамъ, и въ суды, и онъ оставался въ равелинѣ даже и тогда, когда всѣ другіе арестанты, по разнымъ причинамъ, выбыли изъ равелина.

„Писарева, тогда еще совсѣмъ молодого человѣка, съ едва пробивавшимися свѣтло-рыжеватыми усами и бородкой, видѣлъ я во время привода его въ комендантскій домъ для свиданья съ матерью.

публика настоятельно требуетъ, чтобы писатели грубили какъ можно сильнѣе. Посему, задача писателя знаменитаго обрисовывается сама собою. Онъ долженъ дѣйствовать, такъ сказать, двуутробно: одною утробою изливать ядъ и хулу, другою — источать тонкую паутину лести. Я знаю, что и до меня нѣкоторые отличнѣйшіе писатели высказывали въ этомъ смыслѣ намѣренія, заслуживающія всякаго поощренія, но считаю, что опыты ихъ были не совсѣмъ удовлетворительны, ибо лесть буйствовала въ нихъ слишкомъ исключительно и при томъ во всей своей наготѣ. Я же, напротивъ того, думаю, что въ литературномъ упражненіи лесть должна быть распространена въ видѣ тончайшаго эѳира. Поэтому, замѣчая за собой такой правильный образъ мыслей, я рѣшился. Я нарочно взялъ, для испробованія своихъ силъ на этомъ поприщѣ, предметъ самый, повидимому, непри-

„...Внѣшній скромный, въ общемъ добродушный видъ Писарева вовсе не напоминалъ того горячаго, безпощаднаго отрицателя, какимъ являлся онъ въ своихъ публицистическихъ статьяхъ.

„Шелгуновъ, полковникъ корпуса лѣсничихъ, доставленный въ равелинъ прямо изъ Сибири, въ то время былъ еще вполнѣ бодрый человѣкъ...

„Чернышевскій былъ тогда еще сильнымъ и здоровымъ человѣкомъ.

„И вотъ этотъ сильный по натурѣ человѣкъ порѣшилъ было уморить себя голодомъ. Это было съ нимъ еще до написанія романа „Что дѣлать?"

„Дѣло было такъ: нижніе чины караула да и самъ смотритель замѣтили, что арестантъ подъ № 9, т. е. Чернышевскій, замѣтно блѣднѣетъ и худѣетъ. На вопросъ о здоровьи, онъ отвѣчалъ, что совершенно здоровъ. Пища, приносимая ему, повидимому, вся съѣдалась. Между тѣмъ, дня черезъ 4 караульные доложили смотрителю, что въ камерѣ № 9 началъ ощущаться какой-то тухлый запахъ. Тогда, во время прогулки Чернышевскаго въ садикѣ, осмотрѣли всю камеру, и оказалось, что твердая пища имъ пряталась, а щи и супъ выливались... Стало очевидно, что Чернышевскій рѣшился умереть голодною смертью... Ни увѣщанія добряка-смотрителя, ни воздѣйствія со стороны III Отдѣленія долго не вліяли на него. Приказано было, однако, приносить ему въ камеру, по-прежнему, всю пищу ежедневно, но онъ еще 3 — 4 дня не дотрагивался до нея и пилъ только по 2 стакана въ день воды. Соблазнительный-ли запахъ пищи, страхъ-ли мучительной голодной смерти, или другія побужденія, но на 10-й день Чернышевскій сталъ ѣсть, и недѣли черезъ двѣ онъ совершенно оправился, и тогда изъ-подъ пера его вышелъ романъ: „Что дѣлать?"

ступный: думаю, пусть выйдетъ, что выйдетъ, но пускай же вѣдаютъ россіяне, что для россіянъ ничего неприступнаго не можетъ быть. Вышло хорошо» [1]).

Когда читатель вдумается въ эти немногія строки, онъ пойметъ, что, въ сущности, Салтыковъ далъ прекрасную иллюстрацію тѣхъ условій, которыя тогда командовали надъ печатью. И Валуевъ, и Головнинъ, и исполнители ихъ предначертаній — всѣ очень хотѣли, чтобы при неисчезнувшей еще живости и смѣлости печать льстила ихъ либеральнымъ разговорамъ, отмѣчала «отрадныя явленія», вызывала «бодрящія впечатлѣнія» и всячески подчеркивала основательность надеждъ на «свѣтлое будущее»...

12 мая министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено было право по его личному усмотрѣнію, прекращать печатаніе въ періодическихъ изданіяхъ, частныхъ объявленій на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ [2]). Черезъ нѣсколько дней ему же было дано право прекращать и возобновлять полученіе редакторами и издателями періодическихъ изданій заграничныхъ газетъ безъ просмотра послѣднихъ иностранною цензурою.

Въ концѣ мая пріостановлена газета «Petersburges Awises» (латышская), а 1 іюня все общество было удивлено извѣщеніемъ о прекращеніи «Времени» братьевъ Достоевскихъ.

Вотъ что было напечатано объ этомъ въ «Сѣверной Почтѣ»: «По всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ о помѣщеніи въ № IV журнала «Время» статьи подъ заглавіемъ «Роковой вопросъ», направленной прямо наперекоръ всѣмъ патріотическимъ чувствамъ и заявленіямъ, вызваннымъ нынѣшними обстоятельствами, а съ тѣмъ

„Нѣкоторый намекъ на этотъ эпизодъ его личной жизни, только въ другомъ видѣ, имѣется въ жизни главнаго героя этого романа". (*П. Борисовъ*, „Алексѣевскій равелинъ въ 1862 — 65 г.г.", „Рус. Старина" 1901 г., XII, 576—577).

Объ инцидентѣ съ рукописью „Что дѣлать?" читатели найдутъ нѣсколько интересныхъ страничекъ въ книгѣ А. Я. Головачевой-Панаевой, гдѣ разсказано, какъ Некрасовъ потерялъ ее по дорогѣ въ типографію и потомъ получилъ обратно („Русскіе писатели и артисты", 1890 г., 379 — 384).

[1]) Стр. 12—13.

[2]) Пол. Собр. Зак., 2-е, XXXVIII, № 39613.

вмѣстѣ и всѣмъ дѣйствіямъ правительства, до нихъ относящимися, — высочайше повелѣно 24-го мая: прекратить изданіе журнала «Время» [1]).

Говорю «все общество» потому, что «лѣвая» основательно не считала «Время» выразителемъ своихъ взглядовъ, «правая» видѣла систематически выражаемую симпатію къ такимъ своимъ органамъ и, конечно, закрытіе одного изъ нихъ не могло не произвести сильнаго недоумѣнія. Ѳ. М. Достоевскій — въ сущности, полновластный распорядитель журнала, прикрытаго лишь именемъ брата, такъ какъ самъ онъ состоялъ тогда еще подъ надзоромъ полиціи за дѣло петрашевцевъ — сосредоточилъ около «Времени» людей вполнѣ, казалось бы, благонамѣренныхъ: Ап. Григорьевъ, Страховъ, которому и принадлежала погубившая журналъ статья, и другіе.

Для лучшей характеристики этой первой замѣтной жертвы реформы 1863 года приведу profession de foi «Времени», выраженное самимъ Достоевскимъ въ объявленіи объ изданіи журнала въ 1861 году.

По мнѣнію Ѳ. М., Россіи предстояло пережить поворотъ, который долженъ быть «слитіемъ образованности и ея представителей съ началомъ народнымъ», слитіемъ, необходимымъ послѣ реформы Петра «и безъ того намъ слишкомъ дорого стоившей: она разъединила насъ съ народомъ». «Петровская реформа, продолжавшаяся вплоть до 1860 года, дошла, наконецъ, по убѣжденію Достоевскаго — до послѣднихъ своихъ предѣловъ. Дальше нельзя идти, да и некуда: нѣтъ дороги, она вся пройдена... Мы убѣдились, наконецъ, что мы тоже отдѣльная національность, въ высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себѣ новую форму, нашу собственную, родную, взятую изъ почвы нашей, взятую изъ народнаго духа и изъ народныхъ началъ... Мы предугадываемъ, и предугадываемъ съ благоговѣніемъ, что характеръ нашей будущей дѣятельности долженъ быть въ высшей степени общечеловѣческій, что русская идея, можетъ быть, будетъ синтезомъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя съ такимъ упорствомъ, съ такимъ мужествомъ развиваетъ Европа въ отдѣльныхъ своихъ на-

[1]) 1863 г., № 119.

ціональностяхъ; что можетъ быть, все враждебное въ этихъ идеяхъ найдетъ свое примиреніе и дальнѣйшее развитіе въ русской народности». На вопросъ, гдѣ же точка соприкосновенія съ народомъ? Достоевскій отвѣчалъ: грамотность и образованіе. Но, кромѣ этой главной цѣли, у возникающаго «Времени» была и другая — создать «вполнѣ независимый отъ литературныхъ авторитетовъ» органъ, гдѣ бы было «полное и самое смѣлое обличеніе всѣхъ литературныхъ странностей нашего времени» [1]).

Прибавьте къ этому заявленіе отъ редакціи въ первой же своей книжкѣ, гдѣ, между прочимъ, было сказано: «общество поняло, что съ западничествомъ мы упрямо натягивали на себя чужой кафтанъ, несмотря на то, что онъ уже давно трещалъ по всѣмъ швамъ, а съ славянофильствомъ раздѣляли поэтическую грезу возсоздать Россію по идеальному взгляду на древній бытъ, взгляду, ставившему вмѣсто настоящаго понятія о Россіи какую-то балетную декорацію, красивую, но несправедливую и отвлеченную»—и вамъ станетъ, конечно, ясно, что направленіе новаго органа новой фракціи политической мысли — «почвенниковъ», было сугубо патріотическое и, если въ началѣ еще искавшее себѣ опредѣленія, то потомъ вполнѣ примкнувшее къ славянофильству.

Все содержаніе журнала вполнѣ отвѣчало разъ поставленной программѣ. Что же касается самыхъ сотрудниковъ, то, во-первыхъ, во главѣ ихъ стоялъ Ѳ. М. Достоевскій, отношенія котораго къ власти вообще достаточно ясны всѣмъ, кто знакомъ съ его сочиненіями; любопытно, что даже въ отношеніи къ цензурѣ онъ никогда не позволялъ себѣ сильнаго раздраженія... [2]). Во-вторыхъ, по заявленію одного изъ нихъ — Страхова — «вообще никакого слѣда революціоннаго направленія не было въ журналѣ «Времени», т. е. не только какихъ-нибудь помысловъ, но и сношеній съ людьми, замышлявшими недоброе, или какого-нибудь имъ потворства и одобренія» [3]). И въ самомъ дѣлѣ, еще

---

[1]) „Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго", „Воспоминанія о Ѳедорѣ Мих. Достоевскомъ" Н. Страхова, 177—193.

[2]) Ibidem, 228.

[3]) Ibidem, 229.

до появленія «Отцовъ и дѣтей» «Время» уже кричало о развратѣ молодой части общества; а потомъ прославило Тургенева, за что даже удостоилось отъ него помпезнаго обѣда —.

Никому и въ голову не приходило заподозрить «Время» въ какой бы то ни было неблагонамѣренности вплоть до апрѣльской книжки 1863 года.

Воздерживаясь отъ вмѣшательства въ польскій вопросъ, «Время», однако, почувствовало необходимость высказаться о немъ такъ или иначе. Миссію эту выполнилъ Страховъ, подписавшій псевдонимомъ «Русскій» свою статью—«Роковой вопросъ». Обвиненія, взведенныя на нее, въ правительственномъ сообщеніи, такъ серьзны и значительны, что я считаю не безынтереснымъ познакомить читателя съ основной мыслью «Русскаго».

Не удовлетворяясь существовавшими въ разныхъ частяхъ общества объясненіями польскаго возстанія, одно изъ которыхъ мотивировалось космополитизмомъ, другое—идеей національности, Страховъ приглашалъ стать на точку зрѣнія самихъ поляковъ, вникнуть въ ихъ собственное настроеніе, перенести себя въ ихъ положеніе и смотрѣть на все ихъ глазами. Онъ увѣренъ, что въ такомъ случаѣ каждому будетъ ясно, что, кромѣ названныхъ причинъ, «въ эту вражду входитъ еще одинъ элементъ, который, какъ намъ кажется, весьма существенно опредѣляетъ дѣло. Поляки возбуждены противъ насъ также, какъ народъ образованный противъ народа менѣе образованнаго или даже вовсе необразованнаго. Каковы бы ни были поводы къ борьбѣ, но одушевленіе борьбы, очевидно, воспламеняется тѣмъ, что съ одной стороны борется народъ цивилизованный, а съ другой — варвары. Таковъ, по крайней мѣрѣ, должно быть, взглядъ поляковъ. Чтобы убѣдиться въ глубокой дѣйствительности этой причины, какъ составнаго элемента вражды, стоитъ только вспомнить, что польскій народъ имѣетъ полное право считать себя въ цивилизаціи наравнѣ со всѣми другими европейскими народами, и что, напротивъ, на насъ они едва-ли могутъ смотрѣть иначе, какъ на варваровъ». Доказательству этой мысли и посвящены тѣ одинадцать страничекъ, которыя погубили журналъ. Въ заключеніе авторъ находилъ, что намъ, русскимъ, нужно «съ большею вѣрою и надеждою обратиться къ народнымъ

чаламъ», а полякамъ — «отказаться отъ той доли своей рдости, которая опирается на ихъ высокую цивилизацію» [1]).

Надо ли говорить, что при атмосферѣ, царившей съ варя въ массѣ нашего общества, мысль «Русскаго» была нята прямо-таки, какъ кощунство. Начался ропотъ, реали-зованный очень быстро какимъ-то Петерсономъ въ органѣ тткова. Называя «Русскаго» бандитомъ, онъ заявилъ, что атья его — сплошная ложь, что если бы Россіи было вѣстно имя автора, то оно произносилось бы каждымъ стинно-русскимъ» съ презрѣніемъ и т. д. Короткая замѣтка дѣлала дѣла... Достоевскій попробовалъ обратиться въ .-Петербургскія Вѣдомости» съ разъясненіемъ, цензура его разрѣшила, потому что было уже извѣстно, что все дове-ю до государя и журналу предстоитъ запрещеніе. Стра-ъ написалъ Каткову и И. С. Аксакову, прося у нихъ держки и разсѣянія недоразумѣнія, но ни въ «Москов-ихъ Вѣдомостяхъ, ни въ «Днѣ» ничего не появлялось — ковская цензура была предувѣдомлена... Записка для іуева оказалась безрезультатной... Наконецъ, 1 іюня жур-ъ былъ закрытъ.

Только позже, въ майской книжкѣ «Русскаго Вѣстника», ированной цензурой 28 іюня, появилась статья Каткова— о поводу статьи „Роковой вопросъ", въ которой реабилити-ались и журналъ, и авторъ. «Сколько несчастныхъ слу-въ бываетъ вслѣдствіе недоразумѣній!» — такъ начиналъ тковъ защиту безвинно погубленнаго имъ журнала сво-ь, въ сущности, единомышленниковъ.

Статья эта, разрѣшенная Валуевымъ только «Русскому стнику», убѣдила всѣхъ въ полной безвредности «Времени», ъ февраля 1864 года оно было перекрещено въ «Эпоху». лько за Страховымъ цензура зорко слѣдила еще лѣтъ надцать и когда издатели журналовъ предлагали ему акторство, она отказывалась его утвердить... [2])

5 іюня въ «Сѣверной Почтѣ» было опубликовано: осударь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу нистра внутреннихъ дѣлъ о вредномъ направленіи газеты овременное Слово» и о неоднократномъ напечатаніи въ

[1]) „Время" 1863 г., IV, 152—163.

[2]) „Воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ", 256.

той же газетѣ статей съ нарушеніемъ постановленій о цензурѣ, высочайше повелѣть соизволилъ: прекратить дальнѣйшее изданіе газеты «Современное Слово» [1]).

Это было уже не недоразумѣніемъ, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія Валуева. Мы уже знаемъ, что онъ еще раньше заносилъ мечъ на умѣренную, но честную и отзывчивую либеральную газету, только съ января отдѣлившуюся отъ «Русскаго Инвалида». Кромѣ того, Валуевымъ отчасти руководило желаніе сдѣлать непріятность военному министру, Д. А. Милютину, позволившему такое «приложеніе» къ офиціальному органу, на который Валуевъ хотѣлъ бы разсчитывать, какъ на подголосокъ своей «Сѣверной Почтѣ».

Къ началу іюня относится и слѣдующая запись Никитенка: «Долго бесѣдовалъ съ Погодинымъ, заѣхавъ къ нему поутру. По порученію государя, онъ написалъ статью въ отвѣтъ на наглую какую-то и грубую клевету на Россію, напечатанную во французскомъ журналѣ [2]). Завтра онъ покажетъ ее кн. А. М. Горчакову. Онъ написалъ также письмо къ Гарибальди, которое мнѣ прочиталъ. Письмо очень умно... Князь одобрилъ ее и рѣшилъ напечатать сначала по-русски въ «Русскомъ Инвалидѣ» или въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а потомъ перевести на французскій языкъ и тиснуть въ «Journal de St.-Pétersbourg». О письмѣ къ Гарибальди онъ сказалъ, что надобно немного смягчить въ немъ похвалы ему» [3]).

VII.

Сила и вліяніе Каткова.

Послѣ нашихъ апрѣльскихъ (очень тождественныхъ) нотъ и общаго отвѣта державъ Россіи 27 іюня, въ которомъ были точно формулированы шесть пунктовъ о необходимыхъ реформахъ въ Польшѣ,— Англія, Франція и Австрія въ августѣ, объявили намъ, что онѣ слагаютъ на Россію всю

[1]) 1863 г., № 122.

[2]) Статья по адресу Россіи была помѣщена въ „Revue des Deux Mondes“.

[3]) „Дневникъ“, „Рус. Старина“ 1891 г., III, 730, 731.

отвѣтственность за дальнѣйшія послѣдствія польскаго возстанія. Въ это же время въ Лондонѣ зарождался «Интернаціоналъ»...

Могло-ли все это хоть сколько-нибудь способствовать успокоенію разныхъ группъ русскаго общества? Оно положительно растерялось и ежедневно ошеломляло сторонняго наблюдателя массою самыхъ неожиданныхъ выходокъ.

Недурной иллюстраціей общественной смуты можетъ служить хотя бы такой, довольно, впрочемъ, извѣстный инцидентъ. Въ ноябрѣ, ко дню именинъ гр. Мих. Муравьева-Виленскаго, петербургскій beau monde рѣшилъ послать ему икону съ коллективнымъ поздравительно-благодарственнымъ письмомъ. Когда подписаться подъ послѣднимъ было предложено и петербургскому генералъ-губернатору, кн. А. А. Суворову, онъ отвѣтилъ, что «людоѣдъ» недостоенъ этой высокой чести... И вдругъ по рукамъ начинаетъ ходить стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева, вылившаго свое негодованіе на гуманнаго сановника. Что къ Тютчеву потомъ присоединилъ свои вирши кн. П. А. Вяземскій — это нисколько неудивительно, но что самъ Тютчевъ оказался противникомъ Суворова и, что еще знаменательнѣе — сторонникомъ Муравьева—это, конечно, знаменіе времени.

Стихотвореніе его настолько любопытно, какъ прекрасная иллюстрація настроенія ретроградной массы, что я считаю необходимымъ привести его полностью:

Кн. Италійскому, графу А. А. Суворову-Рымникскому.

Гуманный внукъ воинственнаго дѣда,
Простите намъ, нашъ симпатичный князь,
Что русскаго честимъ мы людоѣда,
Мы, русскіе, Европы не спросясь...

* * *

Какъ извинить предъ вами эту смѣлость?
Какъ оправдать сочувствіе къ тому,
Кто отстоялъ и спасъ Россіи цѣлость,
Всѣмъ жертвуя народу своему.

* * *

Кто всю отвѣтственность, весь трудъ и бремя
Взялъ на себя въ отчаянной борьбѣ —
И блѣдное, замученное племя,
Воздвигнувъ къ жизни, вынесъ на себѣ.

* * *

Кто избранный для всѣхъ крамолъ мишенью,
Сталъ и стоитъ спокоенъ, невредимъ,
На зло врагамъ, ихъ лжи и озлобленью,
На зло, увы! и пошлостямъ роднымъ!

* * *

Такъ будь и намъ позорною уликой
Письмо къ нему отъ насъ, его друзей!
Но намъ сдается, князь, вашъ дѣдъ великой
Его скрѣпилъ бы подписью своей" [1]).

А Вяземскій свойственнымъ ему поэтическимъ топоромъ прямо отрубилъ:

„Кто Муравьеву врагъ, его кто порицаетъ,
Россіи тотъ не сынъ и русскому чужой!" [2]).

Въ такія времена всегда особенно дѣятельны люди опредѣленнаго склада. Явленіе это повторяется съ безусловной правильностью во всѣ эпохи. 1863-й годъ не былъ исключеніемъ. Отечественные «благодѣтели» спѣшили воспользоваться моментомъ, чтобы еще больше закрѣпить свое вліяніе. Охлажденіе интеллигентной толпы къ освободительнымъ началамъ, увлекшимъ ее еще такъ недавно, достигло своего апогея. «Недаромъ—пишетъ современникъ—все чаще и громче произносилось въ разговорѣ имя Каткова, быстро занявшаго позицію представителя цѣлаго направленія, впослѣдствіи такъ твердо установившагося на десятки лѣтъ и принесшаго не мало горькихъ плодовъ».

Дѣйствительно, Катковъ, во всеоружіи ежедневнаго и ежемѣсячнаго органовъ, велъ неослабную канонаду по всему, что еще хотѣло жить и самостоятельно мыслить. Нашелся, конечно, и беллетристъ, который взялся поставить громадную партію гранатъ... Съ марта въ «Русскомъ Вѣстникѣ» пошло «Взбаломученное море» — этотъ смрадъ нутра Писемскаго, перегорѣвшаго —или вѣрнѣе—закалившагося въ прозаической пошлости и полной безпринципности [3]). Массѣ такое оплеваніе всего лучшаго было на-руку; только нѣкоторые изъ людей болѣе развитыхъ, хотя и всецѣло принадлежащихъ къ реакціонному теченію, находили романъ

[1]) „Рус. Старина" 1883 г., IV, 208—209.
[2]) Ibidem, 210.
[3]) №№ III—VIII.

не стоющимъ серьезнаго вниманія. Катковъ, разумѣется, видѣлъ въ немъ сильную бомбу по своимъ противникамъ, которыхъ онъ могъ обстрѣливать изъ любой батареи, изъ любого орудія. Раненыхъ выносили изъ строя — припомните хоть «Время» — бросали куда попало, а отстрѣливаться, все-таки, не позволяли ни подъ какимъ видомъ. Краевскій за статью въ своемъ «Голосѣ» противъ сіятельнаго Михаила Никифоровича былъ призываемъ лично къ Валуеву, сдѣлавшему ему очень строгій выговоръ [1]). Между тѣмъ, изъ «Голоса», единодушно съ Катковымъ кричавшаго «смерть нигилистамъ!», шла, конечно, ужъ ни больше, какъ легкая картечь... Надо-ли говорить, какъ уродствовалъ страстнобульварскій изувѣръ? Недаромъ даже Никитенко находилъ, что—«Московскія Вѣдомости» иногда со своими совѣтами народу и правительству заходятъ слишкомъ далеко, и какъ онѣ имѣютъ привычку говорить обо всемъ диктаторскимъ тономъ, что это становится нестерпимымъ. Имъ, по извѣстнымъ причинамъ — прибавляетъ хорошо освѣдомленный въ кругѣ цензурно-литературныхъ дѣлъ авторъ— даютъ больше воли, чѣмъ другимъ газетамъ» [2]).

Но его оцѣнка Каткова немного значила въ шумѣ иныхъ голосовъ. «Въ нашей литературѣ теперь — писалъ 30 іюня П. А. Плетневъ — одинъ человѣкъ, котораго не стыдно назвать писателемъ. Его „Московскія Вѣдомости“ изо дня въ день представляютъ намъ такой высокій интересъ, такой ученый анализъ современной политики, такія патріотическія и назидательныя идеи, что Катковъ дѣйствительно, по публичной своей дѣятельности, у насъ первое лицо въ Россіи. Все прочее не вышло изъ ряду обыкновенности» [3]). И это писалъ не полуграмотный «патріотъ своего отечества», а другъ Пушкина, Дельвига, ректоръ университета, писатель, переживпій желѣзное тридцатилѣтіе 1825—55 годовъ.

Но это одна сторона мнѣній, которыми къ счастью, оцѣнка Каткова не оканчивалась. Направленіе его диктаторской дѣятельности встрѣчало сильное нерасположеніе даже

[1]) *А Никитенко*, „Дневникъ“, „Рус. Старина“ 1891 г., III, 737.
[2]) Ibidem, 738.
[3]) *П. Плетневъ*, „Сочиненія и переписка“, III, 493—494.

среди людей, не претендовавшихъ на передовыя общественныя позиціи.

«Въ возникновеніи этого направленія, — пишетъ одинъ современникъ, — конечно, еще не было бы бѣды: нельзя требовать, чтобы въ человѣческомъ обществѣ всѣ смотрѣли на вещи одинаково. Но бѣда — и бѣда большая, — была въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ которыхъ вскорѣ очутился вдохновитель «Московскихъ Вѣдомостей». Ядъ выражавшагося ими направленія заключался въ беззастѣнчивомъ заподозрѣваніи всякаго противнаго мнѣнія, въ приравниваніи всякой мысли съ освободительнымъ оттѣнкомъ къ преступленію. [1]) Надо отдать справедливость талантливому московскому публицисту: онъ зналъ свою публику и умѣлъ дисциплинировать ее. При вынужденномъ безмолвіи противниковъ, ему нетрудно было наложить на либеральную печать клеймо безсилія и тѣмъ способствовать разстройству партіи, которую онъ громилъ. Но именно это обстоятельство не свидѣтельствовало-ли о томъ, что въ ту пору либерализмъ не имѣлъ уже характера органической общественной силы? Послѣдующіе годы еще болѣе ярко доказали это. Чѣмъ иначе объяснить такое, повидимому, непостижимое явленіе, какъ захуданіе на долгіе годы той самой партіи, на знамени которой начертаны были принципы правительственныхъ реформъ, тогда какъ именно противники этихъ реформъ прі-

---

[1]) По этому поводу Салтыковъ въ одной изъ своихъ хроникъ общественной жизни замѣчалъ Каткову, кричавшему объ отсутствіи справедливости у его противниковъ: „Милостивые государи! Конечно, справедливость сама по себѣ важное слово, но потому-то именно и слѣдуетъ пользоваться этимъ словомъ съ осторожностью. По поводу чего вы требуете справедливости? по поводу вашей же собственной несправедливости. Къ кому требуете справедливости? къ самимъ себѣ!.. Вы требуете справедливости, вы, которые сами насквозь проникнуты ненавистями и неправосудіемъ всякаго рода, вы, которые шагу не можете ступить безъ того, чтобы не допросить съ пристрастіемъ, чтобы не кинуть тѣни язвительнаго подозрѣнія, чтобы не уськнуть и не кивнуть головой на тѣхъ, которыхъ вы, правильно или неправильно считаете врагами вашего спокойствія! Сердца ваши преисполнены желчью и ощомъ, языкъ вашъ источаетъ ядъ клеветъ, руки ваши сводятся судорожно и вы хотите, чтобы къ этому позорному зрѣлищу, чтобы къ этой „хладной“ ненависти, сдѣлавшейся почти ремесломъ, оставались равнодушными и даже оказывали дань уваженія и снисходительности!“ („Современникъ“ 1863 г., IV, 379—380):

обрѣли вѣсъ и значеніе въ качествѣ «охранителей»? Что охраняли они? Старый режимъ, которому сама власть стремилась положить конецъ? Но въ такомъ случаѣ рѣчь должна бы идти не объ охранѣ, а о противодѣйствіи и внесеніи въ общество смуты» [1]).

Желая подтвердить свои слова свидѣтелемъ-современникомъ, я умышленно остановился на никому невѣдомомъ, можетъ быть, г. *Р*, потому что, прочтя всѣ его воспоминанія о лично пережитыхъ шестидесятыхъ годахъ, вы ясно видите передъ собой самаго обыкновеннаго человѣка изъ тогдашней широкой мыслящей публики. Это ни крупный администраторъ, ни лишенный языка писатель, ни сколько-нибудь видный общественный дѣятель — показанія которыхъ могли бы быть признаны субъективными. Это просто обыкновенный обыватель, болѣвшій и страдавшій за происходящее предъ его глазами геростратовское сметеніе всего, что передовому обществу было дорого и близко.

И сила Каткова была настолько велика, а вліяніе — значительно, что Головнинъ снова обращается къ нему съ «участіемъ», состоящимъ на этотъ разъ въ предложеніи издать сборникъ статей вдохновителя реакціи по польскому вопросу и пріобрѣсти большое количество экземпляровъ книги для разсылки по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ... Это письмо Головнина было помѣчено 7 іюня, т. е. самымъ кульминаціонымъ пунктомъ добровольной охраны «Московскихъ Вѣдомостей»... А когда Катковъ отказался и отъ этого предложенія, министръ просвѣщенія не переставалъ выражать ему въ нѣсколькихъ письмахъ полное свое сочувствіе и солидарность [2])...

Словомъ, если 1863 годъ въ политическомъ отношеніи ознаменованъ польскимъ возстаніемъ, то въ отношеніи общественнаго настроенія и исторіи русской журналистики онъ прямо можетъ быть названъ годомъ наибольшей популярности Каткова.

Понятно поэтому, какъ горячо передовые органы принимали къ сердцу всякую защиту администраціей монополіи слова этого господина, какъ они пользовались всѣми воз-

---

[1]) *Р*, „Былое“, „Рус. Старина“ 1902 г., I, 213—214.
[2]) „Московскія Вѣдомости“ 1864 г., №№ 195 и 212.

можными способами, чтобы показать обществу, куда оно можетъ прійти съ такимъ поводыремъ.

«Искра» рисовала «Леона-Катковскаго» въ массѣ самыхъ разнообразныхъ положеній, писала на него баллады, сказки, анекдоты, оды — словомъ, дѣлала все, чтобъ осмѣять его и уничтожить хоть часть его вліянія. Успѣхъ «Искры» подсказалъ «Современнику» цѣлесообразность возобновленія «Свистка».

Тамъ мы находимъ необыкновенно сильную «Пѣснь московскаго дервиша», написанную Салтыковымъ («Михаилъ Зміевъ-Младенцевъ»). Кстати, она, по моему, еще разъ, доказываетъ какимъ громаднымъ размахомъ пера обладалъ нашъ великій сатирикъ.

Пѣснь московскаго дервиша.

(Начинаетъ робко, тихимъ голосомъ).

Ужъ я русскому народу
Показалъ бы воеводу,
Только дали бы мнѣ ходу,
Ходу! ходу! ходу ходу!

(Постепенно разгорячается).

Покатался бъ! Наигрался бъ!
Наломался бъ! Наплясался бъ!
Наругался бъ! Насосался бъ!
Насосался бъ! Насосался бъ!

(Разгорячается окончательно, и видя, что никто ему не возражаетъ, изъ условной формы переходитъ въ утвердительную).

Я россійскую реформу,
Какъ негодную проформу,
Вылью въ пряничную форму!
Форму! форму! форму! форму!

Нигилистовъ строй разрушу,
Уязвлю имъ всладцѣ душу:
Поощрили бъ лишь—не струшу!

(Въ изступленіи думаетъ, что все сіе совершилось).

Я цензуру пріумножилъ,
Нигилистовъ уничтожилъ,
Землю русскую стреножилъ!

(Закатывается и не понимаетъ самъ, что говоритъ).

Ножилъ! ножилъ! ножилъ! ножилъ! [1]

[1]) „Современникъ“ 1863 г., IV, „Свистокъ“ № 9, 71—72.

Тамъ же находимъ другое произведеніе Салтыкова—«Сопѣлковцы», представляющее отрывокъ изъ частнаго письма отъ москвича:

«Вся Москва крайне заинтересована появленіемъ какой-то новой секты, о которой уже и прежде ходили темные слухи. Приверженцы ея называютъ себя „сопѣлковцами", производя это слово отъ глагола „сопѣть", такъ какъ они всѣ дѣйствія свои, по какому-то странному обычаю, сопровождаютъ сопѣніемъ. Само собой разумѣется, что появленіе сопѣлковцевъ сейчасъ же породило въ Москвѣ самые странные слухи. Разсказываютъ, что они поклоняются Абракадабрѣ и всякаго вступающаго въ ихъ согласіе заставляютъ предварительно разжевать раскаленный уголь, — и при этомъ произнести ту страшную клятву, которую произноситъ въ „Князѣ Серебряномъ" колдунъ мельникъ: „шикалу! ликалу! слетаются вороны издалека, кличутъ другъ друга на богатый пиръ, а кого клевать, кому очи вымать, и сами не чуютъ, летятъ да кричатъ! шагадамъ! шагадамъ!" Прибавляютъ, что человѣкъ, выдержавшій такое испытаніе, можетъ свободно читать „Наше Время", употреблять въ пищу разваренныя въ сулемѣ „Московскія Вѣдомости" и запивать ихъ растворенными въ синильной кислотѣ „Русскимъ Вѣстникомъ". Увѣряютъ даже, что они ловятъ по улицамъ людей, увлекаютъ ихъ, и потомъ, разрѣзавъ жилы, пьютъ изъ нихъ кровь; на-дняхъ даже говорили, что нѣчто подобное въ страстную пятницу (сіи люди всегда лопаютъ скоромное!) случилось съ однимъ нигилистомъ, безпечно гулявшимъ въ сумерки по Страстному бульвару. Будто бы, въ ту минуту, когда онъ поровнялся съ университетской типографіей, напали на него какія-то люди, одѣтые въ непромокаемые плащи изъ листового желѣза, и увлекли несчастнаго во дворъ университетскаго дома. Какъ бы то ни было, но простой народъ встревоженъ. Одинъ говоритъ, что видѣлъ бѣлесоватого упыря съ темнофіолетовыми губами, который, за отсутствіемъ пищи, грызъ собственную свою руку; другой говоритъ, что видѣлъ чудовищнаго горбуна, который отъ голоду въ одну ночь перегрызъ зубами сѣтку Страстного монастыря и по дорогѣ срѣзалъ языкомъ до пятидесяти толстыхъ липъ на бульварѣ... Однимъ словомъ, всѣ боятся, всѣ въ страхѣ. Старожилы сравниваютъ настоящее положе-

ніе Москвы съ тѣми временами, когда бывало, наѣзжалъ въ нее покойникъ Шешковскій, но М. Н. Лонгиновъ утверждаетъ, что нынче хуже, ибо тогда былъ одинъ Шешковскій, а теперь ихъ нѣсколько.

«Какая цѣль появленія „сопѣлковцевъ" и какое ученіе проповѣдуютъ — все это еще тайна, потому что нельзя же въ самомъ дѣлѣ согласиться, будто они существуютъ для того только, чтобы сосать человѣческую кровь. Замѣчательно, что еще Кузьма Прутковъ предрекалъ появленіе подобныхъ людей. „Погоди! говорилъ онъ мнѣ на смертномъ одрѣ своемъ — будутъ еще не такіе люди! будутъ люди съ песьими головами! Эти люди будутъ говорить, что самое приличное для человѣка мѣсто есть отходная яма!" И съ этими словами прозорливый старецъ скончался. Я не могу забыть этихъ словъ, потому что, дѣйствительно, самое ясное, что до сихъ поръ высказали „сопѣлковцы", — это то, что приличнѣйшее для человѣка мѣсто есть отходная яма» [1]).

Читающая публика хорошо тогда понимала подобныя замѣтки и въ опредѣленныхъ кругахъ онѣ имѣли громадный успѣхъ. Конечно, иное впечатлѣніе производили бы серьезныя, обстоятельныя статьи, поясняющія истинную цѣну московскихъ юродствующихъ, но развѣ онѣ возможны были тогда?.. Да и не только тогда... Читатель хорошо зналъ, что противъ Каткова и К° могли выступать лишь «Свистокъ», «Искра», «Гудокъ» и т. д., которымъ всегда было достаточно одного-двухъ штриховъ, чтобы набросать цѣлую картину... Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не удалось найти ни одного документа, позволяющаго считать Каткова персоной недоступной литературно-политической критикѣ, какъ это мы имѣемъ въ отношеніи г. Чичерина, но вся цензурная практика неоспоримо доказываетъ, что такія распоряженія были... Валуевъ очень цѣнилъ помощь Каткова, и потому павловское «Наше Время», съ началомъ силы «Московскихъ Вѣдомостей», отошло уже на задній планъ, затѣмъ вскорѣ было прекращено самимъ издателемъ, съ 3 сентября открывшимъ безцвѣтныя «Русскія Вѣдомости» [2])...

[1]) Ibidem, 81—82.

[2]) 3 сентября 1903 г., редакція „Русскихъ Вѣдомостей" скромно отпраздновала свой *сорокалѣтній* юбилей, а постоянные ея читатели и многіе представители разнообразныхъ слоевъ общественной жизни и

потомъ Валуевъ не разъ ссорился съ своимъ страстно-бульварскимъ союзникомъ, но пѣсенка Павлова была уже спѣта...

VII.

Стѣсненія малорусской литературы.

Вліяніе Каткова въ 1863 году проявилось очень опредѣленно, между прочимъ, въ вопросѣ о малорусской литературѣ, заслуживающемъ, по всѣмъ соображеніямъ, серьезнаго вниманія. Это былъ годъ, когда малорусскому печатному слову впервые встрѣтились неодолимыя препятствія.

А такъ какъ въ обзорѣ 1859—62 гг. я умышленно совершенно не касался этого вопроса, то теперь мы и обратимся сначала немного назадъ.

Въ 1859 году по цензурѣ было сдѣлано распоряженіе, чтобы «сочиненія на малороссійскомъ нарѣчіи, писанныя собственно для распространенія ихъ между простымъ народомъ, печатались не иначе, какъ русскими буквами, и чтобы подобныя народныя книги, напечатанныя за границею польскимъ шрифтомъ, не были допускаемы ко ввозу въ Россію» [1]).

Кромѣ этого, никакихъ стѣсненій пока не предпринималось. Въ январѣ 1861 года сталъ даже выходить южнорусскій литературно-ученый журналъ «Основа» подъ редакціей В. М. Бѣлозерскаго и при очень дѣятельномъ участіи когда-то гонимыхъ Костомарова, Кулиша и Шевченка: много работалъ тамъ и А. Ѳ. Кистяковскій, а затѣмъ, съ января 1862 года, присоединился и извѣстный современный историкъ, В. Б. Антоновичъ. «Основа» прикончила свое существованіе на сентябрьской книжкѣ 1862 года, по обстоятель-

дѣятельности привѣтствовали въ этотъ день честную работу единственнаго теперь у насъ столичнаго газетнаго органа. Мнѣ кажется глубокоуважаемая редакція не сдѣлала бы ошибки, еслибы изъ прошлаго нынѣшнихъ „Русскихъ Вѣдомостей" вычеркнула время редактированія ихъ Н. Ф. Павловымъ, несмотря на обычай считать юбилеи изданій по продолжительности существованія ихъ *названій*, а не опредѣленнаго *направленія*, что было бы, вообще говоря, у насъ при условіяхъ, создающихъ хамелеонство, очень желательно.

[1]) „Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ", 445.

ствамъ, и до сихъ поръ еще, въ сущности, малоизвѣстнымъ. Безспорно лишь одно: ее не закрыли, она закрылась сама.

Украйнофилы работали у себя на родинѣ тоже безъ особенныхъ стѣсненій.

Такъ продолжалось, пока Катковъ не изрекъ: «пр-р-ропагандисты! тѣснить!»

Въ 1862 году Катковъ былъ еще сравнительно милостивъ. Написанная П. В. Анненковымъ корреспонденція изъ Кіева, хотя и не особенно сочувственно отнеслась къ «партіи мѣстнаго образованія», борящейся съ «партіей образованія обще-русскаго», но вопроса о зловредности первой, ясно по крайней мѣрѣ, поставлено не было. Редакція «Сѣверной Лѣтописи» ограничилась тогда лишь слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Очень грустно, если дѣло русскаго образованія могло быть дѣломъ партіи въ одной изъ самыхъ коренныхъ русскихъ областей. Мѣстныя нарѣчія есть вездѣ и гораздо болѣе рѣзкія, чѣмъ малороссійское, но нигдѣ они не вступаютъ въ соперничество съ общимъ языкомъ и общимъ образованіемъ народа. Русскій языкъ есть общее достояніе и такъ называемыхъ великоруссовъ и малоруссовъ. Это не великорусскій языкъ, а русскій, который созданъ исторіей и съ которымъ неразрывно соединяется русское образованіе» [1]).

Это было въ іюнѣ 1862 года. Разыгравшіяся вслѣдъ за тѣмъ событія въ Польшѣ, покушенія на жизнь намѣстниковъ и многое другое, создали уже около имени украйнофиловъ атмосферу противоправительственной дѣятельности. Они были взяты на подозрѣніе... Толки объ этомъ сдѣлались настолько упорны, что группа украйнофиловъ нашла необходимымъ выступить съ публичнымъ исповѣданіемъ своего profession de foi и съ этою цѣлью обратилась въ «Современную Лѣтопись», изъявивъ, если вѣрить Каткову, сочувствіе общему направленію журнала, но не согласившись съ нимъ въ мнѣніи о малорусской литературѣ... Заявленіе ихъ, названное «Отзывомъ изъ Кіева», настолько характерно для описываемаго мною времени и такъ затеряно въ пыли журнальныхъ листовъ, что, я думаю, небезынтересно познакомиться съ нимъ сейчасъ.

---

[1]) „Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника“ 1862 г., № 25.

Указавъ на неопредѣленность термина «либералъ», подписавшіеся считали необходимымъ отгородится отъ нѣкоторыхъ элементовъ «либерализма» и потому откровенно высказали свой образъ мыслей, принявъ впередъ навязываемый имъ эпитетъ «хлопомановъ». Основное положеніе ихъ програмы: «спомоществовать развитію народа, не вдаваясь въ политическіе или соціальные толки, и ожидая терпѣливо времени, когда народъ будетъ въ состояніи толковать съ нами о предметахъ, которые теперь недоступны его умственному развитію, а потому для него загадочны, темны и ненужны». Изученіе же народа и его нравственныхъ началъ побудило ихъ сдѣлать слѣдующіе выводы, на которыхъ, какъ на ступени общественныхъ понятій, пока и можно было остановиться:

«1) Нашъ народъ въ высшей степени религіозенъ, и потому воспитаніе его должно опираться на полномъ уваженіи къ христіанскимъ истинамъ»; «2) народъ нашъ сознаетъ всю важность поземельной собственности, сознаетъ, что безъ нея самая свобода мыльный пузырь, лживое слово: поэтому необходимо растолковать ему всѣ экономическія и юридическія данныя, на основаніи которыхъ онъ можетъ въ настоящее время, законнымъ путемъ, достигнуть желаемой поземельной собственности. Онъ не можетъ сразу измѣнить свой взглядъ на людей, благополучіе которыхъ было основано на его горькой долѣ, хотя у него сильно развито чувство справедливости и любви къ ближнему и при томъ онъ вѣритъ въ своего Освободителя, съ Его именемъ соединяетъ всѣ свои понятія о высшей правдѣ»... «3) Народъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ своимъ обычаямъ, преданіямъ, обстановкѣ, ко всему тому, что составляетъ признакъ національной личности: потому при воспитаніи его должно сохранять уваженіе къ народному крестьянскому быту, этнографическимъ его особенностямъ, къ языку и національности. «4) Изъ элементовъ, общественной жизни единственный элементъ, доступный народу, въ настоящее время и пользующійся его глубокимъ уваженіемъ, это — связь семейная; потому при воспитаніи народа, устранивъ всѣ другія соціальныя соображенія, слѣдуетъ усилить, соразмѣрно съ развитіемъ, его уваженіе къ семьѣ, развить на разумныхъ основаніяхъ сознаніе семейныхъ обязанностей

и потомъ, расширяя понятіе, отъ семьи переходить къ громадѣ (общинѣ)».

Послѣ такой положительно выраженной програмы, подписавшіеся опровергали взводимыя на нихъ обвиненія, главнымъ изъ которыхъ была солидарность съ групой, выпустившей прокламацію «Молодая Россія» [1]). По этому пункту они писали: «мы объявляемъ положительно и гласно, что въ отношеніи къ намъ заключеніе это вполнѣ ошибочно. Религію, семейную нравственность и право собственности мы считаемъ неотъемлемымъ народнымъ достояніемъ; посягательство на эти начала считаемъ вреднымъ для народа и истекающимъ изъ сектаторскаго эгоизма въ противность народному духу и народной волѣ... Не менѣе вредными для нашего народа считаемъ проповѣдуемыя этимъ отзывомъ революціонныя средства, какъ препятствующія всякому положительному спокойному труду общества, какъ влекущія за собой жертвы, тратящія силы и дарованія среди фрондерскихъ увлеченій, вмѣсто того, чтобы примѣнить ихъ къ честному и плодовитому труду»...

Второе обвиненіе по адресу этой группы сводилось къ препятствованію принятія крестьянами уставныхъ грамотъ и къ возбужденію ихъ къ рѣзнѣ. Рѣзко опровергая эти «клеветы малорусскихъ помѣщиковъ», авторы «отзыва» говорили: «Не потому-ли, что мы знакомимся съ крестьянами, обходимся съ ними дружелюбно, стараемся учить ихъ дѣтей, да, пожалуй, надѣваемъ ихъ костюмъ? Да неужели, господа, при сношеніяхъ съ крестьянами невозможно допустить иной мысли, кромѣ желанія поразбойничать?» — а въ заключеніе просили фактическихъ указаній на свою террористическую пропаганду.

Наконецъ, на третье обвиненіе — въ стремленіи къ сепаратизму, «отзывъ», расчленивъ это понятіе на государственное и національное, отвѣчалъ:

«Если насъ упрекаютъ въ сепаратизмѣ или, по крайней мѣрѣ, въ желаніи сепаратизма государственнаго, то мы объявляемъ что эта самая нелѣпая и самая наивная клевета. Никто, вѣдь, изъ насъ не только не говоритъ и не

[1]) Чернышевскій и его единомышленники отнеслись къ этой прокламаціи если не отрицательно, то очень холодно.

помышляетъ о политикѣ, но всякое политическое стремленіе, при настоящемъ состояніи общества, до того смѣшно и ребячески наивно въ нашихъ глазахъ, что серіозно даже считаемъ лишнимъ возражать на этотъ упрекъ... Другое дѣло, если подъ словомъ сепаратизмъ разумѣютъ желаніе развить южно-русскій языкъ и южно-русскую литературу. Это желаніе мы дѣйствительно имѣемъ; но что въ немъ видятъ преступнаго—не понимаемъ. Въ настоящее время, никто, кажется, не станетъ доказывать необходимость перерабатывать одну національность въ другую... Удивительно-ли, если мы, зная, что народность безъ литературы — паразитное явленіе, не желали бы своей народности печальной участи паразитовъ? Научныя же оправданія своихъ убѣжденій мы готовы представить всѣмъ и каждому, а что важнѣе всего, мы видимъ на опытѣ, что обученіе народа, при употребленіи его собственнаго языка, идетъ, по крайней мѣрѣ втрое успѣшнѣе и скорѣе».

Заканчивался «отзывъ» сознаніемъ подписавшихся, что они не удовлетворятъ ни «ярыхъ прогрессистовъ, которые желали бы, чтобы общество дѣлало гальваническіе скачки впередъ», ни «консерваторовъ — помѣщиковъ, между которыми просвѣщенныя современныя личности хотя и появляются, но до сихъ поръ составляютъ еще исключеніе» — и приглашеніемъ противниковъ публично высказать свои убѣжденія. Затѣмъ шли подписи: Владиміръ Антоновичъ, Павелъ Губинскій, Константинъ Солонина, Ал. Стояновъ, Михайло Милашенко, Антонъ Тищенко, Евгеній Синегубъ, Иванъ Ничипоренко, Павелъ Житецкій, Викторъ Торскій, Дмитрій Богдановъ, Ѳаддей Рыльскій, Николай Синегубъ, Петръ Супруненко, Владиміръ Синегубъ, Борисъ Познанскій, Викторъ Синегубъ, Александръ Лашкевичъ, Ѳедоръ Горячковскій, Андрей Стефановичъ и Иванъ Касяненко.

Редакція «Современной Лѣтописи» въ своемъ примѣчаніи къ «отзыву», между прочимъ, заявила: «Что касается до малороссійской литературы, то мы *меньше всякаго другого могли желать*, чтобъ ея попытки встрѣчали какое-нибудь внѣшнее противодѣйствіе и подвергались стѣсненію; мы только сомнѣвались въ ихъ успѣхѣ и опасались только того, чтобы многія добрыя силы не были отвлечены ими на *безплодное* и *безуспѣшное* дѣло; но мы никогда не имѣли пре-

[illegible] выставлять наше мнѣніе по этому вопросу за норму [illegible] оказывать полное уваженіе противоположному [illegible] скоро оно вытекло изъ *честныхъ побужденій* и [illegible] в̀ъ такомъ *честномъ смыслѣ*, какъ у автора [illegible] если же при томъ мнѣніе, съ которымъ мы [illegible] менѣе несогласны, *опирается на однихъ съ нами* [illegible] и находится въ тѣсной связи со многимъ, въ [illegible] сами убѣждены и чего мы сами желаемъ, то мы *не* [illegible] *отказать ему и въ извѣстной долѣ нашего сочувствія*»[1]).

Мягкость тона и терпимость просто поразительныя, особенно, если принять во вниманіе, что все это писалось послѣ «Замѣтки» по адресу Герцена, когда Катковъ впервые почувствовалъ свою силу во вновь принятомъ курсѣ.

Но вотъ прошло полгода; польское возстаніе вдохновило Каткова на борьбу со всѣмъ, что не носило на себѣ патріотически-квасного ярлыка; «происки ляховъ» не давали ему покоя, а тутъ вдругъ Костомаровъ еще разъ выступаетъ со сборомъ пожертвованій на изданіе малорусскихъ книгъ. Прежнія его попытки, даже въ 1863 же году, не встрѣчали противодѣйствія страстнобульварскихъ охранителей; больше — они печатали его воззванія. Но теперь, теперь...

«Интрига, вездѣ интрига, коварная, іезуитская интрига, іезуитская и по своему происхожденію и по своему характеру!» — завопили «Московскія Вѣдомости».

«Эта интрига, разумѣется, не упустила воспользоваться и украйнофильскими тенденціями, на которыя наше общественное мнѣніе еще не обратило должнаго вниманія, потому что общественнаго мнѣнія у насъ не существовало, потому что общественное мнѣніе было у насъ случайнымъ сбродомъ всякихъ элементовъ, преданныхъ на жертву всякому вліянію, — всякой интригѣ».

Упомянувъ дальше, что нѣтъ другихъ народовъ въ Россіи, кромѣ русскихъ, что въ Малороссіи «искони жилъ русскій народъ, здѣсь началось русское государство, здѣсь началась русская вѣра и здѣсь же начался русскій языкъ», Катковъ продолжалъ:

«Года два или три тому назадъ вдругъ почему-то разыгралось украйнофильство. Оно пошло параллельно со всѣми дру-

[1]) „Соврем. Лѣтопись Рус. Вѣстника“ 1862, № 46, цензурная дата: 14 ноября. Курсивъ мой.

гими отрицательными направленіями, которыя вдругъ овладѣли нашею литературою, нашею молодежью, нашимъ прогрессивнымъ чиновничествомъ и разными бродячими элементами нашего общества. Оно разыгралось именно въ ту самую пору, когда принялась дѣйствовать іезуитская интрига по правиламъ извѣстнаго польскаго катехизиса.

«...Мы далеки отъ мысли бросать тѣнь подозрѣнія на намѣренія нашихъ украйнофиловъ. Мы вполнѣ понимаемъ, что большинство этихъ людей не отдаютъ себѣ отчета въ своихъ стремленіяхъ... Но не пора-ли этимъ украйнофиламъ понять, что они дѣлаютъ нечистое дѣло, что они служатъ орудіемъ самой враждебной и темной интриги, что ихъ обманываютъ, что ихъ дурачатъ?...

«...Мы были очень рады, когда нѣсколько кіевскихъ украйнофиловъ прислали для напечатанія свою исповѣдь, въ которой свидѣтельствовали о своемъ патріотизмѣ и чистотѣ своихъ намѣреній. Мы напечатали ихъ исповѣдь; намъ пріятно было вѣрить чистотѣ ихъ намѣреній и мы не сочли нужнымъ пускаться съ ними въ толки о безплодіи ихъ украйнофильскихъ стремленій, тѣмъ болѣе, что въ это время начинали уже разыгрываться польскія смуты. Но за это посыпались на насъ сильные упреки изъ Малороссіи, насъ обвиняли въ послабленіи. *Каемся въ грѣхѣ и постараемся загладить его.*

«Кстати, мы считаемъ своимъ долгомъ объявить г. Костомарову, чтобы онъ не трудился присылать въ редакцію нашей газеты объявленія о пожертвованіяхъ, собираемыхъ имъ въ пользу изданія малороссійскихъ книгъ. Такихъ объявленій мы печатать не будемъ *и каемся, что въ началѣ этого года, по случайной оплошности,* эти объявленія раза два появлялись въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»... Мы думаемъ, что общественный сборъ на такой предметъ по своимъ послѣдствіямъ, если не по намѣреніямъ производящихъ его лицъ, гораздо хуже, чѣмъ сборъ на Руси доброхотныхъ подаяній въ пользу польскаго мятежа».

Заканчивалась эта статья извѣстной фразой: «Лучше бросить эти деньги... Богъ съ ними! Онѣ жгутся!» [1]).

Надо-ли говорить, какъ отозвалось это въ кабинетѣ Валуева и вообще въ правящихъ сферахъ...

[1]) „Московскія Вѣдомости“ 1863 г., № 136, 22 іюня.

Вотъ отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ министру народнаго просвѣщенія отъ 18 іюля [1]), сдѣланное по высочайшему повелѣнію:

«Давно уже идутъ споры въ нашей печати о возможности существованія самостоятельной малороссійской литературы. Поводомъ къ этимъ спорамъ служили произведенія нѣкоторыхъ писателей, отличавшихся болѣе или менѣе замѣчательнымъ талантомъ или своею оригинальностью. Въ послѣднее время вопросъ о малороссійской литературѣ получилъ иной характеръ, вслѣдствіе объстоятельствъ чисто политическихъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ интересамъ собственно литературнымъ. Прежнія произведенія на малороссійскомъ языкѣ имѣли въ виду лишь образованные классы Южной Россіи, нынѣ же приверженцы малороссійской народности обратили свои виды на массу непросвѣщенную, и тѣ изъ нихъ, которые стремятся къ осуществленію своихъ политическихъ замысловъ, принялись, подъ предлогомъ распространенія грамотности и просвѣщенія, за изданіе книгъ для первоначальнаго чтенія, букварей, грамматикъ, географій и т. п. Въ числѣ подобныхъ дѣятелей находилось [2]) множество лицъ, о преступныхъ дѣйствіяхъ которыхъ производилось слѣдственное дѣло въ особой комиссіи.

«Въ С.-Петербургѣ даже собираются пожертвованія для изданія дешевыхъ книгъ на южно-русскомъ нарѣчіи. Многія изъ этихъ книгъ поступили уже на разсмотрѣніе въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ. Не малое число такихъ же книгъ представляется и въ кіевскій цензурный комитетъ. Сей послѣдній въ особенности затрудняется пропускомъ упомянутыхъ изданій, имѣя въ виду слѣдующія обстоятельства: обученіе во всѣхъ безъ изъятія училищахъ производится на обще-русскомъ языкѣ и употребленіе въ училищахъ малороссійскаго языка нигдѣ не допущено; самый

[1]) Эта дата вѣрная: въ цитируемомъ мною источникѣ, благодаря опечаткѣ, проставлено 8-е число. Она заимствована мною изъ другого источника, гдѣ „отношеніе“ приведено въ нѣсколько сокращенномъ видѣ—„Разная переписка по министерству народнаго просвѣщенія въ 1862, 1863 и 1864 г.“, 1864 г.

[2]) По другой редакціи такъ: „находились прежде члены харьковскаго тайнаго общества, а въ недавнее время множество лицъ“ etc.

вопросъ о пользѣ и возможности употребленія въ школахъ этого нарѣчія не только не рѣшенъ, но даже возбужденіе этого вопроса принято большинствомъ малороссіянъ съ негодованіемъ, часто высказывающимся въ печати. Они весьма основательно доказываютъ, что никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ, и что нарѣчіе ихъ, употребляемое простонародіемъ, есть тотъ же русскій языкъ, только испорченный вліяніемъ на него Польши; что обще-русскій языкъ также понятенъ для малороссовъ, какъ и для великороссіянъ, и даже гораздо понятнѣе, чѣмъ теперь сочиняемый для нихъ нѣкоторыми малороссами, и въ особенности поляками, такъ называемый, украинскій языкъ. Лицъ того кружка, который усиливается доказывать противное, большинство самихъ малороссовъ упрекаетъ въ сепаратистскихъ замыслахъ, враждебныхъ къ Россіи и гибельныхъ для Малороссіи [1]).

«Явленіе это тѣмъ болѣе прискорбно и заслуживаетъ вниманія, что оно совпадаетъ съ политическими замыслами поляковъ, и едва-ли ни имъ обязано своимъ происхожденіемъ, судя по рукописямъ, поступавшимъ въ цензуру, и по тому, что большая часть малороссійскихъ сочиненій дѣйствительно поступаетъ отъ поляковъ. Наконецъ, и кіевскій генералъ - губернаторъ находитъ опаснымъ и вреднымъ выпускъ въ свѣтъ разсматриваемаго нынѣ духовною цензурою перевода на малороссійскій языкъ Новаго Завѣта.

«Принимая во вниманіе, съ одной стороны, настоящее тревожное положеніе общества, волнуемаго политическими событіями, а съ другой стороны, имѣя въ виду, что вопросъ объ обученіи грамотности на мѣстныхъ нарѣчіяхъ не получилъ еще окончательнаго разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ, впредь до соглашенія съ министромъ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуроромъ св. синода и шефомъ жандармовъ относительно печатанія книгъ на малороссійскомъ языкѣ, сдѣлать по цензурному вѣдомству распоряженіе, чтобы къ печати дозволялись только такія произведенія на этомъ языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы: пропускомъ же книгъ на малороссійскомъ

[1]) Весь этотъ абзацъ выпущенъ въ „Разной перепискѣ etc.“.

языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, пріостановиться. О распоряженіи этомъ было повергаемо на высочайшее государя императора воззрѣніе и Его Величеству благоугодно было удостоить оное монаршаго одобренія [1]).

«Сообщая вашему превосходительству о вышеизложенномъ, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, м. г., почтитѣ меня заключеніемъ о пользѣ и необходимости дозволенія къ печатанію книгъ на малороссійскомъ нарѣчіи, предназначенныхъ для обученія простонародья.

«Къ сему неизлишнимъ считаю присовокупить, что по вопросу этому, подлежащему обсужденію въ установленномъ порядкѣ, я нынѣ же вошелъ въ сношеніе съ генералъ-адъютантомъ княземъ Долгоруковымъ и оберъ-прокуроромъ св. синода.

«(Послѣ подписи статсъ-секретаремъ Валуевымъ приписано):

«Нелишнимъ считаю присовокупить, что кіевскій цензурный комитетъ вошелъ ко мнѣ съ представленіемъ, въ которомъ указываетъ на необходимость принятія мѣръ противъ систематическаго наплыва изданій на малороссійскомъ нарѣчіи».

Отвѣтъ Головнина, 20-го іюля, очень любопытенъ въ смыслѣ измѣненія его взглядовъ, уже не оказывавшихъ вліяніе на «столь любимую имъ» раньше литературу.

«Ваше превосходительство, спрашивая мое мнѣніе о пользѣ и необходимости дозволенія къ печатанію книгъ на малороссійскомъ нарѣчіи, предназначенныхъ для обученія простонародья, изволите сообщать, что кіевскій цензурный комитетъ указываетъ на необходимость принятія мѣръ противъ систематическаго наплыва изданій на малороссійскомъ нарѣчіи и что кіевскій генералъ-губернаторъ находитъ опаснымъ и вреднымъ выпускъ въ свѣтъ разсматриваемаго нынѣ духовною цензурою перевода на малороссійскій языкъ Новаго Завѣта.

---

[1]) „Сборникъ распоряженій по дѣламъ печати etc.“, 9—11. Дальше приходится цитировать „Разную переписку“, только въ которой и приведенъ конецъ.

«Вслѣдствіе сего, имѣю честь увѣдомить, что *сущность сочиненія, мысли, изложенныя въономъ*[1]), и вообще *ученіе, которое оно распространяетъ*, а отнюдь не *языкъ* или *нарѣчіе*, на которомъ написано, составляютъ основаніе къ запрещенію или дозволенію той или другой книги, и что стараніе литераторовъ обработать грамматически каждый языкъ или нарѣчіе и для сего писать на немъ и печатать — весьма полезно въ видахъ народнаго просвѣщенія и заслуживаетъ полнаго уваженія. Посему министерство народнаго просвѣщенія обязано поощрять и содѣйствовать подобному старанію, За тѣмъ, если стараніе это употребляется нѣкоторыми лицами, какъ личина, прикрывающая преступные замыслы, и если книги, писанныя на малороссійскомъ языкѣ, употребляются, какъ орудіе вредной антирелигіозной или политической пропаганды, то цензура обязана запрещать подобныя книги; но запрещать ихъ *за мысли*, въ нихъ изложенныя, а не *за языкъ*, на которомъ писаны, и если таковыхъ сочиненій представляется въ кіевскій цензурный комитетъ значительное число, то комитетъ сей могъ бы просить о временномъ усиленіи личнаго состава цензоровъ. Требованіе же комитета, чтобы приняты были мѣры противъ систематическаго наплыва изданій на малороссійскомъ языкѣ, я нахожу совершенно неосновательнымъ. Что же касается до мнѣнія кіевскаго генералъ-губернатора, что опасно и вредно выпустить въ свѣтъ малороссійскій переводъ Новаго Завѣта, разсматриваемый духовною цензурою, то изъ уваженія къ г. ген.-ад. Анненкову[2]) я объясняю себѣ подобный отзывъ какою-то неопытною канцелярскою ошибкою. Духовное вѣдомство имѣетъ священную обязанность распространять Новый Завѣтъ между всѣми разноплеменными жителями имперіи на всѣхъ языкахъ и истиннымъ праздникомъ нашей церкви былъ бы тотъ день, когда мы могли бы сказать, что въ каждомъ домѣ, избѣ, хатѣ и юртѣ находится экземпляръ Евангелія на языкѣ понятномъ обитателямъ. Министерство народнаго просвѣщенія, съ своей

[1]) Здѣсь и дальше курсивъ подлинника.

[2]) Интересующихся взглядами генерала Анненкова на просвѣщеніе и литературу отсылаю къ своей статьѣ: „Эпоха цензурнаго террора (1848—55 гг.)“ въ книгѣ: „Очерки по исторіи цензуры и журналистики XIX столѣтія“, Спб., 1904 г.

стороны, всемѣрно старается о распространеніи въ своихъ училищахъ и черезъ нихъ въ народѣ книгъ духовнаго содержанія, печатаетъ ихъ въ числѣ десятковъ тысячъ экземпляровъ, и въ ряду этихъ книгъ Новый Завѣтъ на мѣстномъ нарѣчіи долженъ бы занимать первое мѣсто. Посему малороссійскій переводъ Евангелія, исправленный духовною цензурою, составитъ одно изъ прекраснѣйшихъ дѣлъ, которыми ознаменовано нынѣшнее царствованіе, и министерство народнаго просвѣщенія должно желать этому дѣлу скорѣйшаго и полнаго успѣха.

«Въ заключеніе считаю долгомъ сказать, что лѣтъ за 15 предъ симъ, я находился въ Финляндіи въ то самое время, когда приняты были строгія цензурныя мѣры противъ книгъ, которыя печатались для народа на финскомъ языкѣ и разныхъ нарѣчіяхъ онаго, причемъ было дозволено издавать на этомъ языкѣ только книги духовнаго или агрономическаго содержанія. Я былъ тогда свидѣтелемъ негодованія, которое возбудила эта мѣра въ лицахъ самыхъ преданныхъ правительству, которыя оплакивали оную, какъ политическую ошибку. Враги правительства радовались этому распоряженію, ибо оно приносило большой вредъ самому правительству» [1]).

Валуевъ не былъ удовлетворенъ отвѣтомъ Головнина,— а что писалъ оберъ-прокуроръ синода и шефъ-жандармовъ, неизвѣстно — и распоряженіе по цензурѣ осталось въ полной силѣ.

Фактически предѣлы, предоставленные Валуевымъ малорусской литературѣ, такъ сузились, что положительно не оставалось мѣста здоровой народной книгѣ. Костомаровъ написалъ объ этомъ очень скромную статью въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и имѣлъ наивность просить въ ней Каткова вступиться за малорусскую литературу, стѣсненную по его инціативѣ...

Редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» отвѣчалъ, что ему «нѣтъ никакого дѣла до затрудненій, которыя встрѣчаетъ издательство г. Костомарова и компаніи», и, спрашивая, въ свою очередь: «Изъ какихъ побужденій стали бы мы способствовать къ устраненію ихъ?»—вопилъ на это: «Мы отъ

---

[1]) „Разная переписка etc.“, 41—43.

всей души желали и желаемъ, чтобы дѣло его не имѣло успѣха: какъ же онъ хочетъ, чтобы вдругъ, потерявъ всякій смыслъ, стали пособлять ему?.. Мы повторимъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что сознательно или безсознательно украйнофилы и другіе сепаратисты служатъ очень дурному и вредному дѣлу, что сознательно или безсознательно они служатъ орудіемъ самой враждебной интриги... Мы съ своей стороны ничего не находимъ сказать противъ задержекъ, которымъ подверглись задуманныя г. Костомаровымъ изданія; мы находимъ, что эти мѣры противодѣйствія свидѣтельствуютъ только о зоркости и заботливости нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ посреди той смуты, которая насъ окружаетъ».

Заканчивалась эта статья очень патетически: «Доказывайте сколько угодно, что ваши старанія выкроить изъ русскаго народа нѣсколько особыхъ народностей могутъ только укрѣпить и усилить его единство; но, конечно, нельзя среди русскаго народа проводить съ успѣхомъ мысль, что единство и цѣлость русскаго народа есть обстоятельство ничтожное, или что Россія есть призракъ, который долженъ исчезнуть!» [1]).

Что рѣчи эти имѣли серьезное значеніе для послѣдующаго, можетъ доказать хотя бы фактъ представленія Головнинымъ, уже въ 1864 году, особой, очень оригинальной «Записки объ украйнофилахъ» шефу жандармовъ, кн. Долгорукову, — «вслѣдствіе обвиненій, взведенныхъ на нѣкоторыхъ лицъ», какъ сказано въ источникѣ, изъ котораго я и сдѣлаю частичныя извлеченія этого тоже очень интереснаго документа.

Сказавъ о стремленіяхъ украйнофиловъ къ равноправности своего языка, авторъ «Записки» ставилъ знакъ равенства между ними и славянофилами, а безвредность послѣднихъ доказывалъ, между прочимъ, пользой «Дня» Аксакова: «въ польскомъ вопросѣ и во многихъ другихъ, касающихся внутреннихъ преобразованій, газета „День“, органъ славянофильской партіи, служила твердою опорою правительства, возбуждая противъ себя неистовые вопли нашей лондонской эмиграціи». Публика была справедливо и «твердо

1) „Московскія Вѣдомости“ 1863 г., № 191, 4 ноября.

убѣждена, что малороссійское нарѣчіе не можетъ выработаться въ самостоятельную литературу, она осталась равнодушною къ ихъ (украйнофиловъ) попыткамъ, зная, что имъ не удастся выработать что-либо изъ ничего». Но такой взглядъ, по словамъ «Записки», въ 1863 году значительно измѣнился.

«Подъ вліяніемъ „Московскихъ Вѣдомостей", вопросъ перенесенъ былъ съ почвы научной на почву политическую. Въ попыткахъ украйнофиловъ усмотрѣнъ былъ вдругъ весьма опасный характеръ и прямо высказано было обвиненіе въ томъ, что они стремятся къ сепаратизму, къ политическому отдѣленію малороссійскаго края отъ имперіи. Обвиненіе это не могло не показаться нѣсколько страннымъ уже потому, что оно сдѣлано было въ ту самую минуту, когда украйнофилы принуждены были сами отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ увлеченій. Журналъ ихъ „Основа" прекратилъ свое существованіе не вслѣдствіе какихъ-либо административныхъ стѣсненій, а единственно по недостатку подписчиковъ, по отсутствію сочувствія малороссійской публики къ попыткамъ создать самостоятельную малороссійскую литературу. Слѣдовательно, заботы украйнофиловъ привлечь къ себѣ высшіе классы южнаго края окончились неудачно. Дѣятельность ихъ съ тѣхъ поръ посвящена была исключительно распространенію грамотности въ простомъ народѣ, и она-то подверглась наиболѣе сильнымъ нареканіемъ».

Устраняя обвиненія украйнофиловъ въ солидарности съ поляками, «Записка» говоритъ:

«Значительнѣйшія по талантамъ лица, стоящія во главѣ этой партіи, энергично боролись съ польскою пропагандою. Бывшій профессоръ Костомаровъ, котораго украйнофилы считаютъ своимъ вождемъ, поспѣшилъ, въ началѣ минувшаго года, напечатать въ «Русскомъ Инвалидѣ» статью, въ которой онъ заявилъ прямо, что «проклятъ» былъ бы тотъ, кто помыслилъ бы о поколебаніи государственнаго единства Россіи. Можно сказать положительно, что въ южномъ краѣ польскій элементъ не встрѣчаетъ ни въ комъ такого рѣзкаго противодѣйствія, какъ въ партіи украйнофиловъ. Противники ихъ знаютъ все это очень хорошо, и вотъ почему они принуждены согласиться, что дѣйствительно партія эта не имѣетъ никакихъ затаенныхъ плановъ,

которые она старалась бы проводить ко вреду государства».

Въ заключеніе неизвѣстный авторъ писалъ:

«До сихъ поръ украйнофилы не дали противникамъ своимъ никакого повода обвинять ихъ въ томъ, что они распространяютъ ложныя и преступныя понятія въ народѣ. Если бы они впали въ подобный непростительный проступокъ, правительство немедленно прекратило бы зловредную ихъ дѣятельность,—но пока ничего этого не существуетъ, слѣдуетъ, повидимому, безъ нужды не поселять въ нихъ раздраженіе, а бороться съ ними тѣми же самыми средствами, которыя они сами употребляютъ». Средства же эти были указаны раньше—распространеніе книгъ для народа на русскомъ языкѣ, основаніе школъ съ русскимъ преподаваніемъ» [1]).

Какое употребленіе изъ этой «Записки» сдѣлалъ кн. Долгоруковъ—не знаю, но во всякомъ случаѣ, это уже выходитъ за предѣлы намѣченной темы.

VIII.

Распоряженія по цензурѣ. Шедо-Ферроти о Герценѣ. Аттестаціи Валуева цензурѣ и литературѣ.

Теперь скажу о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ Валуева по цензурному вѣдомству, не вошедшихъ въ предыдущія главы.

Прежде всего вотъ очень интересное циркулярное предложеніе министра 29-го іюля:

«Въ настоящее время, по цензурному вѣдомству особенно часто возникаютъ вопросы о томъ, въ какой степени подлежатъ дозволенію къ напечатанію статьи, заключающія въ себѣ: 1-е, обличительное направленіе, 2-е, изложеніе преимуществъ представительнаго образа правленія и 3-е, извѣстія о дѣйствіяхъ польской революціонной партіи и толкованіе оныхъ. Совѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія, по обсужденіи означенныхъ трехъ вопросовъ, а именно:

---

[1]) „Разная переписка etc.“, 78—84.

«1. Относительно обличительныхъ статей находилъ, что безпрепятственно могутъ появляться въ частныхъ періодическихъ изданіяхъ изображенія личныхъ недостатковъ должностныхъ лицъ, согласно §§ III и IV высочайше утвержденныхъ 12 мая 1862 г. временныхъ правилъ, но отнюдь не нападки на авторитетъ правительственныхъ, особенно высшихъ, учрежденій и званій, путемъ обобщенія отдѣльныхъ фактовъ или приданія имъ типическаго значенія, какъ послѣдствія неудовлетворительной организаціи всего государственнаго управленія; кромѣ этихъ особенностей въ содержаніи, условіемъ для напечатанія подобныхъ статей должно считаться приличіе въ тонѣ и отсутствіе рѣзкостей въ формѣ изложенія.

«2. По вопросу о статьяхъ, излагающихъ преимущество представительнаго образа правленія, совѣтъ, руководствуясь §§ I и II высочайше утвержденныхъ 12 мая 1862 г. временныхъ правилъ, полагалъ, что появленіе ихъ въ печати не можетъ быть допускаемо не только, если въ нихъ идетъ рѣчь о непосредственномъ примѣненіи этого образа правленія къ нашему государственному устройству, но даже когда въ произведеніяхъ сего рода излагаются историческія событія, группированныя такимъ образомъ, что они выражаютъ особую мысль о существованіи, будто бы, такого образа правленія въ нашей прошедшей народной жизни и о примѣненіи его къ настоящему времени, хотя и безъ категорическаго заявленія сего намѣренія.

«3. Касательно статей, заключающихъ въ себѣ описаніе дѣйствій польской революціонной партіи, совѣтъ принялъ во вниманіе, что въ нашихъ періодическихъ, и особенно ежедневныхъ изданіяхъ, слишкомъ часто и подробно помѣщаются свѣдѣнія о дѣятельности такъ называемаго революціоннаго правительства, акты коего цѣликомъ являются на каждой страницѣ, на ряду съ рѣдкими и незначительными извѣстіями о распоряженіяхъ законныхъ властей въ Царствѣ Польскомъ, чѣмъ послѣднія утрачиваютъ свой авторитетъ, а первыя пріобрѣтаютъ часто неумѣстную гласность и, не будучи большею частью сопровождаемы соотвѣтственными возраженіями, не могутъ не производить превратнаго иногда вліянія на массу простонародныхъ читателей,—посему совѣтъ находилъ необходимымъ, не стѣсняя *благона-*

мѣренную журналистику въ ознакомленіи публики съ обстоятельствами польскаго мятежа и взглядами на оный иностранныхъ газетъ, допускать въ печать, съ соотвѣтственными объясненіями, преимущественно тѣ акты такъ называемаго революціоннаго правительства, которые первоначально появляются на столбцахъ полуофиціальныхъ органовъ нашей прессы.

«Утвердивъ означенное заключеніе совѣта и предлагая оное къ руководству по цензурному вѣдомству, министръ внутреннихъ дѣлъ присовокупилъ относительно обличительныхъ статей, что г.г. цензоры должны имѣть въ виду допускать такихъ статей въ печать менѣе и менѣе, *если не будутъ рядомъ съ ними помѣщаемы другія статьи въ противоположномъ духѣ*, такъ какъ систематическое заявленіе однихъ недостатковъ, при совершаемыхъ нынѣ правительствомъ улучшеніяхъ во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія, обнаруживаетъ не стремленіе къ раскрытію, а систематическое же стараніе возбуждать умы и вселять въ нихъ недовѣріе; что же касается до выраженнаго совѣтомъ мнѣнія о болѣе тщательномъ и ограниченномъ пропускѣ въ печать статей о дѣйствіяхъ революціонной партіи, то примѣненіе онаго, въ количественномъ и качественномъ отношеніи, при каждомъ отдѣльномъ случаѣ, поручить *особому такту г.г. цензоровъ*» [1]).

Циркуляръ, несомнѣнно, очень любопытный какъ для для характеристики части журналистики некатковскаго пошиба, такъ и самого Валуева...

25 сентября цензурнымъ комитетамъ конфиденціально вмѣнено въ обязанность: «допускать въ частныхъ періодическихъ изданіяхъ перепечатки лишь тѣхъ статей освобожденнаго отъ общей цензуры «Русскаго Инвалида», которыя вполнѣ согласны съ дѣйствующими цензурными правилами» [2])... Это было косвенное указаніе на несоблюденіе военнымъ министромъ закона о печати...

18 ноября предложено, тоже конфиденціально, какъ, впрочемъ и почти всегда — «всѣ статьи о современныхъ дѣйствіяхъ, такъ называемой, раскольнической іерархіи, на-

---

[1]) „Сборникъ распоряженій по дѣламъ печати etc.“, 11—13. Курсивъ мой.

[2]) „Собраніе матеріаловъ etc.“, 202.

значеніи старообрядческихъ епископовъ, соборныхъ совѣщаніяхъ и тому подобныхъ вопросахъ представлять на предварительное разрѣшеніе министерства» [1]).

21 ноября, петербургскій цензурный комитетъ получилъ слѣдующее предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ.

«Въ № 226 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" въ примѣчаніяхъ Скедо-Ферроти къ письму польскаго патріота, сказано: „Г. Герценъ энтузіастъ, вся жизнь его доказываетъ, что онъ честнѣйшій человѣкъ". Имѣя въ виду, что противъ сего примѣчанія Скедо-Ферроти редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" не сдѣлала никакой оговорки, тогда какъ по другимъ заявленіямъ его, несогласнымъ съ ея взглядами, она считала нужнымъ дѣлать опроверженія, министръ внутреннихъ дѣлъ, согласно заключенію совѣта по дѣламъ книгопечатанія, призналъ, что не слѣдовало допускать въ печати, безъ надлежащей оговорки, приведеннаго выше замѣчаніе касательно лица, признаннаго въ Россіи государственнымъ преступникомъ, а посему приказалъ сдѣлать замѣчанія цензору сего комитета, дозволившему напечатаніе означенной статьи въ такомъ видѣ въ цензируемыхъ имъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" [2]).

Въ теченіе второй половины года пріостановленъ былъ на два мѣсяца одинъ изъ отдѣловъ «Воронежскаго Листка» и одному изданію сдѣлано было предостереженіе, тогда объявлявшееся конфиденціально, такъ какъ подобная мѣра не входила во «временныя правила» 12 мая 1862 года, замѣнявшія цензурный уставъ вплоть до 1 сентября 1865 года. Къ сожалѣнію, неизвѣстны ни закрытый отдѣлъ, ни предостереженное изданіе — свѣдѣнія объ этихъ карахъ приходится заимствовать въ такомъ глухомъ видѣ изъ всеподданѣйшаго отчета министра внутреннихъ дѣлъ за 1861—63 годы [3]).

---

[1]) Ibidem.

[2]) „Сборникъ распоряженій по дѣламъ печати etc.", 16—17. Цитата циркуляра невѣрна. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" было сказано: „Г. Герценъ—энтузіастъ, простирающій любовь къ свободѣ до желанія навязать ее *силою* даже и тѣмъ, кто ея не требуетъ; но вся жизнь его доказываетъ, что онъ честнѣйшій человѣкъ". Рѣчь идетъ о брошюрѣ бар. Фиркса: „Lettre d'un patriote polonais v. Pitkiewicz, Ios.", 1863 г.

[3]) „Сѣв. Почта" 1865 г., № 263. Вѣроятно, потому же эти два взысканія не вошли въ весьма цѣнную работу В. Богучарскаго—„Цен-

Такое небольшое число взысканій непосредственно съ рналистики вовсе не должно быть разсматриваемо, какъ ультатъ какой бы то ни было большей свободы пе-ги. Оно находилось въ тѣсной связи съ литературою цирляровъ и всевозможныхъ предложеній и предписаній опуших руки литературы...

Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія Валуевъ могъ гъ цензурѣ прекрасную аттестацію, когда оглянулся на йденное ею поле, все усѣянное мертвыми, увѣчными и иеными...

«Чтобы имѣть вѣрное понятіе о духѣ и общемъ на-оеніи нашей прессы, надлежитъ постоянно сохранять въ цу, что ни одна книжка журнала, ни одинъ почти ну-ъ газеты, почти ни одна сколько-нибудь замѣчательная тья, и даже нерѣдко ни одна страница въ этой статьѣ, появляются въ печати въ томъ видѣ, въ какомъ они по-лись бы, если бы издатели и редакторы не были под-ены предварительному контролю цензуры» — замѣчалъ одовольно Валуевъ. «Между цензурою, съ одной стороны исателями всѣхъ литературно-политическихъ партій и ѣнковъ, съ другой, происходитъ постоянная, непрерывная ьба, которой слѣды едва замѣтны, а трудность большею тью неизвѣстна тѣмъ, кто въ ней не принимаетъ участія. нзурныя ошибки случаются часто; но онѣ не могутъ не чаться при разнообразіи, сложности и неизбѣжной по-шности цензурныхъ занятій. Въ появляющихся въ свѣтъ изведеніяхъ печати легко замѣчается то, что недосмо-но цензурою; но не видно того, что ею было усмотрѣно страненo. При томъ, въ отношеніи къ общему направле-

ныя взысканія", начинающую 75-й полутомъ энциклопедическаго варя Брокгауза и Ефрона. Ее нельзя не рекомендовать всѣмъ, ересующимся этой стороной жизни нашей журналистики и литературы — тамъ приведенъ списокъ и книгъ, подвергшихся уничто-ію въ періодъ 1865—1902 годовъ. Работа г. Богучарскаго не ь ошибокъ и пропусковъ („Парусъ" закрытъ въ 1859, а не въ 3 г., пропущены: прекращенныя „Молва" (1857 г.) и „Рус. Газета" 9 г.), воспрещеніе розничной продажи „Рус. Курьера" 23 мая, а оскoв. Телеграфа" 27 іюня 1881 года), но достаточно того, что, во-выхъ, она пока единственная въ своемъ родѣ, во-вторыхъ, число бокъ и пропусковъ такъ незначительно, что самые требователь-: библіографы должны признать эту работу безусловно цѣнной.

нію прессы, цензура большею частью безсильна. Она можетъ пріостанавливать статью, не соотвѣтствующую видамъ правительства; но она никого не можетъ принудить написать или помѣстить статью, соотвѣтствующую этимъ видамъ. Она можетъ не допустить тѣхъ или другихъ сужденій въ отношеніи къ Россіи, и вынуждена допустить ихъ, если онѣ будутъ отнесены, съ нѣкоторыми редакціонными предосторожностями, къ Англіи, Франціи или Австріи. Наконецъ, она вообще не можетъ цензировать, такъ сказать, между строкъ, и указывать предѣлъ догадливости читателей. Когда на одной сторонѣ цензура съ данными ей инструкціями, а на другой — писатели и читающая публика съ понятіями и желаніями, несоотвѣтствующими этимъ инструкціямъ, то возникаютъ затрудненія, которыхъ никакое цензурное управленіе устранить не можетъ».

Въ иныхъ краскахъ представлялась докладчику-министру литература.

«Общій характеръ литературы, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ (1861 63- *М. Л.*), и въ особенности характеръ литературы періодической, заключался въ преобладаніи политическаго элемента надъ всѣми другими. Наука находила себѣ представителей преимущественно въ правительственныхъ спеціальныхъ изданіяхъ, а произведенія беллетристики, появлялись рѣдко и еще рѣже отличаясь литературными достоинствами, тогда только производили нѣкоторое впечатлѣніе на публику, когда въ нихъ выражались, какъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ» Тургенева или въ «Князѣ Серебряномъ» графа Толстого, извѣстный взглядъ и извѣстное направленіе въ современной средѣ нашего общества.

«Причины тому указать нетрудно, хотя общія литературныя явленія имѣютъ сложное основаніе, проистекаютъ отъ разнообразныхъ источниковъ и заключаютъ въ себѣ, при всемъ однообразіи внѣшнихъ признаковъ, различные результаты весьма многихъ силъ, дѣйствующихъ въ одномъ направленіи, или возбуждающихъ одна другую, или одна другой противодѣйствующихъ.

«Во всякое время, но въ особенности во времена видимыхъ историческихъ событій, или внутреннихъ преобразованій, или затруднительныхъ экономическихъ и общественныхъ обстоятельствъ, въ обществѣ обнаруживаются съ осо-

бою дѣятельностью, обобщаются съ особою быстротою и пріобрѣтаютъ особое значеніе, тѣ частные взгляды, желанія, стремленія и толки, которые, въ общей совокупности называются общественнымъ мнѣніемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтеніе печати дало возможность закрѣплять на бумагѣ, въ произвольномъ числѣ экземпляровъ, выраженіе каждой отдѣльной мысли, открылось обширное и удобное поприще къ распространенію и обмѣну всѣхъ частныхъ мыслей и сужденій. На основаніи общаго начала распредѣленія и труда, должны встрѣчаться въ средѣ общества люди, которые обращаютъ въ свое спеціальное призваніе или занятіе собираніе и разглашеніе этихъ сужденій и мыслей. Они прислушиваются къ частнымъ толкамъ и передаютъ ихъ читающей публикѣ, иногда безъ присовокупленія своихъ собственныхъ мнѣній, иногда съ большею или меньшею примѣсью своихъ взглядовъ, выводовъ или соображеній. Но интересъ ихъ прямо связанъ съ расширеніемъ круга ихъ читателей, и потому они преимущественно обращаются къ тѣмъ предметамъ, на которые обращается вниманіе большинства читающаго общества, и стараются высказывать предпочтительно тѣ самыя мнѣнія, которыя имъ встрѣчаются съ сочувствіемъ [1]). Здѣсь вліяніе общества и его умственнаго настроенія отражается на литературѣ.

«Съ другой стороны, между тѣми писателями, которые принимаютъ на себя формулировку и разглашеніе разныхъ видовъ такъ называемаго общественнаго мнѣнія, много людей, имѣющихъ свои личные интересы, взгляды, стремленія и цѣли. Они преслѣдуютъ эти цѣли съ большимъ или меньшимъ искусствомъ, подсказывая свои мнѣнія читателямъ въ видѣ мнѣній общественныхъ, или результатовъ историческаго анализа, или выводовъ изъ совершающихся въ глазахъ общества событій. Они проводятъ одну и ту же главную мысль въ разныхъ формахъ, возвращаются къ ней при разныхъ случаяхъ, или стараются всячески колебать и опровергать мысли и понятія противоположныя. Масса читателей не обладаетъ ни большою самостоятельностью взглядовъ,

---

[1]) Какъ извѣстно, Валуевъ самъ... литераторъ. „Лоринъ“, „Княжна Татьяна“, „Современныя задачи“, „Русскіе заграничные публицисты“ etc. — это все его произведенія...

ни значительнымъ запасомъ знаній и самостоятельной силой соображенія. Она вообще легко поддается вліянію печатнаго слова и удобно усваиваетъ себѣ чужія понятія и стремленія, когда они принаровлены къ ея ближайшимъ интересамъ или прикрыты лоскомъ нѣкоторой даровитости писателя. Здѣсь, въ свою очередь, вліяніе литературы отражается на обществѣ.

«...Изъ всѣхъ умственныхъ трудовъ, критика самый легкій. Для нея достаточно самыхъ поверхностныхъ и отрывочныхъ соображеній. Она контролируется только полнымъ анализомъ, и потому почти безконтрольна тамъ, гдѣ большинство довольствуется опрометчивыми критическими упражненіями, а въ большинствѣ встрѣчается мало людей, способныхъ доказывать несостоятельность этихъ упражненій. Такъ было и такъ не могло не быть у насъ. Слабыя стороны нашего общественнаго быта давно были извѣстны, недостатки разныхъ частей управленія очевидны, административныя и экономическія затрудненія для всѣхъ осязательны. Легко было указывать на эти недостатки и затрудненія, и указанія на нихъ, вскорѣ послѣ восточной войны, сдѣлались какъ бы всеобщимъ занятіемъ [1]). Въ рукахъ писателей, искавшихъ популярности и матеріальныхъ выгодъ отъ сочувствія публики [2]), это занятіе, въ свою очередь, произвело такъ называемую „обличительную“ литературу.

«Но если въ „обличительныхъ“ статьяхъ, которыми тогда наполнялись журналы и газеты, преимущественно отразилось мнѣніе (вліяніе?) общества на литературу, то въ то же самое время систематически размножились и другія статьи, имѣвшія цѣлью проведеніе въ общество понятій менѣе близкихъ меньшинству читателей. Въ постепенномъ распространеніи этихъ понятій и въ успѣхѣ тѣхъ статей,

---

[1]) Раздѣлялъ его и самъ Валуевъ, только послѣ смерти Николая I написавшій свою „Думу русскаго“, въ которой не было ровно ничего новаго...

[2]) „Дума русскаго“ не только искала, правда, ни у публики, матеріальныхъ выгодъ, но и нашла ихъ: авторъ былъ вызванъ управлять департаментомъ министерства государственныхъ имуществъ, а пользуясь благосклонностью вел. кн. Константина Николаевича, вѣрившаго въ искренность его либеральныхъ словъ, получилъ и постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

которыя предназначались для ихъ распространенія, отразилось, наоборотъ, вліяніе литературы на общество» [1]).

Въ этомъ лестномъ отзывѣ о всей русской журналистикѣ нашей лучшей литературной эпохи, несомнѣнно, ясна явная тенденція дискредитировать то ея значеніе, которое было живо въ сознаніи передового общества и, по счастливой идейной преемственности, передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе и до нашихъ дней, дней, когда сказать: «человѣкъ шестидесятыхъ годовъ», а тѣмъ болѣе—«литературный боецъ шестидесятыхъ годовъ»—значитъ, воскресивъ въ памяти эту лучшую эпоху русской общественности, вызвать то глубокое, подчасъ благоговѣйное къ нимъ уваженіе, котораго они дѣйствительно достойны, какъ и вся эпоха 1855—1865 гг., не совсѣмъ правильно называемая «шестидесятыми годами».

Къ счастью, общественная работа, если и обусловливается результативно соприкосновеніемъ съ такими администраторами, какимъ былъ Валуевъ, то зато въ осознанности и оцѣнкѣ ея послѣдующими поколѣніями стоитъ внѣ всякихъ ихъ домогательствъ.

IX.

Работы второй комиссіи кн. Оболенскаго.

Теперь о работахъ второй комиссіи кн. Оболенскаго.

Въ первомъ же засѣданіи, 19 февраля, какъ бы умышленно пріуроченномъ къ годовщинѣ освобожденія крестьянъ отъ цѣпей крѣпостного рабства, было единогласно постановлено согласиться съ основными соображеніями комиссіи 1862 г., въ силу которыхъ: 1) система предварительной цензуры не могла быть принята, какъ базисъ новаго закона о печати, 2) одновременный полный переходъ отъ предварительной цензуры къ судебно-карательной невозможенъ, въ виду отсутствія соотвѣтствующаго ей устройства суда, и 3) желательны переходныя мѣры.

---

[1]) „Сѣв. Почта" 1865 г., № 264. Здѣсь говоритъ раздраженность обличеннаго: „Искра" не разъ рисовала Валуева въ соотвѣтствующихъ краскахъ.

Въ послѣдующихъ тринадцати засѣданіяхъ получили обработку и всѣ детали.

Скажу сначала объ общихъ положеніяхъ. Комиссія приняла ихъ всѣ по проекту 1862 г. Такимъ образомъ, отъ предварительной цензуры освобождались: всѣ книги, не менѣе 20-ти печатныхъ листовъ, изданныя въ Петербургѣ и Москвѣ, всѣ изданія правительственныя, академій, университетовъ, ученыхъ обществъ и установленій, все, напечатанное на греческомъ и латинскомъ языкахъ, и тѣ газеты и журналы, которыя будутъ освобождены отъ нея по желанію издателей, при чемъ тогда они, кромѣ отвѣтственности по суду за нарушеніе законовъ и постановленій о книгопечатаніи, подчинялись дѣйствію административныхъ правилъ, о чемъ ниже. Все остальное подлежало предварительной цензурѣ, разрѣшеніе которой уже снимало отвѣтственность съ сочинителей, издателей и редакторовъ, исключая отвѣтственности по суду за опозореніе и поруганіе. Правительству предоставлялось право запретить напечатанную съ одобренія цензуры книгу, уплативъ издателю и автору сумму убытка.

Существенное разногласіе произошло только по вопросу о безцензурности періодическихъ изданій. Одни члены находили, что это право должно принадлежать de jure всякому издателю, согласившемуся подчиниться административнымъ взысканіямъ; другіе, отрицая вовсе необходимость вооружать министра правомъ административныхъ взысканій, предлагали предоставить ему строгій выборъ лицъ, которымъ дано будетъ право издавать повременныя изданія безъ цензуры, чтобы этимъ «предупредить возможность такихъ злоупотребленій, которыя надобно бы было преслѣдовать судомъ». Любопытно, что въ этой группѣ были профессоръ полицейскаго *права*, И. Е. Андреевскій, и ставшій впослѣдствіи начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати— Е. М. Ѳеоктистовъ... Наконецъ, одинъ членъ—вѣрный приказаніямъ своего министра, Валуева—Фуксъ,—считалъ необходимымъ оставить это право за министромъ. Его аргументація очень характерна для новаго «президента» цензуры.

«Переходъ отъ цензуры къ безцензурности до того измѣняетъ всѣ привычки и пріемы періодическихъ изданій— возражалъ Фуксъ, что не можетъ быть по силамъ каждому изъ нихъ; многія изданія, не привыкши еще къ точному

разграниченію того, что легально подлежитъ или не подлежитъ опубликованію въ печати, и будучи до сихъ поръ сдерживаемы въ порывахъ своихъ не собственнымъ сознаніемъ, а лишь попечительствомъ цензуры, не замедлятъ, увлекшись выгодами безцензурности, на первыхъ же порахъ нарушить дѣйствующіе законы и вызвать слишкомъ строгія или слишкомъ частыя административныя взысканія,— такимъ образомъ, пострадаетъ самое достоинство системы административныхъ взысканій, которыя, по его убѣжденію, лишь дотолѣ дѣйствительны, пока они употребляются рѣдко, въ крайнихъ только случаяхъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ» [1]).

Изъ деталей отмѣчу наиболѣе существенныя.

По вопросу о внесеніи періодическими изданіями денежныхъ залоговъ, комиссія единогласно признала справедливымъ установить залогъ исключительно въ обезпеченіе пеней, которыя могутъ быть налагаемы на изданія по суду. При этомъ она выразила одну очень интересную мысль по адресу людей, стремившихся путемъ залоговъ устранить отъ журналистики недостаточныхъ издателей. «Устранить ихъ отъ изданія значило бы уничтожить нашу періодическую печать почти совершенно; какіе-нибудь два-три журнала остались бы единственными руководителями вкусовъ и мнѣній всей массы русскихъ читателей. Въ какой степени это вредно дѣйствовало бы на развитіе публики и на развитіе литературы — угадать не трудно; но важно то, что такая крайняя монополія немногихъ журналовъ оказалась бы непремѣнно вредною и для правительства. Правительство не можетъ разсчитывать, что журналы, которые останутся цѣлы, будутъ ему преданы и что они не будутъ возстановлять читателей противъ законнаго порядка. Но принимать мѣры взысканій противъ немногочисленныхъ журналовъ для правительства крайне будетъ затруднительно, именно вслѣдствіе той силы и сосредоточенности, съ какою естественно будетъ обращено къ нимъ сочувствіе публики» [2]).

---

[1]) „Журналы высоч. учежд. комиссіи для разсмотрѣнія проекта устава о книгопечатаніи“, Спб., 1863 г., № 8, стр. 3. Валуевъ при окончательной редакціи проекта, внесеннаго имъ въ государственный совѣтъ, оставилъ себѣ это право. Упоминаю здѣсь объ этомъ во избѣжаніе повтореній впослѣдствіи.

[2]) Ibidem, № 4—5, стр. 9.

Признано было, что требованіе залога не простирается на тѣ періодическія изданія, содержаніе которыхъ будетъ чисто ученое, хозяйственное или техническое. Что касается періодическихъ изданій съ предварительной цензурой, то мнѣнія раздѣлились: всѣ, кромѣ одного члена, предлагали внесеніе такими изданіями половиннаго залога [1]).

Очень интересны пренія по поводу административныхъ взысканій, которымъ, по проекту 1862 г., подвергались безцензурные органы въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ «вреднаго направленія».

А. Ѳ. Бычковъ, И. Е. Андреевскій и Е. М. Ѳеоктистовъ заявили, что они вообще не могутъ допустить права административной власти налагать взысканіе безъ суда по дѣламъ печати.

Доводы ихъ настолько интересны, что я приведу ихъ полностью.

«Несправедливость административныхъ взысканій относительно повременныхъ изданій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, открывается изъ самаго существа этихъ взысканій. Административныя взысканія построены на началѣ безусловнаго произвола правительственной власти прекратить такое изданіе, которое, не заключая въ себѣ преступленій слова, не можетъ быть предано судебному преслѣдованію, но предоставляется воззрѣніямъ администраціи преступнымъ и требующимъ наказанія. Главное основаніе, которымъ разсматриваемый проектъ устава стремится доказать необходимость административныхъ взысканій, представляется чрезвычайно шаткимъ. Въ проектѣ сказано, что одно изъ важнѣйшихъ соображеній, оправдывающихъ существованіе предварительной цензуры для повременныхъ изданій заключающееся въ трудности, неудобствѣ и медленности судебнаго преслѣдованія всѣхъ частныхъ нарушеній сими изданіями законовъ о печати, оправдываетъ и необходимость административныхъ взысканій послѣ уничтоженія предварительной цензуры. Изъ этого естественно слѣдуетъ такого рода выводъ: цензуру предварительную предлагается уничтожить, какъ вредную, основанную на произволѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ является намѣреніе замѣнить ее опять про-

---

[1]) Валуевъ принялъ мнѣніе большинства.

изволомъ, но еще болѣе вреднымъ. Дѣйствительно, произволъ административныхъ взысканій является болѣе широкимъ и тяжкимъ, чѣмъ произволъ предупредительной цензуры. При существованіи сей послѣдней, административная власть произвольно не дозволяетъ печатать того, что признаетъ вреднымъ для себя, но при административныхъ взысканіяхъ та же самая власть, не надѣясь доказать судебнымъ порядкомъ нанесенный ей повременнымъ изданіемъ вредъ, запрещаетъ самое повременное изданіе: слѣдовательно, въ первомъ случаѣ, при цензурѣ, она мѣшаетъ произнести слово, а во второмъ, при административныхъ взысканіяхъ, она *безъ суда* лишаетъ человѣка собственности потому только, что ей кажется, что слово для нея вредно, хотя доказать этого судебнымъ порядкомъ она не въ состояніи. Если бы захотѣли защищать подобное право тою мыслью, что нерѣдко всѣ нарушенія повременнаго изданія, не представляя собою ничего особенно важнаго, въ совокупности и послѣдовательности выражаютъ цѣлое направленіе, преслѣдовать которое медленнымъ судебнымъ порядкомъ бываетъ не только неудобно, но и не всегда возможно, то взглядъ этотъ представляется въ высшей степени шаткимъ. Нельзя человѣка произвольно лишить собственности только потому, что неудобно преслѣдовать его судебнымъ порядкомъ или невозможно доказать въ судѣ его преступленія: если посредствомъ суда нельзя выяснить его виновности, то, значитъ, юридически ея и не существуетъ, а покарать кого-либо безъ суда все равно, что покарать невиннаго; если же предполагаютъ, что судъ не въ состояніи признать преступленіемъ цѣлаго ряда такихъ мыслей, изъ которыхъ ни одна отдѣльно не представляетъ ничего преступнаго, но всѣ вмѣстѣ образуютъ опасное направленіе, то это обнаруживаетъ очевидное недовѣріе къ суду; предположивши, что судъ въ состояніи произнести оцѣнку каждаго отдѣльнаго преступленія слова, на какомъ основаніи можно думать, что онъ неспособенъ оцѣнить цѣлое направленіе, систематическій рядъ явленій? Очевидно, что, идя этимъ путемъ, нельзя найти защиту административнымъ взысканіямъ, а можно доказать только ихъ совершенную несправедливость, ихъ произволъ и прямое смѣшеніе администраціи съ судомъ, которое само правительство рѣшилось окончательно уничтожить въ настоящее время.

Какіе бы ни были придуманы виды административныхъ взысканій, всѣ они будутъ основаны на произволѣ, а слѣдовательно, при судебно-карательной цензурѣ, окажутся несправедливыми и для самого правительства безполезными. Взять-ли вполнѣ французскую систему административныхъ взысканій, или присоединить къ ней еще новые виды, какъ это дѣлаетъ проектъ устава, результаты будутъ совершенно одинаковы.

«Въ проектѣ устава административныя взысканія состоятъ въ двухъ предвареніяхъ и въ отдачѣ повременнаго изданія подъ цензуру или въ совершенномъ его запрещеніи. Легко видѣть, что предваренія, какъ извѣстные педагогическіе пріемы относительно газеты или журнала, рекомендующіе имъ болѣе осторожный образъ дѣйствій, имѣютъ смыслъ только по послѣдствіямъ, которыя они влекутъ за собой. Запрещеніе журнала — вѣнецъ административныхъ взысканій — въ высшей степени несправедливо, какъ административное отнятіе собственности; разбираемый проектъ устава, какъ бы соглашаясь съ этимъ, придумываетъ нѣкоторое измѣненіе противъ французской системы, именно — онъ предлагаетъ отдачу подъ цензуру. Приверженцы такого мнѣнія руководствуются тѣмъ началомъ, что какъ въ Россіи предупредительная цензура будетъ еще временно сохранена для книгъ (объемомъ менѣе 20 печатныхъ листовъ) и для журналовъ, которые не получатъ право выходить безъ цензуры, то это самое можетъ доставить административной власти средство не лишать журналъ существованія, а ограждать себя отъ вреда, имъ наносимаго, подчиняя его снова цензурѣ предварительной. Съ перваго взгляда такая мѣра можетъ показаться удачною, но при болѣе внимательномъ анализѣ она не выдерживаетъ критики. И дѣйствительно, почему правительство рѣшается замѣнить предупредительную цензуру карательною? Натурально, потому, что цензура предупредительная не въ состояніи достаточно обезпечить правительство и администрацію отъ преступленій прессы, что единственнымъ обезпеченіемъ для себя правительство признаетъ судебное преслѣдованіе преступленій слова. Если существуетъ подобное убѣжденіе, то отдача періодическаго изданія вновь подъ цензуру находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что дѣлаетъ правительство, отмѣняя цензуру;

если же нѣтъ такого убѣжденія, то не для чего и отмѣнять предупредительную цензуру: лучше удержать ее вполнѣ, чѣмъ удержать, какъ недостаточное средство относительно журналовъ.

«Вникая въ сущность системы административныхъ взысканій, легко убѣдиться, что система эта отличается и для правительства и для общества, тѣми же самыми неудобствами и недостатками, какъ и предварительная цензура. Съ правительственной точки зрѣнія неудобства эти очевидны: всѣ попытки, сдѣланныя до сего времени, должны были убѣдить правительство въ невозможности регламентировать прессу, давать ей направленіе, а между тѣмъ никакимъ образомъ не избѣгнетъ оно этого при существованіи новой системы. Безпрерывно печать будетъ обращаться къ администраціи за указаніями и наставленіями, подобно тому, какъ происходитъ это теперь во Франціи, и администрація принуждена будетъ входить въ непріятныя для нея самой объясненія, принимая на себя вслѣдствіе того, нѣкоторымъ образомъ отвѣтственность за то, что происходитъ въ литературѣ. Но, обрекая себя на неудобства такого рода, администрація не извлечетъ изъ нихъ ни малѣйшей пользы: *если строгость предупредительной цензуры была до сихъ поръ безсильна противъ ежедневныхъ захватовъ прессы,* точно въ такой же степени окажется безсильною и строгость, даже самая крайняя, административныхъ взысканій. Достоинство правительства будетъ, слѣдовательно, страдать по-прежнему самымъ существеннымъ образомъ отъ произвольнаго вмѣшательства въ ту сферу, въ которой было бы всего справедливѣе и безопаснѣе дѣйствовать суду.

«Съ точки зрѣнія литературы, невыгоды административныхъ взысканій представляются еще яснѣе. Та недовѣрчивость, то систематическое нерасположеніе ко всякому сближенію съ правительствомъ, которыми отличалась она въ послѣднее время, не уменьшатся нисколько; напротивъ печать наша будетъ предъявлять справедливыя жалобы на то, что положеніе ея, вслѣдствіе существованія административныхъ взысканій, сдѣлается еще тягостнѣе, нежели при предварительной цензурѣ. Примѣръ Франціи служитъ убѣдительнымъ тому доказательствомъ: не разъ періодическія изданія этой страны, даже отличающіяся самымъ умѣрен-

нымъ направленіемъ, высказывали мысль, что было бы несравненно выгоднѣе для нихъ подвергнуться снова предварительной цензурѣ, чѣмъ существовать подъ постояннымъ опасеніемъ административныхъ взысканій, не зная — что̀ могутъ они сказать и чего нѣтъ: ибо взысканія эти, при тѣхъ же самыхъ неудобствахъ, какъ и предварительная цензура, влекутъ за собою несравненно тягчайшія послѣдствія для самого существованія періодическихъ изданій» [1]).

Всѣ остальные члены рѣшительно присоединились къ проекту и всячески опровергали доводы своихъ противниковъ. Напримѣръ, они говорили, что «когда въ какомъ-либо спеціальномъ законоположеніи предлагается мѣра чрезвычайная, вызванная потребностью неотвратимыхъ внѣшнихъ условій, тогда странно и безполезно было бы судить о достоинствѣ этой мѣры съ отвлеченной или теоретической точки зрѣнія права и законности»... «Совсѣмъ иныя соображенія должны служить основаніямъ взгляду на относительное достоинство подобной мѣры. Право административныхъ взысканій, предлагаемое проектомъ устава, принадлежитъ къ числу такихъ чрезвычайныхъ мѣръ, а потому совершенно напрасно было бы доказывать, что основаніемъ административнымъ взысканій служитъ произволъ, что онъ противенъ понятію законности и формальной легальности и проч.». Однимъ изъ главныхъ доводовъ сторонниковъ административныхъ взысканій былъ такой: «такъ какъ подчиненіе правиламъ административныхъ взысканій не дѣлается по проекту *обязательнымъ*, а представляется *совершенно на волю* издателей повременныхъ изданій, то поэтому сами собой падаютъ всѣ возраженія трехъ членовъ о несправедливости и тяжести административныхъ взысканій». Предполагалось, что издатели «легко поймутъ, что сущность дѣла заключается не въ современныхъ газетныхъ толкахъ о несправедливости произвола и посягательствѣ на неограниченную свободу и проч., и проч.; они легко поймутъ, что произволъ не есть *непремѣнно* несправедливость, что безусловно опасаться его такъ же неосновательно, какъ вѣрить въ безусловную непогрѣшимость суда».

[1]) Ibidem, № 10—11, стр. 1—4. Курсивъ мой.

«Что можетъ руководить судьею въ дѣлахъ о преступленіяхъ слова, какъ не личный его взглядъ, личное его впечатлѣніе, совершенно произвольно въ немъ слагающіеся? Тутъ нѣтъ уликъ, нѣтъ доказательствъ, нѣтъ фактовъ, стѣсняющихъ его или ограничивающихъ. Судъ по дѣламъ печати есть *произволъ* нѣсколькихъ лицъ, облеченный въ форму; онъ также измѣнчивъ и такъ же неотвратимъ, какъ и всякій произволъ; что было преступленіемъ вчера, сегодня перестаетъ имъ быть — таково свойство всѣхъ нарушеній законовъ печати. Никогда судъ, карающій ихъ, не удовлетворитъ тому отвлеченному чувству справедливости, о которомъ мечтаютъ пылкіе ревнители свободы слова»... Очевидно, желая отстоять административныя взысканія, эти члены забыли свое единогласное постановленіе о необходимости постепеннаго перехода къ *судебно*-карательной системѣ... Въ заключеніе своихъ соображеній они высказали свое горячее убѣжденіе, что «соглашаясь освободить повременныя изданія отъ предварительной цензуры, даже подъ условіемъ административныхъ взысканій, правительство дѣлаетъ важный шагъ впередъ къ освобожденію слова. Въ виду крайнихъ и нетерпѣливыхъ требованій современной литературы, быть можетъ, осторожныя мѣры, предложенныя проектомъ, покажутся съ перваго раза неудовлетворительными; *но нѣтъ сомнѣнія, что опытъ убѣдитъ истинныхъ друзей свободы слова*, что избранный комиссіею путь вѣрнѣе приведетъ къ желанной цѣли, чѣмъ смѣлыя попытки нарушить ходъ полезныхъ преобразованій» [1]).

Дальнѣйшее обсужденіе самыхъ административныхъ взысканій происходило уже только среди ихъ сторонниковъ — Бычковъ, Андреевскій и Ѳеоктистовъ не принимали въ немъ участія.

Кн. Оболенскій, Никитенко, Гиляровъ-Платоновъ и Фуксъ находили, что отдача изданій подъ цензуру и запрещеніе ихъ высочайшею властью не могутъ быть допущены. Во-первыхъ, это значило бы допустить явное противорѣчіе въ проектѣ, считающемъ предварительную цензуру подлежащею возможно большему устраненію. Во-вторыхъ, помимо теоретической непослѣдовательности, это было бы и прак-

---

[1]) Ibidem, 5—9. Курсивъ мой.

тически безполезно. Послѣднія соображенія настолько характерны для хода цензурной реформы и объясненія взглядовъ на литературу, что я остановлюсь на нихъ подробнѣе.

«Для литературной дѣятельности частной — говорили эти четыре члена—цензура, дѣйствительно, составляетъ препону своею обыкновенно мелочною придирчивостью и своею не менѣе обыкновенною ограниченностью воззрѣнія. Но для писателей недобросовѣстныхъ цензура есть истинная привилегія. Это слишкомъ хорошо извѣстно всякому, кому приходилось быть близкимъ свидѣтелемъ тѣхъ многообразныхъ хитростей и уловокъ, которыми недобросовѣстность умѣетъ отводить глаза цензурѣ... Способность періодической печати говорить съ публикой посредствомъ междустрочныхъ намековъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, когда дѣло идетъ объ административныхъ взысканіяхъ. Если система административныхъ взысканій находитъ для себя извиненіе, то единственно въ томъ, что преступный образъ дѣйствій печати не всегда можетъ быть удобно формулированъ предъ судомъ: что могутъ быть случаи, когда онъ является не въ видѣ единичнаго, выдающагося осязательнаго поступка, не въ формѣ такой или другой статьи, а въ самой группировкѣ и послѣдовательности статей, и даже не въ видѣ открытыхъ разсужденій, а, напротивъ, въ самомъ умалчиваніи объ извѣстныхъ предметахъ или въ ироническомъ тонѣ и другого рода безчисленныхъ пріемахъ, за которые осудить довольно трудно, если брать каждую статью въ отдѣльности, но за которые нельзя не осудить, взявъ во вниманіе значительно большій рядъ статей»...

Наконецъ,—«если право свободнаго выбора между цензурой и административными взысканіями важно, то оно важно именно потому, что съ журналовъ благонамѣренныхъ сниметъ нареканіе, будто освобожденіе ихъ отъ цензуры есть не слѣдствіе ихъ честной готовности принять личную отвѣтственность за свои убѣжденія, а плодъ заранѣе условленной стачки съ администраціею; съ другой стороны, потому, что у журналовъ неблагонамѣренныхъ отнимаетъ предлогъ разыгрывать изъ себя жертвы, тогда какъ, въ сущности, подчиненіе цензурѣ будетъ для нихъ весьма пріятнымъ и выгоднымъ обезпеченіемъ»...

Кромѣ того, предлагая ввести опредѣленное число предостереженій, послѣ которыхъ изданіе прекращалось бы, эти члены находили необходимымъ самыя предостереженія называть «замѣчаніями», а особую главу объ административныхъ взысканіяхъ, очень рѣзко бросающуюся въ глаза, вставить для меньшей замѣтности, въ главу о періодическихъ изданіяхъ [1]...

Остальные два члена — Ржевскій и Погорѣльскій, находили, что прекращеніе изданія можетъ быть лишь мѣрою суда; для того же, чтобы дать возможность администраціи преслѣдовать «вредное направленіе», рекомендовали главному управленію дѣлать изданіямъ «конфиденціальныя предваренія о вредѣ направленія, высказывающагося въ тѣхъ выраженіяхъ или оборотахъ и равнымъ образомъ съ объясненіемъ мотивовъ».

Валуевъ согласился во всемъ съ четырьмя членами, введя отъ себя лишь силу предостереженій въ теченіе одного года.

Очень характерны разсужденія комиссіи и по поводу судопроизводства по дѣламъ печати, остановившейся главнымъ образомъ на формѣ суда.

Она пришла къ *единогласному* заключенію—профессоръ Андреевскій не подалъ особаго мнѣнія...—которое я и привожу подлинно:

«Судъ присяжныхъ есть судъ самого общества въ широкомъ значеніи этого слова. Но всякое общество, какъ бы цѣльно оно ни было, имѣетъ свои слои, политическій характеръ которыхъ болѣе или менѣе ярко выражается въ отношеніяхъ къ началамъ, представляемымъ правительствомъ. Въ каждомъ обществѣ элементы охранительные и прогрессивные находятся въ постоянной борьбѣ, но не всѣ занимаютъ одинаковое мѣсто. Историческія особенности каждаго государства имѣютъ значительное вліяніе на это различие.

«Никто, конечно, не станетъ отвергать того несомнѣннаго факта, что въ современномъ обществѣ нашемъ, такъ рѣзко раздѣленномъ на двѣ части политическими своими тенденціями, прогрессивный элементъ почти исклю-

[1]) Ibidem, 9—13.

тельно сосредоточенъ въ томъ слоѣ общества, изъ котораго избираются и будутъ избираться всѣ наши коронные судьи и всѣ другія судебныя власти. *Ввѣрить однимъ представителямъ этой среды судъ по дѣламъ печати — значило бы отказаться отъ защиты того охранительнаго начала, которое составляетъ дѣйствительную силу правительства.* Самое свойство преступленій печати можетъ быть опредѣлено только характеромъ впечатлѣнія, произведеннаго на все общество, а не одностороннихъ только его представителей. Поэтому не можетъ быть безусловныхъ преступленій печати, какъ бы законъ ни старался ярко очертить ихъ внѣшніе признаки. Во Франціи, гдѣ дѣла печати изъяты нынѣ, вслѣдствіе политическихъ переворотовъ, изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, правительство рѣшилось на эту мѣру по необходимости: ибо, по особому устройству и значенію французской магистратуры, правительство ищетъ и находитъ въ ней болѣе охранительную опору, чѣмъ въ самомъ обществѣ. Но такъ-ли сложились обстоятельства у насъ? Какое можетъ быть въ этомъ отношеніи сравненіе Россіи съ Франціею? Гдѣ тѣ элементы консерватизма, которые могутъ опредѣлить характеръ нашей будущей магистратуры?

«Опасаться общественнаго суда присяжныхъ, выбранныхъ изъ среды гражданъ-*собственниковъ*, и надѣятся на опору сословія, еще не заслужившаго довѣрія, было бы крайне неосторожно. Къ счастью, мы имѣемъ теперь въ С.-Петербургѣ и Москвѣ разрядъ гражданъ, которые, по личнымъ и имущественнымъ своимъ отношеніямъ, могутъ служить правительству и обществу надежнымъ ручательствомъ, что политическое и соціальное значеніе вопросовъ печати будетъ сознано ими безъ пристрастія и всякаго односторонняго и вреднаго увлеченія. По новому устройству городскихъ думъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, городское общество избираетъ изъ гражданъ-собственниковъ гласныхъ изъ каждаго сословія. Эти лица въ соединеніи могутъ служить самымъ вѣрнымъ выраженіемъ общества, принадлежа къ разнымъ сословіямъ и званіямъ, обладая различною степенью образованности и представляя, по различію возрастовъ, направленіе различныхъ поколѣній; они не могутъ быть заподозрѣны въ односторонности и вполнѣ достойны довѣрія правительства.

«По симъ соображеніямъ комиссія признала полезнымъ поручить вѣданіе дѣлъ печати особому присутствію уголовной палаты, при участіи присяжныхъ засѣдателей, избираемыхъ изъ списка гласныхъ думы» [1]...

Наконецъ, обратимся къ засѣданію, въ которомъ разсматривались цензурныя учрежденія.

Бычковъ, Андреевскій и Ѳеоктистовъ находили необходимымъ составить совѣтъ главнаго управленія по дѣламъ печати наполовину изъ чиновниковъ министерства просвѣщенія, полагая, что это дастъ совѣту «ту силу и то общественное довѣріе, необходимость котораго выясняется въ мотивахъ проекта». Остальные члены были безусловно противъ такой мѣры, находя, между прочимъ, что «ученый міръ обыкновенно стоитъ если не въ разладѣ, то, все-таки, выше міра дѣйствительнаго, и его глубокій и философскій анализъ явленій, нарушающихъ запрещеніе положительнаго закона, нерѣдко идетъ въ разладъ съ такимъ впечатлѣніемъ, которое это явленіе производитъ на общество и которое составляетъ сущность и такъ сказать corpus delicti всѣхъ преступленій печати» [2]...

Тѣ же члены возражали противъ предоставленія министру внутреннихъ дѣлъ права отмѣнить рѣшеніе совѣта о начатіи или неначатіи судебнаго преслѣдованія авторовъ, редакторовъ или издателей, полагая, что въ этой области слово совѣта безапелляціонно. Къ нимъ вполнѣ присоединился представитель министерства просвѣщенія, Гиляровъ-Платоновъ, но самъ пошелъ еще дальше — по его мнѣнію, тотъ же рѣшительный голосъ долженъ быть предоставленъ совѣту и въ томъ случаѣ, когда вредное направленіе періодической печати будетъ вызывать замѣчанія, имѣющія послѣдствіемъ прекращеніе изданія, — обстоятельство, котораго не касались три члена, потому что отвергали самую систему административныхъ взысканій.

---

[1]) Ibidem, № 14, 3—4. Въ проектѣ Валуева эта часть подвергнута нѣкоторымъ измѣненіямъ въ сторону большого соглашенія суда надъ печатью съ общимъ судомъ по готовому уже тогда закону 20 ноября 1864 года. Замѣчу кстати, что Джаншіевъ, не ознакомившись, вѣроятно, съ сдѣланной мною цитатой изъ журналовъ комиссіи, ставитъ ей въ заслугу именно желаніе „суда присяжныхъ“ („Эпоха великихъ реформъ“, изд. 7-е, 1898 г., 271)...

[2]) Ibidem, № 9, 3—4.

Мнѣніе свое Гиляровъ-Платоновъ поддерживалъ настолько оригинальными и любопытными доводами, что на нихъ положительно нельзя не остановиться, особенно имѣя въ виду личность самого консервативнаго оппонента.

«Нельзя отрицать, — говорилъ онъ, — что административныя взысканія за злоупотребленія печати у насъ неизбѣжны, особенно на первыхъ порахъ; но нельзя не согласиться въ то же время, что это — необходимость весьма печальная, извиняемая лишь особеннымъ состояніемъ нашего суда, не приспособленнаго къ тому, чтобы судить о дѣлахъ печати, особеннымъ состояніемъ нашей печати, въ большинствѣ своемъ не опирающейся на коренныя народныя силы и не выражающей истиннаго общественнаго мнѣнія, а скорѣе враждебной идеаламъ, которые носитъ передъ собою народъ, и скорѣе насилующей общественное мнѣніе. Административныя взысканія, по самому существу своему, суть мѣра ненормальная. Въ мірѣ печати система административныхъ взысканій имѣетъ смыслъ, почти соотвѣтствующій тому, какой въ мірѣ политическомъ вообще соединенъ съ объявленіемъ страны въ военномъ положеніи: когда пріостанавливается дѣйствіе закона и правильно организованнаго суда; когда ради общей безопасности и на силу высшаго общественнаго права, нарушаются законные интересы отдѣльныхъ лицъ; когда отдѣльное лицо, такимъ образомъ, чувствуетъ себя постоянно угрожаемымъ въ спокойномъ обладаніи своими несомнѣнными правами. Административныя взысканія, сверхъ того, суть мѣра и положительно опасная по тому обоюдно развращающему вліянію, какое оказываютъ они и на органы власти, и на органы печати, по той легкости, съ какою органы власти соблазняются на принятіе мѣръ противныхъ всякой справедливости, единственно въ угоду своимъ личнымъ видамъ, и съ какою органы печати поощряются къ угодливости, затушающей всякую способность къ честному убѣжденію — единственной истинной опорѣ власти и порядка».

«Правительство можетъ у насъ озабочиваться только тѣмъ, чтобы дать просторъ выраженію истиннаго, а не призрачнаго общественнаго мнѣнія, чтобъ облегчить ему случаи высказываться. отыскать для этого болѣе удобныя формы, чтобы подъ видомъ общественнаго отголоска не

раздавались голоса отдѣльныхъ лицъ, случайно собравшихся въ болѣе или менѣе ничтожную кучку. Такимъ образомъ, въ административныхъ взысканіяхъ правительство у насъ можетъ имѣть нужду только для того, чтобы наложить молчаніе на нѣсколькихъ крикуновъ, отчасти насилующихъ, отчасти устрашающихъ еще робкое у насъ общественное мнѣніе, — и при томъ только до тѣхъ поръ, пока найдена будетъ форма такого суда, который служилъ бы дѣйствительнымъ органомъ народной совѣсти».

Подъ «крикунами» разумѣлись, очевидно, «Современникъ» и «Русское Слово», Чернышевскій, Писаревъ и другіе...

Въ соображеніяхъ о нежелательности предоставить совѣту рѣшительный голосъ, Гиляровъ-Платоновъ видѣлъ такую аргументацію: «административной власти существенъ произволъ; если же предоставить совѣту рѣшительный голосъ, то произволъ будетъ ограниченъ: слѣдовательно, не должно давать рѣшительнаго голоса совѣту». По его же мнѣнію, — «чѣмъ меньше будетъ произвола въ какомъ бы то ни было государственномъ отправленіи, тѣмъ лучше; и если бы какой мудрецъ отыскалъ средство совсѣмъ исключить произволъ изъ сферы государственнаго управленія, тогда лучшаго не оставалось бы ничего желать, и сама теорія, съ охотною готовностью, поспѣшила бы вычеркнуть свое положеніе, что «произволъ свойственъ административной власти».

Въ заключеніе своихъ доводовъ Гиляровъ-Платоновъ спѣшилъ успокоить комиссію, что и въ предлагаемый имъ организаціи управленія печатью «оставалось слишкомъ много мѣста для произвола администраціи». «Произволу будетъ еще довольно простора. Во-первыхъ, назначеніе членовъ совѣта будетъ зависѣть отъ произвольнаго выбора министра. Во - вторыхъ, самыя замѣчанія, которыя будетъ давать совѣтъ періодическимъ изданіямъ, останутся. въ сущности, все-таки, произволомъ, ибо не будутъ предваряемы ни слѣдствіемъ, ни судоговореніемъ. Въ-третьихъ. наконецъ, чтó важнѣе всего, власть прекращать изданіе останется, все-таки, въ рукахъ министра. Совершенно въ его волѣ, и ни въ чьей другой, будетъ, послѣ трехъ замѣчаній. самостоятельно опредѣленныхъ совѣтомъ, дозволить вновь выходъ изданія или нѣтъ. И этого, кажется, было бы

довольно. Важно, по крайней мѣрѣ то, чтобы министръ не могъ прекратить изданія прежде, чѣмъ совѣтъ троекратно, по собственному разсужденію, а не по приказанію министра, осудитъ направленіе изданія. Важно, во-вторыхъ, то, что у министра отнимется нравственная возможность мирволить изданію послѣ того, какъ передъ публикой троекратно было изъяснено его серьезно-опасное направленіе. Однимъ словомъ, важно, чтобы судьба періодическихъ изданій не зависѣла вполнѣ и окончательно отъ случайныхъ воззрѣній одного лица» [1]).

Остальные пять членовъ не согласились ни съ Гиляровымъ-Платоновымъ, ни съ его частичными единомышленниками, и право за министромъ отмѣнять постановленія совѣта Валуевъ оставилъ неприкосновеннымъ. Справедливость, однако, требуетъ привести заключеніе сторонниковъ этого права. Вотъ оно:

«Не нуженъ произволъ, откажитесь отъ него прямо, а ежели нуженъ, то назовите его по имени. Это—единственное средство ограничить его. Произволъ, поставленный лицомъ къ лицу передъ общимъ мнѣніемъ, безъ внѣшняго прикрытія призраками законности, гораздо менѣе опасенъ; онъ менѣе бездушенъ и не можетъ избѣжать отвѣтственности. Совѣтъ ему нуженъ, онъ отвращаетъ всѣ возможныя случайности, онъ голосомъ независимымъ предупреждаетъ вредныя увлеченія, но онъ не служитъ законной отговоркой передъ судомъ общественнаго мнѣнія. Справедливъ будетъ упрекъ министру внутреннихъ дѣлъ, когда для дѣла совѣщательнаго призоветъ онъ людей, незаслуживающихъ довѣрія и не отличающихся безпристрастіемъ и независимостью» [2]).

---

[1]) Ibidem, 9—15.

[2]) Ibidem, 19. Послѣднія слова, какъ увидимъ позже, оказались пророческими по отношенію къ Валуеву.

X.

„Русское Слово" и „С.-Петербургскія Вѣдомости" о проектѣ комиссіи, Объявленіе „Современника". Отвѣтъ Головнина Валуеву.

Въ іюнѣ комиссія кн. Оболенскаго закончила свои занятія, и ея проектъ тогда же былъ направленъ Валуевымъ Головнину, Замятнину (министру юстиціи) и бар. Корфу (главноуправляющему II Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи); а въ ноябрѣ проектъ, разсмотрѣнный Валуевымъ съ товарищемъ его Тройницкимъ, кн. Оболенскимъ и предсѣдателями двухъ столичныхъ цензурныхъ комитетовъ и болѣе или менѣе исправленный, былъ сообщенъ, кромѣ опять-таки названныхъ министровъ, еще и главноначальствующему надъ почтовымъ департаментомъ, И. М. Толстому, и главному начальнику III Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи, кн. Долгорукову. Но прежде ознакомленія съ отзывами этихъ лицъ, я думаю небезынтересно будетъ выслушать мнѣнія двухъ органовъ печати: одного «завѣдомо неблагонадежнаго крикуна», другого «завѣдомо благонадежнаго».

«Нѣтъ сомнѣнія—писалъ внутренній обозрѣватель «Русскаго Слова»,—что и нашъ новый уставъ о печати многое оставитъ личному усмотрѣнію той власти, которая будетъ непосредственно слѣдить и карать преступленія по книгопечатанію. Слѣдовательно, здѣсь главный вопросъ не въ томъ, какъ опредѣлитъ законъ тотъ или другой случай, а въ томъ, какъ распорядится этимъ закономъ исполнитель его. Если онъ отнесется легко и гуманно къ литературѣ, будетъ сочувствовать ея успѣхамъ, онъ въ большей части случаевъ найдетъ болѣе справедливымъ взглянуть снисходительно на проступокъ, котораго значеніе часто не можетъ быть взвѣшено самимъ виновникомъ его; если же оно будетъ искать только поводъ для обвиненія, то нигдѣ нельзя найти его такъ легко и скоро, какъ въ области мысли и слова». Такимъ образомъ журналъ посильно указалъ, что ни на какія законныя гарантіи онъ не склоненъ обращать серьезнаго вниманія, если самый законъ будетъ переданъ въ руки... Валуева — это, конечно, не было договорено. Вотъ откуда вполнѣ ясно вытекало и слѣдующее его убѣжденіе:

«Мы убѣждены, что на первый разъ всякое періодическое изданіе, желающее сохранить побольше независимости

въ своихъ мнѣніяхъ, предпочтетъ предупредительную цензуру. Подальше отъ грѣха—скажутъ редакторы и останутся на прежнемъ положеніи. Но если при отвѣтственной системѣ главную роль будетъ играть органъ судебной и административной власти, то для предупредительной—по прежнему цензоръ. Конечно, можно избрать такихъ цензоровъ, что каждый издатель и редакторъ согласится лучше нести личную отвѣтственность; и обратно, можно устроить такой судъ и ввести такія админстративныя взысканія, что всякій предпочтетъ подчиниться предупредительному порядку. Опять все зависитъ отъ того, насколько правительство пожелаетъ независимости и свободы общественнаго мнѣнія, выражаемаго въ печати»[1]).

«С.-Петербургскія же Вѣдомости», выразясь вообще очень неопредѣленно, не преминули, однако, замѣтить: «поражаетъ насъ крайняя разноголосица всѣхъ членовъ по вопросамъ, не только второстепеннымъ, но и существенной важности: въ текстѣ проекта, по многимъ пунктамъ, выставлены мнѣнія большинства и меньшинства: въ журналѣ же засѣданій находимъ мы подробно изложенные мотивы этихъ мнѣній, доказывающіе, что весьма сильная и упорная борьба происходила въ средѣ комиссіи»[2]).

Замѣчаніе очень цѣнное: дѣйствительно, событія присно-памятнаго 1863 года, окончательно упрочившаго у насъ реакцію и силу охранительныхъ добровольцевъ, внесли въ русское общество не малую сумятицу. Яркіе примѣры ея читатель видѣлъ въ предыдущей главѣ...

Очень характерно для иллюстраціи положенія печати къ началу 1864 года и небывалое въ русской журналистикѣ объявленіе о подпискѣ на этотъ годъ «Современника». Журналъ задолго предчувствовалъ свою кончину... Вотъ отрывокъ изъ этого любопытнаго документа.

«Въ ряду многочисленныхъ законодательныхъ мѣръ, проектируемыхъ въ настоящее время правительствомъ, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, безъ сомнѣнія, занимаетъ измѣненіе тѣхъ условій, въ которыхъ до нынѣ находится печатное русское слово. Необходимость этого измѣненія очевидна.

[1]) „Рус. Слово“ 1863 г., VI, „Домашняя лѣтопись“, 6—8.
[2]) 1863 г., № 142.

Тѣмъ не менѣе, правила, которымъ на будущее время должно подчиниться наше книгопечатаніе, еще не изданы, и литература наша, ожидающая ихъ съ 1861-го года, подчиняется до сихъ поръ дѣйствію временныхъ переходныхъ мѣръ, нѣсколько разъ измѣнявшихся въ теченіе двухъ послѣднихъ годовъ. Необходимость примѣняться къ этимъ колебаніямъ и измѣненіямъ не могла не отразиться невыгодно на журналистикѣ, а между прочимъ и на нашемъ журналѣ. Мы сознаемъ, что и «Современникъ» не всегда соединялъ въ себѣ всѣ тѣ условія, которыхъ присутствіе необходимо для того, чтобы журналъ былъ журналомъ, а не сборникомъ случайныхъ статей, представляющихъ чтеніе болѣе или менѣе разнообразное. Понятно, что соединеніе этихъ условій и не возможно будетъ до тѣхъ поръ, пока не устранится неопредѣленность въ положеніи литературы. Теперь, кажется, эта неопредѣленность приходитъ къ концу. Мы надѣемся, что будущій уставъ книгопечатанія, утвердивъ на прочныхъ основаніяхъ положеніе печати, точно опредѣлитъ границы, въ предѣлахъ которыхъ каждый журналъ будетъ имѣть возможность дѣйствовать самостоятельно, безъ колебаній и безъ всякихъ опасеній, которыя при настоящемъ неопредѣленномъ положеніи, отнимаютъ у журнала увѣренность, необходимую для успѣшной дѣятельности. Въ этой надеждѣ мы и рѣшаемся продолжать изданіе «Современника» въ будущемъ 1864 году».

Въ теченіе 1863 года Валуеву отвѣтили только министръ народнаго просвѣщенія и главноуправляющій III Отдѣленіемъ.

Отношеніе Головнина привожу полностью.

«Исполняя желаніе вашего превосходительства, изложенное въ отношеніи вашемъ отъ 27 минувшаго ноября, за № 87, имѣю честь сообщить слѣдующія соображенія по проекту устава о книгопечатаніи.

«При вступленіи моемъ въ завѣдываніе цензурой въ самомъ концѣ 1861 года, высшее управленіе ея сосредоточивалось въ коллегіальномъ учрежденіи (главномъ управленіи цензуры), а самое цензированіе производилось какъ цензорами въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и многочисленными спеціальными цензурами другихъ вѣдомствъ. Правительство было недовольно цензурой и на-

ходило: съ *одной стороны* цензурныя постановленія недостаточными, а съ *другой*, въ цензурной практикѣ видѣло слишкомъ большую снисходительность. Литераторы, и въ особенности редакторы журналовъ и газетъ, жаловались на слишкомъ большую строгость цензуры, на произволъ цензоровъ, на медленность хода цензурныхъ дѣлъ вслѣдствіе большаго числа спеціальныхъ цензуръ, которымъ слѣдовало сообщить одну и ту же статью, и вслѣдствіе коллегіальныхъ формъ учрежденія, которое завѣдывало цензурой; жаловались на неизвѣстность имъ цензурныхъ постановленій, которыя оставались въ архивахъ и не были обнародованы. Наконецъ, сами цензеры тяготились неясностію, неполнотою и разнорѣчіемъ цензурныхъ постановленій, вслѣдствіе чего они вынуждены были дѣйствовать произвольно; причемъ они утверждали, что правительство требуетъ отъ цензурной практики несравненно болѣе строгости, нежели сколько требуется законами; говорили, что правительство само не знаетъ ясно, чего оно хочетъ въ цензурѣ, и доказывали это измѣняющимися со дня на день требованіями и разнообразіемъ въ дѣйствіяхъ спеціальныхъ цензуръ разныхъ министерствъ, изъ коихъ одна пропускала то̀ самое, что̀ запрещалось другою, и наоборотъ.

«Все сіе приводило къ убѣжденію въ необходимости слѣдующихъ мѣръ:

«I. Немедленно собрать, привести въ ясность и напечатать въ хронологическомъ порядкѣ всѣ постановленія и распоряженія правительства, состоявшіяся въ разное время по цензурѣ [1]). Трудъ сей былъ затѣмъ исполненъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и я имѣлъ честь доставить вашему превосходительству нѣсколько экземпляровъ онаго.

«II. Приступить къ пересмотру всѣхъ этихъ постановленій, также къ обозрѣнію бывшей у насъ цензурной практики, направленія литературы въ разное время, къ соображенію постановленій иностранныхъ государствъ по части цензуры и къ составленію проекта устава о книгопечатаніи. Вслѣдствіе сего, въ теченіе года, были составлены: историческія записки о дѣйствіи у насъ цензуры, записка о на-

[1]) Въ „Сборникѣ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 года“ вошли далеко не всѣ распоряженія.

правленіи журналистики, сборникъ статей, недозволенныхъ цензурой, и учреждена особая комиссія для пересмотра постановленій по дѣламъ книгопечатанія и составленія новаго устава, при чемъ для соображеній коммисіи выписаны были изъ-за границы сборники тамошнихъ постановленій по сему предмету и извѣстнѣйшія сочиненія, которыя касались онаго. Въ то же время, дабы узнать желанія и мысли самихъ литераторовъ о лучшемъ устройствѣ цензуры, многія изъ этихъ лицъ приглашены были къ доставленію министерству народнаго просвѣщенія ихъ соображеній, которыя составили особую книжку, причемъ разрѣшено было разсуждать въ періодическихъ изданіяхъ о лучшемъ устройствѣ цензуры. Послѣдняя мѣра принесла весьма скоро пользу, ибо ближайшимъ разъясненіемъ иностранныхъ законодательствъ. она показала всю невѣрность многихъ воззрѣній. При этомъ слѣдуетъ сказать, что въ то время была надежда на весьма скорое осуществленіе судебной реформы и предполагалось, что уставъ о книгопечатаніи можетъ выдти вслѣдъ за преобразованіемъ судовъ. По сему, въ ожиданіи этой реформы и возможности подвергать виновныхъ въ злоупотребленіи печатанымъ словомъ взысканію по суду, комиссіи было предложено составить систему *переходныхъ* мѣръ отъ цензуры *предварительной*, неудовлетворявшей ни правительство, ни литературу, къ цензурѣ *обратной*.

«III. Сознавая необходимость въ нѣкоторыхъ случаяхъ усилить строгость цензуры, доколѣ не явится новое законоположеніе, министерство просвѣщенія старалось достигнуть этого перемѣнами въ личномъ составѣ цензурнаго управленія, строгими подтвержденіями и циркулярами. Сверхъ того, я просилъ ваше превосходительство оказать въ этомъ случаѣ содѣйствіе ваше министерству народнаго просвѣщенія, основываясь на сттьяхъ закона, которыя издавна возлагали на министерство внутреннихъ дѣлъ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы не появлялось въ печати ничего вреднаго и для обезпеченія министерству внутреннихъ дѣлъ исполненія этой обязанности переданы были въ оное средства въ лицахъ и денежныхъ способахъ [1]).

---

[1]) Сообщеніе очень цѣнное: очевидно, его не достаточно взвѣсили апологеты Головнина и между ними Джаншіевъ.

«IV. Имѣя въ виду, что если необходимо съ одной стороны усиливать строгость цензуры, то не менѣе нужно съ другой—доставлять литературѣ, какъ средству просвѣщенія народнаго, возможныя льготы и облегченія и не вводить редакторовъ въ расходы, которыхъ можно избѣгнуть, я исходатайствовалъ постепенно: отмѣну спеціальныхъ цензуръ, которыя были особенно тягостны для петербургскихъ періодическихъ изданій; дозволеніе всѣмъ газетамъ и журналамъ печатать частныя объявленія; разрѣшеніе *весьма многимъ* [1]) изъ нихъ получать изъ-за границы книги и періодическія изданія безъ цензуры; облегченія въ пересылкѣ газетъ и т. п. Сверхъ того, я старался ввести въ цензированіе возможную быстроту, устраняя съ этою цѣлію всѣ излишнія формальности и коллегіальный порядокъ, и притомъ сообщалъ гг. редакторамъ неотлагательно каждое новое постановленіе или требованіе по цензурѣ, которое имъ полезно было бы знать.

«Такимъ образомъ имѣлось въ виду: *привести въ ясность цензурныя постановленія и цензурную практику; составить новый уставъ о книгопечатаніи для введенія онаго въ то время, когда состоится судебная реформа, а до того времени ввести мѣры переходныя, ввести въ цензурную практику болѣе строгости для всего важнаго и существеннаго, но въ то же время доставить всевозможныя облегченія литературѣ вездѣ, гдѣ только возможно.* Цѣль всего этого состояла въ томъ, чтобъ *идти къ большему простору печатнаго слова, причемъ преступленія онаго карались бы судомъ и выводился бы болѣе и болѣе произволъ изъ области цензуры.*

«Исполненіе этого плана начало уже ознаменовываться весьма благотворными результатами. Въ обсужденіи многихъ важныхъ вопросовъ общественнаго нашего устройства литература заговорила спокойнымъ, обдуманнымъ тономъ, и многіе ея органы, вмѣсто того, чтобы упорствовать въ безплодной оппозиціи правительству, старались служить ему опорою. Конечно, существовали печальныя уклоненія отъ этого правила; иногда нѣкоторые писатели вдавались въ излишества и неумѣренность, но можно сказать утвердительно, что всякій разъ они встрѣчали себѣ отпоръ въ

---

[1]) Мы знаемъ, уже, что всего 7...

той же самой литературѣ. Къ несчастію, въ то самое время какъ печать наша заявляла такъ успѣшно о достаточной зрѣлости своей для пользованія разумною свободою, произошли событія, недозволившія расширить ея права. Извѣстныя прокламаціи — произведеніе тайныхъ типографій, дѣйствія заграничныхъ агитаторовъ и открывшіяся въ разныхъ мѣстахъ имперіи происки революціонной пропаганды, общей и въ частности польской, заставили обратить вниманіе на періодическую литературу, какъ на средство, которымъ старались воспользоваться злоумышленники и на которое они весьма много разсчитывали. Обстоятельства сіи усилили по необходимости строгость цензуры и отдалили предположенія о дарованіи литературѣ бо́льшаго простора. Въ то же время оказалось, что судебная реформа не можетъ вскорѣ осуществиться и что самый трудъ комиссіи о книгопечатаніи не можетъ быть оконченъ къ тому сроку, какъ сначала предполагалось, и потому явилась необходимость въ изданіи временныхъ правилъ, которыя, по разсмотрѣніи въ совѣтѣ Правила сіи имѣли слѣдствіемъ болѣе ясное и точное опредѣленіе предметовъ, государственнаго управленія, которые разрѣшалось обсуждать печатно. Сверхъ того онѣ замѣнили хранившіяся въ архивѣ, малоизвѣстныя и часто одно другому противорѣчившія постановленія по цензурѣ и указали взысканія, которыя признаны были необходимыми до изданія новаго полнаго законоположенія. На основаніи этихъ правилъ дѣйствовало цензурное управленіе до конца 1862 года.

«Въ началѣ 1863 года, комиссія по дѣламъ книгопечатанія окончила свой трудъ, который имѣетъ неоспоримыя достоинства и составляетъ заслугу разъясненіемъ многихъ вопросовъ по цензурѣ. Перемѣна воззрѣній на нѣкоторые предметы была однимъ изъ послѣдствій обширнаго и вполнѣ добросовѣстнаго труда комиссіи и, представляя оный Государю Императору въ совѣтѣ министровъ 10 января 1863 года, я доложилъ, что прежде всякаго обсужденія проекта комиссіи, казалось бы необходимымъ разрѣшить

---

[1]) Явное недоразумѣніе: „временныя“ правила утверждены 12 мая, а комиссія кн. Оболенскаго образована 8 марта. Не на два же мѣсяца ее учреждали... Кромѣ того, намъ уже извѣстно, что комиссія начала свою работу именно подготовкой этихъ правилъ.

вопросъ: кому завѣдывать цензурою: министерству-ли внутреннихъ дѣлъ, какъ предполагала комиссія, министерству-ли просвѣщенія, или особому установленію? При этомъ я объяснилъ слѣдующее: „министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ обязанностію покровительствовать литературѣ, заботиться о ея развитія, о преуспѣяніи оной; посему, находясь къ литературѣ въ отношеніяхъ болѣе близкихъ, чѣмъ всякое другое вѣдомство, оно не можетъ быть ея строгимъ судьей. Сверхъ того, министерство просвѣщенія обязано содѣйствовать движенію впередъ науки, а для этого необходима свобода анализа; посему цензура, находясь въ вѣдѣніи сего министерства, принимаетъ направленіе болѣе снисходительное, стремящееся къ тому, чтобы медленно и осторожно отодвигать границы, поставляемыя свободѣ разсужденій. При нынѣшнемъ же всеобщемъ броженіи умовъ, необыкновенномъ развитіи умственной дѣятельности, обращающейся преимущественно къ обсужденію предметовъ общественныхъ, дѣятельность цензуры становилась все болѣе и болѣе затруднительною въ томъ вѣдомствѣ, которое обязано содѣйствовать развитію умственной дѣятельности. Положеніе министерства внутреннихъ дѣлъ въ отношеніи къ цензурѣ совсѣмъ другое. На него не возложена обязанность изыскивать средства къ развитію литературы. Оно обязано только наблюдать за ненарушеніемъ закона и способнѣе министерства просвѣщенія оцѣнивать важность нарушенія; роль министерства внутреннихъ дѣлъ въ цензурѣ яснѣе, опредѣлительнѣе и проще, а потому и самая цѣль достижимѣе."

«Тогда послѣдовало, согласно всеподданнѣйшему докладу моему, высочайшее повелѣніе: 1) передать проектъ комиссіи вашему превосходительству; 2) предоставить мнѣ передать въ министерство внутреннихъ дѣлъ всѣ цензурныя учрежденія и 3) предоставить вамъ составить, по вашему усмотрѣнію, проектъ окончательнаго устройства цензурной части во ввѣренномъ вамъ управленіи. За симъ, по распоряженію вашего превосходительства, учреждена была комиссія для пересмотра устава о книгопечатаніи, составленнаго первою комиссіею.

«Пересмотрѣнный новою комиссіею и нынѣ измѣненный и дополненный вашимъ превосходительствомъ проектъ

устава о книгопечатаніи отличается, по моему мнѣнію, существенными достоинствами. Освобождая отъ предварительной цензуры книги, объемомъ выше 20 печатныхъ листовъ и подвергая ихъ авторовъ отвѣтственности только предъ судомъ, уставъ дѣлаетъ значительный шагъ впередъ на пути къ обезпеченію за литературою бо̀льшаго простора. Благодаря этой, въ высшей степени полезной, мѣрѣ, серьезные, чисто-ученые труды, не стремящіеся удовлетворить только минутному настроенію и потребностямъ общества, получатъ, вѣроятно, еще небывалое у насъ развитіе. Нельзя также не сочувствовать открывающейся для періодическихъ изданій возможности выходить безъ предварительнаго разрѣшенія цензуры, въ случаѣ согласія на то министра внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, введеніе гласнаго суда для злоупотребленій, совершаемыхъ печатнымъ словомъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ благотворныхъ и полезныхъ мѣръ, значеніе которыхъ не можетъ быть не оцѣнено, по достоинству, литературою. Всѣ эти преобразованія такъ важны и такъ благодѣтельны, что интересы отечественнаго просвѣщенія найдутъ въ нихъ прочный залогъ для своего развитія.

«Сознавая важныя достоинства новаго устава, я считаю вмѣстѣ съ тѣмъ долгомъ, указать на тѣ стороны его, которыя нуждаются, по моему мнѣнію, въ измѣненіяхъ. Къ нимъ принадлежитъ, прежде всего, система административныхъ взысканій. Система эта получила господство въ тѣхъ странахъ, гдѣ, по существующимъ условіямъ, невозможно было возстановить цензуру предварительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось желаніе приблизиться къ ней какъ можно болѣе. Въ новомъ уставѣ, напротивъ, система административныхъ взысканій является переходною мѣрою, т. е. такою, при существованіи которой литература должна пріобрѣсти извѣстную опытность, извѣстное самообладаніе и воздержность для умѣнья пользоваться разумною свободою. Мнѣ кажется, что система, о которой идетъ рѣчь, не въ состояніи развить въ литературѣ этихъ качествъ: опытъ убѣждаетъ, что подобно предварительной цензурѣ, она возбуждаетъ въ обществѣ то раздраженіе, тотъ духъ упорной и даже преднамѣренной оппозиціи, устраненіе которыхъ должно имѣть преимущественно въ виду. Не достигая, слѣдовательно

цѣли, какъ переходная мѣра, административныя предостереженія создаютъ много важныхъ неудобствъ для правительства: при существующемъ порядкѣ цензоръ не допускаетъ появленія въ свѣтъ вредной статьи, и какъ дѣйствія цензора, такъ и статья, подвергнувшаяся запрещенію, становятся извѣстны лишь весьма ограниченному кружку лицъ. При системѣ же взысканій, административная кара постигаетъ статью уже тогда, когда она проникла въ публику; взысканіе не ослабляетъ произведеннаго ею впечатлѣнія, — напротивъ, вниманіе публики еще болѣе привлекается къ ней, и она получаетъ такое значеніе, на которое часто не имѣла никакого права. Публика становится, въ такихъ случаяхъ, какъ бы судьею между правительствомъ и журналистикою и принимаетъ почти всегда сторону послѣдней. Мнѣ кажется, что подобное положеніе весьма невыгодно для правительственныхъ органовъ; уже по одному этому, если бы даже существовала у насъ система административныхъ предостереженій, то ради огражденія интересовъ и достоинства правительства, нужно было бы стремиться къ ея отмѣненію.

«Не могу не сообщить при этомъ вашему превосходительству о другомъ недостаткѣ, тѣсно связанномъ, по моему мнѣнію, съ упомянутою системою. Проектъ устава постановляетъ, что послѣ двухъ предостереженій, третье влечетъ за собою прекращеніе періодическаго изданія. Подобное лишеніе, административнымъ путемъ, права собственности не замедлитъ, мнѣ кажется, возбудить сильное неудовольствіе въ литературѣ. Журнальная собственность представляетъ иногда значительную цѣнность—плодъ неусыпныхъ стараній и таланта ея владѣльца; на журналъ или газету затрачиваются нерѣдко обширные капиталы, и было бы жестоко лишить этой собственности, простымъ административнымъ рѣшеніемъ, владѣльца журнала, который, быть можетъ, вовсе не участвуетъ въ редакціи, а равно и его наслѣдниковъ. Я полагаю, что необходимо было бы изыскать средства отстранить эту несправедливость: такъ какъ проектомъ устава допускается рѣзкое различіе между редакторомъ и издателемъ газеты или журнала, то легко было бы, мнѣ кажется, обрушать самое строгое взысканіе только на редактора, требуя при томъ его отстраненія, а за издателемъ

сохранить неприкосновеннымъ право собственности. Этимъ путемъ представилась бы, между прочимъ, возможность избѣжать одного важнаго неудобства: извѣстно, что *Московскія* и *С.-Петербургскія* вѣдомости составляютъ собственность Московскаго Университета и Академіи Наукъ и, будучи отдаваемы въ аренду, приносятъ этимъ учрежденіямъ значительныя суммы ежегоднаго дохода. Неужели эти оба изданія, считающія свое существованіе болѣе, чѣмъ сотнею годовъ, приносившія столь важную матеріальную поддержку заведеніямъ, которыя служатъ разсадникомъ науки въ нашемъ отечествѣ, могутъ быть уничтожены силою простого административнаго распоряженія; при чемъ самое существованіе академіи и университета было бы потрясено вслѣдствіе лишенія ихъ значительныхъ матеріальныхъ средствъ.

«Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, имѣю честь сообщить вашему превосходительству, что съ проектомъ устава а книгопечатаніи я вообще согласенъ, но нахожу совершенно необходимымъ сдѣлать въ немъ слѣдующія измѣненія:

«1) Вовсе исключить систему предостереженій, которую я считаю вредною и для правительства и для литературы.

«2) Предоставить редакторамъ періодическихъ изданій право свободнаго выбора по ихъ собственному усмотрѣнію: а) подвергаться предварительной цензурѣ, не отвѣчая за статью, пропущенную цензоромъ, или б) издавать журналъ и газету безъ цензуры, и въ такомъ случаѣ вносить опредѣленный залогъ и подвергаться взысканіямъ по суду, но отнюдь не по административному распоряженію.

«3) Ясно разграничить значеніе и права собственника періодическаго изданія и значеніе отвѣтственнаго редактора съ тѣмъ, что первый и его наслѣдники не подвергаются лишенію своей собственности за вину послѣдняго, и

«4) Предоставить административной власти право требовать, когда признаетъ нужнымъ, перемѣны отвѣтственнаго редактора безъ судебнаго приговора.

«Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что послѣ опытовъ послѣднихъ лѣтъ, я вообще нахожу предварительную цензуру несостоятельною для достиженія цѣлей правительства, и потому полагаю, что всего бы полезнѣе вовсе отмѣнить оную, замѣнивъ прямо взысканіями по суду; но такъ какъ мнѣніе это не раздѣляется весьма многими и нѣтъ ни

малѣйшей надежды осуществить такое предположеніе, то я и допускаю вышеизложенныя переходныя мѣры, какъ временную уступку обстоятельствамъ.

«Въ заключеніе имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство о приказаніи присоединить настоящее отношеніе мое къ числу приложеній къ представленію вашему въ государственный совѣтъ по сему предмету» [1].

Если читатель отнесся къ этому документу вполнѣ внимательно, то онъ, разумѣется, не введенъ уже въ заблужденіе относительно оцѣнки самого Головнина. Онъ хорошо знаетъ, можетъ-ли эта офиціальная переписка, предназначенная для государственнаго совѣта, передъ которымъ Головнинъ всегда рисовался долею либерализма, хоть сколько нибудь расположить въ пользу человѣка, постоянно такъ хитро и ловко игравшаго двойную игру. Между тѣмъ, не говоря уже о г. Скабичевскомъ и Усовѣ, но даже Джаншіевъ не захотѣлъ критически отнестись къ этимъ вымышленнымъ похваламъ самому себѣ, разсыпаннымъ Головнинымъ въ отвѣтѣ Валуеву, и свои доводы въ доказательство расположенія министра къ литературѣ всѣ трое черпали именно изъ него, не обративъ серьезнаго вниманія на бездну встрѣчающихся тамъ противорѣчій и передержекъ.

Отвѣтъ кн. Долгорукова не представляетъ интереса: онъ ограничился нѣсколькими замѣчаніями о театральной цензурѣ, все еще, хотя и частично, находившейся въ рукахъ III Отдѣленія.

---

[1] „Отношеніе министра народнаго просвѣщенія министру внутреннихъ дѣлъ отъ 7 декабря 1863 г., № 11510“, Спб., 1862.

1864 годъ.

I.

„Московскія Вѣдомости“ и ихъ характеристика „Современникомъ“. Выдающіяся распоряженія Валуева за годъ. Инцидентъ съ книгой Шедо-Ферроти. Записка Пржецлавскаго.

Въ угарѣ своей силы и вліянія Катковъ началъ уже дописываться до такихъ нелѣпостей, какъ требованія, чтобы католикамъ, лютеранамъ и даже евреямъ западнаго края воспрещено было преподаваніе религіи, произношеніе церковныхъ проповѣдей и изученіе молитвъ иначе, какъ на русскомъ языкѣ и по русскимъ книгамъ и молитвенникамъ...

Никитенко, быстро отражавшій въ своемъ «Дневникѣ» событія дня, записываетъ: «Правительству въ извѣстныхъ обстоятельствахъ бываютъ нужны цѣпныя...... (Михаилъ Никифоровичъ Катковъ). Оно спускаетъ ихъ съ цѣпи, а потомъ не знаетъ, какъ ихъ унять. Сегодня въ засѣданіи совѣта (по дѣламъ печати), между прочимъ, была доложена ругательнѣйшая статья «Московскихъ Вѣдомостей» на Петербургъ. Я при этомъ случаѣ сказалъ, что о Катковѣ совѣтъ ничего не можетъ постановлять: пусть министръ вѣдается съ нимъ какъ считаетъ за удобнѣйшее, а совѣтъ былъ бы только смѣшонъ, выслушивая и безплодно занося въ свои протоколы то, противъ чего онъ возстаетъ, но чего остановить онъ не въ силахъ. Предсѣдатель объявилъ, что министръ, дѣйствительно, сдѣлалъ свое распоряженіе» [1]).

Въ то же время Салтыковъ, хорошо освѣдомленный о премированномъ положеніи страстнобульварскихъ публицистовъ, прямо заявилъ:

---

[1]) „Рус. Старина“ 1891 г., IV, 139.

«Не скрою отъ васъ, г. публицистъ „Современной Лѣтописи", что настоящее положеніе книгопечатанія, по мнѣнію моему, гораздо благопріятнѣе для васъ, нежели напримѣръ, для «Современника». Оно даетъ вамъ возможность разыгрывать въ отношеніи къ нашему журналу роль великодушнаго Баярда, которую вы исполняете тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ и безпечностью, что она представляетъ вамъ случай высказать лишній разъ ваши безспорно похвальныя чувства. Тѣмъ не менѣе, вы прикидываетесь такъ неискусно, что образъ убогаго Лазаря такъ и сквозитъ изъ-подъ земныхъ одеждъ, которыми вы себя облекаете. Въ самомъ дѣлѣ, что за странная путаница понятій! Съ одной стороны, вліяніе цензуры на печатное слово представляется неполезнымъ, и слѣдовательно, всякое въ этомъ смыслѣ послабленіе предполагается желательнымъ, а съ другой — чуть только проходитъ въ печать что-нибудь такое, что вамъ не нравится, вы первые сыплете косвенными предостереженіями, первые кричите: „смотрите! смотрите! вотъ что печатается у насъ съ дозволенія цензуры!" Воля ваша, а для меня ясно въ вашихъ дѣйствіяхъ одно изъ двухъ: или вы не понимаете сами, о чемъ говорите, или вы слишкомъ хорошо понимаете, чего вамъ надобно. Я, конечно, скорѣе склонюсь въ пользу послѣдняго предположенія и, сверхъ того, убѣждаюсь окончательно въ томъ, что для печатнаго русскаго слова грозитъ въ будущемъ неудобство гораздо горшее, нежели офиціальная цензура, нынѣ существующая: ему грозитъ цензура аматерская. Да поймите же, наконецъ, что если такое аматерство и можетъ быть допущено, то вѣдь для того, чтобъ оправдать его, нужна цѣлая совокупность условій, которая позволяла бы полную свободу полемики! А безъ этого аматерство дѣлается, наконецъ, вещью, которой трудно пріискать соотвѣтствующее имя [1])...»

Эта отповѣдь была написана въ отвѣтъ на катковскую статью о зловредности „Современника" и покровительствѣ послѣднему со стороны цензуры... [2])

Въ той же книжкѣ «Современника» бойкая статья М. А. Антоновича: «Московскія Вѣдомости» и «Голосъ», очень интересная по своему исполненію. Талантливый

[1]) „Современникъ" 1864 г., I, „Наша общественная жизнь", 47.

[2]) „Современная Лѣтопись" 1864 г., № 2.

и все еще не оцѣненный у насъ публицистъ написалъ «похвальное слово» московской газетѣ и сравнилъ съ нею «Голосъ». По его мнѣнію, первое достоинство «Московскихъ Вѣдомостей» — ихъ строгая послѣдовательность и вѣрность принятому ими принципу. Это, конечно, не значило, что Катковъ и Леонтьевъ были вѣрны всегда однимъ и тѣмъ же убѣжденіямъ, — они мѣняли ихъ вмѣстѣ со всей массовой русской печатью, но всегда были тверды хронологически послѣднему убѣжденію, пока не бросали его за негодностью... «Это высокое качество въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ особенно драгоцѣнно въ русской литературѣ среди того хаотическаго смѣшенія принциповъ и направленій, которое представляетъ почти каждый литературный органъ; отрадно смотрѣть на послѣдовательное и вѣрное своему направленію изданіе среди этого множества литературныхъ хамелеоновъ, въ одно и то же время принимающихъ на себя десятки цвѣтовъ и направленій, неумѣющихъ посмотрѣть двумя глазами вмѣстѣ на одинъ и тотъ же предметъ, но вѣчно косящихся и разводящихъ два свои глаза въ двѣ противоположныя стороны, постоянно прыгающихъ и перескакивающихъ съ одного направленія на другое». И, дѣйствительно, это косоглазіе стало тогда особенно замѣтно. Мало у кого хватало мужества открыто говорить то, что надрываясь выкрикивали «Московскія Вѣдомости»! Г. Антоновичъ изъ первыхъ отмѣтилъ это серьезное обстоятельство

Затѣмъ онъ назвалъ другія положительныя качества «Московскихъ Вѣдомостей»: откровенность, искренность, прямота и смѣлость. «Многіе раздѣляютъ мысли и желанія одушевляющія „Московскія Вѣдомости“; но не всѣ высказываютъ ихъ такъ откровенно и прямо, какъ они; а это много значитъ. При своей прямотѣ „Московскія Вѣдомости“ никого не могутъ ввести въ недоумѣніе, соблазнъ или обманъ; каждый сразу пойметъ, какъ ему относиться къ нимъ, какъ понимать и принимать ихъ слова; кто согласенъ съ ними, тотъ читай смѣло каждую строчку въ нихъ, нигдѣ не встрѣтишь подвоха или чего-нибудь непріятнаго для себя; кто же несогласенъ, тотъ опять-таки читай ихъ смѣло, потому что нигдѣ не встрѣтишь скрытыхъ засадъ и незамѣтныхъ сѣтей, которыя бы опутали тебя: всѣ опасности, средства и орудія явны и открыты».

Все это положительно отсутствовало въ косоглазомъ «Голосѣ», редакторъ котораго особенно внимательно наблюдалъ за политическими вѣтрами. Его флюгера были послушны малѣйшему дуновенію... точь въ точь, какъ нынче происходитъ на метеорологической станціи Эртелева переулка, издающей бюллетени съ такой же точностью, какой отличались отмѣтчики Краевскаго, если еще не болѣе строгой, благодаря сильно двинутой гг. писателями за протекшія съ того времени сорокъ лѣтъ самой наукѣ метеорологіи...

Авторъ статьи, кромѣ прекрасно выдержанной ироніи, внесъ и нѣсколько строкъ злости по адресу раскваси вшейся прогрессивной части русскаго общества:

«Они („Московскія Вѣдомости") были литературнымъ представителемъ большинства русскаго общества и представителемъ достойнымъ. Со всѣхъ сторонъ „Московскія Вѣдомости" получали одобренія, благодарственныя письма, въ честь ихъ устраивались торжественныя оваціи. Противъ этого могутъ возразить и сказать, что часть русскаго общества была недовольна „Московскими Вѣдомостями". Конечно, это можно сказать, но нельзя доказать. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ факты, которые бы показывали, что эта часть общества недовольна «Московскими Вѣдомостями», кто и гдѣ высказывалъ недовольство „Московскими Вѣдомостями", въ чемъ оно обнаружилось, чѣмъ заявили недовольные, если были таковые, свой протестъ? Ни на одинъ изъ такихъ вопросовъ нельзя привести ни одного факта»...

Къ февралю 1864 г. «благонамѣренный» В. Ѳ. Коршъ— а такимъ его аттестовала цензура еще въ 1863 г. — наконецъ, не выдержалъ той удушливой атмосферы правовой неопредѣленности, о которой такъ рѣзко высказался «Современникъ», и вдругъ рѣшилъ выступить съ грозной передовицей, въ которой, между прочимъ, писалъ: «здравый смыслъ и совѣсть пишущаго и редакціи крайне недостаточны для удовлетворенія разнымъ случайнымъ и побочнымъ условіямъ, сокрытымъ отъ нашихъ глазъ. Мы просимъ повѣрить намъ на-слово, что наше терпѣніе подвергается ежедневно самому тяжкому испытанію и что когда съ одной стороны, имѣющей прямое вліяніе на газету, есть и убѣжденіе и нравственное чувство, а съ другой стороны—все это ни по чемъ, то положеніе журнала не можетъ быть на-

звано даже и сноснымъ. Мы, конечно, просимъ нашихъ читателей сказать вмѣстѣ съ нами: „Боже! пошли намъ благодѣтельную руку, которая внесла бы хотя малѣйшую долю законности и чести въ это дѣло“... Но Валуевъ оставилъ эту статью въ рукописи, а петербургскому цензурному комитету отписалъ слѣдующее: «Хотя означенное извлеченіе и было запрещено цензоромъ, тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе самый фактъ доведенія до свѣдѣнія цензурнаго управленія намѣренія напечатать статью, заключающую въ себѣ прямое оскорбленіе какъ цензурныхъ учрежденій, такъ и правительства вообще, согласно съ заключеніемъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія, поручено комитету предварить редактора „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, что при повтореніи подобнаго поступка онъ неизбѣжно подвергается лишенію права быть редакторомъ повременнаго изданія, какъ лицо, не внушающее довѣрія» [1]).

1 января 1864 г., положеніе о земскихъ учрежденіяхъ было санкціонировано. Очевидно, печать не прошла этого шага молчаніемъ. Даже валуевская «Сѣверная Почта» отважилась назвать земство «школой представительныхъ учрежденій»... Но... это было публично, чтобъ удовлетворить извѣстную часть общества и замаскировать истинную роль въ этой реформѣ самого Валуева. Конфиденціально же, 27 февраля, изъ кабинета «учителя представительнаго правленія» было уже выпущено предложеніе по цензурному вѣдомству столь же многознаменательное, сколь и краткое:

«Въ послѣднее время стали появляться статьи, въ которыхъ вновь вводимымъ земскимъ учрежденіямъ стараются придавать политическое значеніе, обусловливающее самое широкое ихъ развитіе; между тѣмъ, какъ въ виды правительства отнюдь не входитъ расширять кругъ дѣятельности земскихъ учрежденій далѣе предѣловъ, для нихъ начертанныхъ. Имѣя въ виду, что статьи подобнаго рода могутъ порождать въ умахъ несбыточныя ожиданія коренныхъ перемѣнъ въ нашемъ государственномъ строѣ и приводить публику къ празднымъ увлеченіямъ, министръ внутреннихъ дѣлъ поручилъ наблюсти, чтобы при пропускѣ въ печать

---

[1]) „Сборникъ распоряженій по дѣламъ печати“, 1865 г., 26—27.

статей о земскихъ учрежденіяхъ, цензоры не усвоивали себѣ превратной точки зрѣнія, съ которой стремятся обсуживать эти учрежденія нѣкоторыя періодическія изданія, въ особенности газета „День“ [1]).

Въ одной изъ передовицъ «Голоса» младшему лорду адмиралтейства, Стансфильду, извѣстному тогда радикалу и другу Мадзини, были посвящены слѣдующія строки: «Стансфильдъ—пивоваръ, онъ не изъ лордовъ и не изъ баронетовъ; онъ изъ новыхъ людей, взявшихъ свое положеніе съ бою; онъ изъ тѣхъ людей, передъ которыми будущее... Честное англійское общественное мнѣніе не можетъ одобрить полицейской роли, принятой на себя оппозиціею относительно Стансфильда» [2]). По этому поводу петербургскій цензурный комитетъ получилъ предложеніе Валуева: «Принимая во вниманіе крайнюю неблаговидность появленія въ печати подобнаго отзыва о Стансфильдѣ въ то самое время, когда обнаружены его близкія сношенія съ Мадзини, не только заподозрѣнномъ, но почти уличенномъ въ заговорѣ на жизнь императора французовъ, когда Стансфильдъ въ парламентѣ произносилъ похвальныя слова Мадзини и дозволялъ сему послѣднему получать письма по адресу его, Стансфильда, согласно заключенію совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія, поручено объявить замѣчаніе цензору, дозволившему напечатаніе означеннаго отзыва» [3]).

2 апрѣля оба столичные цензурные комитета получили любопытное конфиденціальное предложеніе:

«Въ петербургскихъ и московскихъ періодическихъ изданіяхъ помѣщаются корреспонденціи изъ Варшавы и Царства Польскаго, въ которыхъ описываются, не всегда съ достовѣрною точностью, дѣйствія военныхъ командъ; этимъ дѣйствіямъ приписывается преувеличенная въ настоящее время важность и разсказываются факты, относящіеся до открытій, дѣлаемыхъ полиціею и слѣдственными коммиссіями, съ наименованіемъ въ послѣднемъ случаѣ по-

[1]) Ibidem, 29. Отмѣчу кстати, что тотъ же „День“ одновременно велъ атаку на Муравьева-Виленскаго за... бездѣйствіе. Какъ извѣстно, польскій вопросъ съ середины 1863 г. погубилъ „День“, сблизивъ его въ глазахъ многихъ съ „Московскими Вѣдомостями“.

[2]) 1863 г., № 73.

[3]) „Сборникъ распоряженій etc“, 30.

лицейскихъ чиновниковъ, ихъ агентовъ и подсудимыхъ, сдѣлавшихъ какія-либо показанія. Подобнаго рода извѣстія признаются намѣстникомъ Царства Польскаго весьма неудобными при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Царствѣ и вредными для успѣшнаго хода слѣдствій. По симъ уваженіямъ, предложено сдѣлать распоряженіе, чтобы вышеупомянутыя извѣстія были дозволяемы къ печати только въ тѣхъ предѣлахъ и по тѣмъ событіямъ или случаямъ, по которымъ они впредь будутъ допускаемы въ „Русскомъ Инвалидѣ". При этомъ поручается также объяснить г.г. редакторамъ значеніе настоящей мѣры, заключающейся, между прочимъ въ томъ, что съ одной стороны неудобно подавать поводъ думать за границею, что вооруженное возстаніе еще не подавлено, а съ другой —нельзя ожидать ни окончательныхъ успѣховъ отъ дѣйствія полиціи, ни откровенныхъ признаній отъ лицъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ, если ихъ имена, дѣйствія и показанія будутъ неразборчиво оглашаемы въ газетахъ» [1]).

Въ іюнѣ Валуевъ вошелъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ, прося разрѣшить ему наложеніе денежныхъ штрафовъ на редакторовъ періодическихъ изданій за нарушеніе постановленій о цензурѣ. Комитетъ одобрилъ эту мѣру и представилъ свое положеніе государю. 9 іюля сенатскимъ указомъ объявлено высочайшее повелѣніе, впредь до изданія новаго устава о книгопечатаніи, постановить, въ дополненіе къ ст. 1368 уложенія о наказ., слѣдующія временныя правила: «1) Редакторы, а въ случаѣ ихъ несостоятельности, издатели періодическихъ изданій, за допущеніе въ печати мѣстъ, недозволенныхъ цензурою, а въ сатирическихъ журналахъ—карикатуръ, несходныхъ съ бывшими на разсмотрѣніи цензуры, подвергаются денежному штрафу: въ 1-й разъ въ размѣрѣ 50 руб., во 2-й разъ—100 руб., въ 3-й и послѣдующіе разы—200 руб.; 2) штрафы взыскиваются судебнополицейскимъ порядкомъ на существующемъ для сего въ общихъ законахъ основаніи; 3) если бы, по содержанію напечатанныхъ безъ разрѣшенія или вопреки запрещенію цензуры мѣстъ, издатели или редакторы подлежали судебной отвѣтственности на основаніи нынѣ

[1]) Ibidem 31—32.

дѣйствующихъ постановленій то, вмѣсто денежнаго штрафа, они подвергаются взысканіямъ, въ тѣхъ постановленіяхъ опредѣленнымъ» [1]).

Очевидно, печати приходилось иногда, а въ послѣднее время особенно часто, печатать матеріалъ неразрѣшенный донельзя придирчивой валуевской цензурой — иначе нужно было просто сложить оружіе. Бороться съ этимъ вообще трудно—и вотъ правила 9 іюля...

Этого, конечно, уже достаточно, чтобы не славословить 1864-й годъ, якобы особенно благопріятный для русской прессы, такъ какъ она понесла одну лишь жертву за годъ — пріостановленный на восемь мѣсяцевъ «Воронежскій Листокъ» [2]). Во-первыхъ, Валуевъ «успѣшно предупреждалъ», во-вторыхъ, онъ умышленно не особенно злоупотреблялъ репрессіей во весь періодъ окончательной подготовки закона 6 апрѣля 1865 года, чтобы отсутствіе каръ было истолковано въ смыслѣ его отеческаго долготерпѣнія— съ одной стороны, и стремленія къ «разумному руководительству» съ другой...

Въ сентябрѣ разыгрался крупный скандалъ, привлекшій къ себѣ самое широкое вниманіе русскаго общества. Въ сущности, онъ стоитъ въ сторонѣ отъ интересующихъ насъ цензурныхъ дѣлъ, но, такъ какъ все, способствующее выясненію личности Головнина, очень важно, по моему, для провѣрки истинности сдѣланной мною его оцѣнки, то я не считаю возможнымъ не познакомить съ этимъ скандаломъ своихъ читателей.

Въ 1863 году Шедо-Ферроти выпустилъ брошюру: La question polonaise au point de vue de la Pologne, de la «Russie et de l'Europe». Она не произвела особаго впечатлѣнія, хотя и была направлена противъ нѣкоторыхъ рецептовъ

---

[1]) „Полное Собраніе Законовъ“. 2-е. т. XXXIX. № 41037.

[2]) Когда воронежскій губернскій прокуроръ сталъ помѣщать, въ 1864 году, въ „Воронежскомъ Листкѣ“ интересные циркуляры и распоряженія по министерству юстиціи, Валуевъ просилъ Замятнина впредь этого не дѣлать какъ потому, что тамъ есть губернскія вѣдомости, такъ и потому, что „Воронежскій Листокъ“ — „не безукоризненъ по своему направленію“. (См. „Сборникъ распоряженій по дѣламъ печати“, 26). Черезъ три мѣсяца, въ апрѣлѣ, „Листокъ“ постигла кара.

страстнобульварскихъ врачей. Когда же послѣдніе ударились въ просвѣщеніе евреевъ русскими молитвенниками, иначе говоря — забрались въ польскомъ вопросѣ въ ужасныя дебри Шедо-Ферроти, уже въ 1864 году, выпустилъ другую брошюру: «Que fera-t-on de la Pologne», бывшую восьмымъ этюдомъ о будущности Россіи. Въ ней Каткову давалось нѣсколько благоразумныхъ совѣтовъ по поводу его дальнѣйшаго шествованія путемъ не знавшей предѣловъ руссофикаціи... . . . .

Катковъ обрушился на брошюру, связалъ ее съ нѣкоторыми противоправительственными теченіями въ верхахъ бюрократіи, и въ одной изъ статей замѣтилъ:

«Кстати объ учебныхъ заведеніяхъ. Мы слышали, что книга г. Шедо-Ферроти особенно распространяется въ учебныхъ заведеніяхъ. Юношеству предстоитъ убѣдиться изъ этой книги, какъ вредно и опасно наше (т. е. «Московскихъ Вѣдомостей»—*М. Л.*) направленье, какъ безплодно и безсмысленно русское народное чувство и какъ слѣдуетъ оберегаться его. Изъ книги г. Шедо-Ферроти молодые умы усмотрятъ, какъ низко стоитъ ихъ русская народность, какъ мало она заслуживаетъ любви и уваженія, и сколько, напротивъ, силы и достоинства въ польской націи, сколько блеска въ этихъ людяхъ „изъ гранита и желѣза". Изъ этой книги они узнаютъ, что сила прогресса превратитъ Россійскую Имперію въ отдѣльныя государства, которыя должны быть чужды другъ для друга, а особенно для русскаго народа. Читая эту книгу, они будутъ созерцать въ близкой будущности на мѣстѣ Россійской Имперіи новую, доселѣ неслыханную *гуманитарную* имперію, изъ которой будетъ изгнанъ ненавистный духъ патріотизма. Они узнаютъ изъ нея многое, о чемъ поговоримъ мы впослѣдствіи.

«Намъ особенно пріятно вспомнить теперь письмо, полученное отъ г. министра народнаго просвѣщенія, который предлагалъ намъ собрать статьи наши по польскому вопросу изъ „Московскихъ Вѣдомостей" и изъ „Русскаго Вѣстника" (гдѣ высказаны всѣ главныя основанія взглядовъ, столь противныхъ г. Шедо-Ферроти), и вызывался пріобрѣсть большое число экземпляровъ этой книги для разсылки по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ. Мы не могли воспользоваться этимъ благосклоннымъ предложеніемъ; но

мы высоко оцѣнили полное сочувствіе изъявленное въ этомъ письмѣ нашимъ воззрѣніямъ на польскій вопросъ и именно патріотическому направленію нашихъ статей» [1]).

Головнинъ никогда еще не попадался въ такое глупое положеніе... Въ Петербургѣ поднялась тревога и суматоха. Приверженцы Каткова рвали и метали. Люди другого берега увидѣли, съ кѣмъ они имѣли дѣло въ лицѣ Головнина... 8 сентября, изъ Москвы, Валуевъ пишетъ Тройницкому: «Видѣлъ Каткова. — Il est honnête et sincère, mais injénu et opiniâtre. Его двѣ статьи въ отвѣтъ Schedo-Ferroti хорошо написаны. Замѣтили-ли вы въ концѣ второй статьи выпадку на Головнина? Катковъ въ этомъ случаѣ правъ. Головнинъ отъ излишней тонкости часто попадается, и вообще неудобно, что онъ какъ бы соединяетъ двѣ портфели: одну по высочайшему указу Е. В., другую по порученіямъ ген.-адмирала» [2])...

У Никитенка находимъ: «Правительственый совѣтъ (за отсутствіемъ государя) спрашивалъ у Головнина: точно-ли онъ разсылалъ вездѣ эту книгу и съ какою цѣлью? Онъ отвѣчалъ, что книгу, дѣйствительно, разсылалъ, основываясь на томъ, что если вездѣ и, между прочимъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, читали нападки (на управленіе въ Царствѣ Польскомъ) по-русски, то не худо, если теперь прочтется защита его по-французски. Этотъ отвѣтъ онъ препроводилъ къ государю» [3]).

Черезъ три недѣли Катковъ, отвѣчая петербургскому корреспонденту «Indépendance Belge», выступившему съ защитой Головнина, писалъ, между прочимъ:

«Предложеніе о сборникѣ было сдѣлано намъ въ тотъ самый мѣсяцъ, который указываетъ авторъ памфлета (Шедо-Ферроти утверждалъ, что особенно вредное направленіе въ польскомъ вопросѣ «Московскія Вѣдомости имѣли въ іюнѣ 1863 года — *М. Л.*), именно 7 іюня. Лестный отзывъ о нашихъ статьяхъ былъ повторенъ 27 іюня. 16 августа въ самый разгаръ нашей зловредной дѣятельности, мы имѣли честь получить письмо, которое еще въ большей степени,

---

[1]) „Москов. Вѣдомости“ 1864 г., № 196, 6 сентября.

[2]) „П. А. Валуевъ и А. Г. Тройницкій“, „Рус. Старина“ 1899 г., VIII, 478.

[3]) „Дневникъ“, „Рус. Старина“ 1891 г., V, 401.

чѣмъ прежнія заявленія, свидѣтельствовало о вниманіи, сочувствіи и довѣріи къ намъ со стороны того же лица. Несмотря на то, что мы по непростительной неаккуратности, вынуждаемой множествомъ заботъ и дѣлъ, были всегда плохими корреспондентами, и потому не успѣли отвѣтить на лестное письмо отъ 16 августа, мы еще нѣсколько разъ въ концѣ прошлаго года получали отъ того же лица доказательства вниманія къ намъ, чего, безъ сомнѣнія, не было бы, если бы мы въ самомъ дѣлѣ были глашатаями безсмысленныхъ мнѣній и трибунами непросвѣщенной черни, какъ свидѣтельствуетъ памфлетъ»...

Но и этого всего мало. Въ концѣ цитированной статьи было сказано:

«Экземпляры этой книжки («Que fera-t-on de la Pologne» *М. Л.*), дѣйствительно, разсылались по университетамъ и гимназіямъ и притомъ какъ мужскимъ, такъ и женскимъ. Какъ мы, слышали, многіе директора гимназій крайне смущены этимъ даромъ и не знаютъ, что съ нимъ дѣлать; московскій же университетъ, учрежденіе болѣе самостоятельное, единогласно постановилъ въ своемъ совѣтѣ возвратить по принадлежности экземпляръ этой книги, какъ памфлета „оскорбительнаго для русскаго народнаго чувства и очевидно принадлежащаго перу враждебному Россіи“ [1]).

«Голосъ» пытался выступить въ защиту своего благодѣтеля, но, какъ видно изъ письма Валуева Тройницкому (1 октября, изъ Харькова), статья его не была пропущена: «вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе на счетъ непропуска статьи „Голоса“ и прекращенія дальнѣйшей полемики о Шедо-Ферроти; статьи „Московскихъ Вѣдомостей“, по моему мнѣнію, хороши. Но и basta» [2]).

Какъ бы то ни было, скандалъ этотъ очень хорошо уясняетъ личность Головнина...

Послѣдствія же его уже непосредственно входятъ въ наше разсмотрѣніе.

Въ началѣ ноября, членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія, «философъ-цензуры», О. А. Пржецлавскій, вдругъ внесъ въ совѣтъ очень простран-

---

[1]) „Московскія Вѣдомости“, 1864 г., № 212, 29 сентября.

[2]) „Рус. Старина“ 1899 г. VIII, 479—480.

ную записку о злокачественности «Московскихъ Вѣдомостей» въ области польскаго вопроса... Для всѣхъ тѣхъ, кто зналъ Пржецлавскаго за редактора издаваемаго, въ сущности, III Отдѣленіемъ «Tygodnik'a», и за человѣка настолько порвавшаго всякую связь съ родной Польшей, что эмиграціонный парижскій трибуналъ приговорилъ его къ смертной казни, которая и была исполнена заочно надъ портретомъ,—не могло не казаться страннымъ такое моментальное сожженіе прежнихъ кораблей... Причина стала ясна лишь спустя нѣкоторое время и то далеко не всѣмъ: какъ разъ въ началѣ ноября стало замѣтно усиливаться вліяніе Головнина, всегда, въ свою очередь, бывшее отраженіемъ силы и вліянія его покровителя, не перестававшаго вѣрить въ искренность своего когда-то увлекавшагося секретаря...

По словамъ «записки» Пржецлавскаго, «Московскія Вѣдомости» составляли «аномалію въ общемъ строѣ нашего государственнаго склада и вредъ для общества, прямо и косвенно поселяя въ немъ свои собственныя мнѣнія», причемъ дѣятельность газеты не остановилась на точкѣ «популярности естественной», пріобрѣтенной ею по поводу польскаго мятежа, но съ подавленіемъ сего послѣдняго, «стала уже переходить въ искусственную», и даже осмѣлилась неуважительно обсуждать дѣйствія нѣкоторыхъ высшихъ правительственныхъ лицъ, между прочимъ, одного изъ нихъ по случаю изданія брошюры Шедо-Ферроти. Предъявляя эти обвиненія, Пржецлавскій не дѣлалъ цитатъ изъ газеты, сказавъ, что въ такомъ случаѣ «пришлось бы сослаться едва-ли ни на всѣ нумера за какіе-нибудь полтора года» [1]. По отзыву Никитенка, «записка» была составлена ловко и умно. Члены совѣта объявили Пржецлавскому, что не подпишутъ протокола, потому что не могутъ согласиться съ безусловнымъ осужденіемъ «Московскихъ Вѣдомостей», хотя и не отвергаютъ, что они вышли изъ предѣловъ, дозволенныхъ у насъ печати вообще. Пржецлавскій представилъ свою «записку» лично Валуеву. Совѣтъ ждалъ рѣшенія послѣдняго [2].

---

[1]) *С. Сушковъ*, „Нѣсколько замѣтокъ по поводу „Воспоминаній" г-на Пржецлавскаго", „Рус. Архивъ" 1876 г., II, 462.

[2]) „Дневникъ", „Рус. Старина", 1891 г., V, 415.

Въ это время Головнинъ даетъ обѣдъ съ цѣлью выяснить свои шансы на успѣхъ дальнѣйшей борьбы съ людьми не своей партіи. Валуевъ былъ въ числѣ приглашенныхъ, и потому, обезоруженный, онъ возвращаетъ «записку» совѣту, приказавъ отложить разсмотрѣніе ее до возвращенія предсѣдателя, Тройницкаго. Короче—если «запискѣ» предрекался провалъ, потому что Тройницкій, какъ и Валуевъ, былъ сторонникомъ Каткова, то этимъ же одновременно отведшій отъ себя рѣшеніе ея участи, Валуевъ, возстановлялъ отношенія и съ покровителемъ Головнина... По крайней мѣрѣ, онъ такъ думалъ.

Дѣло, такимъ образомъ, затянулось и такъ какъ исходъ его относится уже къ 1865 году, то теперь мы вернемся къ отвѣтамъ, которые въ 1864 г. Валуевъ получилъ по своему проекту отъ министровъ и главноуправляющихъ.

II.

Бар. Корфъ о проектѣ Валуева.

7-го февраля далъ отвѣтъ бар. Корфъ. Какъ бы къ нему ни относиться, но, несомнѣнно, что отзывъ этого и очень умнаго и очень ловкаго человѣка долженъ представлять большой интересъ, какъ по самому существу своего содержанія, такъ и потому, что исходитъ отъ человѣка, никогда искренно не желавшаго предоставить печати сколько-нибудь большую свободу. Отзывъ бар. Корфа находится въ несомнѣнной связи съ упадкомъ вліянія Валуева. Хорошо всегда освѣдомленный о всѣхъ дворцовыхъ вѣяніяхъ, хитрый баронъ рѣшилъ сдѣлаться, по крайней мѣрѣ въ этомъ вопросѣ, болѣе либеральнымъ, чѣмъ былъ раньше, чѣмъ былъ Валуевъ, чѣмъ, наконецъ, онъ самъ хотѣлъ быть.

Началъ Корфъ съ оцѣнки мнѣній о преобразованіи цензуры, господствовавшихъ въ различныхъ кругахъ администраціи и общества, и находилъ, что этотъ вопросъ имѣетъ много общаго съ крестьянскимъ, такъ недавно разрѣшеннымъ.

«Какъ въ крѣпостномъ правѣ, по вѣковой къ нему привычкѣ, многіе видѣли основаніе стойкости нашего госу-

дарственнаго организма, и мысль объ упраздненіи его возбуждала чувство безотчетнаго страха; такъ и цензура глубоко вросла въ наши обычаи, и немало людей готовы думать, что ею единственно держится общественный порядокъ. Естественно, что предположеніе отмѣнить этотъ оплотъ должно встрѣтить горячее и часто основанное на искреннемъ убѣжденіи сопротивленіе. Но къ этому присоединяется еще одна особенность. По крестьянскому дѣлу, если оспаривалась многими *своевременность* преобразованія, то по крайней мѣрѣ *надобности* его безусловнымъ образомъ почти никто не отвергалъ; зло крѣпостныхъ отношеній было слишкомъ очевидно, справедливость и необходимость дать права состоянія двадцати милліонамъ населенія бросалась въ глаза; споръ могъ быть исключительно о томъ, *когда* и *какъ* это сдѣлать. Вредныя стороны предварительной цензуры и благодѣтельныя дѣйствія свободы печати, напротивъ, среди нашего общества понятны не весьма многимъ; причины, вызывающія преобразованія, схватываются и ощущаются не всякимъ; оттого здѣсь соображенія о *несвоевременности* большею частью служатъ лишь оболочкою, за которою просто скрывается отсутствіе убѣжденія о самой *надобности* или *пользѣ* реформы».

Чтобы оцѣнить стремленіе сохранить цензуру неизмѣнной, Корфъ приступаетъ къ доказательству ея зла, прибавляя при этомъ, что такое разсужденіе «трудно уложить въ дѣловую бумагу».

Комиссія кн. Оболенскаго, какъ извѣстно, указала на два главные недостатка предварительной цензуры: *безсиліе* удерживать литературу въ желательныхъ предѣлахъ и *произволъ* этого сдерживанія. «Еслибъ все вредное вліяніе цензуры ограничивалось этими свойствами ея— говорилъ Корфъ,—еслибъ притомъ можно было согласиться съ бывшимъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія [1]), что отъ произвола цензоровъ страждетъ преимущественно лишь авторское самолюбіе писателей, статьи которыхъ запрещаются или передѣлываются: то переходъ къ каратель-

[1]) Бар. А. П. Николаи сильно протестовалъ противъ введенія какихъ бы то ни было смѣшанныхъ цензурныхъ реформъ до введенія новаго суда и менѣе вредною признавалъ въ такомъ случаѣ цензуру предварительную, чѣмъ административно-карательную.

ной системѣ, конечно, нельзя было бы признать ни особенно важною, ни настоятельно нужною реформою». Но таких недостатковъ гораздо, неизмѣримо больше.

Предварительная цензура, во-первыхъ, незаконно премируетъ лишь опредѣленный кругъ идей, совершенно изгоняя другой изъ умственнаго обихода страны. «Понятно, къ какимъ результатамъ должно приходить учрежденіе, которое, подъ предлогомъ направленія умственной дѣятельности народа, беретъ на себя покровительствовать однимъ произведеніямъ мысли и преслѣдовать другія. Изъ какихъ бы талантливыхъ личностей это учрежденіе ни состояло, оно роковымъ образомъ впадаетъ въ массу ошибокъ, и исторія представляетъ не одинъ примѣръ самаго крайняго умственнаго разврата въ обществѣ при строжайшихъ цензурныхъ преслѣдованіяхъ». Во-вторыхъ, она «лишаетъ правительство драгоцѣнной помощи и поддержки въ исполненіи лежащихъ на немъ громадныхъ обязанностей», потому что «этой помощи можно ожидать лишь отъ печати свободной, откровенно выражающей дѣйствительныя мысли и чувства общества; если же печати дозволено говорить единственно то, что согласно съ видами и намѣреніями правительства въ данную минуту, то она, очевидно, не въ состояніи высказать ему ничего новаго и не спасетъ ни отъ одного ложнаго шага». Въ-третьихъ, она вредна Россіи именно въ данный моментъ, когда государство вступило мало-по-малу на путь истинъ, давно выработанныхъ Европою. Можно-ли послѣ сдѣланныхъ реформъ не поставить вопроса: «логическую-ли, исполнимую-ли задачу задало бы себѣ правительство, еслибъ, вступивъ на означенный путь, оно въ то же время стремилось удержать учрежденіе, съ которымъ прививаемая намъ новая жизнь нигдѣ не могла примириться, и есть-ли основаніе думать, чтобъ у насъ однихъ успѣшно совершались законодательныя преобразованія, искусно дѣйствовала администрація, правильно производился судъ, развивались и приносили желаемый плодъ вновь создаваемыя общественныя учрежденія, безъ той помощи и поддержки, которую они повсюду находятъ себѣ въ свободномъ общественномъ мнѣніи?» «На будущее время намъ предстоятъ два пути: или сойти съ той дороги, на которую правительство теперь вступило, т. е. отказаться отъ усовершенія элементовъ, которые

оно внесло въ нашу жизнь, и отъ благодѣтельнаг одѣйствія учрежденій, такъ горячо ожидавшихся, или же и положеніе печати согласить съ цѣлымъ строемъ общественнаго нашего движенія. Хотя бы этотъ послѣдній путь и былъ, какъ впрочемъ все человѣческое, сопряженъ съ тѣми или другими частными неудобствами, непреложный законъ историческаго развитія, кажется, дѣлаетъ для насъ выборъ его неизбѣжнымъ».

Возражая на пресловутый доводъ о несвоевременности цензурной реформы, Корфъ говорилъ: «...дарованіе большей свободы печати нашей въ *настоящую* пору должно признать болѣе своевременнымъ, нежели когда-либо. Правительство, въ теченіе ряда послѣднихъ годовъ, не только не шло на перекоръ стремленіямъ страны, но, напротивъ, во всѣхъ своихъ мѣрахъ стремилось постоянно предупреждать самыя задушевныя ея желанія. Если, дѣйствуя такимъ образомъ, оно еще не признаетъ себя въ правѣ разсчитывать на сочувствіе и поддержку общественнаго мнѣнія, то надобно потерять надежду когда-либо пріобрѣсти эту поддержку. Впрочемъ, факты уже краснорѣчиво высказались: въ послѣднее время, едва успѣли раскрыться въ своей наготѣ ученія, столько пугавшія нѣкоторыхъ, общество убѣдительно доказало, на чьей сторонѣ его настоящія симпатіи и такъ-ли опасно для порядка и вредно для государства выраженіе истинныхъ его мыслей и чувствъ».

Въ этомъ, какъ и во всемъ предыдущемъ, Корфъ былъ совершенно правъ: реакціонный потокъ 1862—63 годовъ потому и былъ силенъ, что опирался на массу общества, потерявшую всякую близость къ освободительнымъ идеямъ своего вчерашняго прошлаго. Дѣйствительно, сочувствіемъ и поддержкой можно было теперь похвастаться...

Но было и другое мнѣніе, диктовавшее реформированіе цензуры при непремѣнномъ условіи постепенности и осторожности; его, какъ и многихъ выше приведенныхъ, держалась и комиссія кн. Оболенскаго. На это Корфъ отвѣчаетъ: «неоспоримо, что словами *постепенность* и *осторожность*, когда дѣло идетъ о преобразованіяхъ государственныхъ, иногда очень злоупотребляютъ: они нерѣдко служатъ маскою, чтобы прикрыть простое противодѣйствіе всякому серьезному шагу на пути развитія. Но подъ постепенностью,

разумномъ ея смыслѣ, не слѣдуетъ еще понимать нерѣ-тельности и робости. Она не должна исключать реформъ цественныхъ и важныхъ; она требуетъ только, чтобы за-юдатель не отказывался признавать значеніе исторіи и гу существующаго факта и чтобы, преслѣдуя свои идеалы, › озирался на почву, на которой ему приходится дѣй-ювать, и на средства, которыми ему дано располагать». зумной постепенности въ цензурной реформѣ придержи-тся и самъ Корфъ, главнымъ образомъ потому, что «въ ссѣ читающей публики привычки и воззрѣнія, образовав-іся подъ вліяніемъ прежней системы, дѣйствуютъ еще съ юльно большою силою, и излишняя вѣра въ печатное, но какъ боязнь печатнаго, еще не перестали быть отли-тельною чертою народнаго характера». Поэтому и отъ а нельзя ждать сразу способности выражать мнѣніе всего цества, и слѣдовательно «передать, при такихъ условіяхъ, ать въ исключительное вѣдѣніе судовъ и сдѣлать ихъ омъ единственными и безусловными регуляторами лите-урнаго движенія, едва-ли значило бы создать и для самой ературы то твердое, спокойное и обезпеченное положеніе, кое рисуется въ воображеніи многихъ при названіи кара-ьной системы». Но разумная постепенность не врагъ ко-ныхъ реформъ. «Ни населеніе, ни судебные органы, оче-цно, никогда не освоятся съ явленіями свободной печати, и имъ продолжать знать о сей печати только по наслышкѣ. гъ обществу на самомъ дѣлѣ пользоваться этою свободою только, чтобы она стала входить въ его нравы и образо-ъ его взгляды и понятія, совершенно необходимо; но лько же необходимо, и въ выгодахъ самой печати, не тѣнять еще вдругъ всѣхъ существующихъ ограниченій е лишать правительство на время нѣкоторыхъ средствъ предупрежденію тѣхъ увлеченій слова, которыя пока мо-ъ имѣть свои неудобства».

Итакъ, Корфъ тоже за смѣшанную систему, за смѣше-двухъ въ извѣстной пропорціи. Какова же эта пропорція? мнѣнію Корфа, «она могла бы быть полезна только въ чаѣ, когда внесетъ съ собою *существенныя, замѣтныя* чшенія, устранитъ по крайней мѣрѣ *главнѣйшіе* изъ не-статковъ прежняго порядка и дастъ обществу *примѣтно* *ущать* дѣйствіе тѣхъ новыхъ условій, въ которыя поста-

вится печатное слово. Для этого необходимо, чтобъ въ основаніе новаго устава были *рѣшительно* приняты начала карательной системы, составляющей окончательную цѣль законодателя, чтобы духомъ этой системы весь уставъ былъ пропитанъ и чтобы она стояла въ немъ на *первомъ* планѣ, цензура же и другія *ненормальныя* ограниченія — остатокъ прежняго порядка, представлялись лишь въ видѣ *временныхъ изъятій*, долженствующихъ отпасть съ минованіемъ причинъ, которыя дѣлаютъ ихъ покамѣсть еще нужными. Между тѣмъ, разсматривая сообщенный мнѣ в. п. проектъ въ его окончательной редакціи, я вижу въ немъ скорѣе лишь исправленное изложеніе дѣйствующихъ нынѣ постановленій, чѣмъ законъ въ самомъ дѣлѣ новый — замѣчалъ Корфъ Валуеву съ обычной своею деликатностью, но, несмотря на это, сразу попадалъ въ самую цѣль. Предварительная цензура представляется въ этомъ проектѣ преобладающею, и единственная существенная уступка, сдѣланная въ пользу карательной системы, состоитъ въ томъ, что освобождаются отъ цензуры печатаемыя внутри государства сочиненія объемомъ въ 20 листовъ и болѣе; положеніе же всей остальной части литературы не только не улучшается, но, частью, *еще болѣе стѣсняется введеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ строгостей и ограниченій*. Посему, чтобы предполагаемый новый уставъ былъ дѣйствительно плодотворенъ, удовлетворялъ важнымъ потребностямъ, выше сего подробно объясненнымъ, и могъ достичь цѣли, которая, безъ сомнѣнія, имѣлась въ виду при его составленіи, я находилъ бы необходимымъ въ окончательной редакціи его сдѣлать нѣкоторыя существенныя измѣненія».

Изъ этихъ существенныхъ измѣненій, Корфъ прежде всего рекомендовалъ норму безцензурности книгъ понизить до 10 листовъ, такъ какъ по сдѣланному имъ подсчету, оказывалось, что этой льготой могла бы воспользоваться треть всѣхъ сочиненій, а при 20 листахъ—лишь седьмая ихъ часть. Далѣе, будучи убѣжденнымъ, что проектированный уставъ о книгопечатаніи слѣдовало бы ввести въ дѣйствіе не прежде новаго порядка судопроизводства, Корфъ считалъ необходимымъ предоставить безцензурность десятилистнымъ сочиненіямъ по всей Россіи, а не только въ двухъ столицахъ. Право министра разрѣшать безцензурный выходъ органовъ прессы по своему личному усмотрѣнію, Корфъ замѣ-

нялъ правомъ выбора самихъ издателей. «Вообще, прибавлялъ онъ,— съ переходомъ къ началамъ карательной системы, надобно бы, по моему мнѣнію, сколько можно уменьшать случаи прямого вмѣшательства администраціи въ борьбу литературныхъ партій и мнѣній; освобожденіе же тѣхъ или другихъ изданій отъ цензуры, по усмотрѣнію администраціи, составило бы такое явное и рѣзкое проявленіе этого вмѣшательства, какого нѣтъ и въ дѣйствующемъ нынѣ порядкѣ. Посему, еслибъ выборъ шелъ между этою комбинацією и безусловнымъ удержаніемъ предварительной цензуры для *всѣхъ* періодическихъ изданій, я бы не поколебался даже отдать преимущество послѣднему».

Вообще Валуева Корфъ стѣснялъ на каждомъ шагу. Напримѣръ, право министра рѣшать дѣла цензурныя въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, единолично, безъ разсмотрѣнія ихъ въ совѣтѣ главнаго управленія, онъ безусловно отрицалъ, какъ мѣру, порождающую неограниченный произволъ. Роль совѣта, сведеннаго до minimum'а, Корфъ полагалъ значительно расширить. «Министръ внутреннихъ дѣлъ, по кругу своего управленія, еще гораздо болѣе занятъ другими дѣлами (чѣмъ бывшіе министры народнаго просвѣщенія — *М. Л.*) и, слѣдовательно, еще менѣе будетъ имѣть досуга для вопросовъ цензурныхъ. Между тѣмъ, находясь по самому положенію своему, въ непосредственномъ соприкосновеніи со всѣми важнѣйшими вопросами дня и подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ всѣхъ случайностей государственной жизни, онъ иногда невольно долженъ будетъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, увлекаться къ тому, чтобы дѣйствія свои въ отношеніи литературы подчинять временнымъ административнымъ видамъ и законы о печати обращать въ орудіе къ достиженію разнообразныхъ, мѣняющихся цѣлей. Никакія качества ума и характера и никакое вниманіе къ дѣлу, не могутъ спасти государственнаго дѣятеля, въ такихъ обстоятельствахъ, отъ пагубныхъ по своимъ послѣдствіямъ ошибокъ, а сверхъ того, съ каждою перемѣною лица, стоящаго во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, будетъ неизбѣжно мѣняться весь духъ правительственной политики въ отношеніи къ печати. Произволъ, непослѣдовательность, противорѣчія останутся, такимъ образомъ, какъ бывало прежде, характеристическою чертою этой отрасли управленія, а

между тѣмъ, лицо министра сдѣлается мишенью для нападокъ всего сонма тѣхъ, которые будутъ недовольны то излишнею снисходительностью, то недостаткомъ энергіи, то ея избыткомъ, то запрещеніемъ такой-то статьи, то пропускомъ другой и т. д. Всѣ эти неудобства можно бы устранить только тѣмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, по важнѣйшимъ изъ собственно цензурныхъ дѣлъ, власть окончательнаго рѣшенія предоставить совѣту главнаго управленія, съ тѣмъ, чтобъ его заключенія могли быть отмѣняемы только въ чрезвычайныхъ случаяхъ и не собственною властью министра, а не иначе, какъ комитетомъ министровъ. Предъ рѣшеніемъ коллегіальнымъ, само общество будетъ склоняться охотнѣе, да и отвѣтственность коллегіи передъ общественнымъ мнѣніемъ всегда мягче, чѣмъ отвѣтственность власти единоличной».

Въ послѣднихъ словахъ замѣчательное знаніе психологіи Валуева, очень чуткаго къ общественной оцѣнкѣ своихъ дѣйствій...

Но здѣсь Корфъ наталкивался на серьезное возраженіе; именно—если составъ такого совѣта будетъ поставленъ въ полную зависимость отъ министра внутреннихъ дѣлъ, то, конечно, рѣшенія его всегда будутъ тѣмъ же произволомъ, только въ формѣ неискренней, спрятанной за ширмы законности. Для борьбы съ этимъ зломъ, онъ рекомендовалъ согласиться съ приведеннымъ уже мною мнѣніемъ Бычкова, Андреевскаго и Ѳеоктистова. Находя, что «опытъ свидѣтельствуетъ, что въ дѣлахъ о печати одинъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ для правительства—излишекъ въ усердіи и исполнительности со стороны его агентовъ, и что въ этой области болѣе еще, чѣмъ въ какой другой, благоразумно слѣдовать извѣстному изреченію одного знаменитаго дипломата и требовать отъ подчиненныхъ поменьше рвенія»,—онъ предлагалъ составить совѣтъ главнаго управленія изъ трехъ членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, изъ двухъ, избираемыхъ ежегодно московскою и петербургскою судебными палатами, изъ одного, избираемаго академіей наукъ, и изъ одного, избираемаго поперемѣнно петербургскимъ и московскимъ университетами.

Что же касается административныхъ взысканій, какъ права того же министра, то здѣсь Корфъ былъ даже рѣзокъ.

По его убѣжденію, проектъ Валуева «прибавляетъ новую язву — административныя взысканія, заключающія въ себѣ такую массу вреда, произвола и несправедливости, что противъ нихъ постоянно протестовали и протестуютъ всѣ благомыслящіе люди. Система административныхъ взысканій еще болѣе заражена произволомъ, нежели предупредительная цензура, ибо наказываетъ за вину, непредвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ. Она могла оказаться необходимою, какъ средство чрезвычайное, тамъ, гдѣ правительство, уже лишенное орудія предварительной цензуры, не считало возможнымъ къ ней возвращаться: но что вынуждаетъ подражать въ этомъ отношеніи примѣру другихъ, когда мы желаемъ не утѣсненія, а расширенія свободы слова?»

Вопросъ очень ядовитый и прямо сражавшій Валуева, въ обществѣ еще и тогда говорившаго, что онъ стремится къ свободѣ печати, а проектъ составившаго въ видахъ совершенно обратныхъ...

Немного дальше, Корфъ указалъ на полную основательность по этому поводу мнѣнія Гилярова-Платонова. «Если — говорилъ онъ—систему этихъ взысканій можно *на время* удержать въ нашемъ законодательствѣ въ видѣ переходной мѣры, то нельзя не желать устраненія, по крайней мѣрѣ, того, что въ ней есть наиболѣе дурного и раздражающаго общее мнѣніе. Самая же возмутительная и, прибавлю, опасная сторона административныхъ взысканій, какъ они, напримѣръ, примѣнялись до сихъ поръ во Франціи, состоитъ именно въ томъ, что одному административному лицу дается власть, по индивидуальному воззрѣнію, иногда по одному минутному настроенію духа, безъ всякой дальнѣйшей передъ закономъ отвѣтственности, лишать человѣка права собственности, права на продолженіе занятія, которымъ онъ, можетъ быть, жилъ, и, что еще важнѣе, исключать изъ круга вращающихся въ обществѣ мнѣній цѣлое ученіе или направленіе. Присвоеніе подобной власти коллегіальному мѣсту, конечно, еще не уничтожитъ всего, что въ системѣ административныхъ взысканій есть ненормальнаго, но значительно, однако, смягчитъ и улучшитъ ея характеръ». Поэтому Корфъ предлагалъ, чтобы совѣтъ рѣшалъ всѣ дѣла по большинству голосовъ, рѣшенія же о вчиненіи судебнаго преслѣдованія противъ какого-либо сочиненія или изданія

и о наложеніи на прессу административныхъ взысканій постановлялъ не иначе, какъ по дѣйствительному большинству голосовъ присутствующихъ, безъ перевѣса голосомъ предсѣдателя.

Относительно системы залоговъ, Корфъ замѣчалъ, что авторитетъ нѣкоторыхъ западныхъ государствъ «едва-ли и не есть единственный въ ея пользу доводъ». При этомъ онъ вызывалъ Валуева на откровенность, замѣтивъ, что «должно думать, что иностранныя правительства, выставляющія пользу и надобность залоговъ, не совсѣмъ искренны, и что за наружными объясненіями скрывается другая мысль, которую, впрочемъ, и не трудно угадать. Встрѣчающееся въ соображеніяхъ комиссіи замѣчаніе, что введеніе залоговъ совпадаетъ съ отмѣною предварительной цензуры, небезусловно справедливо. Въ двухъ государствахъ, впервые усвоившихъ себѣ эту систему, именно въ Англіи и во Франціи, она введена послѣ того, какъ законодательства уже провозгласили свободу печати отъ предварительнаго одобренія, и когда правительства, не считая возможнымъ обратиться къ цензурѣ, искали другихъ средствъ для противодѣйствія прессѣ. Въ числѣ такихъ средствъ еще весьма рано, въ прошедшемъ столѣтіи, начали вводиться разныя фискальныя стѣсненія журналистики, какъ-то: установленіе штемпельной пошлины, пошлины съ объявленій, съ бумаги и т. д. Требованіе денежныхъ залоговъ съ издателей было, кажется, не болѣе, какъ отдѣльнымъ звеномъ въ ряду подобныхъ мѣръ, и имѣло общую со всѣми ими цѣль: остановить распространеніе періодической прессы и дѣлать ее достояніемъ одной только достаточной части населенія. Во Франціи, при введеніи системы залоговъ, цѣль эта была прямо высказана»... Корфъ предлагалъ совершенно исключить залоги изъ проекта.

Весь раздѣлъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, совершаемыхъ посредствомъ печати, Корфъ исключалъ, предлагая поручить комиссіи, занимавшейся тогда начертаніемъ новыхъ судебныхъ уставовъ, опредѣлить порядокъ примѣненія будущихъ общихъ узаконеній по дѣламъ печати.

Очень подробно остановился Корфъ и на сохраненіи въ проектѣ полностью всѣхъ порядковъ цензуры иностранныхъ сочиненій — этомъ поистинѣ блестящемъ доказательствѣ

стремленій Валуева къ «большей» свободѣ печати. Проектъ дѣлалъ только исключенія для книгъ, выписываемыхъ иностранными дипломатическими агентами, учеными обществами, университетами, лицами, получившими на то особое разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, и для молитвенниковъ, путеводителей, дорожныхъ картъ и словарей, провозимыхъ пассажирами не болѣе, какъ въ одномъ экземплярѣ.

«Я не умѣю дать себѣ отчета, почему бы могло быть допущено столь рѣзкое разногласіе въ духѣ и направленіи двухъ половинъ проекта, почему бы правительство, рѣшившись внутреннюю печать нашу частью освободить отъ всякой предварительной цензуры и сдѣлать важный шагъ къ подчиненію ея лишь дѣйствію карательной системы, считало нужнымъ относиться съ такою исключительною строгостью и недовѣрчивостью къ произведеніямъ печати иностранной». Затѣмъ онъ доказывалъ полную безполезность всѣхъ умственныхъ заставъ и таможенъ, какъ потому, что все равно всѣ заграничныя изданія расходятся въ Россіи въ громадномъ количествѣ, такъ и потому, что это, наоборотъ, привлекаетъ вниманіе къ запрещенному плоду. По его мнѣнію, нужно «не только не препятствовать цензурнымъ стѣсненіемъ ввозу и обращенію у насъ произведеній иностранной печати, а стараться облегчать ихъ распространеніе всѣми путями». Исключеніе дѣлалось лишь для изданій на русскомъ и польскомъ языкахъ.

Наконецъ, разсматривая раздѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ, совершаемыхъ посредствомъ устнаго слова, письма и печати, нарушеніяхъ и наказаніяхъ за нихъ, Корфъ указывалъ на неумѣстность регламентаціи въ уставѣ о *печати* всего, касающагося другихъ формъ выраженія мысли; доказывалъ невозможность ставить редактора органа прессы въ положеніе главнаго виновника при преслѣдованіи содержанія всѣхъ статей изданія; предлагалъ сузить значеніе диффамаціи, впервые введенной въ наше законодательство комиссіей кн. Оболенскаго, строго разграничивъ оскорбленія чести на клевету, опозореніе и поруганіе [1]).

[1]) „Матеріалы, собранные особою комиссіею высоч. утвержд. 2 ноября 1869 г, для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати“, I, 52—103. Отзывъ бар. Корфа приведенъ еще и въ

Отзывъ бар. Корфа — едва-ли ни одна изъ тѣхъ блестящихъ страницъ нашей исторіи, на которой крупными буквами должно быть написано: «ловкость не разъ приводила людей къ славѣ и незаслуженному почету»... Если читатель познакомиться съ взглядами и поступками Корфа за десять лѣтъ до 1864 года, когда онъ былъ предсѣдателемъ и дѣятельнымъ членомъ извѣстнаго Бутурлинскаго комитета, — то онъ пойметъ эту крупную бюрократическую величину [1]).

III.

Отвѣты гр. Панина и Замятнина. Представленіе Валуева въ государственный совѣтъ.

Валуевъ былъ очень разстроенъ сопротивленіемъ стороны, которую, довольно основательно склоненъ былъ считать союзникомъ. Онъ зналъ, что Корфъ не преминетъ сдѣлать извѣстнымъ другимъ свою критику на проектъ, и совершенно растерялся. Къ этому времени и положеніе его становилась нѣсколько неувѣреннымъ: съ Головнинымъ шли распри, благодаря постояннымъ столкновеніямъ на почвѣ, главнымъ образомъ, студенческихъ безпорядковъ, а Головнинъ былъ болѣе близокъ къ снова усиливавшемуся великому князю Константину Николаевичу... Но на его удачу, Корфъ получаетъ назначеніе предсѣдателемъ департамента законовъ государственнаго совѣта, и въ управленіе

„Русской Старинѣ“ 1897 г., IV, г. Бинштокомъ, но въ такомъ сильно урѣзанномъ видѣ, который лишаетъ этотъ документъ его истинной цѣнности. Насколько или архивъ II Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи, которымъ пользовался г. Бинштокъ, безпорядоченъ, или самъ извлекатель документовъ оттуда небреженъ и неподготовленъ къ работѣ по исторіи цензуры, доказываетъ такой фактъ. Сказавъ, что Валуевъ отвѣчалъ Корфу, а Корфъ — опять Валуеву, г. Бинштокъ приводитъ якобы изъ послѣдняго отвѣта какой-то клокъ. („Рус. Стар.“ 1897, V, 342—344). При сравненіи, оказывается, что это—середина изъ главы IX уже приведеннаго мною отзыва бар. Корфа, которую желающіе и найдутъ въ „Матеріалахъ“ на стр. 93—95.

[1]) См. статью „Эпоха цензурнаго террора (1848—55 гг.)“ въ моей книгѣ „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія“, Спб., 1904 года.

II Отдѣленіемъ вступаетъ гр. В. Н. Панинъ... Надежды Валуева расцвѣтаютъ. Онъ пишетъ, въ апрѣлѣ, отвѣтъ на возраженія Корфа, но уже Панину. Черезъ полгода послѣдній сообщаетъ государственному секретарю свой отзывъ, въ которомъ, однако, тоже неожиданно для каждаго, знавшаго Панина за отъявленнаго мракобѣса, не вполнѣ отвергаетъ соображенія своего предшественника [1]... Очевидно, Панинъ считалъ болѣе выгоднымъ присоединиться одновременно и къ Валуеву и къ Корфу...

Онъ не согласился съ Корфомъ лишь по слѣдующимъ пунктамъ: 1) министру внутреннихъ дѣлъ предоставлялъ право отмѣнять рѣшенія совѣта по дѣламъ цензурнымъ, но не по наложенію административныхъ взысканій; 2) въ совѣтъ вводилъ лишь представителя академіи наукъ и двухъ чиновниковъ — одного отъ министерства народнаго просвѣщенія, другого — юстиціи; 3) залоги не должны были требоваться отъ подцензурныхъ изданій; 4) правила проекта объ иностранной цензурѣ не подлежали перемѣнѣ; 5) норму въ 20 листовъ, какъ и 6) опредѣленіе наказаній за публично распространяемыя рукописи—сохранить [2].

Министръ юстиціи, Замятнинъ, ограничился критикою части проекта о преступленіяхъ и проступкахъ, совершаемыхъ посредствомъ слова, письма и печати и о наказаніяхъ за нихъ, находя, что всю эту часть слѣдовало бы исключить, а затѣмъ, сообразно съ предположеніями комиссіи, измѣнить и дополнить подлежащія статьи уложенія [3].

Наиболѣе интересны возраженія его по опредѣленію мѣры отвѣтственности различныхъ лицъ за изданіе сочиненій и рисунковъ преступнаго содержанія и по прекращенію періодическихъ органовъ.

Въ проектѣ была проведена такая мысль: воспользовавшись страхомъ отвѣтственности типографщиковъ, преградить доступъ къ печати всему мало-мальски нежела-

---

[1]) Г. Бинштокъ („Рус. Старина“ 1897 г., V, 342), руководствуясь архивомъ II Отдѣленія, сдѣлалъ, однако, серьезную ошибку: онъ не замѣтилъ происшедшей въ мартѣ перемѣны главноуправляющихъ и говоритъ, что Валуевъ отвѣчалъ Корфу, а послѣдній Валуеву, да еще послѣ 18 іюня...

[2]) „Матеріалы etc.“, 117—128.

[3]) Ibidem, 104—116.

тельному. Замятнинъ замѣтилъ ее и по этому поводу высказалъ слѣдующее:

«Тисненіе есть трудъ чисто механическій и по большей части типографскимъ ремесломъ занимаются такія лица, отъ которыхъ не требуется особой степени развитія, ни образованія, и которыя, по самому роду ихъ дѣятельности, не могутъ имѣть способности вѣрнаго понятія о преступности или непреступности извѣстнаго сочиненія, тѣмъ болѣе, что самая эта преступность, вѣроятно, по большей части случаевъ, будетъ заключаться въ такихъ тонкихъ оттѣнкахъ, для пониманія которыхъ требуется уже значительная степень образованія, и, слѣдовательно, будетъ имѣть для нихъ неуловимый смыслъ. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ типографщикъ явится простымъ слѣпымъ механическимъ орудіемъ совершоннаго преступленія и подвергать его въ этихъ случаяхъ наказанію было бы несправедливо. Типографщикъ можетъ быть подвергнутъ взысканію, если имъ нарушена одна изъ возложенныхъ на него уставомъ прямыхъ обязанностей, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ быть подвергнутъ наказанію лишь за нарушеніе имъ этой обязанности, а никакъ не совершонное посредствомъ печати преступленіе, развѣ по суду будетъ доказано, что онъ сознательно способствовалъ совершенію этого преступленія. Въ этомъ случаѣ онъ, переставая быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ преступника, превращается въ его сообщника и долженъ за это отвѣтствовать на основаніи общихъ правилъ объ участіи въ преступленіи. Независимо отъ сего возложеніе на типографщиковъ главной отвѣтственности за печатаемое ими произведеніе было бы не что иное, какъ превращеніе ихъ въ цензоровъ этихъ произведеній, — и цензоровъ несравненно болѣе строгихъ и пристрастныхъ, чѣмъ правительственные, такъ какъ отвѣтственность ихъ можетъ быть несравненно больше, — и кромѣ того, цензоровъ почти всегда невѣжественныхъ. Такимъ образомъ предварительная цензура не только не будетъ отмѣнена, но перейдетъ изъ рукъ правительства, которое могло направляеть ее согласно съ требованіями времени и просвѣщенія, въ руки необразованныхъ ремесленниковъ, которые не имѣютъ никакихъ данныхъ на то, чтобы судить о достоинствѣ или о преступности литературнаго произведенія, и которые, въ виду

тяжести грозящей имъ отвѣтственности, очевидно, будутъ отказываться отъ напечатанія сочиненій даже совершенно безвредныхъ, потому только, что это для нихъ безопаснѣе. Очевидно, что подобный порядокъ неминуемо будетъ имѣть невыгодное вліяніе на литературную дѣятельность».

Что же касается предположенія прекращать повременное изданіе послѣ третьяго предостереженія, состоявшагося въ теченіе того же самаго года, когда были даны два предыдущія, или трехъ мѣсяцевъ спустя, то Замятнинъ, признавая вообще необходимымъ исключеніе административныхъ предостереженій, находилъ, что даже при установленіи ихъ, правило это не можетъ быть санкціонировано.

«Съ прекращеніемъ повременнаго изданія, издатель его лишается права собственности и всегда несетъ убытки, иногда очень значительные, а по общему закону — никто не можетъ быть лишенъ *безъ суда* правъ, ему принадлежащихъ, если бы даже поводомъ къ сему представлялось явное нарушеніе закона. Самое понятіе о вредѣ литературнаго направленія, какъ весьма относительное и нерѣдко измѣняемое, не можетъ не породить частыхъ недоразумѣній между административною властію и редакторами періодическихъ изданій, а между тѣмъ, эти недоразумѣнія, причиною которыхъ могутъ быть административныя же распоряженія, всею тяжестью падутъ на редакторовъ и издателей, въ случаѣ предоставленія, согласно проекту, той же административной власти прекращать періодическія изданія и притомъ совершенно безапелляціонно. Наконецъ, прекращеніе изданія, составляя болѣе карательную, чѣмъ предупредительную мѣру, потому самому уже не можетъ быть предоставлено административной власти, тѣмъ болѣе, что, по нашимъ законамъ, въ административномъ порядкѣ могутъ быть налагаемы только легкія взысканія, не соединенныя съ ограниченіемъ какихъ-либо правъ, и вслѣдствіе этого запрещеніе, напримѣръ, производства торговли, ремесла, промысла и т. п. можетъ послѣдовать не иначе, какъ по суду».

Пока получались эти отзывы, положеніе Валуева становилось затруднительно. Вотъ что писалъ по этому поводу, 17 іюня, его товарищъ, Тройницкій: «Не ручаюсь и за своего министра; онъ долженъ постоянно маневрировать между двухъ водъ: съ одной стороны ультра-православная (моди-

24*

фикація славянофильской) партія требуетъ чуть ни истребленія всего, не только польскаго, но вообще иновѣрческаго въ Россіи, съ другой—ультра-либеральная (т. е. самая деспотическая) добивается власти, чтобы все унивелировать, т. е. стереть дворянство и выдвинуть владычество массъ, которыми она могла бы ворочать и эксперементировать по произволу. Валуевъ чуть ни одинъ борется съ этими партіями, стремящимися къ власти: долго-ли онъ устоитъ,хотя до сихъ поръ государь его очень жалуетъ, отгадать нельзя» [1])...

Не придавая безусловной вѣры этой ужъ слишкомъ схематической группировкѣ верховъ и общества, нельзя, однако, не признать, что сумятица въ атмосферѣ, дѣйствительно, чувствовалась очень значительная. Никитенко, напримѣръ, заноситъ въ свой «Дневникъ»: «Странное, дикое время! Разладица всеобщая: административная, нравственная и умственная. Деморализація въ народѣ и въ обществѣ растетъ и зрѣетъ съ изумительною быстротою. Умы серьезные тщетно стараются противодѣйствовать злу. Да и много-ли ихъ, этихъ умовъ? Общественное воспитаніе запуталось въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ, т. е. въ разныхъ педагогическихъ умозрѣніяхъ необдуманныхъ еще и не выработанныхъ: ему недостаетъ твердыхъ ни умственныхъ, ни нравственныхъ началъ. Власть никѣмъ не уважается; о законѣ и законности говорить нечего: они и прежде имѣли у насъ только условное, своеобразное значеніе, т. е. настолько, насколько ихъ можно было бы обойти въ свою пользу. Настоящей, такъ сказать, разумной перемѣны намъ не изъ чего дѣлать; у насъ нѣтъ матеріаловъ для нея, хотя, повидимому, все къ ней и клонится... Странное, дикое время!» [2]).

Конечно, Никитенко многаго не усваивалъ, не умѣлъ схватывать, но общій абрисъ разладицы совершенно вѣренъ. Въ журналистикѣ всецѣло господствовалъ Катковъ, его «Московскія Вѣдомости» премировались въ качествѣ необходимаго пособія дальнѣйшему «прогрессу». Цензура не смѣла наложить на нихъ руку, не спросясь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Валуева.

Въ ноябрѣ положеніе послѣдняго снова упрочивается и 17-го числа онъ входитъ въ государственный совѣтъ съ пред-

---

[1]) „Рус. Старина", 1899 г., X. 237.

[2]) „Рус. Старина", 1891 г., V, 406.

ставленіемъ по проекту устава о книгопечатаніи. Изложенныя тамъ возраженія на разсмотрѣнные уже нами отзывы поражаютъ своей крайней краткостью и почти полнымъ отсутствіемъ собственно возраженій. Валуевъ счелъ теперь достаточнымъ ограничиться ничего не поясняющими по существу выраженіями, въ родѣ слѣдующихъ: «министръ внутреннихъ дѣлъ не можетъ раздѣлять этого мнѣнія», «—остается при прежнемъ мнѣніи», «сохраняетъ убѣжденіе» etc.,—за которыми уже ничего дальше не говорилось. Все представленіе положительно испещрено такими чисто канцелярскими отписками. Исключеніе сдѣлано только для отзыва Головнина, котораго маневрировавшій Валуевъ, надо отдать справедливость, укололь очень больно. Онъ обращалъ вниманіе государственнаго совѣта на то, во-первыхъ, что въ своихъ основныхъ положеніяхъ, проектъ вполнѣ совпадаетъ, съ тѣмъ, который былъ выработанъ по желанію именно Головнина въ 1862 г., во-вторыхъ, что предупредительную цензуру сохранили, а административныя взысканія ввели, по его же, Головнина, предложенію первой комиссіи кн. Оболенскаго, и въ-третьихъ, что отрицая теперь необходимость административныхъ взысканій, Головнинъ самъ ввелъ одно изъ нихъ—прекращеніе изданій—во «временныя правила» 12-го мая 1862 года. При этомъ Валуевъ воспользовался даже случаемъ, чтобы показать свою любовь къ законности и отвращеніе къ произволу, рекомендовавшемуся Головнинымъ въ видѣ административнаго удаленія редактора. «Эта мѣра—писалъ Валуевъ,—влекущая за собою неизбѣжно предоставленіе административной власти права неутвержденія новаго редактора и немыслимая безъ сего, равносильна прекращенію періодическаго изданія, но не послѣ извѣстнаго числа предостережній въ теченіе продолжительнаго срока времени и не при обязательной для администраціи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ гласной мотивировкѣ означенной мѣры, а безъ всякихъ ограниченій, такъ какъ административная власть, въ случаѣ принятія мнѣнія статсъ-секретаря Головнина, можетъ каждый разъ отказывать въ утвержденіи новаго редактора и чрезъ то фактически, когда пожелаетъ, пріостанавливать и прекращать изданіе» [1]. Выходило очень эфектно и занозисто...

[1]) „Матеріалы etc.",

1865 годъ.

I.

Катковъ и Леонтьевъ хотятъ бросить „Московскія Вѣдомости". Ходъ дѣла въ Петербургѣ. Постановленіе московскаго дворянства. Пріостановка „Вѣсти". Рескриптъ Валуеву.

Валуевъ маневрировалъ... Одновременно съ этимъ, въ угоду тому же Головнину, имъ было сдѣлано распоряженіе объ усиленіи цензурнаго надзора за «Московскими Вѣдомостями». Онъ даже призывалъ Каткова изъ Москвы и объявилъ ему, что если газета не укротится, то ей неминуемо быть переданной въ другія руки... Дѣло дошло до того, что, ставъ относительно цензуры въ положеніе, которое давно занимала остальная русская пресса, Катковъ и Леонтьевъ рѣшили демонстративно оставить газету и даже приготовили объ этомъ статью для перваго номера 1865 года... Московскій университетъ, понимая, какихъ выгодныхъ арендаторовъ ему предстоитъ лишиться, рѣшилъ, помимо Головнина, заявить о своемъ твердомъ намѣреніи оставить во главѣ «Вѣдомостей» прежнихъ редакторовъ, а цензуру ихъ просилъ передать себѣ. Дѣло поступило въ комитетъ министровъ [1]).

Пока оно находилось въ этой стадіи, рѣшено было начать 1865 годъ... 5-го января московское дворянство постановило выразить редакторамъ «Московскихъ Вѣдомостей» пожеланіе, чтобы слухи о ихъ намѣреніяхъ оставить газету не осуществились... Петербургу это очень импонировало... Комитетъ министровъ не освободилъ газету отъ предварительной цензуры, но «въ виду благонадежности и патріотическаго направленія» издателей-редакторовъ, а также «оказанныхъ ими весьма важныхъ заслугъ какъ по учебному вѣдомству,

---

[1]) *А. Никитенко,* „Дневникъ", „Рус. Старина", 1891 г., VI, 619.

такъ и вообще передъ Россіей» — положилъ *„предоставить министру внутреннихъ дѣлъ оказать редакціи возможныя облегченія въ примѣненіи къ нимъ цензурныхъ правилъ“*. Главными защитниками Каткова оказались Д. А. Милютинъ и кн. Горчаковъ—ярые противники Головнина [1]).

Черезъ два дня, 14-го января, и совѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія порѣшилъ съ «запиской» Пржецлавскаго, предавъ ее забвенію...

16-го въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилось письмо московскаго предводителя дворянства, очень скромно выдержанное Катковымъ въ редакціонномъ портфелѣ до окончательнаго исхода дѣла... Петербургу оно было, конечно, извѣстно раньше...

Вотъ это письмо:

«*Издателямъ „Московскихъ Вѣдомостей“*.

«Вслѣдствіе распространившихся слуховъ о томъ, что вы намѣреваетесь отказаться отъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, въ собраніи московскаго дворянства 5 сего января было сдѣлано предложеніе о томъ, чтобы дворянство заявило вамъ объ искреннемъ желаніи его видѣть продолженіе вашей дѣятельности по изданію старѣйшей русской газеты, сдѣлавшейся при руководствѣ вашемъ выраженіемъ образа мыслей тѣхъ, кто истинно любитъ отечество и дорожитъ его благосостояніемъ, цѣльностью и честью.

«Такое предложеніе не могло не возбудить полнаго сочувствія въ дворянствѣ московскомъ, и я, какъ предводитель дворянства, пріятнымъ долгомъ считаю просить васъ, отъ лица его, не покидать честнаго дѣла, которому вы среди трудныхъ обстоятельствъ, переживаемыхъ Россіею, посвятили ваши отличныя дарованія, оживленныя чувствомъ высокаго патріотизма.

«Надѣюсь, что настоящему моему письму, какъ выраженію чувствъ и мыслей всего благороднаго дворянства московскаго, будетъ вами дана печатная гласность, прошу принять увѣреніе и проч.

Князь Гагаринъ» [2]).

---

[1]) *С. Середонинъ*, „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, III, ч. 2-я, 205; *С. Невѣдѣнскій*, „Катковъ и его время“, 240.

[2]) „Московскія Вѣдомости“, 1865 г., № 12.

Катковъ былъ удовлетворенъ... «The foremost journal in Russia» (органъ, дающій направленіе въ Россіи)—писалъ въ это время про «Московскія Вѣдомости» корреспондентъ «Times» [1])...

Въ это время въ еженедѣльной газетѣ Скарятина — «Вѣсть» появились адресъ московскаго дворянства и не менѣе извѣстная рѣчь по этому поводу гр. Орлова-Денисова въ засѣданіи 9-го января. То и другое было напечатано безъ разрѣшенія цензуры. Выпущенный въ пяти тысячахъ экземплярахъ, злополучный номеръ (№ 4) получилъ громадное распространеніе, хотя и былъ потомъ конфискованъ. Назначено было особое слѣдствіе. Валуевъ былъ смущенъ— сторона «благонамѣренныхъ» и та волновалась... Различны были, разумѣется, причины неудовольствій, но фактъ самъ по себѣ стоялъ въ упоръ... «Вѣсть», безъ объясненія мотивовъ, въ силу временныхъ правилъ, пріостановлена на восемь мѣсяцевъ. Валуевъ объяснялъ это удовлетвореніемъ части общественнаго мнѣнія... 29-го января на его имя данъ былъ рескриптъ:

„Петръ Александровичъ! Происходившіе въ началѣ сего января мѣсяца, въ Московской губерніи, очередные губернскіе выборы не состоялись. Вслѣдствіе признанной правительствующимъ сенатомъ неправильности постановленій собранія предводителей и депутатовъ, относительно правъ участія нѣкоторыхъ дворянъ въ дѣлахъ губернскаго собранія, всѣ постановленія сего собранія, до закрытія онаго имъ принятыя, не имѣютъ законной силы. Но мнѣ небезызвѣстно, что во время своихъ совѣщаній московское губернское дворянское собраніе вошло въ обсужденіе предметовъ, прямому вѣдѣнію его не подлежащихъ, и коснулось вопросовъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учрежденій. Благополучно совершившіяся въ десятилѣтнее мое царствованіе, нынѣ по моимъ указаніямъ еще совершающіяся преобразованія достаточно свидѣтельствуютъ о моей постоянной заботливости улучшать и совершенствовать, по мѣрѣ возможности и въ опредѣленномъ мною порядкѣ, разныя отрасли государственнаго устройства. Право вчинанія по главнымъ частямъ этого по-

[1]) *С. Невѣдѣнскій*, н. с., 219.

степеннаго совершенствованія, принадлежитъ исключительно мнѣ и неразрывно сопряжено съ самодержавною властью, Богомъ мнѣ ввѣренною. Прошедшее, въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ, должно быть залогомъ будущаго. Никому изъ нихъ не предоставлено предупреждать мои непрерывныя о благѣ Россіи попеченія и предрѣшать вопросы о существенныхъ основаніяхъ ея общихъ государственныхъ учрежденій. Ни одно сословіе не имѣетъ законнаго права говорить именемъ другихъ сословій. Никто не призванъ принимать на себя, предо мною, ходатайство объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства. Подобныя уклоненія отъ установленнаго дѣйствующими узаконеніями порядка могутъ только затруднять меня въ исполненіи моихъ предначертаній, ни въ коемъ случаѣ не способствуя къ достиженію той цѣли, къ которой они могутъ быть направляемы. Я твердо увѣренъ, что не буду встрѣчать впредь такихъ затрудненій со стороны русскаго дворянства, вѣковыя заслуги котораго предъ престоломъ и отечествомъ мнѣ всегда памятны и къ которому мое довѣріе всегда было и нынѣ пребываетъ непоколебимымъ. Поручаю вамъ поставить о семъ въ извѣстность всѣхъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ тѣхъ губерній, гдѣ учреждены дворянскія собранія или имѣютъ быть учреждены собранія земскія. Пребываю къ вамъ благосклонный.

«На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Александръ“ [1]).

II.

Послѣдніе отвѣты Валуеву. Мнѣніе Н. И. Тургенева. Разсмотрѣніе проекта въ департаментѣ законовъ. Переходъ его въ общее собраніе. Обратная передача департаменту.

Въ это время государственный секретарь получалъ послѣдніе отзывы на валуевскій проектъ, слегка въ мелочахъ исправленный по уже приведеннымъ мною отзывамъ.

---

[1]) „Сѣв. Почта“ 1865 г., № 24.

Замятнинъ указывалъ на то, что если карательная система вводится лишь въ двухъ столицахъ, то слѣдуетъ точно опредѣлить, на основаніе какихъ началъ будетъ примѣняться повсюду прежняя предварительная система. Ненормально было и преслѣдовать авторовъ, редакторовъ или издателей за сочиненія разрѣшенныя цензурою. Особенное же вниманіе министръ юстиціи обращалъ на составъ присяжныхъ исключительно изъ консервативнаго элемента. но безъ крестьянъ. Онъ находилъ, что это совершенно неправильно, что имущественный цензъ не можетъ давать право на участіе въ судѣ преступленій умственной и нравственной области, и рекомендовалъ главнымъ цензомъ — образованіе не ниже среднеучебнаго заведенія.

Графъ Панинъ указывалъ на то же самое, говоря, что «только представители самого общества, за одно съ нимъ мыслящіе и чувствующіе, будутъ въ состояніи совершенно вѣрно улавливать оттѣнки преступленій и произносить соотвѣтственные имъ приговоры». Онъ былъ убѣжденъ, что отдать судъ по дѣламъ печати въ руки людей, обладающихъ столь любезнымъ Валуеву имущественнымъ цензомъ, значило бы «до нѣкоторой степени отказаться отъ суда присяжныхъ, потому что за неимѣніемъ своего собственнаго взгляда, они, по всей вѣроятности, слѣпо подчинялись бы наставленіямъ предсѣдателя».

Даже гр. Панинъ! — только и можно сказать сторонникамъ Валуева [1]).

---

[1]) „Матеріалы etc.“, I, 349—360 363—383. Здѣсь нельзя пройти молчаніемъ серьезныя ошибки, сдѣланныя Джаншіевымъ. Во-первыхъ, онъ говоритъ (на стр. 378 „Эпохи великихъ реформъ“ изд. 7-е): „Валуевъ, къ чести его, проектировалъ спеціальный судъ присяжныхъ (обладаніе имущественнымъ цензомъ требуемымъ для избранія въ мировыя судьи)“. Очень жаль, что опять-таки, авторъ не былъ знакомъ съ мотивами этого суда, которые, какъ мы уже видѣли, изложены въ „журналахъ“ комиссіи 1863 г. и на которые Валуевъ прямо указывалъ въ своей пояснительной запискѣ. Слѣдовательно, ни о какой чести тутъ не должно быть и рѣчи. Во-вторыхъ, по словамъ Джаншіева — „предположеніе Валуева было *поддержано* II-мъ отд. Е. И. В. канцеляріи въ лицѣ трехъ его главноуправляющихъ — бар. М. А. Корфа, даже гр. В. Н. Панина и кн. С. А. Урусова“. Мы только что и раньше видѣли, что это была за „поддержка;“ кромѣ того, кн. Урусовъ былъ главноуправляющимъ лишь съ 1869 года и слѣдовательно, никакъ не могъ здѣсь участвовать. Изъ этихъ со-

На этомъ кончилась литература министерскихъ отзывовъ.

Какъ мы видѣли, никто изъ нихъ, не далъ, въ сущности, полнаго разбора проекта Валуева съ точки зрѣнія литературы. Да было бы странно и слышать такія мнѣнія изъ устъ людей, считавшихъ своей обязанностью борьбу, въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ, съ гласностью. Литература наша тоже молчала — обсужденіе будущей реформы не входило больше въ программу Валуева. Поэтому несомнѣнный интересъ представляетъ мнѣніе человѣка, не связаннаго русскими условіями, но всегда бывшаго въ курсѣ нашей жизни. Я говорю о Н. И. Тургеневѣ, написавшемъ въ 1864 году и издавшемъ лишь въ 1868-мъ свою книгу: «Чего желать для Россіи?» Высказанныя тамъ мысли нужно разсматривать, какъ выраженіе мыслей извѣстной части русскаго общества.

Вотъ что оно думало тогда о свободѣ печати:

«Кромѣ огромныхъ предметовъ, озабачивающихъ правительство, есть другіе, которые при всей своей значительности и важности, отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что достиженіе желаемой цѣли по симъ послѣднимъ предметамъ не только гораздо легче въ сравненіи съ первыми, но само по себѣ весьма незатруднительно. Если по первымъ предметамъ необходимо творить, преобразовывать, однимъ словомъ, дѣйствовать, то по симъ послѣднимъ надлежитъ только позволять, допускать, воздерживаться отъ дѣйствія.

«Самымъ крупнымъ изъ сихъ предметовъ представляется намъ цензура. Неоднократно было предпринимаемо преобразованіе цензуры. Въ послѣднее время особыя комиссіи составляли проекты, печатали ихъ; но между тѣмъ цензура остается цензурою. Только въ понятіяхъ общества она находится также въ какомъ-то переходномъ положеніи, и этотъ взглядъ на цензуру оправдывается тѣмъ, что въ ожиданіи

ображеній и фактовъ ясна и третья ошибка Джаншіева: на стр. 378—379 онъ цитируетъ будто бы „обстоятельный отзывъ 1865 г. кн. Урусова“, а на самомъ дѣлѣ этотъ отзывъ, въ частяхъ только что приведенный, данъ гр. Панинымъ... Я уже не говорю, что его цитаты сдѣланы довольно небрежно и произвольно—въ этомъ, къ сожалѣнію, вся книга Джаншіева грѣшитъ очень часто—всѣ его цитаты всегда лучше подвергать сравненію съ подлинниками.

всѣми желаемаго, необходимаго преобразованія, правительство признало за благо издать особенныя *временныя* правила для цензуры.

«Весьма понятно, что различныя попытки составить порядочный цензурный уставъ всегда оставались и теперь остаются совершенно безуспѣшными. Идея цензуры неразлучна съ идеею произвола; цензура всегда будетъ и останется произволомъ. Но есть-ли какая-нибудь возможность обратить произволъ въ законъ? Можно-ли для произвола начертать здравыя правила, по коимъ онъ долженъ дѣйствовать? Можно-ли опредѣлить точныя границы, изъ коихъ онъ не долженъ выходить? Но тогда произволъ не былъ бы произволомъ, т. е. цензура не была бы цензурою. Такимъ образомъ невозможность порядочнаго цензурнаго устава очевидна. Произволъ долженъ быть замѣненъ законностью, цензурный уставъ — закономъ о печати. Самый строгій законъ лучше какого бы то ни было цензурнаго устава: по крайней мѣрѣ, онъ болѣе соотвѣтствовалъ бы и справедливости и логикѣ.

«Составленіе закона о печати, здраваго, умѣреннаго согласнаго съ характеромъ народнымъ вообще и съ положеніемъ народной словесности въ особенности, не потребуетъ особенныхъ усилій отъ правительственнаго творчества. Слѣдуетъ только прежде всего отрѣшиться отъ тѣхъ пустыхъ предразсудковъ, кои въ этомъ случаѣ такъ, какъ и во многихъ другихъ, съ развитіемъ народнымъ и государственнымъ соприкосновенныхъ, затмеваютъ понятія людей и здравый смыслъ» [1]).

Какъ все это просто: не стѣсняй—вотъ программа, которой оставалось слѣдовать... Конечно, она не была принята: Валуевъ не любилъ простоты...

16 января состоялось первое, а 20-го, 21-го и 23-го — второе, третье и послѣднее засѣданія департамента законовъ государственнаго совѣта усиленнаго состава; въ нихъ присутствовали: предсѣдатель департамента баронъ Корфъ, члены: А. С. Норовъ, Литке, Бахтинъ и Бутковъ; кромѣ того — Валуевъ, Головнинъ, Замятнинъ кн. Долгоруковъ, гр. Адлербергъ, кн. Горчаковъ, И. М. Толстой; были при-

---

[1]) „Чего желать для Россіи?“, Лейпцигъ, 1868 г., 29—31.

главены и кн. Оболенскій съ сенаторомъ Щербининымъ, занявшимъ потомъ должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати; двое послѣднихъ правомъ рѣшающаго голоса не пользовались.

Департаментъ призналъ изданіе новаго цензурнаго устава «столько же необходимымъ, сколько и своевременнымъ». Разногласіе произошло по вопросу о принятой въ проектѣ смѣшанной системѣ цензурныхъ принциповъ, но имѣло видъ довольно странный, потому что противъ всѣхъ выступилъ одинъ Норовъ, прочитавшій „свою“ записку, составленную на скоро Никитенкомъ. Онъ отстаивалъ необходимость введенія всецѣло одной карательной системы и коллегіальности совѣта главнаго управленія при министрѣ. Въ смѣшеніи системъ Норовъ видѣлъ «нестойкость мнѣній при начертаніи устава», въ совѣтѣ—«совершенно безгласное учрежденіе, всѣ рѣшенія котораго уничтожаются почеркомъ пера или словомъ министра». Кромѣ того, онъ находилъ, что цензура продолжаетъ оставаться, но только съ гораздо большимъ произволомъ, чѣмъ прежде: ибо прежде трудные цензурные вопросы рѣшались коллегіально (въ главномъ управленіи цензуры, упраздненномъ 10 марта 1862 г. по желанію Головина, не выносившаго никакой коллегіальности,— *М. Л.*), а теперь — однимъ лицомъ министра». Всѣ остальные члены, въ томъ числѣ и баронъ Корфъ..., находили проектъ вполнѣ удовлетворяющимъ потребности смѣшенія. «Конечно, говорили они—въ это промежуточное время подобная смѣшанная система будетъ имѣть видъ нѣкоторой двойственности, но теперь и не можетъ еще быть рѣчи объ изданіи такого устава книгопечатанія, который составлялъ бы послѣднее слово законодательства въ отношеніи къ сему предмету». По мнѣнію восьми членовъ, «совѣтъ по дѣламъ книгопечатанія, какъ составляющій не самостоятельное учрежденіе, а лишь часть управленія министерства внутреннихъ дѣлъ, долженъ быть образованъ на одинаковыхъ съ совѣтами всѣхъ министровъ основаніяхъ» [1]).

Пораженный хамелеонствомъ предсѣдателя, Норовъ упрекалъ его въ этомъ, но Корфъ, не смущаясь отвѣчалъ:

---

[1]) „Матеріалы etc.“, I, 384—391.

«Да изъ-за чего вы, Авраамъ Сергѣевичъ, горячитесь? Вѣдь, все это пустяки» [1]...

Но ларчикъ просто открывался: сорвавшееся у Корфа въ 1859 году министерство цензуры снова вдругъ было кѣмъ-то выдвинуто, и баронъ, въ чаяніи уже безполезности настоящихъ департаментскихъ засѣданій, разъ цензурѣ была бы дана совершенно иная организація, дѣйствительно, считалъ все это пустяками...

Дальнѣйшее обсужденіе проекта шло уже какъ по маслу. Валуевъ кое-что уступалъ, и потому единогласіе царило до конца. Департаментъ единогласно предлагалъ дать журналамъ (а не газетамъ) право выходить безъ цензуры по собственному желанію; залоги вносились лишь безцензурными изданіями; два первыхъ предостереженія дѣлались министромъ, третье — съ разрѣшенія перваго департамента сената; послѣ третьяго предостереженія, если оно состоялось въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ, считая со времени объявленія перваго, министръ имѣлъ право прекратить изданіе въ продолженіе двухъ лѣтъ со времени третьяго предостереженія. Вотъ и всѣ сколько-нибудь существенныя урѣзки правъ министра.

Что касается порядка производства дѣлъ по нарушеніямъ, совершаемымъ устнымъ словомъ, письмомъ и печатью, то, исходя изъ мысли, что «для дѣлъ прессы хотя и могутъ быть нужны нѣкоторыя особенныя правила судопроизводства, отличныя отъ общихъ, но, ограничиваясь весьма немногимъ, они должны состоять лишь въ нѣсколькихъ изъятіяхъ изъ порядка общаго или въ дополненіяхъ къ нему, строго соглашенныхъ, однако же, съ его основными началами и ни въ какомъ случаѣ не могутъ заключать въ себѣ полнаго, на другихъ основаніяхъ составленнаго, устава судопроизводства»—департаметъ единогласно полагалъ, что дѣла по этимъ преступленіямъ и проступкамъ должны производиться обычнымъ порядкомъ новаго уголовнаго судопроизводства и потому исключилъ изъ проекта всѣ постановленія, допускавшія спеціальный и иной порядокъ судопроизводства.

Такимъ образомъ вопросъ объ обсужденіи важнѣйшихъ дѣлъ печати въ судѣ присяжныхъ былъ отвергнутъ.

---

[2]) *Никитенко*, „Дневникъ“, „Рус. Старина,“ 1891 г., VI, 623—624.

Въ заключеніе департаментъ законовъ выразилъ желаніе о немедленномъ приведеніи въ дѣйствіе новаго закона о печати, не ожидая повсемѣстнаго введенія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года [1]).

Затѣмъ проектъ, исправленный по единогласнымъ заключеніямъ депертамента и мнѣніямъ большинства, внесенъ былъ въ общее собраніе государственнаго совѣта.

Огорченный такимъ исходомъ дѣла съ безрезультатностью своей записки, лишь прикрытый именемъ Норова, Никитенко спросилъ статсъ-секретаря департамента законовъ Заруднаго, — «у васъ всѣ дѣла такъ дѣлаются?» «А то какъ же иначе: разумѣется, такъ»—отвѣчалъ тотъ [2])...

22 февраля, общее собраніе государственнаго совѣта, послѣ ознакомленія со всѣмъ положеніемъ дѣла, выслушавъ доводы Н. А. Милютина, рѣчь котораго, кстати сказать, не была неожиданностью для предсѣдательствовавшаго вел. князя Константина Николаевича, согласилось съ нимъ, что удобнѣе будетъ замѣнить полный уставъ о печати тѣми дополненіями и измѣненіями въ старомъ, которыя можно бы, впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, привести въ дѣйствіе немедленно, но въ видѣ переходныхъ мѣръ, — и обратило все дѣло къ пересмотру въ департаментѣ законовъ.

Такимъ образомъ «честный кузнецъ-гражданинъ», какъ назвалъ Н. А. Милютина Некрасовъ, и въ этой реформѣ сыгралъ не послѣднюю роль—уставъ 1865 г. ему обязанъ своею «временностью»... И не вина Милютина, если эта «временность» продолжается тридцать восьмой годъ... Очень жаль, что «Матеріалы» совершенно не даютъ возможности хоть сколько-нибудь подробно ознакомиться съ интересной, вѣроятно, рѣчью Милютина въ общемъ собраніи государственнаго совѣта.

Въ департаментѣ началась усиленная работа. Говорившіе въ общемъ собраніи члены представили письменно свои мнѣнія. Прежде всего бѣгло и просмотримъ ихъ.

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій доказывалъ между прочимъ, недостаточность трехдневнаго срока нахожденія безцензурнаго изданія на просмотрѣ цензурнаго ко-

---

[1]) „Матеріалы etc"., I, 391—409.

[2]) „Рус. Старина", 1891 г., VI, 625.

митета, такъ какъ при спѣшной работѣ «могутъ быть изданы не только замаскированные переводы нѣкоторыхъ запрещенныхъ сочиненій Бюхнера, Молешота, Бунзена и другихъ, но даже и зажигательнѣйшія изъ ученій Герцена». Соглашаясь на нетребованіе залога отъ издателей ученыхъ органовъ, Его Высочество, тѣмъ не менѣе, останавливалъ вниманіе собранія на томъ, что «г.г. ученые, особенно натуралисты и медики, суть весьма часто матеріалисты по убѣжденію».

Князь П. П. Гагаринъ вполнѣ раздѣлялъ уже извѣстные читателю доводы Норова и потому предпочиталъ отложить введеніе судебно-карательной системы до введенія новаго суда, а тогда же — ограничиться двумя родами предварительной цензуры: предваряющей и пресѣкающей нарушенія закона. Относительно же будто бы неудобной коллегіальной организаціи совѣта по дѣламъ печати возражалъ Валуеву его же словами: какъ можно давать министру единоличное право расправы «при неустановившихся еще у насъ понятіяхъ о томъ, что можетъ быть дозволено къ печати и что подлежитъ запрещенію»,— очевидно, министръ будетъ и самъ часто ошибаться; отъ этого не гарантированъ даже «самый геніальный министръ внутреннихъ дѣлъ». Кромѣ того, Гагаринъ сдѣлалъ еще нѣсколько болѣе мелкихъ поправокъ. Такъ, онъ присоединился къ мысли принца Ольденбургскаго, сказавъ, что «Чернышевскій находилъ, что ученыя изслѣдованія всего удобнѣе для революціонной пропаганды» [1]).

Вспомнилъ Чернышевскаго и ген.-ад. Сухозанетъ, предложившій включить въ уставъ или «заявить гдѣ слѣдуетъ въ порядкѣ административномъ», что на произведенія, написанныя «въ заключеніи въ крѣпости и другихъ мѣстахъ за политическія преступленія», не распространяется право изъятія ихъ отъ предварительной цензуры, какого бы они ни были размѣра и гдѣ бы ни издавались.

Ген.-ад. Игнатьевъ предлагалъ внесеніе залоговъ, всей прессой, а соображенія, что такая мѣра задержитъ количественное ея развитіе, положительно отвергалъ. «Ограниченность числа подписчиковъ на большую часть возрастающаго

---

[1]) Замѣчу кстати, что по общимъ отзывамъ современниковъ, никто такъ не умѣлъ проскакивать сквозь кавдинское ущелье цензуры, какъ Н. Г. Чернышевскій: онъ положительно былъ виртуозомъ этого труднаго дѣла.

количества повременныхъ изданій, — говоритъ онъ, — доказываетъ, что у насъ готовъ обильный запасъ желающихъ быть журналистами, но что потребность въ такомъ множествѣ органовъ общественнаго мнѣнія еще не выразилась. Несоразмѣрность числа журналовъ съ дѣйствительнымъ размѣромъ потребности, убила нашу литературу. Увеличивать число журналовъ искусственными средствами, не представляется основаній. Никому нѣтъ пользы въ томъ, чтобы эти органы общественнаго мнѣнія возникали изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества, для коихъ, какъ выразился департаментъ, представленіе незначительнаго залога было бы почти равносильно прямому воспрещенію предпринимать изданіе. Чѣмъ выше, независимѣе индивидуальное положеніе, тѣмъ безпристрастнѣе сужденіе, тѣмъ болѣе сближаются частные интересы съ общественною пользою».

И. М. Толстой рекомендовалъ исключить изъ правилъ о безцензурности принципъ территоріальности.

Оберъ-прокуроръ синода, гр. Д. А. Толстой, упрекнулъ Головнина и Валуева въ несоблюденіи закона и установившагося на практикѣ порядка, въ силу которыхъ слѣдовало ознакомить предварительно съ проектомъ и синодъ; кромѣ того, по его мнѣнію надлежало бы внести въ уставъ особую статью о томъ, что критическое разсмотрѣніе законовъ, которыми управляетъ церковь, не дозволяется.

Е. П. Ковалевскій поддерживалъ Н. А. Милютина и явился рѣшительнымъ противникомъ административныхъ взысканій.

Но наиболѣе обратившими на себя вниманіе были замѣчанія военнаго министра, Д. А. Милютина, выраженныя имъ, вѣроятно, не безъ вліянія брата.

Прежде всего Милютинъ находилъ, что проектъ Валуева, «несмотря на благія намѣренія составителей, не достигнетъ предположенной цѣли: онъ не удовлетворитъ требованій, заявляемыхъ съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе литературою и публикою, а между тѣмъ, создаетъ новыя затрудненія правительству, которое будетъ неизбѣжно поставлено въ необходимость обращаться по прежнему къ произволу административному во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ новый законъ окажется на практикѣ несостоятельнымъ». А такъ какъ переходъ отъ одной ситемы къ другой немыслимъ ра-

зомъ, то ужъ если останавливаться на мѣрахъ переходныхъ такъ ужъ по крайней мѣрѣ, не на тѣхъ, какія выражаетъ проектъ въ своей полнотѣ, а на такихъ только, которыя могутъ открыть путь къ дальнѣйшимъ улучшеніямъ. Далѣе Милютинъ говорилъ, что только въ такомъ случаѣ «можно смотрѣть снисходительнѣе на *многія* слабыя стороны новаго проекта». Нѣкоторыя изъ нихъ онъ и вскрылъ.

Прежде всего онъ указалъ на кодификаціонный промахъ, которымъ Валуевъ хотѣлъ, конечно, замаскировать самое содержаніе. Первая статья начиналась словами: «изъемлются отъ предварительной цензуры»... «Является вопросъ спрашивалъ Милютинъ: — остается-ли въ новомъ уставѣ предварительная цензура какъ общее правило, а освобожденіе отъ оной только допускается какъ изъятіе? Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы поставить положеніе о цензурѣ первою и главною частью проекта, т. е. положить въ основаніе новаго устава все то законоположеніе, которое существовало донынѣ и которое признается отжившимъ свой вѣкъ»...

Это было ужъ не въ бровь, а въ самый глазъ...

Затѣмъ о правѣ министра не разрѣшать газетамъ безцензурный выходъ. «Рѣшаясь хотя съ какой-либо части литературы снять узду цензуры, правительство тѣмъ самымъ открываетъ арену для свободной борьбы мнѣній, а при этомъ, очевидно, необходимо поставить бойцовъ въ равныя условія. Нельзя пустить на бой человѣка связаннаго противъ вооруженнаго. Въ такомъ случаѣ и побѣда послѣдняго не имѣетъ никакой цѣны». Будучи сторонникомъ ограниченія правъ министра внутреннихъ дѣлъ, Милютинъ замѣтилъ о своей солидарности съ Норовымъ, а въ отвѣтъ на возраженіе противъ коллегіальности совѣта и независимости его говорилъ: «доказывать несостоятельность коллегіальнаго порядка въ этомъ случаѣ значило бы опровергать всѣ лучшія наши учрежденія. Если при этомъ ссылаются на примѣръ совѣтовъ министерствъ, то можно съ другой стороны привести примѣръ военнаго совѣта и адмиралтействъ-совѣта, которые поставлены въ отношенія весьма самостоятельныя къ подлежащимъ министрамъ». Новъ, небывалый и ненормаленъ порядокъ, когда «одинъ изъ министровъ исключительно даетъ направленіе общественному мнѣнію по всѣмъ вопро-

амъ, до какой бы стороны государственной и общественной кизни они ни касались» [1]).

10 и 13 марта происходили послѣднія засѣданія департамента законовъ и опять въ усиленномъ составѣ: были приглашены Н. А. Милютинъ, какъ первый возбудившій въ общемъ обраніи совѣта мысль о замѣнѣ полнаго устава рядомъ тдѣльныхъ законоположеній, Д. А. Милютинъ, Е. П. Ковалевскій, оберъ-прокуроръ синода, гр. Д. А. Толстой, а акже и кн. Оболенскій.

Департаментъ вполнѣ раздѣлилъ мнѣніе общаго собрая, признавъ, что предпочтительнѣе ограничить новый заонъ только тѣмъ, что «въ немъ есть *дѣйствительно новаго* составляющаго прямой поступательный шагъ отъ нынѣшяго порядка вещей, въ каковомъ видѣ этотъ законъ, устраяя многія неизбѣжныя въ противномъ случаѣ недоразугѣнія, произведетъ, конечно, и благопріятнѣйшее впечатлѣніе а умы». Валуевъ противъ этого не протестовалъ. Поэтому оложено было «всѣ существенныя перемѣны и дополненія, мѣющія предметомъ *поощрительныя* для нашей литературы ьготы, совмѣстить въ формѣ именного высочайшаго указа, епосредственно отъ престола исходящаго, а подробности ѣръ и *ограниченій*, нужныхъ для приведенія упомянутыхъ ьготъ въ исполненіе, изложить въ мнѣніи государственнаго овѣта, которое, бывъ удостоено высочайшаго утвержденія, олучитъ одинаковую съ указомъ обязательную силу»...

Когда, такимъ образомъ, былъ рѣшенъ очень... важный опросъ о формѣ, занялись сущностью. Обсуждалось шесть опросовъ.

Во-первыхъ, было положено: «удерживая мысль о введеніи у насъ чисто карательной системы, когда по обстояельствамъ откроется къ тому удобство, на первое время, предь до указанія опыта, ограничиться прежнею смѣшанною истемою».

Во-вторыхъ — признать нормою безцензурности оригильныхъ произведеній—10 листовъ, переводныхъ —20.

Въ-третьихъ, отъ предварительной цензуры освобождагся всѣ донынѣ выходящія въ свѣтъ повременныя изданія, ихъ издатели сами заявятъ на то желаніе. При этомъ, по

[1]) „Матеріалы etc.“, I. 460—488.

замѣчанію Валуева, что сатирическія и юмористическія, а равно и всякаго рода иллюстрированныя изданія требуютъ особеннаго со стороны правительства надзора — положено ихъ отъ предварительной цензуры не избавлять, но и прямо въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ объ этомъ не заявлять, а упомянуть объ этомъ вмѣстѣ съ изданіемъ всякихъ эстамповъ и рисунковъ.

Черточка очень характерная для Валуева, понимавшаго, что дать «Искрѣ» безцензурность — значитъ не только выслушать, но и высмотрѣть такую правду, «что хуже всякой лжи», особенно въ области «льготъ» для печати...

По вопросу объ организаціи совѣта главнаго управленія произошло разногласіе. Литке, Бахтинъ, Норовъ, Ковалевскій, Д. Милютинъ, Ахматовъ, Бутковъ и Н. Милютинъ отстаивали его независимость и коллегіальность. Иначе говоря, два бывшихъ президента цензуры не считали ненормальнымъ прежнее устройство коллегіальнаго главнаго управленія цензуры. Корфъ же..., кн. Долгоруковъ, Замятнинъ, Валуевъ и Головнинъ стояли за его безусловную подчиненность министру, говоря, что старое главное управленіе потому и упразднено, что «вредно отзывалось на власти министра».

По вопросу о судопроизводствѣ по дѣламъ печати положено ограничиться краткими постановленіями, указавъ, что суду, при опредѣленіи по уложенію 1845 года наказаній, предоставляется ихъ смягчать нѣсколькими степенями и даже переходить къ высшей степени ближайшаго низшаго рода наказанія, такъ какъ это уложеніе «чрезмѣрно строго»

Наконецъ, иностранную цензуру положено оставить въ прежнемъ видѣ.

Изъ замѣчаній департамента на отдѣльныя статьи проекта укажу только на разногласіе по поводу опять-таки административныхъ взысканій. Ахматовъ, Бутковъ и Валуевъ поддерживали всецѣло мнѣніе послѣдняго, при чемъ самъ Валуевъ впервые высказалъ причины, благодаря которымъ устранялась, по его мнѣнію, возможность допущенія со стороны министра какихъ-либо произвольныхъ дѣйствій. Они состояли, во-1-хъ, въ условіяхъ, при которыхъ ему дозволялось подвергать изданія предостереженіямъ, во-2-хъ, правомъ издателей жаловаться на него сенату на общемъ

основанiи. «Если же—говорилъ онъ—обязать министра при сдѣланiи повременному изданiю предостереженiя объяснить и причины, вызвавшiя эту мѣру и все сiе высказать послѣ печатно въ подвергнутомъ предостереженiю изданiи, то невозможно допустить мысли, чтобы въ наложенiи означенной мѣры, министромъ руководилъ одинъ произволъ, которымъ онъ могъ бы только возбудить общее негодованiе и потерять свое влiянiе»... Литке и кн. Долгоруковъ третье предостереженiе подчиняли первому департаменту сената, а послѣ него, въ теченiе двухъ лѣтъ, министръ имѣлъ право прекратить изданiе собственной властью,—т. е. повторяли прежнее единогласное мнѣнiе департамента. Баронъ же Корфъ, Бахтинъ, Норовъ, Ковалевскiй, Замятнинъ и оба Милютина считали, что предостереженiя — дѣло министра, но прекращенiе или прiостановка изданiя — компетенцiя перваго департамента сената.

III.

Второе общее собранiе государственнаго совѣта. Утвержденiе его мнѣнiя—законъ 6 апрѣля 1865 г. Нѣкоторыя о немъ замѣчанiя. Комментарiи „Сѣверной Почты", Салтыкова и Некрасова.

Такимъ образомъ въ общее собранiе переданы были проекты: указа правительствующему сенату, учрежденiя главнаго управленiя по дѣламъ печати, правилъ о повременныхъ изданiяхъ, правилъ о типографiяхъ, литографiяхъ и пр., особыхъ правилъ о судопроизводствѣ и правилъ о драматическихъ представленiяхъ.

24 марта состоялось второе общее собранiе государственнаго совѣта, которое и вынесло основу дѣйствующаго и понынѣ устава о цензурѣ и печати. Засѣданiе продолжалось очень недолго. Сначала были разсмотрѣны разногласiя въ департаментѣ. По вопросу объ административныхъ взысканiяхъ постановлено, что министръ дѣлаетъ ихъ совершенно самостоятельно, что третье предостереженiе прiоста-

[1]) „Матерiалы etc.", I, 489—527.

навливаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ изданіе на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ; если же послѣ него министръ признаетъ нужнымъ прекратить изданіе, то входитъ съ представленіемъ въ первый департаментъ сената. Что же касается совѣта главнаго управленія, то онъ подчиняется общимъ постановленіямъ о совѣтахъ министровъ. Главнымъ основаніемъ къ такому рѣшенію послужило заявленіе Валуева, что «онъ можетъ принять на себя отвѣтственность въ успѣшномъ ходѣ предлагаемаго преобразованія въ томъ только случаѣ, когда существующія предполагаемыя имъ нынѣ отношенія министра къ совѣту по дѣламъ печати будутъ оставлены въ своей силѣ». Затѣмъ, послѣ разсмотрѣнія двухъ второстепенныхъ вопросовъ, положено срокомъ для введенія въ дѣйствіе издаваемаго законоположенія назначить 1 сентября 1865 года.

Итакъ, Валуевъ справедливо считалъ себя побѣдителемъ, что видно и изъ его записки 24-го же марта Тройницкому: «Все прошло, предостереженія безъ голосованія, Совѣтъ — 28-ю голосами противъ 14, штатъ — 28 противъ 11, классъ начальника —24 противъ 14. Весь вашъ Валуевъ.»[1])

Оппозиція, значитъ, если и была, то вовсе не по основнымъ вопросамъ устава...

6 апрѣля 1865 г. проектъ закона въ видѣ мнѣнія государственнаго совѣта и указа сенату были высочайше утверждены.

[1]) „Рус. Старина“ 1899 г., IX, 697. Сначала департаменты законовъ и экономіи не соглашались присвоить должности начальника главнаго управленія III классъ, въ которомъ состоятъ товарищи министровъ, сенаторы и государственный секретарь. Валуевъ очень хлопоталъ объ этомъ — онъ такъ любилъ поднимать свой престижъ... Труды его, какъ видимъ, увѣнчались успѣхомъ. Что же касается штатовъ, то пока Валуевъ не примирился съ министромъ финансовъ, Рейтерномъ, до тѣхъ поръ послѣдній былъ противъ увеличенія ассигновки на цензурное вѣдомство въ 27.000 руб. и, съ цѣлью ихъ покрытія, находилъ нужнымъ ввести штемпельный сборъ съ произведеній печати. Валуевъ понималъ, какъ эта мѣра подорветъ готовящійся законъ, который онъ внутри себя и не считалъ вовсе льготой, а потому сильно этому воспротивился. Государственный совѣтъ отвергъ проектъ Рейтерна. Послѣ же примиренія, въ началѣ 1865 г., министръ финансовъ уже не возражалъ противъ штатовъ, и они были одобрены а высочайшее утвержденіе получили 11 апрѣля.

Указъ гласилъ:

«Желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства, Мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, при настоящемъ переходномъ положеніи судебной у насъ части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, нижеслѣдующія перемѣны и дополненія:

I. Освобождаются отъ предварительной цензуры:

а) Въ обѣихъ столицахъ:

1) всѣ выходящія донынѣ въ свѣтъ повременныя изданія, коихъ издатели сами заявятъ на то желаніе;

2) всѣ оригинальныя сочиненія объемомъ не менѣе 10-ти печатныхъ листовъ и

3) всѣ переводы, объемомъ не менѣе 20-ти печатныхъ листовъ.

б) Повсемѣстно:

1) всѣ изданія правительственныя;

2) всѣ изданія академій, университетовъ и ученыхъ обществъ и установленій;

3) всѣ изданія на древнихъ классическихъ языкахъ и переводы съ сихъ языковъ;

4) чертежи, планы и карты.

II. Освобожденные отъ предварительной цензуры повременныя и другія изданія, сочиненія и переводы, въ случаѣ нарушенія въ нихъ законовъ, подвергаются судебному преслѣдованію: повременныя же изданія, кромѣ того, въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ вреднаго направленія, подлежатъ и дѣйствію административныхъ взысканій, по особо установленнымъ на то правиламъ.

III. Завѣдываніе дѣлами цензуры и печати вообще, сосредоточивается при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ высшимъ наблюденіемъ министра, во вновь учрежденномъ главномъ по симъ дѣламъ управленіи.

IV. Дѣйствіе настоящаго указа не распространяется нынѣ:

а) на сочиненія, переводы и изданія, а также мѣста въ нихъ, подлежащія, по дѣйствующимъ постановленіямъ и распоряженіямъ, духовной цензурѣ. Постановленія и распоряженія сіи, равно какъ цензура иностранная, остаются на существующемъ теперь основаніи;

б) на повременныя и другія изданія эстамповъ, рисунковъ и другихъ изображеній съ текстами и безъ оныхъ, которыя подлежатъ дѣйствію цензурнаго устава также на существующемъ основаніи.

«Утвердивъ вмѣстѣ съ симъ и тѣ перемѣны и дополненія, которыя оказываются вслѣдствіе вышеизложенныхъ мѣръ, необходимыми въ подробностяхъ дѣйствующихъ нынѣ касательно печати постановленій, повелѣваемъ правительствующему сенату сдѣлать къ обнародованію сей Нашей воли надлежащее распоряженіе съ тѣмъ, чтобы она приведена была въ исполненіе съ 1-го сентября текущаго года».

Законъ въ этой части былъ озаглавленъ: *„о дарованіи нѣкоторыхъ облегченій и удобствъ отечественной печати“* [1]) Вторая же часть его — о главномъ управленіи, о повременныхъ изданіяхъ, о типографіяхъ и пр.—была обнародована въ особомъ указѣ: «О нѣкоторыхъ перемѣнахъ и дополненіяхъ въ дѣйствующихъ нынѣ цензурныхъ постановленіяхъ» [2]).

Не входя въ ознакомленіе читателя съ подробностями новаго законоположенія, что ему удобнѣе сдѣлать самому, обратясь къ неофиціальнымъ изданіямъ устава о цензурѣ и печати З. Мсеріанца или В. Ширкова, гдѣ есть не только остатки закона 1828 г. и законъ 1865 года, но и всѣ послѣдовавшія за тѣмъ сепаратныя распоряженія,— и смѣя лишь увѣрить его, что такой небольшой трудъ, особенно съ помощью опытныхъ юристовъ, доставитъ ему немало удовольствія [3]), — я замѣчу только, что, кромѣ тѣхъ существенныхъ ограниченій, которыя заключаются въ самомъ указѣ (напримѣръ, п. 1 *а* I ограниченъ п. *б*. IV; п.п. 2 и 3 *а* I ограни-

---

[1]) Пол. Собр. Законовъ, 2-е, т. XL, № 41988.

[2]) Ibidem, № 41990.

[3]) Обращаю вниманіе на послѣднюю книгу г. Арсеньева или IV и VI книжки „Вѣстникъ Европы“ за 1867 г.; на статью г. Фойницкаго: или въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“ подъ ред. В. П. Безобразова, изд. 1875 г., томъ II, или въ его сборникѣ „На досугѣ“ 1900 г.; и на книгу г. Головачева „Десять лѣтъ реформъ“ или на I книжку „Вѣстника Европы“ за 1871 г. Очень небезполезно также проштудировать статью г. Розенберга въ сборникѣ „На славномъ посту“ изд. 1900 г., держа при этомъ подъ рукой статью г. Бочучарскаго „Цензурныя взысканія“ въ 75-мъ полутомѣ словаря Брокгауза и Ефрона.

чены п. *a* IV), болѣе существенными по содержанію указа были слѣдующія.

Напрасно бы стали предполагать, что въ 1865 г. у насъ была напечатана хоть одна строка безъ цензурнаго просмотра. § 25 правилъ 6 апрѣля 1865 года о повременныхъ изданіяхъ обязывалъ ихъ издателей, въ случаѣ освобожденія отъ предварительной цензуры, представлять въ цензурные комитеты ежедневныя и еженедѣльныя изданія одновременно съ приступомъ къ печатанію номера, всѣхъ другихъ — за два дня до разсылки послѣдняго подписчикамъ и въ продажу. Въ правилахъ же о типографіяхъ, литографіяхъ и металлографіяхъ, безъ помощи которыхъ ни одна печатная строка не сдѣлается таковой, было сказано, что всякое сочиненіе безъ предварительной цензуры, кромѣ «объявленій присутственныхъ мѣстъ и произведеній, имѣющихъ предметомъ общежитейскія и домашнія потребности, какъ-то: свадебные и разные другіе пригласительные билеты, визитныя карточки, этикеты, прейсъ-куранты, объявленія о продажѣ вещей, о перемѣнѣ квартиры и т. п.», — можетъ быть выпущено въ свѣтъ не прежде, какъ по истеченіи трехдневнаго срока съ полученія росписки въ принятіи цензурнымъ комитетомъ узаконеннаго числа экземпляровъ (§§ 12, 13).

Но и это еще не все, суживающее отдѣлы I и II указа. Непосредственно до послѣдняго относилась ст. 14 правилъ о типографіяхъ: «въ тѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда, по значительности вреда, предусматриваемаго отъ распространенія противузаконнаго сочиненія или повременнаго изданія, наложеніе ареста не можетъ быть отложено до судебнаго о семъ приговора, совѣту главнаго управленія и цензурнымъ комитетамъ предоставляется право немедленно останавливать выпускъ въ свѣтъ сего сочиненія, не иначе, впрочемъ, какъ начавъ въ то же самое время судебное преслѣдованіе противъ виновнаго».

При разрѣшеніи новаго органа прессы министру предоставлялось право дозволить его или безъ предварительной цензуры или съ нею.

Залоги вносились всей прессой, кромѣ подцензурной, чисто-ученой, хозяйственной или технической и офиціальной.

Отвѣтственными лицами за содержаніе напечатанныхъ произведеній могли быть и сочинитель, и издатель, и типографщикъ, и книгопродавецъ и редакторъ. Судебныя дѣла о печати, впредь до введенія въ дѣйствіе уставовъ 20 ноября 1864 г., вѣдались въ особыхъ присутствіяхъ уголовной палаты, образуемыхъ для этого въ двухъ столицахъ, а по апелляціи поступали въ сенатъ.

Если сюда прибавить, что законъ 6 апрѣля былъ лишь *дополненіемъ* къ закону 1828 года, что теперь печать регламентировалась амальгамой, изъ закона 1828 г., «временныхъ правилъ» 12 мая 1862 г. и всѣхъ сепаратныхъ распоряженій съ 1828 г. не отмѣненыхъ этими правилами и послѣ нихъ изданными, то у читателя отнюдь не должно оставаться ложное убѣжденіе, будто съ 1 сентября 1865 года русская печать вступала въ *новую* жизнь. Указъ 6 апрѣля былъ не больше, какъ частицей дѣйствующаго обширнаго закона.

На другой день послѣ его опубликованія, въ «Сѣверной Почтѣ» появилась, разумѣется, передовая статья, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ привѣтствовавшая новое «доказательство неослабности духа прогрессивныхъ реформъ».

«Литература — сама составляетъ одно изъ важнѣйшихъ проявленій жизни общества, и правительство, — писалъ органъ Валуева, — въ постоянномъ попеченіи объ общественномъ благѣ, не могло не обратить на нее своего вниманія, тѣмъ болѣе, что призывало ее къ обсужденію почти всѣхъ тѣхъ преобразованій, которыя оно само вырабатывало путемъ законодательнымъ. Установить опредѣленныя правила, согласныя съ современными потребностями и условіями нашего государственнаго и общественнаго быта было дѣломъ необходимости и, скажемъ болѣе, дѣломъ справедливости, ибо дѣйствовавшія доселѣ цензурныя постановленія, по своей недостаточности, не могли уже служить прочнымъ обезпеченіемъ интересовъ государства и общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ стѣсняли, во многихъ случаяхъ безъ нужды, дѣятельность литературную...

«...Въ законодательствѣ допущено одновременное существованіе системы предварительной и карательной. Не трудно уразумѣть, почему не признано полезнымъ вовсе отмѣнить предварительную цензуру. Однообразіе системы, дѣйствительно, было бы желательно и прекращеніе такъ

называемой цензурной опеки — впрочемъ, многими предпочитаемой излишне строгому карательному преслѣдованію— точно, приноситъ съ собою весьма важныя выгоды. Но все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ свое время. Свобода печати, при огражденіи ея самой — отъ произвольныхъ преслѣдованій, а общества—отъ ея злоупотребленій, возможна лишь тогда, когда рядомъ съ нею существуютъ государственныя учрежденія, достигшія своего полнаго развитія. Не вполнѣ созрѣвшій политическій организмъ или стѣсняетъ свободу печати, или самъ находится подъ ея гнетомъ. Такова дилемма, ежедневно подтверждаемая примѣрами тѣхъ странъ, гдѣ предварительная цензура уже отмѣнена; дилемма, сила которой неотразима, исходъ изъ которой одинъ: постепенное, соразмѣрное развитіе всего государственнаго и общественного строя. Полное освобожденіе печати отъ предварительной опеки только въ такомъ случаѣ и плодотворно. Вотъ почему самые жаркіе, но вмѣстѣ и разумные сторонники свободы печати предпочитаютъ, какъ сказано, предварительную цензуру нестройному дѣйствію карательныхъ законовъ, не обставленныхъ прочными учрежденіями» [1])...

Въ слѣдующемъ номерѣ выяснялось, почему вновь разрѣшаемыя изданія не въ правѣ выходить безъ предварительной цензуры, если не получатъ соотвѣтствующаго разрѣшенія министра:

«При слабости общественнаго мнѣнія журналы не столько служатъ выраженіемъ мнѣній общества, сколько предлагаютъ самому обществу мнѣнія публицистовъ. Это — весьма рѣзкій признакъ нашей незрѣлости, который не позволяетъ заблуждаться на счетъ нашей политической развитости, и потому и не принять его въ соображеніе при составленіи законодательства о печати было бы невозможно. Въ такомъ положеніи періодической прессы и общества едва-ли можетъ быть желательно, чтобъ основаніе новыхъ журналовъ было облегчено не въ мѣру».

По мнѣнію «Сѣверной Почты», конкурренція не дала бы ничего, кромѣ желанія массы изданій, если бы они были разрѣшены, угодить толпѣ «громкими фразами, рѣзкостью тона, крайностью мнѣній». Литература, слѣдовательно, пала

---

[1]) 1865 г., № 82.

бы, а законодатель хотѣлъ, наоборотъ, ея процвѣтанія. Вотъ почему «административный произволъ, въ которомъ обыкновенно упрекаютъ законодательство, стремящееся подчинить печать регламентаціи и административному надзору, являются у насъ не задержкою на пути развитія литературы, а мѣрою необходимой и благоразумной осторожности. Законодатель, который видитъ въ литературѣ славу своего отечества, одно изъ доказательствъ его процвѣтанія и средство къ общественному преуспѣянію, не можетъ смотрѣть равнодушно на причины, которыя ведутъ ее къ неминуемому упадку. Напротивъ, онъ считаетъ одною изъ своихъ важнѣйшихъ обязанностей изыскивать способы къ ея процвѣтанію. Способы эти — постепенность въ развитіи законодательства, соотвѣтственность его развитію политической и умственной жизни общества и государственныхъ учрежденій» [1]).

Это болѣе понятно...

Наконецъ, черезъ нѣсколько дней органъ цензурнаго вѣдомства прямо заявилъ: «скажемъ откровенно, что литература проявила свою силу болѣе въ отрицаніи, болѣе въ стремленіи къ разрушенію, чѣмъ въ созиданіи, чѣмъ въ охраненіи, въ которыхъ обнаруживается истинная мудрость. Иниціатива полезнаго не во многомъ принадлежала литературѣ» [2]).

Ну, а теперь понятно все...

Никитенко опредѣляетъ «новое доказательство прогресса» гораздо короче: «новые законы о печати можно по справедливости назвать *валуевскими*» [3]). Это очень цѣнное опредѣленіе въ устахъ члена стараго (до 1 сентября) совѣта министра по дѣламъ книгопечатанія. Немногіе изъ сферы бюрократіи понимали истинное значеніе новаго закона. Никто, конечно, не станетъ спорить, что онъ, все-таки, лучше, чѣмъ полностью весь старый порядокъ, при которомъ царилъ произволъ массы досмотрщиковъ за мыслью и словомъ, но нельзя же акту 6 апрѣля придавать дѣйствительно серьезно эпитеты, «великій», «освободительный» и т. п. И это все съ точки зрѣнія льготъ.

---

[1]) 1865 г., № 83.

[2]) 1865 г., № 87.

[3]) „Рус. Старина“, 1891 г., VI, 638.

А сколько было въ немъ новыхъ стѣсненій... Какъ жаль, что участвовавшій въ выработкѣ этого закона проф. Андреевскій, только спустя пятнадцать лѣтъ, понялъ ту истину, которая должна была быть ясна ему гораздо раньше. «Особенно въ Россіи — писалъ онъ въ 1880 году, — гдѣ политическія истины распространяются весьма медленно, гдѣ еще въ сильномъ ходу политическіе предразсудки, отношеніе къ печати должно быть весьма бережное. Самому правительству выгодно лелѣять политическую печать» [1]). Этого-то убѣжденія и не было ни у Валуева — человѣка безъ всякихъ, впрочемъ, твердыхъ убѣжденій, — ни у другихъ, участвовавшихъ въ обсужденіи закона 6 апрѣля. Иначе чѣмъ объяснить странную историческую ошибку: то, что въ видѣ закона 1852 года, было принято во Франціи, какъ шагъ несомнѣнно реакціонный, у насъ почиталось «облегченіемъ», «льготой»?.. Вотъ почему правъ былъ Салтыковъ, отвѣчая уловляющему его Удаву: «у насъ все существуетъ, ваше превосходительство, только намъ не всегда это извѣстно. Я знаю, что многіе отрицаютъ существованіе свободы печати, но я — не отрицаю»... [2])

Того же діапазона и некрасовскіе «Литераторы»:

„Три друга обнялись при встрѣчѣ,
Входя въ какой-то магазинъ.
— „Теперь пойдутъ иныя рѣчи"!
Замѣтилъ весело одинъ.
— „Теперь насъ ждутъ просторъ и слава!"
Другой восторженно сказалъ.
А третій посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ!"

Здѣсь очень мѣтко схвачено двойственное отношеніе печати къ новой «льготѣ». Но объ этомъ позже, а сейчасъ мы ознакомимся съ цензурной практикой до введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля и съ тѣми распоряженіями, которыя обусловливали его вступленіе въ жизнь.

---

[1]) „О ходѣ распространенія въ русскомъ обществѣ политическихъ знаній." „Рус. Старина", 1880 г., II, 411.

[2]) „За рубежемъ", Полное собраніе соч., изд. 4-е, VIII. 428.

IV.

Защита Аракчеева. Молчаніе о земствѣ. „Народная Лѣтопись“ и ея пріостановка. „Земскія силы“ Боборыкина.

Валуевъ былъ вѣренъ себѣ — кромѣ «Вѣсти» и «Народной Лѣтописи», ни одно изданіе не понесло кары на основаніи стараго порядка вещей. Это-ли не была уже «свобода»?.. Цензура, конечно, дѣйствовала по-прежнему... Въ серединѣ февраля В. Ѳ. Коршъ писалъ: «въ настоящее время цензура хуже и безумнѣе чѣмъ когда-нибудь» [1]). Въ «Библіотекѣ для Чтенія», еще въ 1864 году, были такія строки: «А припомните Сивиллу нашего времени, Анастасію Ѳедоровну Минкину, — солдатку по званію, полновластную госпожу надъ нероновскимъ быкомъ, тяготѣвшимъ надъ войсковымъ селеніемъ. Анастасія Минкина была чернымъ знаменемъ и не одного Грузина: ей поклонялись съ явнымъ трепетомъ и съ тайнымъ проклятіемъ всѣ звѣзды цѣлаго поселенія; за этой бабой, съ покорностью заговоренной змѣи, ползалъ ея ручной удавъ, Алексѣй, который сжималъ своими смертельными пальцами половину чиновной Россіи — всасывая ее въ Ильменскія трясины» [2]).

Предсѣдателю петербургскаго цензурнаго комитета уже 10 февраля сообщалось, что «совѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія, находя иронію этой статьи неприличною, а слишкомъ прозрачные намеки оной неумѣстными», предоставилъ предсѣдателю «обратить вниманіе цензора помянутаго журнала на указанныя выше выраженія».

Положительно, Аракчеевъ долженъ быть благодаренъ своему вѣчному заступнику, Валуеву — это уже не первый разъ, что «либеральный» министръ» вставалъ на защиту «ручного удава Алексѣя».

---

[1]) *М. Песковскій* „Баронъ Н. А. Корфъ въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ“, „Рус. Старина“, 1894 г., IV, 70.

[2]) *Д. И. Минаевъ*, „До-петровская женщина“, „Библіотека для Чтенія“ 1864 г., IX. Вмѣсто Минкина вездѣ набрано „Миткина“, а вмѣсто Грузина — „Друзино“: очевидная маскировка въ видахъ цензуры.

Въ мартѣ губернаторы получили очень пространный конфиденціальный циркуляръ, по поводу веденія губернскихъ вѣдомостей, откуда я приведу лишь немногое, касающееся столь тѣснимаго Валуевымъ земства:

«...При этомъ обращаю особенное вниманіе губернскаго начальства на обнародованіе въ губернскихъ вѣдомостяхъ свѣдѣній по открывающемуся нынѣ въ губерніяхъ земскому дѣлу. Правительство, допуская полную свободу въ обсужденіи земскими собраніями дѣлъ, предоставленныхъ ихъ разсмотрѣнію, не препятствуетъ печатанію журналовъ ихъ засѣданій съ полнымъ изложеніемъ всего въ нихъ происходившаго. Но эти журналы въ полномъ ихъ объемѣ назначаются, собственно, къ свѣдѣнію и для соображеній г.г. гласныхъ. Сообщеніе же ихъ вполнѣ публикѣ въ губернскихъ вѣдомостяхъ можетъ быть сопряжено съ существенными неудобствами, такъ какъ въ соображеніяхъ могутъ иногда высказываться мнѣнія и предположенія, несогласныя съ видами правительства, и которыя, конечно, не найдутъ своего осуществленія въ постановленіяхъ собраній, но тѣмъ не менѣе распространять въ массѣ читателей все, что говорилось въ собраніяхъ, нѣтъ ни надобности, ни пользы. А потому дозволяется разрѣшать къ печатанію въ губернскихъ вѣдомостяхъ не полные журналы или протоколы земскихъ собраній, въ формѣ офиціальныхъ документовъ, а только извлеченіе изъ нихъ, въ такомъ объемѣ и видѣ, въ какомъ начальникъ губерніи, по личному своему соображенію, признаетъ удобнымъ къ распространенію въ публикѣ» [1]).

Въ виду многихъ аналогичныхъ распоряженій нельзя довѣрять свидѣтельству Благосвѣтлова, лишь выраженному Шелгуновымъ: «Благосвѣтловъ пишетъ мнѣ, что цензура стала теперь легче. А, впрочемъ, во второй моей статьѣ о «Тотьмѣ» цензоръ вычеркнулъ «Овенъ»; только одну фамилію и больше ничего. Не знаю, почему ему не понравилось имя Овенъ. Нѣкоторое ослабленіе цензуры объясняется тѣмъ, что государь замѣтилъ, что литература стала скучной.

---

[1]) „Сборникъ распоряженій по дѣламъ печати etc.“, 47—48.

и издатели постоянно попадаютъ въ долговыя отдѣленія» [1]).

Показаніе Благосвѣтлова относится къ началу апрѣля и, очевидно, плохо провѣрено имъ. «Русское Слово», вѣроятно, случайно прожило болѣе или менѣе спокойно одну, двѣ книжки — вотъ и «легче». Факты говорятъ совсѣмъ другое и, кромѣ уже приведенныхъ, укажу на пріостановку «Народной Лѣтописи».

Эта газета замѣчательна, прежде всего, своей неизвѣстностью. Лишь г. Лисовскій упомянулъ ее въ своемъ извѣстномъ трудѣ; затѣмъ ни въ словарѣ Брокгауза и Ефрона, ни въ словарѣ г. Венгерова, ни въ другихъ источникахъ о ней нѣтъ ни слова. Между тѣмъ, оказывается, газета эта интересна, прежде всего потому, что основана сотрудниками «Современника», Ю. Г. Жуковскимъ и А. Ф. Головачевымъ, не могшими вполнѣ уложить своего журнальнаго темперамента въ ежемѣсячное изданіе. Редакторомъ былъ избранъ и утвержденъ извѣстный беллетристъ Н. Д. Ахшарумовъ. Выходъ газеты два раза въ недѣлю былъ очень удобенъ именно для людей занятыхъ журналомъ: не требовалось той страшной энергіи, которая нужна для ежедневной газеты, но зато была возможность отозваться на все довольно быстро и съ большею игривостью, чѣмъ въ журналѣ.

По словамъ М. А. Антоновича, отъ котораго мною получены вообще свѣдѣнія о «Народной Лѣтописи», Елисеевъ и А. Н. Пыпинъ не принимали въ ней участія.

Первый номеръ газеты былъ выпущенъ 2 марта 1865 г. Ни цензура, ни читатели не знали ея сотрудниковъ — подписей не было, кромѣ двухъ псевдонимовъ подъ фельетонами. Съ начала до конца «Народная Лѣтопись» была органомъ чисто публицистическимъ, и потому нѣкоторые отдѣлы въ ней отсутствовали. Особенное вниманіе обращалось, съ одной стороны — на рабочій вопросъ, освѣщавшійся съ точки зрѣнія очень и очень неблагопріятной для предпринимателей и правительствъ Западной Европы, съ

[1]) *Л. Шелгунова*, „Изъ далекаго прошлаго“, Спб., 1901 г., 168.

другой — на такіе суррогаты гласности, какимъ былъ «Голосъ». Общій тонъ газеты — безусловно боевой, читатель предполагался исключительно прогрессивный.

Такъ шло до середины апрѣля. 12 апрѣля скончался наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ, 13-го всѣ газеты вышли съ траурной каймой — «Народная Лѣтопись» (№ 11) — безъ нея и даже безъ извѣщенія о смерти... 14-го апрѣля былъ убитъ президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Линкольнъ, 16-го — «Народная Лѣтопись» выходитъ съ траурной каймой и съ сообщеніемъ: «Извѣстія изъ Нью-Йорка отъ 4 (15 апрѣля) сообщаютъ слѣдующую роковую и горестную новость: «Президентъ Линкольнъ прошлою ночью застрѣленъ убійцею. Онъ скончался сегодня»... Этотъ 12-й номеръ былъ послѣднимъ...

Единственное указаніе на катастрофу съ «Народной Лѣтописью» встрѣчаемъ въ «Дневникѣ» Никитенка, да и то перепутанное.

«По полученіи офиціальнаго извѣстія о смерти наслѣдника, всѣ газеты вышли съ траурной каймою, «Лѣтопись» — безъ нея. Но когда получена была депеша о смерти Линкольна, газета эта облеклась въ трауръ. Это ближайшая причина запрещенія. Но главная причина та, что около этой газеты сгруппировались послѣдователи Чернышевскаго — Антоновичъ, Елисеевъ, кажется, и Лавровъ и проч. Третье отдѣленіе, тотчасъ по основаніи газеты, обратило на нее вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ. А вотъ теперь, при случаѣ, она и прямо высказалась»[1]).

«Лѣтопись» была прекращена на 5 мѣсяцевъ, но съ сентября не возобновлялась[2]).

Въ концѣ апрѣля Валуевъ обратилъ вниманіе петербургской цензуры на шедшій съ января въ «Библіотекѣ для Чтенія» романъ П. Д. Боборыкина — «Земскія силы». По мнѣнію совѣта министра — тамъ «проводится въ самомъ нигилистическомъ смыслѣ апоѳеоза свободной любви, при чемъ авторъ употребляетъ относительно всѣхъ женщинъ

---

[1]) „Рус. Старина", 1891 г., VI, 642. Выше Никитенко называетъ газету: „Русская Лѣтопись". Лавровъ тоже не участвовалъ въ ней.

[2]) Въ статьѣ г. Богучарскаго о цензурныхъ взысканіяхъ кара эта тоже пропущена.

высшихъ сословій, соблюдающихъ законы приличія, самыя рѣзкія выраженія, какъ, напримѣръ, «куклы», «сосудъ бездушія», «комнатная собачка» и, наконецъ, — «гетеры высокоприличной проституціи»... Позже, въ іюнѣ, за тѣ же «Земскія силы» цензору былъ объявленъ строгій выговоръ: въ главѣ «Некрасиво» былъ помѣщенъ разсказъ объ обольщеніи губернаторомъ Мячковымъ двухъ питомицъ института, да еще въ зданіи послѣдняго; на страницахъ же 20 и 21 (іюньской книжки) увидѣли описаніе одного «высокопоставленнаго лица, скрытаго подъ очень прозрачнымъ псевдонимомъ» [1]).

Такова была практика стараго «порядка».

V.

Валуевъ усиленно подготовляетъ почву для насажденія новаго закона.

Между тѣмъ, общественное настроеніе продолжало быть страшно сумбурнымъ. Съ одной стороны паденіе Муравьева-Виленскаго, съ другой — награжденіе его графскимъ титуломъ. Съ одной стороны радость за безвластіе «людоѣда», съ другой — масса поздравленій ему и благодарственныхъ адресовъ со всѣхъ концовъ Россіи. Съ одной стороны вѣра въ матеріализмъ, съ другой — начавшееся увлеченіе спиритизмомъ. А кому неизвѣстно, въ какія эпохи русское общество отдавалось во власть всевозможныхъ заоблачныхъ мечтаній, не исключая всякихъ идеализмовъ? Достаточно припомнить, что наибольшій расцвѣтъ, напримѣръ спиритизма, совпадаетъ у насъ за послѣднее время съ 1883—95 годами... А тутъ еще снова пожары, такъ глубоко разбившіе единодушіе русскаго общества всего три года назадъ. Въ оффиціальномъ органѣ, «Русскомъ Инвалидѣ», прямо объявлялось о существованіи особой организаціи поджигателей, во главѣ которой стояла, де, польская партія, успѣшно «дѣйствующая съ помощью русскихъ «загра-

---

1) „Сборникъ распоряженій etc.“, 48, 50—51.

ничныхъ ренегатовъ»[1]). Въ августѣ дѣлается распоряженіе о вызовѣ изъ-за границы всѣхъ академиковъ...

Валуевъ, уже не стѣснявшійся два года, теперь еще болѣе открыто выступаетъ съ программой подавленія литературы. Ей это, конечно, не говорится, но отъ совѣта не скрывается. Никитенко прямо записываетъ:

«Литературу нашу, кажется, ожидаетъ лютая судьба. Валуевъ достигъ своей цѣли: онъ забралъ ее въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ. Худшаго господина она не могла получить. Сколько я могу судить по нѣкоторымъ убѣдительнымъ даннымъ, онъ, кажется, замыслилъ огромный планъ — уничтожить въ ней всякія «нехорошія поползновенія» и сдѣлать ее «вполнѣ благомѣренною», т. е. сдѣлать то, что не состояніи были, да едва-ли и хотѣли сдѣлали, до 1855 г. Тогда люди власти презирали литературу, но едва-ли считали возможнымъ сформулировать ее какъ-нибудь на свой ладъ. Валуевъ, повидимому, считаетъ это возможнымъ. Онъ, должно быть, также точно презираетъ всякое умственное движеніе, какъ презирали его въ пред-

---

[1]) 1865 года, № 171. Какъ извѣстно, „Московскія Вѣдомости“, „Голосъ“, „Кіевлянинъ“ и другіе аналогичные органы создали въ 1865 г. гнусную легенду о тульчинскомъ агентствѣ поджигателей, будто бы организованномъ Герценомъ... По этому поводу Герценъ напечаталъ въ „Opinion Nationale“ (№ 242) горячій протестъ, требуя отъ своихъ обвинителей хоть какихъ-нибудь доказательствъ. Въ Россіи онъ не отвѣчалъ на эти клеветы. Между тѣмъ, г. Батуринскій, въ статьѣ „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые“ („Всемірный Вѣстникъ“ 1903 года, III, 62—63) категорически утверждаетъ: „Настойчивость этихъ обвиненій заставила, наконецъ, Герцена протестовать въ русской *легальной* (курсивъ подлинника—*М. Л.*) печати, и онъ напечаталъ въ газетѣ „Отголоски“ слѣдующее письмо“... Затѣмъ идетъ указаніе на № „Отголосковъ“ 1864 г. и самое содержаніе письма. Во-первыхъ, въ 1865 году газеты „Отголосковъ“ не было нигдѣ. Во-вторыхъ, съ 3 іюня 1865 года, дѣйствительно, появились „Отголоски“, но не въ Россіи, а въ Брюсселѣ. Они назывались: „Отголоски Русской Печати, L'écho de la presse russe, Echo der russicher presse“, и, выходя два раза въ недѣлю на трехъ языкахъ одновременно, редактировались и издавались Шедо-Ферроти въ теченіе 1865—67 г.г. Въ третьихъ, по содержанію письма Герцена, приводимому г. Батуринскимъ, ясно, что оно принадлежитъ 1865 году, но въ этихъ „Отголоскахъ“ найти его мнѣ не удалось. Вообще къ цитатамъ г. Батуринскаго надо относиться осторожно — иногда онѣ страдаютъ серьезными неточностями.

шествовавшее время, и думаетъ, что административныя мѣры выше и сильнѣе всякой мысли... Понятно, что вся пишущая братія сильно переполошилась. Журналисты, по крайней мѣрѣ петербургскіе, какъ слышно, условились, подчиниться, по прежнему предварительной цензурѣ и это въ ихъ положеніи, можетъ быть, было бы самое разумное. Но вотъ что мнѣ сегодня говорилъ Фуксъ, наперсникъ и эхо Валуева: „министру извѣстно, на что намѣрены рѣшиться журналисты, но они жестоко ошибутся. Если они захотятъ оставаться подъ цензурой, то и получатъ ее, но такую, которая будетъ несравненно сильнѣе до-реформенной. Волею или неволею они должны будутъ эманципироваться“. Какая удивительная эманципація! — А тогда уже дѣло пойдетъ новымъ порядкомъ. Какимъ?—Валуевскимъ?» [1])

Никитенко не ошибся. Фуксъ на этотъ разъ говорилъ правду.

Читатели уже знаютъ, что, собственно говоря, подцензурность безцензурныхъ изданій была регламентирована въ правилахъ о типографіяхъ. Ясно, что послѣднія съ закономъ 6 апрѣля пріобрѣли очень важное значеніе. 10 августа Валуевъ обратился съ циркуляромъ къ губернаторамъ, въ которомъ далъ имъ указанія порядка разрѣшенія типографій. «Выдача дозволенія или отказъ въономъ зависитъ — писалъ онъ — исключительно отъ ближайшаго усмотрѣнія подлежащей власти, и должны быть, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, результатомъ убѣжденія, что выдаваемое дозволеніе заключаетъ въ себѣ, по возможности, гарантіи противъ всякихъ злоупотребленій.

«Такія гарантіи преимущественно представляются: во 1-хъ, въ возможности достаточнаго мѣстнаго полицейскаго надзора, и во 2-хъ, въ благонадежности лицъ, коимъ выдается дозволеніе.

«Отсюда слѣдуетъ, что дозволеніе на открытіе типографій и заведеній, производящихъ и продающихъ принадлежности тисненія, а также книжныхъ лавокъ, должно быть выдаваемо лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ имѣются достаточныя средства для полицейскаго надзора, а именно: въ губернскихъ и въ болѣе значительныхъ уѣзд-

---

[1]) „Рус. Старина“ 1891 г., VI, 643—644.

ныхъ городахъ, но отнюдь не въ селеніяхъ». Это было первое условіе, совершенно не вошедшее въ законъ и государственнымъ совѣтомъ непредусмотрѣнное... Затѣмъ, «самое число дозволенныхъ по каждой отдѣльной мѣстности заведеній должно находиться въ полной соотвѣтственности со средствами полиціи, при чемъ открытіе книжныхъ лавокъ, какъ наиболѣе удобныхъ для полицейскихъ осмотровъ, можетъ быть разрѣшаемо въ большей мѣрѣ, чѣмъ, напримѣръ, типографій, литографій, словолитенъ и металлографій, надзоръ за которыми требуетъ особой бдительности и спеціально предназначенныхъ для сего лицъ» — второе. Наконецъ", при разрѣшеніи къ открытію вообще сихъ заведеній надлежитъ отклонять домогательства объ устройствѣ ихъ въ глухихъ частяхъ городовъ и настаивать на томъ, чтобы эти заведенія были устраиваемы на болѣе многолюдныхъ и центральныхъ улицахъ и площадяхъ» — третье.

«...Что же касается до благонадежности лицъ, ходатайствующихъ о выдачѣ имъ дозволеній на открытіе типографій и т. п., то надлежитъ наблюдать, чтобы сіи лица имѣли хотя нѣкоторое общее образованіе, сверхъ спеціальнаго знанія своего дѣла. Независимо отъ сего, эти лица должны обладать полною гражданскою правоспособностью и быть лично благонадежны. Лица же, которыя состоятъ подъ слѣдствіемъ и судомъ за политическія преступленія или нарушенія правилъ о книгопечатаніи и были признаны виновными, или навлекли на себя въ виновности сильное подозрѣніе, должны быть безусловно отстраняемы отъ полученія дозволеній»—четвертое и пятое [1])...

23-го августа, т. е. за недѣлю до вступленія въ силу закона 6-го апрѣля, цензора столичныхъ цензурныхъ комитетовъ получили инструкцію, которая еще болѣе открываетъ ключъ къ реформѣ.

Приведя первый отдѣлъ указа сенату, Валуевъ продолжалъ:

«Съ освобожденіемъ означенныхъ изданій отъ цензуры, измѣняются *существенно* лежащія нынѣ на цензорахъ обязанности. Вмѣсто предварительнаго разсмотрѣнія предназначенныхъ къ печатанію произведеній, они должны будутъ

---

[1]) „Сборникъ распоряженій etc.", 53—55.

разсматривать уже отпечатанныя произведенія. Этотъ новый порядокъ отправленія цензурныхъ обязанностей устанавливаетъ не только новыя исполнительныя формы, отличныя отъ прежнихъ и изложенныя въ особо утвержденныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ правилахъ[1]), но измѣняетъ самое *свойство* цензорской дѣятельности. По общей же, *внутренней связи*, которую представляютъ между собою всѣ произведенія частной прессы, какъ изъятыя отъ цензуры, такъ и остающіяся подъ нею, настоящее измѣненіе свойства цензорской дѣятельности распространяется въ примѣненіи къ изданіямъ *обѣихъ* категорій, хотя и въ различной степени.

«Существо обязанностей цензора заключается въ наблюденіи, чтобы пресса не выходила изъ круга дѣятельности, предоставленнаго ей по закону въ видахъ государственной, общественной и частной пользы. Въ отношеніи къ предварительному просмотру, цензоръ дѣйствуетъ предупредительною властью, въ смыслѣ предупрежденія нарушенія законовъ; въ отношеніи къ изъятымъ отъ предварительнаго просмотра произведеніямъ, онъ дѣйствуетъ властью преслѣдовательною, въ смыслѣ пресѣченія совершоннаго уже нарушенія закона и преслѣдованія виновныхъ въ семъ нарушеніи. Въ первомъ случаѣ цензоръ только дозволяетъ или запрещаетъ, во второмъ случаѣ цензоръ несетъ болѣе сложныя обязанности, ибо долженъ разрѣшить цѣлый рядъ вопросовъ.

«Вопросы эти слѣдующіе: а) заключается-ли нарушеніе закона въ отпечатанномъ произведеніи? б) если фактъ нарушенія существуетъ, то слѣдуетъ-ли оный подвергнуть преслѣдованію? в) если слѣдуетъ начать преслѣдованіе, то въ какой формѣ должно быть формулировано первоначальное обвиненіе?

«Отвѣты на эти вопросы должны проистекать не только изъ *прямого* разрѣшенія представившейся *юридической* задачи, но и изъ *другихъ соображеній*, основанныхъ на *внутреннихъ* мотивахъ совершоннаго преступленія, на современномъ состояніи умовъ и политическихъ отношеній страны и, наконецъ, на заботѣ, чтобы вчинаемое преслѣдованіе, съ одной стороны, не было признано несостоятельнымъ судебными

[1]) Въ нихъ ничего особенно интереснаго не заключалось.

учрежденіями, что можетъ повести къ поколебанію правительственнаго авторитета, а съ другой стороны, не получило бы для виновныхъ, нерѣдко ими самими избираемымъ, способомъ для пріобрѣтенія незаслуженной популярности или для косвенной пропаганды посредствомъ болѣе общаго оглашенія преслѣдуемаго факта. *Одно сличеніе съ текстомъ закона* не можетъ посему привести къ цѣли. На обязанность цензора возлагается не только подвести законъ, но и сообразить, въ полномъ объемѣ, средства къ его примѣненію. Отсюда слѣдуетъ, что для каждаго частнаго случая не можетъ быть дано заранѣе категорическихъ указаній. Въ случаяхъ сомнительныхъ, цензоры обязаны испрашивать указаній предсѣдателей цензурныхъ комитетовъ.

«*Никакого сомнѣнія* не должны возбуждать тѣ нарушенія законовъ печати, которыя направлены:

1. Противъ истинъ христіанской вѣры вообще и ученія и достоинства православной церкви въ особенности.

2. Противъ началъ монархической самодержавной власти.

3. Противъ коренныхъ началъ общественной и гражданской нравственности.

4. Противъ начала права собственности.

5. Къ возбужденію недовѣрія или неуваженія къ правительству.

6. Къ возбужденію вражды или ненависти одного сословія къ другому или одной части населенія къ другой [1]).

«Само собою разумѣется, что статьи и выраженія, подлежащія преслѣдованію на основаніи дѣйствующихъ постановленій и новыхъ законоположеній о печати, въ освобожденныхъ отъ цензуры произведеніяхъ должны быть безусловно запрещаемы въ изданіяхъ подцензурныхъ. Примѣненіе этого порядка къ подцензурнымъ изданіямъ облегчается цензоромъ этихъ изданій тѣмъ обстоятельствомъ, что вопросы о преслѣдованіи нарушенія законовъ въ освобожденныхъ отъ цензуры изданіяхъ будутъ обсуждаться общимъ присутствіемъ цензоровъ комитета, согласно особымъ о семъ правиламъ.

---

[1]) Въ этихъ шести пунктахъ перефразированы I и II пункты „временныхъ правилъ“ 12 мая 1862 года.

«Но независимо отъ этого ограниченія, подцензурныя изданія должны быть подвергаемы и нѣкоторымъ другимъ, проистекающимъ изъ тѣхъ новыхъ отношеній, которыя, на основаніи законоположеній 6-го апрѣля, устанавливаются между правительствомъ и прессою вообще. Съ 1858 года правительство признало и возможнымъ и полезнымъ расширить сферу частной прессы, облегчивъ существовавшія дотолѣ цензурныя правила. Опытъ доказалъ, что расширеніе свободы печатнаго слова должно быть соразмѣряемо со степенью личной отвѣтственности издателей, редакторовъ и сочинителей и что подобное соотвѣтствіе не можетъ быть установлено при исключительномъ господствѣ предупредительной цензуры, по существу которой отвѣтственными лицами считаются цензоры, въ лицѣ же ихъ и само правительство, а издатели, редакторы и сочинители, огражденные цензорскими разрѣшеніями, остаются внѣ всякаго преслѣдованія. *Это обстоятельство послужило исходною точкою для послѣдовавшаго нынѣ освобожденія нѣкоторыхъ изданій отъ цензуры* [1]), съ отвѣтственностью за оныя издателей, редакторовъ и авторовъ. Если до сихъ поръ давались нѣкоторыя льготы и облегченія подцензурнымъ изданіямъ, то это допускалось лишь въ виду сдѣланныхъ неоднократно правительствомъ заявленій о предстоящемъ преобразованіи цензуры, *и въ особенности въ виду отвѣтственности, которой эти изданія не переставали подлежать въ административномъ порядкѣ* [1]). На будущее же время наибольшей части изданій, отдѣльныхъ и повременныхъ, открывается доступъ къ освобожденію отъ цензуры и всѣхъ сопряженныхъ съ нею неудобствъ, а посему изданія, добровольно остающіяся подъ цензурою и уклоняющіяся отъ непосредственной отвѣтственности, которая новымъ закономъ съ нихъ вполнѣ слагается, *теряютъ чрезъ то всякое право на прежнія льготы и облегченія.* Съ другой стороны, въ виду существованія частной неподцензурной прессы, всѣ остальныя изданія, которыя будутъ выходить съ разрѣшенія цензуры, пріобрѣтаютъ характеръ

[1]) Недурной pendant къ мотивамъ реформы, выше уже достаточно вскрытымъ.

[2]) Первый разъ за все существованіе цензуры въ Россіи, безъ предварительной цензуры изданія вышли 4 сентября 1865 г.—до тѣхъ поръ вся печать была подъ предварительной опекой.

спеціально одобряемыхъ правительствомъ изданій, отвѣтственность за содержаніе коихъ падаетъ исключительно на правительственныхъ цензоровъ. При такомъ характерѣ большей части подцензурной литературы, въ ней не только не должно быть допускаемо прямого нарушенія законовъ, но и отстроняемо *все то, что противорѣчитъ правительственнымъ видамъ, цѣлямъ и взглядамъ*.

«Обращаясь затѣмъ въ частности къ разнымъ категоріямъ *освобожденныхъ новымъ закономъ отъ цензуры изданій*, необходимо при разсмотрѣніи ихъ руководствоваться слѣдующими соображеніями.

«Относительно повременныхъ изданій постоянно должно имѣть въ виду ихъ отличительное свойство непрерывныхъ проводниковъ впечатлѣній на публику. Посему они могутъ сообщать свои взгляды и стремиться къ своимъ цѣлямъ. не формулируя категорически этихъ взглядовъ и цѣлей, но выражая ихъ рядомъ намековъ, недоговоровъ, повтореній и другихъ редакторскихъ или издательскихъ пріемовъ. При наблюденіи за повременными изданіями, цензоры обязаны прежде всего изучить господствующіе въ нихъ виды и оттѣнки направленія и, усвоивъ себѣ такимъ образомъ ключъ къ ближайшему уразумѣнію содержанія каждаго изъ нихъ, разсматривать *съ ясной точки зрѣнія* отдѣльныя статьи журналовъ и газетъ[1]). Всѣ тѣ нарушенія законовъ, которыя при *такомъ* наблюденіи окажутся сознательными со стороны редакціи, какъ бы средствомъ для поддержанія или уясненія въ глазахъ читателей предвзятаго направленія повременнаго изданія, должны быть постоянно заявляемы и строго преслѣдуемы, если сказанное направленіе есть въ какомъ-либо отношеніи вредное или противоправительственное. Если при этомъ не всякое нарушеніе закона можетъ быть формулировано съ достаточною для судебнаго преслѣдованія ясностью, то оно во всякомъ случаѣ *не должно быть предаваемо забвенію*, ибо масса подобныхъ нарушеній съ теченіемъ времени составитъ наконецъ основаніе для желательнаго судебнаго преслѣдованія.

---

1) Ст. 15 устава 1828 г., теперь 111, не была тогда отмѣнена. А она гласила о томъ, что цензура не имѣетъ права входить въ разборъ справедливости или неосновательности частныхъ мнѣній, ихъ полезности или безполезности, обращая вниманіе исключительно на *явный* смыслъ рѣчи...

Случайная ошибка или недосмотръ, несоставляющіе сознательныхъ послѣдствій предвзятаго направленія, могутъ быть, смотря по сопровождавшимъ оныя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обстоятельствомъ, преслѣдуемы съ *меньшей строгостью* или составлять предметъ *нѣкотораго снисхожденія* относительно журналовъ и газетъ, отличающихся дознанною благонамѣренностью. Но объ нихъ должно быть, равнымъ образомъ, заявляемо цензорами, потому что оказаніе снисхожденія предоставляется не имъ, а главному управленію.

«Независимо отъ этихъ общихъ соображеній, надлежитъ при наблюденіи за повременною прессою, обращать *особое* вниманіе:

во 1-хъ, *на самый характеръ каждаго изданія*. Журналы и газеты, наиболѣе распространенные, должны вызывать сугубое вниманіе цензоровъ, равно какъ изданія энциклопедическія, учебно-педагогическія и тѣ, которыя предназначены для простого народа. Одна изъ главныхъ заботъ цензоровъ относительно послѣднихъ спеціальныхъ изданій должна состоять въ томъ, чтобы оныя, по своему содержанію, направленію и объему, отнюдь не уклонялись отъ утвержденныхъ для нихъ правительствомъ программъ [1]). При этомъ надлежитъ обращать вниманіе на то, чтобы подъ фирмою ученыхъ статей и трактатовъ не скрывалась недозволенная пропаганда атеизма, соціализма, матеріализма или правительственныхъ теорій, враждебныхъ установленной у насъ реформѣ государственнаго управленія [2]);

во 2-хъ, *на прошедшее и на личный составъ редакціи каждаго изданія*. Журналы и газеты, подвергшіеся судебному преслѣдованію, административнымъ предостереженіямъ или временной пріостановкѣ, должны подлежать болѣе строгому разсмотрѣнію; при чемъ цензорамъ предстоитъ наблюдать, чтобы въ такихъ періодическихъ изданіяхъ отнюдь не возобновлялись случаи, вызвавшіе уже подобныя мѣропріятія,

[1]) Программы утверждались министромъ внутреннихъ дѣлъ. Очевидно, Валуевъ ставилъ знакъ равенства между собою и правительствомъ... Мелочь, но она очень характерна именно для него, какъ для человѣка, всегда старавшагося прикрыть всѣ свои шаги авторитетомъ правительства.

[2]) Очевидно, мнѣніе кн. Гагарина не прошло мимо ушей Валуева.

а также, чтобы эти случаи не выставлялись въ превратномъ видѣ съ цѣлью искусственнаго возбужденія сочувствія въ публикѣ. Что же касается до состава редакцій, то литературное и политическое прошедшее сотрудничающихъ въ нихъ лицъ очень часто составляетъ знамя редакціи, дающее достаточный матеріалъ для опредѣленія направленія газетъ и журналовъ;

въ 3-хъ, *на обобщеніе или преувеличеніе частныхъ случаевъ административныхъ ошибокъ или злоупотребленій и на оскорбленія правительственныхъ мѣстъ и лицъ.* Обобщеніе частнаго случая административныхъ злоупотребленій, будучи бездоказательнымъ обвиненіемъ цѣлыхъ правительственныхъ установленій, составляетъ прямое нарушеніе законовъ, охраняющихъ неприкосновенность правительственной власти и воспрещающихъ всякое дѣйствіе, направленное къ поколебанію ея авторитета. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что указанія на административныя ошибки или злоупотребленія, будучи нерѣдко послѣдствіемъ, такъ называемаго, обличительнаго направленія или личной вражды, не только представляютъ факты весьма часто въ извращенномъ видѣ, но даже заключаютъ въ себѣ прямую ложь, что доказано въ послѣднее время неоднократными формальными на мѣстахъ разслѣдованіями. — Посему оглашеніе въ печати каждаго подобнаго случая должно быть для цензора предметомъ самаго тщательнаго соображенія. Цензоръ обязанъ проводить отличительную черту между указаніемъ на ошибки или злоупотребленія, нерѣдко ускользающія отъ наблюденія подлежащихъ властей, и между такимъ способомъ и видомъ изложенія подобныхъ указаній, который явно заключаетъ въ себѣ преднамѣренное оскорбленіе правительственныхъ лицъ и учрежденій. Всякое подобное оскорбленіе должно возбуждать немедленное преслѣдованіе въ изданіяхъ не подцензурныхъ. Что же касается до изданій, не изъятыхъ отъ цензуры, то *нѣкоторая свобода* оглашенія ошибокъ или проступковъ администраціи можетъ быть предоставлена только изданіямъ, выходящимъ въ свѣтъ внѣ столицы и потому не имѣющимъ возможности выходить въ свѣтъ безъ цензуры. Напротивъ того, въ столицахъ цензора обязаны не пропускать вовсе т. н. обличительныхъ статей въ изданіяхъ, которыя не воспользовались освобожденіемъ отъ

предварительной цензуры. Одно исключеніе должны составлять статьи, имѣющія свойство прямого показанія, т. е. подписанныя ихъ сочинителями и ограничивающіяся изложеніемъ фактовъ безъ дополнительныхъ къ нимъ разсужденій [1]).

«При наблюденіи за издаваемыми безъ цензуры книгами, заключающими въ себѣ какъ оригинальныя сочиненія, такъ и переводы, цензора обязаны сохранять въ виду тѣ же указанія, которыя имъ даны относительно изъятыхъ отъ цензуры повременныхъ изданій

«Въ отношеніи къ отдѣльнымъ изданіямъ, не освобожденнымъ отъ цензуры, цензорамъ вообще надлежитъ руководствоваться какъ настоящею инструкціею такъ и указаніемъ прежней цензурной практики, обращая особенное вниманіе на брошюры и перепечатываемыя отдѣльными оттисками статьи повременныхъ изданій. Такія брошюры и перепечатки, посвященныя общественнымъ и политическимъ текущимъ вопросамъ, будучи продаваемы по общедоступной цѣнѣ, распространяются или могутъ быть распространяемы въ большомъ числѣ экземпляровъ, посему печатаніе брошюръ

[1]) Это настолько любопытное предписаніе, что на немъ нельзя не остановиться. Во-первыхъ, по ст. VI времен. правилъ 12 мая 1862 г., вполнѣ вошедшей въ силу и послѣ 6 апрѣля, а теперь заключенной въ ст. 98: „въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи не допускается печатанія именъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учрежденій“. Слѣдовательно, говоря напримѣръ объ исправникѣ, нельзя было его назвать иначе, какъ или „какой-то“, или „N—скій“ и т. п. Поневолѣ получалось какъ бы обобщеніе Во-вторыхъ, Валуевъ прекрасно зналъ, что уже одно лишеніе подцензурныхъ изданій возможности разсчищать авгіевы конюшни прошлаго способно побудить ихъ принять безцензурность, а мы видѣли, что онъ къ этому стремился. Лишить себя права обличеній — въ глазахъ либеральнаго изданія 60-хъ годовъ значило совершенно замолчать. Въ-третьихъ, изгоняя обличеніе за предѣлы столицъ, Валуевъ лишалъ правительственные круги почти всякой возможности видѣть въ чемъ бы то ни было неблагополучіе. Въ-четвертыхъ, нѣкоторымъ его коллегамъ по министерскому посту это была громадная любезность и одолженіе... Наконецъ, въ-пятыхъ (не я виноватъ въ такой многочисленности) законъ обусловливалъ разрѣшеніе помѣщенія обличеній вовсе не территоріей или безцензурностью, а лишь объемомъ книги не менѣе 10 листовъ и цѣной повременнаго изданія не ниже семи рублей. Все это Валуевъ очень хорошо зналъ и понималъ...

и оттисковъ статей, помѣщенныхъ какъ въ неосвобожденныхъ, такъ и въ особенности въ освобожденныхъ отъ цензуры изданіяхъ, должно быть разрѣшаемо цензорами съ крайнею осмотрительностью» [1]).

Комментаріи, какъ говорится совершено излишни...

Когда такимъ образомъ цензура была устроена, Валуевъ озаботился соотвѣтствующимъ подборомъ членовъ совѣта главнаго управленія. Предсѣдателемъ былъ назначенъ очень любимый имъ Щербининъ — человѣкъ совершенно лишенный инициативы и самостоятельности, вполнѣ оправдывавшій надежды министра еще въ качествѣ предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета. Въ члены были произведены конечно, Фуксъ, затѣмъ Варадиновъ, Туруновъ и между прочимъ—И. А. Гончаровъ редактировавшій въ свое время «Сѣверную Почту»...

Что касается громаднаго кадра цензоровъ, то и они, конечно, не были забыты. Въ серединѣ августа, всѣ цензурные комитеты были пріятно поражены полученіемъ изъ министерства особаго курса русской словесности, который долженъ былъ сдѣлать однообразной работу цензоровъ по всей Россіи. Называлась эта знаменательная книга: «Собраніе матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей русской словесности за послѣднее десятилѣтіе и отечественной журналистики за 1863 и 1864 годъ». Подъ такимъ очень скромнымъ и казеннымъ названіемъ изданы были, конечно, секретно характеристики какъ каждаго болѣе выдающагося писателя, такъ и повременнаго изданія. Цензорамъ не надо было тратить время на ознакомленіе съ современной литературой — все давалось уже въ готовомъ видѣ. Все было взвѣшено, оцѣнено и пущено въ свѣтъ подъ опредѣленной маркой. Чуть малѣйшее затрудненіе — цензоръ открывалъ «Собраніе матеріаловъ» и, побесѣдовавъ съ однимъ изъ автововъ необходимой главы, дѣйствовалъ безошибочно...

Этотъ курсъ русской словесности настолько интересенъ и замѣчателенъ въ столѣтней исторіи русской цензуры, что я отвелъ ознакомленію съ нимъ особую статью, которую и помѣщаю ниже. Изъ нея читатели настоящаго изслѣдованія почерпнутъ нѣкоторыя свѣдѣнія, необходи-

---

[1]) „Матеріалы etc.“ II, 177—182.

мыя для лучшаго опредѣленія взглядовъ цензурнаго вѣдомства на нашу журналистику 1862—64 годовъ, которыя я, въ избѣжаніе повтореній, не включилъ выше.

Наконецъ, у себя все готово. Оставалось, строго слѣдуя программѣ, заручиться соотвѣтствующимъ содѣйствіемъ суда, которому предстояло играть немаловажную роль въ разборѣ виновности безцензурной печати. За этимъ дѣло не стало. Вотъ письмо Валуева временно управляющему министерствомъ юстиціи, 29 августа, Стояновскому:

«Всякое законопротивное заявленіе въ книгахъ, журналахъ и газетахъ, освобожденныхъ или освободившихся отъ предварительнаго цензурнаго контроля, впредь должно подлежать судебному преслѣдованію. Въ отношеніи къ повременнымъ изданіямъ сохранено административной власти право троекратныхъ предостереженій, изъ коихъ послѣднее пріостанавливаетъ изданіе на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ. Кромѣ того, правит. сенату, по 1-му департаменту, предоставлено право прекращать окончательно эти изданія. Но, при всей ожидаемой дѣйствительности этихъ вспомогательныхъ административныхъ взысканій, имѣющихъ главною цѣлью сдерживаніе повременной прессы въ извѣстныхъ предѣлахъ и устраненіе тѣхъ ея органовъ, коихъ направленіе оказалось бы неисправимо вреднымъ, очевидно, что при безцензурной печати, огражденіе интересовъ правительства и интересовъ общественныхъ не возможно безъ надлежащаго содѣйствія судебной власти. Прекращеніе изданій, какъ мѣра чрезвычайная и крайняя, можетъ имѣть примѣненіе только въ рѣдкихъ случаяхъ. Предостереженія, по самому свойству своему, ближе относятся къ такимъ уклоненіямъ прессы, которыя, не подходя подъ прямое дѣйствіе карательнаго закона, ускользаютъ отъ судебнаго преслѣдованія. Притомъ предметомъ предостереженій могутъ быть только статьи политическаго свойства или статьи, направленныя противъ коренныхъ началъ религіи или гражданственности. Интересы частныхъ лицъ, защита ихъ добраго имени, огражденіе чести и достоинства лицъ, занимающихъ правительственныя должности, непосредственно ввѣряются судебной власти. Ею же должны быть преслѣдуемы и наказуемы всѣ важнѣйшія нарушенія законовъ по дѣламъ печати. Законъ 6 апрѣля установляетъ, что даже арестъ не можетъ быть

налагаемъ на вредныя произведенія прессы безъ одновременнаго начатія судебнаго преслѣдованія.

«При такихъ условіяхъ успѣха въ дальнѣйшемъ примѣненіи къ дѣлу новаго законодательства, т. е. при невозможности разсчитывать и опираться исключительно на административныя мѣры и при проистекающей оттого надобности въ судебной опорѣ, особое значеніе должны имѣть дѣйствія той части судебнаго вѣдомства, которая въ немъ составляетъ и представляетъ правительственный и судебно-административный элементъ. Судъ независимъ. Судьи свободно постановляютъ рѣшеніе. Но, до его постановленія, дѣло должно быть имъ представлено правильно и съ соблюденіемъ тѣхъ условій, которыя правилами судопроизводства предуказаны. Если преслѣдуется виновный, то преслѣдующій долженъ стремиться къ обвиненію со стороны суда. Если защищается интересъ правительственный или общественный, то онъ долженъ быть защищаемъ настойчиво. Эти обязанности по дѣламъ проступковъ и преступленій печати возлагаются на прокуроровъ, какъ на нынѣшнихъ, до введенія въ дѣйствіе судебной реформы, такъ и на будущихъ, по введеніи ея въ дѣйствіе. Главное управленіе по дѣламъ печати опредѣляетъ, въ какихъ именно случаяхъ и по какимъ именно уваженіямъ должно быть начато судебное преслѣдованіе; но дальнѣйшее веденіе дѣла въ судебныхъ мѣстахъ принадлежитъ чинамъ, подвѣдомымъ министерсту юстиціи. Очевидно, что для успѣшнаго веденія такихъ дѣлъ необходимо согласіе взглядовъ на первоначальные поводы къ ихъ взысканію. Прокуроры не могутъ вести преслѣдованія по другимъ уваженіямъ, чѣмъ тѣ, по которымъ оно возбуждено. Если они не раздѣляютъ лично взгляда главнаго управленія, то они обязаны себѣ его усвоить. Они дѣйствуютъ въ подобныхъ случаяхъ не по собственному произволенію, а по порученію правительства, которое не можетъ, въ отношеніи къ прессѣ, раздваиваться на несогласныя между собою части. Конечно, главное управленіе можетъ ошибаться и прокуроры могутъ встрѣтить важныя сомнѣнія при исполненіи его требованій: но въ такихъ случаяхъ они обязаны испрашивать указаній министра юстиціи, который, если встрѣтитъ въ томъ надобность, конечно, признаетъ возможнымъ снестись или объясниться съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Если же взгляды

ихъ по извѣстному дѣлу будутъ различны, то необходимо испрашивать высочайшихъ Государя Императора указаній.

«Чины судебнаго управленія, какъ извѣстно в. п., до сихъ поръ не всегда смотрѣли на дѣла съ точки зрѣнія общности правительственныхъ интересовъ разныхъ вѣдомствъ. Примѣромъ нѣкотораго разъединенія можетъ служить даже недавно производившееся дѣло о газетѣ «Вѣсть», которое начато по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, которое производилось на другихъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ оно было возбуждено, въ которомъ прокуроромъ заявленъ протестъ, не только противорѣчившій взгляду министра внутреннихъ дѣлъ, но и несогласный съ взглядомъ министра юстиціи, и которое окончено, послѣ 6-ти мѣсячнаго производства, предоставленіемъ министру внутреннихъ дѣлъ того самаго права, которое ему несомнѣнно и безспорно принадлежало до начатія дѣла. Двухъ или трехъ такихъ примѣровъ, при безцензурной прессѣ, будетъ достаточно, чтобы поколебать авторитетъ администраціи и значеніе суда. Между тѣмъ, вліяніе чиновъ судебнаго управленія, по закону 6 апрѣля, не ограничивается столицами, гдѣ нѣкоторыя изданія освободятся отъ цензуры. Въ другихъ мѣстностяхъ могутъ возникать дѣла, подобныя дѣлу «Вѣсти», и дѣла о нарушеніи типографскихъ правилъ и постановленіи о книжной торговлѣ.

«Вышеизъясненныя соображенія я представлялъ на высочайшее Государя Императора благоусмотрѣніе. Его Величеству благоугодно было признать необходимымъ принятіе предполагаемыхъ мною мѣръ и высочайше повелѣть:

1. Чтобы главному управленію по дѣламъ печати всегда оказывалось надлежащее содѣйствіе со стороны чиновъ судебнаго управленія.

2. Чтобы въ дѣлахъ, по которымъ возбуждено будетъ судебное преслѣдованіе, прокуроры въ точности руководствовались указаніями главнаго управленія, а въ случаѣ затрудненій или сомнѣній, испрашивали указаній министра юстиціи.

3. Чтобы въ случаѣ разногласія между министрами юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, возникшій вопросъ представлялся на высочайшее благоусмотрѣніе или чрезъ комитетъ министровъ, или, въ случаяхъ спѣшныхъ, всеподданѣйшимъ

докладомъ, за общимъ того и другого министра подписаніемъ» [1])

Теперь было все готово. Оставалось ждать 1-го сентября...

VI.

Какъ печать встрѣтила введеніе закона 6 апрѣля.

Въ этотъ день, на углу Графскаго переулка и Фонтанки, въ домѣ наслѣдниковъ Шишмарева (того самаго, который пострадалъ отъ несостоявшагося въ 1859 г. министерства цензуры), происходило не малое оживленіе: открывалось Главное управленіе по дѣламъ печати, а съ нимъ — и новое направительство литературы.

2 сентября «Сѣверная Почта» привѣтствовала это «славное» событіе отечественной исторіи, а 3-го, наканунѣ выхода первыхъ безцензурныхъ номеровъ, снова повторила уже недавно сказанное по поводу новаго закона и всячески старалась зарубить на носу литературы и журналистики, что «свобода обязываетъ, право неразрывно съ обязанностями; самостоятельность призываетъ къ самообладанію...» «Мы находимъ нужнымъ напомнить — значительно произносилъ валуевскій органъ — эти слова особенно теперь, когда предварительная цензура не можетъ уже удерживать, какъ прежде, руку писателя, подставляющую слова подъ печатный станокъ...» Получалось не совсѣмъ вѣрно — писатели никогда не подставляли сами словъ подъ станокъ — но во всякомъ случаѣ, многозначительно...

4-го сентября вышли безъ предварительной цензуры «С.-Петербургскія» и «Московскія Вѣдомости» и «Голосъ», 11 сентября — «День», затѣмъ черезъ нѣсколько дней —

[1]) „Матеріалы etc.“, I, 612 — 614. 31 августа былъ объявленъ именной указъ „о томъ, чтобы главному управленію по дѣламъ печати всегда оказывалось надлежащее содѣйствіе со стороны чиновъ судебнаго управленія“ (Пол. Собр. Зак., 2-е, XL, № 42440). Такимъ образомъ введеніе новыхъ судовъ начиналось уже съ новеллы въ одной изъ существенныхъ ихъ сторонъ... Хочется быть увѣреннымъ, что если бы эти три документа были извѣстны Джаншіеву и другимъ, они не оцѣнивали бы закона 6 апрѣля такъ, какъ оцѣнили.

«Современникъ», «Русскій Вѣстникъ», «Отечественныя Записки», «Вѣсть», «Сынъ Отечества», etc.

Славословіе — съ одной стороны, пессимизмъ — съ другой — вотъ чѣмъ были ознаменованы первые шаги «временно-обязанной» литературы.

«Сегодня мы получили — писали «С.-Петербургскія Вѣдомости» — право на изданіе нашей газеты безъ цензуры (?)... Крѣпостная зависимость наша отъ цензуры, отъ личной воли и личнаго усмотрѣнія посторонняго лица — кончилась; признанные совершеннолѣтними, мы будемъ зависѣть съ настоящаго дня отъ нашей собственной воли, отъ нашего собственнаго усмотрѣнія, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе для нашей публичной дѣятельности предоставлены закономъ... Съ нынѣшняго дня отошла отъ насъ попечительная опека, чужая забота о нашей благонамѣренности и безопасности; мы очутились, какъ люди свободные, лицомъ къ лицу съ закономъ, ничѣмъ, кромѣ собственнаго благоразумія, не защищенными отъ его грозной кары» [1]).

Слѣдовавшія за этимъ нѣкоторыя «но» тонули въ пучинѣ радости также, какъ и робкая оглядка «Московскихъ Вѣдомостей» на исполнителей закона тонула въ началѣ статьи:

«Первымъ словомъ освобожденной печати да будетъ слово хвалы и благодаренія монарху, полагающему свое счастье въ томъ, чтобы видѣть русскій народъ охраненнымъ въ своемъ развитіи твердыми законами и ненарушимымъ правосудіемъ. Отнынѣ печать наша находится на твердой почвѣ закона и не подлежитъ произволу, который и при самыхъ лучшихъ условіяхъ никогда не можетъ замѣнить то, что называется законностью, то, что оказывается справедливостью и въ чемъ состоитъ истинный смыслъ того, что называется свободою. Свобода печати не есть интересъ какого-нибудь отдѣльнаго круга людей, занимающихся литературнымъ, книжнымъ или журнальнымъ дѣломъ; это великій интересъ цѣлой страны, это — политическое право, даруемое цѣлому народу. Въ наши государственныя и общественныя дѣла вносится начало публичности и каждому предоставляется законное участіе въ дѣлахъ общаго интереса. Рус-

---

[1]) 1865 г., № 229.

ское общественное мнѣніе впервые возводится на степень законной силы и празднуетъ теперь свое политическое совершеннолѣтіе. О чемъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ можно было лишь мечтать, то совершается теперь воочію, то становится теперь живою дѣйствительностью...» [1])

Главная мысль «Голоса»: — «никакой напоръ, положительно никакое внѣшнее вліяніе не заставляло правительство сдѣлать шагъ къ освобожденію прессы. Однакожъ, оно его сдѣлало и сдѣлало именно послѣ несомнѣнныхъ проявленій своей нравственной силы въ Россіи. Это — фактъ знаменательный!» [2]).

«День» вышелъ со статьей, которая, несмотря на нѣкоторыя нотки сомнѣнія, не можетъ быть, однако, не понята, въ качествѣ необузданной радости. Одно начало ея словами: «Наконецъ-то!..» очень ясно опредѣляло взглядъ Аксакова на законъ 6 апрѣля. Предчувствуя, что такой тонъ можетъ породить недоумѣніе, Аксаковъ писалъ: «Не благоразумнѣе-ли было бы, однако — этого требовалъ бы, можетъ быть, и политическій тактъ, — вступить въ пользованіе новыми правами горделиво и важно, не поминая стараго ниже однимъ словомъ, не показывая и виду, особенной радости, прикинувшись даже, достоинства ради, нѣсколько равнодушнымъ или хладнокровнымъ? Можетъ быть, оно и благоразумно, но намъ кажется, что таковая, впрочемъ довольно дешевая, мудрость едва-ли была бы умѣстной уже потому, что она грѣшитъ противъ искренности. А именно искренности, благодаря предварительной цензурѣ, и недоставало до сихъ поръ нашему печатному слову, — именно правомъ на искренность мы должны дорожить выше всего въ новомъ цензурномъ порядкѣ! Намъ нечего таить, нечего стыдиться сознать открыто и прямо, что положеніе, въ которое вступаетъ теперь печатное русское слово, есть положеніе для него совершенно новое и небывалое; намъ не только нечего скрывать и стыдиться своей радости или опасаться, чрезъ выраженіе радости, уронить свое достоинство, но было бы даже стыдно не порадоваться освобожденію слова, хотя еще и далеко не полному, изъ долгаго, долгаго, тягостнаго плѣна».

---

[1]) 1865 г., № 199.
[2]) 1865 г., № 244.

Такимъ образомъ, нотка недовольства, правда, есть, но она тонетъ въ довольствѣ.

Послѣ очень длиннаго и, дѣйствительно, талантливаго, чисто аксаковскаго описанія цензурныхъ мытарствъ подъ предварительной опекой, «День» продолжалъ: — «будемъ надѣяться, что возвратъ къ этому вреду сталъ уже невозможенъ, что все шире и шире будутъ раздвигаться предѣлы искренности въ русскомъ печатномъ и устномъ словѣ. Будемъ надѣяться, что самая свобода, даруемая теперь печати, станетъ дѣйствительно правдой, а не *подобіемъ*... Нигдѣ это подобіе такъ не оскорбительно, какъ въ области печати, — въ области публицистики и журналистики».

Еще талантливый столбецъ о подобіяхъ правды, царящихъ въ русской жизни сверху до низу, — и «День» заканчивалъ:

«Теперь изъ этого, повидимому безвыходнаго круга открываетъ выходъ само правительство — предоставляя свободу печатному слову. Благодарность же ему! При свободѣ критики дѣлается возможною — хвала...» Затѣмъ шли нигдѣ еще не напечатанные стихи К. С. Аксакова, написанные имъ въ самомъ началѣ дѣла освобожденія крестьянъ и обращенные непосредственно къ государю [1]).

Врядъ-ли надо говорить, что, только желая незаслуженно оскорбить всегда честнаго И. С. Аксакова, можно сомнѣваться въ полной искренности его радости. Но въ такомъ-то случаѣ она и особенно характерна для знакомства съ мнѣніемъ части печати о законѣ 6 апрѣля.

Совсѣмъ въ другой сторонѣ стоитъ мнѣніе «Современника», выраженное и теперь еще благополучно здравствующимъ М. А. Антоновичемъ. Оно очень и очень стоитъ серьезнаго вниманія, особенно поставленное въ связь съ послѣдовавшею менѣе, чѣмъ черезъ годъ со дня введенія въ силу новаго закона, окончательною гибелью журнала.

Уже одно заглавіе — «Надежды и опасенія (по поводу освобожденія печати отъ предварительной цензуры)» — настораживало читателя; начало статьи заставляло его серьезно подумать...

«На основаніи новаго положенія, освободившаго часть прессы отъ крѣпостной цензурной зависимости въ такой

[1]) 1865 г., № 31.

мѣрѣ, въ какой освободило крѣпостныхъ крестьянъ положеніе 19-го февраля, «Современникъ» получилъ дозволеніе издаваться безъ предварительной цензуры, но предварительно взнесши, какъ бы въ обезпеченіе своей благонадежности, установленный залогъ въ двѣ тысячи съ половиною рублей, которыя должны служить для всего вѣчнымъ напоминаніемъ о томъ, что надъ нимъ виситъ, какъ дамоклесовъ мечъ, кара наказанія, а опасеніе потерять ихъ должно служить для него побужденіемъ точно исполнять свои обязанности и не преступать предписаній закона»...

«...Представьте себѣ, читатель, что передъ вами недосягаемая пропасть, черезъ которую перекинута какая-то узкая и чрезвычайно неопредѣленная полоска, предназначенная для вашего перехода по ней; можетъ быть, она и сдержитъ васъ а можетъ быть, она до такой степени хрупка, что сломается отъ перваго же шага по ней, или же она такъ узка и гибка, что при малѣйшемъ неосторожномъ шагѣ вы оборветесь и слетите въ пропасть. Согласитесь, что въ подобномъ положеніи позволительно сильное раздумье.

«А мы именно въ настоящую минуту и находимся въ приблизительно подобномъ положеніи [1]). И передъ нами лежитъ полоса въ видѣ изданія журнала безъ предварительной цензуры, и мы не можемъ себѣ опредѣлить и представить, что такое это отсутствіе *предварительной* цензуры. Мы затрудняемся вопросомъ, — что писать и какъ писать, подобно тому, какъ птица, всю жизнь свою просидѣвшая въ клѣткѣ не знаетъ, куда ей летѣть въ первую минуту, когда ей пріотворятъ клѣтку. Въ теченіе всей своей жизни мы писали подъ предварительной цензурой, изъ-подъ нашего пера не вышло ни одной строки не цензурованной и не только ни одной строки, предназначенной для печати, но и вообще ни одной писаной строки. Вѣроятно, и многіе, если не всѣ, русскіе люди, подобно намъ, пишутъ всѣ даже самыя задушевныя и конфиденціальныя вещи съ мыслью о цензурѣ; дневники, мемуары, самыя повидимому откровенныя письма пишутся съ сдержанностью, съ опасеніемъ, что они, быть

[1]) Статья М. А. Антоновича, поставленная впереди отдѣла „Современное обозрѣніе", выражала, конечно мнѣніе всего „Современника".

можетъ, несообразны съ цензурой и эта несообразность рано или поздно можетъ обнаружиться».

«....Что писать и какъ писать безъ предварительной цензуры, — это для насъ вопросъ въ родѣ гамлетовскаго быть или не быть».

Разрѣшая его, авторъ приходитъ къ заключенію, что, въ сущности, очень многое остается по-прежнему, что теперь писатель если и получилъ бо̀льшую самостоятельность и независимость, то только «относительно формы своихъ писаній». «Мы до такой степени не избалованы цензурой, что радуемся и этому освобожденію „слова“ въ буквальномъ смыслѣ, т. е. освобожденію слога, выраженій и оборотовъ; и это освобожденіе возвышаетъ въ насъ на нѣкоторую величину сознаніе человѣческаго достоинства, напоминаетъ намъ, что и мы тоже люди и могли бы пользоваться свободой во всѣхъ отношеніяхъ». Но, «полное освобожденіе слога еще не рѣшаетъ нашего недоумѣнія и передъ нами, все-таки, стоитъ прежній вопросъ: что же и какъ писать этимъ освобожденнымъ слогомъ? Рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того, какъ мы поймемъ сущность новаго положенія о печати и размѣръ правъ, даваемыхъ печати изъятіемъ ея отъ предварительной цензуры. Какія права пріобрѣтаетъ изданіе, освобожденное отъ предварительной цензуры, и какія отличія и преимущества оно получаетъ вслѣдствіе этого надъ изданіемъ, находящимся подъ предварительной цензурой? Чѣмъ они отличаются одно отъ другого, — размѣромъ-ли существенныхъ правъ, или только размѣромъ внѣшнихъ удобствъ и простыхъ льготъ? Въ отвѣтъ на эти вопросы можно представить только два случая, или два предположенія».

Первый укладывается въ такую схему взаимоотношенія изданій: «одно изъ нихъ привилегировано, другое угнетено; одно полноправно, другое безправно; одно есть потомственный или личный дворянинъ, а другое просто членъ податного сословія; одному дозволено то, что воспрещено другому; одно смѣло и безпрепятственно печатаетъ то, что въ другомъ безжалостно вычеркиваетъ цензура; что у одного считается вреднымъ и противозаконнымъ и потому пресѣкается цензурой, то у другого спокойно выходитъ въ свѣтъ».

Второй — въ совершенно иное: «безцензурное и цензурное изданіе — это два пассажира, ѣдущіе въ одномъ и томъ же поѣздѣ по желѣзной дорогѣ; они ѣдутъ одинаково скоро, въ одно время пріѣдутъ до мѣста, въ одинаковыхъ мѣстахъ останавливаются и во всѣхъ правахъ своихъ равноправны; но одинъ платитъ нѣсколько дороже, сидитъ въ вагонѣ перваго класса на мягкомъ диванѣ съ пружинами, другой же платитъ меньше и потому сидитъ во второмъ классѣ на диванѣ менѣе удобнымъ, безъ пружинъ».

И, хотя, по всей справедливости, только ради желанія осуществить первый случай, можно было возлагать на безцензурныя изданія ту тяжесть отвѣтственности, которая на нихъ возложена, — журналъ твердо убѣжденъ, что осуществленъ лишь второй. «Это наше мнѣніе до нѣкоторой степени подтверждается и тѣмъ еще, что управлять и руководить безцензурною прессою призваны почти тѣ же самые дѣятели, которые прежде занимались цензурою надъ прессою. Они, конечно, уже составили себѣ во время прежней своей практики твердое понятіе о томъ, въ какихъ границахъ должна двигаться пресса, что позволительно и непозволительно для нея, какой тонъ почтительный и какой грубый; у нихъ есть уже готовыя, ихъ прежнимъ опытомъ данныя мѣрки и нормы, которыя они по-прежнему будутъ одинаково прилагать и къ цензурнымъ и къ безцензурнымъ изданіямъ».

На исполнителяхъ, а не на самомъ законѣ, побуждало остановить вниманіе и то соображеніе, «что законодательство о печати имѣетъ значеніе не само по себѣ, а только по своей связи съ общимъ законодательствомъ, съ цѣлымъ строемъ государственной жизни; оно есть только одно колесо въ многосложной машинѣ. Пресса не можетъ стать выше или ниже другихъ проявленій общественной жизни, регулируемыхъ государствомъ, выше или ниже общаго уровня общихъ и основныхъ правъ, предоставленныхъ гражданамъ, она не можетъ пользоваться ни большей свободой, ни большимъ стѣсненіямъ противъ тѣхъ, какими пользуются въ государствѣ всѣ остальныя политическія, гражданскія и общественныя функціи. Какъ бы законодатель ни измѣнялъ теоретически положеніе прессы, она на дѣлѣ придетъ въ уровень и равновѣсіе съ общею высотою государственной и общественной жизни; въ иномъ положеніи она не можетъ

держаться устойчиво, потому что не будетъ имѣть опоръ и гарантій въ общемъ строѣ государства и общества».

Мысль очень элементарная, но, однако, никѣмъ тогда, кромѣ «Современника», не высказанная, больше — всѣми забытая. А между тѣмъ, дѣйствительно, достаточно было взглянуть на вершковую высоту, до которой позволено было тогда подняться общественной жизни вообще, чтобы увидѣть настоящее мѣсто, предназначенное печати..

Остальная половина статьи и есть обращеніе именно къ исполнителямъ закона 6 апрѣля.

Помня, какому оплеванію еще недавно подвергалась французская система законодательства о печати во всѣхъ русскихъ органахъ, явно не перешедшихъ на сторону Каткова и Павлова, «Современникъ» очень ядовито замѣчалъ: «любопытно, что-то теперь скажутъ эти самые либералы о французскомъ режимѣ, и поймутъ-ли они хоть теперь, какъ нелѣпа была ихъ заносчивость предъ французскими порядками и какъ далеко опередила насъ даже современная Франція, даже своимъ режимомъ по части прессы, который существуетъ въ ней уже 13 лѣтъ, а у насъ прививается только еще въ настоящую минуту».

Мы уже знаемъ, какъ удовлетворила печать это любопытство...

Нарисовавъ затѣмъ картину французскаго режима, показавъ, до чего онъ опошленъ въ глазахъ самого правительства, благодаря неумѣренности бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, Персиньи, «Современникъ» говорилъ: «Мы отъ души желаемъ, чтобы судьба спасла отъ такихъ послѣдствій Россію, русскую администрацію и русскую прессу. И у насъ, сколько можно предполагать, администрація будетъ преслѣдовать преступленія печати гораздо чаще своими административными мѣрами, чѣмъ судомъ; а потому ей особенно нужно остерегаться тѣхъ подводныхъ камней, на которые наткнулась французская администрація по своей нетерпимости и крайнему произволу. Мы не будемъ давать администраціи никакихъ совѣтовъ, которыми она можетъ даже, пожалуй, и оскорбиться; мы выскажемъ передъ нею только наши желанія или даже наши просьбы».

Я не буду приводить очень интересной мотивировки этихъ просьбъ, а дамъ ихъ въ голомъ видѣ:

«Во-первыхъ, мы желаемъ или просимъ, чтобы г. министръ внутреннихъ дѣлъ не былъ щедръ на предостереженія, чтобы они давались только въ необходимыхъ случаяхъ и только за то, что законъ признаетъ преступнымъ или предосудительнымъ, а не за все, что почему-нибудь не понравиться администраціи, какъ дѣлается во Франціи».

«Во-вторыхъ, мы желаемъ и просимъ, чтобы администрація позволяла періодическимъ изданіямъ извѣщать своихъ читателей о всѣхъ несчастныхъ случайностяхъ, могущихъ встрѣтиться въ судьбѣ этихъ изданій; чтобы въ случаѣ задержки и конфискаціи какого-нибудь номера, было дозволено извѣщать читателей объ этомъ или черезъ другія изданія, или какими-нибудь печатными циркулярами; чтобы, однимъ словомъ, всѣ мѣры противъ того или другого органа прессы и всѣ наказанія ему получали возможно большую гласность для назиданія и урока всей прессѣ и для выгодъ самой администраціи».

«Наконецъ, въ-третьихъ, мы со всею русскою литературою жаждемъ и молимъ, чтобы точнѣе и положительнѣе были опредѣлены наши отношенія къ духовной цензурѣ».

Кончалась эта замѣчательная статья словами: «Что-то будетъ, что-то будетъ?!..» [1]).

Говоря о мнѣніи «Современника», нельзя пройти молчаніемъ некрасовской музы. Въ своихъ «Пѣсняхъ о свободномъ словѣ» онъ далъ массу цѣннаго матеріала.

Какъ, напримѣръ, выразителенъ возгласъ редакціоннаго разсыльнаго:

— „Баста ходить по цензурѣ!
Ослобонилась печать,
Авторы наши въ натурѣ
Стали статейки пущать...“ [2])

Или вотъ пародія на дощечки, перекинутыя Валуевымъ черезъ пропасти административныхъ взысканій, въ ненапечатанной въ «Современникѣ» главѣ «Пѣсней» — «Осторожность»:

„Крестный ходъ въ селѣ Остожьѣ.
Вдругъ „пожаръ!“ кричитъ народъ.
„Не бросать же дѣло Божье —

[1]) 1865 г., VIII.

[2]) „Современникъ“ 1866 г., III, 6. Некрасовъ подписался подъ „Пѣснями“ — ***.

Кончимъ прежде крестный ходъ".
И покудова съ иконой
Обходили все село,
Искрой, вѣтромъ занесенной,
И другой посадъ зажгло.
Погорѣли. Въ этомъ много
Правды горькой и простой,
Но, вѣдь, это противъ Бога,
Противъ вѣры... ой! ой! ой!
Тутъ полнѣйшая возможность
Къ обвиненью безъ суда...
Ради Бога осторожность,
Осторожность, господа!" [1])

VII.

Первыя пять предостереженій печати. Инцидентъ съ „Московскими" и „С.-Петербургскими Вѣдомостями".

21-е сентября отвѣтило уже на вопросъ г. Антоновича.

Желая угодить своему пріятелю, Гернгросу, товарищу министра государственныхъ имуществъ и въ то же время директору извѣстнаго тогда Френкелевскаго (поземельнаго) банка, Валуевъ приказалъ редактору «Сѣверной Почты» обратить вниманіе на то удобство, съ которымъ связанъ залогъ государственныхъ имуществъ въ этомъ банкѣ. Соотвѣтствующая статья появилась, конечно, немедленно. Капиталисты переполошились. «Петербургскія Вѣдомости» сочли необходимъ высказаться, и 18 сентября очень корректно и чисто научно заявили, что произвести предполагавшійся министромъ финансовъ залогъ части государственныхъ имуществъ и сдѣлать второй выпускъ 5% банковыхъ билетовъ совершенно невозможно, пока не будетъ выпущенъ первый, уже обезпеченный именно государственными имуществами. Гернгросъ бросился къ Валуеву, а послѣднему захотѣлось угодить крупнымъ вкладчикамъ банка: въ результатѣ первое въ исторіи русской журналистики офиціально объявленное предостереженіе [2]).

---

[1]) „Полное собраніе стихотвореній", изд. 7-е, 390.
[2]) *А. Никитенко*, „Дневникъ", „Рус. Старина" 1891 г., VII, 92—93.

21 сентября въ административно наказанной газетѣ появилось распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ. Въ «Сѣверной Почтѣ» оно было объявлено въ тотъ же день.

Пунктами публично выставленнаго обвиненія были: во-первыхъ, «несогласныя съ интересами государственнаго кредита сужденія о такихъ правительственныхъ распоряженіяхъ, о которыхъ не было доселѣ объявлено никакихъ положительныхъ свѣдѣній»; во-вторыхъ, — «что въ означенной статьѣ не только подвергается сомнѣнію, но и отрицается право, которое, несомнѣнно, принадлежитъ правительству и которымъ оно постоянно пользовалось при каждомъ, какимъ бы то ни было способомъ совершаемомъ отчужденіи казенныхъ статей или земель»; и въ-третьихъ,—«что въ ней неправильно приписывается государственнымъ имуществамъ свойство спеціальнаго обезпеченія 5% банковыхъ билетовъ, указывается на мнимое уменьшеніе этого обезпеченія, въ случаѣ залога или отчужденія какихъ-либо частей государственныхъ имуществъ, и такимъ образомъ возбуждаются сомнѣнія или опасенія, могущія имѣть вліяніе на довѣріе, которымъ пользуются означенные билеты»[1]. Любопытно, что обвиненія эти Валуевъ еще сгладилъ въ сравненіи съ тѣми, которыя вынесъ совѣтъ главнаго управленія. Въ первой редакціи они были короче, но гораздо выразительнѣе: «1) стремленіе опровергнуть юридическое право правительства закладывать государственныя имущества и вообще вполнѣ распоряжаться оными; 2) несоотвѣтственное съ духомъ нашего правительства сближеніе вопроса о правѣ распоряженія государственными имуществами съ формами представительной системы; 3) неправильное объясненіе, будто бы 5% банковые билеты обезпечены спеціальною ипотекою, могущею даже уменьшиться въ своей цѣнности отъ такой правительственной операціи, которая не опирается на юридическомъ началѣ, и 4) неблаговидное толкованіе понятій о государственномъ и частномъ достояніи»[2].

Но потомъ оказалось, что номеръ отъ 18 сентября былъ только предлогомъ. На самомъ же дѣлѣ очень не понравился предыдущій номеръ (17 сентября), въ которомъ Френкелю

---

[1]) „Сѣверн. Почта“ 1865 г. № 203.

[2]) „Матеріалы etc“, II, 117.

былъ данъ порядочный щелчокъ за безобразное отношеніе къ частнымъ заемщикамъ...

Насколько первый опытъ удовлетворилъ Валуева, убѣдившагося въ необыкновенной простотѣ пріема предостереженій и полной пригодности для этого своего совѣта, настолько онъ взволновалъ общество, даже его не либеральную часть. Никитенко категорически записываетъ: «въ публикѣ все общее негодованіе противъ Валуева» [1]). Конечно, было бы большой ошибкой объяснять такое вполнѣ опредѣленное общее настроеніе однимъ шагомъ по отношенію къ «Петербургскимъ Вѣдомостямъ» или даже исключительно отношеніемъ Валуева къ печати вообще—причины его коренились глубже, въ программѣ его по всему управленію, — но, безспорно, что такіе факты, какъ первое произвольное предостереженіе, бывали сигналами для выраженія общественнаго настроенія.

Не преминула высказаться и печать. Наиболѣе рѣзки были отзывы «Голоса» и «Московскихъ Вѣдомостей» [2]) Ихъ статьи сводились къ вопросу: «ужъ не очень-ли это легко и скоро?». Краевскій чувствовалъ за собою силу Головнина, Катковъ—... всѣхъ лично недовольныхъ Валуевымъ высокопоставленныхъ лицъ. Что было дѣлать? Зная, что тутъ предостереженія неумѣстны, совѣтъ, 9 октября, постановилъ помѣстить въ «Сѣверной Почтѣ» завленіе о неумѣстности осужденій установленныхъ закономъ административныхъ взысканій. Валуевъ велѣлъ дѣло пересмотрѣть. На слѣдующій день совѣтъ положилъ, кромѣ того, поручить своему члену, Фуксу, составить для неофиціальнаго отдѣла «Почты» статью о томъ, что система 6 апрѣля вовсе не походитъ на французскую. Резолюція, Валуева: «Согласенъ съ тѣмъ: 1) чтобы редакцію заявленія сообразить съ сообщенными мною г. начальнику главнаго управленія замѣтками; 2) чтобы въ статьѣ, ожидаемой отъ г. члена совѣта Фукса, имѣть въ виду преимущественно прямое объясненіе и категорическое подтвержденіе права предостереженій вообще, а не права по русскому закону въ противоположность французскому. Ни критика иностраннаго

---

1) „Рус. Старина“ 1891 г., VII, 93.
2) Первый въ №№ 269—279, вторыя—№ 288.

законодательства, ни оцѣнка дѣйствій иностраннаго правительства неудобны для «Сѣверной Почты» [1]).

Для насъ наиболѣе интересно официальное заявленіе, какъ потому, что оно носило видъ правительственнаго сообщенія, такъ и потому, что оно дѣлалось для всѣхъ обязательнымъ. За статьей Фукса ни того, ни другого, конечно, не было. Вотъ оно:

«Въ нѣкоторыхъ столичныхъ повременныхъ изданіяхъ появились статьи, заключающія въ себѣ рѣзкое порицаніе предоставленнаго административной власти, на основаніи законоположеній 6 апрѣля сего года, права объявлять предостереженія журналамъ и газетамъ, неподлежащимъ предварительной цензурѣ. Это порицаніе выражалось иногда прямо, иногда косвенно, въ формѣ критики того же права, предоставленнаго административной власти въ иностранныхъ государствахъ.

«Смыслъ, значеніе и цѣль подобныхъ статей осязательны. Онѣ клонятся къ возбужденію недовѣрія и неуваженія къ установленному въ имперіи новому закону и обнаруживаютъ неправильное пониманіе права, предоставленнаго нашей печати ст. 16 отд. IV высочайше утвержденнаго, 6 апрѣля 1865 года, мнѣнія государственнаго Совѣта» [2]).

Статья Аксакова, уже извѣстная читателямъ, очень не понравилась московскому цензурному комитету, а когда въ слѣдующемъ номерѣ появилась другая — о духовной цензурѣ и необходимости выяснить, наконецъ, ея настоящіе предѣлы [3]) — послѣдній немедленно направилъ дѣло въ министерство. Совѣтъ большинствомъ голосовъ полагалъ подвергнуть редактора судебному преслѣдованію «за оскорбленіе гражданской и духовной цензуры, возбужденіе неуваженія къ законамъ и превратное истолкованіе источника, а равно правъ и преимуществъ верховной власти». Резолюція Валуева на докладѣ совѣта заслуживаетъ быть отмѣченной: «Нахожу неудобнымъ подвергать преслѣдованію повременное изданіе за первый номеръ, вышедшій въ свѣтъ послѣ всту-

---

[1]) „Собственноручныя отмѣтки министра вн. дѣлъ на журналахъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати“, Спб., 1868 г., 4.

[2]) „Сѣв. Почта“ 1865 г., № 221.

[3]) „День“, 1865 г., № 32.

пленія въ силу новаго закона. Если послѣдующіе выпуски будутъ походить на первый и второй, то въ нихъ представится основаніе къ преслѣдованію, какъ самобытно, такъ и въ связи съ предшедшимъ. Административное взысканіе считаю неудобнымъ по тѣмъ же уваженіямъ. Что же касается нареканій на цензуру, то по ихъ глубокому неприличію, по грубой торопливости воспользоваться первымъ къ тому попущеніемъ, а равно по ихъ очевидной несостоятельности, я полагаю, что имъ оказана была бы незаслуженная честь, какъ преслѣдованіемъ, такъ и предостереженіемъ» [1]).

Что же такое особенное сказалъ Иванъ Сергѣевичъ по поводу оставленной въ полной силѣ старой духовной цензуры?

По его мнѣнію,—«церковь унизила бы себя, уронила бы значеніе истины, наложила бы оковы на свободу Христову, еслибъ вздумала, чрезъ посредство государства, накладывать оковы на совѣсть людей, на ихъ убѣжденія, на дѣятельность разума и на его свободное выраженіе — еслибъ, напримѣръ, подчинила своей цензурѣ литературу, хотя бы только такъ называемую «духовную»!

«... Въ это время, какъ государство въ своей области признало нужнымъ расширить просторъ мысли и слова — духовное правительство, говорятъ намъ, изготовляетъ и свои предположенія о томъ же предметѣ, однако же, на началахъ не только государственныхъ, слѣдовательно, чуждыхъ основаніямъ Христовой свободы, но и изъ государственныхъ началъ—на началахъ наименѣе либеральныхъ и даже несогласныхъ съ общимъ характеромъ новѣйшей дѣятельности государственной. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, церковь даже при настоящемъ устройствѣ ея управленія не нуждается ни въ какомъ цензурномъ уставѣ. Мы вполнѣ признаемъ, что собственное слово церкви, отъ нея, какъ отъ церкви (а не отъ отдѣльныхъ лицъ) исходящее, носящее на себѣ характеръ каноническій, должно подлежать ея собственной, такъ сказать, соборной цензурѣ, носить на себѣ печать ея одобренія, дабы не быть смѣшиваемымъ со словомъ не соборнымъ, словомъ личнымъ: никто не долженъ

---

[1]) „Собственноручныя отмѣтки etc.“, 2—3.

имѣть права говорить отъ лица церкви, кромѣ самой церкви Затѣмъ — не стѣсняя ничью личную свободу внѣшними средствами, она всякому не церковному слову, какъ не *ея* слову, должна предоставить полный просторъ, ограждаясь отъ него не полицейскимъ способомъ, а способомъ проповѣди и обличенія» [1])...

Вотъ, собственно, основныя соображенія человѣка, желавшаго видѣть церковь отдѣленной отъ правительства, самой себѣ довлѣющей.

Вскорѣ настала очередь «Современника», никогда, по волѣ рока, не пользовавшагося хотя бы индифферентностью цензурнаго вѣдомства. Первыя двѣ безцензурныя книжки (августовская и сентябрьская) признаны были достаточнымъ матеріаломъ. Совѣтъ обратилъ вниманіе вообще на «вредное направленіе журнала», въ «особенности же», какъ гласитъ его журналъ, на статьи: «Новыя времена», въ которой усмотрѣлъ «порицаніе началъ семейнаго союза въ формѣ восхваленія свободныхъ половыхъ отношеній, существующихъ въ одной американской общинѣ»;... конечно на—«Надежды и опасенія».., на «Записки Современника», гдѣ «объясняется, на юридической почвѣ, теорія соціальнаго демократизма и доказывается право крестьянъ на вознагражденіе изъ той массы капиталовъ, которая, составляя сбереженіе, сдѣланное руками рабочихъ классовъ, несправедливо отдана въ руки капиталистовъ, что и составляетъ, по словамъ автора, заѣданіе чужого, мужицкаго хлѣба, — главное зло и препятствіе всего историческаго и общественнаго развитія» — это въ августѣ. А въ сентябрѣ, въ тѣхъ же «Запискахъ», въ главѣ: «Какъ измѣрить примѣрно долгъ народу цивилизованныхъ классовъ?» найдено «категорическое развитіе темы на заѣданіе мужицкаго хлѣба, причемъ существованіе капиталовъ и личной поземельной собственности выставляется, какъ положеніе насильственное и безчестное» и, кромѣ того, — «доказательство зловредности высшихъ и вообще имущественныхъ классовъ для народнаго благосостоянія», наконецъ — на стихотвореніе «Газетная», гдѣ, «изображено въ крайне оскорбительномъ видѣ званіе цензора» [2]).

[1]) „День“ 1865 г., № 32.
[2]) „Матеріалы etc.“, II, 118—119.

Напомню кое-что изъ этого прекраснаго, положительно историческаго произведенія.

„. . . . .
. . . Среди праздныхъ мѣстечекъ
Подъ огромнымъ газетнымъ листомъ,
Видишь, тощій сидитъ человѣчекъ
Съ озабоченнымъ, блѣднымъ лицомъ,
Весь исполненъ тревогою страстной,
По движеньямъ похожъ на лису,
Старъ и глухъ; а въ рукѣ его красный
Карандашъ и очки на носу.
Въ оны годы служилъ онъ въ цензурѣ
И донынѣ привычку сберегъ
Все, что прежде черкалъ въ корректурѣ,
Отмѣчать: выправляетъ онъ слогъ,
Съ мысли автора краски стираетъ.
. . . .
„Служба всю мою жизнь поглощала,
Иногда до того я вникалъ,
Что во снѣ благодать осѣняла,
И вскочивъ — я черкалъ и черкалъ!
Къ сочиненію ключъ понемногу,
Къ тайной цѣли его подберешь,
Сходишь въ церковь, помолишься Богу,
И опять троекратно прочтешь:
Взвѣшенъ, пойманъ на каждомъ словечкѣ
Сочинитель дрожалъ предо мной.
. . . .
„Но зато, если дѣльны и строги
Мысли — кто ихъ въ печать проводилъ?
Я вамъ мысль, что „большіе налоги
Любитъ русскій народъ“, пропустилъ:
Я статью отстоялъ въ комитетѣ,
Что реформы раненько вводить,
Что крестьяне — опасныя дѣти,
Что ихъ грамотѣ рано учить!
Кто, чтобъ намъ микроскопы купили,
Съ представленіемъ къ министру вошелъ?
А то разъ цензорà пропустили,
Вмѣсто *сѣверный* скверный орелъ!
Только буква... Шутите съ буквой!
Авторъ правъ: чего цензоръ смотрѣлъ?
. . . .
„Такъ, храня цѣломудріе прессы,
Не всегда былъ, однако, я строгъ.
Еслибъ знали вы, какъ интересы
Я писателей бѣдныхъ берегъ!

Да! меня не коснутся упреки,
Что я платы за трудъ ихъ лишалъ
Оставлялъ я страницы и строки,
Только вредную мысль исключалъ.
Если ты написалъ: „равнодушно
Губернатора встрѣтилъ народъ",
Исключу я три буквы: „ра-душно"
Выйдетъ... и что же? три буквы не счетъ!
Если скажешь: „въ дворянскихъ имѣньяхъ
Нищета ежегодно растетъ", —
„Рѣчь идетъ о сардинскихъ владѣньяхъ"
Поясню — и статейка пройдетъ!
Точно такъ: если страстную Лизу
Соблазнитъ русокудрый Иванъ,
Переносится дѣйствіе въ Пизу —
И спасенъ многотомный романъ!" [1])

Большинство совѣта полагало объявить «Современнику» первое предостереженіе «за общее предосудительное его направленіе», меньшинство же—подвергнуть его судебному преслѣдованію за «Записки Современника», указавъ суду, «для его соображенія, на общее неблагонамѣренное направленіе журнала». Резолюція Валуева: «Исполнить по мнѣнію большинства. Я вполнѣ признаю значеніе уваженій, приведенныхъ въ мнѣніи прочихъ г.г. членовъ, и если бы предостереженіе послѣдовало по содержанію августовской книжки журнала, я не затруднился бы согласиться на судебное преслѣдованіе статьи о мнимомъ долгѣ цивилизованныхъ классовъ въ сентябрской. Но не считая удобнымъ приступить къ тому одновременно съ предостереженіемъ и желая имѣть за собою первое объявленіе таковаго, предпочитаю предостереженіе суду» [2]).

11-го ноября, въ «Сѣверной Почтѣ» было объявлено первое предостереженіе «Современнику» «въ лицѣ издателя-редактора, дворянина Николая Некрасова, и редактора, состоящаго въ чинѣ VIII класса, Александра Пыпина». Мотивировка совпадала съ изысканіями совѣта, но ни статья М. А. Антоновича, ни «Газетная» въ нее не вошли... Къ этому, второму общему по счету, предостереженію консервативное большинство общества отнеслось иначе: на

[1]) За ненахожденіемъ упомянутой книжки „Современника", цитирую по „Полному собранію стихотвореній" изд. 1899 г., 365—368.
[2]) „Собственноручныя отмѣтки etc.", 5.

сторонѣ Валуева была значительная его часть... Онъ же, спрятавшись за указанныя статьи, преслѣдовалъ въ сущности опять-таки за Френкеля... Въ сентябрьской книжкѣ «Современника» была довольно рѣзкая статья: «Интересы дворянства или интересъ барона Френкеля — что дороже „Московскимъ Вѣдомостямъ?"

Очень любопытенъ инцидентъ со возобновившеюся «Вѣстью». Она довольно рѣзко полемизировала съ «Русскимъ Инвалидомъ». Совѣтъ нашелъ необходимымъ «принять это къ свѣдѣнію, какъ матеріалъ для оцѣнки направленія газеты «Вѣсть» на будущее время». Резолюція Валуева: «Согласенъ. Въ отношеніи къ «Вѣсти» и къ «Русскому Инвалиду» прошу г. начальника главнаго управленія приказать пригласить къ себѣ редактора «Вѣсти» и внушить ему о соблюденіи должныхъ приличій въ отношеніи къ газетѣ военнаго министерства. Это тѣмъ болѣе необходимо, что «Инвалидъ» самъ не отличается соблюденіемъ приличій въ дѣлахъ, касающихся другихъ вѣдомствъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго находится пресса и которое своей газетѣ не позволяетъ говорить языкомъ «Инвалида» о «клеветахъ», «интригахъ» и т. п., обязано предупреждать и отстранять неумѣстныя выходки противъ газеты военнаго министерства, хотя ею самою вызываемыя»[1]).

Валуевъ хорошо помнилъ критику Д. А. Милютина на свой проектъ...

1-го декабря объявлено первое (по общему счету третье) предостереженіе «Голосу» Краевскаго за «рѣзкія порицанія и неприличныя сужденія о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, оскорбленія всего дворянскаго сословія, служащихъ правительству лицъ, и, наконецъ, превратное изложеніе историческихъ событій съ очевидною цѣлью возбудить безусловное сочувствіе къ лицамъ, противодѣйствовавшимъ правительству, чѣмъ въ совокупности вполнѣ и послѣдовательно обнаруживается вредное направленіе». Все это заключалось въ статьяхъ: «Русскіе въ Россіи» и «По поводу принятія Ташкента подъ покровительство Россіи» (№№ 322, 325). «Отношенія нашего общества къ совершившимся реформамъ», «Какія сословія могутъ болѣе способствовать къ

[1]) „Собственноручныя отмѣтки etc.", 6.

водворенію русскаго элемента въ Западномъ краѣ», «Система закрытаго воспитанія въ Россіи» и «Вседневная жизнь» (№№ 297, 301, 314, 322), «Радищевъ и Екатерина II» и «Библіографія» (№№ 317 и 318)[1].

4-го декабря «Современнику» объявлено второе (по общему счету четвертое) предостереженіе. Поводомъ къ нему послужили: статья все того же М. А. Антоновича «Суемудріе „Дня“» и стихотвореніе Некрасова — «Желѣзная дорога». Совѣтъ нашелъ, что въ первой «подъ видомъ полемики съ газетою „День“ и подъ предлогомъ опровержения особыхъ мыслей „Дня“ о народности русской, авторъ, хотя косвенно, но въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ возбуждаетъ умы противу истинъ православной вѣры, говоря, что „она къ намъ занесена изъ Византіи въ то время, когда это государство гнило и продуктами своего разложенія заражало все соприкасавшееся съ нимъ“. Вообще статья «Суемудріе „Дня“» заключаетъ въ себѣ: а) неприличныя сужденія о значеніи православія вообще и въ особенности въ отношеніи къ событіямъ отечественной исторіи (стр. 195 — 196); б) сочувственные отзывы о ниспроверженіи алтарей и престоловъ и насмѣшки надъ уваженіемъ къ религіи и законамъ (стр. 188); в) глумленіе надъ нашимъ государственнымъ устройствомъ, равно надъ отношеніями народа къ высшей власти (стр. 195 и 205)». Въ «Желѣзной же дорогѣ» — «взводится клевета на благодѣтельное предпріятіе правительства къ усовершенствованію нашихъ путей сообщенія на западный образецъ, въ звучныхъ стихахъ, утверждающихъ, что „начальство сѣкло народъ“, предоставляя ему право „мерзнуть и гибнуть отъ цынги въ землянкахъ“; причемъ авторъ позволилъ себѣ даже сдѣлать произвольное исчисленіе мучениковъ потерпѣвшихъ смерть за желѣзную дорогу — Николаевскую, утверждая, что таковыхъ „пять тысячъ“; въ эпиграфѣ же упомянуто, вещь всѣми извѣстная, что главнымъ строителемъ дороги былъ графъ Клейнмихель, очевидно, съ цѣлью возбудить негодованіе противъ этого имени; каковое указаніе лица и самый способъ изложенія мнимыхъ злоупотребленій по построенію Николаевской желѣзной дороги вовсе не подходитъ подъ требованіе ст. 16

[1]) „Голосъ“ 1865 г., № 333.

IV отд. законоположенія 6 апрѣля. Вообще стихотвореніе Некрасова — „Желѣзная дорога", представляетъ сооруженіе этого пути результатомъ притѣсненія народа со стороны правительства, съ возбужденіемъ негодованія противъ высшаго правительства».

Кромѣ того, вниманіе совѣта было обращено на «Очерки исторіи русской литературы» (Елисеева) и «Хронику жизни солдатскаго сына Дмитрія Журбы» (Свячченко) — «отличающіеся непрерывнымъ стремленіемъ къ охужденію существующаго въ нашемъ государствѣ порядка вещей, носящія на себѣ явный отпечатокъ соціалистическихъ мудрствованій и въ особенности возбуждающія неприязнь и даже презрѣніе къ нѣкоторымъ сословіямъ» [1]). Въ мотивахъ публично объявленнаго предостереженія указаны были лишь двѣ первыя статьи все той же октябрьской книжки [2]).

Казалось бы, такихъ обвиненій было слишкомъ достаточно для начатія судебнаго преслѣдованія и всенароднаго наказанія «Современника», но не такъ, очевидно, казалось все это Валуеву. Несмотря на гарантію со сороны суда, онъ избѣгалъ его—мы это видѣли.

Наконецъ, насталъ чередъ и для «Русскаго Слова», «обнаруживавшаго ловкость оставаться вѣрнымъ принятому направленію, не подавая поводовъ къ административному, а еще менѣе къ судебному преслѣдованію» — какъ его характеризировалъ наблюдавшій за этимъ журналомъ членъ совѣта... И. А. Гончаровъ, прикосновенный и къ послѣдовавшей въ 1866 году гибели «Русскаго Слова»... Въ октябрьской книжкѣ совѣтъ, соглашаясь съ Гончаровымъ, нашелъ: въ статьѣ «Новый типъ» (Писарева) — «отверженіе понятія о бракѣ и проведеніе теорій соціализма и коммунизма»; въ статьѣ «О капиталѣ» (Н. В. Соколова) «враждебное сопоставленіе класса собственниковъ съ неимущими рабочими классами», а въ повѣстяхъ «Три семьи» (Н. Ф. Бажина) и «Годъ жизни» (Г. Н. Потанина)—«проникнутые крайнимъ цинизмомъ отзывы объ основныхъ понятіяхъ о чести и о нравственности вообще» [3]). Тоже самое было и въ офиціально

[1]) „Матеріалы etc." II, 120—122.
[2]) „Сѣв. Почта" 1865 г., № 266.
[3]) „Матеріалы etc.", II, 122.

20 декабря объявленныхъ мотивахъ, при объявленіи «Русскому Слову» перваго (по общему счету пятаго) предостереженія «въ лицѣ издателя, кандидата правъ Григорія Евлампіева Благосвѣтлова, и редактора, окончившаго курсъ въ С.-Петербургской духовной семинаріи, Николая Александрова Благовѣщенскаго» [1]).

Готовилась гроза и надъ Катковымъ, но, конечно прошла мимо: у него были надежные громоотводы... Еще въ 1864 году, Головнинъ, желая какъ-нибудь отдѣлаться отъ постоянныхъ нападокъ «Московскихъ Вѣдомостей», предлагалъ Валуеву отобрать ихъ отъ университета, а, чтобы замаскировать такое распоряженіе — кстати и «Петербургскія Вѣдомости» отнять у академіи наукъ. Благодаря этому, по словамъ Головнина, достигалось сразу два результата: во-первыхъ, министерство внутреннихъ дѣлъ будетъ само назначать редакторовъ еще двухъ своихъ органовъ изъ лицъ, ужъ вполнѣ благонамѣренныхъ: во-вторыхъ, въ случаѣ пріостановки изданія при тогдашнемъ ихъ положеніи, университетъ и академія теряютъ сильно матеріально, при принадлежности же ихъ министерству внутреннихъ дѣлъ—всегда обезпечены постояннымъ доходомъ. «С.-Петербургскія Вѣдомости» предлагалось даже слить прямо съ «Сѣверной Почтой» и этимъ усилить ея очень плохой тиражъ въ публикѣ. Валуевъ, тогда, въ разгарѣ хлопотъ о проектѣ закона, не обратилъ на это предложеніе вниманія, а въ декабрѣ 1865 года нашелъ его положительно заслуживающимъ уваженія [2]). Катковъ не особенно-то сталъ въ концѣ года одобрять политику Валуева, всегда маневрировавшаго и постоянно колебавшагося въ прочности своего положенія... Дѣлу былъ данъ ходъ, но академія наукъ сумѣла отстоять неотъемлемость своей собственности, передать же въ министерство внутреннихъ дѣлъ однѣ «Московскія Вѣдомости» и думать было нечего, потому что такой проектъ не нашелъ бы сочувствія ни въ государственномъ совѣтѣ, ни въ комитетѣ министровъ, гдѣ, съ одной стороны, понимали Валуева—правда, съ своей точки зрѣнія, но все же понимали; съ другой — цѣнили Каткова...

---

[1]) *А. Никитенко*, „Дневникъ“, „Рус. Старина“ 1891 г., VII, 110—111.
[2]) „Сѣв. Почта“ 1865 г., № 278.

Такъ заканчивался 1865 годъ, годъ, въ теченіе котораго, по словамъ тогдашняго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, Щербинина, — «многія недоразумѣнія недомолвки въ самомъ законѣ 6 апрѣля разъяснились, горизонтъ дѣятельности главнаго управленія сталъ значительно очищаться и осязательно обрисовываться; практикою дознанные пробѣлы въ законѣ стали пополняться и шероховатости на пути встрѣчаемыя изглаживаться» [1]).

Въ заключеніе мнѣ остается надѣяться, что посильное освѣщеніе эпохи цензурныхъ реформъ дало читателю достаточный матеріалъ для выводовъ, можетъ быть, мною и не сдѣланныхъ, но достаточно сильно напрашивающихся быть сдѣланными, въ томъ числѣ и для вывода, насколько серьезный историкъ въ правѣ не только включить законъ 6-го апрѣля 1865 года въ число *великихъ* реформъ шестидесятыхъ годовъ, но и придавать ему то особенное значеніе, которое по странному недоразумѣнію все еще ему приписывается...

---

[1]) *М. П. Щербининъ.* „Воспоминанія". „Рус. Архивъ" 1876 г., III, 31

Головнинъ и Валуевъ въ роли литературныхъ критиковъ и публицистовъ.

Начало шестидесятыхъ годовъ ознаменовалось, между прочимъ, массою офиціальныхъ изданій по исторіи и тогдашнему настоящему нашей цензуры. Министерство народнаго просвѣщенія, а за нимъ — и внутреннихъ дѣлъ составляли, печатали и кое-кому раздавали всевозможные «проекты», «свѣдѣнія», «отношенія», «записки», «мнѣнія» и т. п. Теперь, на отдаленіи сорока лѣтъ, многое изъ этихъ цѣнныхъ матеріаловъ такъ или иначе популяризировано въ работахъ, правда все еще очень немногочисленныхъ, по русской цензурѣ, кое-что лишь упомянуто, кое-что почти неизвѣстно. Да это и понятно, всѣ министерскія изданія печатались вовсе не для общаго пользованія, еще меньше — для продажи. Сотня, другая экземпляровъ — обычное количество въ изданіи такихъ матеріаловъ — расходилась по рукамъ всякаго ранга чиновниковъ цензурнаго вѣдомства и въ нихъ исчезала часто безслѣдно.

Въ числѣ такихъ мало кому извѣстныхъ изданій есть два, представляющія несомнѣнный интересъ для всякаго, кто хочетъ ознакомиться съ взглядами цензурнаго вѣдомства на литературу и журналистику вообще, на литераторовъ и журналистовъ — въ частности, наканунѣ введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля 1865 года. Это во-первыхъ, — «Краткое обозрѣніе направленія періодическихъ изданій и газетъ и отзывовъ ихъ по важнѣйшимъ правительственнымъ и другимъ вопросамъ за 1862 г.», изданное въ 1862 г. по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, А. В. Головнина. Во-вторыхъ, — «Собраніе матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей русской словесности за послѣднее де-

сятилѣтіе и отечественной журналистики за 1863 и 1864 г.»,— напечатанное въ 1865 г. по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуева.

Ознакомить съ этими двумя офиціальными документами современнаго читателя — моя цѣль [1]). Но именно — только ознакомить. Критика и оцѣнка министерскихъ курсовъ и пособій словесности не входятъ въ мою задачу — читателю удобнѣе заняться этимъ самому.

Литература и журналистика 1862 года въ оцѣнкѣ Головнина и гр. Капниста.

Когда, въ мартѣ 1862 г., какъ извѣстно уже читателямъ, цензурное вѣдомство было вручено одновременно двумъ министрамъ, Валуевъ почти ежедневно сталъ обращать вниманіе Головнина на тѣ или другія упущенія цензуры. Конечно, положеніе Головнина колебалось; изъ чувства простого самосохраненія, нужно было найти средство для борьбы съ постоянными указаніями на свою бездѣятельность. Для этого онъ прибѣгъ къ способу, практиковавшемуся еще Норовымъ и Ковалевскимъ, когда имъ приходилось защищаться отъ нападеній «Комитета 2 апрѣля 1848 года» и «Комитета по дѣламъ книгопечатанія» 1859 года, — т. е. къ подносимымъ государю періодическимъ обзорамъ литературы. Такимъ обозрѣвателемъ избранъ былъ чиновникъ особыхъ порученій, гр. П. И. Капнистъ. Но кромѣ обозрѣній еженедѣльныхъ (а то и по три раза въ недѣлю), Головнинъ дѣлалъ еще сводныя — за полгода, а когда 1862 годъ подходилъ къ концу, то поручилъ Капнисту «составить обозрѣніе всего литературнаго года». Въ результатѣ этой работы и яви-

[1]) Я отнюдь не первый указываю на эти источники и буду пользоваться ими. Указанія на нихъ и цитаты попадаются въ статьяхъ Усова („Цензурная реформа 1862 г.“;—„Вѣст. Европы“ 1882 г., V и VI), г. Энгельгардта („Цензура въ эпоху великихъ реформъ“, „Истор. Вѣстникъ“ 1902, X — XII); наконецъ, въ моей же книгѣ: „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія“ оба названные источника цитируются нѣсколько разъ. Разница только въ томъ, что здѣсь я останавливаюсь на этихъ документахъ съ несравненно большею, чѣмъ кто бы то ни было, подробностью.

лось названное уже выше «Краткое обозрѣніе» [1]). Головнинъ старался подчеркнуть благонамѣренность литературы и журналистики и этимъ отвести громы противъ той и другой, столь щедро расточаемые не только Валуевымъ, но и многими большого чина бюрократами, особенно гр. Панинымъ и Чевкинымъ.

«Не трудно убѣдиться, даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ, — читаемъ въ «Краткомъ обозрѣніи» — что характеръ почти всѣхъ статей этого рода (по вопросамъ общественной жизни — *М. Л.*) свидѣтельствуетъ о прочности нравственныхъ убѣжденій большинства журналовъ и газетъ и о благопріятномъ для правительства вліяніи журналистики нашей въ 1862 году на общественное мнѣніе» [2]). Хотя въ подтвержденіе этой благонамѣренности составитель «Краткаго обозрѣнія» особенно останавливался на благонамѣренныхъ чувствахъ и побужденіяхъ Б. Н. Чичерина, игравшаго первую скрипку въ «Нашемъ Времени» Н. Ф. Павлова, но подобныя обобщающія аттестаціи положительно пестрятъ на 84 страницахъ «Обозрѣнія».

Особенное удовольствіе гр. Капнистъ и Головнинъ выразили по поводу «обличеній» недававшаго никому въ Россіи покоя Герцена. Мѣста эти такъ характерны и интересны, что я приведу ихъ съ буквальной точностью.

«Въ половинѣ же 1862 г., журналистика, какъ вѣрная истолковательница настроенія всего общества [3]), представляетъ весьма большое количество отзывовъ и нападокъ на такъ называемую „подпольную и заграничную русскую литературу“. Не трудно убѣдиться, даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ, что характеръ почти всѣхъ статей этого рода свидѣтельствуетъ, какъ о прочности нравственныхъ убѣжденій большинства журналовъ и газетъ, такъ и благо-

---

[1]) „*Сочиненія гр. П. И. Капниста*“. М. 1901 г., т. I, „Воспоминанія о гр. П. И. Капнистѣ“ принадлежащія его дочери. Въ этихъ сочиненіяхъ приведено все то, что принадлежитъ перу гр. Капниста въ названныхъ выше двухъ секретныхъ источникахъ, но публика съ ними знакома очень мало, благодаря невысокимъ качествамъ этихъ сочиненій.

[2]) Стр. 65.

[3]) Черезъ два года гр. Капнистъ думалъ далеко не такъ про „вѣрное истолкованіе“...

пріятномъ для правительства вліяніи журналистики нашей, въ 1862 году, на общественное мнѣніе. Въ этомъ отношеніи особенно выдалась «Замѣтка для издателя „Колокола“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, послужившая поводомъ къ цѣлому ряду статей въ газетѣ „Наше Время“ и въ „Сѣверной Пчелѣ“, порицавшихъ направленіе и дѣятельность издателя „Колокола“ и съ успѣхомъ изобличавшихъ его въ глазахъ тѣхъ близорукихъ людей, у которыхъ до того времени онъ пользовался неопровержимымъ авторитетомъ. *Сознавая несомнѣнную пользу такого направленія, цензура считала нелишнимъ дать нѣкоторый просторъ статьямъ этого рода, имѣвшимъ цѣлью противодѣйствовать тенденціямъ „подпольной литературы“ и нѣкоторыхъ заграничныхъ агитаторовъ»* [1]).

Въ другомъ мѣстѣ составитель «Обозрѣнія» отводитъ своему восторгу болѣе значительное поле. Сказавъ, что журналистика оказала обществу «немаловажную услугу, послѣдствія которой были и будутъ самыя утѣшительныя», онъ продолжаетъ:

«Существовавшая до 1862 г. невозможность отзываться объ этомъ предметѣ (дѣятельность заграничныхъ «агитаторовъ» — *М. Л.*) въ Россіи печатно придавала много авторитета заграничнымъ произведеніямъ и дѣятельности этого рода. Но наконецъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ отъ 9-го мая 1862 г. имя г. Герцена появляется въ первый разъ послѣ четырнадцати лѣтъ молчанія о немъ въ нашей печати. Эта газета напечатала рѣчь произнесенную имъ въ Вяткѣ 6 декабря 1837 г., по случаю открытія тамъ публичной библіотеки. Въ этой рѣчи выражено, между прочимъ, убѣжденіе, что правительство наше всегда шло впереди народа, указывая и пролагая для него путь къ просвѣщенію и прогрессу. Опубликованіе въ настоящее время „Сѣверной Пчелой“ такихъ понятій, высказанныхъ нѣкогда громко г. Герценомъ, имѣло цѣлью доказать нагляднымъ образомъ: до какой степени убѣжденія его могутъ измѣняться подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ и это такъ живо задѣло его самолюбіе,

[1]) Стр. 5—6. Курсивъ мой. При обозрѣніи 1862 года, въ особой главѣ, посвященной первымъ „обличеніямъ“ Герцена, я уже указывалъ, что хронологически авторъ „Краткаго обозрѣнія“ ошибается очень существенно. Поэтому рекомендую читателю не описательную часть этихъ страницъ, а лишь публицистическую...

что онъ поспѣшилъ въ своей газетѣ „Колоколъ“ высказать исполненныя горечи и злобы жалобы свои не поступокъ „Сѣверной Пчелы“. Вскорѣ потомъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ была напечатана „*Замѣтка для издателя Колокола*“ и съ того времени начинается единодушное, полезное и успѣшное стремленіе нашей журналистики разрушить эфемерный авторитетъ нашихъ заграничныхъ агитаторовъ. „Русскій Вѣстникъ“ весьма мѣтко указалъ на ту недобросовѣстность, съ которою издатель „Колокола“ относился постоянно къ многознаменательнымъ преобразованіямъ настоящаго царствованія и къ явленіямъ новой русской жизни. „Открылась новая эпоха, которая требуетъ новыхъ тяжкихъ усилій“, гласитъ „Замѣтка“, „началось дѣло исполненное величайшихъ трудностей, явился необозримый рядъ новыхъ потребностей и задачъ. Такое могущественное движеніе въ общественномъ организмѣ не можетъ не сопровождаться броженіемъ умовъ и разстройствомъ многихъ интересовъ. Въ чемъ же состоитъ задача честнаго писателя, сколько-нибудь мыслящаго и дѣйствительно любящаго свою родину? Броженію-ли этому способствовать, или созидательному дѣлу? Запутывать-ли дѣло всякою негодною примѣсью, капризами и фантазіями, и вызывать губительныя реакціи, или разъяснять и упрощать его, и сосредоточивать общественное вниманіе на элементахъ существенныхъ и безспорныхъ? Каждый честный человѣкъ въ такую минуту принимающійся за публичное слово и находящійся на полной свободѣ, не раздражаемый стѣсненіемъ, долженъ чувствовать на себѣ великую нравственную отвѣтственность, не совмѣстную съ легкомысліемъ, и избѣгать всего, чего онъ не сознаетъ съ полною ясностью, съ полнымъ разумнымъ убѣжденіемъ. Такъ-ли дѣйствовалъ издатель „Колокола“? спрашиваетъ „Русскій Вѣстникъ“, и отвѣчаетъ, что „онъ не дѣйствовалъ, онъ юлилъ и вертѣлся, ломался и жеманничалъ; онъ умѣлъ только смущать, запутывать, вызывать реакціи. Передъ каждымъ практическимъ вопросомъ онъ раскрывалъ бездну своего пустого и безсмысленнаго радикализма и только пугалъ, раздражалъ и сбивалъ съ толку“. „Было-ли“, продолжаетъ статья, „сказано въ его писаніяхъ хоть одно живое слово по тѣмъ реформамъ, которыя у насъ совершались, по тѣмъ вопросамъ, которые у насъ возникали? Что путнаго

было сказано, напримѣръ, по поводу крестьянскаго дѣла, самаго капитальнаго и самаго труднаго? Ничего, кромѣ тупоумныхъ разглагольствованій г. Огарева и сценическихъ вскрикиваній г. Герцена". Несмотря на *все литературное достоинство и умъ* этой „Замѣтки для издателя Колокола", впечатлѣніе произведенное ею теряло значительную долю своей силы потому, что въ тонѣ ея многіе слышали раздражительность и отсутствіе спокойнаго разсужденія. Тѣмъ не менѣе, *большинство газетъ перепечатали статью „Русскаго Вѣстника"* и сами воспользовались возможностью разсуждать печатно о нашихъ заграничныхъ агитаторахъ. Весьма полезное впечатлѣніе произвелъ рядъ статей газеты „Наше Время" подъ заглавіемъ: „Г. Герценъ и г. Огаревъ". Отличаясь тономъ болѣе умѣреннымъ, чѣмъ „Замѣтка" „Русскаго Вѣстника", статьи эти не менѣе, если не болѣе способствовали къ подрыву во мнѣніи массъ авторитета г. Герцена. Замѣчательно, что нумера газеты, въ которыхъ печатались эти статьи, покупались нарасхватъ и по этому факту можно съ достовѣрностью предположить о сочувствіи большинства къ стремленію нашей журналистики противодѣйствовать заграничнымъ агитаторамъ. Вотъ, напримѣръ, отзывъ одной изъ статей газеты „Наше Время" о самомъ г. Герценѣ: „Одаренный большимъ литературнымъ талантомъ и неистощеннымъ остроуміемъ» говоритъ газета, „онъ вообразилъ себѣ, что ему предлежитъ другое, не просто литературное поприще, что онъ собственно не литераторъ, а политикъ, политическій дѣятель. Этой злополучной мысли мы одолжены всѣмъ тѣмъ политическимъ сумбуромъ, который читали въ его заграничныхъ изданіяхъ. Конечно, онѣ въ глазахъ очень молодыхъ людей, а также людей ничего не знающихъ и ни о чемъ не думавшихъ, имѣютъ прелесть, съ которой трудно бороться. Прелесть эта заключается именно въ недостаткѣ практическаго характера и въ идеальности стремленій". Однако такое убѣжденіе не помѣшало газетѣ „Наше Время", предложить рѣзкую, но вѣрную характеристику политическаго направленія издателя „Колокола". „Г. Герценъ", замѣчаетъ газета, „ничего такъ не желалъ, какъ говорить вслухъ, а между тѣмъ онъ потихоньку былъ гораздо лучше. О многомъ только закричи, такъ оно потеряетъ свою прелесть. Выложи иногда все, что есть за душой, и прослывешь

не богачемъ, а нищимъ. Свобода для г. Герцена не будни, а праздникъ. Это не спокойное пользованіе правомъ, не увѣренность, что оно мое, днемъ, ночью, на глазахъ цѣлаго міра; а разгулъ мастерового, который дождался воскресенья да и пируетъ на послѣднія деньги. Г. Герценъ вѣчно находится въ торжественномъ настроеніи, вѣчно торопится, какъ будто боится, что праздникъ скоро кончится. Онъ, кажется, пишетъ не затѣмъ, чтобъ сообщать мысли, а чтобъ доказывать, что пишетъ безъ цензуры. Онъ щеголяетъ не истиной, а силой, не воздержанностью, а необузданностью. У него во всемъ замѣтно какое-то инстинктивное желаніе помѣстить на данномъ протяженіи бумаги какъ можно болѣе свободы слова. Если теперь обратиться, наконецъ, къ содержанію политическихъ трудовъ г. Герцена, къ тому богатству, которымъ горѣлъ онъ нетерпѣніемъ подѣлиться съ нами, то должно придти въ изумленіе, до какой степени скудно число его сокровищъ. Двѣ-три истасканныя мысли, общія мѣста, ропотъ противъ угнетателей, завѣренія въ любви къ народнымъ массамъ, на каждомъ шагу звуки знакомой, старинной пѣсни и болѣе ничего. Еслибъ онъ былъ рыцаремъ, то въ его щитѣ слѣдовало бы поставить девизомъ: революція и сплетни. Вотъ его политическій катехизисъ въ главныхъ чертахъ". Достойны вниманія также статьи о г. Герценѣ помѣщавшіяся въ „Сѣверной Пчелѣ" и статья газеты „Сынъ Отечества" подъ заглавіемъ: *„Нѣсколько словъ по поводу одного новаго вопроса въ русской публицистикѣ"* [1]). „Если бы г. Герценъ", замѣчаетъ эта статья, „отуманенный своимъ воображаемымъ величіемъ, былъ въ состояніи слушать чьи-нибудь совѣты, мы обратились бы къ нему съ просьбою не вредить развитію Россіи своими крайними выходками, а вмѣстѣ съ нами служить по мѣрѣ силъ и возможности общему, святому дѣлу добра и порядка. Но г. Герценъ, конечно, не послушаетъ нашего смиреннаго голоса, онъ съ олимпійскимъ величіемъ смотритъ на нашу журналистику. Но отказавшись отъ мысли обратить на путь истинный лондонскаго русскаго публициста, мы не отказываемся отъ другой мысли — отъ мысли, предостеречь тѣ личности изъ нашего общества, для которыхъ нужны эти предостереженія, отъ обаянія, которое

---

[1]) Курсивъ подлинника.

производить на нихъ непроцензурованный листокъ г. Герцена, напомнивъ, что отсутствіе цензурнаго разрѣшенія отнюдь не можетъ служить мѣриломъ состоятельности не подвергшейся цензурѣ книги [1]).

Очень значительное мѣсто «Краткое обозрѣніе» отвело и «Отцамъ и дѣтямъ» Тургенева:

«Этотъ романъ есть единственное явленіе въ періодической литературѣ 1862 года, которое равно замѣчательно и по значенію своему для вопросовъ общественной жизни и по высокому художественному достоинству. Романъ г. Тургенева явился какъ нельзя болѣе кстати и имѣлъ неоспоримо весьма полезное дѣйствіе на общество. Онъ явился въ то время, когда теоретическія статьи, написанныя даже такъ популярно, какъ статьи г. Чичерина, могли быть слишкомъ серьезны для того, чтобы сдержать въ границахъ замѣтно усиленное разными вредными вліяніями колебаніе основныхъ нравственныхъ началъ въ недоучившейся молодежи и во всѣхъ несамостоятельныхъ умахъ. Въ легко доступной понятію каждаго, художественной формѣ г. Тургеневъ выставилъ на судъ общества отцевъ, имѣющихъ принципы, и дѣтей, стремящихся, если можно такъ выразиться, къ безпринципности, къ „*нигилизму*". Нигилистомъ по опредѣленію г. Тургенева, называется тотъ, „который ничего не признаетъ, который ничего не уважаетъ, который ко всему относится съ критической точки зрѣнія, который не склоняется ни предъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ". Вопросъ о нигилизмѣ быть можетъ помимо намѣреній самого автора, оказался въ романѣ не въ симпатичномъ колоритѣ для способности всеотрицанія и это произвело, между прочимъ то, что критики „Современника" и „Русскаго Слова" [2]) всегда прежде сходившіеся въ воззрѣніяхъ, выказались въ неловкомъ положеніи и стали противорѣчить другъ другу, что было замѣчено другими журналами. Спустя не болѣе полугода послѣ появленія романа г. Тургенева можно уже

[1]) Стр. 74—79. Курсивъ мой. Въ 1862 г. предварительной цензурой просматривалось *все*, печатавшееся въ Россіи.

[2]) М. А. Антоновичъ и Писаревъ.

замѣтить принесенную имъ для общества пользу. Анализъ нигилизма привелъ общество и литературу къ сознанію, что это качество есть явленіе ненормальное, болѣзненное и, какъ противъ всякой болѣзни, стали искать средствъ и противъ нигилизма... Романъ г. Тургенева принесъ пользу еще и тѣмъ, что лишилъ нигилизмъ того обаянія, которое начиналъ онъ получать подъ перомъ людей съ талантомъ, какъ напримѣръ Добролюбовъ»[1]).

Рядъ статей въ «Сѣверной Пчелѣ», «Нашемъ Времени» и «Сынѣ Отечества» далъ составителю „Обозрѣнія“ поводъ, сдѣлать еще нѣсколько не лишенныхъ интереса замѣчаній.

«Вскорѣ послѣ появленія романа г. Тургенева — пишетъ онъ — журналистика наша и общество представили очевидное доказательство полнаго сочувствія своего принципу нравственности. Въ концѣ прошлаго мая и въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца столица наша подверглась страшнымъ пожарамъ, о причинѣ которыхъ ходили самые прискорбные толки. Одновременно съ этимъ бѣдствіемъ стали являться подметные листки возмутительнаго свойства, получившіе извѣстность подъ именемъ злоумышленныхъ прокламацій. Всеобщимъ, единодушнымъ взрывомъ негодованія и скорби встрѣтила періодическая литература наша это ненормальное явленіе жизни общественной. Впослѣдствіи эти подметные листки потеряли въ глазахъ общества всякій признакъ серіознаго дѣла и стали предметомъ насмѣшекъ, но въ первую минуту воображеніе массъ, настроенное другими дѣйствіями, облекло ихъ несвойственнымъ имъ значеніемъ. Къ такому разоблаченію этихъ подметныхъ листковъ въ глазахъ общества по преимуществу содѣйствовала наша журналистика своими отзывами о нихъ, полными хладнокровнаго презрѣнія»[2])...

Оставляю въ сторонѣ значительную часть «Обозрѣнія», посвященную деталямъ, какъ-то: вопросамъ крестьянскому, дворянскому, о преобразованіи суда, о выкупѣ, о земскихъ банкахъ, финансовымъ и экономическимъ, о военныхъ преобразованіяхъ, о городскомъ общественномъ управленіи, о народномъ просвѣщеніи, о духовенствѣ, о преобразованіи

[1]) Стр. 66—68. Курсивъ подлинника.
[2]) Стр. 69.

цензуры: — тамъ, кромѣ выдержекъ изъ газетъ и журналовъ (ихъ для разсмотрѣнія было взято 22), нѣтъ ничего, принадлежащаго самому составителю.

Такова была самозащита Головнина, многими его апологетами признанная за желаніе дать печати большую... «свободу»...

Происхожденіе „Собранія матеріаловъ". Его цѣль и основныя убѣжденія при оцѣнкѣ литературы.

Вскорѣ гр. Капнистъ перешелъ чиновникомъ особыхъ порученій къ Валуеву. Послѣдній, зная уже «литературныя» способности своего новаго подчиненнаго, рѣшилъ воспользоваться его перомъ для своей цѣли и поручилъ ему написать обзоръ литературы за 1863 годъ, въ которомъ доказывалось вся цѣлесообразность надзора министерства внутреннихъ дѣлъ за печатью... распущенной Головнинымъ.

«Обзоры» писались, время шло, проектъ новаго цензурнаго закона обсуждался въ комиссіяхъ кн. Оболенскаго, потомъ въ государственномъ совѣтѣ. Предвидя скорое свое торжество надъ довольно многочисленными оппонентами, всячески критиковавшими валуевскій проектъ, министръ рѣшилъ снабдить цензоровъ особымъ руководствомъ, которое бы помогло имъ идти въ разъ опредѣленномъ направленіи, однообразнѣе понимать современную литературу и дѣйствовать на болѣе твердой почвѣ. Для этого рѣшено было напечатать особый, такъ сказать, курсъ руской словесности. Работа была раздѣлена такимъ образомъ: «обозрѣніе романовъ и сочиненій въ прозѣ поручили князю Вяземскому, обозрѣніе драматическихъ произведеній — Маркевичу, а лирической поэзіи — Капнисту. За эту работу Капнистъ принялся съ особеннымъ удовольствіемъ и въ апрѣлѣ 1865 г. уже окончилъ ее. Часто навѣщавшій его Щербина (Н. Ѳ.) приходилъ въ восторгъ по мѣрѣ того, какъ слышалъ отрывки изъ сочиненія Капниста, и говорилъ: „прочитай это министръ, — онъ увидитъ въ васъ человѣка глубоко понимающаго не только поэзію, но и политическое ея значеніе. Эта работа должна непремѣнно дойти до государя" [1]). Ва-

[1]) „Сочиненія гр. П. И. Капниста", I. CXXI.

луевъ оцѣнилъ работу Капниста и далъ ему мѣсто правителя дѣлъ въ проектировавшемся Главномъ управленіи по дѣламъ печати. Въ августѣ 1865 г. очеркъ о лирикѣ былъ уже отданъ въ печать. «Князь Вяземскій не представилъ заданной ему записки о русской прозѣ. Изданіе готовилось къ 1 сентября. Вновь обратились къ Капнисту съ просьбой, чтобы онъ написалъ также и эту часть. Времени оставалось слишкомъ мало, чтобы успѣть написать подробный критическій очеркъ. Въ краткой статьѣ онъ изложилъ направленіе русской прозы въ переходное время нашей литературы» [1]).

Такимъ образомъ составилось «Собраніе матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей русской словесности за послѣднее десятилѣтіе». Вторая же часть этого руководства: «—и отечественной журналистики за 1863—1864 г. г.» была выполнена и «обзорами» Капниста и коллективнымъ трудомъ членовъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія.

Къ 1-му сентября 1865 г. — т. е. ко дню введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля, валуевское руководство было уже получено всѣми цензурными учрежденіями.

Цѣль этой довольно объемистой книги (296 страницъ) была объяснена совершенно ясно въ «Введеніи»:

«Цензура наша примѣняла свою дѣятельность по большей части къ отдѣльнымъ явленіямъ въ области печати и можно утвердительно сказать, что почти каждый цензоръ, за весьма рѣдкими исключеніями, наблюдая за тѣми періодическими изданіями, разсматриваніе которыхъ входило въ его прямую обязанность, не имѣлъ въ виду тѣхъ различныхъ направленій, которыя существовали въ нашей литературѣ, и потому для него оставались неизвѣстными тѣ *цѣли*, къ которымъ нѣкоторые дѣятели стремились посредствомъ литературной агитаціи, и тѣ *пріемы*, которые для этого употреблялись. Если же уясненіе и общій обзоръ главныхъ литературныхъ направленій можетъ привести къ полезнымъ результатамъ при системѣ предварительной цензуры, то тѣмъ

[1]) Ibidem, CXXV. По всей вѣроятности, рѣчь идетъ о кн. П. П. Вяземскомъ, сынѣ П. А., поэта, служившемъ въ цензурномъ вѣдомствѣ. Старикъ-отецъ былъ въ это время и очень старъ и, пожалуй, мало подходящъ для компаніи съ Капнистомъ и Маркевичемъ — все-таки, это отставной товарищъ министра.

болѣе серіозное примѣненіе можетъ быть изъ этого сдѣлано при томъ характерѣ, который должна усвоить себѣ цензурная дѣятельность въ силу высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 6 апрѣля сего года. Знаніе главныхъ направленій, существующихъ въ литературѣ, и *разумѣніе тѣхъ цѣлей,* которымъ служатъ наиболѣе вліятельные писатели, можетъ нерѣдко содѣйствовать къ вѣрному взгляду на новое литературное произведеніе, къ справедливому заключенію о немъ и *даже* къ правильному примѣненію относительно его того или другого цензурнаго постановленія» [1]).

Начинается «Введеніе», по всей вѣроятности, написанное самимъ Валуевымъ (по крайней мѣрѣ, тамъ тѣ же мысли, которыя онъ выражалъ неоднократно въ своихъ многочисленныхъ циркулярахъ), съ указанія на то, что уровень русской литературы и журналистики за 1854 — 64 годы «значительно понизился», что «ихъ внутреннее достоинство и независимость положенія» крайне незначительны. Затѣмъ читаемъ слѣдующее:

«Оставя путь *свободнаго* развитія, литература наша значительно отклонилась въ *несвойственную* ей среду односторонняго служенія временнымъ политическимъ, гражданскимъ и общественнымъ вопросамъ. Прямымъ послѣдствіемъ этого должно признать замѣчаемую въ новѣйшихъ произведеніяхъ русской литературы плохо скрытую *тенденціозность*, скудность творческой дѣятельности, а потому и повсемѣстное почти отсутствіе *художественности*. Немногія исключенія въ этомъ отношеніи составляютъ тѣ современные писатели наши, талантъ которыхъ получилъ уже опредѣленное направленіе въ *минувшее* время, когда наша литература развивалась самостоятельно и согласно высшимъ законамъ эстетики, несмотря на то, что условія, содѣйствующія независимому развитію литературы, представляютъ въ настоящее время повидимому болѣе удобствъ. Тѣсный кругъ дѣятельности, доступный въ прежнее время у насъ общественной иниціативѣ, и болѣе сложный объемъ цензурныхъ требованій, не препятствовали, однако, нашей литературѣ блистать такими именами, какъ Гоголь, Лермонтовъ и Кольцовъ, и *при томъ достовѣрно извѣстно, что свобода творчества этихъ*

[1]) „Собраніе матеріаловъ etc.“ V—VI. Курсивъ мой.

художниковъ не встрѣчала для себя стѣсненія, потому что ими почти ничего не было даже и написано такого, чтобы запрещено было печатать. Такъ истинная среда изящнаго можетъ развиваться совершенно свободно помимо преходящихъ явленій жизни. Тоже самое можно сказать и относительно лучшихъ современныхъ писателей нашихъ, каковы: Гончаровъ, Тургеневъ, Островскій, графъ Л. Н. Толстой, кн. Вяземскій, Тютчевъ, Майковъ и другіе» [1]).

Итакъ, читатель видитъ, о какой «свободѣ» творчества идетъ рѣчь; это—среда изящнаго, такъ мало подходящая къ бурному періоду конца пятидесятыхъ и началу шестидесятыхъ годовъ... Очевидно, этой художественной свободѣ и противопоставляется «несвойственная тенденціозность». Кромѣ того, сразу же приходится отмѣтить сильное противорѣчіе дѣйствительности. Кому не извѣстно, какія мытарства проходили сочиненія Гоголя, Лермонтова и Кольцова, особенно перваго — и при ихъ жизни и послѣ, какъ разъ въ періодъ «повидимому большихъ удобствъ»... Впрочемъ, не вдаваясь въ комментаріи — они ясны для самого читателя—продолжаю слѣдить за авторомъ «введенія».

«Но нельзя также не согласиться, что *самостоятельная* и художественная дѣятельность этихъ писателей была въ минувшее десятилѣтіе *исключеніемъ*, составляла меньшинство въ общей сложности литературныхъ произведеній и не пользовалась популярностью наравнѣ съ другими, господствовавшими въ нашей литературѣ направленіями. Явленіе это объясняется упомянутымъ выше уклоненіемъ литературы отъ преслѣдованія *прямыхъ* ея цѣлей, служеніемъ ея побочнымъ и временнымъ вопросамъ, что имѣло *самое вредное вліяніе* на вкусъ читающей публики и даже на общественную нравственность. Указывая на нѣкоторыя несовершенства и крайности минувшаго, *небольшой кружокъ* литературныхъ дѣятелей нашихъ, имѣвшихъ въ виду совершенно *нелитературныя цѣли, легко* пріобрѣлъ себѣ въ глазахъ *близорукой массы* авторитетъ, и, обращая литературу въ *слѣпое орудіе пропаганды,* увлекъ многихъ неопытныхъ, но талантливыхъ писателей на ложный путь, развилъ въ публикѣ стремленіе искать въ *изящныхъ произведеніяхъ слова заднюю мысль оппо-*

[1]) Стр. I—II. Курсивъ мой.

зиціи, обличенія и намека, и низвелъ большую часть новѣйшихъ явленій нашей литературы на степень *фельетона, куплета, эпиграммы, каррикатуры и даже пасквиля...* Къ сожалѣнію, большая часть произведеній нашей литературы, имѣвшихъ успѣхъ въ упомянутое десятилѣтіе и составлявшихъ главный балластъ въ отдѣлѣ изящной словесности петербургскихъ періодическихъ изданій, обнаруживаютъ именно эту *несамостоятельность* въ дѣлѣ творчества и тяготѣніе къ предвзятому принципу или къ посторонней цѣли. Дошло даже до того, что произведенія, не отличавшіяся подобнымъ характеромъ, считались недостойными вниманія и похвалы, какъ произведенія *безъ направленія*» [1]).

Вся эта тирада тѣмъ болѣе смѣшна, что сами составители «Собранія матеріаловъ» отнюдь не отрицаютъ достоинствъ и широкаго литературнаго значенія за произведеніями ихъ собственнаго направленія, какъ-то: Писемскаго, Клюшникова, Лѣскова и т. п. Никакой изящности они не оцѣниваютъ такъ слащаво, какъ направленство своего берега. Вотъ почему критика, та русская критика, которая, къ чести нашей литературы, не выходила изъ рукъ Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева, встрѣчаетъ такое озлобленное къ себѣ отношеніе. На вопросъ: гдѣ же находился источникъ зловреднаго направленія, гдѣ тема, на которую почти вся русская литература отвѣчала стройнымъ хоромъ? — авторъ «введенія» отвѣчаетъ:

«Изъ обозрѣнія всей совокупности различныхъ литературныхъ направленій за минувшія десять лѣтъ, не трудно усмотрѣть, что главнымъ, но въ то же время, такъ сказать, *закулиснымъ* двигателемъ въ этомъ дѣлѣ была наша критика. Не многіе, но талантливые дѣятели создали изъ критики силу, которая, какъ судъ и какъ авторитетъ, *отяготѣла* съ одной стороны надъ литературой, увлекая писателей къ нелитературнымъ цѣлямъ, съ другой стороны, эта сила подчинила своему вліянію *слѣпое* большинство читателей, развивая въ нихъ *ложный вкусъ* и желаніе видѣть въ литературѣ орудіе агитаціи или протеста; наконецъ, эта же критика пріобрѣла власть надъ понятіями и даже надъ нравами общества, потому, что, подъ предлогомъ критическихъ раз-

[1]) Стр. II—III, IV. Послѣдній курсивъ подлинника.

боровъ и рецензіи, *всѣ принципы и отправленія семейной и общественной жизни были низвергаемы* и направляемы въ извѣстную сторону, смотря по надобности. Такое-то важное значеніе получила у насъ критика со времени Бѣлинскаго и не утрачивала его до Добролюбова и Чернышевскаго включительно, то-есть почти до настоящаго года» [1]).

Аттестація чистому искусству. Группировка русскихъ поэтовъ. Первая группа—съ фетовщиной во главѣ.

Вся книга вполнѣ выдерживаетъ планъ, набросанный въ «введеніи», и теперь мы будемъ прежде всего внимательно слушать гр. Капниста, которому принадлежатъ 110 страницъ обзора лирической поэзіи и 18—романа, повѣсти и разсказа.

Прежде, чѣмъ дать характеристику отдѣльныхъ поэтовъ официальный историкъ литературы останавливается на полемикѣ о натуральной школѣ и на теоріи «искусство для искусства». И тотъ и другой вопросы рѣшаются имъ очень просто:

«Критика *условилась*, помимо свѣдѣнія о томъ большинства публики *и даже писателей*, дать названіе «натуральной школы» собственно *протесту* и *отрицанію*. Изученіе дѣйствительности во имя этой „натуральной школы" заключалось съ одной стороны въ собираніи всѣхъ возможныхъ аргументовъ способныхъ доказать полную неудовлетворительность и негодность тогдашняго государственнаго, гражданскаго и общественнаго строя нашего, а съ другой стороны,—въ поклоненіи матеріализму и реализму съ цѣлью дѣйствовать разрушительно на нѣкоторыя религіозныя и нравственныя убѣжденія, имѣвшія у насъ авторитетъ въ то время. Итакъ, вотъ въ чемъ состояло направленіе, которое ложно было названо „натуральной школой". И это направленіе было тогда дѣйствительно новостью и оно было встрѣчено съ симпатіей. Бороться же противъ этого направленія открытымъ оружіемъ не было никакой возможности, потому что оно прикрылось маской литературной цѣли, интересовъ искусства: подъ именемъ „натуральной школы".

1) Стр. IV—V. Курсивъ мой.

И тутъ-то искусство, а въ томъ числѣ и лирическая поэзія, было принесено въ жертву практическимъ и соціальнымъ тенденціямъ. Это было то время, когда съ одной стороны, писаніе для *чтенія между строкъ* достигло у насъ великаго умѣнія и тонкости, а съ другой стороны, когда возникла цѣлая литература откровенная, безъ маски, но *писанная*... Истинная „натуральная школа" не была для насъ новостью—она имѣла у насъ всегда замѣчательныхъ представителей, начиная чуть-ли не отъ временъ Кантемира и фонъ-Визина. И въ то время уже громко заявляли себя въ нашей литературѣ *протестъ* и *отрицаніе*, но они заявляли себя во имя идеала; въ новой же „натуральной школѣ" *протестъ и отрицаніе служатъ сами себѣ идеаломъ* и потому, будучи относительны *и часто мгновенны*, они не могутъ быть предметомъ истиннаго искусства... Подъ видомъ „натуральной школы" проводились въ общество тенденціи въ сущности не литературнаго свойства, и имя Гоголя было произвольно выставлено, какъ знамя. Уровень творческой дѣятельности въ литературѣ нашей не могъ при этомъ не понизиться, и это по преимуществу отразилось на лирической поэзіи нашей въ послѣднее десятилѣтіе. Окончательное же обращеніе нашей поэзіи къ постороннимъ цѣлямъ, которыя преслѣдовала эта мнимая „натуральная школа", *произведено было нашей критикой*, которая сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобъ популяризировать у насъ цѣлую теорію *порабощенія искусства*, теорію враждебную свободному искусству, возведшую въ принципъ отрицаніе (какъ выражались тогда)—*искусства ради искусства*» [1]).

Анализируя плоды полемики о свободномъ искусствѣ, гр. Капнистъ прежде всего останавливается на колоссальной провинности Бѣлинскаго, заключающейся въ его фразѣ: «поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ; онъ уже гражданинъ царства современной ему дѣйствительности; все прошедшее должно жить въ немъ. Общество хочетъ въ немъ видѣть уже не потѣшника, но представителя своей духовной, идеальной жизни; оракула, дающаго отвѣты на самые мудренные вопросы; врача, въ самомъ себѣ,

[2]) Стр. 8—11. Курсивъ подлинника.

прежде другихъ, открывающаго общія боли и скорби и поэтическимъ воспроизведеніемъ исцѣляющаго ихъ».

«Помимо противорѣчія,—восклицаетъ Капнистъ,—заключающагося въ томъ, что „поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ“, а „общество хочетъ видѣть въ немъ представителя своей *идеальной* [1]) жизни“,—въ этомъ опредѣленіи назначенія поэта можно различить уже тѣ невыгодныя условія, тѣ цѣпи, которыми послѣдующіе критики, и особенно г. Добролюбовъ, окончательно опутали нашу поэзію, цѣпи—которыя влачитъ она и теперь, промѣнявъ свою независимость на рабство разнымъ политическимъ и соціальнымъ цѣлямъ. Въ этомъ опредѣленіи поэтъ уже прикованъ къ мѣсту, какъ *гражданинъ* [1]) прикованъ къ времени какъ *гражданинъ современной ему дѣйствительности* [1]), ему указана миссія *врача* [1]), съ обязанностью открывать *общія боли и скорби и исцѣлять ихъ* [1]). Не вся-ли *печальная* судьба, постигшая нашу лирику въ послѣднія двадцать лѣтъ, коренилась въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ Бѣлинскаго? Наконецъ, должно еще замѣтить, что при этомъ воззрѣніи понятіе о „дѣйствительности“ уже сузилось и *очерствѣло*. Оно утратило прежній *космическій* и *психическій* смѣхъ и получило значеніе окружающей среды, извѣстнаго момента и извѣстнаго проявленія общественности» [2]).

Но виновенъ оказался не только Бѣлинскій, «увлекшійся соціалистическими эфемерными утопіями», но и опять-таки заграничная русская печать.

«Такъ какъ аргументы, въ силу которыхъ требовалось критикой лишить искусство свободы, не могли быть у насъ вполнѣ высказаны, что это выполнила русская пресса за границей. По поводу смерти живописца Иванова г. Огаревъ въ „Полярной Звѣздѣ“ (1859 г.) высказалъ ясно тѣ цѣли, въ силу которыхъ проповѣдывалось порабощеніе искусства.

„Христіанское искусство“, сказано въ этой статьѣ, „пало, несмотря на провозглашеніе иммакулатной концепціи, самое провозглашеніе иммакулатной концепціи могло случиться только потому, что *христіанство пало*... [1]) Худож-

[1]) Курсивъ подлинника.
[2]) Стр. 13—14.

никъ не сразу понимаетъ, что дѣло въ томъ, что онъ уже не религіозенъ, потому что его общественная среда не религіозна, ему еще кажется, что онъ вѣритъ; онъ ходитъ въ церковь, онъ промываетъ себѣ глаза святой водою; но онъ натягиваетъ на себя благоговѣніе, глаза его не веселѣе смотрятъ послѣ святой воды. И въ толпѣ, которая кругомъ его, онъ видитъ что-то затверженное, какое-то безсмысленное повтореніе когда-то живаго слова, или просто лицемѣріе"... „Искусство ради искусства" *помимо общественнаго содержанія* [1]), не въ состояніи вдохновить его; это посторонняя, натянутая идейка, а не внутренняя сила, которая просится наружу. Куда дѣваться? Я усталъ, восклицаетъ художникъ, дайте мнѣ отдыхъ; но такой,—

Чтобъ въ груди дрожали жизни силы.

„И этотъ отдыхъ онъ находитъ въ вѣчно юной природѣ. Пейзажъ становится на первомъ планѣ; историческая живопись мало-по-малу блѣднѣетъ, выбиваясь изъ силъ-религіозная эпоха не вдохновляетъ, да и никакая историческая эпоха не вдохновляетъ; *художникъ усталъ отъ исторіи, какъ само общество устало отъ исторіи* [1])"... „Общественная жизнь",—продолжаетъ г. Огаревъ,—„разлагается болѣе и болѣе, она впадаетъ въ утомленіе, она неспособна къ живому вѣрованію, ни къ живой радости, ни къ великой трагедіи; она безсильна, она просто — устала... Искусство пало потому, что общественная жизнь выдохлась..." Не вдаваясь въ полемику, здѣсь только можно предложить вопросъ: почему же римское искусство процвѣло именно въ дни разложенія римскаго общества? Почему величайшіе художники творили подъ покровительствомъ людей, далеко, не отличавшихся ни свободолюбіемъ, ни строгостью нравовъ, таковы, напримѣръ, папа Левъ X или Медичисы? Отчего у насъ, наконецъ, Пушкинъ съ его плеядою блисталъ въ такое время, которое, вѣроятно, не удовлетворяетъ идеаламъ г. Огарева?.. Какъ бы то ни было, но рѣшено было поработить искусство во имя паденія *христіанства* [1]) и *нелѣпости исторіи* [1]). *Эти громкіе аргументы, однако, не пробились сквозь нашу цензуру*; зато предложенные *на первый разъ*, взамѣнъ свободы искусства, — *матеріализмъ и соціализмъ*

[1]) Курсивъ подлинника.

проступали сквозь всѣ поры встрѣченныхъ публикой съ привѣтомъ критическихъ статей, историческихъ и политико-экономическихъ изслѣдованій и гипотезъ изъ области естествознанія» [1]).

Поэтовъ эпохи 1854—64 г.г. обозрѣватель разбиваетъ на такія три группы: «1) слѣдовавшіе теоріи свободнаго искусства, 2) развивавшіе сперва туманные пріемы нѣмецкаго романтизма, а потомъ усвоившіе себѣ теоріи французскаго соціализма, 3) поэты, предметы пѣснопѣній которыхъ суть по преимуществу народъ и разные общественные вопросы».

Къ первой отнесены: Тютчевъ, Фетъ, Майковъ, Щербина, Полонскій, Мей, графъ А. Толстой, князь П. А. Вяземскій, Бергъ, Алмазовъ, графиня Ростопчина, Ю. Жадовская и К. К. Павлова. Всѣмъ имъ выданы блестящіе аттестаты, если и не всегда одинаково лестные и восторженные, то во всякомъ случаѣ — гарантирующіе ихъ безукоризненную благонамѣренность и полезность.

Во вторую группу включены: Огаревъ, Ап. Григорьевъ и Плещеевъ.

Третья же оказалась настолько разнообразной, что потребовалась болѣе детальная классификація. Группа эта разбита на четыре подгруппы: «а) славянофилы (Хомяковъ, И. Аксаковъ, К. Аксаковъ) и украйнофилъ Т. Шевченко; б) отрицатели и обличители, возникшіе съ преобразовательной дѣятельностью нынѣшняго царствованія (Розенгеймъ, Бенедиктовъ), в) перелагатели соціализма и пауперизма на русскіе нравы (Некрасовъ, Никитинъ, Вс. С. Курочкинъ, Вс. Крестовскій, Вс. Костомаровъ [2]), М. Михайловъ и г) нигилисты, эпиграмматисты и пасквилисты (Панаевъ, Добролюбовъ, Минаевъ, Жулевъ (Скорбный поэтъ) и прочіе, печатавшіе въ «Искрѣ» и въ «Занозѣ»)».

Обращаюсь теперь къ отдѣльнымъ характеристикамъ въ предположеніи, что читатели знаютъ истинное значеніе каждаго изъ названныхъ поэтовъ.

Мы уже видѣли, что Тютчевъ, Ап. Н. Майковъ и Вяземскій признавались *лучшими* поэтами. Теперь намъ остается

---

[1]) Стр. 15—16.

[2]) Точно ужъ гр. Капнистъ не зналъ роли Костомарова въ дѣлахъ Чернышевскаго и Михайлова?..

лишь добавить, что внушалось, что «паѳосъ и воззрѣнія Тютчева, выражаемыя его произведеніями, не только вполнѣ понятны, но даже близки и, такъ-сказать, — родственны большей части *нравственно* и умственно развитыхъ людей нашего времени» [1]). Относительно музы Майкова говорилось тоже очень много и подробно, особенное же вниманіе обращалось на то, что «нѣсколько патріотическихъ пьесъ навлекли на г. Майкова немилость нѣкоторыхъ критиковъ нашихъ изъ такъ-называемаго „крайне-прогрессивнаго“ лагеря. Его провозгласили поэтомъ *безъ направленія.* Но эти господа забыли, что истинный лирикъ — человѣкъ впечатлѣнія, что онъ не гоняется за *направленіемъ* и беретъ содержаніемъ своихъ произведеній все, что только вызываетъ въ немъ творческую дѣятельность, къ какому бы направленію само явленіе ни относилось» [2]).

«Свобода творчества» кн. Вяземскаго почиталась потому драгоцѣнной, что онъ «изобличалъ и иногда рѣзко осмѣивалъ» «весьма многія продѣлки нашей критики и такъ-называемаго *передового* кружка, наложившаго въ истекшее десятилѣтіе цѣпи пропаганды на нашу литературу, на искусство и на общественную жизнь» [3]). Внушалось все великое достоинство его замѣчаній «нашимъ доморощеннымъ деспотамъ-либераламъ»:

„Свобода — превращеньемъ роли
На ихъ условномъ языкѣ
Есть отрицанье личной воли,
Чтобъ быть винтомъ въ паровикѣ“...

Или:

„Свободой дорожу, но не свободой вашей,
Не той, которой вы привыкли промышлять,
Какъ цѣловальники въ шинкахъ хмѣльною чашей,
Чтобъ разумъ омрачить и сердце обуять“...

Или:

„О *красныхъ* я у насъ забочусь мало:
Ихъ нѣтъ. А есть гнѣздо безцвѣтныхъ лицъ,
Которыя хотятъ, во чтобъ ни стало,
Нули, попасть въ строй видныхъ единицъ“...

---

1) Стр. 25.
2) Стр. 33 — 34. Курсивъ подлинника.
3) Стр. 49.

Очевидно, взглядъ на Вяземскаго — «этого князя въ аристократіи и холопа въ литературѣ», какъ его окрестилъ Бѣлинскій — былъ вполнѣ соотвѣтствующимъ всей книгѣ. Доблести его было посвящено еще одно мѣсто, которое нельзя не привести:

«Кромѣ кн. Вяземскаго, литературное и общественное положеніе котораго задолго до того уже упрочилось, никто не осмѣлился поднять голоса противъ злоупотребленія средствами критики. Причина этому таилась, однако, не въ одномъ раболѣпствѣ писателей и общества передъ авторитетомъ нашихъ критиковъ-законодателей; но она коренилась главнымъ образомъ въ томъ, что эти законодатели пріобрѣли себѣ популярность другого рода, популярность не литературную, но какъ реакціонеры прошедшаго порядка и какъ виновники, будто бы, многаго свѣтлаго новой эпохи. Возстать противъ подобныхъ авторитетовъ казалось многимъ, даже сознававшимъ всю ложь ихъ, опаснымъ и вреднымъ, какъ заявленіе въ пользу минувшаго и противъ лучшаго будущаго. Но когда соціальная и литературная пропаганда стала проводить въ науку нашу нигилизмъ, въ искусство — матеріализмъ, а въ жизнь — отрицаніе давно признанныхъ основъ нравственности общественной и частной, то въ литературѣ стало обнаруживаться противодѣйствіе, выразившееся сперва робко, а потомъ рѣшительно и наконецъ рѣзко въ противоположности направленія и въ запальчивой полемикѣ московскихъ періодическихъ изданій (каковы — „Русскій Вѣстникъ“ и „Московскія Вѣдомости“, „Наше Время“ и отчасти „День“) съ петербургской журналистикой вообще» [1]).

Очень интересное опредѣленіе дано Фету, «у котораго, также какъ и у г. Тютчева, преобладаетъ та тонкость и, такъ сказать, музыкальная деликатность ощущеній, которая доступна только высокоразвитымъ натурамъ». А именно: «въ то время, какъ для г. Тютчева внѣшняя природа, равно какъ феномены жизни и духа, суть только *матеріалъ*, въ который онъ воплощаетъ мысль, или ощущеніе, *нашедшее въ немъ самомъ* свое опредѣленіе, — въ г. Фетѣ именно эта

---

[1]) Стр. 50 — 51.

самая природа, эти феномены жизни и духа встрѣчаютъ *собственно себѣ самимъ* истолкователя до самыхъ тонкихъ и нѣжныхъ своихъ отправленій и подъ его перомъ *перестаютъ быть матеріаломъ* для вмѣщенія въ себя поэтическаго содержанія, но, напротивъ, *сами становятся содержаніемъ*, перестаютъ быть средствомъ, но становятся цѣлью для поэта... Г. Тютчевъ часто глубоко понимаетъ то, что онъ, быть можетъ, и не такъ ясно чувствуетъ, а г. Фетъ, напротивъ, часто глубоко чувствуетъ (въ смыслѣ, — чуетъ) то, что онъ не ясно понимаетъ. Отъ этого у г. Фета, еще чаще чѣмъ у г. Тютчева, встрѣчается вѣрная передача ощущенія при сильной неясности стиха. Можно положительно замѣтить, что г. Фетъ нерѣдко пользуется словомъ для того только, чтобы одними звуками его живописать тотъ смыслъ, то ощущеніе, котораго это же слово, отдѣльно взятое, вполнѣ выразить рѣшительно не можетъ. Такова, напримѣръ, извѣстная пьеса, въ которой нѣтъ ни одного глагола и въ которой дѣйствительно гораздо болѣе сказано, чѣмъ говорятъ ея слова:

Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Соннаго ручья,
Свѣтъ ночной, ночныя тѣни,
Тѣни безъ конца,
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица,
Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія и слезы —
И заря, заря!..." [1]).

Таковы великія качества первой группы поэтовъ, «свободныхъ творцовъ»!

Лучшаго пораженія ихъ въ глазахъ общества нельзя было бы и придумать...

Оригинально также оцѣненъ Щербина, тотъ самый Щербина, который находилъ работу Капниста верхомъ совершенства. Офиціальный критикъ порядочно пожурилъ его

---

1) Стр. 28 — 29. Курсивъ подлинника.

за чувственныя стихотворенія, не одобрилъ также обличительной жилки, проявившейся еще въ 1848 году, но закончилъ такъ: «Впрочемъ, и самъ г. Щербина отрекся отъ этого моднаго, отрицательнаго и обличительнаго направленія, какъ видно изъ многихъ, написанныхъ имъ въ позднѣйшее время эпиграммъ, которыя обращаются въ рукописи, и изъ послѣднихъ его стихотвореній, которыя печатались въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ [1]).

Итакъ, эпиграмматистъ—Щербина поощренъ и включенъ не въ ту группу, которая обнимаетъ эпиграмматистовъ, пасквилистовъ и нигилистовъ. Почему допущена такая ошибка? Изъ «Собранія матеріаловъ» этого не видно, а потому приходится обратиться къ другимъ источникамъ. Оказывается, гр. Капнисту очень нравилась эпиграмма Щербины на Чернышевскаго, которую я и приведу для характеристики ихъ обоихъ, пользуясь «Воспоминаніями» о графѣ его собственной дочери. Вотъ этотъ перлъ:

Значенье недорослямъ придалъ
И дѣтскимъ мыслямъ торжество,
Онъ—офицеровъ всякихъ идолъ
И гимназистовъ божество.
Всей глубиною отрицаній
Онъ даже „Искру“ превзошелъ,
И желчью доблестной писаній
Доходъ и славу пріобрѣлъ.
Излишне съ эпиграммой дерзкой
Итти гиганту на задоръ,
Вѣдь, что кумиръ онъ офицерскій —
Ему послѣдній приговоръ“ [2]).

Относительно Полонскаго читаемъ: «И Бѣлинскій и Добролюбовъ были неправы: талантъ г. Полонскаго просто остановился въ развитіи своемъ и не достигъ той степени художественности и глубины, которыя могли бы ему дать болѣе замѣтное значеніе. За моднымъ же отрицательнымъ и обличительнымъ направленіемъ, которое могло бы завлечь эффектомъ близорукую массу, онъ по своей добросовѣстности, не гнался, и въ собраніи его стихотвореній, вышед-

---

[1]) Стр. 39.
[2]) „Сочиненія гр. П. И. Капниста“, т. I, CXVII.

шихъ въ 1859 г., одна только пьеса въ этомъ направленіи, какъ видно, впрочемъ, искренняя:

Поэтъ, въ минуты вдохновенья
Будь отъ пристрастія далекъ,
Язви насмѣшкою порокъ:
Насмѣшка громче наставленья,—
Когда ее на кару зла
Святая правда родила! и проч. [1]).

Умершему въ 1862 году Мею дано было напутствіе въ такихъ словахъ: «г. А. Мей поэтъ неоцѣненный по достоинству современной критикой нашей»; «произведенія Мея не предлагаютъ ничего такого, что бы могло быть употреблено, какъ слѣпое орудіе какой-либо пропаганды» [2]).

А. К. Толстому не дано сколько-нибудь опредѣленной характеристики въ смыслѣ назиданія цензорамъ, хотя разбросаны отдѣльныя лестныя для него выраженія въ родѣ: «стихотворенія его отличаются художественностью концепціи и въ то же время прелестью національнаго колорита» [3]).

Поэты, перешедшіе отъ романтизма къ соціализму.

Характеристикамъ отдѣльныхъ представителей второй группы поэтовъ предшествуетъ небольшое вступленіе, въ которомъ поясняется происхожденіе «поэтовъ, развивавшихъ сперва пріемы нѣмецкаго романтизма, а потомъ усвоившихъ себѣ теорію французскаго соціализма». Офиціальный критикъ прежде всего находитъ замѣчательнымъ, что поэты эти — Огаревъ, Плещеевъ и Ап. Григорьевъ—группировавшіеся сначала около Н. В. Станкевича (эта хронологическая нелѣпость относительно двухъ послѣднихъ остается, конечно, какъ и всѣ другія, всецѣло на отвѣтственности «курса словесности») человѣка, совершенно далекаго отъ какого бы то ни было реализма, съ ногъ до головы—идеалиста—вдругъ усвоили себѣ утопіи соціализма, промѣнявъ ихъ на нѣмецкій идеализмъ. А затѣмъ говоритъ: «Бѣлинскій, Герценъ, Огаревъ и другіе, не удовлетворяясь отвлеченными выводами философіи и

[1]) Стр. 42—43.
[2]) Стр. 43, 45.
[3]) Стр. 45.

чистаго искусства, которымъ такъ преданъ былъ Станкевичъ, усвоилъ себѣ утопіи французскаго соціализма. Подъ этимъ двойнымъ вліяніемъ нѣмецкой идеальной философіи и соціальныхъ утопій образовалось, съ легкой руки г. Огарева, въ нашей лирикѣ эфемерное направленіе, въ которомъ нѣмецкій романтизмъ и французскій соціализмъ подали другъ другу руку во имя *протеста* противъ существовавшаго тогда въ Россіи нравственнаго, общественнаго и политическаго строя» [1]).

По отношенію къ Огареву находимъ слѣдующее:

«Недовольство правительственными и общественными условіями той среды, которая окружала его, исканіе протеста въ мірѣ романтизма, въ отвлеченныхъ началахъ умозрительной философіи и въ зачаткахъ соціалистическихъ теорій, тщетное стремленіе успокоиться въ созерцаніи природы и грустный фантастическій колоритъ, — таковы отличительные признаки произведеній этого лирическаго поэта. Участь людей того кружка, котораго средоточіемъ былъ Станкевичъ, и отношеніе этого кружка къ окружавшей его дѣйствительности выражены въ стихотвореніи Огарева:

Друзьямъ.

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой,
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили,
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили.
Но мы вокругъ не встрѣтили участья
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья
Попадали и сухи и желты,—
И грустно мы остались между нами,
Сплетяся дружно голыми вѣтвями.
И на кладбище стали мы похожи;
Мы много чувствъ и образовъ и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И что же?
Упрекъ-ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ?.. Смиренье въ душу вложимъ
И въ ней затворимся—безъ желчи, если можемъ.

---

[1]) Стр. 54. Курсивъ подлинника.

«Но эта готовность подчиниться безропотно, обратилась впослѣдствіи въ противоположное настроеніе:

Теперь товарищъ мнѣ иной духъ отрицанья,
Не тотъ насмѣшникъ черствый и больной,
Но тотъ всесильный духъ движенья и созданья,
Тотъ вѣчно юный, новый и живой.
Въ борьбѣ безстрашенъ онъ, *ему — губить, — отрада*
Изъ праха онъ все строитъ вновь и вновь
И ненависть его къ тому, *что рушить надо,*
Душѣ свята такъ, какъ свята любовь.

«Образцомъ мрачнаго фантастическаго элемента въ поэзіи Огарева можетъ служить извѣстная піеса Nocturno, начинающаяся стихомъ:

Какъ пустъ мой деревенскій домъ.

«Въ примѣръ совершенно противоположнаго настроенія того же поэта должно указать стихотвореніе *Кабакъ:*

Выпьемъ что-ли, Ваня,
Съ холода да съ горя, и проч.

«Эти двѣ піесы суть двѣ крайнія точки въ характерѣ лирики Огарева» [1])

Вотъ и все. Почему же такъ мало? Очень просто: цензорамъ съ Огаревымъ не пришлось бы встрѣчаться...

О Плещеевѣ гораздо больше. Прежде всего указано, что на произведенія этого «не обладающаго замѣчательнымъ талантомъ» поэта критика наша обратила серьезное вниманіе и отнеслась къ недостаткамъ ихъ снисходительно, потому что поэтъ вспоминаетъ съ прискорбіемъ и порицаніемъ прежнее время тщетной борьбы, призываетъ на отважную дѣятельность въ настоящемъ, восхваляетъ нынѣшнее молодое поколѣніе, затѣмъ — говоритъ о равноправіи богатыхъ и бѣдныхъ на наслажденіе удобствами жизни и эффектно противополагаетъ голодную нищету *лѣнивому и тунеядствующему* богатству. Къ дѣлу упраздненія крѣпостного права г. Плещеевъ отнесся, какъ къ возмездію за устарѣвшую неправду; реформамъ, ознаменовавшимъ начало истекшаго десятилѣтія, посвятилъ онъ стихотвореніе съ эпиграфомъ изъ Пушкина:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни...

---

[1]) Стр. 54—55. Курсивъ подлинника.

«Все это въ глазахъ нашей критики такой подходящій для ея цѣлей матеріалъ, что она отозвалась весьма снисходительно о недостаткахъ г. Плещеева, какъ поэта, и дала ему почетное мѣсто въ нашей современной лирикѣ» [1]).

«Подобно Огареву, Плещеевъ вспоминаетъ о томъ, какъ онъ и его сверстники вошли въ жизнь съ свѣтлыми надеждами, съ любовью къ истинѣ, съ жаждой дѣятельности, какъ они встрѣтили неодолимыя препятствія. Различіе главное въ томъ, что Огаревъ ищетъ успокоенія въ порядкѣ и въ мірѣ фантазіи, а Плещеевъ возлагаетъ свои надежды на вырабатывающіяся въ общественной жизни новыя нравственныя и соціальныя основы и вѣритъ въ молодое поколѣніе:

„...Когда, томясь вокругъ меня,
Кипитъ младое поколѣнье, —
Иного, радостнаго дня
Разсвѣтъ я вижу въ отдаленьи
И говорю съ восторгомъ я:
„Богъ помочь, братья и друзья!

„Несите твердою рукой
Святое знамя жизни новой,
Не отступая предъ толпой,
Бросать каменьями готовой
Въ того, кто сонъ ея смутилъ,
Чья рѣчь, какъ Божій мечъ, разитъ!

„Богъ помочь, братья и друзья!..
Когда-жъ желанный день настанетъ.
Пусть ваша дружная семья
Отжившихъ насъ добромъ помянетъ,—
Насъ всѣхъ, *чья молодость прошла*
Въ борьбѣ съ гнетущей силой зла!"

«Какого рода тѣ новыя соціальныя основы, къ которымъ обращается съ надеждой г. Плещеевъ, можно отчасти понять изъ его стихотворенія по поводу извѣстнаго романа В. Гюго:

На мотивъ изъ Виктора Гюго.

Въ судѣ онъ слушалъ приговоръ:
Его галеры ожидали.
Онъ былъ бѣднякъ, и *былъ онъ воръ.*
Недѣлю дѣти голодали,

---

[1]) Стр. 56. Курсивъ подлинника.

И, нищетой удручена,
Глядѣла въ гробъ его жена;
Труды, заботы, огорченья,
Знать, не по силамъ были ей,
И поддался онъ искушенью:
Укралъ на хлѣбъ семьѣ своей.

И осужденіе безстрастно
Прочелъ ему синедріонъ.
Примѣръ не новъ, да и напрасно
Жалѣть — неумолимъ законъ и проч.

«Какой выводъ способно сдѣлать большинство читателей изъ подобныхъ воззрѣній и эффектныхъ сюжетовъ, столь мало, впрочемъ, подходящихъ подъ условія русской жизни? Другое стихотвореніе: «*На улицѣ*» указываетъ, какъ законно и раціонально то, что дѣвушка, воспитанная въ нищетѣ и лишеніяхъ, увидя передъ собой блескъ роскошныхъ магазиновъ и высшаго круга — бросается легко въ проституцію...» [1])

Не ради опроверженія такого суда надъ Плещеевымъ — реабилитировать его, какъ и другихъ, отъ приговоровъ критика конечно, не нужно — а просто ради возстановленія смысла стихотвореній Плещеева — не могу не указать, что въ послѣднемъ — «На улицѣ» — нѣтъ ни слова о легкомъ бросаньи въ проституцію, а въ стихотвореніи «На мотивъ изъ Виктора Гюго» сдѣлана крупная передержка: вторая часть его начинается немного иначе:

И осужденіе безстрастно
Прочелъ ему синедріонъ.
Казалось, нищетой ужасной
Никто изъ нихъ не пораженъ:
Примѣръ не новъ, да и напрасно
Жалѣть — неумолимъ законъ! и проч.

Съ этими двумя строчками слова: «примѣръ не новъ» относятся уже не къ приговору вора, а къ равнодушію къ ужасной нищетѣ...

Въ другомъ мѣстѣ Плещееву дана гораздо болѣе краткая, но опредѣленная оцѣнка: «безцвѣтность и, такъ ска-

[1]) Стр. 57—58.

зать, худосочность его произведеній ни для кого уже не тайна» [1]).

Ап. Григорьевъ признанъ блѣднымъ и безцвѣтнымъ. «Усиливаясь сдѣлать изъ своей поэзіи апоѳеозу страданія, Григорьевъ очень часто стремился подражать Лермонтову, но и въ этихъ пьесахъ болѣе всего замѣтенъ только болѣзненно настроенный умъ. Туманность и рефлексія часто соединяются въ стихахъ Григорьева съ разными идеями соціалистическаго свойства» [2]). Для цензоровъ Григорьевъ тогда уже не существовалъ — онъ умеръ въ 1864 году...

Поэты-славянофилы и Шевченко.

Теперь о поэтахъ-славянофилахъ. Извѣстна судьба этихъ людей и ихъ единомышленниковъ въ русской цензурѣ прошлаго, когда это были честно мыслящіе и чувствующіе люди, а не тѣ юродивые, которые теперь часто называютъ себя этимъ именемъ, группируясь въ человѣконенавистническіе кружки, группы, собранія... Въ «Собраніи матеріаловъ» находимъ строки, едва-ли ни наиболѣе откровенныя, а отчасти даже и превосходящія всѣ офиціальные по этому поводу документы по пространности и... курьезности.

«Славянофильство было въ сущности единственной формой *протеста* [3]), которую возможно было уложить въ призракъ системы и безъ большихъ препятствій заявлять въ литературѣ въ прежнее время. Выставленный на знамени славянофиловъ девизъ: *православіе, самодержавіе, народность* [3]), суть понятія до такой степени способныя измѣнять цвѣтъ и смыслъ, примѣняясь къ самымъ различнымъ воззрѣніямъ, что варьируя на эту тему можно весьма удобно дѣлать набѣги на настоящее и укрываться въ глубь прошедшаго, — смотря по надобности. Неудовлетвореніе современнымъ нашимъ строемъ,—(которымъ во многомъ обязаны мы преобразовательной дѣятельности Петра Великаго) — могло быть

---

[1]) Стр. 81.
[2]) Стр. 59.
[3]) Курсивъ подлинника.

весьма рѣзко и остроумно выражаемо то исканіемъ идеала въ до-петровской эпохѣ, то громкимъ порицаніемъ результатовъ западной цивилизаціи (которая была намъ усвоена), то приданіемъ всякихъ похвальныхъ свойствъ быту простого народа въ противоположность *отщепенству* [1]) высшихъ слоевъ общества, и все это, въ сущности отрицательное направленіе принимало въ глазахъ правительства маску положительности, прикрываясь девизомъ „православіе, самодержавіе, народность“, слова,—которыя славянофилы понимали по своему, а официальная среда — по своему. Такимъ образомъ, если такъ называемые „западники“ усвоили себѣ искусство писать *между строкъ* [1]), *то славянофилы пріобрѣли еще болѣе умѣнія выражаться иносказательно. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ основные пріемы славянофильскаго воззрѣнія неискренни* и полны крайностей по одной уже нетерпимости своей, то „православіе, самодержавіе и народность“ не получили одинаковаго вѣса въ глазахъ главныхъ представителей нашего славянофильства, но каждое изъ этихъ понятій выставлялось ими *по очереди* болѣе или менѣе предпочтительно, смотря по цѣлямъ, съ которыми это дѣлалось, и притомъ каждому изъ этихъ понятій придавался соотвѣтственный обстоятельствамъ смыслъ и цвѣтъ. Такимъ образомъ, въ тридцатыхъ годахъ, Кирѣевскіе изъ трехъ элементовъ славянофильства выдвигали впередъ *православіе* [1]), придавая ему отчасти мистическій, отчасти византійскій колоритъ; позже— Хомяковъ усиливался помирить православіе съ новой наукой, а еще позже — Шевыревъ и Погодинъ смотрѣли на православіе съ государственно-церковной точки зрѣнія: всѣ же эти три различныя и даже противоположныя воззрѣнія на православіе принадлежатъ тѣмъ же славянофиламъ. Это различіе взглядовъ на одинъ и тотъ же предметъ объясняется тѣмъ, что Кирѣевскіе, испытавъ препятствія и неудачи въ то время, когда явный протестъ былъ немыслимъ, укрыли свою протестующую скорбь подъ оболочку религіозной созерцательности; Хомяковъ уже нашелъ возможнымъ облекать свой протестъ пріемами науки и философскихъ системъ, а Шевыревъ и Погодинъ приняли внѣшній смыслъ девиза славянофиловъ за чистую монету безъ скрытаго подъ этимъ

---

[1]) Курсивъ подлинника.

девизомъ протеста [1]). По этому-то Шевыревъ и Погодинъ выставляли также и *идею самодержавія* [2]), исключительно въ религіозно-государственномъ свѣтѣ, нисколько не расходясь въ этомъ съ условіями официіальной среды; а теперь И. Аксаковъ, пользуясь нѣкоторыми настоящими обстоятельствами, окрасилъ эту идею самымъ демократическимъ цвѣтомъ и выставляетъ самодержавіе, какъ союзъ народа съ властью противъ предполагаемой г. Аксаковымъ олигархіи высшихъ классовъ и противъ бюрократіи, въ которыхъ коренится будто бы вся гибельная сила реформы Петра Великаго. Что же касается до идеи *народности* [2]), то и это понятіе Кирѣевскіе примѣняли къ религіи, Хомяковъ—къ наукѣ и искусству, а И. Аксаковъ уже преимущественно къ общественному и политическому строю, сходясь въ этомъ случаѣ съ самыми радикальными тенденціями самыхъ крайнихъ „западниковъ“, прежнихъ непримиримыхъ враговъ славянофильства. При этомъ должно еще замѣтить, что идея народности высказывалась довольно рѣзко нѣкоторыми славянофилами съ ея чисто внѣшней, формальной стороны, какъ, напримѣръ, въ смыслѣ костюма, домашняго быта, отношнеія къ предержащей власти; *въ чемъ же именно заключается внутренній смыслъ нашей народности по понятію нашихъ славянофиловъ,—этого никто изъ нихъ ясно не формулировалъ,* и самъ И. Аксаковъ ограничивается сравненіями народности съ почвой, съ древесными корнями и сердцевиной, и говоря о народности, выражается очень неопредѣленно и произвольно, называя ее то „внутреннимъ объединяющимъ началомъ“, то внутренней органической стихіей и т. п.... Можно сказать, что *если до настоящаго времени славянофильство было самой удобной формой протеста, то теперь сверхъ того, оно есть самая тонкая форма агитаціи и пропаганды.* По наружности же, славянофильство всегда относилось къ предержащей власти покорно, заявляя въ прежнее время подчиненіе принципамъ церковно-византійскимъ и религіознымъ, какъ, напримѣръ, *извѣстная* доктрина о „приниженіи“ личности и

---

[1]) Не даромъ же Погодинъ,—этотъ столько же славянофилъ сколько и члены нынѣшняго „Русскаго собранія“—говорилъ про себя „въ благонамѣренности я не уступлю никому на свѣтѣ“. И онъ былъ совершенно правъ.

[2]) Курсивъ подлинника.

правило—„всякая власть отъ Бога“. Въ послѣднее же время, когда правительство занялось преобразованіемъ быта нашего народа, славянофилы придали колоритъ „народности“ двумъ другимъ элементамъ своего воззрѣнія—„православію и самодержавію“, и провозглашаютъ себя не только сторонниками преобразовательной дѣятельности правительства, но даже и рефракторами ея. Но можно утвердительно сказать, что конечная цѣль видовъ правительства и славянофильства не имѣетъ ничего между собою сходнаго. *Такова неискренность славянофильства*» [1]).

Вотъ въ главныхъ чертахъ обширное вступленіе къ славянофильской лирикѣ...

Хомяковъ и К. Аксаковъ не были въ живыхъ къ моменту выпуска въ свѣтъ «Собранія матеріаловъ», а потому при самомъ разборѣ стиховъ перваго Капнистъ ведетъ себя очень сдержанно, а второго и совсѣмъ не касается.

«Стихъ Хомякова звучный, энергическій и крѣпкій. Изъ стихотвореній Хомякова, изданныхъ въ хронологическомъ порядкѣ послѣ его смерти, въ 1861 г., видно, что панславизмъ овладѣлъ поэтомъ въ 1831 году... Съ годами талантъ Хомякова совершенствовался; внѣшняя форма стиха его пріобрѣтала болѣе и болѣе художественности. Что же касается содержанія, то въ послѣдніе годы жизни Хомякова въ его произведеніяхъ преобладаетъ примѣненіе религіознаго и панславистическаго воззрѣнія къ современнымъ поэту обстоятельствамъ внутренней и внѣшней жизни Россіи. Самое характеристическое въ этомъ родѣ стихотвореніе Хомякова есть извѣстная піеса, написанная въ 1854 г. въ началѣ крымской кампаніи подъ заглавіемъ „*Россіи*“ [2]).

Зато на И. С. Аксакова обращалось особенное вниманіе и опять-таки не столько на стихи, сколько на его «День», причинявшій администраціи не мало хлопотъ и волненій.

«Въ то время, какъ Хомяковъ увлекался панславизмомъ и отвлеченными философскими теоризированіями, г. И. Аксаковъ преслѣдуетъ цѣли славянофильства, облекая идеи этого направленія въ соціальную и въ гражданскую скорбь. Какъ публицистъ, изъ трехъ основныхъ элементовъ

[1]) Стр. 61—64.
[2]) Стр. 68—69.

нашего славянофильства, — «православіе, самодержавіе, народность», — И. Аксаковъ отдаетъ свои симпатіи преимущественно послѣднему. Народность является у него, смотря по надобности, то союзницей предержащей власти, то сама источникомъ власти. По его системѣ, существуетъ постоянное непріязненное противодѣйствіе между двумя элементами нашего политическаго и соціальнаго организма, изъ коихъ одинъ есть народъ и верховная власть, какъ представительница нашей демократіи; а другой -- составляютъ всѣ высшіе слои общества, которые должны быть поглощены массой и весь нынѣшній административный строй, *который подъ именемъ „бюрократіи" подвергается постояннымъ преслѣдованіямъ этого публициста. Скрывая идеалы* свои относительно нашего будущаго *въ туманѣ* нашего историческаго прошедшаго, г. И. Аксаковъ въ своихъ постоянныхъ порицаніяхъ реформаторской дѣятельности Петра Великаго стремится выставить неудовлетворительность и вредъ *современнаго намъ*[1]) государственнаго строя нашего и въ этомъ онъ постоянно противополагаетъ нашу народность — „государственности", какъ гнетущему началу. Соціальные же идеалы г. Аксакова, будучи вполнѣ демократическаго свойства, упираются, такъ сказать, одной своей стороной въ такіе факты нашего прошедшаго, какъ избраніе всей землей Царя Михаила, земскіе соборы политическаго характера, право подачи непосредственно верховной власти коллективныхъ „челобитенъ" народомъ; а съ другой стороны эти идеалы примыкаютъ (по поводу „польскаго вопроса") къ такимъ соціальнымъ утопіямъ, какъ общая подача голосовъ, „souvraineté du peuple" и тому подобные продукты новѣйшей цивилизаціи Запада. Вотъ почему совершенно справедливо замѣчаютъ, что подъ перомъ г. Аксакова, прежняя исключительность и изолированность славянофильства, преслѣдуя крайне демократическія цѣли, сходится въ своихъ идеалахъ съ заклятыми врагами славянофиловъ, съ такъ называемыми „западниками", *и газета „День" постоянно говоритъ то же самое, только въ другихъ выраженіяхъ и въ формѣ другой системы, что можно всегда читать въ самыхъ крайнихъ статьяхъ „Голоса", „Современника" и „Русскаго Слова"*[2]).

---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Стр. 70—71.

Послѣ такой тирады цензора подпускались уже и къ поэзіи этого «вывернутаго въ другую спистему демократа».

«И. Аксаковъ и въ лирическихъ своихъ произведеніяхъ подобно тому, какъ въ публицистикѣ, держится двухъ противоположныхъ сторонъ одного и того же направленія; — одна сторона — отрицаніе въ отношеніи къ настоящему общественному и гражданскому порядку нашему; другая сторона — положительная, гдѣ „народность“ въ демократическомъ смыслѣ выставляется, какъ исходная точка направленія для всего раціональнаго въ жизни, въ общественномъ и въ государственномъ строѣ... Вообще въ произведеніяхъ И. Аксакова виденъ гражданинъ-демократъ съ соціалитическимъ оттѣнкомъ. Стихъ И. Аксакова жесткій, рефлексія лишаетъ его образовъ, а фантазія и творчество скудны. Полонскій вѣрно опредѣлилъ И. Аксакова, какъ поэта, въ стихотвореніи, начинающемся такъ:

Когда мнѣ въ сердце бьетъ, звеня, какъ мечъ тяжелый
Твой жесткій, безпощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю *невеселой*
Холодной правдѣ словъ твоихъ...
...*Общественнаго зла* ихъ корень изучая
Стоялъ надъ нимъ съ ножемъ, какъ врачъ и проч.“ [1])

Я уже упомянулъ, что къ славянофиламъ присоединенъ, какъ украйнофилъ, Шевченко. Ему, мертвому уже, отведено сравнительно много мѣста, но какъ его поняли!..

«Вслѣдъ за поэтами-славянофилами должно упомянуть еще лирика, котораго такъ называемые *нынѣшніе* украйнофилы считаютъ (хотя совсѣмъ несправедливо) истолкователемъ ихъ стремленій. Собраніе стихотвореній Т. Шевченко явилось въ печати подъ общимъ заглавіемъ *Кобзарь* еще въ 1842 году и извѣстность его, какъ прекраснаго лирическаго поэта, упрочилась гораздо прежде, чѣмъ заявилъ себя кружокъ украйнофиловъ въ *новомъ* смыслѣ этого слова. Дѣло въ томъ, что собственно-украйнофилы всегда существовали въ Малороссіи; но они имѣли совершенно не тотъ характеръ и не тѣ цѣли, какими отличаются *нынѣшніе новые* украйнофилы, средоточіе которыхъ въ теченіе всего

[1]) Стр. 71—72, 74. Курсивъ подлинника.

минувшаго десятилѣтія было въ С.-Петербургѣ, гдѣ издавался и журналъ ихъ *Основа*. Настоящіе, коренные, малороссійскіе украйнофилы, представители которыхъ суть *Основьяненко* (*Квитка*), *Гоголь и Шевченко* (исключая весьма немногихъ изъ его произведеній), — извѣстны страстной, поэтической любовью къ своей родинѣ и ея природѣ, дѣтской и безпредѣльной преданностью къ ея старинѣ, къ ея пѣснямъ и богатымъ по фантазіи преданіямъ; грустнымъ и глубокимъ сознаніемъ, что *невыгодныя во всѣхъ отношеніяхъ этнографическія условія Малороссіи были причиной ея несчастной исторіи* [1]) и *исключаютъ всякую возможность* самостоятельной политической для нея роли въ будущемъ. Это сознаніе у коренныхъ украйнофиловъ тѣмъ прочнѣе и основательнѣе, что народъ въ Малороссіи рѣшительно чуждъ всякой тѣни стремленія къ политической самостоятельности; идея „*билого* Царя" окончательно заглушила въ немъ вліяніе «гетьманщины» и если въ массахъ можно было замѣчать по временамъ недовольство, то это никакъ не было выраженіе какихъ-либо политическихъ тенденцій, но послѣдствіе непривычки къ упраздненному нынѣ крѣпостному праву, которое было введено въ Малороссіи только при императрицѣ Екатеринѣ II. Нерѣдко въ этомъ же недовольствѣ, которое нѣкоторые принимаютъ совершенно ошибочно за тенденціи къ сепаратизму, выражается простое сожалѣніе и сознаніе, что *экономическое процвѣтаніе* въ этомъ щедро надѣленномъ природою краѣ, — стѣснено и поставлено въ самыя невыгодныя условія. Со времени пародіи, написанной *Котляревскимъ* на *Энеиду*, въ Малороссіи *всѣ смотрѣли на попытки писать на южно-русскомъ нарѣчіи, какъ на шутку или какъ на слѣдствіе незнанія авторомъ великорусскаго языка* [1]). Лучшее произведеніе Основьяненко — *Панъ Холявскій* написано по-русски, Гребенка и Гоголь тоже писали по-русски. Шевченко писалъ на южно-русскомъ нарѣчіи; *но записные украйнофилы, какъ коренные, такъ и новые утверждаютъ, что Шевченко владѣлъ южно-русскимъ нарѣчіемъ слабо* [2]). Какъ бы то ни было, но если взять всю

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Курсивъ мой. Насколько мнѣ извѣстно, такихъ указаній, по крайней мѣрѣ въ печати, нѣтъ и не было.

совокупность произведеній Шевченко, то окажется, что его дѣятельность вполнѣ соотвѣтствуетъ идеаламъ *коренныхъ* а не *новыхъ* украйнофиловъ... Что же касается до новыхъ украйнофиловъ, которые существенно отличаются отъ коренныхъ сепаратистическими мечтами и которые не имѣютъ никакого вліянія на массу населенія въ Малороссіи, то, несмотря на всѣ усилія ихъ провозгласить Шевченко послѣдователемъ ихъ стремленій, — произведенія Шевченки рѣшительно не имѣютъ этого направленія. Такихъ произведеній, какъ *Кавказъ*, *Раскопана могыла* и проч., у Шевченки очень мало, ихъ можно, что называется, по пальцамъ перечесть и притомъ въ нихъ совершенно нѣтъ сепаратическихъ тенденцій (которыя суть главный признакъ новыхъ украйнофиловъ), но они проникнуты совершенно тѣмъ же направленіемъ, какъ *Ода на вольность*, *Кинжалъ* и другія піесы Пушкина, котораго конечно никто не заподозрилъ бы въ сочувствіи нашимъ сепаратистамъ; правду, если бы Шевченко жилъ долѣе, то, какъ знать, быть можетъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ безобразныхъ явленій нашей общественной жизни онъ увлекся бы эфемерными стремленіями новыхъ украйнофиловъ (которыхъ нельзя не признать во многихъ отношеніяхъ близорукими врагами своей родины); но *судьбѣ* [1]) угодно было, чтобы лучшій украинскій лирикъ остался, по своей литературной дѣятельности, кореннымъ, старымъ украйнофиломъ въ возвышенномъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова» [2]).

Такъ оцѣненъ Шевченко!.. Эта благожелательная оцѣнка до того неожиданна именно отъ офиціальнаго критика, до того странна рядомъ съ оцѣнкой Аксакова и Плещеева,—что я нахожу безусловно необходимымъ дать этой странности возможное апріорное истолкованіе.

Съ одной стороны, передъ нами неопровержимые факты: во-первыхъ, знакомство гр. Капниста съ «Кавказомъ» и «Раскопаной могылой»—значитъ, и со «Сномъ» Шевченка, доставившимъ ему солдатскую шинель; во-вторыхъ, несомнѣнная близость и родственность по духу поэта съ Костомаровымъ и Кулишемъ—этими «новыми», «нынѣшними»

[1]) Курсивъ мой.
[2]) Стр. 74—77.

сепаратистами, и въ-третьихъ, несочувствіе Валуева малорусской литературѣ. Все это, казалось бы, заставляло Капниста отнестись къ сочиненіямъ Шевченко совсѣмъ иначе. Съ другой стороны, выдѣленіе изящной словесности позволяло рекомендовать цензорамъ гуманное отношеніе къ произведеніямъ автора «Кобзаря», но этого, разумѣется, очень недостаточно для объясненія именно той его оцѣнки, которая только что приведена. Очевидно, были еще какія-то причины, выдѣлявшія Шевченко изъ разряда подлежащихъ особому вниманію. Мнѣ кажется, главнѣйшая изъ нихъ—малорусское происхожденіе самого гр. Капниста и любовь его къ звучной, красочной малорусской поэзіи. Тутъ, такъ сказать, чувство поэта (гр. Капнистъ написалъ самъ много стихотвореній) взяло верхъ надъ долгомъ чиновника...

„Отрицатели и обличители“. „Перелагатели пауперизма и соціализма на русскіе нравы“. „Эпиграмматисты, пасквилисты и нигилисты“.

Вторая подгруппа третьей группы — «отрицатели и обличители, возникшіе съ преобразовательной дѣятельностью нынѣшняго царствованія», не заняла много мѣста. Говоря о Бенедиктовѣ, официальный критикъ замѣчаетъ о времени, предшествующемъ эпохѣ наибольшаго напряженія обличенія: «это было время, когда каждая неудача, каждое fiasco были умышленно относимы и писателемъ и публикой на счетъ цензуры. „Нельзя писать“. „Нельзя сказать такъ, какъ бы хотѣлось“—и все сходило съ рукъ. Тутъ оказался предлогъ не одному Бенедиктову замолкнуть, сохраняя вполнѣ собственное достоинство и несмотря на то, что тѣ же самыя условія не мѣшали такимъ поэтамъ, какъ напримѣръ, Лермонтовъ». «Но въ началѣ минувшаго десятилѣтія обстоятельства дали возможность представить глазамъ публики многое, что прежде не было удобно для печати. Теперь молчаніе уже не могло служить оправданіемъ литератору или поэту, и на страницахъ періодическихъ изданій нашихъ стали являться имена, пришедшія почти во всеобщее забвеніе... Всѣ эти, вышедшіе вновь на сцену поэты, настроили свои лиры на скорбно-гражданскій, на

обличительный, а отчасти и на патріотическій тонъ и, казалось, задумали явить міру всю силу и прелесть таланта, который не могъ прежде выказаться во всемъ блескѣ» [1]).

«Замѣчательно, что вычурные стихи г. Бенедиктова и, такъ сказать, сухая поэзія г. Розенгейма, задавшись гражданской скорбью и обличеніемъ. были встрѣчены при своемъ появленіи въ пятидесятыхъ годахъ почти съ одинаковой благосклонностью. Доказательство, — что причина успѣха заключалась не столько въ талантѣ поэтовъ, сколько въ настроеніи публики. И дѣйствительно, настроеніе это есть явленіе болѣе глубокое, чѣмъ оно можетъ показаться съ перваго разу. Не успѣло общество насладиться чистой поэзіей Лермонтова и Кольцова, какъ оно уже забываетъ прелесть непринужденной формы, возвышенность содержанія и предпочитаетъ повседневный характеръ обличенія и протеста въ какой бы то ни было вычурной формѣ. *Ясно, что обществу нужно было не поэзіи, а протеста и обличенія*» [2]).

Добролюбовъ не оцѣнилъ высокихъ качествъ музы Розенгейма, но призналъ талантъ Плещеева. Этого достаточно, чтобы гр. Капнистъ писалъ:

«Г. Добролюбовъ въ своемъ агитаторскомъ разочаровываніи, озлобленіи и отрицаніи призналъ возникшія въ началѣ истекшаго десятилѣтія обличеніе, протестъ и постановку разныхъ общественныхъ вопросовъ, дѣятельностью безплодной, не ведущей ни къ какимъ существеннымъ результатамъ. А Розенгеймъ говоритъ о возможности „установленія порядка на *религіозно-нравственномъ* основаніи“, которое, конечно, не во вкусѣ тенденцій г. Добролюбова, и притомъ у Розенгейма же еще встрѣчаются подобные стихи:

Мнѣ говорятъ, что я рискую,
Что слишкомъ смѣло говорю,
Не вѣрю.—Рѣчь веду такую
Затѣмъ, что *преданъ я Царю*
Не искони-ль царей державныхъ
Сливалась слава на Руси
Со славой Руси православной?
Кто хочетъ—лѣтопись спроси...

[1]) Стр. 81.
[2]) Стр. 85—86. Курсивъ мой.

«Но какъ бы то ни было, редакторы повременныхъ изданій, слыша чутьемъ своимъ, какую пищу расположена была принимать публика, относились не такъ строго, какъ Добролюбовъ, къ обличительнымъ іеремíадамъ г. Розенгейма и печатали ихъ на страницахъ своихъ журналовъ. Такимъ образомъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ явились длинныя разсужденія въ стихахъ г. Розенгейма, обличавшія откупщиковъ и акціонерную лихорадку, взяточниковъ и взяточничество» [1]).

Можно себѣ представить, что бы мы встрѣтили въ «Собраніи матеріаловъ» о Добролюбовѣ, если бы въ 1865 году онъ былъ живъ!..

Теперь о «перелагателяхъ пауперизма и соціализма на русскіе нравы»

Здѣсь прежде всего останавливаетъ вступленіе, посвященное разъясненію происхожденія этой новой струи въ русской лирикѣ.

«Сперва нѣкоторые изъ публицистовъ и мыслителей нашихъ обратили вниманіе на тѣ соціальныя утопіи, которыя, блеснувъ, какъ заманчивый метеоръ, на Западѣ, ослѣпили и отуманили нѣсколько пылкихъ головъ, не приведя ни къ какимъ, практическимъ результатамъ. Затѣмъ журналистика стала знакомить наше общество въ формѣ писемъ изъ-за границы [2]) и литературныхъ хроникъ съ этими утопіями, и изъ подобныхъ статей, испещренныхъ намеками и наведеніями на наши собственныя условія, публика узнавала какъ *новость* и какъ *идеалъ* то, что на Западѣ начинало уже терять кредитъ. Имена систематиковъ-утопистовъ, Конта, Пьера-Леру, Бюше и другихъ замелькали на страницахъ нашихъ повременныхъ изданій. Затѣмъ пошли толки о *кабетистахъ, фаланстеріанахъ, коммунистахъ и соціалистахъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ стали судить и рядить объ Отцѣ-Анфантенѣ, Сенъ-Симонѣ и проч., пока въ 1848 г. не перешли преимущественно къ Прудону и къ Луи-Блану. Между тѣмъ, въ соціальной революціи, которая охватила тогда Францію и исходъ которой не могъ еще быть ясенъ для нашего общества, уже обозначились нѣкоторыя черты,

[1]) Стр. 87. Курсивъ подлинника.

[2]) Намекъ на „Парижскія письма“ въ „Современникѣ“ за 1848 г.

въ которыхъ нельзя было не признать родственнаго сходства съ тѣми возгласами, которые повторяли, съ чужого голоса, нѣкоторые изъ нашихъ крайнихъ доктринеровъ. Во Франціи, незадолго до февральской революціи, по свидѣтельству историка, „вся дѣятельность партизановъ республики обратилась на *низшіе слои народа.* Ученіе Сенъ-Симона, Фурье, и въ особенности Бабефа, гораздо живѣе говорило интересамъ рабочихъ классовъ, нежели требованія политической свободы. У республиканскихъ писателей явилась особенная нѣжность къ рабочимъ классамъ, пошли безконечные толки *о страданіяхъ пролетаріата*, существенный смыслъ которыхъ заключался въ слѣдующемъ: „учредите республику, сдѣлайте насъ диктаторами, а мы *отдадимъ вамъ всѣ богатства высшихъ классовъ* и сдѣлаемъ васъ навсегда счастливыми". Все это возбудило въ нашемъ обществѣ живое любопытство и заставляло подозрѣвать въ нелегко доходившихъ къ намъ съ Запада утопіяхъ пророческую рѣчь о раціональномъ и свѣтломъ будущемъ. Тогда-то ученыя статьи, проникнутыя этимъ духомъ, публицисты, говорившіе въ этомъ направленіи, и поэты, настроившіе свои лиры на этотъ ладъ, встрѣчены были съ привѣтомъ и съ поощреніемъ нашей критикой, а слѣдовательно и обществомъ. Должно при этомъ замѣтить, что критика умалчивала, а большинству общества было неизвѣстно, до какой степени эти соціалистическія утопіи, провозглашенныя у насъ, какъ сама истина и идеалъ, — оказались на Западѣ несостоятельными, получивъ даже полную возможность заявить себя на практикѣ» [1]).

Отсюда — муза Некрасова, которой отведено 12 страницъ — втрое болѣе, чѣмъ каждому другому поэту эпохи 1854 — 64 г.г. Такое преимущественное вниманіе объясняется тѣмъ, что «на развитіи таланта г. Некрасова особенно рельефно замѣтенъ *вредъ* того направленія, которое преобладаетъ въ нашей лирикѣ за послѣднія десять лѣтъ» [2]).

«Талантъ г. Некрасова безспорно истинный и сильный; но къ сожалѣнію, не до такой степени сильный, чтобы оставаться *независимымъ и въ полномъ обладаніи художника.* На

---

[1]) Стр. 89—91. Курсивъ подлинника.

[2]) Стр. 103.

произведеніяхъ Некрасова болѣе всего видно, какъ *вредно отражается въ лирикѣ подчиненіе ея мѣсту, времени и средѣ*, въ которыхъ поэтъ развивается. Эта *тройственная зависимость* постоянно угнетала и угнетаетъ значительную творческую способность г. Некрасова. Онъ самъ сознается въ этомъ, въ пьесѣ *Сознаніе*...

«...Это сознаніе въ высшей степени важно. Поэтъ самъ видитъ зависимость, подъ *гнетомъ*[1]) которой находится его творчество, видитъ, что въ стихахъ его *нѣтъ поэзіи свободной* и что въ нихъ *творящее искусство* подавлено *торжествомъ мстительнаго чувства*, тогда какъ *любовь*, безъ которой нѣтъ истинной поэзіи, — *догораетъ*. Страшная исповѣдь художника! Но эта исповѣдь, къ сожалѣнію, не выдумана имъ. Дѣйствительно, Некрасовъ, какъ поэтъ, не сумѣлъ освободиться отъ преходящихъ условій, и на произведеніяхъ его *отяготѣли условія его дѣтства, условія того времени, къ которому относятся эти произведенія, условія мѣста, въ которомъ развились зрѣлые годы его жизни — (жизнь въ столицѣ)*, и все это значительно *исказило тѣ искреннія отношенія къ народу*[1]), къ которымъ онъ по природѣ своей способенъ и которыя мелькаютъ по временамъ перлами истинной поэзіи въ его большихъ стихотвореніяхъ, *всегда невыдержанныхъ*[1]) по причинѣ упомянутой *тройственной зависимости*. Условія, при которыхъ шло дѣтство Некрасова, были, какъ видно, трудны для свободнаго развитія таланта» [2]).

«Стихотворенія г. Некрасова, по мѣткому замѣчанію поэта А. Григорьева, суть плодъ „всеобщаго протеста въ нашей литературѣ противъ горькой дѣйствительности, протеста страстнаго, жаркаго, энергическаго, протеста, *доходившаго до клеветы на дѣйствительность*“ [3]).

Виновникъ въ такомъ «угнетеніи» Некрасова былъ уже представленъ на глаза читателю — это западныя модныя теченія. Но онъ не одинъ повиненъ въ страшномъ преступленіи. Есть еще другой, это — конечно, Бѣлинскій.

«Идеи Бѣлинскаго, не какъ критика, обладавшаго замѣчательнымъ художественнымъ чутьемъ, но какъ агита-

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Стр. 92—93.

[3]) Стр. 94—95. Курсивъ подлинника.

тора, который часто заглушалъ въ немъ безпристрастнаго критика, — вредно отразились на развитіи таланта г. Некрасова» [1]).

«Можно-ли, напримѣръ, не найти протеста противъ дѣйствительности *доходящаго до клеветы* въ пьесѣ: „Ѣду-ли ночью по улицѣ темной“, гдѣ поэтъ примѣняетъ къ намъ картину, напоминающую крайности манеры Виктора Гюго и ему подобныхъ»... [2]).

Вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію, что Некрасовъ вовсе не народный поэтъ, удивляясь «наглости» «Русскаго Слова» утверждавшаго противное, офиціальный критикъ замѣчаетъ:

«Несмотря на то, что во многихъ своихъ стихотвореніяхъ онъ стремится возбуждать въ читателяхъ чувство состраданія къ народу, г. Некрасовъ въ воспроизведеніяхъ народнаго быта и жизни болѣе обнаруживаетъ раздраженія и злости, чѣмъ той возвышенной любви, безъ которой нѣтъ истинно высокой поэзіи. И нельзя въ заключеніе не замѣтить, что г. Некрасовъ, взывающій такъ часто о сожалѣніи къ народу, самъ написалъ одну пьесу, которая рѣзко отрицаетъ всякую вѣру въ чувство любви г. Некрасова къ этому народу. *Ни одинъ заклятый врагъ нашего народа никогда не бросалъ въ него съ такой злостью и съ такимъ полнѣйшимъ презрѣніемъ грязью и обидой* [3]), какъ позволилъ себѣ это, къ истинному сожалѣнію, г. Некрасовъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Такъ, служба! самъ ты въ той войнѣ
Дрался—тебѣ, и книги въ руки,
Да дай сказать словцо и мнѣ:
Вы сами дѣлывали штуки.
Какъ затесался къ намъ французъ
Да увидалъ, что проку мало,
Пришелъ онъ, помнишь ты, въ конфузъ
И на попятный тотчасъ дало:
Поймали мы одну семью,
Отца да мать *съ тремя щенками*
Тотчасъ ухлопали мусью,
Не изъ фузеи—кулаками!
Жена давай вопить, стонать;

1) Стр. 96.
2) Стр. 98. Курсивъ подлинника.
3) Курсивъ мой.

Рветъ волоса,—*глядимъ да тужимъ.*
Жаль стало,—топорищемъ хвать.—
И протянулась рядомъ съ мужемъ!
Глядь: *дѣти!* Нѣтъ на нихъ лица:
Ломаютъ руки, воютъ. скачутъ,
Лепечутъ—не поймешь словца—
И въ голосъ, бѣдненькія, плачутъ.
Слеза прошибла насъ, ей-ей!
Какъ быть? *Мы долго толковали,*
Пришибли бѣдныхъ поскорѣй,
Да вмѣстѣ всѣхъ и закопали...
— Такъ вотъ что, служба! вѣрь же мнѣ:
Мы не сидѣли сложа руки,
И хоть не бились на войнѣ,
А сами дѣлывали штуки!—

«Всякое художественное произведеніе должно быть прежде всего типично; иначе,—изъ какого побужденія художникъ станетъ творить? Неужели же русскій народъ находится на такой низкой степени развитія, что можетъ убивать беззащитныхъ женщинъ и невинныхъ дѣтей *изъ жалости* и не въ минуту увлеченья, а послѣ того, какъ *долго толковали?* Неужели этотъ народъ можетъ, разсказывая объ этомъ спустя много времени, называть еще бѣдныхъ убитыхъ малютокъ—*щенками* и говоря, *мы не сидѣли сложа руки,* хвастаться, какъ подвигомъ, такимъ *тупо умнымъ злодѣйствомъ,* и хвастать передъ воиномъ — честнымъ защитникомъ своего отечества? Нѣтъ, если бы подобное безобразное исключеніе и могло, къ прискорбію, гдѣ-либо встрѣтиться, то поэтъ, если онъ желаетъ имѣть право когда-либо и въ какомъ бы то ни было смыслѣ называться „другомъ народа", — не позволитъ себѣ распространять подобнаго рода факта въ видѣ стихотворенія полнаго злорадной сатиры... И замѣчательно, что въ то время, когда ярые обличители наши обличали взапуски каждаго пьянаго праздношатающагося, никто изъ нихъ и не подумалъ изобличить это посягательство на честь нашего народа... Какъ же г. Некрасовъ, приглашающій всѣхъ жалѣть народъ, могъ написать подобное стихотвореніе? Удовлетворительный отвѣтъ на это заключается въ стихахъ г. Некрасова же о самомъ себѣ, въ стихахъ, которые *какъ эпиграфъ* [1]),

[1]) Куренвъ мой.

могутъ быть выставлены при разборѣ произведеній г. Некрасова:

То сердце не научиться любить,
Которое устало ненавидѣть!..“ [1])

Это мѣсто такъ характерно, что я убѣжденъ, читатели не посѣтуютъ не меня за столь длинную цитату... Вотъ гдѣ отыскался настоящій, «истинный» другъ русскаго народа! Вотъ какими высокими побужденіями мотивировалось обращеніе на Некрасова особаго вниманія...

Не могу тутъ же не упомянуть, что дочь гр. Капниста въ своихъ «Воспоминаніяхъ» серьезно рѣшилась заявить о восторгѣ Некрасова по поводу такой его оцѣнки... Вотъ что мы находимъ тамъ чернымъ по бѣлому: «Некрасовъ, прочитавъ очеркъ Капниста, пришелъ въ восторгъ отъ посвященной ему статьи. Онъ подарилъ ему въ знакъ признательности всѣ свои сочиненія и сказалъ ему: „И вѣдь никто не говорилъ мнѣ такой горькой правды! Но вы меня видите насквозь, я чувствую, что никто меня не понимаетъ такъ, какъ вы, — а это для меня лучшая оцѣнка» [2]). Неужели хоть на моментъ можно повѣрить буквальному смыслу этихъ строкъ?. Гр. Капнистъ, очевидно, былъ очень довѣрчивъ и не обратилъ вниманія на ту оборотную сторону медали, которая заключалось въ приведенныхъ словахъ. Некрасовъ подарилъ свои сочиненія человѣку, который его совершенно не понялъ и поэтому былъ исключеніемъ!.. Однихъ словъ о *вредномъ* вліяніи Бѣлинскаго было бы достаточно, чтобы привести Некрасова въ ярость. Но развѣ можно было сердиться на Капниста?.. Нужно было просто дать ему всѣ свои произведенія... для ознакомленія.

Никитинъ признанъ «самобытнымъ» поэтомъ, а М. И. Михайловъ и Вс. Костомаровъ отмѣчены, какъ внесшіе въ нашу литературу «мало извѣстный у насъ родъ стихотвореній, изображающихъ бѣдствія и страданія рабочаго класса». Вс. С. Курочкинъ, удаленный Валуевымъ отъ редактированія «Искры», съ которой министръ внутреннихъ дѣлъ имѣлъ основанія лично посчитаться за каррикатуры и стихи о своей особѣ, признавался безусловно вреднымъ поэтомъ.

[1]) Стр. 101—103.

[2]) „Сочиненія гр. Капниста“, т. I, CXXV.

«Обладая легкимъ, гибкимъ и звучнымъ стихомъ, г. Курочкинъ посвятилъ себя преимущественно не переводамъ, а передѣлкѣ на русскій ладъ пѣсенъ Беранже. Сохраняя часто духъ подлинника, онъ очень ловко умѣетъ примѣнять разные куплеты Беранже къ нашимъ современнымъ обстоятельствамъ, такъ что, въ сущности, Беранже является только сильнымъ орудіемъ, и подъ прикрытіемъ его имени, г. Курочкинъ преслѣдуетъ свои цѣли; напримѣръ: извѣстно, какъ въ послѣднее время пристрастно смотритъ періодическая литература наша на отношенія нашего дворянскаго сословія къ народу; г. Курочкинъ, принадлежа къ гонителямъ высшихъ слоевъ нашего общества, переводитъ извѣстную пьесу Беранже *Маркизъ де-Караба,* гдѣ, между прочимъ, находятся подобные стихи:

...Слушать поселяне!
Къ вамъ, невѣждамъ, дряни,
Самъ держу я рѣчь.
Я—опора трона;
Царству оборона
Мой дворянскій мечъ.
Гнѣвъ мой возгорится!
И хоть кто смирится!
Вотъ какой храбрецъ.
...Не люблю стѣсненья!
Подати съ имѣнья,—
Знать я не хочу.
Облеченъ дворянствомъ,
Государству чванствомъ.
Я свой долгъ плачу!...

—

Мнѣ почетъ и слава,
Чтобъ дворянства право,
Свято и вполнѣ
Въ этомъ блескѣ громкомъ
Перешло къ потомкамъ.
Вотъ какой храбрецъ!“ [1])

Чтобы покончить съ поэтами, намъ остается обратиться къ послѣдней ихъ категоріи — «эпиграмматистамъ, пасквилистамъ и нигилистамъ».

[1]) Стр. 104—105. Курсивъ подлинника.

«Стихотворныя произведенія съ этимъ направленіемъ — говоритъ офиціальный обозрѣватель — явились въ особенно значительномъ количествѣ въ истекшее десятилѣтіе. Начавшись простой пародіей, этотъ родъ литературы дошелъ постепенно до низведенія на степень смѣшного и пошлаго всего того, что не благопріятствуетъ стремленіямъ и цѣлямъ литературныхъ кружковъ, въ которыхъ эти эпиграмматисты, пасквилисты и нигилисты суть, такъ сказать, главные застрѣльщики. Дѣйствіе этого рода литературы на нашу публику весьма сильно. Являясь, какъ представительница начала реакціоннаго къ существующему строю, какъ преслѣдовательница зла, какъ двигательница прогресса, какъ нѣчто двусмысленное и не всегда дозволенное, эта сторона литературы нашей производитъ обаятельное впечатлѣніе на *все легкое, недозрѣлое, а иногда и недобросовѣстное въ нашемъ обществѣ*» [1]).

Нарисовавъ затѣмъ увлеченіе литературы обличеніемъ, особенно людей, занимающихъ высокое положеніе, не знавшимъ никакихъ границъ, офиціальный критикъ продолжаетъ: «Цензура пропускала многое, какъ отрывочные факты, но, мало-по-малу, изъ этого образовалась цѣлая совокупность произведеній, вредно дѣйствующихъ на юношество, склоняя его къ легкомысленнымъ сужденіямъ, къ самообожанію и къ *наглому презрѣнію* [2]) всего, что не льстило *молодому поколѣнію* [2]) и не поддѣлывалось подъ его вкусы, имѣя въ то же время заднюю мысль: сдѣлать изъ этого поколѣнія слѣпое орудіе своихъ цѣлей. Общественная нравственность также не выиграла отъ безпрестанныхъ шутокъ и каррикатуръ въ нашихъ сатирическихъ листкахъ [3]), провозглашавшихъ эмансипацію женщины, *выгоды проституціи* [2]), неуваженіе къ родителямъ и прочее. Немудрено, что этотъ родъ литературы подъ перомъ и карандашомъ талантливыхъ людей скоро пріобрѣлъ сильное вліяніе на большинство публики и *даже* [2]) сталъ дѣйствовать на наше общественное мнѣніе.' Добролюбовъ самъ высказалъ, что вся эта фаланга сатирическихъ повременныхъ изданій полезна, какъ средство *для колебанія*

[1]) Стр. 105—106. Курсивъ подлинника.

[2]) Курсивъ мой.

[3]) Подъ этимъ унизительнымъ словомъ авторъ разумѣетъ „Искру“, „Занозу“, „Осу“, „Гудокъ“ и проч. сатирическіе журналы.

нѣкоторыхъ авторитетовъ и для борьбы съ ними. „Насмѣшкѣ и пародіи“ по его словамъ, кромѣ собственно-литературныхъ цѣлей, „предстоитъ еще бо́льшая работа: *сопровождать русскую жизнь въ новомъ пути*, который ей теперь *открывается* [1]), и преслѣдовать свисткомъ всякаго, кто безъ толку суется на этотъ путь и начнетъ тутъ вертѣться, *дѣла не дѣлая, а только мѣшая другимъ*“. И дѣйствительно, „Свистокъ“ [1]), „Темный человѣкъ“ [2]), „Искра“ и другіе подобные дѣятели приняли на себя цензуру общественныхъ нравовъ» [3]).

Читатель, вѣроятно, недоумѣваетъ, при чемъ же тутъ лирика? На это есть отвѣтъ:

«Конечно, все это множество шутокъ, пародій, эпиграммъ и проч. никакъ нельзя назвать лирической поэзіей, но этотъ родъ литературы предшествовалъ появленію въ лирикѣ нашей, такъ называемыхъ, „нигилистическихъ идей“. Правда, нигилизмъ уже самъ-по-себѣ не благопріятствовалъ поэзіи; тѣмъ не менѣе для популяризированія нѣкоторыхъ воззрѣній этого направленія можно взять лирику, какъ орудіе пропаганды. *Пока одинъ только Добролюбовъ можетъ быть названъ представителемъ нигилизма въ нашей лирикѣ*» [4]).

Это направленіе Добролюбова усматривается положительно въ каждой строкѣ немногихъ его лирическихъ пьесъ. Критикъ даже находитъ, что дальше по пути нигилизма итти ужъ некуда... Но чувствуя, что умершій Добролюбовъ будетъ имѣть не одинъ десятокъ послѣдователей, цѣнившихъ въ высокоталантливомъ и дорогомъ покойникѣ вовсе не его лирику, Капнистъ закончилъ свой обзоръ такими словами:

«Обращаясь къ Добролюбову, какъ къ критику, нельзя не замѣтить, что вліяніе его было крайне невыгодно для развитія нашей изящной литературы вообще, а для лирики въ особенности. Бѣлинскій вѣрилъ еще въ возможность усвоенія намъ благодѣтельныхъ результатовъ западной цивилизаціи, *а Добролюбовъ не видѣлъ впереди никакого идеала*, но стремился только заклеймить презрѣніемъ и отрицаніемъ

[1]) Отдѣлъ въ „Современникѣ“.

[2]) „Записки темнаго человѣка“ велъ въ „Русскомъ Словѣ“ Минаевъ.

[3]) Стр. 107—108.

[4]) Стр. 108. Курсивъ мой.

существующій порядокъ, не предлагая взамѣнъ ничего яснаго; подъ вліяніемъ его *нигилистическаго* [1]) и мертвящаго разочарованія, подъ обаяніемъ его замѣчательнаго таланта, литература наша окончательно отшатнулась отъ своего прямого назначенія и стала служить политической и соціалистической пропагандѣ. Изящныя произведенія стали оцѣниваться съ точки зрѣнія ихъ практической примѣнимости къ обиходнымъ потребностямъ жизни и по степени соотвѣтственности ихъ гражданскимъ и общественнымъ потребностямъ извѣстной минуты, а нерѣдко и по мѣрѣ солидарности ихъ съ разными революціонными тенденціями» [2]).

Итакъ, вотъ къ чему свелась оцѣнка поэзіи...

Можно-ли повѣрить, что Гончаровъ, выслушавъ ее, сказалъ: «Со временъ Бѣлинскаго, я не читалъ ничего подобнаго и притомъ, въ этомъ трудѣ еще больше безпристрастія, чѣмъ у Бѣлинскаго, потому что послѣдній нерѣдко увлекался!»... [3]) — сказалъ это тоже совершенно серьезно?! Думаю, что нѣтъ: Гончаровъ, все-таки, былъ литературно-образованный человѣкъ...

„Что дѣлать?“ „Бѣдные люди“. Щедринъ. „Отцы и дѣти“. Антоновичъ и Писаревъ. „Записки охотника“. „Семейная хроника“. „Наканунѣ“. Гончаровъ и гр. Л. Н. Толстой.

Разборъ прозы за десятилѣтіе 1854—64 г.г. несоразмѣрно малъ, по извѣстнымъ уже читателямъ причинамъ — въ немъ всего 18 страничекъ. Правда, онъ, въ совокупности, не уступитъ длинному обзору поэзіи...

Сказавъ нѣсколько словъ о піонерахъ насажденія у насъ эмансипаціи женщины въ произведеніяхъ Евгеніи Туръ и «цинично откровенномъ» романѣ Авдѣева — «Подводный камень» критикъ переходитъ, разумѣется, къ Чернышевскому... На автора «Что дѣлать?» обрушиваются всѣ громы, допустимые въ офиціальномъ изданіи...

---

1) Курсивъ подлинника.

2) Стр. 109.

3) „Сочиненія гр. П. И. Капниста“, т. I, CXXVI.

«Подъ обаяніемъ этого романа, явившагося въ печати несмотря на полное отрицаніе въ немъ всѣхъ принятыхъ основъ семейства и нравственности [1]) — все падшее, все неразвитое или неимѣвшее случая получить нравственное направленіе, всѣ таковые субъекты женскаго пола въ нашемъ современномъ обществѣ, стремятся создать для себя на практикѣ такой видъ общественной организаціи, который исключалъ бы понятія о какихъ бы то ни было семейныхъ обязанностяхъ. Это есть, собственно, усвоеніе современному нашему обществу принципа — abolition de la famille [2]) подъ вывѣской *поощренія женскаго труда, женскихъ артелей* и тому подобнаго [3]).

«Пока представители нашего журнальнаго нигилизма недоумѣвали и спорили по поводу повѣсти г. Тургенева [4]), пока они излагали въ разныхъ руководящихъ статьяхъ „Современника" и „Русскаго Слова" свои основанія въ видѣ *отрицанія* — глава и первый авторитетъ этого направленія г. Чернышевскій, въ романѣ *Что дѣлать?* попытался выра-

[1]) Это намекъ на тѣ особыя условія, при которыхъ напечатано „Что дѣлать?" Вотъ разсказъ по этому поводу члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія, А. О. Пржецлавскаго, какъ разъ наблюдавшаго за „Современникомъ", гдѣ впервые появился этотъ романъ (1863 г. №№ 2, 3, 5).

„Онъ (романъ) былъ напечатанъ по странному недоразумѣнію. Первая часть, появившаяся въ одномъ изъ номеровъ „Современника" не заключала ничего предосудительнаго. Между тѣмъ, сочинитель, по какому-то политическому дѣлу былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Слѣдствіе по этому дѣлу производилъ статсъ-секретарь у принятія прошеній, князь Голицынъ. Авторъ обратился къ нему съ просьбою дозволить ему докончить романъ, за который онъ получилъ отъ редакціи деньги впередъ. Князь согласился, а рукописи двухъ послѣднихъ частей поступили на разсмотрѣніе къ нему. Такъ какъ онѣ, вѣроятно, цензурованы были только въ политическомъ отношеніи, то статсъ-секретарь, не найдя въ нихъ ничего политическаго, пропустилъ ихъ. Цензоръ же, разсматривавшій „Современникъ" послѣ пропуска рукописи княземъ Голицынымъ, не смѣлъ уже останавливать печатаніе ея. Такимъ образомъ, проскользнуло въ русскую литературу это произведеніе". („Рус. Старина" 1875 года, IX. 154).

[2]) Т. е. уничтоженіе семьи.

[3]) Стр. 182. Курсивъ подлинника.

[4]) Романъ „Отцы и дѣти".

зить коммунистическіе и соціалистическіе идеалы свои *положительно*. Самое заглавіе этого произведенія какъ бы стремится дать уразумѣть остановившимся въ недоумѣніи предъ системой всеотрицанія прозелитамъ нигилизма, что романъ укажетъ и научитъ, *что имъ нужно дѣлать*. Программа, предлагаемая г. Чернышевскимъ въ его романѣ къ осуществленію на практикѣ весьма несложная. Члены коммуны или артели изъ лицъ обоего пола, безъ строгихъ понятій о семейномъ союзѣ и о взаимныхъ половыхъ отношеніяхъ, живутъ всѣ вмѣстѣ, въ видѣ какого-то пансіона, работая и дѣля между собою барыши. Согласіе и гармонія этой фаланстеры не нарушаются потому, что лица, выведенныя г. Чернышевскимъ, не люди полные жизни, а скорѣе куклы, которымъ авторъ придалъ тѣ свойства, которыя были ему нужны для достиженія цѣлей имъ преслѣдуемыхъ. Личныя стремленія, страсти и убѣжденія героевъ г. Чернышевскаго сильны или слабы, смотря по надобности, настолько, насколько это нужно для развитія романа. Нерѣдко, для окончательнаго ослѣпленія своихъ близорукихъ почитателей г. Чернышевскій, написавшій цѣлую книгу *объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности*, гдѣ всѣ начала прекраснаго втоптаны въ грязь, гдѣ примѣняется нигилизмъ къ эстетикѣ до тривіальности, гдѣ *возвышенное и высокое, прекрасное и живое (здоровое)* — одно и тоже, — этотъ г. Чернышевскій въ романѣ своемъ *Что дѣлать?* спускается на степень аркадскихъ нравовъ, идиллическихъ сценъ и описаній. Его герои забавляются разными невинными «petits-jeus», говорятъ другъ другу нѣжности и готовы, повидимому, обратиться въ пастушковъ, лишь бы г. Чернышевскому удалось доказать живучесть и практичность своей коммуннической артели. Несмотря на всѣ „бѣлыя нитки“, этотъ романъ имѣлъ большой успѣхъ между *поверхностно-образованною* нашею молодежью обоего пола, которой у насъ огромное большинство, а это значитъ у большинства читающей публики. Несмотря также на всю бѣдность своего практическаго идеала и на отсутствіе всякихъ художественныхъ достоинствъ, романъ г. Чернышевскаго имѣлъ большое вліяніе даже на внѣшнюю жизнь нѣкоторыхъ недалекихъ и нетвердыхъ въ понятіяхъ о нравственности людей, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціяхъ. Многіе рады были ухватиться за *теорію*,

прикрывающую и оправдывающую безнравственность по отношенію къ брачному союзу: были примѣры, что дочери покидали отцовъ и матерей, жены—мужей, нѣкоторые даже рѣшались на всѣ крайности отсюда вытекающія; появились попытки устройства на практикѣ коммунистическаго общежитія въ видѣ какихъ-то общинъ и ремесленныхъ артелей. Всего же хуже то, что всѣ эти нелѣпыя и вредныя понятія нашли себѣ сочувствіе, какъ *новыя идеи*, у множества молодыхъ педагоговъ... Это служитъ мѣриломъ всей ненормальности нашего воспитанія и всей бѣдности, неосновательности нашего образованія [1])»...

«Бѣдные люди» Достоевскаго удостоились одобренія. «Несмотря на то, что въ этомъ романѣ слишкомъ силенъ элементъ преувеличія и каррикатуры, — въ немъ есть тотъ ингредіентъ, которымъ отличается *истинное гоголевское направленіе*, въ немъ есть „видимый міру смѣхъ и невидимыя ему слезы". Карая чиновника, писатель любитъ въ немъ человѣка. Если бы это свойство присутствовало *постоянно* въ произведеніяхъ нашихъ обличителей несовершенствъ бюрократической среды, то съ одной стороны, творчество и художественность не были бы забыты совершенно (какъ это произошло): а съ другой стороны, въ направленіи этомъ не было бы ничего предосудительнаго потому, что дѣло искорененія зла,— какъ цѣль, преслѣдовалась бы чувствомъ возвышенной любви, а не однимъ крайнимъ желаніемъ забросать грязью, оскорбить цѣлую среду, а читателей разсмѣшить и, если можно, ожесточить. Къ сожалѣнію, большинство писателей, нападавшихъ на чиновниковъ, совершенно позабыли упомянутое свойство *истиннаго гоголевскаго направленія* и примкнули къ категоріи ложной *натуральной школы*, которая, пренебрегая чувствомъ возвышенной любви писателя и усвоивая себѣ исключительно чувство ожесточенія, все болѣе и болѣе утрачивала элементъ творчества и художественности и выродилась съ годами въ газетное *обличительное* направленіе, въ своего рода бюрократическую скандалезную хронику» [2]).

[1]) Стр. 193—195. Курсивъ подлинника. Въ послѣднихъ словахъ понятный камешекъ въ огородъ Ев. П. Ковалевскаго и Головнина.

[2]) Стр. 183 - 184. Курсивъ подлинника.

Читатель, конечно, понимаетъ, къ чему ведется вся эта тирада, къ какой атакѣ она является первымъ приступомъ... Очевидно, нужно ждать, что вотъ-вотъ грянутъ громы на голову Щедрина, имѣвшаго роковую неосторожность первымъ выступить на путь «бюрократической скандалезной хроники» съ своими «Губернскими очерками». И они не заставили себя долго ждать...

«Изображая съ юмористическимъ обличеніемъ административную среду и бюрократическій бытъ въ провинціяхъ, г. Щедринъ взглянулъ на него со свойственной ему точки зрѣнія, представивъ смѣшную фальшь или злоупотребленія этой среды, находя все въ этой средѣ комическимъ или пошлымъ. Тутъ у него являются и *либералы*, но они изображены смѣшными, потому, вѣроятно, что они не такъ либеральны, какъ бы автору того хотѣлось: являются люди *отживающіе*, люди въ какомъ-то среднемъ *переходномъ* состояніи, а также чиновники помѣщики прежняго закала и новые, модные дѣятели, комичные сколько отъ самихъ себя, столько же и отъ условій, въ которыя они поставлены самымъ свойствомъ ихъ гражданскаго положенія. Несмотря на бывшій огромный успѣхъ ихъ въ публикѣ, произведенія Щедрина имѣютъ больше значеніе бойкаго, легкаго и юмористическаго фельетона во вкусѣ *отрицанія. Замѣчательно, что въ произведеніяхъ Щедрина нигдѣ незамѣтно никакого идеала и ничего положительнаго* [1])».

Теперь о Тургеневѣ. Мы уже знаемъ, что офиціальный критикъ назвалъ его, въ числѣ немногихъ другихъ, лучшимъ писателемъ. Затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ, говорится, что въ «Отцахъ и дѣтяхъ» «въ первый разъ брошенъ вызовъ нигилизму». На этой послѣдней чертѣ мы прежде всего и остановимся, потому что, несомнѣнно, роль романа и до сихъ поръ не всѣми усвоена достаточно ясно.

«Когда правительство наше, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, указало тотъ исходъ, которой оно полагало справедливымъ дать дѣлу отмѣны крѣпостного права, то въ беллетристикѣ нашей стало замѣтно менѣе стремленія рѣзко противопоставлять высшее и низшее сословіе съ точки зрѣнія экономическихъ (но не *политическихъ*) [2]) интересовъ, изо-

[1]) Стр. 185. Послѣдній курсивъ мой.
[2]) Курсивъ подлинника.

бражат ьконтрастъ между помѣщиками и крестьянами, между „угнетателями и угнетаемыми“ (soit-disant). Это дѣло отходило въ область исторіи, становилось анахронизмомъ, и вкусъ публики притупѣлъ къ этому предмету. Тогда обнаружилось у нѣкоторыхъ писателей *стремленіе примѣнять систему отрицанія во что бы то ни стало, къ установившимся элементарнымъ понятіямъ о мірѣ духовномъ и нравственномъ, а вслѣдъ затѣмъ — къ освященному временемъ и вѣрованіями семейному и соціальному строю* [1]). Это стремленіе выразилось съ одной стороны произведеніями въ духѣ матеріализма и *нигилизма* [1]), а съ другой, въ пропагандѣ утопій коммунизма и соціализма. Такое настроеніе воспроизведено г. Тургеневымъ, съ свойственной ему объективностью, въ повѣсти: *Отцы и дѣти*. Объективность этого *замѣчательнаго* произведенія г. Тургенева такъ велика, что сторонники нигилизма, — *литературные враги* г. Тургенева, г. Антоновичъ (въ «Современникѣ») и г. Писаревъ (въ «Русскомъ Словѣ») вступили съ свойственнымъ направленію этихъ журналовъ *цинизмомъ* въ площадный споръ и брань между собою по вопросу о томъ: какъ должно понимать упомянутую повѣсть г. Тургенева и что именно стремился выразить авторъ, — похвалу нигилизму или порицаніе его? Полемика эта имѣла полезное послѣдствіе въ томъ отношеніи, что она въ глазахъ близорукихъ почитателей „Современника“ и „Русскаго Слова“ изобличала г.г. Антоновича, Писарева, Благосвѣтлова, Зайцева и tutti quanti, какъ *публицистовъ дерзкихъ*, не безъ нѣкотораго таланта, но въ тоже время *полуученыхъ умниковъ*, всегда готовыхъ площадными ругательствами или пустозвонными фразами прикрывать *свою крайнюю несостоятельность*. При томъ же въ этой полемикѣ упомянутые публицисты наговорили сгоряча другъ о другѣ столько закулисныхъ дрязгъ, столько *подвиговъ шарлатанства*, что конечно, личный авторитетъ ихъ долженъ поколебаться въ глазахъ каждаго сколько-нибудь серіознаго или развитого человѣка. Хотя въ этой полемикѣ много заключается жесткаго и травіальнаго, *но цензура поступила искусно*, обнаруживъ предъ глазами читателей собственныя признанія другъ о другѣ этихъ публицистовъ, слишкомъ легко пріобрѣвшихъ авторитетъ въ

[1]) Курсивъ подлинника.

глазахъ всего что въ нашемъ обществѣ неразвито, недозрѣло и недоучено. Тургеневъ въ своей повѣсти *Отцы и дѣти* изобразилъ грубый матеріализмъ, рисующійся на фонѣ весьма поверхностной науки забавно-школьническую хвастливость всеотрицаніемъ, и придалъ всему этому типическое названіе *нигилизма* [1]; но съ другой стороны г. Тургеневъ вложилъ въ героя этой повѣсти прямоту, искренность и стойкость характера, достойныя болѣе дѣльнаго направленія» [2]).

Итакъ, «Отцы и дѣти» встрѣчены похвалой... О «Запискахъ охотника» авторъ не рѣшился говорить, не сдѣлавъ введенія въ эту область нашей беллетристики.

Онъ находитъ, что «сопоставленіе высшихъ классовъ нашего общества съ низшими, изображеніе столкновенія крестьянъ сперва съ помѣщиками, а потомъ, послѣ упраздненія крѣпостного права, —съ дворянствомъ» вмѣстѣ съ проповѣдью эмансипаціи женщины составляло «главный предметъ участія современной литературы нашей въ дѣлѣ разработки соціальныхъ вопросовъ». «Такое направленіе—говоритъ онъ,—несмотря на множество рѣзкихъ и нерѣдко оскорбительныхъ для высшаго сословія нашего произведеній,—встрѣтило въ цензурѣ менѣе охранительной дѣятельности, чѣмъ выходки противъ верхнихъ слоевъ нашей бюрократіи. А между тѣмъ литература въ одно и то же время и съ одинаковою силою стала порицать какъ бюрократію, такъ и соціальный строй нашъ. Причина такого различнаго примѣненія цензурной строгости къ двумъ предметамъ одинаковой важности заключалась, вѣроятно, въ томъ, что дѣло упраздненія крѣпостной зависимости, какъ искореніе зла, накопившагося путемъ нашего историческаго развитія, выступило въ свое время на первый планъ и такъ обаятельно подѣйствовало на всѣ элементы нашего общества, что нѣкоторой части органовъ администраціи нашей, а въ томъ числѣ и *цензорамъ трудно было удержаться на той высотѣ гражданской нравственности*, которая при какихъ бы то ни было условіяхъ не допускаетъ пристрастія. При томъ же оскорбленіе бюрократіи всегда могло легче обнару-

[1]) Курсивъ подлинника.
[2]) Стр. 191—193.

житься, чѣмъ посягательство на достоинство сословія, которое въ исторіи послѣднихъ двухъ столѣтій *не показало* ни замкнутости, ни особенной ревности къ правамъ своимъ и въ составѣ котораго оказалось въ послѣднее время очень много лицъ, которыя по принципу или вслѣдствіе увлеченія моднымъ направленіемъ, заявили себя въ отношеніи къ дворянскому сословію враждебно».

Официальный критикъ находитъ, далѣе, что вопросъ о вредѣ крѣпостного права и о ненормальности отношеній между высшимъ и низшимъ сословіями заявилъ себя особенно опредѣленно въ «Запискахъ охотника».

«Это—рядъ, большею частью, превосходныхъ, мастерскихъ эскизовъ, содержаніе которыхъ почти всегда или пошлость, невѣжество, хлѣбосольство и порой *наивная жестокость* помѣщиковъ, или же нищета, загнанность и нерѣдко безвыходное положеніе талантливой натуры крестьянина. Замѣчательно, что если въ этомъ произведеніи и высказалось что-либо злое и оскорбительное для нашего высшаго сословія, то, очевидно, что это произошло не отъ преднамѣренности автора, не завѣдомо ему, но какъ послѣдствіе безпристрастнаго, художественнаго и объективнаго воспроизведенія правды жизни. Поэтому-то «Записки охотника» не могутъ произвести взаимнаго раздраженія между сословіями, но вліяніе ихъ, какъ истинно-художественнаго произведенія, *примирительное*, побуждающее всѣхъ равно сознавать соціальную неправду крѣпостного права, скорбѣть и стремитъся дружно общими силами къ искорененію этого зла. Можно сказать безъ преувеличенія, что этимъ произведеніемъ г. Тургеневъ принесъ обществу существенную пользу въ томъ отношеніи, что какъ любимый и *всѣми уважаемый писатель*, онъ заблаговременно и почти наканунѣ государственнаго акта, предрасположилъ многихъ въ пользу отмѣны крѣпостного права, безъ междусословныхъ раздраженій. Такова полезная сторона истинно-художественныхъ произведеній, и относясь къ подобнымъ произведеніямъ мягко и съ полной терпимостью, тактъ цензора дѣйствуетъ справедливо, дѣлая доступнымъ обществу *серіозное* выраженіе правды и добра, а не своекорыстныя тенденціи ослѣпить громкими фразами и эксцентричными замашками близорукихъ читателей и расположить ихъ къ

одностороннему и полному раздраженія взгляду на предметъ» [1]).

Переходя затѣмъ къ общей оцѣнкѣ Тургенева, офиціальный критикъ особенно подчеркиваетъ «объективность какъ основное качество его таланта». Вотъ почему повѣсть «Накануне» не имѣетъ ничего общаго съ романомъ Авдѣева «Подводный камень»; она безусловно подходитъ подъ взглядъ разсмотрѣннаго уже нами «введенія». «Во внутреннемъ различіи повѣсти г. Тургенева и романа г. Авдѣева цензура можетъ усмотрѣть степень дозволительности прозведеній, содержаніе которыхъ касается вопроса объ эмансипаціи женщины и *новыхъ* воззрѣній, на брачный союзъ" [2]).

Дань благонамѣренности воздана и «Семейной хроникѣ» С. Т. Аксакова.

«Не таковы произведенія г. Григоровича, который положительно разсчитываетъ на эффектъ: „Антонъ-Горемыка", „Бобыль", „Метель" и даже отчасти „Рыбаки" суть такія произведенія, которыя при многихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ имѣютъ капитальный недостатокъ, покрывающій и даже стирающій эти достоиства. Описанія русской природы и обстановка жизни современнаго крестьянина у г. Григоровича воспроизведены вѣрно. Рамка лучшихъ его произведеній широка, нѣкоторыя подробности даже перкрасны; но затѣмъ все существенное, а именно: внутренній смыслъ произведенія, характеристика главныхъ лицъ и общій колоритъ принесены въ жертву модному настроенію эпохи и посвящены своего рода *агитаціи*... Тутъ до *истины* дѣла мало, тутъ мало заботы до вопроса: какимъ образомъ грубая и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи среда крестьянскаго быта, *могла развить въ крестьянинѣ эту тонкость впечатлѣній, эту неимовѣрную воспріимчивость, эту до мелодрамы доходящую плаксивость?* Автору мало также нужды и до другого вопроса: какъ при такомъ высокомъ психическомъ развитіи, которымъ отличаются его герои—крестьяне, они могутъ мириться съ грязной обстановкой домашняго быта, съ тривіальностью и нерѣдко съ цинизмомъ столь часто слышимомъ и видимомъ въ понятіяхъ простого на-

[1]) Стр. 185—188. Послѣдній курсивъ подлинника.
[2]) Стр. 189. Курсивъ подлинника.

рода? Не въ этомъ вопросъ для г. Григоровича. Ему только бы внушить читателю, что олицетвореніе всѣхъ добродѣтелей и притомъ угнетенныхъ добродѣтелей есть крестьянинъ, что окружающая крестьянина среда ниже того уровня, на которомъ онъ стоитъ, а высшее сословіе все зауряд полно невѣждъ, идіотовъ или тирановъ. Незнаніе всей обстановки жизни мужика, его міросозерцанія и народныхъ характеровъ не допустило г. Григоровича долго держаться на высотѣ художественныхъ авторитетовъ: *произведенія г. Писемскаго* («Плотничья артель», «Лѣшій», «Батька» и проч.), *въ которыхъ прямо изображенъ былъ нашъ мужикъ, низвели г. Григоровича съ его пьедестала»* [1]).

Читатель еще не встрѣтилъ имени Гончарова и современнаго «великаго писателя земли русской». О нихъ очень немного сказано въ концѣ обзора прозы, которое я и привожу полностью.

«Въ заключеніе должно упомянуть еще одну категорію произведеній нашей литературы. Эта категорія *не имѣетъ опредѣленнаго направленія,* но въ ней жизнь со всѣми феноменами своими находитъ высшее воспроизведеніе свое и серіозное, художественное истолкованіе. *Лучшія сочиненія лучшихъ прозаическихъ писателей нашихъ (которыхъ, впрочемъ, весьма немного) относятся къ этой категоріи.* Тутъ нѣтъ задней мысли, нѣтъ предвзятаго направленія, искусство находитъ здѣсь естественное, правильное примѣненіе и литература не подчинена никакимъ постороннимъ цѣлямъ, не низводится до степени слѣпого орудія въ рукахъ агитаціи. Первое мѣсто въ этой категоріи принадлежитъ, безспорно, произведеніямъ г. Гончарова, въ ряду которыхъ романъ „Обломовъ“ навсегда удержитъ за собою въ исторіи русской литературы значеніе звена, связующаго наше настоящее съ тѣми лучшими произведеніями нашей литературы, въ которыхъ нашла себѣ наиболѣе вѣрное и художественное отраженіе прошедшая жизнь русскаго человѣка. За тѣмъ слѣдуетъ вспомнить тѣ сочиненія г. Тургенева, въ которыхъ изображены особенно развитые люди нашего поколѣнія, гибнущіе или мельчающіе въ средѣ, устроенной *исторически и политически вовсе не по нимъ.* Они дѣлаются въ этой средѣ *лишними*

[1]) Стр. 190—191. Первый курсивъ подлинника.

людьми, а подчасъ жалкими и даже смѣшными; все внутреннее содержаніе ихъ оказывается непригоднымъ при ихъ обстановкѣ и неумолимая дѣйствительность обезволиваетъ, изнашиваетъ и осуждаетъ ихъ, несмотря на то, что они, относительно — *лучшіе люди*. Это трагическое порицаніе, вытекавшее, до настоящаго времени, изъ самого существа нашего общественнаго строя, было причиной *серіознаго* отрицательнаго направленія въ нашей литературѣ и *отрицающаго нравоученія*, вытекающаго изъ самыхъ капитальныхъ произведеній нашихъ лучшихъ писателей, начиная отъ *разочарованія* Онѣгина и до *сна* Обломова включительно. Общественная жизнь наша до появленія этихъ произведеній еще не выработала вполнѣ ни положительнаго типа, ни положительной дѣятельности: это самое отразилось и въ лучшихъ образцахъ нашей литературы до послѣдняго времени, когда и въ жизни и въ литературѣ начинаетъ уже обозначаться матеріалъ, изъ котораго суждено, повидимому, сложиться у насъ и положительному типу и положительной дѣятельности... Должно, наконецъ, упомянуть еще произведенія графа Л. Н. Толстого („Дѣтство и отрочество", „Военные разсказы", „Очерки Севастополя" и проч.), принадлежащія къ этой же послѣдней категоріи, о которой слѣдовало упомянуть, но которую подробно анализировать здѣсь не представляется необходимымъ»[1]). Потому не приходится — добавлю отъ себя — что благонамѣренность названныхъ писателей не возбуждала тогда никакихъ сомнѣній. О нихъ сказали лишь для полноты картины.

Съ прозой мы кончили. Вѣроятно читатель согласится со мной, что отведенныя ей 18 страницъ очень содержательны...

Драматическая литература. Островскій.

Затѣмъ шелъ обзоръ драматической литературы, написанный Болеславомъ Маркевичемъ, авторомъ уже достойно оцѣненныхъ критикой пухлыхъ романовъ. Общій взглядъ

---

[1]) Стр. 197 — 198. Курсивъ подлинника на этой страницѣ.

его на литературу періода 1854 — 64 г.г. нисколько, разумѣется, не противорѣчилъ писаніямъ гр. Капниста. Это были въ унисонъ настроенные инструменты...

«Съ началомъ нынѣшняго царствованія — пишетъ сей критикъ — сценическая литература наша вступаетъ въ новый фазисъ. Въ противоположность тому „непосредственному протесту“, который составлялъ до сихъ поръ отличительный характеръ созданій нашихъ народныхъ драматическихъ дѣятелей, являются пьесы по преимуществу *тенденціозныя*, разумѣя подъ этимъ словомъ извѣстную, опредѣленную идею, проводимую авторомъ въ пьесѣ и клонящуюся къ извѣстной цѣли. Въ этихъ произведеніяхъ протестъ не истекаетъ единственно изъ осмысленнаго воспроизведенія темныхъ сторонъ жизни, какъ невольное, неизбѣжное его послѣдствіе, въ которомъ самъ авторъ и его личный взглядъ на предметъ остаются какъ бы не причастны. Протестъ выражается здѣсь à priori, предпосылается, такъ сказать, авторомъ и суживается при этомъ въ болѣе тѣсныя рамки: *протестуя противъ того-то именно, во имя того-то.* Вслѣдствіе этого правда жизни, вѣрность избранныхъ характеровъ и положеній отодвигаются здѣсь на задній планъ, обходятся, а нерѣдко и безпощадно насилуются, лишь только не подходятъ онѣ подъ цвѣтъ того поученія, которое авторъ имѣетъ въ виду преподать своимъ зрителямъ и для котораго самая пьеса служитъ для него только средствомъ. При такихъ условіяхъ художественное достоинство произведенія состоитъ естественно въ пропорціи обратной съ значеніемъ той мысли, которой оно служитъ проводникомъ: оно тѣмъ слабѣе, чѣмъ рѣзче выдается цѣль, преслѣдуемая въ немъ и, наоборотъ, тѣмъ болѣе выигрываетъ въ своемъ внутреннемъ достоинствѣ, чѣмъ менѣе способенъ авторъ задаваться *предвзятой* идеей и чѣмъ объективнѣе, поэтому, относится онъ къ изображаемой имъ жизни.

«Въ тенденціозномъ направленіи нашего театра нельзя не видѣть отраженія той возбужденной дѣятельности общественной мысли, которая начинается у насъ съ эпохи крымской войны. Оно идетъ параллельно съ поступательнымъ движеніемъ нашей литературы и принимаетъ тотъ или другой оттѣнокъ, смотря по тому, *въ какую сторону направлены флюгера нашей (по преимуществу петербургской) журналистики,*

которой, по большей части, современная русская сцена служитъ рабскимъ эхомъ» [1]).

Итакъ, все «Собраніе матеріаловъ» направлено противъ литературы, не желающей знать принципа: «искусство для искуства». Всѣ писатели и изданія этого неблагонамѣреннаго направленія (тенденціозность Лѣскова и Клюшникова не почиталась, конечно, таковой — это было «истинное искусство») рекомендовались, какъ требующіе неослабнаго блюденія. Чего же хотѣли? Очевидно, чистаго искусства. Приходится думать, что «чистымъ искусствомъ», обращающимъ взоры и слухъ къ небесамъ и соловьямъ, хотѣли отвлечь вниманіе общества отъ происходящаго вокругъ, т. е. сдѣлать то же, что продѣлали съ иностранными извѣстіями въ газетахъ, о чемъ такъ откровенно разсказалъ гр. Капнистъ (см. стр. 189—190).

«Тенденціозный репертуаръ послѣдняго времени изобличаетъ, по духу въ немъ господствующему, близкое родство съ тѣми соціальными теоріями, которымъ въ прессѣ нашей служатъ главнѣйшими представителями журналы „Современникъ“ и „Русское Слово“.

«Отраженіе идей, распространяемыхъ въ продолженіе многихъ лѣтъ соціально-демократической литературой, замѣтно тѣмъ болѣе въ современныхъ произведеніяхъ нашего театра, что, за исключеніемъ Островскаго, онъ не имѣетъ вовсе самобытныхъ и талантливыхъ писателей. Ихъ замѣняютъ, по преимуществу бездарные борзописцы, поставляющіе 3-хъ или 5-ти актные «*оригинальныя*» пьесы по большей части въ виду причитающагося за нихъ процента со сбора. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, поставщики эти озабочены прежде всего матеріальнымъ успѣхомъ своихъ произведеній и стараются обезпечить его, прилаживаясь къ данному настроенію публики и къ общему тону вліяющей на нее журнальной литературы» [2]).

Доминирующими мотивами драмы офиціальный критикъ считаетъ, прежде всего, крѣпостное право, въ злоупотребленіяхъ которымъ «театральные борзописцы наши находятъ удобный предлогъ для изображенія высшаго сословія

---

[1]) Стр. 116—117. Послѣдній курсивъ мой.
[2]) Стр. 121—122. Курсивъ подлинника.

вполнѣ заслуживающимъ эти чувства злобы и омерзенія». Сюда обращаются они и за дешевымъ матеріаломъ, въ которомъ находятъ готовыя драматическія положенія и средства производить неминуемые сценическіе эффекты, посредствомъ легчайшаго изо всѣхъ драматическихъ пріемовъ, то есть,— вызывая въ зрителяхъ чувство состраданія *къ угнетенной невинности*. Здѣсь нѣтъ, разумѣется, и рѣчи о художественномъ безпристрастіи, *о трезвости красокъ*, о правдоподобности изображаемыхъ характеровъ и столкновеній ихъ между собою. Драматурги наши въ этомъ отношеніи держатся, повидимому, извѣстнаго правила, что „цѣль оправдываетъ средства", вслѣдствіе чего и обходятся съ истиной самымъ безцеремоннымъ образомъ» [1]).

«*Взаимныя отношенія между сословіями* тенденціозные драматурги наши почитаютъ необходимымъ изображать крайне враждебными» [2]). «Нельзя не замѣтить, что въ понятіяхъ нашихъ тенденціозныхъ драматурговъ, чѣмъ ниже ступень занимаетъ данная личность на общественной лѣстницѣ, тѣмъ развитѣе и тоньше ея психическая воспріимчивость, тѣмъ способнѣе она къ безкорыстнымъ, возвышеннымъ побужденіямъ, къ пожертвованію собою, счастіемъ своимъ и жизнью для спасенія или блага ближняго» [3]). Изъ доказательствъ этого рода злонамѣренности приведу одно- очень ясно иллюстрирующее содержаніе „критики".

«*Дочь однодворца* Подоплекина, въ драмѣ „Статья доходная", узнавъ, что отецъ продалъ ее, *кидается немедленно въ воду, хотя и знаетъ*, что господинъ, купившій ее и у котораго она живетъ въ гувернанткахъ, не способенъ воспользоваться своими правами, *безъ ея полнаго согласія* и т. п.»

Островскому аттестатъ данъ прекрасный, но зато и единственный въ своемъ родѣ:

«Варьированное на разные лады повтореніе этого типа („самодура") во многихъ послѣдующихъ комедіяхъ Островскаго подало поводъ одной извѣстной литературной партіи навязать ему свои собственныя воззрѣнія [4]) и истолковать всю его творческую дѣятельность въ смыслѣ завѣдомо враж-

---

[1]) Стр. 131—132. Курсивъ мой.

[2]) Стр. 129. Курсивъ подлинника.

[3]) Стр. 126.

[4]) Намекъ на статью Добролюбова „Темное царство".

дебномъ семейному началу. Но подобное истолкованіе нисколько не оправдывается внимательнымъ и безпристрастнымъ изученіемъ Островскаго. Менѣе чѣмъ въ комъ-либо изъ нашихъ современныхъ писателей можно замѣтить въ немъ предвзятую мысль; *онъ не добивается никакой ясно опредѣленной внѣшней цѣли*, не проводитъ въ своихъ комедіяхъ никакого субъективнаго воззрѣнія. Онъ изображаетъ жизнь такъ, какъ она представляется ему, дагеротипически вѣрно, не задаваясь напередъ вопросомъ: какой моральный выводъ можно будетъ сдѣлать изъ этого изображенія? Онъ прежде всего хочетъ быть вѣрнымъ дѣйствительности и не виноватъ въ томъ, что эта дѣйствительность болѣе богата горемъ, чѣмъ радостью, и что подъ кисть его, поэтому, ложится поневолѣ болѣе черныхъ красокъ, чѣмъ свѣтлыхъ[1]). Таковъ общій характеръ таланта Островскаго, котораго со стороны строгой нравственности можно было бы уже скорѣе упрекнуть за то холодное спокойствіе, съ которымъ онъ, повидимому, относится къ воспроизводимымъ имъ возмутительнымъ явленіямъ жизни, чѣмъ въ желаніи передѣлать ее на основахъ тѣхъ *напускныхъ*[2]) теорій, которыя проповѣдуются извѣстными петербургскими журналами»[3]). Характеристики другихъ авторовъ не встрѣчаются, потому что весь обзоръ написанъ довольно безсистемно и безтолково. Заключеніе Маркевича таково:

«Наша современная драматическая литература, почти безъ исключенія[4]), носитъ на себѣ характеръ направленія положительно враждебнаго существующему общественному

[1]) Авторитетность тона г. критика совершенно неумѣстна: Добролюбовъ писалъ свою статью въ 1859 г., а онъ—въ 1865; за это время Островскій написалъ: „Старый другъ лучше новыхъ двухъ“, „Тежелые дни“, „Гроза“, „На бойкомъ мѣстѣ“, „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“, „Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ“, „Воевода“ и др.

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) Стр. 113—114.

[4]) Въ этомъ мѣстѣ сдѣлано примѣчаніе: „Даже тамъ, гдѣ наши авторы относятся по возможности объективно къ изображаемымъ ими явленіямъ жизни, нельзя не замѣтить какой-то необычайной робости въ пріемахъ ихъ, едва только данное положеніе требуетъ отъ нихъ откровеннаго порицанія *новаго* и безпристрастнаго одобренія *стараго*. Они, очевидно, стараются въ этихъ случаяхъ обойти сами положеніе той или другой уловкою.“

порядку и проводитъ путемъ сцены ученія самаго радикально-демократическаго свойства. Въ виду этого, нельзя не принять во вниманіе, что театръ, по степени вліянія своего на массы, стоитъ неизмѣримо выше печатнаго слова, какую бы форму оно ни принимало. Книга, журналъ, газета имѣютъ значеніе въ средѣ людей, получившихъ извѣстную, хотя бы самую малую, долю образованія, а, слѣдовательно, въ нѣкоторой степени способныхъ провѣрять, — подвергать критикѣ прочитанное ими, между тѣмъ, какъ театръ, дѣйствуя посредствомъ живыхъ, осязательныхъ образовъ, доступенъ личностямъ, стоящимъ на самой низкой степени духовнаго развитія и поэтому, пассивно принимающихъ идеи, идущія къ нимъ непосредственно со сцены. Въ нашей странѣ, гдѣ, къ сожалѣнію, только съ этой каѳедры преподаются народу поученія, гдѣ онъ такъ мало имѣетъ случаевъ слышать слово истины, слѣдуетъ быть особенно внимательнымъ въ дѣлѣ цензурнаго разсматриванія пьесъ, претендующихъ на значеніе общественное»[1]).

Этимъ напутствіемъ оканчивается не только обзоръ драмы, но и вся первая, «литературная» часть «Собранія матеріаловъ».

Бросая теперь на него ретроспективный взглядъ, врядъ-ли можно не видѣть въ этой книгѣ, во-первыхъ, опредѣленной цѣльности, во-вторыхъ, настойчивости въ проведеніи извѣстныхъ взглядовъ, въ-третьихъ — энергичности наставительства....

Общая характеристика журналистики за 1863 и 1864 годы. Аттестаціи отдѣльныхъ органовъ.

Теперь обратимся ко второй части книги, т. е. къ анонимному же обозрѣнію журналистики, составленному, какъ я уже говорилъ, членами совѣта. Въ числѣ ихъ были: А. В. Никитенко, И. А. Гончаровъ, Н. В. Варадиновъ, М. Н. Туруновъ, А. Н. Тихомандритскій и О. А. Пржецлавскій[2]).

Въ отчетѣ за 1863 г. выражается прежде всего удовольствіе по поводу значительнаго ослабленія сатирической

[1]) Стр. 139—140.

[2]) *С. Сушковъ*, „Нѣсколько замѣтокъ по поводу „Воспоминаній“ г. Пржецлавскаго“. „Рус. Архивъ“, 1876, II, 462.

и обличительной нотки въ статьяхъ по внутренней жизни. «Причины такой утѣшительной перемѣны заключаются конечно: 1) въ положительныхъ, практическихъ результатахъ, принесенныхъ уже капитальными преобразованіями, послѣдовавшими въ нынѣшнее царствованіе, какъ напримѣръ: освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, 2) въ дѣйствительной серіозности и въ многознаменательности событій нашей внутренней и внѣшней общественной жизни въ минувшемъ году и, наконецъ, 3) въ томъ, что цензура, дѣйствуя систематичнѣе и послѣдовательнѣе прежняго [1]), примѣнялась къ сложившемуся, подъ вліяніемъ правительственныхъ дѣйствій и явленій общественной жизни, характеру современной нашей прессы и стараясь направлять оную къ цѣлямъ соотвѣтственнымъ требованіямъ правительства и условіямъ общественной пользы» [2]).

Не такъ пріятно было другое явленіе журналистики — ставшій на ноги отдѣлъ руководящихъ статей. Цензура, не привыкшая къ рѣзкому выраженію органами своихъ собственныхъ взглядовъ по вопросамъ внутренней и внѣшней жизни, была непріязненно настроена противъ этого желанія «диктаторствовать», но, конечно, лишь въ опредѣленномъ направленіи—руководящія статьи «Московскихъ Вѣдомостей» почитались «успѣшными и существенно-полезными»...

«По общему направленію своему въ 1863 г. періодическая литература наша можетъ быть раздѣлена на двѣ категоріи, соприкасавшіяся между собою и крайними точками которыхъ были съ одной стороны журналъ „Современникъ", а съ другой — „Московскія Вѣдомости". На долю цензурной дѣятельности въ С.-Петербургѣ пришлось постоянное наблюденіе за цѣлой массой газетъ и журналовъ, болѣе близкихъ по направленію ихъ къ характеру „Современника". Въ Москвѣ же главное вниманіе цензуры должно было сосредоточится преимущественно на статьяхъ газеты „День" и затѣмъ на нѣкоторыхъ сторонахъ въ направленіи періодическихъ изданій г.г. Каткова и Леонтьева [3]). Направленіе

[1]) Несомнѣнный намекъ на „недостаточность" надзора цензуры Головнина.

[2]) Стр. 208—209.

[3]) Да не удивляются пока читатели—дальше будетъ разъясненіе этого кажущагося недоразумѣнія.

этихъ послѣднихъ изданій, *какъ соотвѣтствовавшее мѣропріятіямъ правительства, стремленіямъ консервативной среды нашего общества, патріотическому направленію массъ и условіямъ серьезнаго публицизма*, — дозволяло примѣнять къ нимъ предупредительную дѣятельность цензуры съ меньшей требовательностью, чѣмъ къ другимъ періодическимъ изданіямъ, въ особенности же къ тѣмъ, коихъ нагляднѣйшимъ выраженіемъ можетъ служить направленіе журнала „Современникъ" въ 1862 г. и въ началѣ 1863 года [1])... Допуская самыя противоположныя направленія высказываться *до извѣстной степени*, — цензура зорко наблюдала за періодическими изданіями, немедленно останавливая все, что выходитъ изъ круга правительственной, общественной и нравственной терпимости и потому, хотя картина направленія періодической литературы нашей въ 1863 году была очень разнообразна, но общій характеръ ея оказывается совершенно удовлетворительнымъ» [2]).

1864-й годъ доставилъ еще большее удовольствіе:

«Хотя ежедневныя и еженедѣльныя изданія по-прежнему преобладали надъ ежемѣсячными и спеціально-учеными, но въ 1864 году изданія сатирическія, сдѣлавшись гораздо блѣднѣе по своему содержанію, имѣли менѣе значенія въ глазахъ читающей публики, а посему и не производили того раздражающаго впечатлѣнія, которымъ они отличались до того времени [3]). Духъ всеобщаго обличенія, страсть къ исключительному отысканію злоупотребленій въ частной общественной и правительственной сферахъ утратили въ значительной степени свое обаяніе [4]). Одновременно съ тѣмъ и система отрицанія, находившая свое крайнее выраженіе въ литературномъ нигилизмѣ, перестала составлять приманку въ изданіяхъ, посвященныхъ публицистикѣ. Журналы такъ называемой нигилистической школы столь мало въ 1864 году пользовались сочувствіемъ, что для поддержанія интереса къ своимъ изданіямъ въ читающей публикѣ,

[1]) Снова похвала валуевской цензурѣ.

[2]) Стр. 244—254. Курсивъ мой.

[3]) Это все вѣрно: недававшія покоя цензурѣ „Искра", „Заноза" и др. изданія замирали на глазахъ публики, только благодаря внѣшнему давленію.

[4]) А это, разумѣется, не вѣрно.

нерѣдко помѣщали на своихъ страницахъ беллетристическія произведенія, діаметрально противорѣчащія признанному редакціей знамени. Даже политическій либерализмъ часто прикрывался умѣренностью и приличіемъ, чуждыми прессѣ въ 1863 г. Такой видимый и рѣшительный, хотя далеко еще неоконченный переворотъ былъ послѣдствіемъ не одной бдительности цензурныхъ учрежденій. Достойно особеннаго вниманія то обстоятельство, что не только случаи нарушенія цензурныхъ правилъ въ 1864 г. были сравнительно рѣже, но что *и самая борьба редакцій съ цензурою, ихъ притязательность и настойчивость были теперь гораздо слабѣе.*— Причину сего должно искать въ томъ послѣдовательномъ отрезвленіи общественнаго мнѣнія, признаки котораго были замѣтны уже въ 1863 году. На ряду съ этимъ должно отдать дань и вліянію событій. Пораженіе польской революціи не только послужило успокоеніемъ національному чувству, но и было ударомъ для ультралиберальныхъ соціалистическихъ тенденцій нѣкоторой части нашей литературы. *Политическія утопіи сдѣлались или смѣшны, или отвратительны, пройдя чрезъ практику народоваго жонда.* Съ другой стороны вражда иностранной прессы къ Россіи не ослабляла патріотическаго настроенія отечественной прессы, а нападки заграничной прессы на наши внутреннія преобразованія возбуждали въ журналистикѣ желаніе отстаивать эти преобразованія съ похвальною ревностью» [1]). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что «замѣченное въ 1864 году благопріятное вообще направленіе повременной прессы въ значительной степени обусловливалось ожиданіемъ новыхъ законоположеній по дѣламъ печати; увѣренность въ скоромъ появленіи ихъ сдерживала то раздраженіе, которое обнаруживалось въ періодическихъ изданіяхъ, подчиненныхъ предварительной цензурѣ» [2]).

Вотъ каковы общія замѣчанія о нашей журналистикѣ 1863—64 гг. Теперь обратимся къ частнымъ аттестаціямъ.

Правительственныя изданія, конечно, не внушали опасеній даже въ періодъ наибольшаго развитія нигилистическихъ началъ, а потому они и не вошли въ обзоръ. Един-

---

[1]) Стр. 248—249. Курсивъ мой.

[2]) Стр. 251.

ственное исключеніе сдѣлано для *Русскаго Инвалида*, издававшагося съ 1863 г. подъ редакціей Романовскаго и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ военнаго министра, Д. А. Милютина. Обвиненія *Русскаго Инвалида* сводятся къ слѣдующему: «подобно, какъ и въ 1863 г., будучи органомъ военнаго министерства по военной части, онъ въ неофиціальномъ отдѣлѣ *не придерживался безцвѣтности* и впадалъ часто въ тонъ частнаго изданія». «Эта газета посвятила не мало статей оцѣнкѣ новыхъ правительственныхъ мѣръ касательно крестьянской реформы, училищной и монастырской въ Царствѣ Польскомъ. Въ семъ отношеніи военная газета имѣла почти значеніе прямого въ Россіи органа преобразовательныхъ тенденцій нашего правительства по части, Царства Польскаго.

«Въ положеніи 1 января о земскихъ учрежденіяхъ *Русскій Инвалидъ* замѣтилъ преобладаніе землевладѣльческаго элемента и выражалъ надежду, что въ губернскихъ собраніяхъ будетъ болѣе равновѣсія между сословіями. Военная газета обращала вниманіе читателей, между прочимъ, на то, что земство устранено отъ вѣдѣнія значительной части земскихъ доходовъ и капиталовъ, черезъ что оно лишилось 21,226,000 руб., и при этомъ проводила мысль, что болѣе важнаго, болѣе обширнаго служенія интересамъ и государства, и земства должно ожидать отъ новыхъ учрежденій со временемъ. Въ своихъ пожеланіяхъ новымъ земскимъ собраніямъ газета объясняла, что учрежденія эти должны вполнѣ сохранять свою самостоятельность, а не обращаться въ одну изъ исполнительныхъ инстанцій администраціи» [1]).

Но лейтъ-мотивъ обвиненія заключается не въ этомъ. Вотъ онъ:

«Вообще, изъятая отъ общей цензуры, военная газета *не была разборчива въ своихъ сообщеніяхъ* русской публикѣ. Рѣчи самыхъ рѣшительныхъ нашихъ противниковъ въ французскомъ законодательномъ корпусѣ — гг. Пельтана и Жюля-Фавра — переданы были съ *возмутительными* для русской публики подробностями, пятнающими грязью и историческія событія, и историческихъ дѣятелей нашего

[1]) Нельзя не отдать должнаго проницательности „военной“ (какъ вездѣ язвительно замѣчено въ обзорѣ) газеты...

отечества. Здѣсь же появилась рѣчь революціонера изъ „Новой прусской газеты", объясняющая, что герцогъ аугустенбургскій — необходимое зло въ наше время; что при всеобщемъ движеніи нѣмецкаго народа противъ своихъ государей, „онъ послѣдуетъ общему пути, что онъ не болѣе, какъ мостъ, ведущій къ осуществленію правъ народа". Эта же газета объявила „о помраченіи умственныхъ способностей королевы Викторіи", разсказала подробно о скандальныхъ демонстраціяхъ парижскихъ студентовъ при представленіи новой комедіи Жоржъ-Санда, *и находила необходимымъ теперь же составить по возможности полный сборъ фактовъ изъ польской революціи и коренныхъ учрежденій жонда, съ присовокупленіемъ взгляда современниковъ на эти событія*» [1]).

При чтеніи этого обвинительнаго акта невольно напрашивается вопросъ: зачѣмъ все это знать цензорамъ, которые до *Русскаго Инвалида* совершенно не касались? Очевидно, это было разъясненіе, что не всѣ официальные источники и не повсюду допустимы къ перепечаткѣ... Кромѣ того, здѣсь Валуевъ еще разъ посчитался съ Д. А. Милютинымъ..

Теперь обратимся къ изданіямъ Каткова и Леонтьева.

«*Московскія Вѣдомости* арендуемыя гг. Катковымъ и Леонтьевымъ у императорскаго московскаго университета, не имѣвшія особеннаго успѣха почти до половины февраля мѣсяца 1863 г., начали съ этого времени быстро пріобрѣтать извѣстность *и со второй четверти года получили значеніе самой популярной у насъ газеты*. Серіозная подготовка гг. Каткова и Леонтьева къ редакторской дѣятельности, преимущественно же таланты ихъ, какъ публицистовъ, *и многосторонняя ученость*, не могли не созидать издаваемой ими газетѣ *почетное значеніе въ глазахъ общественнаго мнѣнія*» [2]). «Незамисимо отъ тѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ событій, которыя сами по себѣ способны уже были пробудить къ самосознанію основные элементы русскаго общества (имѣется въ виду 1863 г. — *М. Л.*), въ виду той наклонности къ матеріализму, къ нигилизму, и еще болѣе къ крайнему соціализму, которая, къ сожалѣнію, какъ заносная, чужестранная немощь обнаруживалась въ нѣкото-

[1]) Стр. 255—257. Курсивъ мой.

[2]) Стр. 215. Курсивъ мой.

рыхъ кружкахъ нашего общества и въ тѣхъ органахъ нашей прессы, которые видятъ служеніе прогрессу въ постоянномъ раздраженіи и безъ того склоннаго къ запретному плоду вкуса полуразвитыхъ людей, — въ виду этого-то направленія, входившаго въ моду, раздалось *трезвое слово Московскихъ Вѣдомостей*, призывавшее общество къ вѣрѣ въ *высокое* назначеніе человѣка, какъ гражданина, къ безусловному уваженію существующаго закона и къ національной гордости, безъ всякой тѣни нетерпимости или ослѣпленія относительно другихъ національностей» [1]).

Въ 1864 г., разумѣется, — «пламенный патріотизмъ редакціи не ослабѣлъ; фактическій запасъ данныхъ тоже не переставалъ составлять характеристическое достоинство газеты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1864 г. редакція нерѣдко усвоивала себѣ тотъ диктаторскій, а иногда запальчивый тонъ, ту легкость обвиненій въ зломъ умыслѣ всякаго, несогласнаго съ взглядомъ редакціи направленія, которыя не были и не могли быть одобряемы даже самыми постоянными почитателями этой газеты. Такое направленіе неизбѣжно вызвало со стороны редакціи весьма частыя, почти систематическія уклоненія отъ соблюденія цензурныхъ правилъ, потребовавшія прекращенія силою правительственной власти. Это обстоятельство было поводомъ къ обвиненіямъ газеты въ неблагонамѣренности и даже въ исключительномъ преслѣдованіи противоправительственныхъ цѣлей. Хотя *Московскія Вѣдомости* отчасти были сами причиною подобныхъ *недоразумѣній*, умалчивая упорно или сознательно игнорируя о самыхъ капитальныхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, какъ, напримѣръ, о земскихъ учрежденіяхъ, судебной реформѣ, внутреннемъ займѣ и т. п., *тѣмъ не менѣе такое обвиненіе, въ виду несомнѣннаго патріотизма газеты, не могло быть признано основательнымъ*. Впрочемъ, временное усиленіе цензурнаго надзора прекратило возможность дальнѣйшаго нарушенія газетою цензурныхъ правилъ, и нельзя не замѣтить, что съ началомъ 1865 г. *Московскія Вѣдомости* возвратились къ своему нормальному направленію — весьма благонамѣренному и не *лишенному сдержанности*» [2]).

---

[1]) Стр. 216—217. Курсивъ мой.

[2]) Стр. 257—258. Курсивъ мой.

Изъ отдѣльныхъ поступковъ Каткова отмѣчены особенно сочувственно: рѣзкія осужденія извѣстной книги Шедо-Ферроти о польскомъ вопросѣ, осмѣяніе «исключительнаго уваженія къ простонародію», бѣшенство по поводу классической школы; въ полемикѣ съ петербургскими, органами, сторонниками реальной школы, — «сила доводовъ и вѣрность данныхъ оставалась *постоянно* на сторонѣ московской газеты»...

Врядъ-ли послѣ всѣхъ этихъ славословій можно было сказать еще что-нибудь о *Русскомъ Вѣстникѣ*. Отмѣчены лишь наиболѣе выдающіяся произведенія, къ числу которыхъ отнесены романъ Ключникова «Марево», «Записки» Вигеля, «Университетская жизнь въ Англіи» и др. Последняя статья потому понравилась, что „изображая строгость дисциплинарныхъ правилъ и порядка въ университетахъ самой свободной страны въ мірѣ, она представляетъ назидательные, небезполезные примѣры и для нашихъ университетовъ» [1]).

Изъ другихъ органовъ, благонамѣренныхъ и потому eo ipso желательныхъ, назову прежде всего *Русскія Вѣдомости* Н. Ф. Павлова, потомъ Н. С. Скворцова. Эта газета похвалялась за сочувствіе промышленнымъ классамъ, за отсутствіе самостоятельности воззрѣній: «одни изъ нихъ въ духѣ и направленіи «Дня», другія—«Московскихъ Вѣдомостей» [2]).

Русскій Архивъ теперь, какъ извѣстно, субсидируемый, аттестованъ такъ: «въ семъ изданіи помѣщаются любопытные, иногда драгоцѣнные матеріалы для отечественной исторіи, какъ-то: письма, извлеченія изъ мемуаровъ извѣстныхъ историческихъ лицъ, анекдоты, біографіи и т. п. безъ всякой системы, по мѣрѣ того, какъ попадаются подъ руку издателямъ. Несмотря на это, *Русскій Архивъ* составляетъ весьма полезное изданіе, и, чуждый духа коммерческой спекуляціи, представляетъ собою достойный примѣръ безкорыстнаго служенія на пользу отечественной науки» [3]).

Объ *Эпохѣ* Достоевскаго находимъ слѣдующее:

«Эклектическій характеръ этого журнала препятствуетъ вывести сколько-нибудь опредѣленное заключеніе объ общемъ

---

1) Стр. 281.
2) Стр. 273.
3) Стр. 288—289.

его направленіи. Можетъ быть, у редакціи *Эпохи* (а прежде „Времени“) было и есть другое, болѣе серьезное желаніе быть органомъ какой-нибудь новой мысли, строгаго убѣжденія. По крайней мѣрѣ, въ программахъ и объявленіяхъ о журналѣ много говорилось о разработкѣ русской почвы. Но мысль эта въ дѣло не перешла и журналъ явился простымъ складомъ разсказовъ, повѣстей, стиховъ, иногда статей съ претензіей на ученость, а также и мелочной полемики съ другими журналами.

«Нѣкоторымъ отличительнымъ признакомъ *Эпохи* отъ другихъ петербургскихъ журналовъ служитъ то, что журналъ этотъ какъ будто по временамъ вспоминаетъ о своемъ обѣщаніи относительно разработки русской почвы и подлаживается подъ направленіе нѣкоторыхъ московскихъ журналовъ, задавшихся мыслею о старыхъ русскихъ началахъ и т. п. Но изъ этого ничего опредѣленнаго не выходитъ, кромѣ только того, что петербургскіе журналы обличаютъ *Эпоху* въ подражательности газетѣ „День“ и въ угодливости „Московскимъ Вѣдомостямъ“.

«Въ цензурномъ отношеніи журналъ ничего вреднаго не представляетъ» [1]).

Не совсѣмъ понятно отношеніе къ изданіямъ Краевскаго—*Отечественнымъ Запискамъ* и *Голосу*. Не отмѣчая ихъ неблагонамѣренности, «Собраніе матеріаловъ» подчеркиваетъ, однако, отсутствіе въ этихъ органахъ «опредѣленнаго плана». Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ о первыхъ сказано: «журналъ этотъ, по-прежнему, *старается* быть умѣреннымъ въ своихъ политическихъ и соціальныхъ воззрѣніяхъ, въ сужденіяхъ о литературѣ и современныхъ явленіяхъ жизни. Характеръ его серьезный и *въ смыслѣ цензуры неукоризненный*» [2]). *Голосъ* же обвинялся въ оппозиціи... «Московскимъ Вѣдомостямъ».

«Хотя полемика «Московскихъ Вѣдомостей» дѣйствительно была направлена наиболѣе противъ «*Голоса*» (1864 г.), тѣмъ не менѣе послѣдняя газета не ограничивалась отвѣтами лишь первой; она вообще сдѣлала изъ этой полемики любимый и самый объемистый предметъ своего содержанія.

---

[1]) Стр. 286—287.
[2]) Стр. 281.

Особенно сильна, скорѣе даже бранчива, была борьба изъ-за системы средне-учебныхъ заведеній. *Голосъ*, не отвергая участія въ этой системѣ и классическихъ наукъ, не признавалъ ихъ однако неизбѣжнымъ условіемъ средне-учебныхъ курсовъ и видимо склонялся въ пользу реальныхъ гимназій... Но независимо отъ полемики по тому или другому вопросу, газета *Голосъ* пользовалась каждымъ случаемъ заявить вражду или представлять въ смѣшномъ видѣ московскую газету: даже фельетонъ газеты *Голосъ* служилъ для этого постояннымъ орудіемъ» [1]).

С.-Петербургскія Вѣдомости В. Ѳ. Корша обвинялись въ національномъ индифферентизмѣ, въ «безцвѣтномъ космополитизмѣ», наконецъ, въ томъ, что «нося на себѣ по-прежнему (т. е. какъ и въ 1863 г.) демократическій оттѣнокъ, толкуя съ любовію и настойчивостью о народѣ, *С.-Петербургскія Вѣдомости* радостно привѣтствовали земскія учрежденія, находя въ нихъ живыя основанія, а не старинное дворянское преданіе. Разсуждая объ этомъ предметѣ, газета увлеклась государственнымъ значеніемъ будущихъ дѣйствій земства и, забывая о мѣстно-хозяйственномъ характерѣ этихъ учрежденій, поставила ихъ дѣятелей во всѣхъ отношеніяхъ выше мѣстныхъ губернскихъ властей» [2]).

Аксаковскій *День* слишкомъ хорошо знакомъ современному обществу, интересующемуся вотъ уже нѣсколько послѣднихъ лѣтъ исторіей общественнаго развитія въ Россіи,—чтобы его ни познакомить съ характеристикой этой газеты, доставившей не одну непріятную минуту цензурному вѣдомству.

Еще въ «Краткомъ обозрѣніи» за 1862 г. гр. Капнистъ нашелъ *День* отличающимся «духомъ исключительности»; обзоръ 1863 г. находитъ эту газету демократической, а И. С. Аксакова болѣе талантливымъ писателемъ поэтическимъ, чѣмъ публицистическимъ. Все это надобно было для того, чтобы уничтожить Аксакова, какъ самаго яраго врага административныхъ сферъ, бюрократизма и чиновничьяго рутинерства. Въ обзорѣ за 1864 г. находимъ: «Редакція газеты неусыпно слѣдитъ за каждой мѣрой правительства въ дѣлѣ преобразованій, откровенно выражая неодобреніе нѣкоторыхъ изъ мѣръ, и находя, что въ нихъ вообще пре-

[1]) Стр. 264.

[2]) Стр. 262.

обладаетъ бюрократическій произволъ и весьма мало началъ, свободно вытекающихъ изъ потребностей и духа народа. Она почти въ каждой передовой статьѣ настойчиво требуетъ не только матеріальнаго, но духовнаго и нравственнаго сближенія общества и власти съ народомъ» [1]).

О *Современникѣ* прежде всего говорится, что съ переходомъ къ Некрасову и Панаеву, журналъ сразу занялъ *второе* мѣсто, уступивъ *первое* «Русскому Вѣстнику», какъ журналу «положительнаго направленія, въ которомъ такъ нуждалось тогда (1856 г.) общество». Напрасно читатель будетъ удивляться этому, если вспомнитъ другое утвержденіе офиціальной критики — о страстномъ исканіи русскимъ обществомъ отрицанія и обличенія. Развѣ послѣдовательность — обязательное условіе офиціальной «литературы»?

Итакъ, сраженный Катковымъ и Леонтьевымъ, — «*Современникъ* въ отдѣлѣ серіозныхъ статей началъ впадать въ цѣлый рядъ утопій, въ отдѣлѣ современной лѣтописи и политики онъ наполнялся статьями диллетантическаго, космополитическаго и нигилистическаго свойства, а въ отдѣлѣ легкой, шутливой литературы, — относился очень легкомысленно и цинически ко всѣмъ сторонамъ общественнаго организма нашего. Направленіе это въ 1862 г. подъ редакціей г. Чернышевскаго, при сотрудничествѣ г. Добролюбова [2]) и другихъ достигло той степени, что журналъ *Современникъ* былъ пріостановленъ, по распоряженію правительства, на восемь мѣсяцевъ» [3]).

А вотъ что писалось за 1864 годъ:

«Еще недавно журналъ этотъ соблазнительно дѣйствовалъ на молодое поколѣніе, блистая смѣлостью и новизною крайнихъ доктринъ новѣйшихъ западныхъ мыслителей, щеголяя паѳосомъ отрицанія въ наукѣ и жизни, чѣмъ возбуждалъ живое любопытство и вниманіе въ своей публикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно ставилъ въ большое затрудненіе цензуру.

«Съ удаленіемъ одного изъ главныхъ дѣятелей (Чернышевскаго), дававшаго тонъ извѣстному, эксцентрическому

---

[1]) Стр. 267.

[2]) Очевидное недоразумѣніе: Добролюбовъ умеръ 17 ноября 1861 года.

[3]) Стр. 223.

направленію журнала, успѣхъ этого изданія замѣтно поколебался, а въ прошломъ и предпрошломъ году *Современникъ* не только утратилъ прежнее вліяніе и значеніе, но и въ общемъ литературномъ значеніи уступилъ мѣсто другимъ. Онъ сталъ пустъ, вялъ и не привлекаетъ болѣе массы читателей, какъ прежде. Главная причина этому заключается въ томъ, что въ самомъ обществѣ, въ его настроеніи и направленіи, произошло много благопріятныхъ перемѣнъ, вслѣдствіе преобразованій и улучшеній въ общественномъ и государственномъ ходѣ дѣлъ, вслѣдствіе сильно пробудившагося патріотизма по случаю польскаго мятежа и вообще вслѣдствіе разныхъ важныхъ событій и вопросовъ, которыми поглощено было все вниманіе и участіе русскаго общества отъ стараго до малаго. Молодое поколѣніе, заплативъ дань увлеченіямъ, не осталось, конечно, равнодушнымъ къ призыву строгихъ обязанностей жизни и *поспѣшило отрезвиться* отъ крайностей своихъ утопій; *цензура не дремала*, и съ своей стороны полагала преграды пропагандѣ новыхъ незрѣлыхъ и соблазнительныхъ ученій и началъ. А отсутствіе серьезныхъ дарованій довершило паденіе журнала» [1]).

О *Русскомъ Словѣ* нѣтъ ничего сколько-нибудь опредѣленно рѣзкаго. Очевидно, журналъ этотъ не укладывался въ головѣ его наблюдателя... *Русское Слово* ставится лишь всюду въ связь, за одну скобку съ *Современникомъ*.

Останавливаться на характеристикѣ другихъ органовъ я не считаю нужнымъ по гораздо меньшей роли ихъ въ прошломъ и еще меньшей памяти въ настоящемъ и потому на этомъ закончу знакомство читателя съ крайне интереснымъ историческимъ документомъ.

---

[1]) Стр. 282—283. Курсивъ мой.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

упоминаемыхъ въ книгѣ именъ, фамилій и названій произведеній печати.

Авдѣевъ, М. В., 486, 494.
Адлербергъ, А. В. гр., 28, 29, 32, 33, 380.
Аксаковъ, И. С., 8, 54, 55, 58, 109, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 194, 195, 196, 197, 270, 285, 307, 419, 429, 430, 457, 469, 470, 471, 472, 474, 510, 511.
Аксаковъ, К. С., 8, 420, 457, 470.
Аксаковъ, С. Т., 494.
„Акціонеръ“, 183.
Александръ II, 12, 15, 30, 39, 44, 50, 83, 86, 180, 233, 276, 377.
Алмазовъ, Б. Н., 457.
Андреевскій, И. Е., 133, 202, 263, 318, 320, 325, 329, 364, 397.
Анненковъ, Н. Н., 305.
Анненковъ, П. В., 296.
Анненскій, Н. Ѳ., 1, 2.
Антоновичъ, В. Б., 295, 299.
Антоновичъ, М. А. VIII, 89, 96, 113, 246, 346, 347, 400, 401, 420, 421, 426, 433, 435, 446, 491.
Анфантенъ, 477.
Апельротъ, Г. Я., 9
Аракчеевъ, А. А., 233, 398.
Армфельдъ, А. О., 8.
Арсеньевъ, И. А., 38, 274.
Арсеньевъ, К. К., VIII, 392.
Арцимовичъ, В. А., 83.
Аскоченскій, В. И., 234.
„Атеней“, 7.
Ахматовъ, 388.
Ахшарумовъ, Н. Д., 400.
Бабефъ, 478.
Бабстъ, И. К., 9.
Бажинъ, Н. Ф., 436.
Базуновъ, 273, 274.
Бакунинъ, 124.
Бакунинъ, 124.
Бакунинъ, М. А., 126.
Балкашинъ, 124.
Батуринскій, В. П., 403.
Батуринъ, 151.
Барсуковъ, Н. П., 10, 34, 183.
Барятинскій, А. И., кн., 10.
Бахтинъ, Н. И., 380, 388, 389.
Безобразовъ, В. П., 392.
Бекманъ, Я. И., 126.
Бенедиктовъ, В. И., 457, 475, 476.
Бенни, А., 162.
Беранже, 483.
Берви, В. В., 96.
Бергъ, Н. В., 37.
Бергъ, Ѳ. Н., 457.
Берте, 14, 28, 29, 56, 58, 101, 103, 106, 107, 108, 134, 166, 191.
Бестужевъ, А. А., 233.
Бибиковъ, Д. Г., 146.
„Библіотека для Чтенія“, 164, 166, 174, 175, 219, 240, 263, 267, 398, 401.
Бинштокъ, В., 170, 246, 247, 249, 368, 369.
„Биржевыя Вѣдомости“, 193.
Бисмаркъ, 276.
Благовѣщенскій, Н. А., 437.
Благосвѣтловъ, Г. Е., 58, 112, 399, 400, 437, 491.

Блудова, А. Д., гр., 109, 181, 270.
Боборыкинъ, П. Д., 398, 401.
Богдановъ, Д., 299.
Богдановъ, М. А., 186.
Богучарскій, В., 312, 313, 392, 401.
Борисовъ, Н., 278, 281.
Браницкій, К. 42.
Браудо, А. И., VIII.
Брокгаузъ и Ефронъ (словарь), 95, 162. 223, 313, 392, 400.
Бруновъ, бар., 147, 148.
Булгаринъ, Ѳ. В., 162, 189.
Бунзенъ, 384.
Буренинъ, В. П., 273.
Бутковъ, В. П., 380, 388.
Бутурлинъ, 29.
Бутурлинъ, 89.
Бычковъ, И. А., VIII.
Бычковъ, А. Ѳ., 263, 320, 325, 329, 364.
Бѣлинскій, В. Г., 6, 31, 97, 452, 453, 454, 455, 459, 461, 462, 479, 482, 485, 486, 512.
Бѣлозерскій, Н., 3.
Бѣлозерскій, В. М., 58, 295.
Бюхнеръ, 384.
Бюше, 477.

Валуевъ, П. А., 40, 41—51, 54, 55, 56, 57, 83, 85, 92, 93, 95, 97, 100, 101, 103, 106, 109, 122, 127, 130, 131, 132, 135, 137, 149, 157, 166, 171, 172, 173, 174, 175, 178, 179, 182, 189, 192, 196, 197, 198, 199, 204, 213, 214, 219, 220, 221, 223, 224, 225, 228, 229, 232, 233, 237, 261, 263, 268, 270, 272, 276, 281, 285, 286, 289, 294, 295, 301, 304, 306, 309, 311, 313, 314, 316, 317, 318, 319, 320, 329, 332, 333, 335, 344, 345, 349, 350, 351, 352, 354, 355, 356, 357, 362, 363, 365, 366, 367, 368, 369, 371, 372, 374, 376, 377, 378, 379, 380, 382, 384, 385, 387, 388, 389, 390, 394, 397, 398, 399, 401, 403, 404, 405, 410, 412, 413, 414, 425, 426, 427, 428, 429, 433, 434, 436, 437, 439, 440, 448, 450, 475, 482.
Варадиновъ, Н. В., 413, 501.
„Великоруссъ", 52.
Венгеровъ, С. А., 51, 400.
Вернадскій, И. В., 112.
Веселаго, 110.
Веселовскій, К. С., 133, 202, 243, 244.
„Взбаламученное море", 288.
Вигель, Ф. Ф., 508.
Викторія, королева, 506.
Викторовъ, Н., 42.
Вильгельмъ I, 36.
Витгенштейнъ, Э., кн., 138, 139.
„Военный Сборникъ",21,138, 139, 140.
„Воронежскій Листокъ", 312, 352.
Вороновъ, 187.
Вороновъ, А. С., 133, 202.
„Время", 58, 112, 192, 197, 198, 276, 281, 282, 283, 284, 285, 289, 509.
„Всемірный Вѣстникъ", 403.
„Вѣкъ", 58.
„Вѣстникъ Европы", 46, 57, 132, 165, 173, 190, 198, 212, 235, 259, 392, 440.
„Вѣстникъ Промышленности", 183.
„Вѣсть", 240, 374, 376, 398, 418, 434.
Вяземскій, П. А., кн., 34, 287, 288, 448, 449, 451, 457, 458, 459.
Вяземскій, П. П., кн., 448, 449.
„Вятскія Губернскія Вѣдомости", 150, 151, 152, 153.

Гагаринъ, кн., 375.
Гагаринъ, П. П., кн., 384, 410.
Гагаринъ, П. С., кн., 42, 141.
„Газетная", 431—433.
Галанинъ, 133.
Гарибальди, 34, 37, 219, 224, 286.
Гернгросъ, 426.
Герценъ, А. И., 7, 8, 9, 40, 117, 135, 136, 138, 141, 142, 143—155, 156, 160, 161, 162, 163, 164, 188, 231, 262, 300, 309, 312, 384, 403, 441, 442, 444, 445, 462.
Геръ-Осипъ, 9.
Гиляровъ-Платоновъ, Н. П., 263, 325, 329, 330, 331, 332, 365.
Глазенапъ, 124.
Гоголь, Н. В., 31, 450, 451, 454, 473.

Голицынъ, А. Ѳ., кн., 226, 227, 245, 278, 487.
Голицынъ, Н. Н., кн., 8.
Голицынъ, Ю., кн., 141.
Головачева-Панаева, А. Я., 101, 281.
Головачевъ, А. А., 392.
Головачевъ, А. Ф., 400.
Головнинъ, А. В., 10, 83—85, 91, 95, 100, 101, 103, 106, 108, 109, 113, 122, 123, 124, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 139, 141, 142, 143, 149, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 163, 164, 165, 166, 167, 173, 174, 175, 177, 178, 179, 181, 182, 184, 185, 189, 190, 191, 192, 194, 198, 199, 203, 204, 210, 213, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 243, 244, 245, 246, 247, 249, 251, 252, 253, 255, 256, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 281, 291, 304, 306, 307, 333, 335, 337, 344, 352, 354, 355, 356, 357, 368, 373, 374, 375, 380, 381, 385, 389, 428, 437, 439, 440, 441, 448, 489, 502,
„Голосъ", 4, 236, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 278, 289, 346, 347, 348, 350, 355, 401, 403, 417, 419, 428, 434, 435, 471, 509, 510.
Гончаровъ, И. А., 40, 274, 413, 436, 486, 495, 501.
Горчаковъ, А. М., кн., 24, 83, 92, 183, 186, 286, 375, 380.
Горячковскій, 299.
Гребенка, Е. П., 473.
Гречъ, Н. И., 189, 191.
Григоровичъ, Д. В., 494, 495.
Григорьевъ, Ап., 282, 457, 462, 467, 479.
Громека, С. С., 54, 229, 232.
Гротовъ, 77.
Гротъ, Я. К., 243.
„Гудокъ", 162, 201, 294, 484.
Гулевичъ, М. С., 186.
Гюго, В., 233, 465, 466, 480.

„Débats", 73.
Дельвигъ, А. А., бар., 289.
Дельвигъ, А. Н., бар., 49.
Деляновъ, И. Д., гр., 28, 29.
Демьяновъ, 124.
„День", 58, 163, 179, 180, 181, 182, 183, 192, 194, 195, 196, 197, 270, 285, 307, 350, 417, 419, 420, 429, 431, 435, 459, 470, 471, 502, 508, 509, 510.
Державинъ, Г. Р., 243.
Де-Роберти, 200.
Джаншіевъ, Г. А., 13, 85, 134, 173, 259, 327, 337, 344, 378, 379, 417.
Добролюбовъ, Н. А., 26, 27, 29, 34, 41, 96, 124, 447, 452, 453, 455, 457, 461, 476, 477, 484, 485, 499, 500, 511.
Долгоруковъ, А., кн., 42.
Долгоруковъ, В. А., кн., 7, 16, 30, 39, 55, 153, 154, 182, 304, 307, 309, 333, 344, 380, 388, 389.
Долгоруковъ, П., кн., 141.
Долгоруковъ, С., кн., 42.
„Домашняя Бесѣда", 155, 156, 163.
Достоевскій, М. М., 58, 112, 197, 281.
Достоевскій, Ѳ. М., 112, 197, 198, 281, 282, 283, 285, 489, 508.
Дудышкинъ, С. С., 112.
„Душеполезное Чтеніе", 86.

Екатерина II, 31, 107, 435, 473.
Елена Павловна, вел. кн., 44.
Еленевъ, Ѳ., 136.
Елисеевъ, Г. З., 57, 58, 113, 243, 245, 246, 400, 406, 436.
Ефронъ, см. Брокгаузъ.

Жадовская, Ю. В., 457.
Жданъ-Пушкинъ, 4.
Жемчужниковъ, 4.
Жерве, 42.
Житецкій, П. И., 299.
Жоржъ-Сандъ, 506.
Жуковскій, Ю. Г., 400.
Жулевъ (Скорбный поэтъ), 457.
Журба (Свячченко), 436.
„Journal de St.-Pétersbourg", 74, 100, 191, 278, 286.
Жюль-Фавръ, 505.

Заблоцкій-Десятовскій, А. П., 83.
Зайцевъ, В. А., 491.
Закревскій, А. А., гр., 7, 9, 112.
Замятнинъ, Д. Н., 333, 352, 368, 369, 378, 380, 388, 389.
„Заноза", 457, 484, 503.
Заочный (псевд.), 274.
Заринъ, Е. Ѳ., 264, 265, 266, 267.
Зарудный, С. И., 383.
Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ), 235.
Залотницкій, Н., 151.
Зотовъ, В. Р., 112.

Ивановъ, А. А., 455.
Игнатьевъ, Н. П., гр., 384.
„Иллюстрированный Листокъ", 112.
„Indépendance Belge", 38, 354.
„Искра", 139, 192, 201, 292, 294, 317, 388, 457, 482, 484, 485, 503.
„Историческій Вѣстникъ", VIII, 38, 42, 139, 140, 157, 160, 177, 198, 225, 227, 440.

Кавелинъ, К. Д., 83, 156, 185.
Кавуръ, 34.
Кантемиръ, А. Д., кн., 454.
Капнистъ, П. И., гр., 440, 441, 448, 449, 453, 455, 457, 460, 461, 470, 474, 475, 476, 482, 485, 497, 498, 510.
Касяненко, П., 299.
Катковъ, М. Н., 7, 8, 37, 57, 58, 92, 96, 97, 135, 148, 150, 154, 155, 158, 161, 162, 164, 165, 166, 191, 212, 221, 229, 231, 234, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 245, 273, 277, 278, 285, 286—295, 296, 300, 306, 345, 347, 353, 354, 357, 372, 374, 375, 376, 424, 428, 437, 502, 506, 508, 511.
Кальсіевъ, В. И., 165.
Кетчеръ, Н. Х., 7, 8.
Кирѣевскіе, бр., 468, 469.
Кислинскій, 124.
Кистяковскій, А. Ѳ., 295.
Китара, М., 9.
„Кіевлянинъ", 403.
„Кіевскій Телеграфъ", 219, 227.
Клингенбергъ, М. К., 151.
Клюшниковъ, В. П., 97, 452, 498, 508.
„Книжки Недѣли", 3, 156.
Княжевичъ, А. М., 24, 136.
Ковалевскій, Ев. П., 15, 16, 19, 24, 27, 28, 29, 31, 32, 36, 39, 40, 183, 384, 388, 389, 440, 489.
Ковалевскій, Ег. П., 185, 186.
Козловъ, 9.
Кокоревъ, В. А., 8, 9.
„Колоколъ", 9, 40, 41, 100, 135, 136, 138, 142, 146, 147, 148, 151, 153, 154, 160, 161, 165, 183, 234, 442, 443, 444.
Кольцовъ, А. В., 450, 451, 476.
Конисскій, 77.
Константинъ Николаевичъ, вел. кн., 44, 83, 85, 171, 222, 316, 368, 383.
Контъ, О., 477.
Корейша, И. Я., 34.
Корниловъ, 154.
Корсини, Н. І., 186.
Корфъ, М. А., бар., 10, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 137, 333, 357, 368, 369, 378, 380, 381, 382, 388, 389.
Коршъ, В. Ѳ., 7, 58, 192, 244, 348, 398, 510.
Костомаровъ, Вс., 457, 482.
Костомаровъ, Н. И., 31, 234, 295, 300, 301, 306, 307, 308, 474.
Котляревскій, А., 9.
Котляревскій, И. П., 473.
Кошелевъ, А. И., 8, 183.
Краевскій, А. А., 38, 58, 108, 112, 164, 191, 219, 229, 231, 232, 236, 239, 241, 242, 244, 289, 348, 428, 434, 509.
Красовскій, А. А., 151.
Кремпинъ, В. А., 58, 112.
Крестовскій, Вс., 457.
Кроль, Н. И., 187.
Кудрявцевъ, 124.
Кулишъ, П. А., 295, 474.
Кулябко, С. Н., 5.
Курочкинъ, Вс. С., 124, 125, 187, 457, 482, 483.
Кушелевъ-Безбородко, Г. А., гр., 31, 108, 112, 115, 121, 187.

Лавровъ, П. Л., 112. 401.
Лазаревъ, 124.
Ламбертъ, гр., 38.
Ламанскій, Е. И., 186.
Ламанскій, С. И., 186.
Ланской, С. С., 26, 40, 44.
Лассаль, Ф., 277.
Лашкевичъ, А., 299.
Лебедкинъ, 275.
Левшинъ, А. И., 10.
Левъ X, 456.
Ледрю-Ролленъ, 223.
Леонтьевъ, П. М., 7, 37, 191, 236, 237, 238, 240, 242, 347, 374, 502, 506, 511.
Лермонтовъ, М. Ю., 42, 450, 451, 467, 475, 476.
Ливенъ, К. А., кн., 260.
Линкольнъ, А., 401.
Лисовскій, Н. М., VIII, 400.
„Литераторы“, 397.
„Литературная Газета“, 220.
„Литератур. Прибавленія къ Русскому Инвалиду“, 220.
Литке, Ѳ. П., гр., 380, 388, 389.
Лихачевъ, 124.
Лонгиновъ, М. Н., 294.
Луи-Бланъ, 223, 477.
Лѣсковъ, Н. С., 97, 153, 156, 162, 452, 498.

Мадзини, 234, 350.
Майковъ, А. Н., 451, 457, 458.
Макеевъ, 4.
Мамонтовъ, П. Ѳ., 8.
Маркевичъ, Б. М., 448, 449, 496, 500.
Масловъ, С. Л., 8.
Медемъ, бар., 28, 32, 38.
Медичисы, 456.
Мей, Л. А., 457, 462.
Меншиковъ, А. С., кн., 83.
Меньковъ, П. К., 21, 22, 25, 139.
Милашенко, М., 299.
Милль, Д.-С., 234.
Милютина, М. А., 45.
Милютинъ, Д. А., гр., 140, 171, 221, 286, 375, 385, 386, 387, 388, 389, 434, 505, 506.
Милютинъ, Н. А., 44, 83, 383, 385, 387, 388, 389.
Минаевъ, Д. Д., 398, 457, 485.
Минкина, А. Ѳ., 398.
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, 471.
Михайловъ, М. И., 3, 457, 482.
Мицкевичъ, А., 37.
„Молва“, 14, 313.
Молешотъ, 384.
„Молодая Россія“, 152, 156, 219, 220, 298.
Мордовцевъ, Д. Л., 31.
„Морской Сборникъ“, 40, 83.
„Московскій Телеграфъ“, 313.
„Московскія Вѣдомости“, 7, 58, 165, 192, 200, 236, 237, 239, 240, 241, 242, 243, 278, 285, 286, 289, 290, 291, 293, 294, 300, 301, 306, 307, 308, 343, 345, 346, 347, 348, 350, 353, 354, 355, 356, 372, 374, 375, 376, 403, 417, 418, 426, 428, 434, 437, 459, 502, 506, 507, 508, 509.
Мсеріанцъ, З., 392.
Муравьевъ, М. Н., гр., 44, 277, 287, 288, 350, 402.
Мухановъ, Н. А., 28, 29.

Надеждинъ, Н. И., 96.
Наполеонъ I, 78.
Наполеонъ III, 36, 55, 72, 198, 200, 276, 278.
„Народная Лѣтопись“, 240, 398, 400, 401.
„Наше Время“, 58, 93—95, 112, 155, 156, 157, 163, 165, 188, 191, 196, 197, 235, 237, 278, 293, 294, 441, 442, 444, 447, 459.
Невѣдомскій, 124.
Невѣдѣнскій, 163, 164, 236, 239, 375, 376.
Некрасовъ, Н. А., 93, 112, 281, 383, 389, 425, 433, 435, 436, 457, 478—482, 511.
Н—енъ, 199.
Никитенко, А. В., 16, 17, 21, 28, 29, 31, 32, 33, 39, 55, 92, 93, 130, 131, 132, 136, 157, 188, 258, 263, 286, 289, 325, 345, 354, 356, 372, 374, 381, 382, 383, 396, 401, 403, 404, 426, 428, 437, 501.

Никитинъ, И. С., 457.
Николаи, А. П., бар., 235, 238, 247, 249, 250, 251, 252, 253, 258, 358.
Николай Александровичъ, вел. кн., 401.
Николай I, 15, 31, 42, 45, 152, 173.
Нічипоренко, И., 299.
„Новости Литературы", 220.
„Nord", 38, 74.
Норовъ, А. С., 15, 16, 260, 380, 381, 382, 383, 384, 386, 388, 389, 440.

Обертъ, 110.
Оболенскій, А. Д., кн., 132, 133, 134, 135, 166, 193, 194, 199, 202, 208, 210, 214, 244, 246, 247, 252, 253, 255, 258, 259, 260, 263, 264 266, 317, 325, 333, 358, 360, 367, 381, 387, 448.
Оболенскій, Ю. А., кн., 8.
Обручевъ, В. А., 4, 41, 52.
„Общезанимательный Вѣстникъ", 189.
Овенъ, 399.
Огаревъ, Н. П., 141, 159, 444, 455, 456, 457, 462, 463, 464, 465.
Одоевскій, В. Ѳ., кн, 135, 141.
Ольденбургскій, П. Г., герцогъ, 383, 384.
Омальскій, герцогъ, 72, 73.
Онучинъ, 4.
„Opinion Nationale", 403.
Орловъ-Денисовъ, гр., 376.
Орловъ-Денисовъ, Ф. В., гр., 25.
„Оса", 484.
„Основа", 58, 295, 308, 473.
Основьяненко (Квитка), 473.
„Остзейскій Вѣстникъ", 189.
Островскій, А. Н., 451, 496, 498, 499, 500.
„Отголоски Русской Печати", 403.
„Отечественныя Записки", 58, 112, 164, 180, 191, 192, 200, 229, 230, 232, 278, 418, 509.
„Отцы и дѣти", 92, 95, 96, 284, 314, 446, 486, 487, 490, 491, 492.
„Очерки", 236, 245.
Очкинъ, А. Н., 38, 244, 245, 246.

Павлова, К. К., 457.
Павловъ, Н. М., 160, 162, 163.
Павловъ, Н. Ф., 8, 58, 93, 95, 96, 100, 163, 166, 191, 196, 221, 234, 294, 295, 424, 441, 508.
Павловъ, П. В., 124—127.
Панаевъ, И. И., 93, 101, 103, 113, 457, 511.
Панинъ, В. Н., гр., 16, 30, 39, 40, 224, 368, 369, 378, 379, 441.
Пановскій, Н. М., 149.
Пантелѣевъ, Л. Ѳ., 124, 126, 127, 136, 156, 157, 185, 186, 188, 189.
„Пароходъ", 183.
„Парусъ", 14, 175, 183, 313.
„Pays", 73.
„Patrie", 73.
Пельтенъ, 505.
Персиньи (Persigny), 54, 55, 220, 424.
Персонъ, Ф., 134.
Песковскій, М., 398.
„Petersburges Awises", 281.
Петерсонъ, 285.
Петръ Великій, 31, 32, 89, 107, 467, 469, 471.
Печаткинъ, Е. Н., 186.
Пикулинъ, П. Я., 9.
Пиленкова, 4.
Пироговъ, Н. И., 5, 79.
Писаревскій, Н. Г., 58, 112, 220, 221.
Писаревъ, Д. И., 53, 96, 188, 200, 278, 279, 280, 331, 436, 446, 452, 491.
Писемскій, А. Ѳ., 263, 288, 452, 495.
Плетневъ, П. А., 289.
Плещеевъ, А. Н., 457, 462, 464, 465, 466, 474.
Погодинъ, М. П., 8, 34, 276, 286, 468, 469.
Погорѣльскій, 263, 327.
Познанскій, Б., 299.
Половцовъ, А. А., 39.
Полонскій, Я. П., 457, 461, 472.
Полторацкій, 124.
Поль-де-Кокъ, 275.
„Полярная Звѣзда", 135, 453.
Помяловскій, Н. Г., 187.
„Посредникъ", 100.

Постниковъ, 177, 178, 179, 180.
Потанинъ, Г. Н., 436.
Пржецлавскій, О. А., 28, 29, 32, 39, 345, 355, 356, 375, 487, 501.
Прудонъ, 477.
Прутковъ, Козьма, 294.
Путянинъ, Е. В., гр., 36, 40, 51, 53, 54, 55, 56, 57, 83, 85, 86, 101, 135, 260.
Пушкинъ, А. С., 289, 456, 474.
Пыпинъ, А. Н., 113, 212, 400, 433.
Пьеръ-Леру, 477.

Р., 291.
Радищевъ, А. Н., 233, 435.
Разсадинъ, И., 9.
„Разсвѣтъ“, 58, 112.
„Revue des Deux Mondes“, 286.
Рейтернъ, М. Х., гр., 390.
Рейтеръ, 89, 99.
Ржевскій, В. К., 263, 327.
Розенбергъ, В. А., 392.
Розенгеймъ, М. П., 457, 476, 477.
Ростовцовы, бр., гр., 188.
Ростопчина, Е., гр. 457.
Ростопчинъ, 34.
„Русская Бесѣда“, 30.
„Русская Газета“, 14, 189, 313.
„Русская Мысль“, 4.
„Русская Старина“, 5, 16, 21, 31, 33, 37, 39, 44, 45, 49, 55, 90, 93, 130, 132, 133, 136, 137, 152, 153, 157, 170, 188, 202, 244, 246, 249, 259, 263, 268, 281, 286, 288, 289, 291, 345, 354, 355, 356, 368, 369, 372, 374, 382, 383, 390, 396, 397, 398, 401, 404, 426, 437, 487.
„Русскій Архивъ“, 9, 10, 20 21, 26, 136, 141, 184, 233, 356, 438, 501, 508.
„Русскій Вѣстникъ“, 7, 8, 37, 57, 58, 71, 89, 95, 149, 154, 161, 162, 191, 192, 200, 210, 211, 212, 214, 217, 235, 236, 285, 288, 293, 353, 418, 442, 443, 444, 459, 461, 477, 508, 511.
„Русскій Инвалидъ“, 58, 100, 112, 127, 188, 193, 220, 221, 222, 286, 308, 311, 351, 402, 434, 505, 506.
„Русскій Курьеръ“, 313.
„Русскій Міръ“, 189.
„Русскія Вѣдомости“, 126, 186, 294, 295, 508.
„Русское Обозрѣніе“, 160, 162.
„Русское Слово“, 31, 53, 58, 96, 112, 163, 179, 180, 192, 199, 200, 221, 227, 232, 262, 331, 333, 334, 400, 436, 437, 446, 471, 480, 485, 487, 491, 489, 512,
Рыжовъ, А., 200.
Рыльскій, Ѳ., 299.
Рылѣевъ, К. Ѳ., 233.

Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ), 97, 210–233, 268, 272—276, 277, 279, 290, 292, 293, 345, 389, 397, 486, 490.
Самаринъ, Ю. Ф., 8, 83, 182.
„С.-Петербургскія Вѣдомости“, 38, 100, 140, 192, 194, 224, 243, 244, 245, 278, 285, 306, 312, 333, 334, 343, 349, 417, 418, 426, 428, 437, 510.
Сатинъ, Н. М., 9.
„Свѣточъ“, 89, 163.
Семевскій, В. И., VIII.
Семевскій, М. И. 90, 233.
Семеновъ, Н. И., 136.
„Сенатскія Вѣдомости“, 224.
Сенъ-Симонъ, 477, 478.
Середонинъ, С. М., 128, 129, 375.
Серно-Соловьевичъ, Н. А., 113, 186, 187.
„Siécle“, 73.
Синегубъ, Викторъ, 299.
Синегубъ, Вл., 299.
Синегубъ, Е., 299.
Синегубъ, Н., 299.
Скабичевскій, А. М., 56, 57, 235, 259, 344.
Скарятинъ, В. Д., 200, 376.
Скворцовъ, Н. С., 508.
Сколковъ, 4.
„Słowo“ („Слово“), 14.
„Современная Лѣтопись Рус. Вѣстника“, 57, 149, 155, 156, 160, 161, 214, 235, 296, 299, 300, 346.
„Современникъ“ (и „Свистокъ“), 37, 53, 58, 88, 93, 94, 95, 96, 97, 101,

112, 113, 118, 157, 163, 179, 180, 192, 199, 200, 212, 213, 221, 226, 232, 240, 243, 262, 272, 273, 274, 276, 278, 279, 290, 292, 294, 331, 333, 334, 335, 345, 346, 348, 400, 418, 420, 421, 424, 425, 431, 433, 434, 435, 446, 471, 477, 485, 487, 491, 498, 502, 503, 511, 512.
„Современное Слово", 219, 220, 221, 222, 223, 246, 276, 285, 286.
Соколовъ, 4.
Соколовъ, Н. В., 436.
Солдатенковъ, К. Т., 8.
Солонина, Г., 299.
Спасовичъ, В. Д., 5.
Срезневскій, Вс. И., VIII.
Станкевичъ, Н. В., 462, 463.
Стансфильдъ, 350.
Старчевскій, А. В., 191.
Стасовъ, В. В., 3.
Степановъ, П. И., 8.
Стефановичъ, А., 299.
Столыпинъ, А. А., 42.
Стояновскій, Н. И., 414.
Стояновъ, Ал., 299.
Страховъ, Н. Н., 282, 283, 284, 285.
Стремоуховъ, П., 49, 50.
Строгановъ, С. Г., гр., 16, 39.
Суворовъ, А. А., кн., 287.
Судейкинъ, В. Т., 136.
Супруненко, И., 299.
Сухозанетъ, Н. О., 384.
Сушковъ, С., 356, 501.
„Сынъ Отечества", 155, 163, 191, 192, 235, 243, 274, 418, 445, 447.
„Сѣверная Почта", 51, 92, 93, 97, 124, 132, 135, 157, 166, 167, 174, 178, 179, 181, 193, 196, 197, 223, 224, 233, 234, 235, 237, 242, 243, 270, 274, 281, 285, 286, 312, 317, 349, 377, 389, 394, 395, 413, 417, 426, 427, 428, 429, 433, 436, 437.
„Сѣверная Пчела", 90, 100, 112, 117, 138, 139, 140, 152, 153, 154, 156, 161, 162, 163, 189, 191, 192, 221, 223, 224, 226, 234, 259, 442, 443, 445, 447.
Татищевъ, С. С., 44, 179, 232.
Телятниковъ, А., 140.
Тибленъ, Н. Л., 124.
„Tygodnick", 39, 356.
Тимашевъ, А. Е., 28, 29, 33.
„Times", 98, 376.
Тихомандритскій, А. Н., 501.
Тищенко, А., 299.
Толстой, А. К., гр., 42, 48, 314, 457, 462.
Толстой, Д. А., гр., 385, 387.
Толстой, Д. Н., гр., 49,
Толстой, И. М., 333, 380, 385.
Толстой, Л. Н., гр., 219, 228, 229, 451, 486, 496.
Торскій, В., 299.
Тройницкій, А. Г., 17, 21, 22, 25, 28, 29, 93, 268, 269, 333, 354, 355, 357, 371, 390.
Тургеневъ, И. С., 83, 95, 96, 97, 275, 314, 446, 447, 451, 487, 490, 491, 492, 493, 494, 495.
Тургеневъ, Н. И., 377, 379.
Туруновъ, М. Н., 413, 501.
Туръ, Е., 486.
Тучкова-Огарева, Н. А., 136.
Тучковъ, П. А., 85, 86, 136.
Тютчевъ, Ѳ. И., 263, 287, 451, 457, 458, 459, 460.

Уваровъ, С. С., гр., 16, 184, 260.
Урусовъ, С. А., кн., 378, 379.
Усовъ, П. С., 56, 112, 132, 139, 140, 152, 154, 157, 160, 161, 162, 165, 167, 173, 174, 177, 190, 191, 198, 219, 223, 224, 225, 227, 232, 235, 259, 344, 440.
Утинъ, Н. И., 125, 126, 185, 186.

Фаресовъ, А. И., 156.
Фетъ, А. А., 457, 459, 460.
Филаретъ, митроп. москов., 9, 14, 51, 53, 85, 86, 89, 100, 111.
Фойницкій, И. Я., 392.
Фонъ-Визинъ, Д. И., 454.
Фонъ-Крузе, Н. Ѳ., 7, 8.
Фредериксъ, 42.
Френкель, 426, 427, 434.

Фуксъ, В., 32, 56, 82, 101, 106, 107, 108, 134, 196, 197, 263, 318, 325, 404, 413. 428, 429.
Фурье, 478.

Харламовъ, 124.
Хомяковъ, А. С., 8, 457, 468, 469, 470.

Цвѣтковъ, К., 160, 163.
Цеэ, В. А., 133, 139, 142, 152, 153, 163, 165, 190, 220, 225, 238.

Чевкинъ, К. В., 16, 40, 441.
Чернышевскій, Н. Г., 5, 6, 34, 57, 101, 113, 124, 152, 156, 157, 180, 185, 186, 187, 234, 278, 279, 280, 298, 331, 384, 401, 452, 453, 457, 461, 486, 487, 511, 512.
Чижовъ, Ѳ. В., 179, 182—184.
Чичеринъ, Б. Н., 94, 95, 165, 229, 294, 441, 446.
„Что дѣлать?“, 278, 280, 281, 486, 487.
Чубинскій, П., 299.

Шевченко, Т. Г., 295, 457, 467, 472, 473, 474, 475.
Шевыревъ, С. П., 34, 468, 469.
Шедо-Ферроти (бар. Ѳ. И. Фирксъ), 135, 142 — 149, 188, 309, 312, 345, 352, 353, 354, 355, 356, 403, 408.
Шелгунова, Л., 400.
Шелгуновъ, Н. В., 1, 2, 5, 136, 279, 280, 399.
Шепковскій, 294.

Ширковъ, В., 392.
Широбоковъ, 124.
Шишмаревъ, 21, 22, 24, 25, 417.
Штюрмеръ, 133.
Шуваловъ, А., 42.
Шумахеръ, А. Д., 45, 46, 83.
Шумахеръ, П. В., 201.

Щаповъ, А. П., 234, 246.
Щегловъ, Д., 174, 175, 176, 177, 178, 219.
Щепкинъ, М., 200.
Щепкинъ, М. С., 7, 8.
Щепкинъ, Н. М., 9.
Щербатовъ, Г. А., кн., 185.
Щербина, Н. Ѳ., 448, 457, 460, 461.
Щербининъ, М. П., 181, 381, 413, 438.

„Экономистъ“, 112.
„Экономическій Указатель“, 189.
Энгельгардтъ, VIII, 440.
„Энциклопедическій Словарь“, 112.
„Эпоха“, 240, 285, 508, 509.

Юркевичъ, П., 89.
Юсуповъ, кн., 136.

Якушкинъ, Е. И., 8.
Якушкинъ, П. И. 29, 30.
Янкевичъ, 14, 22, 56, 101, 103, 106, 107, 108, 134.
„Ясная Поляна“, 219, 228, 229.

Ѳеоктистовъ, Е. М., 263, 318, 320, 325, 329, 364.

Важнѣйшія опечатки.

					Напечатано:	Слѣд. читать:
Стр.	7.	Сверху	19	стр.	Фонъ-Краузе	Фонъ-Крузе
„	8.	Снизу	11	„	тоже	
„	270.	„	9	„	Блудова.	Блудову.
„	296.	Сверху	12	„	„Сѣверной“	„Современной“
„	299.	„	15	„	Губинскій	Чубинскій

